

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2024. № 499. Февраль

- ФИЛОЛОГИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2024. № 499. February

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Азарова В.Н. Детская тема на страницах сибирской периодической печати (по материалам газеты «Сибирская жизнь», 1897–1900 гг.)	5
Андоскина В.А. Импрессионизм в творчестве А. П. Чехова: история термина	12
Бородихин А.Ю. «Все это дело обставилось какою-то тайною»: судьба рукописей Изборника Святослава и книжная традиция сибирских старообрядцев второй половины XIX–XXI вв.	20
Дахалаева Е.Ч. Характеристики автореферентных и инореферентных компонентов дискурса саморефлексии французских женщин «третьего возраста»	28
Первунина С.И. Особенности референции субъектов в русских пословицах с формами третьего лица	41
Шелестюк Е.В. Перевод сленга в англоязычных кинотекстах в свете несовпадения жанрово-стилистических канонов русского и английского языков	49

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Джаббаринасир Х.Р. Политическая власть в Иране: особенности влияния неформальных групп	59
Захарова Е.А. Электоральные циклы в Грузии: опыт пространственного анализа	69
Южаков В.Н., Масленникова Е.В. Оценка регулятивных издержек бизнеса в сфере контрольной (надзорной) деятельности: социологический анализ	80

ИСТОРИЯ

Алексеев Т.В. Военное судостроение в азиатской части Российской империи: результаты изучения и оценки отечественных исследователей	94
Архангельская Л.В. Воспитательный процесс в женских средних школах (по материалам Пермской губернии второй половины XIX – начала XX в.)	105
Ахмедов Т.А. Оккупация и освобождение территории курдов-езидов в Ираке от боевиков «Исламского государства Ирака и Леванта» в 2014–2015 гг.	116
Миронюк С.А. Причины, ход и результаты государственного переворота Сидониу Паиша (5–8 декабря 1917 г.) в Первой Португальской республике в документах Военного Кабинета Великобритании	123
Нилогов А.С. Документальная реконструкция родословной А.М. Топанова (к 120-летию со дня рождения)	132
Потапов А.К. Роль республиканских КГБ в создании народных фронтов и движений Прибалтики (на примере Латвийской ССР) в годы перестройки	141

CONTENTS

PHILOLOGY

Azarova V.N. Children's theme on the pages of Siberian periodicals (based on materials from the newspaper <i>Sibirskaya zhizn'</i> , 1897–1900)	5
Andoskina V.A. Impressionism in Anton Chekhov's works: History of the term	12
Borodikhin A.Yu. "This whole matter was surrounded by some kind of mystery": The fate of the manuscripts of Svyatoslav's <i>Izbornik</i> and the book tradition of Siberian Old Believers of the second half of the 19th–21st centuries	20
Dakhalaeva E.Ch. Characteristics of self-referential and other-referential components of the self-reflection discourse of third-age French women	28
Pervunina S.I. Peculiarities of subject reference in Russian proverbs with third-person forms	41
Shelestyuk E.V. Translation of slang in English films in the light of difference of genre and stylistic canons of the Russian and English languages	49

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Jabbarinasir H.R. Political power in Iran: Features of informal groups' influence	59
Zakharova E.A. Georgia electoral cycles: Spatial analysis	69
Yuzhakov V.N., Maslennikova E.V. Assessment of regulatory costs of business in the field of control (supervisory) activities: A sociological analysis	80

HISTORY

Alekseev T.V. Military shipbuilding in the Asian part of the Russian Empire: Results of studies and evaluation by domestic researchers	94
Arhangelskaya L.V. Educational process in women's secondary schools (based on materials from Perm Province of the second half of the 19th – early 20th centuries)	105
Akhmedov T.A. The occupation and liberation of the territory of the Yazidi Kurds in Iraq from militants of the Islamic State of Iraq and the Levant in 2014–2015	116
Mironiuk S.A. The causes, dynamics and results of the Sidónio Pais's coup d'état (5–8 December 1917) in the First Portuguese Republic in the documents of the British War Cabinet	123
Nilogov A.S. Documentary reconstruction of Aleksandr Topanov's family tree (to the 120th anniversary of his birth)	132
Potapov A.K. The role of the Republican KGB in the creation of the people's fronts and movements of the Baltic (on the example of the Latvian KGB) during the years of perestroika	141

ПЕДАГОГИКА

Бутыч Н.С., Маюрова И.А. Разработка персонализированных программ здоровья студентов на основе биоимпедансного анализа состава тела	147
Кучерова А.В. Технология управления системой физической подготовки лыжников-гонщиков	157
Поршнева Е.Р., Лешканова Е.О. Условия формирования основ координативного трилингвизма при обучении двум иностранным языкам	166
Поспелов А.В. Повышение мотивации к занятиям физической культурой в школе средствами интегрированного обучения	176
Савченко У.А., Прокопенко Н.И. Цифровые инструменты преподавателя: организация смешанного обучения в вузе	183
Соколова Н.А., Черникова Е.Г., Сиврикова Н.В., Пташко Т.Г. Формирование у будущих педагогов конструктивных стратегий поведения в конфликте	194

ПРАВО

Долгиев М.М. Новая концепция уголовной политики в сфере защиты национальной безопасности России	204
Миняева Т.Ф., Добряков Д.А. Ответственность за призывы к совершению преступления в уголовном праве Российской Федерации	210
Хохлов Е.Б., Демидов Н.В. Царские грамоты об освоении Сибири как правовые акты колониальной политики Российского государства в XVI–XVII вв.	219

PEDAGOGICS

Butych N.S., Mayurova I.A. Development of personalized health programs for students based on bioimpedance analysis of body composition	147
Kucherova A.V. Technology for controlling the physical training system of ski racers	157
Porshneva E.R., Leshkanova E.O. The conditions of forming coordinative trilingualism basics when teaching two foreign languages	166
Pospelov A.V. Increasing motivation for physical education at school through integrated learning	176
Savchenko U.A., Prokopenko N.I. Teacher's digital tools: Organizing blended learning in higher education	183
Sokolova N.A., Chernikova E.G., Sivrikova N.V., Ptashko T.G. Formation of constructive strategies of behavior in conflict in future teachers	194

LAW

Dolgiev M.M. A new concept of criminal policy in the field of protection of Russia's national security	204
Minyazeva T.F., Dobryakov D.A. Liability for calls to commit a crime in the criminal law of the Russian Federation	210
Khokhlov E.B., Demidov N.V. Royal charters about the development of Siberia as legal acts of the colonial policy of the Russian state in the 16th–17th centuries	219

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 070
doi: 10.17223/15617793/499/1

Детская тема на страницах сибирской периодической печати (по материалам газеты «Сибирская жизнь», 1897–1900 гг.)

Василиса Николаевна Азарова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
litisa@yandex.ru

Аннотация. Выявляется востребованность темы детства в дореволюционной периодической печати Сибири на примере ведущей газеты «Сибирская жизнь». Анализируются литературные и литературно-критические публикации, проводится количественное исследование востребованности детской тематики, выявляются наиболее обсуждаемые на страницах газеты темы. Делается вывод о том, что тема детства освещалась по-разному в художественных материалах и в журналистских публикациях, и это было связано прежде всего с установкой газеты на действенность и пробуждение гражданского самосознания у регионального читателя.

Ключевые слова: детство, детская тематика, Сибирская жизнь, дореволюционная периодика, контент-анализ

Для цитирования: Азарова В.Н. Детская тема на страницах сибирской периодической печати (по материалам газеты «Сибирская жизнь», 1897–1900 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 5–11. doi: 10.17223/15617793/499/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/1

Children's theme on the pages of Siberian periodicals (based on materials from the newspaper *Sibirskaya zhizn'*, 1897–1900)

Vasilisa N. Azarova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, litisa@yandex.ru

Abstract. The article considers literary, journalistic and advertising materials devoted to childhood and children, published in a Siberian pre-revolutionary periodical. At the end of the 19th and beginning of the 20th centuries, the topic of childhood was constantly covered in Russian periodicals, which was connected with the growth in public education, the development of children's pedagogy, as well as with the general humanization of the public sphere. Texts about children were written not only by the capital's newspapers, but also by regional newspapers and magazines, which made a great contribution to drawing public attention to the situation of young Russian residents. The aim of this study is to determine the demand for the themes of childhood and the features of their coverage in one of the leading regional newspapers of Russia – *Sibirskaya zhizn'*, which was published in Tomsk from 1897 to 1919. The newspaper was founded by the famous Siberian businessman and philanthropist Petr Makushin, covered the life of Western and Eastern Siberia, wrote about Russian and foreign events. The average circulation was about 10,000 copies. It is plain to see the scope of this newspaper's influence over quite a large territory. This study conveys its research through such means as selection of materials, determination and analysis of volumes of materials, identification of main topics of these themes and features of their presentation. The empiric material consists of publications providing insight into themes of childhood in issues of the newspaper *Sibirskaya zhizn'* published from November 1897 to December 1900. The main methods of the study were frontal analysis of the newspaper content, complex analysis of the periodical, content analysis, historical-typological and structural-thematic analysis. The author comes to the conclusion that the topic of childhood was in demand by the society, the materials about children were published in every fourth issue of the newspaper, although they were small in volume. The genre palette includes a relatively small number of forms: story, essay, report, note, review, article. The most frequently discussed topics in the newspaper were school, parents, poverty, health, charity, books, and education. In addition, while the literature mainly paints a dramatically negative picture of children's life, attracting reader's attention to a social problem, journalism acts as a kind of "counterweight" to it, showing real examples of assistance to children from society's side. Journalists of the 19th century saw the life of children as extremely difficult, consisting of difficult learning, hard and destructive labor, brutal environment, full of orphanhood and poverty. But *Sibirskaya zhizn'* tirelessly stressed that children are fragile, that they need protection, support and care that society can and ought to provide to them.

Keywords: children's theme, *Sibirskaya zhizn'*, content analysis, pre-revolutionary journalism

For citation: Azarova, V.N. (2024) Children's theme on the pages of Siberian periodicals (based on materials from the newspaper *Sibirskaya zhizn'*, 1897–1900). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 5–11. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/1

Введение

Одним из общепринятых тезисов, относящихся к освещению темы детства в дореволюционной журналистике и литературе, является утверждение о чрезвычайной востребованности детской тематики в общественно-политических газетах и литературных «толстых» журналах. Фронтальный анализ содержания годовых подшивок сибирских органов печати также подтверждает достаточно частотное упоминание проблем, относящихся к положению детей в дореволюционном обществе: журналистские материалы о детском образовании, вовлечении в среду криминала, борьбе с детскими болезнями и другие перемежаются с рассказами о детях, а также с призывами к общественности обратить внимание на бедных детей, помочь им деньгами или вещами. Однако до сих пор нет работ, в которых проводилось бы количественное исследование такого рода публикаций, позволяющих выявить действительную востребованность детской тематики в дореволюционных изданиях. Современные методики, в частности контент-анализ, позволяют решить эту проблему.

Цель настоящей работы – выявление востребованности темы детства в публикациях дореволюционной периодической печати на материале ведущей газеты сибирского региона «Сибирская жизнь». Для этого необходимо было решить целый ряд задач, таких как определение понятия детства, выделение основных критериев для выборки материалов о детстве, подготовка и проведение контент-анализа, осмысление полученных результатов.

Материалом исследования стали номера газеты «Сибирская жизнь» за 1897–1900 гг. (всего 893 номера). Хронологические рамки обусловлены тем, что в ноябре 1897 г. произошло переименование газеты «Томский листок» в «Сибирскую жизнь», т.е. это первый месяц выхода издания (об истории газеты «Сибирская жизнь» см.: [1]). 1900 год выбран как рубежный между XIX и XX вв.

Необходимо отметить, что газета «Сибирская жизнь», основанная известным сибирским предпринимателем и меценатом П.И. Макушиным, довольно часто попадала в сферу исследовательского внимания. Исследователи постоянно обращаются к истории развития самого издания [1] и к темам, отраженным на страницах газеты: это местное самоуправление [2], кадетские организации [3], дамские комитеты в годы Первой мировой войны [4] и пр. Однако освещение детской тематики на страницах «Сибирской жизни» до сих пор не было объектом исследовательского внимания. Между тем, как отмечают ученые, по отношению общества к детям и в целом к детству, как условию воспроизводства самого себя, можно судить об уровне зрелости и цивилизованности общества [5].

«Детство»: понятие, специфика, границы детства

Прежде чем сформировать выборку публикаций «Сибирской жизни» для проведения контент-анализа, необходимо было прежде всего определиться с понятием «детство», чтобы понять, например, возрастные

границы детства и в зависимости от этого рассматривать или не рассматривать публикации об обучающихся в училищах, об абитуриентах и т.д.

Термин «детство» достаточно широко используется в разных сферах жизни общества, исследуется специалистами разных направлений: медицины, педагогики, психологии, лингвистики, философии и многими другими, однако до сих пор окончательно не существует системного научного понятия детства, «как особого состояния, выступающего составной частью системы общества» [6]. Акцентируя внимание своих поисков на разных аспектах явления, исследователи на сегодняшний момент сходятся в одном – в представлении о детстве как подготовительном этапе к взрослой жизни, утверждается незрелость и зависимость детства, неполноценность и неспособность ребенка существовать без взрослого ни психологически, ни физически. Отсюда вытекает очевидность необходимого внимания к детству со стороны общества, государства.

Однако это представление о детстве существовало в обществе не всегда. Французский историк Ф. Арьес, исследуя понятие детства на протяжении исторического развития человека и его отличия в разные эпохи, отмечал, что в «старом традиционном обществе» длительность детства сводилась к «самому хрупкому периоду», когда маленький человек не может обойтись без посторонней помощи [7]. «Зарождение нового образа детства» исследователи связывают с концом XVII в. и появлением школ, когда наблюдается рост интереса к ребенку во всех сферах культуры, более четко различаются хронологически и сознательно детский и взрослый миры, а также происходит признание за детством социальной и психологической ценности [6]. Увеличение продолжительности периода детства и изменение положения ребенка в обществе Д. Эльконин связывает с усложнением жизни общества, с необходимостью все больше и больше удлинять период обучения, что не всегда, к сожалению, приводит к включению выросшего человека в социум и производственные процессы [8].

До сих пор не существует единого сформировавшегося возраста вступления во взрослую жизнь, а следовательно, окончания детства. В разных странах сегодня этот возраст варьируется от 18, как в современной России, до 21 года (Аргентина, Индонезия, Египет). Попытки определить верхнюю временную границу детства, характерную для выбранного периода, не увенчались успехом. Этот вопрос рассматривался под разными углами: юридические права, получаемые в момент совершеннолетия; уголовная ответственность; включенность в производственный процесс. Так, в дореволюционной России совершеннолетие, т.е. получение юридических прав, наступало в 21 год, а вот судебная практика проводила эту границу значительно раньше. Некоторые виды уголовной ответственности (хоть и в смягченной форме) могли наступить уже в 10 лет, 14-летние наказывались с той же строгостью, что и взрослые преступники [9]. С точки зрения производства и сферы услуг, дети – дешевая рабочая сила. В этот период детский труд использовался без ограничений наравне со взрослым, а законы об ограничениях

детского труда только начинали обсуждаться в обществе и приниматься на законодательном уровне.

В конце XIX – начале XX в. тема детства постоянно освещалась на страницах российских периодических изданий, что было связано с ростом народного просвещения, развитием детской педагогики, а также с общей гуманизацией общественной сферы. О детях писали не только столичные издания, но и региональные газеты и журналы, которые внесли большой вклад в привлечение внимания общества к положению юных российских жителей.

Вопрос о границе между периодом детства и взрослой жизнью до сих пор остается спорным, дискуссионным и, вероятно, не имеющим определенного и четкого решения. В связи с этим было принято решение ориентироваться на широкий спектр ключевых слов, связанных с детством и упоминаемых авторами публикаций «Сибирской жизни».

Формирование выборки

Необходимо отметить, что вычисление точных объемов исследуемых материалов в абсолютных значениях пока вызывает ряд сложностей. Газета «Сибирская жизнь» оцифрована Научной библиотекой ТГУ, что позволяет работать с источниками без ограничения по времени и без привязки к месту. Однако эти версии файлов не дают возможности работать с текстом как с набором символов. Для выяснения точного объема в знаках программными методами, а также для подготовки текстов к публикации или переизданию, необходим перенос материалов, что требует дополнительных временных и энергетических ресурсов.

Однако выяснить примерное соотношение общего объема опубликованного текста и реального объема текстового корпуса детской тематики вполне возможно и при работе с оцифрованными газетными страницами.

Основным методом сбора публикаций послужил фронтальный анализ всего содержания номеров газеты «Сибирская жизнь» за 1897–1900 гг., 893 номера. Ключевыми словами, которые послужили для формирования выборки публикаций «Сибирской жизни», послужили следующие: «дети», «детство», «детский», «ребенок», «детка», «мальчик», «девочка», «малыш», «брат», «сестра» и производные от этих слов. Также учитывались слова, связанные с детством: «колыбель», «младенец», «колыбельная», «ученье», «школа», «школьник», «класс» и под.

Для анализа было отобрано 125 материалов разного объема и содержания, начиная от объявлений и рекламы и заканчивая объемными литературными произ-

ведениями, историческими очерками и педагогическими размышлениями. В большинстве случаев это тексты, в которых фигурируют дети – один или несколько: они могут становятся героями материала либо второстепенными персонажами. В ряде случаев ситуации, связанные с детьми, иллюстрируют умозаключения автора (например, в материалах о тяжелом положении бедных женщин). В публикациях затрагиваются темы, напрямую связанные с детством – это вопросы школы и образования, тяжелый детский труд, здоровье, питание и отдых детей, отношения с родителями, детская литература и пр.

При этом необходимо учесть определенный процент погрешности при «ручном» выявлении материалов, что позволяет констатировать: в «Сибирской жизни» было не меньше 125 выявленных материалов – хотя остается вероятность, что какие-то материалы не попали в выборку (например, из-за отсутствия номеров газеты в фонде Научной библиотеки ТГУ).

Дизайн исследования

В некоторых номерах встречается сразу несколько материалов, связанных с детской тематикой, в некоторых опубликован один материал, в отдельных номерах журналисты не обращались к теме детства, в то же время некоторые «детские» материалы публиковались с продолжением в 2-, 3-, 4-м номерах.

Было обнаружено, что из 893 номеров публикации на детскую тему появились в 220 номерах, что составляет 25% (¼) от общего числа выпущенных за этот период номеров (табл. 1).

Всего за указанный период (три года) было опубликовано 125 материалов. Объем материалов с детской тематикой от общего объема материалов, опубликованных за этот период, сравнительно небольшой и составил 1,5% (табл. 2).

Работа с оцифрованными номерами газеты позволяет также выяснить приблизительный объем номера в знаках. «Сибирская жизнь» в этот период выходила в формате А2, газетный номер чаще всего насчитывал 4 полосы (встречались также 6, очень редко – 8 страниц). Материалы верстались в пять колонок, средняя длина строки в колонке составляла 45 знаков. Исключив повторяющиеся из номера в номер элементы: «шапку», располагающуюся в верхней части первой полосы (логотип, подписная информация, номер и дата выхода, информация для авторов и пр.), объявления, занимающие часть первой и всю четвертую полосы, можно высчитать приблизительный объем номера, который занимает содержательная текстовая его часть. Он составляет приблизительно 73 350 знаков (табл. 3).

Таблица 1

Доля номеров, содержащих детскую тематику

Количество номеров за 3 года, шт.	893
Количество номеров с материалами о детях, шт.	220
Доля номеров от общего количества, %	25

Таблица 2

Доля материалов о детях в «Сибирской жизни»

Общий объем за 3 года, знаки	65 501 550
Объем материалов о детях за 3 года, знаки	957 450
Доля объема корпуса от общего объема, %	1,5

Таблица 3

Приблизительный объем материалов номера газеты в знаках

Передовая	4 950
Телеграммы	3 150
2 полоса	32 625
3 полоса	32 625
ИТОГО в номере	73 350

Для каждого исследуемого текста в ручном режиме рассчитывалось количество занимаемых строк. Далее путем умножения количества строк на длину строки (45 знаков) мы получили общий приблизительный объем материала в знаках.

$$\text{Объем материала в знаках} = \text{Количество строк} \times 45 \text{ знаков.}$$

Это позволило определить, насколько объемными были публикации в «Сибирской жизни», относящиеся к детской тематике, и в зависимости от этого сделать вывод, использовались ли в освещении темы детства информационные материалы (небольшого объема) или же развернутые художественно-публицистические и литературные материалы.

Исследование показало, что детская тема «красной нитью» проходила через все внутреннее пространства газеты, она освещалась практически во всех жанрах, даже в рекламно-информационных. Так, самый маленький материал на детскую тему в газете «Сибирская жизнь» насчитывал 294 знака: это объявление Правления Духовной Барнаульской семинарии о том, что «детей светского звания будет приниматься не более 5 человек (10% от общего числа поступающих), на основании циркулярного указа Св. Синода» [10. 1900. № 160].

Наиболее объемные материалы, превышающие 40 000 знаков, встретились в выборке два раза. Это «Педагогические заметки» профессора Императорского Томского университета И. Малиновского [10. 1899. № 55, 58, 62, 64] – 45 855 знаков, и «На каникулах» Д.Е. Лаппо [10. 1900. № 124, 127, 128] – 42 705 знаков. В остальных случаях публикации насчитывали примерно 5 715 знаков. Это позволяет сделать вывод о том, что в целом детская тема была представлена небольшими материалами в самых разных жанрах. Выяснение их спектра было следующей задачей исследования.

Жанрово-тематический спектр публикаций о детстве в «Сибирской жизни»

Детская тема освещалась в газете «Сибирская жизнь» как в журналистских жанрах (статьи, отчеты, обзоры), так и в литературно-художественных (рассказы, новеллы, стихотворения, очерки, зарисовки и т.д.).

Количественное соотношение этих двух категорий в выборке сложилось следующим образом: 35 текстов (44%) от общего числа материалов – это литературные произведения; 76 текстов (56%) – журналистские тексты.

Литературные произведения о детях, опубликованные в «Сибирской жизни» в исследуемый период, представлены в следующих жанровых формах: рассказ, новелла, пьеса, стихотворение, этюд, поэма в прозе, притча. Наибольшим количеством текстов представлен жанр **рассказа** (23 текста общим объемом 321 794 знака), далее со значительным отрывом следуют **новелла** (6 текстов общим объемом 67 320 знаков), причем три из шести произведений обозначены как переводы (с польского и французского). Кроме этого, в исследуемый период в «Сибирской жизни» были опубликованы 2 **пьесы** (19 980 знаков), 2 **стихотворения** (2 550 знаков), **поэма в прозе** (3 960 знаков) и **притча** (3 150 знаков).

Журналистские жанры, в которых отражалась детская тематика, можно разделить на информационные, аналитические и художественно-публицистические.

К информационному блоку относятся 27 текстов (суммарным объемом 134 910 знаков), написанных в жанрах отчета, заметки и репортажа.

В результате исследования было обнаружено, что самым востребованным в газете оказался жанр **отчета** – за исследуемый период было опубликовано 15 текстов (107 325 знаков), в которых освещалась деятельность томских обществ (Томское общество содействия физическому развитию, Общество взаимного вспомоществования учащимся и учащим, Общество попечения начальным образованием и комитет народных чтений и др.), томских начальных и средних школ и т.д.

Кроме отчетов, довольно часто детская тема освещалась в жанрах **заметки** (11 текстов, 21 725 знаков), а также был обнаружен **репортаж** «Наше утро» (5 850 знаков) [10. 1899. № 250]: автор (Н. Т-ва) описывала в нем картину утра на зимней площадке, организованной для детей Обществом содействия физическому здоровью.

Аналитические материалы представлены наибольшим количеством текстов – 42 (355 050 знаков) в пяти жанровых формах: эссе, статья, обзор, рецензия, комментарий. Самым используемым жанром здесь является **эссе** (17 текстов, 82 350 знаков); **статьи и обзоры** вышли в равном количестве (по 9 текстов, 110 250 знаков и 113 895 знаков соответственно). Немного реже встречаются **рецензии** на книги (6 текстов, 22 185 знаков), при этом обращает на себя внимание то, что рецензенты давали оценку не только художественным произведениям, но и учебникам. Самым редким аналитическим жанром стал **комментарий** (1 575 знаков): под заголовком «Интересы дня: малолетние в цирке» [10. 1899. № 263] М. Бейлин

комментировал «Закон о недопустимости выступлений детей в цирке до 12 лет», высказывая мысль о том, что возраст ограничения лучше сдвинуть на 16 лет.

Художественно-публицистических текстов в газете было сравнительно немного: всего 7 текстов объемом 49 725 знаков. Авторы использовали в основном три жанра: фельетон (3 текста, 18 585 знаков), очерк (2 текста, 18 765 знаков) и биографию (2 текста, 18 000 знаков) – обе были посвящены педагогам Е.И. Конради и К.Д. Ушинскому [10. 1900. № 277].

Отдельно необходимо сказать об **объявлениях**: в выборку попало 15 уникальных объявления, но в количественные подсчеты они не были включены, поскольку одно и то же объявление могло появляться в разных номерах. Больше половины объявлений (7) – это подписки на детские и педагогические журналы

(«Игрушечка», «Задумчивое слово», «Товарищ для детей», «Образование», «Вестник Воспитания», «Педагогический листок» и «Церковно-приходская школа»), три объявления рассказывают, что читать детям («Жизнь животных» Брема; сборник рецензий из журналов Курнина; Издания Е.В. Лавровой и Н.А. Попова), три объявления сообщают о наборе детей в учебные учреждения (частное начальное училище М.Я. Леманкина, Барнаульское духовное училище, частная школа В.И. Шешуковой), одно объявление рекламирует средство «Одоль» для полоскания рта и имеет форму просветительского материала о том, как матери должны следить за гигиеной своих детей. Средний объем их около 2 600 знаков.

В результате исследования было обнаружено 18 жанровых форм, используемых авторами «Сибирской жизни» для освещения темы детства (табл. 4).

Таблица 4

Жанры материалов, освещающих детскую тематику

Жанр	Кол-во	Жанр	Кол-во	Жанр	Кол-во
Рассказ	22	Статья	9	Сценарий	2
Эссе	17	Новелла	6	Биография	2
Отчет	15	Рецензия	6	Комментарий	1
Объявление	15	Фельетон	3	Поэма в прозе	1
Заметка	11	Очерк	2	Притча	1
Обзор	9	Стихотворение	2	Репортаж	1

Из них наиболее часто встречающихся 7: рассказ, эссе, отчет, заметка, обзор, статья и объявления. Журналистские материалы публиковались в два раза чаще литературных, однако в силу большого объема последних, место на полосе эти виды текстов занимали примерно равное.

Что же касается основных тем, отражающих вопросы детства на страницах газеты, то их выявление проводилось методом контент-анализа. Предварительно все изученные тексты маркировались кодами – ключевыми словами, отражающими тематику текста (не более четырех на один текст, поскольку некоторые объемные тексты отражали сразу несколько тем). Общее суммарное количество кодов составило 280 (в

среднем 1,5 кода на текст), после удаления дублирующихся тем осталось 78 уникальных кодов. Два и более раз повторились в разных текстах 47 кодов, 21 код повторился четыре и более раз. Полноценный контент-анализ проводился с наиболее частотно встречающимися кодами.

Самой освещаемой темой изучаемого периода стала тема школы, третья часть всех материалов (44) посвящена ей. На второе место вышла тема родителей: 22 материала коснулись этой темы. Третье место по частоте отражения разделили сразу несколько тем: бедность (15), здоровье (14), благотворительные общества (14), книги (14), образование (13) (табл. 5).

Таблица 5

Тематический анализ материалов о детях и детстве в «Сибирской жизни»

Код темы	Тема	Количество текстов
1	Школа	44
7	Родители	22
6	Бедность	15
5	Здоровье	14
3	Благотворительные общества	14
2	Книги	14
8	Образование	13
21	Питание	10
10	Учитель	10
15	Сиротство	9
13	Дети в трудной ситуации	9
11	Опыт	8
9	Детский труд	8
16	Смерть детей	7
14	Реформы	7
20	Экзамены	6
17	Летние колонии	6

Тема детства раскрывалась в газете «Сибирская жизнь» очень многопланово. Значительная часть материалов, посвященных детской тематике, носила острый злободневный характер, но встречались и журналистские произведения, которые посвящались решению некоторых проблем, связанных с детьми.

Заключение

Таким образом, результаты проведенного контент-анализа позволяют говорить о том, что тема детства действительно была востребована на страницах ведущей дореволюционной газеты Сибири – «Сибирской жизни». Она отражалась как в художественных, так и в журналистских произведениях, опубликованных в этом органе периодики.

Материалы о детстве были представлены в основном небольшими жанровыми формами: наиболее часто встречающийся объем материалов едва достигал шести тысяч знаков. Жанры использовались самые разные, начиная от объявлений и рекламы и заканчивая объемными историческими очерками и педагогическими статьями, публиковавшимися на протяжении

нескольких номеров. Журналистские материалы публиковались в два раза чаще литературных, а самыми обсуждаемыми темами на страницах газеты были школа, родители, бедность, здоровье, благотворительные общества, книги и образование.

Необходимо подчеркнуть также, что тема детства освещалась достаточно регулярно: четвертая часть номеров от годовой подшивки наполнялась материалами о детях.

В целом жизнь ребенка рисовалась достаточно трудным, часто непосильным периодом – сложная учеба, тяжелый разрушающий труд, грубое и жестокое окружение, сиротство и бедность. Ребенок нуждался в защите, поддержке, заботе, а предоставить эту защиту ему, по мнению «Сибирской жизни», обязано было общество. Если литературные произведения в основном создавали драматический образ несчастного детства, то журналистика выступала своеобразным «противовесом», показывая примеры помощи детям со стороны общества.

Исследование этой «системы противовесов» на страницах сибирской периодики является перспективой дальнейшего изучения выявленного материала.

Список источников

1. Жиликова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 446 с.
2. Долидович О.М. Дамские комитеты Томска в годы первой мировой войны (по материалам газеты «Сибирская жизнь») // Женщина в российском обществе. 2017. № 3 (84). С. 93–102.
3. Харусь О.А. Газета «Сибирская жизнь» как источник по истории кадетских организаций Сибири в 1905–1919 гг. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 227–240.
4. Гермизеева В.В. Обсуждение вопросов местного управления на страницах газеты «Сибирская жизнь» // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 11–4. С. 577.
5. Концептуальные подходы к феномену «детство»: аксиологический аспект : хрестоматия / авт.-сост. С.О. Ларионова ; ФБГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2014. 104 с.
6. Нефёдова Л.К. Феномен детства в основных формах его репрезентации: философия, миф, фольклор, литература : дис. ... д-ра филос. наук. Омск : Омский государственный педагогический университет, 2005. 337 с.
7. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке : Другая история. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
8. Эльконин Б.Д. Кризис детства и основания проектирования форм детского развития // Вопросы психологии. 1992. № 3–4. С. 7–13.
9. Буклова В.А. Развитие системы уголовного наказания несовершеннолетних в Российской империи: уголовно-теоретический аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 12 (80). С. 404–408.
10. Газета «Сибирская жизнь». URL: <https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349025/> (дата обращения: 24.10.2022).

References

1. Zhilyakova, N.V. (2011) *Zhurnalistska goroda Tomska (XIX – nachalo XX veka): stanovlenie i razvitie* [Journalism of the city of Tomsk (19th – early 20th centuries): formation and development]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Dolidovich, O.M. (2017) *Damskie komitety Tomska v gody pervoy mirovoy voyny (po materialam gazety “Sibirskaya zhizn’”)* [Ladies’ committees of Tomsk during the First World War (based on materials from the newspaper “Sibirskaya zhizn’”)]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 3 (84). pp. 93–102.
3. Kharus', O.A. (1989) *Gazeta “Sibirskaya zhizn’” kak istochnik po istorii kadetskikh organizatsiy Sibiri v 1905–1919 gg.* [The newspaper Sibirskaya Zhizn' as a source on the history of cadet organizations in Siberia in 1905–1919]. In: *Problemy istorii dorevolutsionnoy Sibiri* [Problems of the history of pre-revolutionary Siberia]. Tomsk. pp. 227–240.
4. Germizeeva, V.V. (2015) *Obsuzhdenie voprosov mestnogo upravleniya na stranitsakh gazety “Sibirskaya zhizn’”* [Discussion of local government issues on the pages of the newspaper “Sibirskaya zhizn’”]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 11-4. p. 577.
5. Lariouva, S.O. (2014) *Kontseptual'nye podkhody k fenomenu “detstvo”: aksiologicheskii aspekt: khrestomatiya* [Conceptual approaches to the phenomenon of childhood: axiological aspect: reader]. Yekaterinburg: USPU.
6. Nefedova, L.K. (2005) *Fenomen detstva v osnovnykh formakh ego reprezentatsii: filosofiya, mif, fol'klor, literatura* [The phenomenon of childhood in the main forms of its representation: philosophy, myth, folklore, literature]. Philology Dr. Diss. Omsk: OSPU.
7. Ar'ès, F. (1999) *Rebenok i semeynaya zhizn' pri starom poryadke: Drugaya istoriya* [Child and family life under the old order: Another story]. Yekaterinburg: USU.
8. El'konin, B.D. (1992) *Krizis detstva i osnovaniya proektirovaniya form detskogo razvitiya* [The crisis of childhood and the basis for designing forms of child development]. *Voprosy psikhologii*. 3-4. pp. 7–13.
9. Buklova, V.A. (2009) *Razvitie sistemy ugovovnogo nakazaniya nesovershennoletnikh v Rossiyskoy Imperii: ugovovno-teoreticheskiy aspekt* [Development of the system of criminal punishment of minors in the Russian Empire: criminal theoretical aspect]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*. 12 (80). pp. 404–408.
10. *Sibirskaya zhizn'*. [Online] Available from: <https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349025>

Информация об авторе:

Азарова В.Н. – аспирант, старший преподаватель кафедры теории и практики журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: litisa@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.N. Azarova, postgraduate student, senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: litisa@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.02.2023;
одобрена после рецензирования 26.11.2023; принята к публикации 29.02.2024.*

*The article was submitted 19.02.2023;
approved after reviewing 26.11.2023; accepted for publication 29.02.2024.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/499/2

Импрессионизм в творчестве А.П. Чехова: история термина

В.А. Андоскина¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, v.andoskina@spbu.ru

Аннотация. Прослеживается история термина «импрессионизм» применительно к творчеству А.П. Чехова от первых упоминаний этого термина в критических статьях 1890-х гг. до научных исследований последних лет. Импрессионизм в литературной критике конца XIX – 30-х гг. XX в. – название определенной особенности поэтики текста (его способность произвести впечатление на читателя); в научных работах второй половины XX в. – литературное направление, так или иначе соотношенное с реализмом. Современные представления о чеховском импрессионизме эклектичны и сочетают в себе оба этих понимания, поэтому термин не имеет единого значения и, соответственно, не может считаться в полной мере научным.

Ключевые слова: А.П. Чехов, импрессионизм, импрессионизм в творчестве А.П. Чехова, импрессионизм в литературе, литература и живопись

Для цитирования: Андоскина В.А. Импрессионизм в творчестве А.П. Чехова: история термина // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 12–19. doi: 10.17223/15617793/499/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/2

Impressionism in Anton Chekhov's works: History of the term

Valeriya A. Andoskina¹

¹ St Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation, v.andoskina@spbu.ru

Abstract. The article explores the history of the term “impressionism” in reviews of Chekhov's prose and drama, which were written by his contemporaries, and in modern research of Chekhov's creativity (the meaning of this word in historical context). Nowadays the term “impressionism” is popular with researchers of Chekhov's prose and drama, but there is no strict and generally accepted meaning of it. Researchers suppose various features of impressionism in literature: the impressionistic writer depicts moments of a usual daily life, uses bright and light “paints” in descriptions of nature, prefers short stories and “sketches” instead of voluminous novels and the works of such a writer resemble the “unfinished” and “slipshod” pictures of impressionists created by inconsistent brush strokes, etc. The author of the article does not deny these conceptions of impressionism but believes that the understandings of impressionism should be studied firstly in the historical way. This article studies the uses of the term “impressionism” for more than 150 years: from first readers of Chekhov's prose and viewers of his dramas to latest researchers. The analysis of the critical articles and research papers about Chekhov created in 1890–2020 showed that the definition “an impressionist” for Chekhov's contemporaries meant “the author who wants to impress the reader/viewer of the work by creating a certain atmosphere and does not wish to examine ethical and social issues like previous writers/artists did”; and for researches of the 20th century this word meant “the author who belongs to impressionism as a style in art”. Nowadays the term “impressionism” is ambiguous: modern researchers often use this term unsystematically in both its meanings, so it is necessary to specify what a researcher means in a particular paper.

Keywords: Anton Chekhov, impressionism, literary impressionism, literary criticism, literature and painting

For citation: Andoskina, V.A. (2024) Impressionism in Anton Chekhov's works: History of the term. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 12–19. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/2

«Импрессионизм» как термин

Термин «импрессионизм» популярен среди современных исследователей творчества А.П. Чехова – новые работы, посвященные вопросу об импрессионистичности чеховских прозы и драмы, публикуются почти ежегодно. Правомерность его постановки обыкновенно не оспари-

вается (обсуждаются лишь отдельные «критерии» импрессионистичности), однако представляется, что этот вопрос не первостепенен и у исследователей чеховского импрессионизма есть другая, более существенная проблема – на протяжении многих лет исследователями используется понятие, не имеющее фиксированного значения: «...за сто лет существования импрессионизма и как

искусствоведческого, и как литературоведческого понятия не установлено единогласия в отношении как его значения, так и ограничения его применения» [1. С. 17].

Термин «импрессионизм» может употребляться в нескольких значениях: применяться исключительно к творчеству определенной группы французских художников 1870–1900-х гг. (в таком случае даже понятие «русский импрессионизм» сопровождается пометой «термин используется с большой осторожностью и весьма условно» [2. С. 288]) или захватывать и русскую живопись конца 1880–1890-х гг. [3]; расширяться до отдельного направления не только в живописи, но и в литературе [1]; обобщаться до типологического сходства в мировосприятии писателей и художников переходной эпохи [4] или «универсального» направления, теоретически возможного в любой культуре [5]. Так и критерии, по которым то или иное произведение определяется как импрессионистическое, лишены единообразия: например, чеховская краткость может рассматриваться и как основной признак «литературного импрессионизма» [6], и как отдаленное сходство с импрессионизмом в живописи, сближение с ним «по касательной» [1. С. 297].

Очевидно, что термин «импрессионизм» необходимо уточнить и прояснить, однако в небольшой работе невозможно соединить все современные представления о литературном импрессионизме и предложить новое понимание этого термина. Получившееся по окончании такой работы определение будет более общим и универсальным, чем предложенные ранее, но останется одним из многих пониманий термина «импрессионизм». Представляется, что будет более правильным иное решение: для того чтобы причины современной неоднозначности этого термина были более ясными (и, соответственно, термин был бы в большей степени поддающимся уточнению), необходимо обратиться к его истории и рассмотреть особенности первых употреблений термина «импрессионизм» применительно к творчеству Чехова и последующие изменения в использовании этого термина. Таким образом, цель нашего исследования – рассмотреть историю термина «импрессионизм» применительно к творчеству Чехова от первых употреблений в литературной критике конца XIX века до упоминаний в современной научной литературе о Чехове.

Первые упоминания термина «импрессионизм» в России

Слово «импрессионист» было известно в России с 1870-х гг., но преимущественно среди живописцев и художественных критиков (так, И.Е. Репин рассуждал об «импрессионистах» уже в 1870-х гг. [7. С. 313–314]). Импрессионистом называли французского художника, принадлежащего к известной группе и использующего известные методы, – последователя Э. Мане, К. Моне, П.О. Ренуара и других «классиков» импрессионизма.

Как уже неоднократно отмечалось (прежде всего в трудах И.А. Доронченкова), творчество французских импрессионистов почти не было известно в

России конца XIX в. [7. С. 313]. Разумеется, некоторые сведения об их творческих поисках были доступны – в 1876 г. в апрельском номере «Вестника Европы» вышло очередное «парижское письмо» Э. Золя [8. С. 873–903], посвященное художественной жизни во Франции. Золя достаточно подробно описал и академическую выставку, и Салон отверженных, но эта статья едва ли могла сделать импрессионизм явлением не только понятным, но и даже заметным для русской публики. Во-первых, Золя интерпретировал импрессионизм с точки зрения собственной эстетической программы: в импрессионистах, к которым Золя относился сочувственно, он ценил прежде всего экспериментальность и научность – импрессионизм в его описании приобретал «натуралистический» оттенок (например, Золя называл Мане «аналитиком» и «натуралистом», который делает «подстрочно верный перевод» осязаемого мира в картину [8. С. 898]). Во-вторых, читатель времен триумфа передвижных выставок едва ли мог усмотреть в истории импрессионизма (в том виде, какой ее представил Золя) нечто необыкновенное – далекий импрессионизм вполне мог быть принят за иностранный «аналог» передвижничества: молодые художники выступают против устаревших и непослуживых правил Академии, провозглашают право художника изображать мир в соответствии с собственным видением и самостоятельно выбирать темы для картин (преимущественно бытовые сцены и пейзажи), устраивают собственную выставку, быстро становятся известными, одни критики поддерживают их начинание, другие – отрицают. В-третьих, к статье не прилагались иллюстрации – только словесные описания картин:

В саду, на фоне зелени, молодая женщина в полотняном платье моет белье в лоханке, поставленной на стул; перед ней стоит ребенок и глядит на нее. Вот и все; но сцена происходит на свежем воздухе; тоны принимают энергичную резкость, рисунок теряется в переливах света. Никогда некоторые придирчивые критики не простят Мане того, что он едва обозначил подробности лица у своей прачки. Глаза образуют две темных точки; нос, губы обозначены простыми розовыми черточками <о картине Мане «Белье»> [8. С. 898].

Монохромная журнальная иллюстрация того времени не могла дать читателю полного представления об импрессионизме, как и редкие цветные репродукции не передавали «чистых» цветов и «вибрации» полотна. Для того чтобы увидеть картины импрессионистов во всем сиянии и оценить новаторство французских художников, следовало приехать в Париж, что мог сделать далеко не каждый русский зритель.

Русская публика познакомилась с «подлинным» французским импрессионизмом только в 1896 г., когда на французской выставке в Москве был выставлен один из «Стогов» Моне (через 24 года после представления его «Впечатления» публике французской) [9. С. 415], но к тому времени импрессионизм был уже не современным искусством, а недавней его историей.

«Импрессионизм» в литературной критике о Чехове (1890–1930-е гг.)

В краткой автобиографической заметке Д.С. Мережковский упоминал о двух заслугах, которыми гордился, – «едва ли не первой сочувственной статье о Чехове, только что выступившем тогда и почти никем еще не признанном» [10. С. 107–116], и новом термине «символ» («кажется, я раньше всех в русской литературе употребил это слово» [10. С. 107–116]. Так или иначе одобрительные статьи о Чехове выходили и до Мережковского, а под первым употреблением слова «символ» следует понимать первое использование этого слова в новом, символистском, значении – но Мережковский не догадывался о другом открытии. Вероятно, термин «импрессионизм» впервые был применен к литературе в целом и творчеству Чехова в частности именно Мережковским в лекции «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», прочитанной в конце 1892 г., а в 1893-м опубликованной:

Еще Бодлер и Эдгар Поэ говорили, что прекрасное должно несколько *удивлять* (здесь и далее в цитатах курсив автора, кроме случаев, отмеченных особо. – В.А.), казаться неожиданным и редким. Французские критики более или менее удачно назвали эту черту *импрессионизмом*» [11. С. 43].

Новый термин не был ключевым для Д.С. Мережковского: в печатном издании лекции он используется лишь дважды (как и слово «импрессионист»), и уже в следующем абзаце Мережковский заменил новое определение перифразом «расширение художественной впечатлительности» [11. С. 43]. Однако Мережковский, назвав импрессионистами Тургенева, Чехова и некоторых других писателей и поэтов, расширил значение этого термина (теперь импрессионистами могли быть не только художники) и ввел его в литературную критику. Это определение повторилось в отзывах на его лекцию (в частности в рецензии Н.К. Михайловского [12]) и стало известным и вне «художественной» среды.

Вводя новый термин, Мережковский сослался на неких французских критиков, но нельзя утверждать, что на представления Мережковского об импрессионизме повлияла именно французская живопись, хотя и не следует этого исключать. Живопись импрессионистов почти не была известна в России 1890-х гг., однако Мережковский мог познакомиться с ней, причем незадолго до выступления с лекцией – во время европейского путешествия 1891 г. он посещал художественную выставку в Париже, где, возможно, видел и картины импрессионистов. Это предположение может украсить любопытный биографически-терминологический сюжет: в 1891 г. в Париже с разницей в несколько недель или даже дней одну и ту же выставку осматривали «теоретик» (Мережковский) и «практик» (Чехов) импрессионизма; позднее, рассказывая об этой выставке в письме родным, Чехов вспомнил о Левитане, которого позднее также будут называть импрессионистом. Однако – к сожалению или к счастью –

«сюжет» далеко не так прост и ясен, и не только потому, что на выставке Чехов «половины не видел благодаря близорукости» [13. С. 220].

Чехов и Мережковский прибыли в Париж в мае 1891 г. – в это время в городе были открыты две выставки: «официальная», академическая («Salon» на Елисейских полях) и «оппозиционная», наследовавшая Салону отверженных (во Дворце промышленности на Марсовом поле). Чехов указывал, что был именно в Salon-e; так и Мережковский в стихотворении «Салон 1891 года» [14] описывал картины, представленные на официальной выставке. Некоторые элементы импрессионизма в этих картинах, безусловно, были – например, колористические решения, но всё же от «классического» импрессионизма 1870-х гг. эти картины были далеки. Сведений о том, что Мережковский и Чехов посещали выставку и во Дворце промышленности, найти не удалось. И – хотя источникам этих сведений, краткому частному письму и художественному произведению, нельзя доверять вполне – следует указать, что и Чехов, и Мережковский остались почти равнодушными к современному французскому искусству. В упомянутом выше письме Чехов дал знаменитую характеристику Левитана как «короля» («Кстати сказать, русские художники гораздо серьезнее французских. В сравнении со здешними пейзажистами, которых я видел вчера, Левитан король» [13. С. 220]); Мережковский в стихотворении, также уже упоминавшемся, уделил внимание не новым течениям в искусстве, а вполне привычным – условно реалистической картине Ж. Бэро «Магдалина в доме Симона фарисея» и грандиозному «Падению Вавилона» Ж.А. Рошграсса. Первая картина была более необычной для современников – помазание Христа грешницей, которая в западной традиции отождествляется с Марией Магдалиной, изображено происходящим не на пиру у Симона-фарисея, а в богатой гостиной французского публициста и философа Жюлья Симона; полотно Рошграсса, хотя и привлекло внимание современников, было создано в привычной академической традиции. Интерес Мережковского к этим картинам можно соотнести с его творческими замыслами и философией, но не с его представлениями об импрессионизме – вероятно, в 1891 г. ему не знакомом.

Определение «импрессионизм» в лекции Мережковского не предполагало соотнесения литературы с картинами французских художников: напротив, Мережковский вполне мог бы счесть французский импрессионизм одной из «теорий сухих и позитивных» [14], от которых должно быть свободно подлинное, в представлении Д.С. Мережковского, искусство. «Импрессионизм» был необходим Мережковскому не как отсылка к определенным картинам или художникам, а как точное слово, восходящее к французскому «impression» (впечатление) и способное быть кратким обозначением «расширения художественной впечатлительности». Так, в части лекции «О причинах упадка...», посвященной Тургеневу, Мережковский почти дословно повторил то, что ранее писал о Чехове в статье «Старый вопрос по поводу нового таланта»: Тургенев «владеет тайнами языка, которые неожиданно и неотразимо, где бы мы ни были, что бы мы ни

чувствовали, вызывают в нас очарование природы с ясностью галлюцинации» [14. С. 45], а Чехов... в высшей степени обладает мастерством оригинального эпитета... Он иногда, как будто не нарочно, мимоходом, бросит вам какую-нибудь мелкую черточку, от которой в вашем воображении вся картина сразу вспыхивает с яркостью галлюцинации [15. С. 63]. Вероятно, для Мережковского эта впечатлительность была двунаправленной: следствием авторской «жадности к неиспытанному, погони за неуловимыми оттенками» [11. С. 43] было свойство произведений удивлять читателя.

Как отмечалось выше, Д.С. Мережковский не был «автором» термина «импрессионизм», но его лекция хорошо иллюстрирует представления об импрессионизме в России конца XIX в. Слова «импрессионист», «импрессионизм» были «прозрачны» для образованного читателя художественной и литературной критики – они употреблялись в прямом (художник-последователь Моне, Ренуара и Дега) или переносном (как у Мережковского) смысле. Возможно, это связано еще и с тем, что означавшее приобрело означаемое спустя почти двадцатилетие «самостоятельной» жизни – российские зрители знали слово «импрессионизм» с 1870-х гг., но впервые увидели картину Моне только в 1896 г.

Многочисленные современные исследования чеховского импрессионизма создают иллюзию его бесспорности и безусловности, однако представляется, что этот термин был очень редким – пока удалось найти лишь несколько упоминаний слов «импрессионизм» и «импрессионист» в критических статьях о Чехове: три – в прижизненной критике (рассмотренные выше статьи Мережковского, статья Е.А. Ляцкого, вышедшая в 1900-м г. [16], «Очерки о Чехове» А.С. Глинки (Волжского), опубликованные в 1903 г. [17]) и три посмертных (брошюра В. Голубева [18] и книга А.А. Измайлова [19]; к ним можно отнести приведенные П.А. Сергеевко [20. С. 228–229.] и А.Б. Гольденвейзером [21. С. 68–69] отзывы Л.Н. Толстого о Чехове-импрессионисте).

В статье Ляцкого импрессионизм – одно из условий «чистого искусства», противопоставленного искусству идейному, «содержательному»: основа импрессионизма – право автора «свободно, безотчетно отдаваться порыву творческой кисти, изображать всё, что подвернется под руку»; критерии, по которым можно оценить произведения, сводятся к «верности рисунка, изяществу и тонкости штриха» – «можно не идти в своих требованиях дальше непосредственного импрессионизма, и задача искусства будет исполнена, если создание художника вызовет *впечатление* глубокое, яркое, хотя и не влекущее к размышлению и разгадке» [16. С. 427–428]. В этом отзыве произведения Чехова не сопоставляются с картинами тех или иных художников: «верность рисунка» и «тонкость штриха» – метафоры, распространенные в литературной критике того времени. Так, безыдейность импрессионизма была известна и ранее (см., например, брошюру В.А. Грингмута «Враги живописи» (1898), в которой импрессионизм и фотография провозглашаются врагами живописи именно из-за безыдейности [22]).

Напротив, Глинка сравнивает Чехова с художниками: «Чеховские произведения из народной жизни, как и вообще его творческую работу, можно сравнить по манере писать с картинами Левитана, Куинджи и других художников-импрессионистов» [17. С. 176–177]:

Здесь цельное, строго выдержанное настроение окрашивает все предметы, нарисованные на полотне, в один цвет, как бы фиксирующий первое, общее *впечатление* от картины, совершенно смазывая этим общим впечатлением все тени и оттенки цветов в отдельных предметах и деталях картины [17. С. 176–177].

Критик объясняет эту вполне определенную черту поэтики общим для художников и Чехова стремлением передать впечатление:

Импрессионистская живопись – это живопись первого *впечатления*, быстро схваченного с открывшегося перед художником вида. Нужно быстро окинуть взглядом импрессионистское полотно и тотчас же уйти прочь с этим впечатлением, не пытаясь вглядываться в детали картины [17. С. 176–177].

Также в этом отзыве интересно упоминание о «красочных мазках» как об одном из признаков импрессионизма:

Если же перед полотном Левитана или какого-нибудь другого художника-импрессиониста простоять более продолжительное время и внимательно всмотреться в детали и отдельные части картины, то иллюзия обобщающего впечатления исчезнет, обнаружится вся расплывчатость, недорисованность, непропорциональность, недоговоренность, если угодно, однотонность и одноцветность рисунка. В конце концов даже всякая картина, написанная масляными красками, если на нее смотреть без соблюдения надлежащих требований перспективы, может показаться несурозной грудой случайно наляпанных красочных мазков [17. С. 176–177].

«Красочные мазки» упоминаются и в отзывах Л.Н. Толстого (хотя сложно установить, о каких импрессионистах – французских или русских – говорил Толстой, если этот отзыв действительно принадлежал ему):

У Чехова и вообще у современных писателей развилась необыкновенная техника реализма. У Чехова все правдиво до иллюзии, его вещи производят впечатление какого-то стереоскопа. Он *кидает как будто беспорядочно словами* и, как художник импрессионист, достигает своими мазками удивительных результатов [21. С. 68–69].

<...> Чехова, как художника, нельзя уже сравнивать с прежними русскими писателями – с Тургеневым, Достоевским или со мною. У Чехова своя особенная манера, как у импрессионистов. Смотришь, человек *без всякого разбора мажет красками, какие попадают ему под руку, и никакого как будто отношения эти мазки между собою не имеют*. Но отойдешь на некоторое расстояние, посмотришь и в общем получается цельное *впечатление*. Перед вами яркая, неотразимая картина природы [20. С. 228–229].

О «чеховских» мазках упоминал и Измайлов, в качестве примера приводя деталь портрета Камышева в

«Драме на охоте»: «За дверную ручку или за шляпу он берется, *как за бабочку*, нежно, осторожно, слегка касаясь пальцами» [19. С. 102]. Эти «мелочи <...> в роде звездочки бриллианта» [19. С. 102] Измайлов не называл импрессионизмом, хотя страницей ранее упоминал о «преобладании импрессионистического начала» в творчестве Чехова [19. С. 101].

В отзыве Голубева слово «впечатление» заменяется определением «настроение» (это определение использовалось и в отзывах Ляцкого и Глинки-Волжского):

<...> Чехов развил и разработал у нас в литературе импрессионизм литературной живописи. Прочтите его «Степь», «Враги», «Свирель» и др.: в центре картины – человек со своим «хмурым» настроением; все остальное ведет читателя к раскрытию этого настроения. Природа особенно великолепно отражает его у Чехова <...> В результате получается целая сеть настроений, гармонирующая с основным содержанием рассказа [18. С. 9].

Если рассматривать «импрессионизм» и «настроение» в контексте характерных для конца XIX – начала XX в. представлений о целях творчества, эти понятия будут синонимами, причем не только контекстуальными. Для современников Чехова определения «впечатление» («импрессионизм») и «настроение» были связаны с устаревающим, но все же привычным для того времени разделением искусства на «чистое» и «полезное», «идейное». Любой импрессионист (как художник, так и писатель) предпочитал *impression* какой-либо «идее», поэтому все со- и противопоставления русской живописи с французской и писателей с художниками были второстепенными. Цель всех импрессионистов – выражение впечатления – читателям и зрителям конца XIX в. представлялась общей, поэтому пространственные сопоставления манеры Чехова и художников (как в отзыве Глинки) и простое упоминание слова «импрессионизм» в значении «впечатленчество», противопоставленное «идее» (как в лекции Мережковского), были взаимосвязаны, хотя и опосредованно. Частные черты сходства объяснялись особенностями творческой задачи импрессионистов – в отличие от «идейного» искусства, «впечатленчество» не требовало связности и цельности, поэтому для современников Чехова разрозненные импрессионистские «мазки» были вполне закономерным для «впечатленцев» приемом.

Было возможно и другое понимание импрессионизма, более частное, хотя и непосредственно связанное с «общим»: термин «импрессионизм» мог определять не только творческие взгляды того или иного автора, но и его умение произвести на читателя впечатление. Так, Боборыкина называли импрессионистом за «яркость случайных штрихов, отдельных фигур и положений и отсутствие глубокой мысли, почти всегда даже центральной, выдающейся фигуры» [23. С. 401]; Д.С. Мережковский называл импрессионистом не только Чехова, но и И.И. Ясинского [11. С. 84–85 (сноска)].

В двух этих значениях (способность впечатлить читателя и творческая философия, близкая к «чистому искусству») термин «импрессионизм» использовался в

критике о Чехове до 1930-х гг. (например, А.В. Луначарским [24. С. 379–388]). (Об истории термина «импрессионизм» в 1920–1930-х гг. см. подробнее: [25].)

Оценки импрессионизма могли быть различными, но он в той или иной степени был отголоском споров о чистом и полезном искусстве, которые были слышны и в первой трети XX в.

«Импрессионизм» в исследованиях 1960–1980-х гг.

В конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. импрессионизм оказался если не запрещенным, то нежелательным из-за кампании по борьбе с космополитизмом [26. С. 174] – вероятно, не только в искусствоведении, но и в литературоведении (например, слово «импрессионизм» не упоминается в книге В.А. Прыткова о Левитане и Чехове, изданной в 1948 г. [27], хотя представление об импрессионистичности писателя и художника стало «общим местом» еще до революции).

В 1960-е гг. определение «импрессионизм» постепенно возвращается в исследования творчества Чехова (так, в «Краткой литературной энциклопедии» описание грозы в «Степи» приведено в качестве примера импрессионистического стиля [28. Стлб. 112–114.]), а в 1970-е гг. начинаются научные дискуссии об импрессионистичности Чехова. В это время определение «импрессионист» приобретает еще одно значение – это автор, принадлежащий к тому же широко понимаемому направлению в искусстве, что и французские художники конца XIX в. Так, в статье Л.В. Громова (одном из первых исследований чеховского импрессионизма) под импрессионизмом понимается именно течение во французской живописи, а не простая способность писателя или художника произвести впечатление на читателя или зрителя: приводится краткая история французского импрессионизма, описание его характерных черт (основная задача – передавать мимолетное впечатление и правдоподобно изображать мир, особое внимание уделяя оттенкам и освещению [25. С. 81]), возможное сходство между импрессионистами и Чеховым объясняется «диффузией» между искусствами [25. С. 59].

В этой статье предлагается и один из первых перечней признаков импрессионизма («любование световыми эффектами, игрой красок» [25. С. 84], «интимно-психологическое содержание» [25. С. 86] и т.д.), однако наиболее значимым в ней представляется *противопоставление импрессионизма реализму*: Чехов определяется как «убежденный реалист», который «творчески использовал» – причем лишь в «отдельных пейзажах» – достижения лучших художников его времени [25. С. 87]. Разумеется, это противопоставление определяется общим контекстом эпохи, но ранее импрессионизм соотносился только с настроением (как синоним) и пользой, идеей (как антоним); moreover, и термин «реализм» в 1870–1920-х понимался скорее не как направление, а как частная черта поэтики (правдоподобие, верность действительности) или творческий метод, основанный на традициях натуральной школы либо позитивизма. Импрессионизм противопоставлялся реализму и в других исследованиях 1970–1980-х гг. [29].

На вторую половину XX в. приходится значимое дополнение значения слова «импрессионизм» – оно используется как название не представлений о творчестве, характерных для определенного круга художников и писателей, а *направления в искусстве*, понимаемого более или менее широко. Вероятно, это обусловлено тем, что во второй половине XX в. и французские импрессионисты (в то время хорошо известные, но, конечно, уже как веха в истории искусства), и Чехов рассматривались со значительной дистанции и потому представлялись явлениями одного порядка.

«Импрессионизм» в исследованиях 1990–2020-х гг.

С 1990-х гг. исследователи по-прежнему соотносят импрессионизм с реализмом, но чаще определяют творчество Чехова как импрессионистическое в большей или меньшей степени – возможно, отчасти в противовес «обязательной» ранее реалистичности. Импрессионизмом может называться и «частная» способность произведения произвести впечатление на читателя, и «общее» направление в искусстве (при этом одно не исключает другого); литературный импрессионизм рассматривается и в сравнении с французской живописью [30], и независимо от нее [6].

Как отмечалось выше, единого перечня критериев импрессионистичности нет, поэтому каждый исследователь предлагает собственный. Число этих признаков может быть разным: от одного (когда, например, на первый план ставится «сокращенность» прозы Чехова [6]) до нескольких (вероятно, наиболее пространный перечень импрессионистических приемов из двенадцати пунктов – от детализированных описаний мимолетных впечатлений до малосодержательных заглавий – был предложен П. Генри [1. С. 21]). Некоторые из критериев совпадают (так, в подобных перечнях часто упоминаются интерес импрессионистов к изображению мгновенного, преходящего; их особое внимание к переходным состояниям природы, игре света и цвета; отсутствие прямых оценок и выводов и т.д.), однако часто исследователи литературного импрессионизма в целом и чеховского в частности абсолютизируют одну из этих черт, и разделение на основные и дополнительные признаки импрессионизма в разных концепциях не совпадает.

Выводы

С точки зрения истории термина «импрессионизм» современные представления об импрессионизме (как литературном в целом, так и чеховском в частности) эклектичны. В 1870–1920-х гг. слово «импрессионизм» воспринималось как калька с французского *impression*. Соответственно, импрессионистом называли автора, который, отказываясь от выражения той или иной «идеи», только производит впечатление на своего зрителя или читателя. В критических статьях и исследованиях могло подчеркиваться сходство

прозы и драмы Чехова с картинами некоторых художников, но французский импрессионизм стал хорошо известен в России позднее, а импрессионистом мог быть назван любой современный художник, который так же, как и Чехов (в представлении критики того времени), придерживался теории «чистого искусства» и отказывался от общепринятых правил. Можно сказать, что в это время в слове «импрессионизм» больший вес имел его корень.

В исследованиях 1960–2020-х гг. более значимым становится суффикс – импрессионизмом называется направление, так или иначе соотнесенное с другими «-измами» (прежде всего с реализмом). Французские импрессионисты и Чехов рассматриваются в мелком масштабе и часто в прямом сопоставлении – более чем двадцатилетняя дистанция между Салонот отверженных 1872 г., лекцией Мережковского, Парижскими письмами Золя и первой картиной Моне, представленной в России, обыкновенно пренебрегается. Однако впечатление остается основным признаком импрессионизма как направления в искусстве.

Оба этих понимания термина «импрессионизм» так или иначе встречаются в современных исследованиях: если импрессионизмом называется способность Чехова удивить читателя или зрителя, в статье или монографии рассматриваются способы, которые позволяют ему это сделать; если импрессионизм представляется исследователю прежде всего «-измом» – предлагаются признаки импрессионизма как направления, которые затем проецируются на конкретный текст. При этом одно понимание импрессионизма не противоречит другому, чем и можно объяснить удивительное согласие между исследователями, которые, рассуждая фактически о разных «импрессионизмах», тем не менее приходят к общему выводу и почти единодушно признают Чехова импрессионистом.

Вероятно, не вызывает сомнений лишь одно определение импрессионизма: импрессионизм – направление во французской живописи последней трети XIX в.; все возможные дополнения этого определения – предположения об импрессионизме вне Франции конца XIX в. и в других видах искусства – остаются в той или иной степени дискуссионными. Разумеется, современная многозначность и неопределенность термина «импрессионизм» не означает его непригодности, однако импрессионизм, безусловно, требует более осмысленного использования по известному правилу-афоризму Р. Декарта: «Уточните значение слов, и вы избавите человечество от половины заблуждений»: обязательного уточнения при каждом новом употреблении и обращении к контексту при цитировании.

Так или иначе, но история термина «импрессионизм» – замечательный пример того, как название явления определяет его восприятие. Возможно, если бы знаменитый пейзаж Моне был подписан иначе или французский критик обыграл бы в своем фельетоне о Салонот отверженных 1872 г. название картины, висевшей по соседству с видом туманного порта в Гавре, то явление, сейчас известное как импрессионизм, имело бы другую историю.

Список источников

1. Генри П. Импрессионизм в русской прозе (В.М. Гаршин и А.П. Чехов) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1994. № 2. С. 17–26.
2. Герман М.Ю. Импрессионизм: Основоположники и последователи. СПб.: Азбука-Аттикус, 2019. 352 с.
3. Степанов А.Д. А.П. Чехов и живопись: от реализма к (пред)импрессионизму // Русская литература. 2022. № 1. С. 200–206.
4. Силантьева В.И. Художественное мышление переходной эпохи (литература и живопись): А.П. Чехов, И.И. Левитан, В.А. Серов, К.А. Коровин. Одесса: АстроПринт, 2000. 352 с.
5. Андреев Л.Г. Импрессионизм. М.: Изд-во МГУ, 1980. 249 с.
6. Нильссон Н.О. Русский импрессионизм: стиль «короткой строки» // Русская новелла: проблемы теории и истории / под ред. В.М. Марковича и В. Шмида. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1993. С. 220–235.
7. Доронченков И.А. «Гроза, надвигающаяся на русское искусство»: из истории полемики об импрессионизме в русской критике начала 1890-х годов // Память как объект и инструмент искусствознания. Сборник статей / сост. Е.А. Бобринская, А.С. Корндорф. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2016. С. 311–337.
8. Золя Э. Парижские письма. Две художественные выставки в мае // Вестник Европы. 1876. № 6. С. 873–903.
9. Доронченков И.А. На границе модернизма: зарубежные художественные выставки в России 1890-х годов // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 10 / под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: НП-Принт, 2020. С. 413–422.
10. Мережковский Д.С. Автобиографическая заметка // Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 24. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1914. С. 107–116.
11. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб.: Типо-лит. Б.М. Вольфа, 1893. 192 с.
12. Михайловский Н.К. Русское отражение французского символизма // Русское богатство. 1893. № 2. С. 45–68.
13. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1976. С. 219–220.
14. Мережковский Д.С. Конец века (Очерки современного Парижа) // Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 23. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1914. С. 257–258.
15. Мережковский Д.С. Старый вопрос по поводу нового таланта // Эстетика и критика / вступ. ст., примеч. Е.А. Андрущенко, Л.Г. Фризмана. М.: Искусство, 1994. С. 58–85.
16. Ляцкий Е.А. А.П. Чехов и его рассказы // А.П. Чехов: pro et contra / сост., предисл., общ. ред. И.Н. Сухих. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. С. 425–481.
17. Глинка (Волжский) А.С. Очерки о Чехове. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. 179 с.
18. Голубев В. Поэт детской души – А.П. Чехов. Киев: Тип. Т-ва И.Н. Кушнер и К, 1912. 24 с.
19. Измайлов А.А. Антон Чехов // Литературный Олимп. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. С. 65–179.
20. Сергеев П.А. Толстой и его современники. М.: Изд-во В.М. Саблина, 1911. 283 с.
21. Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого / предисл. К.Н. Ломунова; примеч. В.С. Мишина. М.: Гослитиздат, 1959. 487 с.
22. Грингмут В.А. Враги живописи. М.: Унив. тип., 1893. 95 с.
23. Головин К.Ф. Русский роман и русское общество. СПб.: Т-во А.Ф. Маркс, 1914. 520 с.
24. Луначарский А.В. Чехов и его произведения как общественное явление // А.В. Классики русской литературы (избранные статьи) / ред. Н.Ф. Бельчиков. М.: Худож. Лит., 1937. С. 379–388.
25. Громов Л.П. К вопросу об импрессионизме у Чехова // Филологические этюды. Русская литература. 1971. № 1. С. 73–87.
26. Доронченков И.А. Импрессионизм в русской критике: проблемы репутации // Научные труды. 2011. № 17. С. 173–185.
27. Прятков В.А. Чехов и Левитан. М.: Изд-во Гос. Третьяковской галереи, 1948. 46 с.
28. Палиевский П.В. Импрессионизм // Краткая литературная энциклопедия. Т. 3: Иаков – Лакснесс / гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1966. Стб. 112–114.
29. Кулиева Р.Г. кызы. Реализм А.П. Чехова и проблема импрессионизма. Баку: АН АзССР, Ин-т лит. им. Низами, 1988. 186 с.
30. Игнатенко А.В. Живопись в прозе А.П. Чехова: Интермедиаальный анализ. М.: ЛЕНАНД, 2022. 146 с.

References

1. Genri, P. (1994) Impressionizm v russkoy proze (V.M. Garshin i A.P. Chekhov) [Impressionism in Russian Prose (V.M. Garshin and A.P. Chekhov)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2. pp. 17–26.
2. German, M.Yu. (2019) Impressionizm: Osnovopolozhniki i nasledovateli [Impressionism: Founders and Followers]. St. Petersburg: Azbuka-Attikus.
3. Stepanov, A.D. (2022) A.P. Chekhov i zhivopis': ot realizma k (pred)impressionizmu [A.P. Chekhov and Painting: from Realism to (Pre)impressionism]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 200–206.
4. Silant'eva, V.I. (2000) *Khudozhestvennoe myshlenie perekhodnoy epokhi (literatura i zhivopis')*: A.P. Chekhov, I.I. Levitan, V.A. Serov, K.A. Korovin [The Creative Mentality of the Transitional Period: A.P. Chekhov, I.I. Levitan, V.A. Serov, K.A. Korovin]. Odessa: AstroPrint.
5. Andreev, L.G. (1980) *Impressionizm* [Impressionism]. Moscow: MSU.
6. Nil'sson, N.O. (1993) Russkiy impressionizm: stil' "korotkoy stroki" [Russian Impressionism: the Style of the "Brief Line"]. In: Markovich, V.M. & Shmid, V. (eds) *Russkaya novella: problemy teorii i istorii* [Russian novella: problems of theory and history]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 220–235.
7. Doronchenkov, I.A. (2016) "Groza, nadvigayushchayasya na russkoe iskusstvo": iz istorii polemiki ob impressionizme v russkoy kritike nachala 1890-kh godov ["The Storm, Approaching to the Russian Art": From the History of the Impressionism Controversy in Russian Criticism of the Early 1890s]. In: Bobrinskaya, E.A. & Korndorf, A.S. (eds) *Pamyat' kak ob'ekt i instrument iskusstvovznaniya* [Memory as an object and instrument of art history]. Moscow: Gos. in-t iskusstvovznaniya. pp. 311–337.
8. Zola, E. (1876) Parizhskie pis'ma. Dve khudozhestvennye vystavki v mae [Letters from Paris. Two Art Exhibitions in May]. *Vestnik Evropy*. 6. pp. 873–903.
9. Doronchenkov, I.A. (2020) Na granitse modernizma: zarubezhnye khudozhestvennye vystavki v Rossii 1890-kh godov [On the Border of Modernism: Foreign Art Exhibitions in Russia in the 1890s]. In: Zakharova, A.V., Mal'tseva, S.V. & Stanyukovich-Denisova, E.Yu. (eds) *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva* [Current issues in the theory and history of art]. Vol. 10. St. Petersburg: NP-Print. pp. 413–422.
10. Merezhkovskiy, D.S. (1914) *Avtobiograficheskaya zametka* [An Autobiographical Note]. In: *Polnoe sobranie sochineniy: v 24 t.* [Complete works: in 24 vols]. Vol. 24. Moscow: T-vo I.D. Sytina. pp. 107–116.
11. Merezhkovskiy, D.S. (1893) *O prichinakh upadka i o novykh techeniyakh sovremennoy russkoy literatury* [About the Causes of Decline and about the New Trends of the Contemporary Russian Literature]. St. Petersburg: Tipo-lit. B.M. Vol'fa.
12. Mikhaylovskiy, N.K. (1893) Russkoe otrazhenie frantsuzskogo simvolizma [The Russian Reflection of French Symbolism]. *Russkoe bogatstvo*. 2. pp. 45–68.
13. Chekhov, A.P. (1976) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t.* [Complete works and letters in 30 volumes. Letters in 12 volumes]. Vol. 4. Moscow: Nauka. pp. 219–220.

14. Merezhkovskiy, D.S. (1914) Konets veka (Ocherki sovremennogo Parizha) [The End of the Century (Essays about Modern Paris)]. In: *Polnoe sobranie sochineniy: v 24 t.* [Complete works: in 24 vols]. Vol. 23. Moscow: T-vo I.D. Sytina. pp. 257–258.
15. Merezhkovskiy, D.S. (1994) Staryy vopros po povodu novogo talanta [An old question about a new talent]. In: *Estetika i kritika* [Aesthetics and critique]. Moscow: Iskustvo. pp. 58–85.
16. Lyatskiy, E.A. (2002) A.P. Chekhov i ego rasskazy [A. P. Chekhov and his short stories]. In: Sukhikh, I.N. (ed.) *A.P. Chekhov: pro et contra*. St. Petersburg: RCHL. pp. 425–481.
17. Glinka (Volzhskiy), A.S. (1903) *Ocherki o Chekhove* [Essays about Chekhov]. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
18. Golubev, V. (1912) *Poet detskoy dushi – A.P. Chekhov* [The poet of the child's soul – A.P. Chekhov]. Kyiv: Tip. T-va I.N. Kushner i K.
19. Izmaylov, A.A. (1911) Anton Chekhov. In: *Literaturnyy Olimp* [Literary Olympus]. Moscow: Tip. T-va I.D. Sytina. pp. 65–179.
20. Sergeenko, P.A. (1911) *Tolstoy i ego sovremenniki* [Tolstoy and his contemporaries]. Moscow: Izd-vo V.M. Sablina.
21. Gol'denveyzer, A.B. (1959) *Vblizi Tolstogo* [Near Tolstoy]. Mishina. Moscow: Goslitizdat.
22. Gringmut, V.A. (1893) *Vragi zhivopisi* [The Enemies of Painting]. Moscow: Univ. tip.
23. Golovin, K.F. (1914) *Russkiy roman i russkoe obshchestvo* [The Russian Novel and the Russian Society]. St. Petersburg: T-vo A.F. Marks.
24. Lunacharskiy, A.V. (1937) Chekhov i ego proizvedeniya kak obshchestvennoe yavlenie [Chekhov and His Works as a Social Phenomenon]. In: Bel'chikov, N.F. (ed.) *Klassiki russkoy literatury (izbrannye stat'i)* [Classics of Russian Literature (Selected Articles)]. Moscow: Khudozh. Lit., pp. 379–388.
25. Gromov, L.P. (1971) K voprosu ob impressionizme u Chekhova [On Chekhov's impressionism]. *Filologicheskie etyudy. Russkaya literatura*. 1. pp. 73–87.
26. Doronchenkov, I.A. (2011) Impressionizm v russkoy kritike: problemy reputatsii [Impressionism in Russian Criticism: Problems of Reputation]. *Nauchnye trudy*. 17. pp. 173–185.
27. Prytkov, V.A. (1948) *Chekhov i Levitan* [Chekhov and Levitan]. Moscow: Izd-vo Gos. Tretyakovskoy galerei.
28. Palievskiy, P.V. (1966) Impressionizm [Impressionism]. In: Surkov, A.A. (ed.) *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Concise Literary Encyclopedia]. Vol. 3. Moscow: Sov. entsikl. Columns 112–114.
29. Kulieva, R.G. kyzy. (1988) *Realizm A.P. Chekhova i problema impressionizma* [Chekhov's Realism and the Problem of Impressionism]. Baku: Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR, Institute of Literature named after Nizami.
30. Ignatenko, A.V. (2022) *Zhivopis' v proze A.P. Chekhova: Intermedial'nyy analiz* [Painting in Chekhov's prose: an intermedial analysis]. Moscow: LENAND.

Информация об авторе:

Андоскина В.А. – лаборант-исследователь филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: v.andoskina@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Andoskina, research assistant, St Petersburg University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: v.andoskina@spbu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.01.2023;
одобрана после рецензирования 26.11.2023; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 19.01.2023;
approved after reviewing 26.11.2023; accepted for publication 29.02.2024.

Научная статья
УДК 930.2:821.16
doi: 10.17223/15617793/499/3

**«Все это дело обставилось какою-то тайною»: судьба рукописей Изборника Святослава
и книжная традиция сибирских старообрядцев второй половины XIX – XXI вв.**

Андрей Юрьевич Бородин¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
borodichinA@yandex.ru

Аннотация. Разбираются этапы подготовки к изданию одной из самых знаменитых рукописей русского средневековья – Изборника Святослава 1073 г. Высказано предположение, что следствием этого был всплеск повышенного интереса у старообрядцев в конце XIX в. к «Вопросам Анастасия Синаита», составляющим основное содержание Изборника. Представлены особенности выявленной в недавнее время группы сибирских списков, восходящих к редакции Овчинниковского списка 1619 г., сделан вывод о месте нахождения предполагаемого скриптория общины белокрыницких староверов, где создавались сибирские рукописи этого произведения.

Ключевые слова: Изборник Святослава 1073 г., текстология, археография, хронология, описание рукописей, старообрядчество, Сибирь

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00742, <https://rscf.ru/project/22-28-00742/>

Для цитирования: Бородин А.Ю. «...Все это дело обставилось какою-то тайною»: судьба рукописей Изборника Святослава и книжная традиция сибирских старообрядцев второй половины XIX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 20–27. doi: 10.17223/15617793/499/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/3

**“This whole matter was surrounded by some kind of mystery”:
The fate of the manuscripts of Svyatoslav’s *Izbornik* and the book tradition
of Siberian Old Believers of the second half of the 19th–21st centuries**

Andrey Yu. Borodikhin¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
borodichinA@yandex.ru

Abstract. The article examines the stages of preparation for the publication of one of the most famous manuscripts of the Russian Middle Ages – the *Izbornik of Svyatoslav* of 1073. It is suggested that the consequence of this was a surge of increased interest among the Old Believers at the end of the 19th century. to “Questions of Anastasius Sinaita”, which constitute the main content of the *Izbornik*. The features of the recently identified group of Siberian lists dating back to the edition of the Ovchinnikovskiy List of 1619 are presented, and a conclusion is drawn about the location of the supposed scriptorium of the Belokrinitsky Old Believer community, where the Siberian manuscripts of this work were created. The reason to address this topic was a remarkable archaeographic find by employees of the State Public Scientific Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, made relatively recently in the Yenisei region of Krasnoyarsk Krai, as well as the discovery of the closest “relatives” of Krasnoyarsk finds in the collection of the Regional Museum of Local Lore in Tomsk. As the study has shown, the Siberian lists belong to the group of manuscripts of the *Izbornik*, dating back to the List of 1619 from the collection of P.A. Ovchinnikov (F. 209 RSL) No. 108. A characteristic feature of the Ovchinnikov manuscript, which was then adopted by copies from it, is the presence of references in the margins. The carefully executed decoration of the manuscript is noteworthy: the presence of initials with ornamental appendages, ligature in the headings, and pointing fingers in the margins. The 19th century copies, each in its own way, reproduced this side of the manuscript. Siberian lists are also characterized by special attention to the external design of manuscripts: intricate multi-colored initials, headpieces, and endings. And even the texts as a whole reproduce the features of this particular group of “Questions of Anastasius Sinaita”. Taking into account the desire of the Old Believer writers in their work to rely on the ritual and dogmatic tradition of the fund of Slavic-Russian books available to them, it seems possible to raise the question of the circulation in the Old Believer environment of specific books, monuments of the Cyrillic tradition, from among those known to archaeographic science, described in manuscript collections, including those published for wide use, or, conversely, little known, reflected only in references to their availability in home libraries. As a result of the study, the reason for the increased interest in the *Izbornik* of 1073 among the Old Believers was established; the features of the Siberian copies

of this book monument were analyzed, and the circle of scribes who worked over the replication of the Izbornik in the 1890s was identified; an assumption was made about their connection with the scriptoria of the Kazan monastery of the Belokrinitzky Old Believers, located not far from Tomsk.

Keywords: 1073 *Izbornik* of Svyatoslav, textology, archeography, chronology, description of manuscripts, Old Believers, Siberia

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-00742, <https://rscf.ru/project/22-28-00742/>

For citation: Borodikhin, A.Yu. (2024) "This whole matter was surrounded by some kind of mystery": The fate of the manuscripts of Svyatoslav's *Izbornik* and the book tradition of Siberian Old Believers of the second half of the 19th–21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 20–27 (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/3

1

В 1880 г. отечественная филологическая наука стала обладателем еще одного образца книжной культуры Древней Руси, точно датированного книжного памятника: в Петербурге изданием члена учредителя Общества любителей древней письменности Тимофея Саввича Морозова тиражом 360 экземпляров был выпущен знаменитый «Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года» (далее – ИС 1073). Этому событию предшествовала целая история обнаружения, описания и подготовки памятника к изданию, вкратце изложенная в предисловии профессором Г.Ф. Карповым [1].

Открытый в 1817 г. стараниями археографов П.М. Строева и К.Ф. Калайдовича в библиотеке Воскресенского (Новоиерусалимского) монастыря «Сборник или нравоучение из книг Соломоновых» (именно под таким названием он значился в монастырской описи) вплоть до 1834 г. находился по месту его обнаружения. Инициатором «спасения [рукописи] от дальнейших бедствий, могущих ее постигнуть от неведения драгоценности сего древнейшего памятника... русской словесности и художеств» выступил президент Академии художеств А.Н. Оленин. Его письмо члену Святейшего Синода митрополиту Филарету (Дроздову) подвигло последнего обратиться к остальным членам Синода с предложением перенести рукопись «для вернейшего сохранения в библиотеку Синодальной ризницы». После чего в Московскую Синодальную контору был направлен указ по поводу этого дела. Результатом стало предписание Воскресенскому архимандриту Аполлосу доставить ИС 1073 в Москву, а синодальному ризничему иеромонаху Анастасию принять его на хранение с соответствующим оформлением. С тех пор рукопись хранится в собрании Московской Синодальной библиотеки (сегодня Синодальном собрании Государственного исторического музея под № 1043 (Син. 31-д)).

Мысль об издании этого бесценного памятника письменности пришла на ум еще К.Ф. Калайдовичу, составителю самого первого описания «Святославова Сборника». Но при его жизни этой мечте не суждено было осуществиться. В 1845 г. идея издания ИС 1073 прозвучала во второй раз на заседании Императорского общества истории и древностей российских, когда секретарь и действительный член ОИДР при Императорском Московском университете О.М. Бодянский предложил издать его «на счет пожертвования не известного до времени благотворителя». По заключению

Г.Ф. Карпова, «все это дело обставилось какою-то тайною». В дальнейшем выяснилось имя благотворителя, им оказался известный представитель купеческого сословия, любитель православной старины, «просвещенный болгарин» Иван Николаевич Денкоглу. Казалось, ничто теперь не мешало довести до конца начатую работу по подготовке к изданию ИС 1073, но дело приостановилось переменами в руководстве Обществом из-за покинувших в 1848 г. свои посты председателя Общества графа С.Г. Строганова и секретаря О.М. Бодянского.

Их возвращение через десять лет в руководство Обществом не сразу позволило вернуться к задуманному ранее. Работы над изданием возобновляются только в 1865 г. К этому времени уже не стало И.Н. Денкоглу, умершего в Москве от инсульта (1861 г.). Принявший на себя весь труд по подготовке памятника О.М. Бодянский уходит из жизни в 1877 г. После него на складах Общества и Университетской типографии обнаруживаются 23 отпечатанных листа ИС 1073. Через два года вдова Бодянского передает Обществу рукопись мужа: «Разночтения к Изборнику Святослава», приготовленный и одобренный духовной цензурой том.

Незадолго до этого в Петербурге было основано Общество любителей древней письменности (ОЛДП), которое по предложению историка, профессора Московского университета Г.Ф. Карпова и приводит к завершению растянувшуюся на несколько десятилетий историю первого факсимильного издания ИС 1073. Однако по вполне понятным причинам некоторые, на наш взгляд, небезынтересные детали взаимоотношений и социального статуса лиц, принимавших деятельное участие в этом событии, остались в стороне, оказались невостребованными и малозначащими в изложении хода работ, официально зафиксированного в предисловии к изданию.

Из других источников стало известно, что отмеченный на титульном листе член – учредитель Общества любителей древней письменности, благотворитель и меценат Тимофей Саввич Морозов и автор предисловия к изданию профессор, доктор истории Г.Ф. Карпов – близкие родственники. Последний был женат на старшей дочери Т.С. Морозова – Анне Тимофеевне. Тесть и зять каждый в своем лице представляли сформировавшиеся к этому времени в императорской России исторические общества для изучения и публикации документов по русской истории. Как бы к этому не относились современники из купеческого сословия,

такой союз шел на пользу развития в стране исторической науки [2. С. 77, 137–138].

Следует подчеркнуть еще одно обстоятельство, определенно повлиявшее на актуализацию древнего письменного наследия Руси в это время. Это принадлежность купеческих родов Морозовых к разным направлениям старообрядчества. Представители рода «Тимофеевичей» были прихожанами Рогожского кладбища, входили в число его попечителей, пользовались большим авторитетом в этой общине. Сам Тимофей Саввич входил в число выборных Рогожской общины, Древлеправославной Церкви Христовой, как она тогда называлась. Это название используется для определения общества старообрядцев, приемлющих священство белокриницкой иерархии, или белокриницкого согласия [3. С. 44–47, 89–90, 239–242]. В дальнейшем изложении это обозначение еще не раз будет нами применено.

В качестве некоторых предварительных итогов, без которых сложно будет двигаться дальше, необходимо отметить следующее:

– во-первых, не лишним для основной вынесенной в заглавие темы наблюдений за судьбой ИС 1073 г. во второй половине XIX в. будет замечание о несомненно возникшем со стороны общества интересе к этому памятнику письменности, возбужденном деятельностью двух светских императорских учреждений – ОИДР и ОЛДП;

– во-вторых, этот интерес в совершенно равной степени проявлялся как со стороны научных и церковных кругов, так и со стороны исторически обусловленной оппозиции всему официальному, церковному и светскому, со стороны той обособившейся части русского православия, называемой «старообрядством/старообрядчеством».

2

Во время проведения археографических сезонов 2018–2021 гг. сотрудниками отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН был открыт и в конечном счете приобретен Сборник, состоявший из двух произведений: «Книги Анастасия» и «Апокалипсиса Иоанна Феолога». Экспедиции проходили в Эвенкийском, Енисейском и Туруханском районах Красноярского края. К слову сказать, сформировавшаяся еще полвека назад Красноярская коллекция в последние годы активно пополняется рукописными и старопечатными книгами, обнаруженными в старообрядческих поселениях этой географически огромной территории. По своему составу и репертуару собранная здесь коллекция очень близка Томской. Основу обоих собраний составляют и древние книги и новописьменные сборники-«цветники» XIX – начала XX в. Состав старообрядчества по соглашениям в Красноярском крае тот же, что и в Томской области – большая часть енисейских староверов – выходцы с Оби. В истории формирования древнерусского фонда ГПНТБ СО РАН зафиксирован случай, когда одна часть когда-то цельной частной старообрядческой библиотеки получена в Томской области и отнесена к Томскому собранию, а другая обнаружена в Красноярском крае.

Основное внимание археографов сегодня сосредоточено на беспоповских толках староверия: близких к скрытникам титовцам и крайне малочисленной, генеалогически ни с кем не связанной, не похожей на традиционные старообрядческие объединения группе так называемых обительских (антониевцев).

Поездка в поселки титовских староверов позволила обнаружить, как думалось вначале, лицевой список Апокалипсиса Иоанна Богослова с толкованием в поздней рукописной традиции. Как выяснилось после внимательного изучения и описания рукописи, находка содержала еще и практически полный текст «Ответов Анастасия Синаита», основной части ИС 1073. Не сразу рукопись стала достоянием государственного хранилища, ее тогдашний владелец, хорошо известный среди одноверцев переплетчик и собиратель древних книг У.Н. Сидоркин, пообещал привести ее в порядок и только после этого передать книгу в новосибирскую библиотеку. Судя по нынешнему состоянию рукописи, работа предстояла нешуточная: разобрать по порядку рассыпанные листы, восстановить утраченные со временем тексты, сформировать тетради, сшить и переплести после всего этого блок. Этим объясняется новенький, «с иголочки», переплет рукописи: доски в черном дерматине, две самодельные застёжки, металлические (дюралюминиевые) уголки верхней и нижней крышек переплета и ромбовидный средник на верхней крышке. К моменту проведения восстановительных работ у владельца кодекса нашлась только одна книга для восполнения утраченных частей оригинала: Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского. Для второй же ее части, «Книги Анастасия Синаита», не нашлось ничего, в результате рукопись получила окончательный вид с лакунами в тексте, пропусками листов, их путаницей.

Список, полученный в Енисейском районе, принадлежит группе рукописей ИС 1073, ведущих начало от списка 1619 г. из собрания П.А. Овчинникова (ф. 209 РГБ) № 108 [4. С. 82–83]. В нее входят также рукопись 1891 г. из собр. Прянишникова (ф. 242 РГБ, № 193) [4. С. 86–87], рукопись второй половины XIX в. из собр. Никифоровых (ф. 199 РГБ, № 637) [4. С. 87], а также две рукописи Томского областного краеведческого музея – ТОКМ 7903/15 и ТОКМ 7903/25 конца XIX и конца XIX – начала XX в. соответственно. Все списки (с небольшими отличиями) повторяют писцовую запись Овчинниковского списка 1619 г.: «Бога благодатию и человеколюбием, в благодати Господа нашего Иисуса Христа, по действию святого Духа. Начата и совершена бысть книга Анастасия и Апокалипсис блаженного Иоанна Феолога с толкованием. В лето от создания миру 7127. А от воплощения Господа нашего Иисуса Христа 1619 мая 10 дня. А пілным промышленіем и власным накладом списана бысть ереєм Козмы Левьковского. Начася и совершися в месте Александрови; написал ее раб Божий недостойный Петр Левонович з Ровного дьяк». Заметим, что наличие записи XVII в. – самая устойчивая черта этой редакции ИС 1073.

Место создания настоящей рукописи – и сегодня существующее на карте Украины село Александрово

Варашского района Ровенской области. К сожалению, о лицах причастных к появлению настоящей рукописи, ничего существенного выяснить не удалось. К характеристике Овчинниковского списка следует добавить еще сведения о бумаге, использованной при создании этой рукописи. По водяным знакам она однозначно связывается с западными землями Московского царства. Типы и варианты бумажных знаков обнаруживаются в основном в альбомах филиграней, снятых с документов украинского происхождения: гербы, кресты, рожки, щиты разнообразного литерного сопровождения. Время использования бумажных материалов ограничивается периодом 1615–1624 гг. [5].

Только красноярская рукопись по составу полностью совпадает с закреплённой в писцовой записи древнейшего списка этой группы: «книга Анастасия и Апокалипсис блаженного Иоанна Феолога с толкованием». Правда, в нынешнем состоянии книги изменился порядок следования произведений: в начале находится Апокалипсис, после него идет Изборник.

Красноярский сборник (шифр хранения ГПНТБ СО РАН, Древлехранилище им. Е.И. Дергачевой-Скоп, F VI.15) – рукопись in folio (33,1 × 20,7 см) на 389 листах, судя по записи в конце книги, работа над ее созданием была завершена 15 января 1892 г. На обороте последнего листа после общей для всех списков овчинниковской группы информации о времени создания оригинала 1619 г. (Овчинниковский список) / 1627 г. (Красноярский список) следует приписка-колофон. Тайнописью, роль

которой в данном случае выполняет греческий алфавит с вкраплением отдельных букв кириллицы, сообщается следующее: «Πησαλι σῶν κνηγῶν δβα ροδῶνῃ βρατῆι μνὸγὸγρεσῶνῃ η νεδοστονῆι ραδῖ βζῆι Ζωσημ η Μακαρ. Началη πησατη κνηγῶ σῶν β ζυ лето ζ октоβριу меζεσα; Α οκονζενα κνῆγα сια γεγβαρα ει σεν. В лето зуа^ε. Аще β κνηγη σεη ваηдетса каковаа ωπίска ηλί νεδοπίска ηλη στο пропхѹево, то прошоу Хς ραδῖ ηспраβηтъ» («Писали сию книгу два родных братии, многогрешный и недостойный раби Божии Зосим и Макар. Начали писати книгу сию в 7400 лето 6 октябriu месеца; Α окончена книга сиа генваря 15 дни в лето 7401-е. Аще в книге сей найдется каковаа описка или недописка, или что пропущено, то прошоу Х[ри]с[та] ради исправить»). Учитывая особенности перевода дат от Сотворения Мира в даты от Рождества Христова в некоторых толках беспоповцев и солидарных с ними поповскими старообрядцами [6]¹, месяц и год (октябрь 7400 г.) начала работы, откоррелированные месяцем завершения ее (январь 7401 г.), приводят к 1892 г. как времени создания самой книги. На наш взгляд, отсутствие датировки от Рождества Христова в поздних рукописях ИС 1073 может быть связано с пониманием этого отклонения от общепризнанной методики вычисления расстояния между этими событиями мировой истории, тем самым предоставляя читателю самому определиться в датировке времени работы над рукописью до ее завершения. В противном случае мы должны были бы получить даты начала работы над красноярским Сборником 1900–1901 гг.

Сравнение выходной записи писца Овчинниковского списка 1619 г. и поздних воспроизведений ее в 1890-е гг.

РГБ, собр. П.А. Овчинникова (ф. 209), № 108, 29,7 × 19,1, 224 л.	РГБ, собр. Г.М. Прянишникова (ф. 242), № 193, 37,2 × 22,5, 244 л.	ТОКМ 7903/15 + Вопросы князя Антиоха... 23,8 × 18,5, 583 л.	ОРКиР ГПНТБ СО РАН 2018 г. 33,3 × 20,7; 389 л.
Бога благодатию и человеколюбием, в благодати Господа нашего Исуса Христа, по действию святого Духа. Начата и совершена бысть книга Анастасия и Апокалипсис блаженного Иоанна Феолога с толкованием. В лето от создания миру 7127. А от воплощения Господа нашего Исуса Христа 1619 мая 10 дня. А пїлным промышленїем и власным накладом списана бысть ереем Козмы Левьковьского. Начася и совершися в месте Алеѣандрови; написал ее раб Божий недостойный Петр Леонович з Ровного дяк	Бога благодатию и человеколюбием, в благодати Господа нашего Исуса Христа, по действию святого Духа. Начата и совершена бысть книга Анастасия и Апокалипсис блаженного Иоанна Феолога с толкованием. В лето от создания миру 7127. мая 10 дня. А пїлным промышленїем и власным накладом списана бысть ереем Козмы Левьковьского. Начася и совершися в месте Алеѣандрови; написал ее раб Божий недостойный Петр Леонович з Ровного дяк. А начата сия святая книга Анастасия преписоватися в 7400-е лето месяца сентября 10-го дня на память святых мучениц Минодоры и Митродоры и Нимфодоры. И свършена того же лета в 7400-е лето месяца ноября 12 дня на память иже святых отца нашего Иоанна Милостиваго, архиепископа Александрийскаго и преподобнаго отца нашего Нила. Тщанием жителя села Городца Григорием Матвеевичем Прянишников. Книга чтена и исправлена	За благом и человеколюбием в благодати Господа нашего Исуса Христа, по действию святого Духа начата и совершена бысть сия книга Анастасия и Апокалипсис блаженного Иоанна Феолога с толкованием в лето от создания миру 7127, а от воплощения Господа нашего Исус Христа 1627, месяца мая 10 дня. А пїлным промышленїем и власным накладом списана бысть ереем Козмы Левсковского. Начася и совершися в месте Александрови, написал ее раб Божий недостойный Петр Леонович, з Ровного дяк	Бога благого благодатию и человеколюбием, в благодати Господа нашего Исуса Христа, по действию святого Духа. Начата и совершена бысть сиа книга Анастасия и Апокалипсис блаженного Иоанна Феолога с толкованием. В лето от создания миру 7127. А от воплощения... нашего Исуса Христа 1627 мая 10 дня. А тайным промышлением и власным накладом списана бысть ереем Козмы Левсковского. Начася и совершися в месте Александрови; написал ее раб Божий недостойный Петр Леонович з Ровног[о] дяк. Писали сию книгу два родных братии, многогрешный и недостойный раби Божии Зосим и Макар. Начали писати книгу сию в 7400 лето 6 октябriu месеца; Α окончена книга сиа генваря 15 дни в лето 7401-е. Аще в книге сей найдется каковаа описка или недописка, или что пропущено, то прошоу Х[ри]с[та] ради исправить

Бумага рукописи белая, плотная, без штемпелей и филигранных.

Текст размещается на листе в 29 строк, местами видны прочерченные простым карандашом границы, особенно для завершающих разделы книги «косынок». Как следует из выходной записи, текст создавался двумя писцами, братьями Зосимом и Макаром. Их полууставные почерка заметно отличаются один от другого. В некоторых случаях, вероятно, пришлось прибегать к услугам третьих лиц, но делалось это крайне редко. Если только не объяснять появление вариантов письма усталостью переписчика, сменой пера, чернил и другими обстоятельствами. Так или иначе это требует дальнейшего наблюдения и анализа.

Как уже отмечалось выше, Апокалипсис и «Книга Анастасия» не дошли до нашего времени в полном объеме. Утраты незначительны, но влияют на представление о количестве и порядке следования разделов, особенно в случае с ИС 1073, в котором, по приблизительным подсчетам, не хватает 75 листов. Свидетельством изначального расположения «Книги Анастасия» на первом месте в рукописи являются спонтанно встречающиеся обозначения писцами листов, где порядок характерен скорее для открывающего сборник произведения, но никак не завершающего его: например, обозначения ближе к концу л. 146–203 из 398 листов книги. Это следствие незнания последнего владельца рукописи о порядке следования ее частей в оригинале.

Дефектность красноярского списка ИС 1073 и, как следствие, гипотетичность выводов о близости его к той или иной рукописи овчинниковской группы в одном случае восполняются удачно сохранившимся листом с Оглавлением произведения, где отмеченная исследователями особенность прянишниковского списка, а именно порядковый № 86 главы «Вопросы и ответы Григория Богословца и Василия», дает возможность использовать ее как приметку, определяющую связь этого списка с другими рукописями в противовес оригиналу, в нашем случае рукописи Овчинниковского собрания. В самом красноярском списке эта глава сохранилась только во фрагменте, без названия и начала.

Характерной особенностью Овчинниковской рукописи, усвоенной затем списками с нее, является наличие библиографических ссылок на полях. Кроме того, обращает на себя внимание тщательно выполненное украшение рукописи: наличие инициалов с орнаментальными отростками, вязь в заголовках, на полях указующие персты. Списки XIX в., каждый по-своему, воспроизвели эту сторону рукописи. Рукопись собрания Г.М. Прянишникова украшается миниатюрами, заставками и цветами на полях в красках с золотом, выполненными в стиле старопечатного орнамента.

Для «сибирских» списков тоже характерно особое внимание к внешнему оформлению рукописей: замысловатые многокрасочные инициалы, заставки, концовки. И даже тексты в целом воспроизводят особенности именно данной группы «Книги Анастасия».

Итак, мы имеем три списка ИС 1073 в сибирских хранилищах, различных как по исполнению, так и по украшению (см. таблицу). Один из них происходит из

круга московских и нижегородских антикваров, писцов и собирателей и, как представляется, связан с именем одного из них – И.Г. Блинова. Он бытовал в среде православных священнослужителей, но как он туда попал – пока неизвестно. Можно говорить о двух писцах, выполнявших этот список, – это Макары и Петр, ученик Кирилла, архиепископа белокриницкого [7]; имена остальных устанавливаются по сведениям красноярского списка.

Третий, список ГПНТБ СО РАН, недвусмысленным образом примыкает к этому последнему, расширяя наши представления о группе сибирских писцов, создававших списки произведений книжной культуры Древней Руси. Макары томского музейного списка, оригинальным образом обозначивший себя в концовке одного из разделов, также закрепил свое имя в концовке «Вопроса 7: добро ли есть комкати ча-сто или по редку. Ответ...» – «Конец писал Макары Иванов» (л. 219 об., фолиация исследовательская). Отмеченная выше текстологическая близость ее к рукописи собрания Прянишникова прослеживается также в ее убранстве. Оформление этой рукописи братьями Зосимой и Макаром Ивановыми, пожалуй, самая яркая черта ее внешнего облика: ни одного повторения в рисунке и красках для заставок (19), инициалов (79), киноварной вязи с инициалами (13), украшений на полях (7), концовок (21). Богатейший арсенал для создания запоминающихся образцов рукописной книги позднего периода!

Кроме того, сопоставление почерков позволяет выявить другие работы, выполненные теми же писцами. А это, в свою очередь, дает возможность поставить сибирские списки ИС 1073 в определенный культурно-исторический контекст, создававшийся целой группой писцов, трудившихся в это время. Этот контекст, включая в себя помимо текста Изборника труды Исаака Сирина, Апокалипсис, некоторые апокрифы, типологически совпадал с традиционным кругом чтения урало-сибирских старообрядцев.

Учитывая стремление писателей-старообрядцев в их творчестве опереться на обрядовую и догматическую традицию доступного им фонда славяно-русских книг, представляется возможным поставить также вопрос об обращении в старообрядческой среде конкретных рукописей, памятников кириллической традиции, из числа известных археографической науке, попавших в описания рукописных собраний, в том числе изданных для широкого употребления, или, наоборот, мало известных, отразившихся лишь в ссылках на их наличие в домашних библиотеках. Богатый источниковедческий материал подобного плана представляют сибирские старообрядческие сборники, содержащие сведения об обращении к древним рукописям, составляющим корпус авторитетных книг: «Кормчая 13 века», «Книга летописец древней рукописной», «Книга Андрея Кесарийского... на коже 15 века», «Симеон Новый Богослов 16 века» и др. Подобные примеры использования рукописей разных жанров, содержание выписок из них позволяют с высокой степенью уверенности отождествлять эти материалы с известными в научном обиходе своей древностью книгами:

Синодальный список Кормчей XIII в. «на баргамене», Острожская Библия, как в нашем случае, Изборник 1073 г. и мн. др. В этом контексте, на наш взгляд, следует рассматривать и обращение старообрядцев-книжников к произведениям самой ранней поры истории православной книги на Руси.

3

Суммируя сведения об Овчинниковской группе рукописей ИС 1073, трудно не обратить внимание на их принадлежность и тесную связь со старообрядческими обществами Москвы, Нижнего Новгорода, Городца, таежных территорий Томской губернии второй половины XIX в. Г.М. Прянишников – балахнинский купец 2-й гильдии из старообрядцев-беспоповцев; П.А. Овчинников – волжский купец-хлеботорговец, видный деятель совета Всероссийского братства беглопоповцев, незадолго до смерти присоединился к старообрядцам Белокриницкой иерархии; продавший П.А. Овчинникову «Книгу Анастасия Синаита» И.Л. Силин – старообрядец по так называемому Окружному посланию (в юности служил дьячком в храме на Рогожском кладбище, Древлеправославная церковь Христова / белокриницкая иерархия).

В рукописи собр. Овчинникова (РГБ, ф. 209, № 108) на обороте верхней крышки переплета в левом верхнем углу почерком П.А. Овчинникова запись о покупке рукописи «Книги Анастасия Синаита» «У Ив. Лукича Силина 18 15/XII 94», сопровождаемая простой литореей «ви(?) селки мушсеи лемещ», что может быть прочитано «шести рублей сереб[ром]». Известно, что собрание П.А. Овчинникова пополнялось приобретением рукописей у разных лиц, в частности у И.Л. Силина им было куплено 18 книг [8. С. 179]. Однажды И.Л. Силин демонстрировал свое собрание на выставке древнерусского искусства, работавшей в стенах Императорского Российского Исторического музея в дни проведения VIII археологического съезда в 1890 г. «Четвертый зал экспозиции был целиком отведен для его коллекции. Здесь демонстрировались 113 рукописей и старопечатных книг, а также 198 икон и предметов церковной утвари» [9]. Что интересно, в изданном каталоге этой выставки «Книга Анастасия Синаита» не значится. Хотя наряду с древностями XV и XVI вв. выставлялись сборники и отдельные рукописные произведения конца XVII и XVIII вв. [10]. Может ли это отсутствию свидетельствовать, что рукопись в данный момент не находилась в его руках, а была передана им, например, в руки одноверцев для целей снятия с нее копии? Даты создания Прянишниковского и Красноярского списков, 1891–1892 гг. вполне оправдывают такое предположение.

Нетрудно заметить связь описанных процессов с возникновением в XIX в. нового старообрядческого согласия – белокриницкого. Это видно и по персоналиям участников разбираемых событий, и по территориальной принадлежности их прежде всего ведущим центрам беглопоповщины страны: Санкт-Петербург, Москва, Урал, Сибирь. По утверждению новейшего исследования становления белокриницких обществ в

Сибири, их специфика определялась «удаленностью от всяческих властей (и, следовательно, большей независимостью от них)» [11. С. 199]. Особо подчеркивается роль иноков часовенного происхождения, переселившихся с Урала, в развитии монашеской организации «австрийцев».

Возникновение под Томском авторитетного Казанского скита на долгое время определило влияние его насельников во всем урало-сибирском регионе. Успешному оформлению и существованию такой монастырской организации способствовали развитые аскетические традиции иноков, а также близость и постоянные контакты с видными фигурами столичных белокрыницких обществ, Рогожского кладбища в первую очередь. «Влияние отшельников подкреплялось не только их духовным авторитетом, но и аккумуляцией различных пластов книжной и культурной традиции» [11. С. 199].

Поэтому вопрос о реконструкции книжного фонда Казанского скита, организации работы его скриптория, выявления персоналий иноков, занимавшихся перепиской и оформлением рукописей, представляется нам важным направлением дальнейших поисков на этом пути.

Выводы

Поиски ответов на вопрос о причинах появления повышенного интереса среди старообрядцев во второй половине XIX в. к одному из древнейших памятников древнерусской письменности, а именно Изборнику Святослава 1073 г., приводят к следующей последовательности событий и фактов:

1. Выход в 1880 г. очередного тома серии ОЛДП (Санкт-Петербург), посвященного «Изборнику великого князя Святослава 1073 г.», длительная, растянувшаяся на три с лишним десятка лет история его подготовки, несомненно, способствовали возбуждению повышенного интереса в православных кругах общества к этой древней энциклопедии «догматического богословия, христианской нравственности и мировидения» [12. С. 194].

2. Это обстоятельство не осталось незамеченным, и в 1890-е гг. сразу в нескольких регионах страны появляются новые списки «Книги Анастасия Синаита», восходящие к хранящейся сегодня в Российской государственной библиотеке рукописи Овчинниковского собрания (ф. 209, № 108) 1619 г., судя по писцовой записи. Как минимум три списка из них имеют сибирское происхождение.

3. Археографическое описание хранящихся в Новосибирске (ГПНТБ СО РАН) и Томске (ТОКМ) рукописей с Изборником Святослава 1073 г. выявило трех писцов, занимавшихся перепиской этого древнего книжного произведения в редакции 1619 г.: братьев Зосима и Макара Ивановых, а также некоего Петра, «ученика Кирилла».

4. Только новосибирский список в настоящее время представляет собой полное повторение замысла оригинала 1619 г. (Овчинниковский список), зафиксированного в записи писца Петра Леоновича,

«з Ровного дьяка». Набор текстов Сборника представлен «Книгой Анастасия» и «Апокалипсисом Иоанна Феолога с толкованием».

5. Образование во второй половине XIX в. недалеко от Томска Казанского скита староверов белокриницкого со-

гласия, с полной организацией самостоятельной хозяйственной и духовно-нравственной внутренней деятельности, дает повод рассматривать его в качестве учреждения – инициатора работ по переписке и тиражированию необходимой литературы служебного и четьего характера.

Примечание

¹ Особенностью перевода дат от Сотворения Мира в даты от Рождества Христова у сибирских старообрядцев, близких бегунскому согласию, было представление о хронологической разнице между этими событиями в 5500 лет, а не традиционные 5508.

Список источников

1. Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. Петербург, 1880 (фототип. изд.) ; Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. С греческим и латинским текстами // ЧОИДР. 1882. Кн. 4.
2. Филаткина Н.А. Династия Морозовых: лица и судьбы. М. : Издательский Дом ТОНЧУ, 2011.
3. Вургафт С.Г., Ушаков А.И. Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М. : Церковь, 1996.
4. Грязина Л.П., Щербачева Н.А. К текстологии Изборника 1073 г. (по рукописям Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина) // Изборник Святослава 1073 : сб. ст. М. : Наука, 1977. С. 56–89.
5. Каманін І., Вітвіцька О. Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. (1566–1651). Київ : Друкарня Всеукраїнської Академії Наук, 1923.
6. Мальцев А.И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1996.
7. Изборник 1073 г. // PRO Сибирь. URL: <https://prosiberia.tsu.ru/catalog/49/140225> (дата обращения: 25.10.2023).
8. Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. Указатель. Т. 1, вып. 2 (1917–1947). М. : ГБЛ, отдел рукописей, 1986.
9. Силин Иван Лукич (ок. 1825–1899) // АртПанорама : Каталог выставки частного собрания. URL: <http://www.artpanorama.su/?category=article&show=subsection&id=212> (дата обращения: 25.10.2023).
10. Собрание рукописей, книг старой печати, икон и крестов И.Л. Силина. Зала 4-я / сост. В. Щепкин // Каталог выставки 8 археологического съезда в Москве. М., 1890. С. 1–26.
11. Старухин Н.А. Сибирские общества белокриницких староверов во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2015.
12. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Л. : Наука, 1987.

References

1. *Chiteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh*. (1882) Izbornik velikogo knyazya Svyatoslava Yaroslavich 1073 goda. Peterburg, 1880 (fototip. izd.); Izbornik velikogo knyazya Svyatoslava Yaroslavich 1073 g. S grecheskim i latinskimi tekstami [Izbornik of Grand Prince Svyatoslav Yaroslavich of 1073. Petersburg, 1880 (phototype ed.); Collection of Grand Prince Svyatoslav Yaroslavich, 1073. With Greek and Latin texts]. 4.
2. Filatkina, N.A. (2011) *Dinastiya Morozovykh: litsa i sud'by* [Morozov dynasty: people and destinies]. Moscow: Izdatel'skiy Dom TONChU.
3. Vurgaft, S.G. & Ushakov, A.I. (1996) *Starobryadchestvo. Litsa, sobytiya, predmety i simvoly. Opyt entsiklopedicheskogo slovary* [Old Believers. Persons, events, objects and symbols. Experience of an encyclopedic dictionary]. Moscow: Tserkov'.
4. Gryazina, L.P. & Shcherbacheva, N.A. (1977) K tekstologii Izbornika 1073 g. (po rukopisyam Gosudarstvennoy biblioteki SSSR im. V.I. Lenina) [On the textual criticism of the Izbornik of 1073 (based on manuscripts of the State Library of the USSR named after V.I. Lenin)]. In: *Izbornik Svyatoslava 1073: Sbornik statey* [Izbornik of Svyatoslav 1073: Collection of articles]. Moscow: Nauka. pp. 56–89.
5. Kamanin, I. & Vitvits'ka, O. (1923) *Vodyani znaki na papiri ukrains'kikh dokumentiv XVI i XVII vv. (1566–1651)* [Watermarks on paper of Ukrainian documents of the 16th and 17th centuries (1566–1651)]. Kyiv: Drukarnya Vseukraïns'koï Akademii Nauk.
6. Mal'tsev, A.I. (1996) *Starover'y-stranniki v XVIII – pervoy polovine XIX v.* [Old Believers-Wanderers in the 18th – first half of the 19th centuries]. Novosibirsk.
7. PRO Sibir'. (2023) *Izbornik 1073 g.* [Izbornik of 1073]. [Online] Available from: <https://prosiberia.tsu.ru/catalog/49/140225> (Accessed: 25.10.2023).
8. Manuscript Department of the State Library of the USSR. (1986) *Rukopisnye sobraniya Gosudarstvennoy biblioteki SSSR imeni V.I. Lenina. Ukazatel'* [Manuscript collections of the State Library of the USSR named after V.I. Lenin. Index]. Vol. 1, Is. 2 (1917–1947). Moscow: Manuscript Department of the State Library of the USSR.
9. ArtPanorama. (2023) *Silin Ivan Lukich (ok. 1825–1899)* [Ivan Lukich Silin (c. 1825–1899)]. [Online] Available from: <http://www.artpanorama.su/?category=article&show=subsection&id=212> (Accessed: 25.10.2023).
10. Shchepkin, V. (1890) *Sobranie rukopisey, knig staroy pechati, ikon i krestov I.L. Silina. Zala 4-ya.* [Collection of manuscripts, old printed books, icons and crosses by I.L. Silin. Hall 4]. In: *Katalog vystavki 8 arkheologicheskogo s'ezda v Moskve* [Catalog of the exhibition of the 8th Archaeological Congress in Moscow]. Moscow. pp. 1–26.
11. Starukhin, N.A. (2015) *Sibirskie obshchestva belokrinitckikh staroverov vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Siberian societies of Belokrinitckiy Old Believers in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk.
12. Nauka. (1987) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of scribes and book-knowledge of Ancient Rus']. Vol. I. Leningrad: Nauka.

Информация об авторе:

Бородихин А.Ю. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник лаборатории библиотечных и коммуникативных исследований Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: borodichinA@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.Yu. Borodikhin, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: borodichinA@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.11.2023;
одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 29.02.2024.*

*The article was submitted 06.11.2023;
approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 29.02.2024.*

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/15617793/499/4

Характеристики автореферентных и инореферентных компонентов дискурса саморефлексии французских женщин «третьего возраста»

Елизавета Чигисовна Дахалаева¹

¹ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, lizdach@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются автореферентные (положительные, принимаемые коммуникантом концепты) и инореферентные компоненты (чуждые, не принимаемые концепты) в нарративах французских женщин старшего возраста. Анализ практического материала проведен с помощью корпусного менеджера Sketch Engine и экспертного контекстуального и семантического метода. Предлагается схема, на которой наглядно представлены наиболее используемые языковые средства, маркирующие взаимодействие автореферентных и инореферентных компонентов.

Ключевые слова: автореферентность, инореферентность, нарратив, коммуникант старшего возраста, интернет-дискурс

Для цитирования: Дахалаева Е.Ч. Характеристики автореферентных и инореферентных компонентов дискурса саморефлексии французских женщин «третьего возраста» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 28–40. doi: 10.17223/15617793/499/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/4

Characteristics of self-referential and other-referential components of the self-reflection discourse of third-age French women

Elizaveta Ch. Dakhalaeva¹

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, lizdach@mail.ru

Abstract. The aim of the given study is to determine the general characteristics of self-referential (positive concepts accepted by the communicant) and other-referential (negative and unacceptable concepts) components in the narratives of French women of older (third) age. The material of this study is represented by the first-person reflections of French women aged from 50 to 75. The narratives represent the perception of women concerning their age and the process of further aging. The collected material was studied both with the help of expert contextual and semantic analysis, and with the use of the Sketch Engine corpus manager. The analysis of the practical material shows that certain lexical, grammatical and stylistic means play a special role in the construction of such a discourse. The analyzed narratives are lexically diverse, an abundance of lexemes with the opposite meaning (“jeune/old”- “vieux/young”) has been revealed. The most common nouns are “an/year”, “vie/life”, “âge/age” closely linked with the main concepts of the women’s life reflections. The communicants often return to their past, remembering their youth, summing up several life period results, comparing themselves in the past and present, and sometimes projecting their lives into the future. For this purpose, the forms of the past, present and future tenses are used in the narratives. The study shows that the older woman who accepts her age is a determined personality and she puts up and clearly delineates her personal boundaries. Thus, the self-referential circle includes such concepts as “Woman”, “Children”, “Family”, “Hobbies”, “Sports”, “Music”, “Fashion”, “Travel”, “Cuisine”. Her inner circle is contrasting with the concepts that she considers unacceptable (the society that promotes youth and condemns old age, the media as a mouthpiece of ageist public opinion, health problems, body ageing, the younger generation competing with the elders, depression, melancholy, decline of spirit). This all is forming the other-referential circle in the older women’s narratives. As the idea of comparison and opposition is inevitable in such a discourse, the degrees of comparison of adjectives and adverbs, personal pronouns of the 1st and 3rd person, conjunctions expressing concession and opposition are widely used. At the end of the study, the author proposes a scheme (figure 2), which clearly shows the most used language tools marking the interaction of self-referential and other-referential components.

Keywords: self-reference, other-reference, narrative, older communicant, Internet discourse

For citation: Dakhalaeva, E.Ch. (2024) Characteristics of self-referential and other-referential components of the self-reflection discourse of third-age French women. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 28–40. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/4

Введение

Возраст ассоциируется с традиционными понятиями молодости, зрелости и старости. За последнее столетие продолжительность жизни значительно увеличилась. К примеру, во Франции с 1950 по 2019 г. граждане стали жить в среднем дольше на 16 лет: женщины – с 69 до примерно 85 лет, и мужчины – с 63 до примерно 79 лет. Как следствие, традиционные возрастные классификации изменились. Изначальное деление на первый, второй и третий возраст дополнилось категориями четвертого (с 75 лет) и даже пятого возраста (с 90 лет) [1].

Возраст человека является объектом множества научных трудов. Помимо многочисленных исследований в медицине, психологии, социологии на сегодняшний день существуют различные исследования вербальных проявлений возраста в рамках лингвистических изысканий:

- изучаются особенности дискурса пожилых людей в социальной сети ВКонтакте [2];
- анализируется язык и коммуникация людей в возрасте поздней зрелости (дискурсы пожилых) [3];
- проводится анализ вербальной рефлексии пожилых людей над собой, своим возрастом, социальным статусом [4];
- осуществляются исследования влияния гендерных различий на язык [5], рассматривается языковая репрезентация мужчин и женщин на материале разнотипных языков [6];
- исследуются различные типы экспрессивных единиц, маркирующих различия мужской и женской коммуникации, с использованием лингвистических и статистических методов анализа [7];
- проводится анализ того, как женщины номинируются в языке, как их образ моделируется языковыми и дискурсивными средствами в повседневной жизни и в средствах массовой информации [8].

Дискриминация по возрастным признакам, известная как эйджизм, также интересует ученых всех областей знания. На сегодняшний день существует достаточное количество работ, посвященных изучению лингвистической составляющей данной социальной проблемы. К примеру, при исследовании языка эйджизма делаются выводы о том, что указанное явление очень сложное и трудноидентифицируемое [9].

Эйджизму подвергаются лица и мужского и женского пола. И тем, и другим также свойственны переживания по поводу уходящей молодости и приближающейся старости. Тем не менее тема возраста является особенно животрепещущей для коммуниканта женского пола. Традиционные представления общества основаны на восприятии женщины как сексуального объекта и продолжательницы рода, но факт утраты функции репродукции способствует планомерной стигматизации женщины в возрасте 50+. Так, согласно Сьюзан Сонтаг, *for most women ageing means a humiliating process of gradual sexual disqualification* (старение для женского пола – это унижающий процесс постепенной сексуальной дисквалификации) [10. Р. 287].

По словам С. Пао, *de nombreuses.eux auteur.e.s constatent que les hommes «d'âge mûr» sont plus valorisés que les femmes du même âge. En général, le cheveu blanc ne leur ôte pas les pouvoirs social, économique, politique et symbolique, mais au contraire leur donne un nouveau laisser-passer aux postes supérieurs* (многие исследователи констатируют, что мужчины «зрелого возраста» ценятся выше, чем женщины того же возраста. Вместе с тем автор отмечает, что необходимо повысить узнаваемость женщин в возрасте 50 лет и старше и больше говорить на тему старения и возраста) [11].

Так, современные франкоязычные СМИ включают достаточное количество онлайн-журналов и блогов (Elle, Huffingtonpost, Marie France, Heureux dans sa vie, Pour bien vieillir, Europe 1, Franceinfo, Femme actuelle, Coup de vieilles, MadMoiZelle, Jeune vieilliss pas), в которых публикуются статьи, очерки, свидетельства и интервью с женщинами 50+. Они рассуждают на тему возрастных изменений, недостатков и достоинств процесса старения, рассматривая данную проблему с различных подходов и формулируя в итоге свое собственное видение этого неоднозначного физиологического и психологического процесса.

Таким образом, данная статья посвящена изучению автореферентных и инореферентных компонентов дискурса саморефлексии французских женщин.

Автореферентность и инореферентность: к определению понятий

Автореферентность является объектом многочисленных исследований в различных областях знания (математике, философии, логике, социологии, искусствоведении, правоведении и др.). Автореферентность определяется в самом общем смысле как ориентированность объекта или явления на самого себя, ситуация «использования себя в качестве референта для определения себя же» [12. С. 110]. В логике и философии примерами автореферентности являются парадоксы лжеца и брадобрея, в искусствоведении – автопортрет художника, в музыковедении – fuga [13], в стихотворных произведениях – прием повтора строки или четверостишия, в деловой корреспонденции – автобиография, самохарактеристика, резюме. Ситуация самореферентности, когда знак указывает сам на себя, создает своеобразную семантическую петлю, порождая множество вопросов, также интересует и лингвистов. На самом деле знак и референт всегда неразрывно связаны [14].

В лингвистических исследованиях использование термина «автореферентность» можно наблюдать на различных уровнях: автореферентной(-ым) может быть номинация, высказывание, дискурс, жанр. Согласно С.Н. Плотниковой, автореферентный дискурс, или дискурс коммуниканта о самом себе, – это дискурс, центральным референтом которого становится сам говорящий [15. С. 131–136]. По определению Е.В. Солодковой, каждый женский автореферентный дискурс представляет собой совокупность самоидентифицирующих высказываний, посредством которых реализуется потребность женщины в самопрезентации

и самореализации [16. С. 5]. По словам К. Ажежа, в центре высказывания тот, кто его произносит, кто использует местоимение «я» («je») – сам говорящий [17. Р. 99]. Выстраивая дискурс о себе, коммуникант использует целую гамму самономинаций, или автореферентных номинаций [18. С. 5]. Автореферентный жанр – это жанр, коммуникативной функцией которого является самопрезентация [19. С. 29]. Согласно Е.Е. Бразговской и Е.А. Смердовой, «как зеркало помогает человеку увидеть свое лицо, так и нарратив позволяет собрать воедино события своей жизни, впечатления, соединить прошлое и настоящее. Иными словами – увидеть свою “самость”, создать себя, обнаружить в мире такой объект, как self. Автобиографии и дневники – это нарративы, в основании которых лежит техника автореферентного отображения» [20. С. 96].

Термин **инореференция** заимствован лингвистами из трудов немецкого социолога и философа Никласа Лумана, согласно которому внутри определенной системы разворачиваются два диаметрально противоположных процесса: ее ориентированность к самой себе («самореференция») и ее направленность на внешние объекты и факторы («инореференция») [21. С. 21]. По словам Н. Лумана, инореференция – это отсылка к тому, что находится вне системы массмедиа [21. С. 21–29]. Опираясь на данную формулировку и изучая конструирование медиареальности в телемагазине, исследователи Е.А. Кожемякин и Т.Р. Красикова описывают противопоставление понятий «автореференция» и «инореференция» следующим образом: любой товар до «погружения» в телереальность изначально обладает своими собственными автореферентными характеристиками (функциональностью и дизайном, физической устойчивостью при проведении экспериментов и количественной спецификацией). В сфере медиа, а именно в телемагазине, товар «погружается» в совокупность разнообразных ситуаций, категорий и правил. В результате образ товара трансформируется таким образом, что он начинает приобретать те качества, которые изначально не были ему присущи, но в пространстве медиареальности становятся его неотъемлемыми свойствами. Так, рекламируемый в телемагазине товар начинает затрагивать область эмоций адресата, превращается в социально значимый, элитарный, а также приобретает такое качество, как способность к применению в повседневных жизненных ситуациях потребителя [12. С. 109–110].

По словам Н. Лумана, выявляя и копируя отличия внутри себя самой с внешним миром, система самостоятельно отделяет внутренние параметры от внешних [21. С. 22]. Так, женщина старшего возраста, обладающая позитивным самовосприятием, определяет себя как полноценную как с физической, так и с психологической стороны личность. Тем не менее, ежедневно погружаясь в социум, женщина 50+ испытывает на себе воздействие различных социальных стереотипов, затрагивающих все сферы ее жизнедеятельности. Обществом устанавливается и постоянно поддерживается определенный образ, которому должна соответство-

вать современная женщина (семейное положение – замужем, финансовое положение – благополучная, образование – высшее, тело – молодое и подтянутое, лицо – без морщин, волосы – без седины и др.). Как уже было сказано ранее, возраст является одним из ведущих критериев, согласно которому женщине 50+ определяют как субъект, не соответствующий предъявляемым социальным требованиям.

Имея за спиной богатый жизненный, профессиональный, семейный опыт, женщина-коммуникант старшего возраста идентифицирует себя как зрелую и мудрую личность, которая, с одной стороны, осознает негативные аспекты старения и его неприятия в обществе (инореферентный круг), с другой – стремится выявить положительные моменты, приносимые возрастом (автореферентный круг).

Дихотомия «автореферентный – инореферентный» может быть соотнесена с понятиями «Свой круг» и «Чужой круг». Подобное, к примеру, было предпринято при выявлении взаимодействия автореферентных и инореферентных компонентов в свидетельствах франкоговорящих женщин, подвергшихся домашнему насилию. В исследовании было определено, что концепты «Насилие», «Страх», «Безысходность», «Борьба» образуют «Чужой (инореферентный) круг», тогда как концепты «Семья», «Друзья», «Умиротворение», «Спокойствие», «Защищенность» входят в «Свой (автореферентный) круг» [22. С. 206].

Цель и материал исследования

Таким образом, цель работы состоит в определении общей характеристики автореферентных и инореферентных компонентов в свидетельствах женщин старшего возраста на французском языке.

Актуальность статьи обусловлена возрастающим интересом лингвистов к изучению феномена саморефлексии в различных типах дискурса (политическом, персональном, институциональном, научном и т.д.) и важностью процессов саморефлексии как одной из ведущих потребностей коммуниканта как в рамках традиционного, так и в пространстве виртуального общения.

Объектом исследования является дискурс саморефлексии на примере нарративов французских женщин старшего возраста, опубликованных в сети Интернет.

Предметом изучения являются характеристики автореферентных и инореферентных компонентов дискурса саморефлексии французских женщин «третьего возраста» (на материале нарративов, опубликованных в Сети Интернет).

Материалом данного исследования послужили размышления французских женщин от 50 до 75 лет от первого лица, на тему позитивного восприятия своего возраста (на французском языке).

Нарративы представляют собой монологи женщин от 50 лет и старше в текстовом формате. Общий объем материала – 70 страниц шрифтом Times New Roman 14 кеглем.

Стоит отметить, что интерес нашего исследования сосредоточен на нарративах с позитивным осмыслением женщинами-коммуникантами своих возрастных изменений. Данным фактом обоснована выборка материала в поисковой строке Google. Запрашиваемые нами запросы были сформулированы следующим образом: *Je suis vieille et alors? J'ai 50 ans et alors? J'ai 60 ans et alors? J'ai des cheveux blancs et alors? (Я старая и что? Мне 50 лет и что? Мне 60 лет и что? У меня седые волосы и что?)*. Тем самым, для исследования отбирались те нарративы, в которых женщины-коммуниканты, описывая свои возрастные изменения, подчеркивают преимущества взросления и старения и тем самым противостоят мнению традиционного общества, стигматизирующему женский пол по возрастному признаку.

Методы. Собранный материал был исследован как с помощью экспертного контекстуального и семантического анализа, так и с применением корпусного менеджера Sketch Engine. Данная программа для анализа корпусов и текстов широко используется в лингвистических исследованиях. К примеру, при анализе интервью для определения взаимосвязи между языковой/речевой биографией пациента, страдающего афазией, и процессом его речевой реабилитации [23] или для выявления маркеров эмоций при анализе «эмоциональных откровений» в Интернете [24].

Результаты экспертного анализа

Круг автореференции, ядром которого выступает женщина-коммуникант, вбирает в себя понятия, расцениваемые субъектом речи как допустимые, близкие, ценные, приемлемые, принимаемые, которые можно включить в рамки определенных концептов. В данном исследовании мы опираемся на определение понятия «концепт», предложенное З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, согласно которому дискретное ментальное образование есть «образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и общественном отношении к данному предмету или явлению» [25. С. 236].

При анализе практического материала было выявлено, что автореферентный круг женщины старшего возраста вбирает в себя такие концепты, как «Семья», «Дети», «Друзья», «Умиротворение», «Хобби», «Спорт», «Музыка», «Мода», «Путешествия», «Кухня» и т.д. На семантическом уровне такие концепты актуализируются посредством высказываний и лексических единиц, объективирующих положительные для говорящего ассоциации. Итак, автореферентными в дискурсе женщины-жертвы выступают следующие компоненты:

– номинации членов семьи: (1) *Avant de commencer mon témoignage, je voudrais remercier Patrice, mon*

compagnon de route depuis 40 ans et nos deux filles Emilie et Sophie;

– номинации подруг и друзей, круга общения: (2) *J'adore faire des randonnées avec un groupe d'amis;*

– номинации видов спорта и активных видов деятельности: (3) *Je fais du sport 4 fois par semaine. Dont beaucoup de jogging avec un casque sur les oreilles pour écouter de la musique à fond ! Me faire du bien avec l'aquagym et plaisir avec le yoga et le Pilates, découvert l'an dernier;*

– номинации различных оздоровительных практик: (4) *Le yoga du rire est vraiment un outil très puissant. Il aide à désinhiber. Il permet de lâcher prise plus facilement;*

– номинации, обозначающие новую любовь, новые отношения: (5) *C'est justement à l'un de ces dîners entre amis que j'ai eu l'occasion de revoir Jean-François, notre ancien médecin de famille, devenu veuf lui aussi. Petit à petit, à la soixantaine, j'ai réalisé qu'il me plaisait;*

– номинации, обозначающие различные виды хобби: (садоводство и цветоводство) (6) *Je suis aussi une passionnée de plantes vertes et fleurs;* (домоводство) (7) *durant l'hiver, je redécore moi-même mon appartement (peintures, papiers peints, moquette, lino...);* (интернет-блог) (8) *je gère un site internet que j'ai fait moi même, ou je mets mes voyages, mes photos, la flore, la faune et les châteaux à découvrir, par region: Les ballades de Marie51 en France* и многое другое.

В дискурсе женщины 50+ **инореферентный круг** включает в себя ряд значимых понятий, которые коммуникант определяет в качестве чуждого, абьюзивного, неприемлемого, не принимаемого. Это такие концепты, как «Эйджизм», «Уныние», «Осуждения со стороны общества», «Осуждения мужчин», «Здоровье (состояние тела)», «Дальнейшее старение», реализуемые лексемами с соответствующим значением (*cauchemar, larmes aux yeux, meurtre, insultes, violence, reproche, infidélité, conflits, bourreau, sang, SDF*).

Рассмотрим инореферентный круг на более конкретных примерах:

– референт – общество, пропагандирующее молодость и осуждающее старость: (9) *Le regard de la société. Qui nous considère comme un senior dès 42 ans... C'est un peu violent quand même!*

– референт – СМИ как рупор эйджистского общественного мнения: (10) *Je suis en colère après tout ce que j'entends à l'extérieur. À la télévision, à la radio, tout ce qu'on dit sur les personnes âgées. Je suis en colère parce que j'ai l'impression que les personnes âgées, on les considère comme des personnes vulnérables;*

– референт – здоровье, состояние тела: (11) *Le visage s'affaisse, le ventre gonfle, les kilos s'accumulent, le dos se voûte, les rides avancent... et ça, c'est ce qui se voit à l'extérieur! Il y a les bouffées de chaleur, les suees nocturnes, les ronflements, les sautes d'humeur...;*

– референт – молодое поколение, вступающее в конкуренцию со старшими: (12) *Les trentenaires ambitieux poussent à la porte pour occuper les postes à responsabilité dans l'entreprise. Et nous, du haut de nos cinquante printemps, on se sent menacés d'éjection...;*

– референт – бывший муж и все связанные с ним неприятные ассоциации: (13) *Après mon divorce, j'ai été*

tentée de renoncer à l'amour. Les rencontres étaient plus décevantes les unes que les autres;

– референт – депрессия, тоска, упадок духа: (14) *Ce sont des moments très joyeux donc ça me rend triste de ne plus pouvoir le faire. Sans ces moments, la vie est moins drôle.*

Результаты корпусного анализа

Собранный корпус нарративов женщин старшего возраста, содержащий 57 504 токена, или 49 120 слов, 2 856 предложений, был загружен в корпусный менеджер Sketch Engine. При анализе материала были использованы следующие функции: Wordlist, Concordance, Word Sketch Difference и Thesaurus.

Как уже было отмечено, особенностью дискурса женщины старшего возраста является умение разграничивать принимаемые ею понятия, очерчивая так называемый **автореферентный круг**, и неприемлемые, отвергаемые ею идеи, группируя их в рамках **инореферентного круга**. С этой целью в речи коммуниканта используется совокупность лексических и грамматических средств. Оппозицию автореферентного и инореферентного кругов в дискурсе женщин старшего возраста можно определить с помощью следующих компонентов:

- антонимы;
- степени сравнения;
- противительные союзы;
- прошедшее и настоящее время.

Рассмотрим каждый из них подробнее.

Антонимы. Возможность выделить в дискурсе автореферентный и инореферентный круг означает то, что в речи актуализованы диаметрально противоположные понятия. Поэтому нарративы женщин старшего возраста изобилуют лексическими единицами с противоположным значением, наиболее яркими из которых являются лексемы **vieux** (23 контекста) и **jeune** (59 контекстов), которые служат для противопоставления качеств двух возрастных групп:

(15): *Je connais des vieux de 20 ans et des jeunes octogénaires! (20-летние «старички» и «молодые» 80-летние);*

(16): *Cette question est très intéressante car elle est symptomatique de notre temps, celui où l'on segmente la population en fonction de l'âge. Les jeunes d'un côté et les vieux de l'autre (деление современного общества на молодых, с одной стороны, и старых – с другой).*

Лексемы **homme** (32 контекста) и **femme** (74 контекста) также способствуют выделению многочисленных противопоставлений между мужчинами и женщинами, например, стремление представителей обоих полов искажать информацию по различным поводам:

(17): *Les femmes mentent sur leur âge, elles s'enlèvent 3 ou 4 ans, les hommes mentent sur leur taille, ils se rajoutent 3 ou 4 cm.*

Степени сравнения. Значительную роль в дискурсе женщины старшего возраста играют степени сравнения, благодаря чему коммуникант противопоставляет разнообразные идеи и понятия (прошлое и бу-

дущее, молодых и пожилых людей и др.) и обнаруживает множество позитивного в своей возрастной категории:

– у дам 50+ больше свободного времени, чем раньше, так как дети уже давно взрослые:

(18): *Alors que nous sommes à un âge où nous avons plus de temps (les enfants sont grands), on est jeune dans notre tête, dynamiques;*

(19): *D'autant plus que nos grands enfants nous occupent moins et que nous avons plus de temps pour partager des loisirs avec eux;*

– их подход к работе более спокойный и умиротворяющий:

(20): *Admettons qu'en cette période charnière de notre parcours professionnel, après avoir suffisamment fait nos preuves dans le passé, nous pouvons nous autoriser à vivre notre travail de manière plus tranquille et sereine;*

– у них есть свой собственный, более выигрышный стиль в одежде:

(21): *Aujourd'hui, grâce au travail effectué avec Chloé, je sais davantage ce qui me va, quelles couleurs je dois porter. J'ai pris conscience de la notion d'harmonie dans la façon de s'habiller. Avant, j'étais plus «nature» avec un petit côté «baba cool»;*

– они осознают, что теперь не надо быть самой веселой, самой симпатичной и самой красивой и не надо стремиться соблазнять любой ценой:

(22): *Il fallait toujours que je sois LA plus drôle, LA plus sympa, LA plus belle... Maintenant, je me trouve bien assez belle pour mon âge et je ne cherche plus à séduire à tout prix!*

– они уделяют большее внимание продуктам питания:

(23): *Depuis longtemps, je suis attentive à mon alimentation. Je mange le plus naturel possible. C'est vraiment une de mes recherches principales de ces 10 dernières années: le mieux manger!*

– они находят большее удовлетворение в свободных отношениях:

(24): *J'ai expérimenté toutes les configurations, et je ne veux plus de vie de couple! Célibataire depuis quatre ans, je m'autorise tout. Mon âge me donne plus d'assurance, j'assume ma libido.*

– они осознают, что благодаря возрасту они стали более терпеливыми, более открытыми и понимающими:

(25): *Avec le temps je suis devenue plus patiente, plus ouverte et compréhensive. J'accepte beaucoup plus maintenant que tout soit imparfait.*

Помимо прочего, преимущества старшего возраста обозначаются эксплицитно, с помощью наглядного перечисления позитивных моментов старшего возраста:

(26): *Avantage 1: la légèreté: la question d'avoir des enfants ne se pose plus, celle de faire carrière non plus, dans les deux cas la messe est dite.*

Avantage 2: le temps: comme les enfants sont grands et comme le travail se calme, on a plus de temps.

Avantage 3: on s'entoure de gens qui nous libèrent, qui nous font du bien. On se désencombre plus facilement de toutes formes de toxicité. La maturité nous a apaisées, mais

encore débordantes d'énergie le champ d'expression de cette énergie.

Также преимущества старшего возраста осознаются с помощью перечисления негативных аспектов старения (проблемы с памятью, со зрением, с артикуляцией):

(27): *Inconvénient 1: les trous de mémoire.*

Inconvénient 2: les problèmes de vue.

Inconvénient 3: les articulations rouillées.

Противительные союзы. Поскольку тематика сравнения неизбежна в подобном дискурсе, стоит обратить внимание на функции союзов и союзных слов, выражающих противопоставление и уступку. В данном корпусе чаще всего используется союз *mais*, выражающий идеи противопоставления (254 контекста). Так, женщина-коммуникант ограничивает приемлемые и неприемлемые для нее понятия:

– пластическую хирургию и естественное старение:

(28): *J'ai pensé à la chirurgie esthétique, mais ce que je veux, moi, c'est bien vieillir, pas paraître jeune;*

– физическую и духовную стороны своего тела:

(29): *Ah ben oui, d'années en années, quoi qu'on fasse, l'âge s'accumule dans le corps, c'est de la matière qui évolue avec le temps. Mais ce qui ne prend pas une ride, c'est l'intérieur;*

– духовные и физические качества, необходимые в области отношений между мужчинами и женщинами:

(30): *Compris qu'en matière de séduction, mieux vaut capitaliser sur l'esprit, l'humour, la bonne humeur, la gentillesse, des qualités qui traversent les années. Ce ne sont pas toujours celles que j'ai cultivées quand je ne doutais pas de mon physique, mais aujourd'hui, elles me sont précieuses;*

– возраст по паспорту и внутреннее самочувствие:

(31): *J'ai 50 ans aujourd'hui, ça m'a fait beaucoup cogiter durant des mois mais je suis bien avec moi-même et je crois que je m'aime un peu quand même!*

– низкооплачиваемую работу и удовольствие работать с женщинами своего возраста:

(32): *Je suis mal payée mais je travaille avec des femmes de mon âge, sur un projet qui a du sens.*

Прошедшее и настоящее время. Поскольку рассуждения женщины 50+ о возрасте напрямую связаны с воспоминаниями о самой себе и окружающем мире в более ранний жизненный период, то неизбежна актуализация форм прошедшего времени. Так, коммуникант в примере (33) всегда была послушной девочкой, а в университете изучала историю искусства (прошедшее завершённое время – *passé composé*), при этом она была самой старательной и всегда рано возвращалась домой с прогулки с друзьями (прошедшее незавершённое время – *imparfait*):

(33): *J'ai toujours été la fille sage de service: de mes trois sœurs, j'étais la plus studieuse, et celle qui était la moins intéressée par les garçons et la fête. Ensuite, à l'université où j'ai étudié l'histoire de l'art, quand je sortais avec des amis, j'étais toujours celle qui rentrait se coucher tôt.*

Отметим многочисленные противопоставления женщиной самой себя в прошлом и настоящем, благо-

даря которым можно наблюдать трансформацию целей, идеалов и устремлений говорящего коммуниканта. Если раньше дама просто уделяла внимание одежде, то теперь она фанатично следит за модой (пример (34)), если до этого женщине хотелось быть самой симпатичной и красивой, то теперь для нее достаточно хорошо выглядеть для своего возраста (пример (35)):

(34): *Avant, je faisais attention à mes 'vêtements'. Maintenant, je suis fan de mode.*

(35): *Il fallait toujours que je sois LA plus drôle, LA plus sympa, LA plus belle... Maintenant, je me trouve bien assez belle pour mon âge et je ne cherche plus à séduire à tout prix!*

В изучаемом корпусе вкупе с формами прошедшего времени можно встретить самообозначения женщин от 3-го лица (эта маленькая грустная девочка вместо местоимения 1-го лица единственного числа):

(36): *Cette petite fille tristounette est devenue belle, lumineuse et a finalement accepté et validé sa présence ici, dans cette incarnation.*

Объективированную самономинацию в примере (35) можно объяснить тем, что с высоты прожитых лет коммуникант имеет возможность посмотреть на себя со стороны.

Особое значение в нарративах женщин старшего возраста имеют формы настоящего времени (*Présent*). Благодаря функции Wordlist выявляется определенное количество модальных форм в личной форме с местоимением 1-го лица *je* (*je peux* – 9 употреблений, *je veux* – 6 употреблений, *je dois* – 4 употребления). Это свидетельствует о том, что в настоящий момент женщина старшего возраста чувствует необходимость и обязанность сделать что-либо или высказаться по тому или иному поводу. Например, коммуникант в примере (37) желает всем следить за своим здоровьем, в примере (37) испытывает потребность помочь кому-либо:

(37): *Je veux que tout le monde, homme ou femme, puisse prendre soin de soi en vieillissant.*

(38): *Transmettre quelque chose, via le coaching, le bénévolat... Pour moi, transmettre c'est conseiller, voir que je peux servir à quelqu'un. Que je peux l'aider à quelque chose. J'y suis très sensible depuis que je peux le faire dans ma vie privée.*

В настоящем времени актуализованы многочисленные предикаты со значением чувствования (*aimer* – 108 употреблений, *(se) sentir* – 72 употребления, *(se) ressentir* – 28 употреблений, *adorer* – 20 употреблений). Женщина старшего возраста в данный момент своей жизни – особа, любящая и обожающая все аспекты своей жизни, тонко чувствующая свою душу, свое тело, свое окружение:

(39): *A 58 ans, j'adore ma vie;*

(40): *J'aime les silhouettes «sportives» au niveau du style;*

(41): *J'aime me sentir très féminine.*

В отличие от своей прошлой жизни в настоящий момент женщина 50+ всегда готова взять право голоса и высказать свое мнение, как следствие, в формах настоящего времени наблюдается существенное количество глаголов со значением говорения (*dire* – 174 употребления, *parler* – 50 употреблений):

(42): *Avec mes amis, je dis stop à la tyrannie;*

(43): *Voilà en résumé l'histoire de ma renaissance et c'est le cœur vibrant que je dis et écris si souvent: MERCI, mot magique qui résonne la gratitude, l'humilité, la vérité, la liberté et la joie.*

(44): *Dans mon travail, je parle toute la journée.*

Обилие предикатов действия в настоящем времени демонстрирует нам женщину старшего возраста, имеющую активную жизненную позицию и вовлеченную в различные виды деятельности. Например:

(45): *Je m'entraîne, j'écris, je lis, je me renseigne sur tout. Je me dévoue pour tout.* В данном примере коммуникант описывает свои увлечения (*Я тренируюсь, пишу, читаю, учусь всему. Я посвящаю себя всему*).

Анализ лексической составляющей. Особый интерес для данного исследования представляют лексические компоненты исследуемого корпуса. Так, среди существительных самыми употребительными вполне ожидаемо оказались формы *an* (год – 452 употребления), *vie* (жизнь – 234 употребления) и *âge* (возраст – 214 употреблений). Следующими по частотности являются формы *femme* (женщина – 148 употреблений), *temps* (время – 138 употреблений), *enfant* (ребенок – 98 употреблений), *ami* (друг – 68 употреблений), *homme* (мужчина – 64 употребления).

Числительные играют особую роль в данном корпусе, поскольку восприятие возраста напрямую связано с упоминанием возраста и исчислением прожитых лет:

(46): *À 50 ans, je suis célibataire depuis 10 ans, mes enfants sont partis et je n'ai plus de boulot.*

(47): *D'autres ont été contraints de débarquer à 28, 33, 44 ans, fauchés par le cancer, un bête accident de voiture ou un malheureux infarctus.*

Концепты, объективируемые данными лексемами, не могут быть отнесены строго к автореферентному или инореферентному кругу. Отношение женщины к своему возрасту и прожитым годам нейтральное (пример (15)), либо весьма позитивное (пример (16)):

(48): *Tant qu'il y a de la vie, il y a de l'espoir, même à 50, 60 ou 80 ans.*

(49): *Et oui je n'ai plus 20 ans, j'ai 50 ans! Et alors!?*

Отметим отдельно лексему *âge*. Традиционно выделяют следующие категории возраста:

– реальный, или хронологический, возраст, возраст по паспорту;

– когнитивный, или ощутимый, возраст, психологический возраст;

– воспринимаемый возраст, приписываемый человеку окружающими;

– функциональный возраст, или физиологический, биологический, соответствующий нашим способностям и состоянию здоровья.

Подобная градация возрастов упоминается и в свидетельствах женщин 50+. Так, по паспорту женщины 50 лет, но каждый раз ощущает она себя по-разному – от 30–40 до 100 лет (пример 50), в 90 лет можно ощущать себя о подростком или в 60 лет быть полной сил, как в 20-летнем возрасте (пример 51), при хронологическом возрасте 45 лет, но при этом когнитивно воспринимать себя 10-летней девочкой (пример 52), либо не воспринимать никакой разницы

между ощущаемым и реальным возрастом – 75 лет (пример 53):

(50): *Oui j'ai 50 ans selon l'état civil, mais dans ma tête je suis parfois ado, parfois trentenaire, souvent quadra et quelques fois j'ai 100 ans! Mais l'âge, c'est dans la tête et ce n'est pas figé.*

(51): *Il n'y a pas un âge mais des âges. On peut avoir 90 ans et se sentir comme un ado en tombant amoureux d'une sexygénéraire. On peut avoir 60 ans et être en pleine forme, avec l'envie de conquérir le monde. Mener des projets avec la même passion qu'à 20 ans.*

(52): *J'ai deux âges ressentis: j'ai sûrement 10 ans parce que je suis une enfant, que je n'ai jamais grandi et que je n'ai absolument pas envie de grandir. En même temps, mon corps me dit que j'ai peut-être 45 ans.*

(53): *Il y a deux ou trois ans, j'aurais plutôt dit 15 ans. J'étais libre, je me sentais une nouvelle adolescence. Aujourd'hui il n'y a plus de différence entre mon âge ressenti et mon âge chronologique, donc je peux dire 72 ans.*

Весьма интересной для нашего исследования является лексема *société* (общество), которая покрывает понятие, относящееся к инореферентному кругу. Пропандируемые современным обществом ценности и идеалы (вечная юность, молодость, внешняя красота) являются мощным стимулом для порождения такого явления, как эйдж-шейминг, неприятие и отторжение процесса старения.

На рис. 1 визуальны представлены корреляции лексемы *société* с лексическими единицами анализируемого корпуса.

Рассмотрим лишь те примеры, в которых данная лексема используется в качестве подлежащего. Итак, общество выступает тем субъектом, который навязывает верования, страхи, чувство вины (пример (54)), накапливает негативные стереотипы о возрасте (пример (55)), оно заставляет верить в то, что женщина 50+ становится практически невидимой для окружающих (пример (56)), а также накладывает клеймо на дам старшего возраста в сфере соблазна и на рынке труда (пример (57)). При этом на самом деле возраст не нацелен на разделение людей по группам и категориям (пример (58)):

(54): *Cette plongée à l'intérieur de nous est nécessaire pour démasquer la personnalité (l'égo) pur produit fabriqué par une société qui nous a enfermé dans des croyances, des peurs, nous écrasant ainsi sous le poids de la culpabilité.*

(55): *Les personnes du coup intériorisent les stéréotypes négatifs que notre société véhicule sur l'âge. Finalement, elles se conforment à ces stéréotypes par mimétisme. Notre société véhicule cela et bien d'autres règles (ah oui ! Je porte des couleurs vives aussi, et pas l'intention d'arrêter).*

(56): *Depuis mes 40 ans, je paniquais à l'idée d'en avoir 50, raconte Delphine, 52 ans. J'avais totalement assimilé ce que la société veut nous faire croire, à savoir qu'une femme devient quasiment invisible à partir de cet âge-là.*

(57): *Il est vrai que la société dans ses élans de jeunesse porte un regard cruel sur les femmes de 50 ans autant vis à vis de la séduction que dans le monde du travail.*

(58): *L'âge n'a pas de vocation à nous diviser en catégorie, ni à segmenter la société en groupes distincts.*

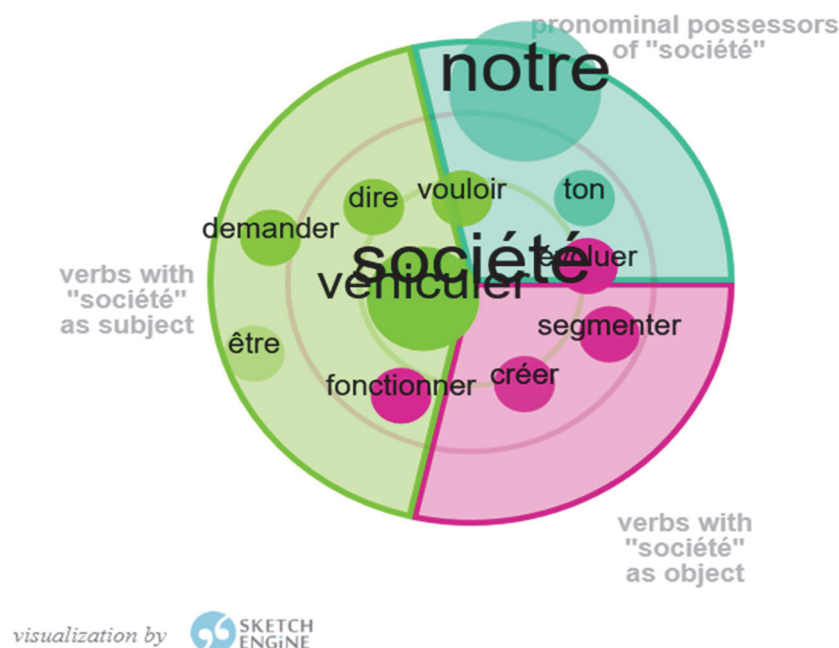

Рис. 1. Лексико-семантическое поле с ключевой лексемой *société* (общество), относящейся к инореферентному кругу

Личные местоимения. В первую очередь стоит отметить разнообразие функций личных местоимений. С помощью функции Wordlist корпусного менеджера Sketch Engine были определены самые частотные словоформы. Наряду с предлогом *de* самой употребительной формой является местоимение *je* (*j'*) (1 916 единиц). Отметим также объектную форму этого местоимения *me* (*m'*) (388+290 единиц) и ударную форму *moi* (136 единиц). Это вполне ожидаемо, поскольку корпус составляют свидетельства женщин от 1-го лица.

Данные местоименные формы в сочетании с глаголами *avoir* (1 546 употреблений) и *être* (1 454 употреблений) в их прямом лексическом значении способствуют раскрытию разнообразных ипостасей женщины-коммуниканта (возрастных, социальных, личностных, профессиональных и т.д.):

(59): *J'ai 50 ans aujourd'hui, je suis jeune, je suis vieille, je suis maman, je suis parisienne, je suis campagnarde, je suis connectée, je suis addict aux séries...*

Референты всех остальных личных местоимений весьма разнообразны и могут обозначать как понятия автореферентного, так и инореферентного круга.

Женщина старшего возраста рассматривает себя не только как отдельного субъекта, но и как неотъемлемую часть группы или общества. Поэтому в речи коммуниканта используются местоимения 1-го лица множественного числа *nous* (364) и *notre* (56), *nos* (43). Они многозначны и могут обозначать:

– людей в целом (60): *Seule cette libération émotionnelle permet de retrouver nos véritables valeurs. Cette plongée à l'intérieur de nous est nécessaire pour démasquer la personnalité (l'égo) pur produit fabriqué par une société qui nous a enfermé dans des croyances, des peurs, nous écrasant ainsi sous le poids de la culpabilité;*

– только женский пол (61): *C'est aussi le moment où nous pouvons laisser émerger notre féminin car nous nous sentons plus en sécurité;*

– только лиц старшего возраста (62): *Cette barrière s'est accentuée par le fait qu'on considère que nous sommes des personnes fragiles;*

– женщину и ее партнера (63): *J'ai fait avec mon p'tit mari un jeûne de 7 jours. C'est à dire que nous n'avons absolument rien mangé durant cette période!;*

– только женщин старшего возраста (64): *Alors que nous sommes à un âge où nous avons plus de temps (les enfants sont grands), on est jeune dans notre tête, dynamiques.*

Референты местоимения *on* также разнообразны:

– женщина и ее спутник: (65) *Avec son mari, ils décident de «préserver l'essentiel»: eux. On avait toujours dit qu'un jour on irait habiter au bord de la mer. Alors on a vendu l'entreprise. On a pris la décision un mardi matin, le jeudi c'était fait;*

– общество в целом, в таком случае оно противопоставляется местоимению 1-го лица единственного числа *je*: (66) *Je suis en colère parce que j'ai l'impression que les personnes âgées, on les considère comme des personnes vulnérables.*

Местоимение *tu*. Как и в русском языке местоимение *tu* может обозначать любого человека, а не только адресата речи, являясь в таком случае эквивалентом местоимения *on*:

(67): *Que tu sois femme ou homme, à un moment donné tu es écarté du monde professionnel.*

Референты местоимений 3-го лица также многочисленны. Стоит отметить примеры, в которых они служат для обозначения негативных с позиции женщины старшего возраста концептов:

– мужчин-сверстников, не следящих за собой, но востребованных обществом:

(68): *Dès lors qu'une femme ne peut plus procréer, elle est inutile à la société, elle n'existe plus. C'est d'autant plus marquant que le traitement est tout autre pour les hommes, rendus sexys quand ils grisonnent ou développent un petit ventre. On les voit autant voire plus dans les films et les pubs (What else?), on les glorifie de sortir avec plus jeunes qu'eux.*

– той же категории мужчин, увлекающихся более молодыми представительницами женского пола:

(69): *On ne plait pas aux hommes de cinquante ans? Ils préfèrent les filles de la trentaine?*

Отметим, что в целом местоимения отсылают и к понятиям автореферентного, и к понятиям инореферентного кругов.

Заключение

В рамках данного исследования был собран корпус нарративов женщин старшего возраста, представленных от первого лица. Это свидетельства французских женщин от 50 до 75 лет на тему позитивного восприятия своего возраста. Объем практического материала – 70 страниц шрифтом Times New Roman 14 кеглем (или 57 504 токена, или 49 120 слов, или 2 856 предложений). Данный корпус был загружен в программу для анализа текстов Sketch Engine, в процессе обработки материала были задействованы четыре функции корпуса.

Результаты проведенного анализа схематично представлены на рис. 2. Благодаря экспертному анализу выделены основные концепты, актуализируемые в нарративе женщины 50+.

Они обозначены следующим образом: слева, выделенный красным цветом, – инореферентный круг (общество, пропагандирующее молодость и осуждающее старость, СМИ как рупор эйджистского общественного мнения, здоровье, состояние тела, молодое поколение, вступающее в конкуренцию со старшими, депрессия, тоска, упадок духа). Справа, очерченный зеленым цветом, – автореферентный (сама женщина, дети, внуки, семья, хобби, увлечения, спорт, музыка, мода, путешествия, кухня и т.д.). Тем самым, женщина, принимающая свой возраст, четко отграничивает свои личные границы, противопоставляя свой ближний круг (автореферентный, цвет спокойствия, комфорта – зеленый) тем понятиям, которые она считает для себя неприемлемыми (инореферентный, цвет тревоги и опасности – красный).

В зоне пересечения концептов представлены типичные языковые средства, маркирующие взаимодействие авто- и инореферентных компонентов, но не относящиеся строго ни к одному из данных кругов.

Рис. 2. Автореферентные и инореферентные компоненты в свидетельствах женщин старшего возраста

В выстраивании подобного дискурса особую роль приобретают определенные лексические и грамматические средства, которые были изучены с помощью корпусного анализа в Sketch Engine.

Нарративы женщин 50+ отличаются лексическим разнообразием, при этом наиболее употребительные лексемы следующие: *an* (год – 452 употребления), *vie* (жизнь – 234 употребления), *âge* (возраст – 214 употреблений), *femme* (женщина – 148 употреблений), *temps* (время – 138 употреблений), *enfant* (ребенок – 98 употреблений), *ami* (друг – 68 употреблений), *homme* (мужчина – 64 употребления), *société* (общество – 17 употреблений).

Упоминание о жизненных ступенях развития (четыре категории возраста: реальный, когнитивный, воспринимаемый) сопровождается обилием числительных (452 употребления).

Изобилуют лексемы с противоположным значением, к примеру: мужчины – женщины (*hommes* – 45 употреблений, *femmes* – 126 употреблений), молодой–старый (*jeune, jeunes, jeunesse* – 101 употребление, *vieux, vieille, vieilles* – 97 употреблений).

Поскольку тематика сравнения и противопоставления, связанная с восприятием возраста женщиной-коммуникантом, неизбежна, то в подобном дискурсе широко

используются степени сравнения прилагательных и наречий (преобладание качества или признака: *la plus, le plus, plus, mieux, meilleur(e), le (la) meilleur(e)* – 255 контекстов, недостаток качества или признака *moins* – 31 контекст). С этой же целью актуализируются союзы и союзные слова, выражающие уступку и противопоставление (*mais* и *quand même* – 257 употреблений).

Из всего спектра личных местоимений преобладают формы 1-го лица (*je, me, m', moi* – 2730 употреблений), поскольку женщина-коммуникант рассуждает о самой себе, противопоставляя себя обществу, мужчинам, лицам более молодого возраста.

Субъект речи рефлексит о своей жизни, зачастую возвращается в прошлое, вспоминая свою молодость, подводит некоторые итоги, но не заикливается на прошлом, а рассуждает о настоящем. С этой целью в нарративах актуализируются формы настоящего (наиболее часто актуализируемые предикаты в настоящем времени: глаголы, выражающие чувства (*aimer* (любить), (*se*) *sentir* (чувствовать), (*se*) *ressentir* (ощу-

щать), *adorer* (обожать)) – 228 употреблений, предикаты говорения (*dire* (сказать), *parler* (говорить)) – 224 употребления).

Представленный анализ позволяет сделать следующий вывод. Женщина «третьего возраста» – это опытный, образованный коммуникант, речь которого богата и разнообразна. Рассуждая о неизбежности старения, она порой поддается негативным чувствам и эмоциям, актуализируя в своей речи концепты инореферентного круга, и тем не менее приходит к выводу о том, что возрастные изменения несут в себе ряд положительных моментов. Тем самым реализуются концепты автореферентного круга.

Подобное исследование имеет определенные перспективы: особый интерес представляет изучение синтаксических и стилистических параметров, а также исследование взаимодействия автореферентного и инореферентного компонентов в нарративах женщины старшего возраста. Представленная на рис. 2 модель может быть модифицирована и дополнена.

Материалы для анализа, взятые из интернет-ресурсов

- Laure Adler: «Je me sentais plus vieille à 50 ans qu'aujourd'hui» // Femme actuelle. Le Mag. URL: <https://www.notretemps.com/loisirs/television-radio/laure-adler-plus-vieille-50-ans,i235221> (дата обращения: 10.06.2021).
- Je suis vieille et alors? // MadMoiZelle. Témoignages. URL: <https://www.izart.fr/petite-chronique-je-suis-vieille-et-alors/> (дата обращения: 01.06.2021).
- De «jeune» à «vieille» // Franceinfo. URL: <https://www.coupdevieilles.fr/post/violette-vieille-malgr%C3%A9-elle> (дата обращения: 02.06.2021).
- Quel est ton âge ressenti? // Franceinfo. URL: <https://www.coupdevieilles.fr/post/alexandra-la-routine-du-changement> (дата обращения: 05.06.2021).
- J'ai des cheveux blancs, et alors? // Europe 1. Actualités et info en direct. URL: <https://www.coupdevieilles.fr/post/j-ai-des-cheveux-blancs-et-alors> (дата обращения: 06.06.2021).
- Mireille et le yoga du rire! // Jeune vieillis pas. URL: <https://jeunevieillispas.com/mireille-et-le-yoga-du-rire/> (дата обращения: 07.06.2021).
- Françoise, 59 ans, après une nouvelle «Echlosion» // Jeune vieillis pas. URL: <https://jeunevieillispas.com/florence-47-ans/> (дата обращения: 08.06.2021).
- Témoignage: «50 ans: comment j'ai appris à adorer mon âge». URL: <https://www.femmeactuelle.fr/sante/psycho/temoignage-50-ans-comment-j-ai-appris-a-adorer-mon-age-2069945> (дата обращения: 07.06.2021).
- J'ai 50 ans et alors!? Le cri d'une quinquado. URL: <https://famillebarcelone.com/jai-50-ans-et-alors-le-cri-dune-quinquado/> (дата обращения: 09.06.2021).
- Soudain, j'ai 50 ans. URL: <https://www.lapresse.ca/debats/opinions/2021-02-14/soudain-j-ai-50-ans.php#> (дата обращения: 09.06.2021).
- Caroline Ida, la silver influenceuse qui rend visibles les femmes de plus de 50 ans. URL: <https://www.thegoodgoods.fr/beaute/caroline-ida-silver-influenceuse-qui-rend-les-femmes-50-ans-visibles-instagram/> (дата обращения: 11.06.2021).
- Vos témoignages // Pour bien vieillir. URL: https://www.pourbienvieillir.fr/temoignages?field_rubrique_value=Bien+dans+mon+corps (дата обращения: 10.06.2021).
- 10 bonnes raisons de se réjouir d'avoir 50 ans. URL: <https://www.academie-du-feminin.com/single-post/2018/03/20/10-bonnes-raisons-de-se-rejoir-d-avoir-50-ans> (дата обращения: 12.06.2021).
- J'ai 50 ans, et j'ai l'impression de n'être qu'à la moitié de ma vie. URL: https://www.huffingtonpost.fr/carole-n/jai-50-ans-et-jai-limpression-de-netre-qua-la-moitie-de-ma_a_22130696/ (дата обращения: 14.06.2021).
- À 50 ans (et plus!), j'ose et je fais ce que je veux! URL: <https://www.notretemps.com/sante/psychologie/50-ans-oser-liberte-age,i198290> (дата обращения: 07.06.2021).
- Féminisme: 50 ans l'âge de tous les désirs et de l'épanouissement sexuel. URL: <https://www.elle.be/fr/271101-50-ans-epanouissement-sexuel.html> (дата обращения: 05.06.2021).
- Témoignage «J'ai (re)découvert le plaisir à 50 ans» // Femme actuelle. Le Mag URL: <https://www.femmeactuelle.fr/sante/psycho/temoignage-jai-re-decouvert-le-plaisir-a-50-ans-2093733> (дата обращения: 09.06.2021).
- Témoignages: 60 ans et la vie devant moi! // Femme actuelle. Le Mag. URL: <https://www.femmeactuelle.fr/sante/psycho/temoignages-60-ans-et-la-vie-devant-moi-6356> (дата обращения: 07.06.2021).
- Témoignage: «J'ai rencontré l'amour à 60 ans passés» // URL: <https://www.mariefrance.fr/equilibre/psycho/parlons-en/temoignage-jai-rencontre-lamour-a-60-ans-passees-346119.html> (дата обращения: 08.06.2021).
- À 60 ans, le témoignage d'une renaissance! Sylvie raconte... URL: <https://heureux-dans-sa-vie.com/a-60-ans-temoignage-dune-renaissance-sylvie-raconte/> (дата обращения: 12.06.2021).
- Les jeunes d'un côté, les vieux de l'autre // Coup de vieilles. URL: <https://www.coupdevieilles.fr/post/les-jeunes-d-un-c%C3%B4t%C3%A9-les-vieux-de-l-autre> (дата обращения: 09.06.2021).
- Muriel, l'âge d'être libre // Coup de vieilles. URL: <https://www.coupdevieilles.fr/post/muriel-l-%C3%A2ge-d-%C3%AAtre-libre> (дата обращения: 10.06.2021).
- Violette, vieille malgré elle // Coup de vieilles. URL: <https://www.coupdevieilles.fr/post/violette-vieille-malgr%C3%A9-elle> (дата обращения: 11.06.2021).

Список источников

1. A comme «âge» // Coup de vieilles. 2021. URL: <https://www.coupdevieilles.fr/post/a-comme-age-agisme-jeunisme> (дата обращения: 12.07.2021).
2. Фаронская С.А. Особенности дискурса пожилых людей в социальных сетях // Нижневартковский филологический вестник. 2020. № 2. С. 53–61.

3. Бутакова Л.О. Когнитивно-дискурсивный портрет пожилого человека: Взгляд «изнутри» и «снаружи» // Этнопсихоллингвистика. 2020. № 3. С. 135–156. doi: 10.31249/epl/2020.03.10
4. Бутакова Л.О. Самопрезентация пожилого возраста в режиме социально-коммуникативных и смысловых характеристик определенной возрастной группы // Этнопсихоллингвистика. 2019. № 2. С. 160–175.
5. Dong J. Study on gender differences in language under the sociolinguistics // Canadian Social Science. 2014. Vol. 10, № 3. P. 92–96. doi: 10.3968/4602
6. Hellinger M., Bubmann H. The linguistic representation of women and men // Gender across language. Vol. 3. Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2003. P. 1–27. URL: <https://benjamins.com/catalog/impact.9> (дата обращения: 22.07.2021).
7. Степаненко А.А., Резанова З.И. Экспрессивность как маркер гендерных различий компьютерной коммуникации (к проблеме автоматической гендерной атрибуции текста) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 38–46. doi: 10.17223/15617793/433/5
8. Houdebine-Gravaud A.-M. Trente ans de recherche sur la différence sexuelle, ou le langage des femmes et la sexualité dans la langue, les discours, les images // Langage et société. 2003/4 (No 106). P. 33–61. URL: <https://www.cairn.info/revue-langage-et-societe-2003-4-page-33.htm> (дата обращения: 21.07.2021).
9. Gendron T.L., Welleford E.A., Inker J., White J.T. The Language of ageism: Why we need to use words carefully // Gerontologist. 2016. № 56 (6). P. 997–1006. doi: 10.1093/geront/gnv066
10. Sontag S. The double standard of aging // Pearsall M. The other within us. Feminist exploration of women and aging. Routledge, 1997. P. 285–294. URL: https://warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/undergraduate/modules/literaturetheoryandtime/susan_sontag_the_double_standard_of_aging.pdf (дата обращения: 28.07.2021).
11. Pahaut C. Partie 1. L'emprise médiatique: normes et assignations, in Dossier – Le vieillissement dans le miroir de la différence de genre // Publications CVFE. URL: <https://www.cvfe.be/publications/analyses/370-le-veillissement-dans-le-miroir-des-differences-de-genre-1-l-emprise-media-tique-normes-et-assignations> (дата обращения: 29.07.2021).
12. Кожемякин Е.А., Красикова Т.Р. «Этот товар говорит сам за себя»: конструирование медиареальности в телемагазине // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 7 (926). С. 106–113.
13. Мун Л.Н. Автореферентность как творческий импровизационный прием в образовательном пространстве синтеза искусств и наук // Психология, социология и педагогика. 2012. № 2. URL: <http://psychology.snauka.ru/2012/02/183> (дата обращения: 19.07.2021).
14. Бразговская Е.Е. Семиотика за пределами аудитории: Цикл заметок о том, как все то, что «и так ясно», теряет свою очевидность. Статья вторая: Существуют ли знаки без референтов и референты, не актуализированные в знаках? // Интернет-журнал «Филолог». 2012. Вып. 19. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_19_40 (дата обращения: 16.07.2021).
15. Плотнокова С.Н. Языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство // Вестник ИГЛУ. Серия: Филология. 2008. № 1. С. 131–136.
16. Солодкова Е.В. Женский автореферентный дискурс в английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2011. 204 с.
17. Hagège C. La structure des langues. Paris : Vendome Impressions, 2007. 128 p.
18. Дахалаева Е.Ч. Семантика и прагматика автореферентных номинаций в ситуации речевого общения в современном французском языке : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2005. 150 с.
19. Дахалаева Е.Ч. Автореферентные жанры интернет-дискурса // Вестник ИГЛУ. Серия Филология. 2013. № 4. С. 24–29.
20. Бразговская Е.Е. Когнитивный потенциал автореференции: самоописания в прозе Станислава Лема // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 2 (22). С. 94–101.
21. Луман Н. Реальность массмедиа. М. : Праксис, 2005. 256 с.
22. Дахалаева Е.Ч. «Свой круг» – «чужой круг»: фрагменты динамической модели взаимодействия автореферентных и инореферентных компонентов в дискурсе женщины-жертвы домашнего насилия // Культура и текст. 2021. № 2 (45). С. 198–209.
23. Колмогорова А.В., Лямзина С.А., Киселев И.Л. Языковая / речевая биография пациента с афазией как фактор, определяющий специфику процесса его речевой реабилитации // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 82. С. 104–116. doi: 10.25205/1818-7935-2020-18-2-103-116
24. Колмогорова А.В., Калинин А.А., Маликова А.В. Типология и комбинаторика вербальных маркеров различных эмоциональных тональностей в интернет-текстах на русском языке // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 48–58. doi: 10.17223/15617793/448/6
25. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж : Истоки, 2007. 250 с.

Sources

- Femme actuelle. Le Mag. Laure Adler: “Je me sentais plus vieille à 50 ans qu’aujourd’hui”. [Online] Available from: <https://www.notretemps.com/loisirs/television-radio/laure-adler-plus-vieille-50-ans,i235221> (Accessed: 10.06.2021).
- MadMoiZelle. *Témoignages. Je suis vieille et alors?* [Online] Available from: <https://www.izart.fr/petite-chronique-je-suis-vieille-et-alors/> (Accessed: 01.06.2021).
- Franceinfo. *De “jeune” à “vieille”.* [Online] Available from: <https://www.coupdevieilles.fr/post/violette-vieille-malgr%C3%A9-elle> (Accessed: 02.06.2021).
- Franceinfo. *Quel est ton âge ressenti?* [Online] Available from: <https://www.coupdevieilles.fr/post/alexandra-la-routine-du-changement> (Accessed: 05.06.2021).
- Europe 1. Actualités et info en direct. *J’ai des cheveux blancs, et alors?* [Online] Available from: <https://www.coupdevieilles.fr/post/j-ai-des-cheveux-blancs-et-alors> (Accessed: 06.06.2021).
- Jeune vileillis pas. *Mireille et le yoga du rire!* [Online] Available from: <https://jeunevieillispas.com/mireille-et-le-yoga-du-rire/> (Accessed: 07.06.2021).
- Jeune vileillis pas. *Françoise, 59 ans, après une nouvelle “Echlosion”.* [Online] Available from: <https://jeunevieillispas.com/florence-47-ans/> (Accessed: 08.06.2021).
- Femme actuelle. *Témoignage: “50 ans: comment j’ai appris à adorer mon âge”.* [Online] Available from: <https://www.femmeactuelle.fr/sante/psycho/temoignage-50-ans-comment-jai-appris-a-adorer-mon-age-2069945>. (Accessed: 07.06.2021).
- J’ai 50 ans et alors!? Le cri d’une quinquado.* [Online] Available from: <https://famillebarcelone.com/jai-50-ans-et-alors-le-cri-dune-quinquado/> (Accessed: 09.06.2021).
- Soudain, j’ai 50 ans.* [Online] Available from: <https://www.lapresse.ca/debats/opinions/2021-02-14/soudain-j-ai-50-ans.php#> (Accessed: 09.06.2021).
- Caroline Ida, la silver influenceuse qui rend visibles les femmes de plus de 50 ans. [Online] Available from: <https://www.thegoodgoods.fr/beaute/caroline-ida-silver-influenceuse-qui-rend-les-femmes-50-ans-visibles-instagram/> (Accessed: 11.06.2021).
- Pour bien vieillir. *Vos témoignages.* [Online] Available from: https://www.pourbienvieillir.fr/temoignages?field_rubrique_value=Bien+dans+mon+corps (Accessed: 10.06.2021).
- 10 bonnes raisons de se réjouir d’avoir 50 ans.* [Online] Available from: <https://www.academie-du-feminin.com/single-post/2018/03/20/10-bonnes-raisons-de-se-re-%C3%A9jouir-d-avoir-50-ans> (Accessed: 12.06.2021).

- J'ai 50 ans, et j'ai l'impression de n'être qu'à la moitié de ma vie.* [Online] Available from: https://www.huffingtonpost.fr/carole-n/jai-50-ans-et-jai-limpression-de-netre-qua-la-moitie-de-ma_a_22130696/ (Accessed: 14.06.2021).
- À 50 ans (et plus!), j'ose et je fais ce que je veux!* [Online] Available from: <https://www.notretemps.com/sante/psychologie/50-ans-oser-liberte-age,i198290> (Accessed: 07.06.2021).
- Féminisme: 50 ans l'âge de tous les désirs et de l'épanouissement sexuel.* [Online] Available from: <https://www.elle.be/fr/271101-50-ans-epanouissement-sexuel.html> (Accessed: 05.06.2021).
- Femme actuelle. Le Mag. *Témoignage "J'ai (re)découvert le plaisir à 50 ans".* [Online] Available from: <https://www.femmeactuelle.fr/sante/psycho/temoignage-jai-re-decouvert-le-plaisir-a-50-ans-2093733> (Accessed: 09.06.2021).
- Femme actuelle. Le Mag. *Témoignages: 60 ans et la vie devant moi!* [Online] Available from: <https://www.femmeactuelle.fr/sante/psycho/temoignages-60-ans-et-la-vie-devant-moi-6356> (Accessed: 07.06.2021).
- Témoignage: "J'ai rencontré l'amour à 60 ans passés".* [Online] Available from: <https://www.mariefrance.fr/equilibre/psycho/parlons-en/temoignage-jai-rencontre-lamour-a-60-ans-passes-346119.html> (Accessed: 08.06.2021).
- À 60 ans, le témoignage d'une renaissance! Sylvie raconte...* [Online] Available from: <https://heureux-dans-sa-vie.com/a-60-ans-temoignage-dune-renaissance-sylvie-raconte/> (Accessed: 12.06.2021).
- Coup de vieilles. *Les jeunes d'un côté, les vieux de l'autre.* [Online] Available from: <https://www.coupdevieilles.fr/post/les-jeunes-d-un-c%C3%B4t%C3%A9-les-vieux-de-l-autre> (Accessed: 09.06.2021).
- Coup de vieilles. *Muriel, l'âge d'être libre.* [Online] Available from: <https://www.coupdevieilles.fr/post/muriel-l-%C3%A2ge-d-%C3%AAtre-libre> (Accessed: 10.06.2021).
- Coup de vieilles. *Violette, vieille malgré elle.* [Online] Available from: <https://www.coupdevieilles.fr/post/violette-vieille-malgr%C3%A9-elle> (Accessed: 11.06.2021).

References

1. Coup de vieilles. (2021) *A comme "âge"*. [Online] Available from: <https://www.coupdevieilles.fr/post/a-comme-age-agisme-jeunisme> (Accessed: 12.07.2021).
2. Faronskaya, S.A. (2020) Osobennosti diskursa pozilykh lyudey v sotsial'nykh setyakh [Features of the discourse of older people in social networks]. *Nizhnevartovskiy filologicheskyy vestnik*. 2. pp. 53–61.
3. Butakova, L.O. (2020) Cognitive-Discursive Portrait of an Elderly Person: The "Inside" and "Outside" Perspective. *Etnopsikholingvistika*. 3. pp. 135–156. (In Russian).doi: 10.31249/epl/2020.03.10
4. Butakova, L.O. (2019) Samoprezentatsiya pozhilogo vozrasta v rezhime sotsial'no-kommunikativnykh i smyslovnykh kharakteristik opredelennoy vozrastnoy gruppy [Self-presentation of the elderly in the mode of social-communicative and semantic characteristics of a certain age group]. *Etnopsikholingvistika*. 2. pp. 160–175.
5. Dong, J. (2014) Study on gender differences in language under the sociolinguistics. *Canadian Social Science*. 10 (3). pp. 92–96. doi: 10.3968/4602
6. Hellinger, M. & Bubmann, H. (2003) The linguistic representation of women and men. In: *Gender across language*. Vol. 3. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. pp. 1–27. [Online] Available from: <https://benjamins.com/catalog/impact.9> (Accessed: 22.07.2021).
7. Stepanenko, A.A. & Rezanova, Z.I. (2018) Expressiveness as a Marker of Gender Differences in Computer Communication (The Problem of Automatic Gender Attribution of the Text). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 433. pp. 38–46. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/433/5
8. Houdebine-Gravaud, A.-M. (2003) Trente ans de recherche sur la différence sexuelle, ou le langage des femmes et la sexualité dans la langue, les discours, les images. *Langage et société*. 2003/4 (106). pp. 33–61. [Online] Available from: <https://www.cairn.info/revue-langage-et-societe-2003-4-page-33.htm> (Accessed: 21.07.2021).
9. Gendron, T.L. et al. (2016) The Language of ageism: Why we need to use words carefully. *Gerontologist*. 56 (6). pp. 997–1006. doi: 10.1093/geront/gnv066
10. Sontag, S. (1997) The double standard of aging. In: Pearsall M. *The other within us. Feminist exploration of women and aging*. Routledge. pp. 285–294. [Online] Available from: https://warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/undergraduate/modules/literaturetheoryandtime/susan_sontag_the_double_standard_of_aging.pdf (Accessed: 28.07.2021).
11. Pahaut, C. (2021) *Partie I. L'emprise médiatique: normes et assignations, in Dossier – Le vieillissement dans le miroir de la différence de genre*. Publications CVFE. [Online] Available from: <https://www.cvfe.be/publications/analyses/370-le-veillissement-dans-le-miroir-des-differences-de-genre-1-l-emprise-mediatique-normes-et-assignations> (Accessed: 29.07.2021).
12. Kozhemyakin, E.A. & Krasikova, T.R. (2017) "Etot tovar govorit sam za sebya": konstruirovaniye mediareal'nosti v telegazette ["This product speaks for itself": constructing media reality in a TV store]. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 7 (926). pp. 106–113.
13. Mun, L.N. (2012) Avtoreferentnost' kak tvorcheskyy improvizatsionnyy priem v obrazovatel'nom prostranstve sinteza iskusstva i nauk [Self-referentiality as a creative improvisational technique in the educational space of the synthesis of arts and sciences]. *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika*. 2. [Online] Available from: <http://psychology.snauka.ru/2012/02/183> (Accessed: 19.07.2021).
14. Brazgovskaya, E.E. (2012) Semiotika za predelami auditorii: Tsikl zametok o tom, kak vse to, chto "i tak yasno", teryaet svoyu ochevidnost'. Stat'ya vtoraya: Sushchestvuyut li znaki bez referentov i referenty, ne aktualizirovannyye v znakakh? [Semiotics beyond the classroom: A series of notes on how everything that is "already clear" loses its obviousness. Article two: Are there signs without referents and referents not actualized in signs?]. *Internet-zhurnal "Filolog"*. 19. [Online] Available from: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_19_40 (Accessed: 16.07.2021).
15. Plotnikova, S.N. (2008) Yazykovoe, diskursivnoe i kommunikativnoe prostranstvo [Linguistic, discursive and communicative space]. *Vestnik IGLU. Seriya: Filologiya*. 1. pp. 131–136.
16. Solodkova, E.V. (2011) Zhenskiy avtoreferentnyy diskurs v angliyskom yazyke [Women's self-referential discourse in English]. Philology Cand. Diss. Irkutsk: ISLU.
17. Hagège, C. (2007) *La structure des langues*. Paris: Vendome Impressions.
18. Dakhalaeva, E.Ch. (2005) *Semantika i pragmatika avtoreferentnykh nominatsiy v situatsii rechevogo obshcheniya v sovremennoy frantsuzskoy yazyke* [Semantics and pragmatics of self-referential nominations in the situation of verbal communication in modern French]. Philology Cand. Diss. Irkutsk: ISLU.
19. Dakhalaeva, E.Ch. (2013) Avtoreferentnyye zhanry internet-diskursa [Self-referential genres of Internet discourse]. *Vestnik IGLU. Seriya Filologiya*. 4. pp. 24–29.
20. Brazgovskaya, E.E. (2013) Kognitivnyy potentsial avtoreferentsii: samoopisaniya v proze Stansislava Lema [Cognitive potential of self-reference: self-descriptions in the prose of Stanislaw Lem]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2 (22). pp. 94–101.
21. Luhmann, N. (2005) *The reality of the mass media*. Moscow: Praksis. (In Russian).
22. Dakhalaeva, E.Ch. (2021) "Svoy krug" – "chuzhoy krug": fragmenty dinamicheskoy modeli vzaimodeystviya avtoreferentnykh i inoreferentnykh komponentov v diskurse zhenskikh-zhertvy domashnego nasiliya ["My circle" – "another's circle": fragments of a dynamic model of interaction

- between self-referential and other-referential components in the discourse of a female victim of domestic violence]. *Kul'tura i tekst*. 2 (45). pp. 198–209.
23. Kolmogorova, A.V., Lyamzina, S.A. & Kiselev, I.L. (2020) Yazykovaya / rechevaya biografiya patsienta s afaziey kak faktor, opredelyayushchiy spetsifiku protsessa ego rechevoy reabilitatsii [Language/speech biography of a patient with aphasia as a factor determining the specifics of speech rehabilitation]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 18 (82). pp. 104–116. doi: 10.25205/1818-7935-2020-18-2-103-116
24. Kolmogorova, A.V., Kalinin, A.A. & Malikova, A.V. (2019) The Types and Combinatorics of Verbal Markers of Different Emotional Tonalities in Russian-Language Internet Texts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 48–58. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/448/6
25. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of language]. Voronezh: Istoki.

Информация об авторе:

Дахалаева Е.Ч. – канд. филол. наук, доцент кафедры романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: lizdach@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.Ch. Dakhalaeva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: lizdach@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.09.2021;
одобрена после рецензирования 05.12.2023; принята к публикации 29.02.2024.*

*The article was submitted 06.09.2021;
approved after reviewing 05.12.2023; accepted for publication 29.02.2024.*

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/15617793/499/5

Особенности референции субъектов в русских пословицах с формами третьего лица

Светлана Ивановна Первунина¹

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,
pervuninas@mail.ru

Аннотация. Исследуются особенности референции субъектов в русских пословицах с формами третьего лица. Охарактеризовано ранжирование референциальных статусов субъектов в пословицах: генерализованный, общеродовой с возможностью повышения/понижения ранга, условно-референтный и др. Рассмотрены как общеязыковые, так и специфические средства обобщения. Установлены соотношения между референциальными классами и семантическими группами существительных, а также случаи перехода из одного класса в другой или внутри класса.

Ключевые слова: референция, пословицы, формы третьего лица, семантические группы существительных, референциальные классы субъектов, референциальное ранжирование, референциальный транзит

Для цитирования: Первунина С.И. Особенности референции субъектов в русских пословицах с формами третьего лица // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 41–48. doi: 10.17223/15617793/499/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/5

Peculiarities of subject reference in Russian proverbs with third-person forms

Svetlana I. Pervunina¹

¹ Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, pervuninas@mail.ru

Abstract. The article investigates the peculiarities of subject reference in Russian proverbs with third-person forms. The aim of the research is to identify the referential mechanisms of generalisation of the subjects who act in proverbs. The main source of empirical material is Russian proverbs from V.I. Dal's collection (over 1,500 proverbs). The research methodology is based on A.V. Bondarko's theory of categorical situations and the theory of reference by E.V. Paducheva, T.V. Bulygina and A.D. Shmelev. The study considered the ranking of subject statuses and the means of their transmission; the correlation between referential classes of nouns (qualitative, functional, relational) and their semantic groups (by occupation, personality, etc.); referential transit (transition from one class to another). The main generalisation mechanisms have been identified in proverbs as follows: genre frame, common nouns and noun groups with the meaning of person; specific means of generalisation (proper names, personal pronouns, null subject); and figurative use of names (zoonyms, artifacts, and anthroponyms). Each of these types has demonstrated the ability to vary the degree of subject reference, thus narrowing or expanding its scope. The highest, generalised level of reference is retained in those proverbs where subjects are expressed by quantifier pronouns, including in combination with the lexical unit *human*. In other cases, subjects implement the generic type of reference with the option of increasing or decreasing the level of reference. A special type of reference, i.e. conditionally referential, has been considered, which is implemented by zoonyms and artifacts, as well as by anthroponyms in figurative use. It has been noticed that high combinability of third-person verb forms with various means of expressing the subjects in proverbs predetermines their substantial referential potential. Stable relations between semantic groups of nouns and referential classes (qualitative class: external and internal characteristics of a person, gender, age, ethnicity, etc.; functional class: naming units according to activity; relational class: according to the relations) have been determined. Conditionally referential naming units (zoonyms and artifacts) correlate with qualitative and relational classes. In general, all classes include their respective semantic groups, but referential transits have been recorded. The qualitative name class turned out to be the most stable one: only internal transit, in which the semantic group of nouns changes, has been detected. The rest of the classes showed a tendency to external transit: functional and relational classes may perform referential transit to the qualitative class; and functional names may transit to the relational class. Thus, proverbs with third-person forms represent a range of referential statuses of subjects.

Keywords: reference, proverbs, third-person forms, semantic groups of nouns, referential classes of subjects, referential ranking, referential transit

For citation: Pervunina, S.I. (2024) Peculiarities of subject reference in Russian proverbs with third-person forms. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 41–48. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/5

Вводные замечания

Статья посвящена изучению референциальных типов субъектов, встречающихся в пословицах с формами третьего лица единственного числа, таких, как: *Жена поет, а муж волком воет; Не живет сорока без белого бока; И камень лежачий мохом обрастает.*

Выбор для исследования форм третьего лица единственного числа глагола аргументирован следующим: 1) данными по количеству употребляемых форм лица в пословицах, приводимых в исследовании Л.Б. Кацюбы [1], где формы третьего лица единственного числа являются наиболее частотными и составляют 51% от общего числа встречающихся в этих текстах глагольных форм; 2) характеристикой третьеличных форм (в отличие от форм второго лица) как наименее склонных к обобщению (А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин [2], Ю.П. Князев [3] и др.), что противоречит их частотности в пословицах; 3) при наивысшей степени обобщения, характерной для пословиц (Г.А. Золотова [4], З.К. Тарланов [5].), они неоднородны с точки зрения референции субъекта.

Актуальность работы обусловлена необходимостью дальнейшего изучения сочетаемости форм третьего лица, несмотря на кажущуюся изученность этих форм (В.В. Виноградов [6], А.В. Бондарко [7], В.В. Химик [8], В.А. Лаврентьев [9] и др.); важностью изучения роли семантики существительных и именных групп (Н.Д. Арутюнова [10], Е.В. Падучева [11, 12], Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев [13, 14]), взаимодействующих с этой формой глагола в пословицах, что позволяет уточнить языковые механизмы обобщения в пословичных текстах (З.К. Тарланов [5], О.Е. Фролова [15] и др.).

Целью данной статьи является выявление референциальных механизмов обобщения субъектов, действующих в пословицах с формами третьего лица.

В ходе исследования применялся функциональный анализ высказывания и текста с опорой на теорию категориальных ситуаций, разработанных А.В. Бондарко [16].

Базовыми для изучения референциальных механизмов языка являются работы Н.Д. Арутюновой [10], Е.В. Падучевой [11, 12], Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева [13, 14], О.Е. Фроловой [15], О.М. Алексеевой [17].

Основным источником эмпирического материала послужила картотека русских пословиц, извлеченных из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» [18], было проанализировано более 1 500 единиц.

В центре внимания находятся пословицы, характеризующие человека, причем те из них, которые построены по модели двусоставного предложения с формами третьего лица.

В данной статье мы сконцентрируемся на таких основных вопросах, как: ранжирование статусов субъектов и средствах их передачи; соотношение референциальных классов, рассматриваемых А.Д. Шмелевым (качественных, функциональных, реляционных и пр.) [14] с семантическими группами существительных (по роду деятельности, личным качествам и пр.); референциальный транзит, под которым понимается переход

существительных из одного референциального класса в другой, что свойственно пословицам.

Референциальные статусы субъектов и основные способы их выражения

Субъекты в пословицах, как было отмечено, могут обладать разными референциальными статусами, хотя принято считать, что все они относятся к наивысшему уровню обобщения.

Анализ материала показал, что в пословицах действуют следующие референциальные механизмы.

1. Жанровая специфика пословицы, при которой обобщение достигается независимо от используемых языковых средств выражения, хотя в других типах текста (не в пословичных) подобные высказывания квалифицируются как конкретно-референтные. Ср.: *Барыня в чепчике походя шепчет; Свадебный поезд выезжает нечетом; Гроза бьет по самому высокому дереву.*

2. Общеязыковые средства референции: а) кванторы всеобщности (*всякий, каждый, любой*) – *Всяк храмлет на свою ногу; Всяк свое хвалит*; б) нарицательные существительные (*сидень, красавица*), в том числе и субстантиваты (*богатый, добрый*) разных семантических групп: *Повар с голоду не умирает; Дурак не рассудит, а умный не осудит*; в) именные группы (цельное наименование, состоящее из определителя и существительного – *добрый портной, всякий купец*): *Добрая кума живет и без ума; Старый муж и на руку колодой валится.*

3. Специфичные для пословиц средства общей референции: а) имена собственные (*Елесь, Софья, Арина*): *Фома музыку разумеет, а Ерема плясать умеет; Живет Ермошка: есть собака да кошка*; б) личные местоимения третьего лица (*он, она*): *Она языком и белит, и чернит; Он и чужой песне подыгрывать умеет*; в) «нулевое подлежащее» (под которым понимается пропуск этого члена предложения в конструкциях с третьим лицом единственного числа) – *На коне сидит, а коня ищет; Глядит, как в решето.*

4. Переносное употребление имен¹, при котором характеристика человека дается через зоонимы (*воробей, конь, пчела*) и артефакты (*метла, посуда, шуба*): *Худое колесо пуще скрытит; Драчливый петух жирен не бывает; Муха не боится обуха.*

Субъекты в пословицах обладают разными рангами обобщения, которые определяются по Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелеву [13, 14]).

Наивысший уровень обобщения (**генерализованная** референция фиксируется в пословицах, где субъектами выступают местоимения обобщающего типа (*всякий, любой*), осуществляющие референцию к неограниченному классу лиц: *Всякий хлопочет себе добра хочет; Всяк от своих дел осудится и оправится; Никто с собою ночлега не возит.* Сочетание кванторного местоимения (*всякий, любой, каждый*) с лексемой *человек* также сохраняет высокую степень генерализации, поскольку данная именная группа синонимична субстантивату *всякий/каждый*, репрезентирующих действие лица, ср.: *Всякий*

человек вперед смотрит → **Всякий** вперед смотрит. Однако в некоторых случаях кванторное местоимение в составе именной группы способно влиять на степень референции субъектов, что будет рассмотрено нами далее.

Общеродовой референциальный статус реализуется в текстах, где в качестве субъектов функционируют нарицательные существительные разных семантических групп (по родственным отношениям – *сын, жена*; по интеллектуальным качествам – *знайка, умный*; по роду деятельности – *кузнец, вор* и пр.), некоторые типы именных групп (*добрый человек, каждый мастер, хороший портной*), личные местоимения третьего лица (*он, она*), имена собственные (*Демид, Марья*), нулевое подлежащее. Все перечисленные средства передают референцию, при которой осуществляется соотнесение языкового выражения не со всем классом субъектов (*Каждый человек хочет быть счастливым*), а **общеродовое**, групповое обобщение, когда фиксируется ограничение группы лиц по каким-либо параметрам (по социальному статусу, гендерной принадлежности, профессии и пр.).

В группе субъектов, обладающих **общеродовым** статусом, выделено несколько подгрупп.

Нарицательные существительные выступают референтом обобщенного лица, указывающего на категорию субъектов, объединенных по различным свойствам, признакам. В таких случаях форма ед. ч. имен нарицательных называет эталонного представителя определенной группы, таким образом выполняя роль референциального ограничителя рода субъектов: *Богач друга не узнает*; *Охотник ведра в тороках не возит*; *Умный смиряется, глупый надувается* – представители класса (*богач, умный, глупый, охотник*) характеризуют совокупность лиц по социальному статусу, по роду деятельности, по интеллектуальным свойствам.

Тот же статус выражает именная группа, в состав которой входит прилагательное со значением качества (*мудрый, лихой, скупой* и пр.) и лексема *человек*. Такой тип именной группы не влияет на уровень родовой референции, т.е. не сужает / не расширяет её охват, поскольку указанные сочетания синонимичны субстантивам (*злой человек* → *злой*, *добрый человек* → *добрый* и пр.), передающим качественную характеристику лица, ср.: *Злой человек и повалясь в глаза глядит* → *Злой и повалясь в глаза глядит*; *Русский человек любит авось* → *Русский любит авось*; *Добрый человек добру и учит* → *Добрый добру и учит*.

Более сложный референциальный механизм действует в случае сочетания кванторного местоимения с номинацией представителя какой-либо группы (*любой отец, всякий рыбак* и пр.), фиксирующей сужение референциального охвата по отношению к обозначаемому квантором *каждый* (*любой, всякий*), а относительно слов, называющих представителя группы, фиксируется расширение области референции за счет семантики квантора, выражающей отсутствие исключений, ср.: *Цыган свою кобылу хвалит* → **Всякий** цыган свою кобылу хвалит; *Подъячий любит калач горячий* → **Всяк** подъячий любит калач горячий; *Трус о*

храбрости беседует → **Всякий** трус о храбрости беседует.

Понижение ранга обобщения субъектов наблюдается при сочетании прилагательного со значением качества и существительного, называющего представителя определенной группы (по этнической принадлежности, интеллектуальным, нравственным качествам и пр.), которые формируют общий референциальный потенциал именной группы, т.е. актуализация референции зависит от взаимодействия этих элементов. В пословицах *Добрый повар стоит доктора*; *Злая жена сведет мужа с ума* – именные группы *добрый повар* и *злая жена* демонстрируют сужение референциального охвата, так как из потенциального класса «поваров» и «жен» выбирается особый подкласс с постоянным признаком того или иного проявления личности (хитрости, услужливости, пакостливости и пр.).

Особый референциальный статус получают имена собственные (*Марья, Демид*), личные местоимения третьего лица ед. ч. (*он, она*) и нулевые подлежащие, поскольку демонстрируют близкие референциальные свойства: в языке, как правило, специализируются на выражении конкретной референции (определенной, по Е.В. Падучевой [11, 12]), которая предполагает обязательное соотнесение имени с антецедентом. Однако в пословицах они меняют референциальную принадлежность и отличаются нестандартным употреблением – выражают **общеродовой** тип референции, который является во взаимодействии с другими элементами высказывания. Специфика статуса имен собственных и личных местоимений в пословицах заключается в том, что они сочетают в себе **двойную** референцию: во-первых, называют категорию лиц с определенным гендерным признаком (*Федот* и *Он* – мужской пол; *Маланья* и *Она* – женский пол), во-вторых, при взаимодействии этих языковых средств с предикатом актуализируется качественный компонент, маркирующий категорию лиц по различным свойствам. Таким образом, рассматриваемые номинации субъектов выступают как представители определенной группы по гендерной принадлежности с конкретизацией их качественной семантики. Ср.: *Горюет Фома, что пуста у него сума* (имя собственное *Фома* называет представителя мужского пола, а каузатор *пуста сума* способствует указанию на качественный признак человека бедности); *Она прибирает, она подавает, одним одна за всех отвечает* (личное местоимение *Она* указывает на группу лиц женского пола, а сочетание местоимения с предикатами *прибирает, подавает, отвечает* репрезентирует многообразие женских обязанностей).

Важной функцией при передаче референциальной информации в пословицах обладают конструкции с «нулевым подлежащим». Невербализованное подлежащее передает **общеродовой** тип обобщения с помощью семантики предиката, конкретизирующего группу лиц по особенностям поведения: *Сидит на ряду, а говорит: не могу* (о лентях); *Говорит прямо, а делает криво* (об обманщиках); *Дома сидит, ни на кого не глядит* (о домоседах).

Было установлено, что в пословицах действует и особый тип референции – **условно определенный**

(по О.А. Алексеевой [17]), или **условно референтный** (применительно к нашему исследованию), позволяющий соотносить именное выражение с переносной номинацией лица. При характеристике человека в пословицах используются зоонимы (*волк, медведь, змея*) и артефакты (*метла, посуда, плетка*): *Ловит волк роковую овцу; Не велик сверчок, да громко поет; Новая метла чисто метет; Мал горшок, да мясо варит*. Вслед за О.А. Алексеевой считаем, что в этом случае важную роль играет несовпадение денотата и референта, однако адресат, исходя из собственного знания мира, свободно распознает переносное употребление языкового выражения. Автор иллюстрирует это примером: *У Льва родился сын*, в котором идентификация предмета речи выстраивается по следующей формуле: «Мы все знаем, кто это, но назовём его *Лев*» [17. С. 17]. По нашему мнению, вследствие антропоцентричности пословиц, а также на основании принципа формирования иносказательности в реализации этого референциального статуса участвуют не только зоонимы и артефакты, но и антропонимы в переносном употреблении, когда номинация лица по одному признаку, передает другую его характеристику (см. об том в п. 4).

Таким образом, в пословицах выявлены разнообразные референциальные типы субъектов, каждый из них выделяется на основе определенных механизмов (общезыковых и специфических) и выражает разную степень обобщения, ранжируя статусы субъектов в пословицах: генерализованный, общеродовой, с полным и неполным референциальным охватом группы субъектов, «двойной» референции и ряда особых случаев.

Соотношение референциальных классов с семантическими группами существительных

Характеризуя референциальный потенциал нарицательных существительных, А.Д. Шмелев [14] выделяет несколько классов: **качественные** (по внешним, внутренним свойствам), **функциональные** (по роду деятельности), **реляционные** (по отношениям между людьми). В пословицах были определены те же классы (хотя иногда меняются их функции), а также их состав дополнен еще несколькими типами. Все эти классы в пословицах реферируют не к конкретным субъектам, а к той или иной группе лиц. Для каждого референциального класса установлены типовые семантические группы существительных, репрезентирующие этот класс, а также те, которые могут быть в него включены в пословицах.

Референциальный класс **качественных** имен формируют существительные, обычно называющие лицо по свойственному ему признаку, следовательно, выделяются следующие семантические группы: номинации по личным качествам (*умница, добрый, трус* и пр.), по внешним данным (*красавица, горбатый, урод* и пр.), по гендерно-возрастным параметрам (*баба, мужик, дитя* и пр.), по этнической принадлежности (*немец, грек, француз* и пр.). В пословицах данной группой

слов фиксируется типичное проявление качеств людей: *Скупой запирает крепко, а потчует редко; Дурак времени не знает; Молодой дурит, старый накошти творит*.

Сюда же условно можно отнести имена собственные (*Ивашка, Марья* и пр.), личные местоимения третьего лица (*он, она*), а также пословицы с «нулевым подлежащим», поскольку все они, как уже было отмечено выше, содержат объективные предпосылки для выражения качественной семантики лица: называют представителей определенного класса по каким-либо признакам, соотносятся с рассмотренными семантическими группами существительных (по гендерно-возрастным критериям, по социальному статусу, по личным качествам пр.): *Фомка вор: на долото рыбу удит* (о нечестных людях); *Смотрит, как волк на теля* (о недоброжелательных людях); *Говорит три дни, а все про злыдни* (о злопамятных людях); *Бьет не по делу, учит не уму* (о бестолковых людях).

В референциальный класс **функциональных** существительных включаются семантические группы, называющие человека по роду деятельности (*солдат, кузнец, поп* и пр.), по социальному статусу (*царь, князь, дворянин*). В этих пословицах характеризуется лицо по его предназначению, описывается типовое поведение представителей социальных групп: *Поп поет, кузнец кует, а солдат свою службу служит; Портной за фасон берет; Царь помилует, царь и пожалует*. Часто называются их качества: *Богатый и не тужит, да брюзжит* (тяжелый характер богачей); *Судья доuku любит* (занудная настойчивость служителей закона). Иногда фиксируется нестандартное поведение представителя класса, когда называемые признаки не являются очевидными, ср.: *Матрос и корову не уведет, не трекнув* (по профессиональной привычке любое дело матрос сопровождает возгласом); *И скоморох ину пору плачет* (отступление от обычая веселить людей). Нестандартность этого поведения вытекает из типичного набора свойств, присущих людям данной группы.

К классу **реляционных** имен относятся термины родства (*дед, внук, мать* и пр.), а также конверсивы² (*барин – мужик, гость – хозяин* и пр.). В таких пословицах отражаются типовые отношения между людьми (*дружеские, родственные, любовные* и пр.). Основанием для принадлежности имен лиц к данному классу служит особая синтаксическая структура, включающая взаимообусловленные действия двух субъектов: *Осенью работник краснеет, а хозяин бледнеет; Хозяин смекает, а гость примечает; Сын запоет – и отец не уйдет*. Здесь проявляется и семантика ответственности вследствие фиксации типовых проявлений отношений, продиктованных характерными свойствами субъектов, проявляемыми по отношению друг к другу. На том же основании в рамках рассматриваемого класса выделяем часть имен собственных (*Ананий, Егор*), ориентированных на выражение взаимоотношений между людьми: *Не идет Федора за Егора: а Федора идет, да Егор-то не берет; Иван Марьи не слушается: сам приказывать горазд*. Встречаются и единичные случаи, где ту же референциальную отне-

сенность демонстрируют личные местоимения третьего лица, например: *Она бает: приди, бает; он бает: мать узнает; она бает: давно знает; Она к нему голу- бится, а он от нее тетерится.*

Особо следует отметить **условно референтный** класс имен (отсутствующий в классификации А.Д. Шмелева [14]), который располагает широким спектром номинаций для характеристики лица путем группы зоонимов, артефактов. В этот класс входят метафоро-метонимические номинации (*лошадь, медведь, метла, посуда* и пр.), усложняющие референциальные свойства языковой единицы за счет специфики выражения. Характеристика лица в данном случае осуществляется более сложным способом, т.е. субъектная номинация должна быть декодирована не только собственно языковыми средствами, но и правильным их соотносением с внеязыковой действительностью, образами внешней среды.

В языковом сознании людей зоонимы могут репрезентировать определенное качество личности человека (*пчелка, муравей* – трудолюбие, усердие; *медведь* – сила, выносливость; *лиса* – хитрость): *Лиса семерых волков проведет* (выражение качеств хитрых людей); *Муравей не по себе ношу тащит* (выражение качества трудолюбивых людей). Если говорить об именных группах, то здесь референциальный потенциал номинации реализуется следующим образом: прилагательное со значением качества реферирует к человеку, а зоономинация в большей степени согласуется с поведением животного, например: *Голодный волк и завертки рвет; Старый ворон даром не каркнет; Ласковое теля двух маток сосет.*

Что касается артефактов (*мельница, веретено*), то здесь часто не фиксируется четкая закреплённость свойств человека за предметом, и это осложняет их референциальную отнесенность. Однако специфика данной группы заключается в том, что субъект, как правило, представлен именной группой (*пустая мельница, кривое веретено*), в которой референциальную функцию выполняет определение, соотносящее языковое выражение с образом человека. Ср.: *Пустая мельница без ветру мелет* (*пустая* – глупый человек); *Кривое веретено не исправится* (*кривое* – поведение человека, отклоняющееся от общепринятых норм).

А.Д. Шмелев [14] не рассматривает в рамках своей классификации условные номинации, хотя, на наш взгляд, по своим референциальным свойствам они коррелируют с классом **качественным** (репрезентируют человека с подобными чертами характера: *Хороший товар сам себя хвалит, Орел мух не ловит людей*) и **реляционным** (представляют взаимоотношения людей: *Ворон ворону глаз не выклюет Лиса придет – и курица раскудахчется*).

Таким образом, сопоставление референциальных классов и семантических групп существительных в пословичных текстах выявило их устойчивые соотношения. Так, класс качественных имен фиксирует внешние/личностные характеристики человека, гендерно-возрастные, этнические и др.; функциональный – по

роду деятельности, социальному статусу; реляционный – по взаимоотношениям между людьми. Однако были зафиксированы **референциальные транзиты** существительных, свидетельствующие о модификации статусов субъектов, что будет рассмотрено далее.

Модификация референциальных статусов субъектов

В пословичных текстах, как было отмечено, встречаются практически те же классы имен лиц, что и в языке (качественные – *умный, глупец*; функциональные – *охотник, сапожник* и пр.). Однако общезыковые референциальные свойства этих классов в пословицах усложняются и способны менять свой референциальный класс (функциональный → реляционный; реляционный → качественный и пр.).

Итак, мы квалифицируем класс **качественных** имен как достаточно стабильный, поскольку не были установлены переходы входящих в него имен в другие классы.

Функциональные имена (номинации по роду деятельности: *кузнец, воин, рыбак* и пр.) и **реляционные** (термины родства: *отец, сын; дедушка, внучек*; конверсивы: *хозяин – гость* и пр.) могут переходить в группу качественных имен, таким образом, они меняют свой общезыковой статус и реализуют нетипичное для них референциальное предназначение. Так, переход имен из функционального класса в качественный происходит в случаях, когда номинация лица по функции на самом деле передает качественную характеристику, отражая его условный референциальный статус: *И поп новину любит* (консервативность); *Плотник с топором и думает* (приверженность своему делу) – референциальная отнесенность номинаций *поп* и *плотник* осуществляется не к типичным представителям этих профессий, а ко всем людям, обладающим названными качествами.

Реляционные имена реже переходят в качественный класс, это возможно в таких сложных случаях, когда существительные-субъекты одновременно обладают и реляционной, и качественной семантикой: *Друг другу терем ставит, а недруг недругу гроб ладит* – одноименные номинации *друг – другу; недруг – недругу* выступают как реляционные, а антонимичные номинации *друг другу – недруг недругу*, находящиеся в разных частях сложной синтаксической конструкции, фиксируют качественную референцию, т.е. репрезентируется не взаимодействие субъектов, а сопоставление их качеств.

Как уже отмечалось ранее, было установлено соотношение между **условно референтными** именами и классом качественных и реляционных имен на основании пересечения их референциальных свойств. Исходя из этого, о такой же модификации (реляционные → качественный класс) мы можем говорить и в случае употребления некоторых зоонимов, например: *Сорока скажет вороне, ворона борову, а боров всему городу* (болтливость); *Курица гогочет, а петух молчит* (женская разговорчивость и мужская

немногословность). В данных пословицах прослеживается преобладание качественной референции существительных *сорока, ворона, петух*, т.е. на первый план выходит не взаимодействие людей, а фактические качества их личности.

Функциональные имена также могут переходить в группу реляционных, например: *Кавалер кавалера бьет*; *Вор на воре не ищет*; *Рыбак рыбака видит издалека*. В этих случаях переходу способствует несколько факторов: определенная структура высказывания, предполагающая двусубъектность; одноименность номинаций (*вор – вора; поп – попа*), фиксирующая переносное значение, т.е. в данном случае речь идет не столько о характеристике лиц по их роду деятельности, сколько о взаимодействии лиц, принадлежащих к одному классу.

Таким образом, нами рассмотрены случаи перехода нарицательных существительных из одного референциального класса в другой, названный нами **внешним транзитом**.

Кроме того, были выявлены случаи перехода имени из одной семантической группы в другую, при котором не меняется класс, т.е. реализуется **внутренний транзит**. Такое внутриклассовое перемещение демонстрируют **качественные** имена, когда в качестве субъекта выступает антропоним с условно референтным статусом, например, номинация по внешним данным характеризует человека по личным качествам: *Горбун прямиком перехитрит*; *Слепой и в горшке дороги не найдет*, следовательно, субъектные номинации (*горбун, слепой*) меняют только семантическую группу (внешние данные → личные качества), но не меняют свой класс, поскольку в любом случае осуществляют референцию к группе лиц, обладающей определенными качествами.

Итак, несмотря на выявленные устойчивые соотношения референциальных классов с семантическими группами существительных, прослеживается отчетливая тенденция к модификации референциальных статусов субъектов. Например, качественные имена, не меняя свой референциальный класс, все же демонстрируют склонность к транспозиции семантических групп внутри класса (важно отметить, что такой внутренний процесс относим к модификации статуса субъекта); функциональные имена переходят как в группу качественных, так и в класс реляционных имен; реляционные имена – в класс качественных.

В связи с этим можно предположить, что все нарицательные существительные, у которых выявлена модификация референциального статуса, обладают условной референцией (это касается только антропонимов; зоонимы/артефакты закреплены за особым условно референтным классом и «по умолчанию» обладают этим типом референции, хотя и соотносятся по своей семантике с некоторыми классами). Основанием для данной гипотезы является то, что соблюдается основное условие для реализации именем этого типа референции: адресат идентифицирует переносное значение, «считывая» эту модификацию (внешние данные

человека → внутренние свойства человека; зооним, артефакт → человек с похожими качествами и под.).

Заключение

Итак, исследование референциальных свойств типов субъектов в пословицах с формами третьего лица ед. числа показало ряд проявляющихся у них важных особенностей.

Выявлено ранжирование референциальных статусов субъектов, осуществляющееся за счет средств их выражения: **генерализованный, общеродовой** с возможностью повышения и понижения степени референции, особый **условно референтный** и др.

Можно говорить о том, что в пословицах представлен целый спектр референциальных статусов субъектов, выражаемых кванторными местоимениями, нарицательными и собственными существительными, личными местоимениями третьего лица и др., которые воплощаются в высказываниях с формами третьего лица единственного числа. В данном случае форма единственного числа является своеобразным «прототипом» группы лиц, фиксирующим их типичные качества.

Установлены соотношения между семантическими группами существительных и референциальными классами (качественный класс включает слова, называющие внешние и внутренние характеристики человека, гендерно-возрастные, этнические и др.; функциональный класс – номинации по роду деятельности; реляционные – по взаимоотношениям). Хотя в классификации А.Д. Шмелева [14] не учитываются условно референтные номинации, с нашей точки зрения, по своим референциальным свойствам они соотносятся с качественными и реляционными классами.

Пословица является функциональным пространством, где действуют как общезыковые, так и специфичные механизмы (имена собственные, личные местоимения третьего лица, нулевые подлежащие). Именно в этом типе текста действуют особые механизмы, к которым можно отнести внешний и внутренний транзит, т.е. переход именного выражения из одного референциального класса в другой (функциональный → качественный и др.), или его движение в рамках одного класса (смена семантической группы). Исходя из этого, важно заметить, что наиболее стабильным является класс качественных имен, поскольку осуществляет главным образом внутренние транзиты; остальные классы обладают большей подвижностью, поскольку подвержены внешним транзитам. Предполагается, что модификация референциального статуса существительного свидетельствует о его условной референции.

Вследствие недостаточной изученности механизмов референции в пословицах перспективным в исследовании является более полное описание основных способов выражения обобщения субъектов в русских пословицах (не только с формами третьего лица); наблюдение за референциальными транзитами имен; выявление и характеристика различных способов повышения/понижения ранга обобщения их иерархизации; изучение референциального потенциала условно референтного класса.

Изучение референциальных особенностей субъектов позволяет увидеть, что их различные референциальные статусы часто ориентированы на выражение

качественной характеристики человека, базирующейся на проявлении его типовых свойств или регулярно совершаемых им действий.

Примечания

¹ В данной статье соматизмы (*голова, сердце, рука*), также относимые к переносному способу выражения лица, не рассматриваются.

² Под конверсивами понимаются номинации «в соотносительных конструкциях с прямой и обращенной ролевой структурой: при преобразовании по конверсии субъект и объект меняются местами» [19. С. 234–235].

Список источников

1. Кацюба Л.Б. Лицо глагола в русских пословицах. Семантико-грамматические и лингвокультурологические аспекты. М. : Флинта, 2018. 213 с.
2. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л. : Просвещение, 1967. 190 с.
3. Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М. : Языки славянских культур, 2007. 704 с.
4. Золотова Г.А. и др. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Наука, 2004. 540 с.
5. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1999. 448 с.
6. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М. : Русский язык, 2001. 720 с.
7. Бондарко А.В. Семантика лица // Теория функциональной грамматики. Персональность. СПб. : Наука, 1991. С. 5–40.
8. Химик В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1990. 174 с.
9. Лаврентьев В.А. Синтаксическое лицо как многоаспектная категория // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 10 (54). С. 76–79.
10. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
11. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М. : УРСС, 2002. С. 94–98.
12. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М. : Наука, 1974. 292 с.
13. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Прагматические аспекты теории референции // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М. : Ин-т науч. информации по общественным наукам, 1984. С. 97–125.
14. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Языки славянской культуры, 2002. 483 с.
15. Фролова О.Е. Мир, стоящий за текстом: референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. М. : ЛКИ, 2007. 317 с.
16. Бондарко А.В. Категоризация в системе грамматики. М. : Языки славянских культур, 2011. 488 с.
17. Алексеева О.М. Особенности употребления имён в эзоповом языке басни (референциальный анализ) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 16–21.
18. Даль В.И. Пословицы русского народа : сб. : в 2 т. М. : Худож. лит., 1989.
19. Новиков Л.А. Конверсия // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 234–235.

References

1. Katsyuba, L.B. (2018) *Litso glagola v russkikh posloviyakh. Semantiko-grammaticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty* [The person of the verb in Russian proverbs. Semantic-grammatical and linguocultural aspects]. Moscow: Flinta.
2. Bondarko, A.V. & Bulanin, L.L. (1967) *Russkiy glagol* [Russian verb]. Leningrad: Prosveshchenie.
3. Knyazev, Yu.P. (2007) *Grammaticheskaya semantika: Russkiy yazyk v tipologicheskoy perspektive* [Grammatical semantics: Russian language in a typological perspective]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
4. Zolotova, G.A. et al. (2004) *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow: Nauka.
5. Tarlanov, Z.K. (1999) *Russkie posloviy: sintaksis i poetika* [Russian proverbs: syntax and poetics]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
6. Vinogradov, V.V. (2001) *Russkiy yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language: Grammatical doctrine of the word]. Moscow: Russkiy yazyk.
7. Bondarko, A.V. (1991) Semantika litsa [Semantics of the person]. In: *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* [Theory of functional grammar. Person. Voice]. St. Petersburg: Nauka. pp. 5–40.
8. Khimik, V.V. (1990) *Kategoriya sub'ektivnosti i ee vyrazhenie v russkom yazyke* [The category of subjectivity and its expression in Russian]. Leningrad: Leningrad State University.
9. Lavrent'ev, V.A. (2010) Sintaksicheskoe litso kak mnogoaspekt'naya kategoriya [Syntactic person as a multidimensional category]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 10 (54). pp. 76–79.
10. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
11. Paducheva, E.V. (2002) *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu: Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimений* [The utterance and its correlation with reality: Referential aspects of the semantics of pronouns]. Moscow: URSS. pp. 94–98.
12. Paducheva, E.V. (1974) *O semantike sintaksisa. Materialy k transformatsionnoy grammatike russkogo yazyka* [On the semantics of syntax. Materials for the transformational grammar of the Russian language]. Moscow: Nauka.
13. Bulygina, T.V. & Shmelev, A.D. (1984) Pragmaticheskie aspekty teorii referentsii [Pragmatic aspects of the theory of reference]. In: *Yazykovaya deyatel'nost' v aspekte lingvisticheskoy pragmatiki* [Language activities in the aspect of linguistic pragmatics]. Moscow: In-t nauch. informatsii po obshchestvennym naukam. pp. 97–125.
14. Shmelev, A.D. (2002) *Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel'nost'* [Russian language and extra-linguistic reality]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
15. Frolova, O.E. (2007) *Mir, stoyashchiy za tekstom: referentsial'nye mekhanizmy posloviy, anekdota, volshebnoy skazki i avtorskogo povestvovatel'nogo khudozhestvennogo teksta* [The world behind the text: referential mechanisms of proverbs, jokes, fairy tales and the authorial narrative literary text]. Moscow: LKI.
16. Bondarko, A.V. (2011) *Kategorizatsiya v sisteme grammatiki* [Categorization in the grammar system]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
17. Alekseeva, O.M. (2018) Osobennosti upotrebleniya imen v ezopovom yazyke basni (referentsial'nyy analiz) [Features of the use of names in the Aesopian language of fables (referential analysis)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. 5. pp. 16–21.
18. Dal', V.I. (1989) *Posloviy russkogo naroda: sb.: v 2 t.* [Proverbs of the Russian people: collection.: in 2 vols]. Moscow: Khudozh. lit.

19. Novikov, L.A. (1990) Konversiya [Conversion]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 234–235.

Информация об авторе:

Первунина С.И. – аспирант кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: pervuninas@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.I. Pervunina, postgraduate student, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: pervuninas@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.07.2023;
одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 29.02.2024.*

*The article was submitted 05.07.2023;
approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 29.02.2024.*

Научная статья
УДК 81
doi: 10.17223/15617793/499/6

Перевод сленга в англоязычных кинотекстах в свете несовпадения жанрово-стилистических канонов русского и английского языков

Елена Владимировна Шелестюк¹

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, shelestiuk@yandex.ru

Аннотация. Проведено сравнение сленговых единицы в англоязычных кинотекстах и их переводных соответствий в отношении стилистической окраски (регистра). Материалом исследования послужили 300 сленгизмов, отобранных методом сплошной выборки из транскриптов оригиналов и переводов кинотекстов «Разыскиваются в Малибу», «Мачо и ботан», «Оранжевый – хит сезона», «Новенькая», «Доктор Хаус», «Как я встретил вашу маму», «Теория большого взрыва», «Книжный магазин Блэка». Приводятся закономерности, обуславливающие предпочтительность сглаживания при переводе с английского языка на русский.

Ключевые слова: киноперевод, сленг, сленгизм, стилистико-жанровый канон, стратегии перевода, сглаживание, переводческая честность, эквивалентность, понижение стиля, скандализация

Для цитирования: Шелестюк Е.В. Перевод сленга в англоязычных кинотекстах в свете несовпадения жанрово-стилистических канонов русского и английского языков // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 49–58. doi: 10.17223/15617793/499/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/6

Translation of slang in English films in the light of difference of genre and stylistic canons of the Russian and English languages

Elena V. Shelestyuk¹

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation, shelestiuk@yandex.ru

Abstract. The aim of the article is to compare slang units in English-language films and their equivalents in Russian film translations in relation to stylistic coloring and register. The relevance is due to the normalization of the translation of slangisms from English into Russian in view of the differences in stylistic, genre and artistic canons of Russian and English. In English, slang is less expressive, emotive, but much more frequent in literary and everyday speech, slangisms are allowed by the artistic (literary, cinematographic) canon. The materials of the study are 300 slangisms, selected by the method of continuous sampling from the transcripts of the originals and translations of *21 Jump Street*, *Orange Is the New Black*, *New Girl*, *House M.D.*, *How I Met Your Mother*, *The Big Bang Theory*, *Black Books*. The research methods were lexicographic, stylistic, comparative-comparative, and statistical ones. The first group of slangisms and their translation samples (54%) manifest the strategy of “smoothing”, i.e., neutralizing or raising the low style, especially with regard to obscene expletives and invectives. Smoothing implies a number of stylistic shifts: (1) English slang > Rus. neutral or literary word/expression; (2) English slang > Rus. colloquial, familiar, low-colloquial, expressive or slang word/expression; (3) English slang-image/idiom > Rus. generalized, neutral or ameliorative word/expression; (4) an English utterance with slang > a Russian utterance with related, but different meaning without slang. The second group (35%) refers to cases of semantic, emotive and expressive equivalence of English and Russian units, we call this strategy “translation honesty”. Due to the lowness of the threshold of perception of low lexis with the Russian speakers, the Russian equivalents of English-language slangisms are often perceived as more expressive, rude, careless or familiar. The third group (11%) shows a pejoration of meaning and register, i.e., dysphemization in translation (downgrading of style, scandalization). This strategy in Russian translation is not justified due to the more-than-intended shocking effect of low vocabulary on Russian recipients. In conclusion, the regularities that determine the preference for smoothing when translating from English into Russian are given: (1) the difference in the genre-stylistic and artistic canons of languages; (2) different thresholds of perception of low-colloquial vocabulary by English and Russian speakers; (3) different expressiveness, emotivity, register and frequency of familiar/low-colloquial vocabulary in the two languages; (4) historically determined rigid differentiation between high, literary and low, colloquial registers in Russian, which is not the case in English.

Keywords: film translation, slang, slangism, stylistic-genre canon, translation strategies, smoothing, equivalence, translation honesty, downgrading of style, scandalization

For citation: Shelestyuk, E.V. (2024) Translation of slang in English films in the light of difference of genre and stylistic canons of the Russian and English languages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 49–58. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/6

Введение

Несмотря на утверждающуюся на сегодняшний день стратегию форенизации (остранения) при переводе, сопровождающуюся увеличением эквивалентности текстов ИЯ (исходного языка) и ПЯ (языка перевода), методология перевода в плане стилистических трансформаций остается в своей основе традиционной и требует соблюдения жанрово-стилистических и художественных (литературных, кинематографических) канонов соответствующих языков.

Каноны литературного русского языка предполагают риторический пафос и серьезность «высоких» стилей речи. Русские «высокие» стили тяготеют к отвлеченным, абстрактным словам и оборотам, созданным по церковнославянским образцам, к обобщенному представлению ситуации. В русском языке всегда существовала достаточно четкая граница между литературной и фамильярно- или сниженно-разговорной речью. Так, отмечал В.В. Виноградов, В.К. Тредиаковский после неудачных попыток переустройства литературного языка на основе разговорной речи образованных слоев города в 1750–1760-е гг. вернулся к культу церковнославянского языка [1]. Такое положение сохранялось на протяжении всего существования русского языка и, вероятно, предопределило преобладание дедуктивного познания как когнитивного стиля.

Англоязычный канон восходит к протестантскому принципу «приближенности литературы к языку Библии», когда, по выражению английского ученого-классика XVI в. Роджера Ашама, должно обсуждать «английские вопросы с помощью английской речи для англичан» [2], т.е. просто, прямо и ясно, без излишнего изящества, латинизмов и пышных риторических фигур. Каноны англоязычных литературных стилей формировались, прежде всего, эссеистикой, при том, что под эссе изначально понимались целые философские трактаты (ср. «эссе», или «опыты», А. Поупа, Дж. Локка, Т. Мальтуса и др.), впоследствии публицистикой, журналистикой. Англоязычный канон предписывает фактуальность, ясность, конкретность, идиоматичность, часто личностную обращенность к реципиентам. Этот канон, вероятно, согласуется с индукцией и эмпирикой как основами когнитивного стиля, преобладающего в англоязычном мире.

Исходя из этого, в значительной мере принципом перевода текстов литературной (письменной, «формальной») сферы является литературизация (деколлоквиализация) при переводе с английского на русский и частичная коллоквиализация («делитературизация») при переводе с русского на английский. То есть в англо-русском переводе рекомендуется «повышать стиль», т.е. делать перевод более литературным, в русско-английском переводе следует несколько «понижать стиль», делать высказывания более фактологичными и конкретно-понятными, без избыточных абстракций и обобщений [3].

Заметим, что термин «стиль» в данном исследовании, в частности, в сочетаниях «повышать стиль» и «понижать стиль», нами понимается скорее не как

функциональный набор языковых единиц, обслуживающих ту или иную сферу коммуникации (ср. официально-деловой, газетно-публицистический, беллетристический, научный стили), но как регистр или стилистическая окраска единиц языка, градуирующихся по уровню сниженности/возвышенности и обозначающих соответствующими ярлыками в языковых словарях, и как уровень речи и письма, принятый в той или иной ситуации общения¹.

Исследование сленга в переведенных кинотекстах представляется особенно актуальным. Это связано с вышеуказанной тенденцией к форенизации (остранению) при переводе с английского на национальные языки, вплоть до буквализма («сплошного калькирования»), благодаря чему переведенные тексты нередко характеризуются использованием сленга, разговорной и сниженной лексики и оборотов, что не свойственно сложившимся национальным стилям и жанрам, литературным канонам, лингвокультурам в целом и при регулярном повторении может их трансформировать.

Также актуальность связана с нормализацией перевода сленгизмов (включая вулгарную, obscenную, инвективную и эксплетивную лексику) с английского языка на русский. В этой связи стоит упомянуть гипотезу о более низком пороге восприятия сниженно-разговорной лексики русскоязычными людьми по сравнению с англоязычными [4]. В русском языке это проявляется в том, что жаргонизмы, вулгаризмы (obscенизмы, физикализмы, физиологизмы), инвективы и эксплетивы являются более экспрессивными, эмотивными и менее частотными в литературной и повседневной разговорной речи. В английском языке они менее экспрессивны, эмотивны и достаточно обычны в литературной и повседневной речи, во всяком случае их допускает художественный (литературный, кинематографический) канон.

В целом сленгизмы и грубые эксплетивы, тем более в художественном тексте (а кинотексты традиционно причисляются к таковым), в связи с различием стилистических канонов, действуют более шокирующе на русскоязычных реципиентов, чем на англоязычных. Поэтому необходимо выработать правила переводческой «модерации» этих единиц, которыми следовало бы руководствоваться при переводе.

Нельзя не отметить, что среди переводчиков фильмов есть и сторонники полной и точной стилистической эквивалентности сниженных единиц английского и русского языков в кинопереводе как показателя своеобразной «переводческой честности»² перед зрителем, ярким представителем которых является Дмитрий Юрьевич Пучков (Гоблин). Таким образом, вопрос правил перевода субстандартных единиц и учета/неучета разницы канонов передающей и принимающей культур до сих пор не решен и нуждается в дальнейшем обсуждении.

В целом упомянутые стилистические альтернативы при переводе отражают, наряду с форенизацией/доместикацией, стратегии перевода, которыми руководствуются переводчики. Эти стратегии можно обозначить терминами «переводческая честность», «сглаживание» (повышение стиля) и «скандализация» (пони-

жение стиля). Заметим, что мы вправе связать эти стратегии с эстетическими оценками, а возможно, и этическими ценностями.

Цель статьи – сравнить сленговые единицы в англоязычных кинотекстах и их переводные соответствия в отношении стилистической окраски, выявить соответствующие стратегии, а также способы стилистической адаптации сленга при переводе кинотекстов с английского языка на русский. Объектом исследования являются способы стилистической адаптации кинотекстов при переводе с английского языка на русский. Предмет исследования – перевод на русский язык английских сленгизмов, включая сниженно-разговорную лексику.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили сленгизмы, отобранные методом сплошной выборки из транскриптов оригиналов и переводов художественного фильмов «Мачо и ботан» (21 Jump Street), «Разыскиваются в Малибу» (Malibu's Most Wanted), сериалов «Оранжевый – хит сезона» (Orange Is the New Black), «Новенькая» (New Girl), «Доктор Хаус» (House M.D.), «Как я встретил вашу маму» (How I Met Your Mother), «Теория большого взрыва» (The Big Bang Theory), «Книжный магазин Блэка» (Black Books), всего 300 единиц. Выбор указанных сериалов и кинофильма в качестве источников материала обусловлен наличием в них разнообразных социальных разновидностей сленга: криминала, социальных низов, среднего класса и профессионалов. Подчеркнем, что, несмотря на разницу в градации стилистических регистров от сниженно-разговорного до литературно-разговорного в этих фильмах, закономерности перевода сленгизмов в целом одинаковы. Для стилистической идентификации лексических единиц использовались словари сленга и общезыковые словари, в том числе The Online Slang Dictionary, Urban Dictionary, Толковый словарь русского языка, Большой толковый словарь русского языка [5–8].

Методы исследования: лексикографический анализ, стилистический анализ, метод анализа переводческих решений, сравнительно-сопоставительный метод.

Обзор литературы

Происхождение слова «сленг» и его становление как термина нельзя считать устоявшимся. Данный термин чаще всего применяется к английскому языку и его употреблению в Великобритании и США. Это более позднее понятие по сравнению с французскими понятиями «жаргон» и «арго», оно имеет менее строгую семантическую структуру и нечеткий объем понятия. По версии Э.Б. Тайлора, а вслед за ним А. Либермана, первое упоминание слова «сленг» датируется 1756 г., и его основным значением было «узкий участок земли между другими, более крупными участками земли». Сленг, по-видимому, означал территорию, по которой путешествовали лоточники, бродячие актеры и другие странники, отсюда выражение «Те, кто находится на сленге» [9].

Общепринятым на сегодняшний день является понимание сленга как типа речи, характеризующейся быстро меняющимся лексиконом, который используется молодыми людьми, социальными или профессиональными группами для внутригруппового общения и который можно рассматривать как своеобразный код или шифр, способствующий пониманию между своими и препятствующий пониманию остальным языковым сообществом.

В широком смысле сленгом называют отклоняющуюся от литературной языковой нормы эмоционально и экспрессивно окрашенную лексику. Именно в таком расширительном смысле сленг очевидно рассматривается в современном полном онлайн-словаре The Online Slang Dictionary, включающем практически все сниженно-разговорные единицы английского языка. Словарь Urban Dictionary концентрируется на прецедентных сленговых фразах/высказываниях и неологизмах/окказионализмах. В данной статье будем квалифицировать выбранную лексику в соответствии с широким пониманием сленга.

Мы определяем сленгизм как лексическую единицу, слово или фразу, фамильярно- или сниженно-разговорного стиля, которая имеет следующие свойства: употребляется молодыми людьми, отдельными социальными или профессиональными группами для внутригруппового общения; зависит от моды, быстро устаревает, выходит из употребления или меняет статус на общеупотребительную разговорную; сохраняет сниженные и вульгарные коннотации, имеет прагматику социального вызова, грубого юмора, насмешки, оскорбления или самоутверждения; часто является идиоматичной, имеет метафорическую (метонимическую, ироническую) образность.

И.Р. Гальперин и его последователи, опираясь на традиционную англоязычную лексикографию и стилистику, относят к сленгу слова, относящиеся к воровскому жаргону, профессионализмы, многие коллоквиализмы, случайные образования, которые возникли в результате литературных (и прочих) ассоциаций, образные слова и выражения, слова, приобретающие новые оттенки значения только в пределах определённого контекста (на основе иронии, перифразы и др.), некоторые слова, образованные в результате конверсии, некоторые аббревиатуры [10, 11].

Часть сленгизмов составляют вульгаризмы (включая obscenisms и физиологизмы, физикализмы), инвективы и эксплетивы. Вульгаризмы – слова или обороты, применяемые в просторечии, но не допускаемые стилистическим канонам в литературном языке. Obscenisms – непристойные слова и выражения, оскорбляющие скромность, особенно через образы сексуального характера [12]. Физиологизмы – слова и выражения, обозначающие интимные физиологические процессы и состояния живых существ. Физикализмы – слова, обозначающие физические особенности и состояния живых существ. Инвективы (в лингвистическом смысле слова) – обзывательства, выпады против кого-либо, брань. Эксплетивы – междометия, вводные слова и фразы (parentheses) зачастую бранного или профанного характера [13]. Эксплетивами и инвективами

становятся профанизмы, вульгаризмы, этимологические обценизмы и физиологизмы/физикализмы в функции обращений, парентез, междометий.

В целом количество слов табуированной лексики, используемой в англоговорящем обществе, согласно Дж. Н. Адамсу, составляет около 20–60 единиц (в зависимости от строгости критериев), однако их перифрастических и идиоматических синонимов и вариантов на порядок больше. За историю развития английского языка было выявлено свыше 1 200 слов только для обозначения полового акта. Сленгизмы-вульгаризмы, включая обценную лексику, в качестве «слов с пустой семантикой» частотны в экспрессивной речи в англоязычных странах. Их можно прочесть в книгах, газетах, журналах, услышать в фильмах, теле- и радиопередачах, выпусках новостей, встретить в обиходном употреблении, в том числе в виде двусмысленностей и намеков (innuendoes) [14; 15. Р. 215; 16].

В русскоязычных дискурсах, включая устные и неформальные, жаргона и сниженно-разговорной лексики меньше, что можно объяснить исторически сложившейся и сохранившейся достаточно четкой границей между литературной и фамильярно-/сниженно-разговорной речью, низким порогом ее восприятия, традицией поощрения литературной, грамотной речи, привычкой среднего гражданина к нормативной речи [17–19]. Можно предположить и социопсихологическую причину такого положения вещей, а именно, большую табуированность упомянутой лексики и соответствующих понятий у русскоязычных людей.

Сленг осуществляет различные функции, связанные между собой, включая экспрессивную, эмоционально-оценочную, идентификационную, коммуникативную, герметическую (эзотерическую), экономии времени, мировоззренческую и проч. [20–22]. Также сленг имеет функции аттрактивности (привлекательности) из-за комбинации случайных, ярких, колоритных, непочтительных и шутливых элементов, а также социального протеста и (или) классового челленджа, вызова, поскольку он «восстает против стандарта, и каждый синоним, который порождает сленг, добавляет к лексическому значению стандартного варианта некоторое социальное значение» [14. С. 9–10]. Ряд лингвистов полагает, что сленг как неформальное языкотворчество является ни много ни мало истоком любого национального языка, а также миниатюрным прообразом живого языка во всей его полноте. На его примере можно изучать языковое развитие. Сленг дает материал для морфологов, анализирующих маргинальные словообразовательные явления, семантистов, изучающих отклонения от организации лексической системы, социолингвистов, исследующих языковые средства, характеризующие говорящих и их воздействие на слушателей [23, 24].

Остановимся на особенностях киноперевода и, в частности, перевода сленга в кинотекстах. По классификации киноперевода, предложенной М. Берди [25], есть синхронный перевод фильма, производимый одним человеком, без монтажных листов (ср. Алексей Михалев, Леонид Володарский); озвучивание фильма

одним актером или переводчиком с сохранением оригинального звукооряда (Дмитрий Пучков); двухголосное озвучивание фильма мужчиной и женщиной при сохранении оригинального звукооряда; полный дубляж фильма, когда в озвучивании фильма принимает участие целый штат актеров; использование субтитров на языке перевода, расположенных внизу экрана, при полном сохранении исходного звукооряда. К этой классификации стоит добавить полный дубляж с субтитрами на языке оригинала и автоматизированный синхронный перевод кинофильмов.

Киноперевод имеет схожие черты с переводом художественной литературы, особенно пьес. Однако кроме собственно переводчиков в кинопереводе задействованы исполнители дублированного текста. Любой фильм является сообщением, он имеет отправителя (режиссера, сценариста, актеров), получателя (зрителя) и канал передачи. В переведенном кинофильме между отправителем и получателем появляются звенья кинопереводчика и актеров дубляжа («озвучки»). Единицами фильма являются кадр или последовательность кадров, «синтагма» (эпизод или последовательность эпизодов) [26. С. 154]. В художественном фильме коннотации языковых единиц тесно связаны с коннотациями образов и музыкального оформления, разнообразные знаки кинематографии могут раскрывать множество скрытых означаемых.

Киноперевод обусловлен необходимостью соблюдения определенной степени синхронности, совпадения движения губ актеров и переводных реплик. Кроме того, в киноперевод важно обеспечение совпадения пресуппозиций реципиентов оригинального и переведенного кинотекста [27. С. 84]. Это приводит к созданию «сложного коммуникативного сочетания словесных, звуковых и иконических кодов, где вербальные и звуковые сообщения существенно влияют на денотативную и коннотативную значимость иконических фактов и, в свою очередь, подвергаются обратному воздействию» [28. С. 155]. При этом перевод заключается не в том, чтобы пересмотреть авторскую концепцию и задать собственную интонацию фильму, а строго передать смысл и интонационное сопровождение того, что происходит на экране [26].

В англоязычных художественных фильмах и сериалах сленг и фамильярно/сниженно-разговорная лексика – весьма распространенное явление. Это при том, что в британском и американском кинематографах есть неправительственные организации, осуществляющие своеобразное цензурирование фильмов с помощью рейтинга (Британский совет киноцензуры, основанный в 1912 г., Ассоциация кинокомпаний США, основанная в 1922 г.). Последняя в 1968 г. создала рейтинговую систему для оценки содержания фильмов, определила нормы и стандарты использования в них вульгарных слов/выражений, составила список из 17 слов, употребление которых считается крайне нежелательным, при нарушении чего фильму присваивается категория «R» (другие рейтинги – G, PG, PG-13). Однако рейтинги носят рекомендательный характер, к тому же многие слова (shit, crap, pissed, boobs, ass, bugger и т.д.), хотя и не приветствуются обществом, не расцениваются как явно табуированные.

В русском языке стилями (регистрами) художественных произведений, в том числе аудиовизуального искусства, неизменно являются литературный и литературно-разговорный с редкими вкраплениями фамильярно-/сниженно-разговорного. Это обусловлено, во-первых, уже упомянутым фактом сохранения в русском языке достаточно четкой дифференциации между обиходным языком и высокими стилями (в которых используются литературно-книжные и литературно-разговорные формы), во-вторых, это связано с традиционным отношением к кино в России как к высокому искусству.

При обсуждении перевода кинотекстов (особенно сниженно-разговорной лексики) до сих пор недостаточно акцентировался фактор несовпадения жанрово-стилистических и художественных канонов английского и русского языков и влияния этих канонов на восприятие кинотекста реципиентами (как нормы – для одних и как шока и отторжения – для других). Мы считаем этот фактор не менее определяющим для успеха/неуспеха фильма, чем факторы сходства/различий системы культурных ценностей, представлений, реалий и персоналий, степени актуальности проблематики и известности актерского состава.

Однако даже при частом игнорировании этого несовпадения в исследовательской среде и существующей на сегодняшний день тенденции к остранению при переводе, переводчики чаще всего адаптируют сленгизмы в соответствии с канонами принимающих языка и культуры.

Результаты

Нами проанализированы образцы перевода на русский язык 300 сленгизмов из англоязычных кинофильмов в минимальных смысловых контекстах, определены стилистические классы и подклассы единиц в оригинале и переводе, охарактеризованы стратегии их переводческой адаптации и установлены виды трансформаций, используемых при переводе. Еще раз отметим, что даже при существующей на сегодняшний день тенденции к англоязычному и англокультурному остранению при переводе, переводчики чаще всего сознательно или бессознательно адаптируют сленгизмы в соответствии с канонами принимающих языка и культуры. Выявлено, что при переводе фамильярно- и сниженно-разговорной лексики с английского на русский язык часто действует «правило одного шага» *(one-step-up rule)*, т.е. имеет место градация сдвигов регистров в сторону повышения стиля.

1. Стратегия «сглаживания» – нейтрализация или повышение стиля (регистра) при переводе сленгизмов с английского на русский – обнаруживается в больше половины примеров (54%). Это особенно касается обценных эксплетивов и инвектив, более распространенных в разговорном английском по сравнению с русским. Выявлены следующие сдвиги регистров («правило одного шага»):

1) англ. сленгизм-вульгаризм/обценнизм > рус. нейтральное, литературно-разговорное или литературное слово;

2) англ. сленгизм-вульгаризм/обценнизм > рус. просторечное, фамильярное, сниженно-разговорное, экспрессивное или жаргонное слово/выражение;

3) англ. сленгизм-образ/идиома > рус. более обобщенная идиома, нейтральное или амелиоративное слово/выражение;

4) англ. высказывание со сленгизмом > рус. нейтральное высказывание с другим смыслом.

Рассмотрим подробнее сдвиги регистров (стилей) при переводе с использованием стратегии сглаживания.

Первый вид сглаживания подразумевает наиболее радикальную литературизацию речи: сленговая единица, обценнизм или вульгаризм нейтрализуется, заменяется литературно-разговорной или даже литературной формой. Приведем примеры. *So all they do now is recycle shit from the past.* – Все что они делают, это занимаются ерундой (физиологизм > литературно-разговорная лексема). *And if I'm being honest, I was still pissed at you.* – И если уж говорить честно, я все еще на тебя злилась! (физиологизм > литературно-разговорное выражение). *She's gonna dump your ass the second she's out of here.* – Она пошлет тебя куда подальше, как только выйдет (идиома-сленгизм, физиологизм > просторечные, но более обобщенные идиомы). *Dude fucking loves me!* – Он меня обожает! (сленгизм, эксплетив-обценнизм > нейтрализация, экспрессивное слово). *Oh, fuck! Oh! You're good at that, huh?* – Черт возьми! Ты хорош в этом, а? (эксплетив – этимологический обценнизм > эксплетив). *You go easy on those girls and what happens?* – Стоит только расслабиться, и смотрите что происходит (сленгизм-идиома > литературно-разговорное слово). *Alex, I was so freaked up there!* – Алекс, я на выдаче багажа так перепугалась! (сленгизм > литературно-разговорное слово). *You're sucking all of the joy out of my gloat.* – Даже позлорадствовать не удастся (сленговая идиома-физиологизм > литературно-разговорное выражение). *How many you guys want? 20 bucks a pop.* – Сколько вы хотите? 20 долларов за пакетик (сленгизмы > нейтральный перевод, словарное соответствие). *We don't talk about every little tiny... We don't gab all day like a couple of Italian grandmas hanging their laundry.* – Мы не обсуждаем мелочи. Мы не считаем нужным обсуждать все подряд, словно пожилые итальянцы.

С точки зрения переводческих трансформаций в таких примерах преобладают замена образов и идиом более обобщенными выражениями, компенсация, функциональные аналоги (лексико-стилистические замены), опущения, описательный перевод, модуляция, целостное преобразование.

Второй вид сглаживания демонстрирует частичную амелиорацию (улучшение) стиля: грубая или обценная единица английского языка переводится на русский единицей более высокого регистра, но имеется компенсация в виде просторечности, экспрессивности, жаргонности этой единицы или других единиц высказывания. Среди наших примеров англоязычных сленгизмов, к переводу которых применено сглаживание, таких случаев большинство. В качестве переводческих

эквивалентов здесь чаще всего используется фамильярно- и сниженно-разговорная лексика.

Например, *You're so full of shit!* – Да ты врешь и не краснеешь! (вульгаризм-физиологизм > фамильярно-разговорная идиома). *You're a fucking waitress.* – Черт, ты же официантка! (парентеза-обсценизм > эксплетив-профанизм). *And who is fucking asked you?* – А тебя не спрашивали, курица (парентеза-обсценизм > разговорное, бранное слово). *My cousin has been a bitch.* – Моя сестра ведет себя как тварь (обсценизм > просторечное презрительное слово). *Why your mother didn't shit teach you Spanish?* – Куда мать-то смотрела, что не научила испанскому? (парентеза-физиологизм > просторечная структура высказывания). *Blondie is going nuts.* – Блондиночка сходит с ума! (сленговая идиома > нейтральное выражение). *You're a mother fucking drug!* – Да этот урод – алкаш! (обсценизм, сленгизм > сниженно-разговорное слово, просторечное слово). *Oh, fuck off!* – Да иди ты на хрен! (идиома-обсценизм > сниженно-разговорная идиома, эвфемизм). *Nobody here gives a crap about the long term.* – Здесь всем плевать на перспективы (идиома-физикализм > вульгаризм). *They always screw this up.* – Ну не могут они не облажаться (идиома – этимологический обсценизм > жаргонное слово). *Drop my nuts on your motherfucking forehead!* – Сукин сын! (обсценизмы, скабрезная внутренняя форма высказывания > разговорное выражение). *That's like my life, except Brad is really shitty at math.* – Это моя тема, только Брэд ни фига не шарит в математике (этимологический физиологизм > жаргонизмы). *Dickhead narc motherfucker!* – Ты, жирный ублюдок! (сленгизмы-обсценизмы > функциональный аналог, метонимический перевод). *Chapman the bumme!* – Обломщица Чапман! (обсценизм > жаргонизм). *Holy shit! It's genius!* – Черт возьми! Гениально! (эксплетив-физиологизм > эксплетив-профанизм). *It was you who ratted me out to the Feds!* – Это ты сдала меня федералам! (идиома-сленгизм, аббревиатура-сленгизм > разговорное слово). *Who am I to you? A fucking binky for you to suck on until you feel better?* – Вот кто я для тебя? Чертово плечо, на котором тебе можно поплакать, пока не станет легче? (парентеза-физиологизм, детский сленгизм, фамильярно-разговорная идиома > литературно-разговорная идиома). *If memory serves me, she had a huge "but"...* *Her huge butt.* – Если мне не изменяет память, у нее было одно огромное «но»... Ее огромное седло (сленгизм-вульгаризм > метафора-эвфемизм). *I might be a while. I gotta drop a massive New Jersey.* – Я немного задержусь. Я использую статью о Нью-Джерси вместо туалетной бумаги (идиома-сленгизм > целостное преобразование). *But I'm gonna need you to shut the fuck up about her and get over your shit!* – Но я хочу, чтобы ты закрыла свою пасть и больше про нее не трепалась! (грамматический сленгизм, просторечная идиома, идиома-обсценизм, физиологизм > экспрессивная идиома, переносное просторечное слово, опущение). *I feel pretty darn smug that I'm alive.* – Я чертовски доволен, что еще жив (сленгизм-парентеза (pretty darn), сленгизм (smug), сленговая лексико-грамматическая структура > литературно-разговорная фраза).

Третий тип сглаживания обнаруживает более тонкий механизм сдвига: сленг без вульгаризмов и обсценизмов, но с конкретной образностью или идиоматикой в англоязычных кинотекстах заменяется на более обобщенные, нейтральные или амелиоративные слова и выражения в русском переводе³. *I'm with you, hon!* – Я согласна, дорогая! (сленгизм, разговорная фраза > уменьшительно-ласкательное слово, нейтральная фраза). *Technically I'm not supposed to touch Koran, but I did wash the hands.* *So, I thought that Allah would be cool about that.* – Вообще-то мне и касаться Корана нельзя, но я вымыла руки, думаю, Аллах будет не против (сленгизм > литературно-разговорная фраза). *That's a bold move, Chapman.* – Смело, Чапман (идиома-сленгизм > нейтральное слово). *No big deal.* – Ничего такого (сленгизм > просторечное выражение). *No way!* – Не может быть! (идиоматическое междометие-сленгизм > идиоматическое междометие). *I would knock you in your tooth for bringing up your baggage to my place.* – Устроить бы тебе взбучку за то, что впустила свои беды в мой дом! (идиомы-сленгизмы > более обобщенные идиомы). *Pipes, I'm losing it.* – Пайпс, я схожу с ума (сленговая идиома > литературно-разговорное выражение). *You don't want to bring 'em down on us now?* – Хотите беду на нас накликают? (грамматический сленгизм > литературная идиома). *Get the hell out of here!* – Убирайся отсюда! (сленгизм-эксплетив > разговорное слово). *Yeah, drop yo gats!* – Да, бросай оружие! (сленгизм, аграмматизм > литературная фраза). *That's bullshit, Pops.* – Ни слову не верю, папуля (сленгизмы, вульгаризм > литературная лексика, экспрессивная конструкция, уменьшительно-ласкательное (или презр.) слово). *Pops, you got to keep your pimp hand strong.* – Папуля, тебе надо следовать веяниям времени (сленгизм, прецедентное высказывание с неприличным смыслом, аллюзия к фильму *Willie Dynamite* > уменьшительно-ласкательное слово, литературная фраза-клише). *I will help you! No strings attached.* – Я тебе помогу! Бескорыстно (идиома-сленгизм > литературное слово). *Yeah, but it's totally dangerous, dude.* – Не торопись, это дело опасное (сленгизм > литературно-разговорное выражение, опущение). *We just booked another gig.* – У нас новый контракт (сленгизм > литературное слово).

Четвертый тип сглаживания предполагает целостное преобразование высказываний со сленгизмами на другие высказывания с «наследованием смысла» оригинала. Помимо замены формы и смысла оригинальных высказываний, их сниженный регистр несколько повышается. Таких примеров в нашей выборке меньшинство. Примеры: *I will sneak into your bunk.* – Я подкрадусь к твоей койке! (идиоматическое слово > литературное слово, трансформация смысла на более приличный). *We all gather here on this special occasion to listen to my pops, he's your west coast liaison...* *Take out your purse and cough some dough up. My chickens get wit you, if you vote right.* – Мы сегодня собрались здесь не просто так. Слушайте папу, он ваш билет на западное побережье (сленгизмы, метафора > трансформированная метафора, опущение, сокращение смысла). *All you need to know is that ain't you, okay?* – Если тебе так надо это знать, то это не ты (разговорный аграмматизм > синтактико-смысловая трансформация). *No one fucks*

with cancer. – С такими никто не дурит! (сленгизм – этимологический общенизм > фамильно-разговорное слово).

2. Вторая группа, 35% примеров сленгизмов, относится к случаям семантической эквивалентности соответствующих слов ИЯ (иностранный язык) и ПЯ (язык перевода). Эту стратегию можно обозначить как «переводческая честность». Благодаря ей обеспечивается семантическая, но отнюдь не обязательно – прагматико-функциональная эквивалентность оригинала и перевода. Семантический перевод влечет передачу стилистических регистров слов, а при несовпадении стилистических канонов в разных языках это может приводить к неоправданному повышению/снижению экспрессивности текста и неадекватному воздействию на реципиента. С точки зрения переводческих трансформаций в таких примерах реализуются преимущественно метонимический перевод, лексические (словарные) соответствия и синтактико-смысловые изменения. Например, Drink up me hearties yo ho! – Так выпьем пираты, йо-хо! (hearties – сленговое обозначение сослуживцев-моряков, прецедентная фраза > калькирование). Wassup? – Ну че? (аграмматизм, сленговое выражение > аграмматизм, сниженно-разговорное выражение). Dammit, Brad. This is real. – Да черт тебя побери, Бред (словарные соответствия). Bill Gluckman's down with the bitches and ho's? – Билл Глюкман за сук и шлюх? (словарные соответствия). Man, I thought I had this city licked. But in the end, it was me who got licked. – Я думала, что оседлала этот город, а в итоге оседлали меня (сленгизм > метафора, литературно-разговорное слово). Pick a number. Any number, kiddo. – Назови какое-нибудь число, давай (сленгизм > фамильно-разговорное слово). I have no idea what you've meant, but I could smell what the Rock was cooking. – Понятия не имею о чем ты, но чувствую, дело – табак (сленгизм – прецедентная фраза > жаргонная идиома). Not the sharpest chopstick in the drawer, is she? – В семье не без урода, да? (поговорка-сленгизм > фамильно-разговорная поговорка). Now go stick a needle up her hoo-hoo and find that cancer. – Воткните иголку ей в ого-го и найдите рак (сленгизм > окказионализм). So, what's the deal with you and malls? – Ну, так что такое между тобой и торговыми центрами? (калькирование). You're good friends with Penny, right? – Best friends, besties. BFFs, peas-in-a-pod. Sisters, who would share travelling pants. – У тебя с Пенни хорошие отношения? – Мы лучшие подруги, закадыки, не разлей вода, в дороге кальсоны – и те пополам, а что? (сленгизмы, фразеологизмы > фразеологизмы, неологизм, калька). I'm totally spinning out. – У меня окончательно поехала крыша! (идиома-сленгизм > просторечная идиома). And march your uppie ass from my kitchen. – Пошла к черту с моей кухни, яппи гребаная (вульгаризм > жаргонизм, эвфемизм нецензурного ругательства). You, sick fuck, you gotta do this in the bathroom. – Хоть бы в толчке это делала, а не здесь (общенизм > сленгизм). You are as dull as old pencil. – А ты как старая калоша (идиоматические соответствия). I've been trying to fire his ass out of here. – Я столько раз хотел дать ему пинка под зад! (идиоматические соответствия). That's gross! – Это

мерзость! (сленгизм > эмоционально-экспрессивное слово). Y'all better chill. – Замолкните все! (сленгизм > экспрессивное слово). Yes... and pays fifteen grand a piece. – Да, и по 15 кусков каждому (сленгизм > жаргонизм). I was just talkin' to my hommies about just dat... – Я как раз сейчас со своими корешами эту тему перетирал (диалектные аграмматизмы, сленгизм > просторечное слово, жаргонизм). Gimme your ride, punk, or I will dust yo ass! – Выметайся из машины, а то я тебе башку снесу (сленгизмы, физиологизм > просторечные экспрессивные слова и выражения). Go ahead and smoke me. – Давайте – пришивайте (сленгизм > жаргонизм). He's a good guy. – Он нормальный мужик! (сленгизм > разговорное слово). That's bullshit, geek! > Это фигня, дегенерат! (сленгизмы-вульгаризмы > вульгаризмы). You little dweebs just ruined a five-year investigation. – Придурки, вы сейчас разрушили пятилетнее расследование (сленгизм > бранное слово).

Вероятно, часть таких примеров вызывает адекватный эмоциональный отклик со стороны русскоязычных реципиентов. Однако во многих случаях в русском переводе казалось бы эквивалентные слова/выражения воспринимаются как более экспрессивные, грубые, небрежные или фамильярные. Вкупе с грубым содержанием, они могут оказывать более шокирующее действие на реципиента, чем задумывалось сценаристом. Это объясняется уже упоминавшимся несходством стилистических канонов и действием закона более низкого порога восприятия такой лексики русскоязычными реципиентами.

3. Третья группа, 11% сленгизмов из выборки, демонстрирует понижение стиля (регистра), дисфемизацию при переводе. Соответствующую стратегию перевода можно было бы обозначить термином «понижение», или «скандализация». В отношении переводческих трансформаций эти примеры демонстрируют функциональные аналоги (лексические замены), целостные смысловые преобразования и синтактико-смысловые изменения, приводящие к понижению регистра (стиля) ниже принятых канонов в русском языке и повышению экспрессивности. Например, Then one day you wake up in Atlantic City where girls are trash. – И когда ты однажды просыпаешься в Атлантик-сити со шлюхами (сленгизм > вульгаризм, близкий к общенизму). You're just a chickenhead, and that's all you've ever been. – Ты просто дерьмо и всегда им и останешься (сленгизм > функциональный аналог – этимологический физиологизм, синтактико-смысловое изменение). Shut up, nerd. – Заткнись, задрот (сленгизм > общенизм). Shut up, ho'. – Заткнись, сука (сленгизм > вульгаризм, близкий к общенизму). Are you getting soft on me? – Будешь нюни распускать? (сленгизм-идиома > экспрессивная разговорная идиома). Oh, man! – Вот блин! (сленгизм > сниженно-разговорное междометие).

Учитывая более низкий порог восприятия сниженно-разговорной лексики у русскоязычных реципиентов, чем у англоязычных, ее большую экспрессивность и меньшую частотность в русском языке, «крен» в сторону понижения в русском переводе едва ли

оправдан. Такая лексика может шокировать русскоязычного реципиента, что отвлечет его от сути эпизода и смысла фильма.

Заключение

Результаты практического анализа позволяют сделать следующие выводы. Существует разница стилистических, жанровых, художественных (литературных, кинематографических) канонов соответствующих языков. Как предельно обобщенное правило можно констатировать, что литературные («формальные», письменные) стили английского языка проявляют тенденцию к идиоматичности, конкретности лексики, простоте синтаксиса, смысловой емкости, а литературные стили русского языка имеют склонность к большей выпренности («риторическому пафосу»), абстрактности лексики, «канцелярской» клишированности оборотов, большей сложности синтаксиса, развернутому представлению смысла.

Помимо общей разницы стилистических канонов в разных языках, следует признать обусловленность переводческих решений жанровым и индивидуальным материалом перевода. Если говорить о кинематографе, то, вероятно, сглаживание в качестве переводческой стратегии в большой степени требуется при работе с англоязычными художественными фильмами в связи со значительным преобладанием в них фамиллярно- и сниженно-разговорной лексики и оборотов по сравнению с классическим, да и современным российским кинематографом. Конечно, это в большей степени относится к развлекательным жанрам, таким как комедия, боевик, но касается и более серьезных жанров, таких как фантастика, исторические, социальная сатира и др. Тематика фильмов также влияет на выраженность сглаживания при переводе, так, кинотексты о жизни социальных, классовых низов, расовых, национальных меньшинств, очевидно, требуют меньшего сглаживания, чем кинотексты о тех или иных профессиональных слоях и их представителях, о молодежи и для нее (ср. некоторые странно звучащие для русскоязычного уха без стилистической адаптации реплики в фильмах «Экстремалы» (Extreme Ops), «Доктор Хаус» (House M.D.) и др.). Также вероятно, сглаживание зависит от того, на какую аудиторию рассчитан фильм, ср., например, сглаживание и эквивалентность в фильмах для молодежной и для взрослой аудитории. Научные, научно-популярные, учебные, документальные публицистические фильмы, по-видимому, в большей степени требуют стратегии эквивалентности, чем сглаживания. Все эти вопросы актуальны и требуют тщательного эмпирического изучения.

Итак, разница жанрово-стилистических канонов обуславливает стилистические сдвиги при переводе, этот фактор, наряду со смысловой эквивалентностью, является важнейшим фактором для переводческих решений.

Переводчики в целом улавливают разницу стилей и художественных канонов. Так, при переводе художественной кинопродукции наиболее распространенной стратегией перевода сниженно-разговорной лексики является сглаживание (54%), на втором месте – эквивалентность (переводческая честность) (35%), на третьем месте – понижение стиля (11%). При сглаживании возможно следование «правилу одного шага», т.е. минимального сдвига в сторону нейтрализации или повышения стиля: англ. вульгаризм, обценнизм > рус. жаргонизм, просторечие, англ. сленгизм > рус. разговорное или нейтральное слово, англ. разговорное или нейтральное слово > рус. литературное слово, англ. конкретно-образная идиома > рус. более абстрактный фразеологизм или клише.

Стилистические, психологические, эстетико-оценочные и исторические закономерности и причины, обуславливающие предпочтительность сглаживания при переводе с английского языка на русский, таковы:

1) разница жанрово-стилистических и художественных (литературных, кинематографических) канонов русского и английского языков;

2) более низкий порог восприятия сниженно-разговорной лексики русскоязычными людьми в связи с более низким порогом терпимости к вульгаризмам и сленгизмам в русскоязычной литературной традиции по сравнению с англоязычной;

3) более высокая экспрессивность и эмотивность, низкая (грубая) стилистическая окраска и меньшая частотность фамиллярно-/сниженно-разговорной лексики в русском языке.

4) в свою очередь, упомянутые закономерности и причины связаны с исторически обусловленной и сохранившейся достаточно жесткой дифференциацией между высокими, литературными и сниженными, разговорными регистрами в русском языке, чего нет в английском языке.

Альтернативами сглаживанию при переводе являются стратегии стилистической эквивалентности (переводческой честности) и понижения стиля (скандализации). При решительном отвержении стратегии понижения при переводе с английского на русский язык, преимущества и недостатки стратегий сглаживания и переводческой честности можно и нужно обсуждать. Стратегия переводческой честности имеет как минимум одно неоспоримое преимущество: достоверность стилистического узуса речи персонажей англоязычных текстов, отражающая некоторые психологические, культурные и социальные особенности носителей английского языка. Постоянное сглаживание при переводе может генерировать перманентный обман иноязычных реципиентов в этом отношении. Дискуссия о целесообразности сглаживания или переводческой честности также может выработать более четкие правила перевода фамиллярной и сниженно-разговорной лексики.

Примечания

¹ Иначе говоря, в данном исследовании для нас актуальнее парадигма древнеримского деления языка на три стиля (по поэмам Вергилия: «Буколики» – низкий стиль, «Георгики» – средний стиль и «Энеида» – высокий стиль), теорий Михаила Ломоносова, Шарля Балли, Лео Шпитцера, Майкла Халлидея и др.

² Отсюда наше обозначение стратегии перевода как «переводческая честность», которая является альтернативой стратегиям сглаживания и скандализации.

³ Несмотря на меньшую очевидность, этот сдвиг очень важен, поскольку он экстраполируется на все литературные стили английского и русского языков и свидетельствует о принципиальных различиях в них: большей идиоматичности в английском языке и большей абстрактности и обобщенности в русском языке.

Список источников

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. : учебник. 3-е изд. М. : Высш. шк., 1982. 528 с.
2. Galperin I.R. *Stylistics*. M. : Higher School, 1977. 334 p.
3. Shelestyuk E.V., Yakovleva E.S. Ipsocentrism, alterocentrism, linguocultural transfer in translation // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 115–130. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10316
4. Шелестюк Е.В. Лингвокультурный перенос как психолингвистическая основа переводческой адаптации // Вестник Челябинского государственного университета (Серия «Филология. Искусствоведение»). 2013. Вып. 82, № 24 (315). С. 37–47.
5. The Online Slang Dictionary. URL: <http://onlineslangdictionary.com/>
6. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/>
7. Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд. / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999.
9. Liberman A. *An analytic dictionary of English etymology*. Minneapolis-London : University of Minnesota Press, 2008: XLIV.
10. Гальперин И.Р. О термине «сленг» // Вопросы языкознания. 1956. № 6. С. 107–114.
11. Шурупова М.В. Проблематика английского сленга в аспекте теории перевода // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2010. № 4. С. 130–135.
12. Dictionnaire de francais Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/obsc%C3%A8ne/55402>
13. Лисенкова Н.Н. Эксплетивные элементы в языковой системе (на материале современного английского языка) // Вестник ЮУрГУ. 2010. №1 (117). Серия: Лингвистика; вып.10. С. 40–46.
14. Adams M. *Slang: The People's Poetry*. Oxford : Oxford University Press, 2009. 238 p.
15. Adams J.N. *The Latin Sexual Vocabulary*. London : Duckworth, 1982. 285 p.
16. Burke D. *Bleep!: A Guide to Popular American Obscenities*. Loss Angeles, San Francisco : Optima Books, 1993. 220 p.
17. Виноградов В.В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М. : Изд. Акад. наук СССР, 1958. 138 с.
18. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М. : Языки славянских культур, 2008. 712 с.
19. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2002. 558 с.
20. Иоакимиди Г.А. Статус, структурная и структурно-семантическая типология англоязычных терминов и сленгизмов сферы шоу-бизнеса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 3 (21): в 2 ч. Ч. I. С. 64–69.
21. Шаховский В.И. Коммуникативно-прагматический аспект экспрессивности. М. : Высш. шк., 1992. 252 с.
22. Шемчук Ю.М. Категории эмоциональности и оценочности в молодежном социолекте // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета = Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University. 2013. Т. 87, № 87-87 (03). С. 770–779.
23. Dumas B.K., Lighter J. Is slang a word for linguistics? // *American Speech*. 1978. № 53. P. 5–17.
24. Mattiello E. *An Introduction to English Slang. A Description of its Morphology, Semantics and Sociology*. Monza : Polimetria International Scientific Publisher, 2008. 325 p.
25. Берди М., Бузаджи Д.М., Ермолович Д.И., Загот М.А., Ланчиков В.К., Палащенко П.Р. Киноперевод: мало что от Бога, много чего от Гоблина. «Круглый стол» в редакции «Мостов» // Мосты. Журнал переводчиков. 2005. № 4 (8). С. 52–62.
26. Скоромылова Н.В. Теоретический аспект перевода художественных фильмов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 1. С. 153–156.
27. Красных В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.
28. Денисова Г.В. Перевод художественных фильмов: лингвистические и культурологические аспекты // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 10 (783). С. 158–167.

References

1. Vinogradov, V.V. (1982) *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv.* [Essays on the history of the Russian literary language of the 17th 19th centuries]. 3rd ed. Moscow: Vyssh. shk.
2. Galperin, I.R. (1977) *Stylistics*. Moscow: Higher School.
3. Shelestyuk, E.V. & Yakovleva, E.S. (2022) Ipsocentrism, alterocentrism, linguocultural transfer in translation. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (461). *Filologicheskie nauki*. 128. pp. 115–130. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10316
4. Shelestyuk, E.V. (2013) Lingvokul'turnyy perenos kak psikholingvisticheskaya osnova perevodcheskoy adaptatsii [Linguocultural transfer as a psycholinguistic basis of translation adaptation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta (Seriya "Filologiya. Iskuststvovedenie")*. 82:24 (315). pp. 37–47.
5. *The Online Slang Dictionary*. [Online] Available from: <http://onlineslangdictionary.com/>
6. *Urban Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.urbandictionary.com/>
7. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. 1st ed. St. Petersburg: Norint.
8. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik.
9. Liberman, A. (2008) *An analytic dictionary of English etymology*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press.
10. Gal'perin, I.R. (1956) O termine "sleng" [On the term "slang"]. *Voprosy yazykoznaviya*. 6. pp. 107–114.
11. Shurupova, M.V. (2010) Problematika angliyskogo slenga v aspekte teorii perevoda [Problems of English slang in the aspect of translation theory]. *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika*. 4. pp. 130–135.
12. *Dictionnaire de francais Larousse*. [Online] Available from: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/obsc%C3%A8ne/55402>
13. Lisenkova, N.N. (2010) Ekspletivnye elementy v yazykovoy sisteme (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka) [Exploratory Elements in the Language System (on the Material of the Modern English Language)]. *Vestnik YuUrGU*. 1 (117). *Seriya: Lingvistika*. 10. pp. 40–46.
14. Adams, M. (2009) *Slang: The People's Poetry*. Oxford: Oxford University Press.
15. Adams, J.N. (1982) *The Latin Sexual Vocabulary*. London: Duckworth.

16. Burke, D. (1993) *Bleep!: A Guide to Popular American Obscenities*. Los Angeles, San Francisco: Optima Books.
17. Vinogradov, V.V. (1958) *Osnovnye problemy izucheniya obrazovaniya i razvitiya drevnerusskogo literaturnogo yazyka* [The main problems of studying the formation and development of the Old Russian literary language]. Moscow: USSR AS.
18. Krysin, L.P. (ed.) (2008) *Sovremennyy russkiy yazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian language: Active processes at the turn of the 21st century]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
19. Uspenskiy, B.A. (2002) *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)* [History of the Russian literary language (11th–17th centuries)]. 3rd ed. Moscow: Aspekt Press.
20. Ioakimidi, G.A. (2013) Status, strukturnaya i strukturno-semanticheskaya tipologiya angloyazychnykh terminov i slengizmov sfery shou-biznesa [Status, structural and structural-semantic typology of English terms and slang in the sphere of show business]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 3 (21):I. pp. 64–69.
21. Shakhovskiy, V.I. (1992) *Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt ekspressivnosti* [Communicative and pragmatic aspect of expressiveness]. Moscow: Vyssh. shk.
22. Shemchuk, Yu.M. (2013) Kategorii emotsional'nosti i otsenochnosti v molodezhnom sotsiolekte [Categories of emotionality and appraisal in youth sociolect]. *Politematicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University*. 87:87–87 (03). pp. 770–779.
23. Dumas, B.K. & Lighter, J. (1978) Is slang a word for linguistics? *American Speech*. 53. pp. 5–17.
24. Mattiello, E. (2008) *An Introduction to English Slang. A Description of its Morphology, Semantics and Sociology*. Monza: Polimetrika International Scientific Publisher.
25. Berdi, M. et al. (2005) Kinoperevod: malo chto ot Boga, mnogo chego ot Goblina. “Kruglyy stol” v redaktsii “Mostov” [Film translation: little from God, much from Goblin. Round table in the editorial office of Mosty]. *Mosty. Zhurnal perevodchikov*. 4 (8). pp. 52–62.
26. Skoromyslova, N.V. (2010) Teoreticheskiy aspekt perevoda khudozhestvennykh fil'mov [Theoretical aspect of the translation of feature films]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 1. pp. 153–156.
27. Krasnykh, V. (2003) “Svoy” sredi “chuzhikh”: mif ili real'nost'? [“At home” among “strangers”: myth or reality?]. Moscow: Gnozis.
28. Denisova, G.V. (2017) Perevod khudozhestvennykh fil'mov: lingvisticheskie i kul'turologicheskie aspekty [Translation of feature films: linguistic and culturological aspects]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 10 (783). pp. 158–167.

Информация об авторе:

Шелестюк Е.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: shelestiuk@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-4254-4439

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Shelestyuk, Dr. Sci. (Philology), professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: shelestiuk@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-4254-4439

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.04.2023;
одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 17.04.2023;
approved after reviewing 01.09.2023; accepted for publication 29.02.2024.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 321; 323; 329
doi: 10.17223/15617793/499/7

Политическая власть в Иране: особенности влияния неформальных групп

Хасан Реза Джаббаринасир¹

¹ Институт социальных и культурных исследований Министерства науки, исследований и технологий
Исламской Республики Иран, Тегеран, Иран, hjabbarinasir@gmail.com

Аннотация. Исследуются особенности влияния неформальных групп на формирование властных отношений в Иране. Установлены ресурсы влияния духовенства, торговцев, религиозной бюрократии, детей политической и религиозной элиты и Корпуса стражей исламской революции. Показаны этапы эволюции и специфика взаимодействия внутри выбранных группировок. Сделан вывод, что официально закрепленные аполитичные полномочия или сфера деятельности обозначенных групп не препятствуют их активному участию в формировании внутриполитической повестки в Иране.

Ключевые слова: внутренняя политика Ирана, группы интересов в Иране, шиитское духовенство, КСИР, базари, агазадеган

Для цитирования: Джаббаринасир Х.Р. Политическая власть в Иране: особенности влияния неформальных групп // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 59–68. doi: 10.17223/15617793/499/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/7

Political power in Iran: Features of informal groups' influence

Hasan Reza Jabbarinasir¹

¹ Institute for Social and Cultural Studies of the Ministry of Science, Research and Technology of the Islamic Republic of Iran, Tehran, Islamic Republic of Iran, hjabbarinasir@gmail.com

Abstract. The article studies the features of informal groups' influence on power relations shaping in Iran. Based on the theory of interest group, the author analyzes the resources of influence of the five most powerful interest groups – the Shiite clergy, marketeers, religious bureaucracy, children of political and religious elite, and the Islamic Revolutionary Guard Corps. The traditional pivotal place of religion in Iranian society renders an influential position to the clergy. The presence of an ideological base, institutional support, material independence from the state throughout history, and closeness to the people are the factors that allow the clergy, often from outside the official system of government, to exert significant influence on its dynamics. The merchant class (bazaari) has historically been an ally of the clergy, together with whom it has repeatedly opposed political and economic decisions of Iranian authorities. This symbiosis is pragmatic: the clergy receives material resources from marketeers, who by supporting the clergy can count on its influence in promoting favorable agendas for them at the highest level. The author has established that the official state bureaucracy in Iran is under the influence of a parallel religious bureaucracy that appeared after the Islamic Revolution for religious and ideological monitoring in state structures. Due to the long coexistence and the general context of Iran's political culture, in which family ties play an important role in gaining access to power interests, both lines of the country's bureaucracy today seem entangled. Social capital is also a key resource for the children of Iran's religious and political elite (*aghazadegan*). This actor of Iranian politics evolved as an interest group of high-ranking officials' children whose parents were legally barred from doing business. As a result, a group of interests has emerged that controls large economic resources in Iran and creates potential challenges for the political and ideological foundations of the current regime. Unlike the previous four interest groups, the Islamic Revolutionary Guard Corps is a purely state structure, which is becoming an informal actor in Iranian politics due to the growing political ambitions. Legally, the Corps should not engage in politics, but, in fact, the military mobilization potential, large-scale economic activity and wide representation of loyal people in all structures of supreme power in Iran make it one of the key actors in Iranian politics. Based on the conducted study, the author concludes that the political life of Iran is difficult to understand only by studying the activities of official structures. There are other actors who, despite legislative restrictions on their powers or scope of activity, are actively involved in shaping the domestic political agenda in Iran.

Keywords: Iran's domestic policy, interest groups in Iran, Shiite clergy, IRGC, bazaari, aghazadegan

For citation: Jabbarinasir, H.R. (2024) Political power in Iran: Features of informal groups' influence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 59–68. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/7

Исламская Республика Иран является одним из влиятельных государств евразийского пространства. Несмотря на международные санкции, под которым Иран находится уже не одно десятилетие, ему удается сохранить внутреннюю политическую стабильность и одновременно участвовать в решении важных проблем глобальной повестки. Уникальность государственно-политической системы Ирана заключается в ее симбиозе исламского правления и общедемократических институтов. Такая особенность во многом определяет динамику как внутренней политики, так и поведение государства на международной арене. В такой системе, которая часто оказывается между давлением консервативно-охранительных и либерально-реформистских группировок, важными участниками властных отношений часто становятся неформальные группы. Их влияние и политические амбиции во многом определяют контуры внутренней, а очень часто и внешней политики.

Опираясь на логику обоснования такой актуальности, в настоящей статье автор предпринимает попытку осмысления специфики влияния неофициальных групп на формирование властных отношений в Исламской Республике Иран. Однако следует уточнить, что категория «неофициальность» не говорит, что данные группы не находятся в официальной системе, речь идет об способах и механизмах, созданных данными группами вне своего официального мандата для проецирования влияния на политические процессы в Иране. Другими словами, будет рассмотрена и неофициальная политическая деятельность официальных структур/групп интересов, к которым в настоящей работе отнесены духовенство, торговцы, религиозная бюрократия, дети политической и религиозной элиты и Корпус стражей исламской революции.

Теоретическая основа исследования

Для политической жизни Ирана характерен фракционизм – наличие объединений отдельных лиц в рамках не только официальных политических партий, но и неформальных групп, имеющих в том числе и политическое влияние [1. С. 8–9]. Поэтому научное осмысление влияния таких групп можно проводить отчасти на основе исследований *групп интересов* – организованных объединений/обществ, возникающих для более эффективного удовлетворения многообразных запросов и потребностей людей. Группы интересов бывают политические и неполитические. Если вторые не имеют политической повестки или амбиций, то первые оказываются вовлеченными в деятельность, связанную с приобретением и использованием власти, или оказанием влияния на нее. Однако необходимо уточнить, что группы интересов по своим основным целям часто не являются исключительно политическими институтами; политизация их деятельности проявляется при необходимости отстаивания своих интересов при помощи ресурсов государственной власти.

Основоположник теории заинтересованных групп А. Бентли писал, что сведение политической жизни

только к деятельности официальных институтов власти, принимающих решения на основе своих конституционных полномочий, не позволяет понять логику и причину принятия тех или иных решений. Политическая реальность пронизана противоречивым взаимодействием предпочтений, установок, стереотипов и поведения ее участников, что делает ее намного сложнее и динамичнее [2. Р. 18]. А. Бентли считал все явления государственного управления явлением групп, «давящих друг на друга, образующих друг друга и выделяющих новые группы и групповых представителей (органы или агентства правительства) для посредничества в общественном соглашении» [2. Р. 43]. В таком контексте политические решения властей логично представляются результатом взаимодействия и столкновения групп интересов. Важным является и то, что при таком подходе правительственные институты и индивиды, находящиеся на госслужбе, в той или иной степени выступают участниками деятельности заинтересованных групп.

Следует отметить, что специфика конкретной страны детерминирует особенности возникающих на ее территории заинтересованных групп. В целом теории феномена заинтересованных групп пишут о нем как о факторе демократизации политического процесса. Однако такой вывод может быть адекватным для государств с устоявшимися институтами представительства, с прозрачными механизмами продвижения интересов. В контексте менее развитых демократий группы интересов через свои большие ресурсы (экономические, социальные, духовные) могут навязывать свои решения менее слабым конкурентам. Зачастую именно финансовые рычаги позволяют группам интересов конвертировать свои материальные возможности в политическую власть. Соответственно, важным представляются исследования Томаса Кристиано (см.: [3]), выделившего четыре механизма, позволяющих деньгам влиять на политическую систему, нивелируя демократический принцип равенства.

Первый механизм – *покупка голосов*, которая, по мнению Кристиано, является не столько прямым вознаграждением избирателя за «нужную» галочку, сколько легальным финансированием избирательных кампаний партий или отдельных политиков. Логика такой тактики заключается в том, что победители в конечном итоге должны помнить о своих благодетелях, продвигать их интересы в нужный момент.

Второй механизм под названием *фильтрация* исходит из гипотезы, что выдвигаемая политиками повестка обычно отражает чаяния самой влиятельной группы избирателей. Другими словами, на содержание политической повестки больше влияет точка зрения максимально обеспеченного общественного класса, нежели позиция других социальных слоев.

Суть *третьего* механизма конвертации денежных ресурсов в политическую власть, названного Кристиано «влиятельное мнение», заключается в осуществлении лоббистской деятельности. Данный механизм, однако, не ограничивается только лоббизмом. В него можно включить покупку и создание собственных

СМИ, аналитических центров (think tanks) или финансирование других медиа, которые формально не являются акторами политики, однако, формируя общественное мнение, во многом определяют политическую повестку.

Четвертый механизм, определяющий *деньги как независимую политическую силу*, исходит из роли крупных фирм и корпораций, контролирующих огромные финансовые и материальные ресурсы [4. Р. 245]. Имея такие ресурсы, крупные корпорации могут прибегать к шантажу политиков, продавливать свои интересы «жесткими» методами. Классификацию данного механизма можно дополнить военно-экономическими организациями, частными военными компаниями. В контексте Ирана такими чертами в полной мере обладает Корпус стражей исламской революции.

На основе приведенных выше теоретических разработок попытаемся проанализировать механизмы влияния неформальных групп на формирование и динамику властных отношений современного Ирана. Автор уточняет, что в настоящей статье речь идет о влиянии обозначенных групп на внутреннюю политику страны, хотя многие из выбранных группировок влияют и на специфику и динамику внешней политики Исламской Республики.

Духовенство

Социально-религиозные и политические группировки в Иране имеют давнюю историю. После принятия ислама во многом данная традиция обеспечила религиозной шиитской группировке политическую независимость от халифата. Сегодня шиитское духовенство придерживается идеологии политического шиизма, согласно которому власть принадлежит Всевышнему. Его волю на земле продвигал Пророк, а после него шиитские имамы – толкователи вероучения и руководители религиозной общины. После «сокрытия» в IX в. 12-го шиитского имама Махди власть осуществляется через его доверенных лиц – выдающихся богословов, которых называют *факих-е чоме-шароет* [5]. Данный принцип в шиитском политическом исламе, основе политической системы Ирана, называется *веляят-е факих*, что означает правление и руководство исламской общиной, осуществляемое человеком, достигшим в фикхе (мусульманской юриспруденции) степени *иджтихада*, т.е. права толковать Коран и выносить решения по важным социально-религиозным вопросам.

Стоит отметить, что процесс восхождения к вершине власти у иранского духовенства был нелегким. На протяжении истории оно придерживалось двух стратегий: стратегии *сабр-е мукаддас* (священное терпение), которая заключалась в соблюдении политического квиетизма, особенно в начальные периоды после арабских завоеваний, когда политическая власть на территории нынешнего Ирана находилась под сильным влиянием суннитских халифов; вторая стратегия допускала при необходимости прибегать к сотрудничеству с правителем времени, как это, например, было во времена правления династии Сафевидов.

После победы Исламской революции в Иране в 1979 г. шиитское духовенство получило уникальный шанс, поскольку стала возможной реализация стратегии прямого достижения власти с использованием религиозного инструментария. В стране в итоге сформировались две группы духовенства: консервативно-религиозная, которая дистанцировалась от участия в политической жизни, и религиозно-политическая, стремившаяся к власти на официальном уровне [6].

Сегодня шиитским духовенством можно назвать официальную группу толкователей религии, которая позиционирует себя как служителей праведного ислама. Такое самопозиционирование опирается на суру «Ат-Тауба» («Покаяние») священного Корана, в которой говорится, что «Верующим не следует выступать в поход всем вместе. Почему бы не отправить из каждой группы по отряду, чтобы они могли изучить религию и увещевать людей, когда они вернутся к ним? Быть может, они будут остерегаться» [7]. Таким образом, генезис данной группы по времени совпадает с периодом возникновения и становления самой религии ислам, хотя в институциональном плане она сформировалась позже.

Говоря об источниках влияния духовенства в Иране как в ретроспективе, так и на данном этапе, можно выделить четыре фактора: 1) наличие идеологии и школы мысли; 2) институциональные опоры, 3) материальная независимость от государства на всем протяжении истории, 4) близость к народу. Данные детерминанты конструируют силу, которая часто, оставаясь вне официальной системы власти, существенным образом влияет на ее динамику. Примечательно, что изначально, после революции 1979 г., аятолла Р. Хомейни не одобрял властные стремления политически настроенных богословов. Однако такой подход был скорректирован после импичмента первого демократически избранного президента Исламской Республики Иран А. Банисадр за деятельность, направленную против исламского духовенства [8]. Это был первый значительный сигнал о растущем влиянии духовенства в постреволюционной системе политической организации иранского общества. Как верно отмечает немецкий иранолог В. Бучта, формальные и неформальные структуры духовенства, имеющие влияние на формирование политики в Иране, сильно переплетены. Он называет патриархами (patriarchs) крупных богословов, которые, несмотря на квиетизм, являются участниками внутриполитических процессов в стране [9. Р. 9].

Духовенство в политике – это отнюдь не явление постреволюционного периода. Еще в 1961 г. в Куме появилось созданное учениками аятолла Хомейни Общество преподавателей семинарии Кума (ОПСК; перс. *Jame'eh-ye Modarresin-e Howzeh-ye Elmiyyeh Qom*). Именно ОПСК мобилизовала достаточно широкие слои иранского общества против шахских реформ, что в июне 1963 г. привело к акциям протеста с столкновениями с правительственными войсками не только в Куме, но и в Тегеране и ряде других городов страны. Современная иранская историография оценивает эти события как предшествующие исламской революции [10].

На сегодняшний день ОПСК остается примером наиболее влиятельного неофициального актора иранской политики. Члены Общества не считают его партией или организацией, поскольку оно не имеет официально зарегистрированного статуса, хотя и оказывает большое влияние на духовную систему, школы религиозной мысли и политику Ирана. ОПСК пытается создать образ аполитичной группы, однако фактически находится над политикой, так как в Совете экспертов (перс. *Маджлис-е хебрегдан*), госоргане, избирающем высшего руководителя, члены общества традиционно занимают большинство мест.

В отличие от ОПСК, которое по сути является научно-религиозной группировкой, другой неформальный актор иранской политики – Общество борющегося духовенства (ОБД; перс. *Jomea-e ruhaniyat-e mubarez*) тяготеет к статусу политико-религиозного объединения. ОБД составляло социальную опору некогда государствообразующей партии – Партии исламской республики, которая была упразднена в 1987 г. [11]. Почти все официальные партии примыкали к двум крупнейшим группировкам духовенства – консервативному Обществу борющегося духовенства и реформаторской Ассамблее борющихся улемов. На данный момент, как отмечают специалисты, Общество имеет значительное влияние на неизбираемые институты, такие как судебная система, Совет стражей конституции и Корпус стражей Исламской революции (КСИР) [12]. Примечательным фактом является то, что члены Кумского семинара стояли у истоков создания Общества борющегося духовенства [1. С. 98–100]. Примеры данных двух обществ и их связи с официальными институтами государства хорошо вписываются в теоретическую модель заинтересованных групп А. Бентли.

О влиянии ортодоксального духовенства на политику Ирана говорит и тот факт, что часто именно позиция некоторых богословских кругов бросала вызов реформистским устремлениям президентов страны. Так, в 2000 г. проконсервативные иранские судьи закрыли более 30 прогрессивных изданий, поддерживавших социально-политические реформы президента М. Хатами, который в речи перед студентами тегеранского университета открыто заявил об ограничителях своей президентской власти [13. С. 153]. Клерикалы имеют сильные позиции не только во властных структурах Ирана, но и получают солидные доходы от своих последователей. Такие ресурсы легко конвертируются в политические рычаги, что говорит как о влиянии духовных кругов на неформальные институты формирования властных отношений в Иране, так и о существовании взаимных интересов различных структур (как на примере ОПСК и ОБД) в деле продвижения общей религиозно-политической повестки.

Торговцы (базари)

Традиционно в Иране рынок, или базар, выполнял функцию не только сложного экономического института, но и социально-политического механизма, и в отсутствие сильного гражданского общества в Иране он

вместе с духовенством выполнял функцию гражданского общества. Совокупность людей, которые связаны с рынком в стране, называют *базари* (*bazari*) или *базариян*, т.е. речь идет о торговом сословии, исторически складывавшемся в иранских городах. Как отмечает А. Ашраф, в Иране до Исламской революции базар был оплотом политических протестных движений, после ее победы сохранил статус социально-экономической и властной основы шиитского религиозного истеблишмента. Как и союз армии и власти, традиционный рынок и духовенство в иранском контексте также являются «близкими друзьями», поэтому в Иране соборные мечети и религиозные школы всегда располагались в пределах или близко к крупным рынкам [14].

Так сложилось, что сословие торговцев в Иране формирует средний класс. Торговцы на протяжении истории Ирана всегда были вовлечены в политические процессы. Базари регулярно участвовали или финансово поддерживали различных духовных лидеров, деятельность религиозных организаций. Почти всегда такое позиционирование было направлено против правительства. Например, можно вспомнить «табачное восстание» в шахском Иране. Весной 1891 г. в крупных городах страны начались массовые протесты против английской табачной монополии. Решающую роль в развитии народных волнений сыграли торговцы табаком, организовав митинги на базарах и обратившись к видным религиозным лидерам [15. С. 13]. Логично, что шах всегда искал возможности ослабить влияние союза базари–духовенство (см.: [16]). Примером относительно близкого прошлого является Исламская революция в Иране в 1979 г., в победу которой значительный вклад внесло и сословие базари [17]. Другими словами, традиционные рынки в Иране во все времена были центрами не только экономико-социальной, но и политической жизни, а мечети при них часто становились инструментом мобилизации сословия базари.

Как отмечалось выше, союз торговцев и духовенства не раз бросал вызов существующему режиму в Иране в период до Исламской революции. После 1979 г. эта связь ослабла, однако фундамент былой «дружбы» по-прежнему прочный. И дело не только в существовании института *хомс* – доле имама, уплачиваемой базари духовенству в размере 1/5 части излишнего годового дохода. Торговцы понимают влияние духовенства на формирование внутренней политики Ирана, поэтому, оказывая ему поддержку, рассчитывают на продвижение благоприятных для них решений на высшем уровне [18]. Во взаимодействии и взаимосвязи торговцев и духовенства в Иране можно в разной степени наблюдать проявление четырех механизмов, которые по мнению Т. Кристиано, позволяют конвертировать деньги в ресурсы политического влияния.

Несмотря на существующие в академическом дискурсе мнения о том, что базари выступают гомогенным социальным классом в своих симбиотических отношениях с политической элитой Исламской республики, на практике все не так однозначно [19]. В постреволюционном Иране в среде традиционных крупных торговцев сформировались две группы. *Первую* составляли традиционно-религиозные торговцы, которые

склонялась к религиозным властным структурам и аполитичным представителям духовенства. Во *вторую группу* вошли бизнесмены, поддерживающие тесные отношения с официальными политическими институтами и имевшие во многом «революционный» опыт. Примером является Исламская коалиционная партия, многие сторонники которой имели большое влияние на экономику Ирана, получившее его во многом благодаря исключительным правам в процессе восстановления Ирана после войны с Ираком и широким импортным преференциальным правам. Выходцем из данной группы был влиятельный политик и бизнесмен, министр торговли ИРИ (1980–1984), генеральный секретарь Исламской коалиционной партии. Приведенные выше примеры в общих чертах показывают влияние базари как важного неформального актора иранской политики. Помимо своей экономической роли, торговцы играют и политическую роль, которая подкреплена тесными отношениями с духовенством.

Религиозная бюрократия

Как писал М. Вебер, бюрократия часто образует особую статусную группу, занимающую привилегированное положение в обществе. Он рассматривает религиозную бюрократию как один из подвидов обычной бюрократии (см.: [20]). В Иране бюрократия имеет свою специфику, ее можно назвать квазирационально-легальным типом, который опирается на традиционные связи. Такая структура бюрократии формируется по трибалистскому принципу, т.е. властные связи во многом основываются на родственных связях. Другими словами, формирование власти базируется больше на социальном капитале, а не на принципах меритократии. В результате такие формы бюрократии индивиды делятся на «свои» и «чужие». Ключевые посты логично оказываются в руках первых. В такой системе даже те индивиды, которые находятся вне системы, но имеют связи с ее элементами, становятся неофициальными участниками властных отношений в стране.

Стоит отметить, что в начальный период после Исламской революции в Иране бюрократы ставили на первое место интересы государства [21]. Требования постреволюционного времени были такие, что не каждый был готов пойти на госслужбу. Однако со временем, особенно после ирано-иракской войны бюрократы постепенно превращались во влиятельных акторов политики. Сформировались их главные черты, которые заключались в том, что они, во-первых, сильно консервативны, во-вторых, стремятся к власти и демонстрируют высокую адаптивность под меняющиеся социально-политические реалии и, в-третьих, всегда придерживаются стратегии формирования политических альянсов.

После революции многие ключевые государственные органы времен шаха продолжили свое существование, однако появились новые бюрократические структуры религиозного толка вроде Исламской ассамблеи труда, исламские советы, офисы и представительства Высшего рахбара по всей стране. В резуль-

тате официальная государственная бюрократия оказалась под влиянием вышеупомянутых структур, которые, по сути, были «глазами и ушами» нового правительства. Итогом такого влияния стало появление взаимных точек пересечения интересов официальной и религиозной бюрократии, которая формально находилась вне системы. После опустошительной войны с Ираком определенные круги религиозной бюрократии во главе с Х. Рафсанджани стали главными выгодополучателями постконфликтного восстановления Ирана. Получив вдобавок еще крупные предприятия в результате процессов приватизации экономико-политические интересы официальной и религиозной бюрократии тесно переплелись, что до сих пор вызывает споры в иранском обществе и академическом дискурсе [22].

Дети политической и религиозной элиты (агазадеган)

На формирование повестки внутренней политики Ирана на неофициальном уровне значительное влияние оказывают дети политико-религиозной элиты. В местном дискурсе эту категорию называют агазадеган (aghazadehgan), что буквально переводится как дети знатного происхождения. Феномен агазадеган не новый для Ирана; о влиянии данной группы на политические процессы в Иране известно с начала XX в. [23]. Однако после ирано-иракской войны в период президентства Х. Рафсанджани данная группа усилила свои неформальные рычаги влияния. Поскольку сами высшие должностные лица не могли заниматься бизнесом, их дети стали проводниками предпринимательских интересов отцов. В результате приватизации, которая «проводилась во многом с учетом интересов лиц, которые были твердо связаны с духовной и административной элитой семейными, дружескими и другими узами» [24], экономическое влияние агазадеган значительное возросло и некоторые семейные кланы (Рафсанджани, Кашани, Лариджани и др.) приобрели огромное влияние в республике. Санкции против Ирана еще больше усилили позиции «знатных детей»; в их руках оказалась основная доля иранских импортно-экспортных операций. Они занимались не только импортом пшеницы, бананов, сахара, труб для нефтегазопроводов, но и вооружений. Экспорт нефти и газа тоже по большей части оказался под их контролем [25].

В целом, экономическое и, соответственно, политическое влияние агазадеган проявляется в ряде факторов, наиболее важными из которых можно назвать следующие:

- преференциальный доступ к государственным финансам для осуществления импортно-экспортных операций;
- крупные строительные компании, получающие госзаказы на строительство больниц, школ, электростанций и железных дорог;
- присутствие в высокодоходной легальной и полунелегальной деятельности вроде владения частными автодорогами, спортивными сооружениями и командами, компаниями, занимающимся контрабандой товаров и услуг;

– поддержка политических партий и движений с целью получения прибыльных соглашений и договоров;

– демонстрация социального престижа и занятие пиаром, примером которого является строительство престижного района Ниёварон в Тегеране.

В свете вышесказанного возникает логичный вопрос о глубинных факторах формирования класса агазадеган в современном Иране. На наш взгляд, можно выделить три момента. Во-первых, отсутствие прозрачности во власти вкупе с отсутствием гражданского общества и слабостью политических партий. Во-вторых, отсутствие прозрачности формирования богатства у различных социальных классов. В-третьих, идеологизированность политической системы, в которой личности, связанные с ней, получают рычаги неформальной власти.

По мнению иранских исследователей, феномен агазадеган создает несколько трудностей для Ирана, что бросает вызов стабильному функционированию государственной системы. Речь идет не только об экономическом измерении обозначенного явления, которое проявляется в монополизации различных сфер экономики в стране детьми элиты. Сам факт существования такой формы неформальной власти говорит о значительном уровне nepotism в Иране, о важности такого явления, как «хорошие гены» (перс. *жине хуб*; англ. *good genes*). Данное понятие в иранском общественном дискурсе закрепилось благодаря Хамед Реза Ариф, сыну влиятельного иранского политика Мохаммед Реза Ариф. В 2017 г. в одном из своих интервью он заявил, что его успехи в жизни и карьере во многом обусловлены его «хорошими генами», намекая на позиции и достижения своих родителей [26]. Nepotism в контексте идеологической системы политического устройства Ирана с его революционными социалистическими идеалами создает этические диссонансы, ставя под вопрос такие категории, как равенство, справедливость, меритократия

Таким образом, война с Ираком и постконфликтное восстановление Ирана привели к возникновению в стране влиятельной экономической группы в лице детей элиты. Ее влияние в основном проецируется через неформальные экономико-политические рамки. Агазадеган открыто не «приближаются» к политике, действуя в основном как группы интереса. Их влияние часто становится объектом широкой дискуссии внутри страны. Особенно с учетом того факта, что многие из детей высшей элиты, в отличие от своих консервативных родителей, выбирают более свободный образ жизни, что в традиционном, иранском обществе вызывает неоднозначные реакции. Учитывая экономические трудности в Иране, ухудшение социальных показателей, рост безработицы среди молодежи, усиление класса агазадеган как проявления nepotism и социальной несправедливости несет риски для стабильности политической системы Ирана.

Корпус стражей исламской революции

В контексте осмысления специфики иранской внутренней (да и внешней тоже) политики анализ влияния

такой структуры, как Корпус стражей Исламской революции, имеет важное значение. Основной закон ИРИ определяет функции КСИР в защите революции и ее завоеваний [27], не наделяя его официальными властными полномочиями. В 1982 г. иранский парламент принял устав КСИР, наделявший «хранителей» революции военно-полицейскими функциями, запретив, однако, участвовать в политике. Однако на практике КСИР сумел из разрозненного милитаристского формирования постреволюционного периода превратиться в экономического гиганта и одного из ключевых негласных политикообразующих элементов иранской политики. Более того, роль КСИР в иранской политике остается одним из ключевых вопросов в споре реформистских и консервативных политических сил Ирана. Степень влияния Корпуса стражей на иранскую политику подтверждает гипотезу А. Бентли о том, что специфику и логику процесса принятия определенных внутриполитических решений сложно понять только в рамках официальных полномочий тех или иных структур.

Хотя КСИР изначально и был наделен правоохранными функциями, тем не менее он проявлял политическое измерение своей деятельности. В первые годы после революции Корпус активно участвовал в разгроме внутренних оппозиционных партий, таких как Моджахедин-и-Хальк и Туде, и оставался видным участником во внутренней политике на протяжении всей ирано-иракской войны, хотя немного и ушел в тень в политической сфере с 1989 по 1997 г. Дело в том, что, опасаясь влияния КСИР, некоторые представители политической элиты Ирана решили отвлечь его от участия в политике, поручив командующим стражей контролировать средства, выделяемые на реконструкцию Ирана после войны с Ираком. Именно тогда и усилились позиции инженерной корпорации КСИР под названием «Хатам аль-Анбия», или в сокращенной форме, «Горб» (англ. Ghorb). Хотя КСИР и стал осторожным в выражении политических амбиций, тем не менее его возросшие экономические ресурсы все более наращивали его дальнейшее политическое влияние [28]. Когда в 1997 г. к власти пришел М. Хатами с реформистской повесткой, КСИР вновь вышел на политическую сцену как хранитель достижений Исламской революции. Его полувоенноизированные и проклерикальные формирования сыграли важную роль в подавлении массовых студенческих протестов в Иране в 1999 г. [29]. Несмотря на сторгий наказ лидера Исламской революции Р. Хомейни не участвовать в политических делах, КСИР постепенно возвращался в политику.

В эпоху М. Ахмадинежада политическая роль КСИР стала более открытой, что во многом можно связать с бэкграундом президента, служившим в рядах Басидж во время ирано-иракской войны. Почти половина кабинета Ахмадинежада была сформирована из числа ветеранов КСИР, что принесло организации ощутимую материальную выгоду. Некоторые иранские газеты даже писали, что победителем на президентских выборах 2005 г. стал не Ахмадинежад, а корпорация «Горб» [30]. Хотя на официальном уровне такое влияние

«Горб» не признавалось, однако при Ахмадинежаде компания получила крупные госзаказы, еще больше укрепившие ее экономические возможности. Во многом рост политико-экономического влияния был связан с интенсификацией международных санкций против Ирана. Так, «Горб» получила тендеры на строительство двух веток тегеранского метро (\$1,5 млрд). Был получен заказ стоимостью \$2,3 млрд на разработку двух крупных газовых месторождений, а также на строительство трубопровода длиной свыше 950 км из Ирана в Пакистан и Индию (\$1,3 млрд). Достаточно «подозрительным» был тот факт, что заказы достались «Горб» без аукциона, что вызвало негодование как предпринимателей, так и некоторых представителей официальной власти. Победителем стала компания «стражей», даже когда объявлялись крупные тендеры. Так, она получила контракт стоимостью в \$2,3 млрд на разработку двух фаз газового месторождения Южный Парс, победив более квалифицированную норвежскую компанию [31]. В 2011 г. Министерство нефти Ирана и вовсе без проведения тендера отдало компании КСИР два контракта на разработку газовых месторождений Халган и Сефид Багун в Южном Парсе. Можно предполагать, что такие крупные контракты фирмы КСИР получали не только благодаря качественным предложениям, но и экономико-политическим влияниям и лоббизму в высших эшелонах иранской власти.

Важным моментом в эволюции КСИР стало учреждение в 2005 г. собственного «мозгового центра» под названием «Центр стратегических исследований». Этот шаг показывает, что КСИР делает акцент на стратегическом мышлении и стремится к научно-аналитическому сопровождению своей политики и деятельности. Такая стратегия вписывается в третий механизм Т. Кристиано по конвертации материальных ресурсов в политическое влияние.

Экономическое влияние КСИР, который, по некоторым оценкам, к 2015 г. добился контроля над 25–35% всей иранской экономики и 25% всех капиталов, не могло не становиться фактором политической активности. Примечательно, что около 30 депутатов иранского парламента так или иначе имеют или имели официальную связь с КСИР, еще большее число парламентариев представляют различные аффилированные с Корпусом структуры [32]. Однако такая тенденция не всех устраивает в иранской политике. Бывший президент Х. Рухани неоднократно пытался ограничить экономико-политические амбиции КСИР. В частности, против компаний Корпуса было возбуждено несколько коррупционных уголовных дел, однако силы гражданского суда не хватило на доведение дела до логического конца [33]. Ответные политические меры КСИР не заставили себя ждать. «Хранители» революции в преддверии президентских выборов 2017 г. не ограничились пропагандистской поддержкой консервативного кандидата в президенты аятоллы Раиси, но продемонстрировали реальные действия, арестовав целый ряд журналистов, руководителей спутниковых каналов, поддержавших кандидатуру Х. Рухани на второй срок [34]. Хотя Раиси тогда проиграл выборы, но

на выборах 2021 г. все же одержал победу. Примечательно, что опередил он своего главного соперника Мохсена Резаи – бывшего главу КСИР. Эксперты считают, что поддержка стражей стало важным фактором успеха Раиси, а публичное признание его победы после выборов – значительной поддержкой со стороны мощного силового аппарата [35]. Такая поддержка проявилась и во время масштабных и продолжительных протестов в Иране, которые начались в сентябре 2022 г. после смерти Махсы Амини в отделении полиции, куда ее доставили за неправильное ношение хиджаба. Бойцы КСИР активно участвовали в наведении порядка в стране, а глава разведки организации обвинил внешние силы в организации беспорядков в республике. Последние тренды в Иране относительно сосредоточения всех ветвей власти, силовых структур и большей части экономики страны в руках радикально-консервативных сил, приведут к радикализации всех сторон жизни в республике. Данные тенденции чреваты последствиями как внутривластного (активизация протестных движений, появление подпольной политической оппозиции), так и внешнеполитического (усиление участия в прокси-войнах в регионе) характера. В целом, в нынешних условиях можно прогнозировать усиление влияния Корпуса стражей не только на внутреннюю политику, но и на позицию Ирана по вопросам международной повестки.

Таким образом, осмысление специфики формирования политической власти в Иране с учетом влияния неофициальных групп позволит понять динамику внутренней политики Ирана и прогнозировать возможные контуры политики Исламской Республики на международной арене. Проведенный анализ влияния неформальных групп на внутреннюю политику страны позволяет сделать следующие выводы.

1. Политическая система Ирана находится под сильным влиянием духовенства, которое, даже официально оставаясь вне политики, на деле определяет магистральную динамику внутривластных процессов. Несмотря на условное разделение иранского шиитского духовенства на консервативно-религиозную и религиозно-политическую группы, представители обеих групп имеют свои интересы и сильные позиции в иранском политическом истеблишменте. Духовенство почти всегда выступало против реформистских устремлений президентов, поддерживая консервативную линию высшего рахбара. Имея огромное влияние на общественное мнение в стране вкупе с большими финансовыми ресурсами, духовенство представляет одним из ключевых неформальных акторов политики современного Ирана.

2. Духовенство в Иране имеет сильного союзника в лице торговцев – традиционно среднего класса иранского общества, который исторически оказывает влияние на политические процессы в стране. Многие выходцы из сословия базари становились влиятельными иранскими политиками, что в условиях политической культуры Ирана с ее опорой на связи и группы принадлежности, детерминирует политический вес традиционного торгового сословия в республике.

3. Специфика политической культуры Ирана заключается в важности социального капитала, лояльности духовенству и идеалам исламской революции. В такой системе государство, сохранив государственные институты времен шаха, постепенно внедрило в его «ткань» новые религиозно-идеологические структуры. В результате появилась большая религиозная бюрократия, интересы которой переплетаются с интересами официальной бюрократии. Такая взаимосвязь не может не влиять на политические процессы в Иране.

4. Обозначенные выше проблемы в функционировании политической системы Ирана, связанные с важностью социального капитала и незначительностью меритократии, усугубляются феноменом агазадеган. Дети политической и религиозной элиты Ирана, используя политические ресурсы своих родителей, формируют группу интересов, занимающую лидирующие

позиции в экономике Ирана. При сохранении социально-экономической напряженности, влияние детей усиливает вызовы стабильности политической системы республики.

5. Конституционные ограничения на занятие политической деятельностью не всегда соблюдаются в Иране. Пример КСИР, показывает, как официальная структура, не имеющая формального мандата на осуществление политической деятельности, фактически становится одним из ключевых неформальных акторов иранской политики. КСИР и аффилированные с ним экономико-политические структуры во многом напоминают сильную группу интересов, которая более стремится к навязыванию своих решений слабым противникам, нежели к нахождению консенсуса. В таком контексте КСИР может оказать серьезное влияние на динамику не только внутренней, но и внешней политики Ирана.

Список источников

1. Раванди-Фадаи Л.М. Политические партии и группировки Ирана. М. : ИВ РАН, 2010. 216 с.
2. Bentley A. The Process of Government. Cambridge : Belknap Press of Harvard University Press, 1967. 501 p.
3. Christiano T. The Constitution of Equality: Democratic Authority and Its Limits. Oxford : Oxford University Press, 2008. 300 p.
4. Christiano T. Money in Politics // Estlund D. (Ed.) The Oxford Handbook of Political Philosophy. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 241–261.
5. Зарей С. Теории правления в сфере исламской политической мысли и ее альтернативы // Моталзат-е рахборди-е джахан-е эслам. 2020. № 84. С. 159–188. (на перс. яз.).
6. Раджаби Давани М, Тахерабади А. Шиитское духовенство и их социально-политическая роль в иранском обществе // Пасдари-е фарханги-е Энгела-е Еслами. 2012. № 6. С. 119–185 (на перс. яз.).
7. The Holy Qur'an. Surah At-Tauba (9:129).
8. Котов А.Н. Иранская интеллигенция и исламская революция 1978–1979 гг. // Интеллигенция и мир. 2012. № 2. С. 126–138.
9. Buchta W. Who rules Iran? The structure of power in the Islamic Republic. Washington DC : The Washington Institute for Near East Policy, 2000. 239 p.
10. Дунаева Е.В. Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 4. С. 169–189. doi: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-169-189
11. Мамедова Н.М. Политическая система Исламской Республики Иран: особенности и возможности трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 3. С. 152–165. doi: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-152-165
12. Hossein A., Adlina Ab.H., Jayum A.J., Seyedeh Nosrat Sh. Political Party in Islamic Republic of Iran: A Review // Journal of Politics and Law. 2011. Vol. 4. P. 221–230.
13. Кулагина Л.М., Ахмедов В.М. Иран выходит из изоляции // Иран: ислам и власть. М. : Ин-т востоковедения РАН ; Крафт+, 2001. 280 с.
14. Ashraf A. Bazaar-mosque alliance: The social basis of revolts and revolutions // International Journal of Politics, Culture, and Society. 1988. Vol. 1. P. 538–567.
15. Адамият Ф. Восстание против контракта Реджи. Тегеран : Изд-во Имам Хомейни, 1981. 151 с. (на перс. яз.).
16. Филин Н.А. Социально-историческое развитие Исламской Республики Иран (1979–2008 гг.): факторы устойчивости государственной власти : дис. ... канд. ист. наук. М. : РГГУ, 2012. 295 с.
17. Kaplan D. Robert. A Bazaari's World // The Atlantic. March 1996. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1996/03/a-bazaaris-world/304827/>
18. Хазери А., Хоссейнзаде М. Политическая роль рынка: анализ событий первого десятилетия Исламской Республики Иран // Данеш-е сияси. 2011. № 1. С. 61–86. (на перс. яз.).
19. Keshavarzian A. Regime Loyalty and Bāzārī Representation under the Islamic Republic of Iran: Dilemmas of the Society of Islamic Coalition // International Journal of Middle East Studies. 2009. Vol. 41, № 2. P. 225–246.
20. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. Т. 1: Социология / [пер. с нем.] ; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с.
21. Амири М. В поисках иранской бюрократии // Электронный журнал Soore. 2011. № 55. URL: <http://www.sooremag.ir/> (на перс. яз.).
22. Фаразманд А. Бюрократия и революция: пример Исламской Республики Иран // Идеология, лидерство и процесс исламской революции : материалы Междунар. конгресса по объяснению исламской революции. Т. 2. Тегеран : Изд-во Имама Хомейни, 2006. С. 177–228 (на перс. яз.).
23. Arjomand S. The Ulama's Traditionalist Opposition to Parliamentarianism: 1907–1909 // Middle Eastern Studies. 1981. Vol. 17, № 2. P. 174–190.
24. Дринова Е.М. Политическая модернизация и исламские партии: тернистый путь к нелиберальной демократии // Исламоведение. 2014. № 1. С. 13–21.
25. Моттаки С. Каковы последствия феномена независимости для политики и экономики? // Ахерин хабар, 20.02.2021. URL: <https://www.google.com/amp/s/akharinkhabar.ir/amp/analysis/7380747> (дата обращения: 11.10.2023).
26. Azadi P. The Structure of Corruption in Iran // Stanford Iran 2040 Project. August 2020. URL: https://iranian-studies.stanford.edu/sites/g/files/sbiybj6191/f/publications/the_structure_of_corruption_in_iran.pdf (дата обращения: 11.10.2023).
27. The Constitution of the Islamic Republic of Iran. Chapter 9, article 150.
28. Alfoneh A. The Revolutionary Guards' Role in Iranian Politics // Middle East Quarterly. 2008. Vol. 15 (4). P. 3–14.
29. Месамед В.И. Студенческие протесты в Иране // Институт Ближнего Востока. 12.10.2007. URL: <http://www.iimes.ru/?p=6313> (дата обращения: 09.10.2023).
30. Низамов Е. Тридцать лет на страже // Коммерсантъ Власть. 2009. № 5. С. 36.
31. Connell M., Katzman K. The Islamic Revolutionary Guard Corps: Military and Political Influence in Today's Iran // Brookings. 18.11.2008. URL: <https://www.brookings.edu/events/the-islamic-revolutionary-guard-corps-military-and-political-influence-in-todays-iran/>
32. Eshraghi A., Mahdavi A. The Revolutionary Guards Are Poised to Take Over Iran // Foreign Affairs. August 27, 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2020-08-27/revolutionary-guards-are-poised-take-over-iran> (дата обращения: 11.10.2023).

33. Омаров К. Иран от Хомейни до Хаменеи: КСИР берет инициативу в свои руки // Новая эпоха. 01.02.2017. URL: <http://yenicag.ru/iran-ot-homejini-do-hamenei-ksir-beret-initsiativu-v-svoi-ruki/>
34. Сажин В.И. Корпус стражей исламской революции Ирана – государство в государстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10 (3). С. 83–109.
35. Сажин В. Победа Эбрахима Раиси и проблемы Ирана // Международная жизнь. 25.06.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/30585> (дата обращения: 11.10.2023).

References

1. Ravandi-Fadai, L.M. (2010) *Politicheskie partii i gruppirovki Irana* [Political parties and groups in Iran]. Moscow: IOS RAS.
2. Bentley, A. (1967) *The Process of Government*. Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press.
3. Christiano, T. (2008) *The Constitution of Equality: Democratic Authority and Its Limits*. Oxford: Oxford University Press.
4. Christiano, T. (2012) Money in Politics. In: Estlund, D. (ed.) *The Oxford Handbook of Political Philosophy*. Oxford: Oxford University Press. pp. 241–261.
5. Zarei, S. (2020) Theories of government in the sphere of Islamic political thought and its alternatives. *Motaleat-e rahbordi-e jahan-e islam – Strategic studies and the Islamic world*. 84. pp. 159–188. (In Persian).
6. Radzhabi Davani, M., & Takherabadi, A. (2012) Shiite clergy and its socio-political role in Iranian society. *Pasdari-e farkhangi-e Engelab-e Eslami – The guards of Islamic revolution*. 6. pp. 119–185. (In Persian).
7. *The Holy Qur'an*. Surah At-Tauba (The Repentance) (9:129).
8. Kotov, A.N. (2012) Iranskaya intelligentsiya i islamskaya revolyutsiya 1978–1979 gg. [Iranian intelligentsia and the Islamic revolution 1978–1979]. *Intelligentsia i mir – Intelligentsia and the World*, 2. pp. 126–138.
9. Buchta, W. (2000) *Who rules Iran? The structure of power in the Islamic Republic*. Washington DC: The Washington Institute for Near East Policy.
10. Dunaeva, E.V. (2018) Shiitskoe dukhovenstvo v politicheskoy zhizni sovremennogo Irana [Shiite Clergy in Iran's Political Life]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo – Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 11 (4). pp. 169–189.
11. Mamedova, N.M. (2018) Politicheskaya sistema Islamskoy Respubliki Iran: osobennosti i vozmozhnosti transformatsii [Political System of the Islamic Republic of Iran: Its Features & the Upside for Transformation]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo – Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 11 (3). pp. 152–165.
12. Hossein, A. et al. (2011) Political Party in Islamic Republic of Iran: A Review. *Journal of Politics and Law*. 4. pp. 221–230.
13. Kulagina, L.M. & Akhmedov, V.M. (2001) Iran vykhodit iz izolyatsii [Iran comes out of isolation]. In: *Iran: islam i vlast'* [Iran: Islam and Power]. – Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Kraft+.
14. Ashraf, A. (1988) Bazaar-mosque alliance: The social basis of revolts and revolutions. *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 1. pp. 538–567.
15. Adamiyat, F. (1981) *Rebellion against Reggie's contract*. Tehran: Imam Khomeini Publishing House. (In Persian).
16. Filin, N.A. (2012) *Sotsial'no-istoricheskoe razvitiye Islamskoy Respubliki Iran (1979–2008 gg.): faktory ustoychivosti gosudarstvennoy vlasti* [Socio-historical development of the Islamic Republic of Iran (1979–2008): factors of stability of state power]. History Cand. Diss. Moscow: RSUH.
17. Kaplan, D. & Robert, A. (1996) Bazaari's World. *The Atlantic*, March. [Online] Available from: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1996/03/a-bazaaris-world/304827/> (Accessed: 29.05.2021).
18. Khazeri, A. & Khosseinzade, M. (2011) The political role of the bazar: analysis of the events of the first decade of the Islamic Republic of Iran. *Danesh-e siyasi – Political knowledge*. 1. pp. 61–86. (In Persian).
19. Keshavarzian, A. (2009) Regime Loyalty and Bāzārī Representation under the Islamic Republic of Iran: Dilemmas of the Society of Islamic Coalition. *International Journal of Middle East Studies*. 41 (2). pp. 225–246.
20. Weber, M. (2016) *Khoziaistvo i obshchestvo: ocherki ponimaniushchei sotsiologii: v 4 t.* [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology: in 4 volumes]. Vol. I. Sociology]. Moscow: HSE.
21. Amiri, M. (2011) In search of Iranian bureaucracy. *Soore*. [Online] Available from: <http://www.sooremag.ir/> (Accessed: 29.05.2021). (In Persian).
22. Farazmand, A. (2006) Bureaucracy and Revolution: The Case of the Islamic Republic of Iran. In: *Ideology, Leadership and the Process of the Islamic Revolution: Proceedings of the International Congress Explaining the Islamic Revolution*. Vol. 2. Tehran: Imam Khomeini Publ. House. pp. 177–228. (In Persian).
23. Arjomand, S. (1981) The Ulama's Traditionalist Opposition to Parliamentarianism: 1907–1909. *Middle Eastern Studies*. 17 (2). pp. 174–190.
24. Drinova, E.M. (2014) Politicheskaya modernizatsiya i islamskie partii: ternisty put' k neliberal'noi demokratii [Political modernization and Islamic parties: a thorny path to illiberal democracy]. *Islamovedenie – Islamic studies*. 1. pp. 13–21.
25. Mottaki, S. (2021) Kakovy posledstviya fenomena nezavisimosti dlia politiki i ekonomiki? [What are the political and economic implications of the phenomenon of independence?]. *Akherin khabar – The latest news*. [Online] Available from: <https://www.google.com/amp/s/akharinkhabar.ir/amp/analysis/7380747> (Accessed: 29.05.2021).
26. Azadi P. (2020) *The Structure of Corruption in Iran*. Stanford Iran 2040 Project. [Online] Available from: https://iranian-studies.stanford.edu/sites/g/files/sbiybj6191/f/publications/the_structure_of_corruption_in_iran.pdf (Accessed: 12.09.2023).
27. *The Constitution of the Islamic Republic of Iran*. Chapter 9, article 150.
28. Alfoneh, A. (2008) The Revolutionary Guards' Role in Iranian Politics. *Middle East Quarterly*. 15 (4). pp. 3–14.
29. Mesamed, V.I. (2007) *Studencheskie protesty v Irane* [Student Protests in Iran]. Institut Blizhnego Vostoka - The Institute of the Middle East. [Online] Available from: <http://www.iimes.ru/?p=6313> (Accessed: 29.09.2023).
30. Nizamov, E. (2009) Tridsat' let na strazhe [Thirty years on guard]. Magazine “*Kommersant Vlast'*”. 5. p. 36.
31. Connell, M. & Katzman, K. (2008) The Islamic Revolutionary Guard Corps: Military and Political Influence in Today's Iran. *Brookings*. [Online] Available from: <https://www.brookings.edu/events/the-islamic-revolutionary-guard-corps-military-and-political-influence-in-todays-iran/> (Accessed: 19.09.2023).
32. Eshraghi, A. & Mahdavi, A. (2020) The Revolutionary Guards Are Poised to Take Over Iran. *Foreign Affairs*. [Online] Available from: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2020-08-27/revolutionary-guards-are-poised-take-over-iran> (Accessed: 10.10.2023).
33. Omarov, K. (2017) Iran ot Khomeini do Khamenei: KSIR берет инитиативу в свои руки [Iran from Khomeini to Khamenei: the IRGC takes the initiative into its own hands]. *Novaya epokha – New era*. [Online] Available from: <http://yenicag.ru/iran-ot-homejini-do-hamenei-ksir-beret-initsiativu-v-svoi-ruki/> (Accessed: 10.10.2023).
34. Sazhin, V.I. (2017) Korpus strazhey islamskoy revolyutsii Irana – gosudarstvo v gosudarstve [The Islamic revolution guards corps of Iran: a state within a state]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo – Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 10 (3). pp. 83–109.
35. Sazhin, V. (2021) Pobeda Jebrahima Raisi i problemy Irana [The victory of Ibrahim Raisi and Iran's problems] *Mezhdunarodnaja zhizn' – The International Affairs*. [Online] Available from: <https://interaffairs.ru/news/show/30585> (Accessed: 11.10.2023).

Информация об авторе:

Джаббаринасир Хасан Реза – канд. полит. наук, доцент Института социальных и культурных исследований Министерства науки, исследований и технологий Исламской Республики Иран (Тегеран, Иран). E-mail: hjabbarinasir@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

H.R. Jabbarinasir, Cand. Sci. (Political Science), associate professor, Institute for Social and Cultural Studies of the Ministry of Science, Research and Technology of the Islamic Republic of Iran (Tehran, Islamic Republic of Iran). E-mail: hjabbarinasir@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.06.2021;
одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.*

*The article was submitted 02.06.2021;
approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.*

Научная статья
УДК 324
doi: 10.17223/15617793/499/8

Электоральные циклы в Грузии: опыт пространственного анализа

Евгения Александровна Захарова¹

¹ *Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия, e.zakharova@inno.mgimo.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу трех электоральных циклов в Грузии: 2012, 2016 и 2020 гг. Автор ставит вопрос о том, насколько менялась поддержка основных партий за три последних электоральных цикла по муниципалитетам Грузии, а также можно ли говорить об определенных паттернах голосования, связанных с существующими в Грузии расколами и трудностями в сфере экономики. С применением многофакторного анализа на основе диаграммы параллельных координат автор анализирует паттерны голосования за ту или иную партию

Ключевые слова: Грузия, выборы, электоральные циклы, пространственный анализ, размежевания

Источник финансирования: статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 19-78-10004 (2019-2024) «Трансформации электорального поведения в регионах зарубежных стран, пограничных с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ».

Для цитирования: Захарова Е.А. Электоральные циклы в Грузии: опыт пространственного анализа // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 69–79. doi: 10.17223/15617793/499/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/8

Georgia electoral cycles: Spatial analysis

Evgenia A. Zakharova¹

¹ *MGIMO University, Moscow, Russian Federation, e.zakharova@inno.mgimo.ru*

Abstract. The article discusses three electoral cycles in Georgia: 2012, 2016, and 2020. Among the main issues in the political party programs that make the parties different are the territorial integrity of the country, relations with Russia and the collective West, as well as issues of economic stability that has become even more sensitive in the context of the coronavirus pandemic. Given these facts, the author seeks to understand how electoral support for the parties changed during the last three electoral cycles in Georgia municipalities. Besides, the author tries to uncover some possible patterns of electoral behavior that are closely connected with the present cleavages in Georgian society and economic situation. In order to answer the questions, the author used non-spatial models of spatial analysis. Firstly, the transformation of electoral preferences in Georgian municipalities is characterized with the use of cartograms of box blots of voting for Georgian Dream, United National Movement, and Alliance of Patriots of Georgia. Secondly, the author used multi-variable analysis on the basis of parallel coordinate plot (PCP) in order to analyze the voting patterns. When conducting the analysis, such indicators were included as the unemployment rate in municipalities, Georgian, Armenian, Azerbaijani, Russian, and Ossetia population, as well as Orthodox, Armenian Orthodox, and Muslim population. Electoral choice in Georgia is determined, among others, by the spatial factor, the ethnic and religious composition of Georgian municipalities, their economic indicators, as well as their position on the map, i.e., which country borders a particular Georgian municipality. Little support for United National Movement is shown by municipalities that border the Russian Federation excluding Kakheti. Besides, municipalities with a big proportion of Armenian population also show low electoral support for the party. At the same time, municipalities bordering Turkey actively vote for United National Movement. As for Georgian Dream, Georgians in municipalities bordering Abkhazia and South Ossetia, as well as along the Russian border, highly support the party since one of its core issues on the agenda is recreating the territorial integrity of the state. However, Kakheti and Mtskheta-Mtianeti show low electoral support for the party. In addition, this party promotes the idea of expanding economic and political ties with Turkey, albeit the bordering municipalities are not enthusiastic about the idea and grant lower support for the party as a result. Municipalities on the Russian, Turkish, and Armenian border at the same time show high support for Alliance of Patriots of Georgia, which is connected with religious, ethnic, political, and economic cleavages.

Keywords: Georgia, elections, electoral cycles, spatial analysis, cleavages

Financial support: The article was prepared with the grant support of the Russian Science Fund under project No. 19-78-10004: Transformation of Electoral Behavior in the Regions of Foreign Countries Bordering on the Russian Federation: Comparative Spatial Analysis.

For citation: Zakharova, E.A. (2024) Georgia electoral cycles: Spatial analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 69–79. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/8

31 октября 2020 г. состоялись парламентские выборы в Грузии. По их результатам в парламент вошли партии «Грузинская мечта», коалиция «Сила в единстве», «Европейская Грузия», «Лело», «Стратегия Агмашенебели», «Альянс патриотов Грузии», «Гирчи», «Граждане» и Лейбористская партия [1]. По результатам парламентских выборов, партия «Грузинская мечта» получила 48,22% голосов [2], по классификации Дж. Сартори [3] партийная система является системой с доминирующей партией.

Б. Чедия [4] писал о грузинской партийной системе как о модели «неэффективного плюрализма», связывая это с соревнованием не идей, а интересов, а значит, партии создаются только ради получения власти. Этот тезис подтверждается и результатами избирательных гонок нескольких электоральных циклов. Как отмечал Р.В. Лесков [5], Грузия отличается специфичной цикличностью и скачками кризисных ситуаций, что характерно для политического стиля страны. В парламентских выборах 2008 г. участвовало три избирательных блока и девять политических организаций независимо. Крупным оппозиционным блоком был блок «Объединенная оппозиция – Национальный совет – Новые», объединивший восемь оппозиционных политических сил. Для 2008 г. характерным было лидерство партии «Единое национальное движение» (ЕНД), которая получила наибольшее количество мест в парламенте, хотя и благодаря победе в мажоритарных округах.

На выборах 2012 г. в парламенте партия «Грузинская мечта» (созданная в 2011 г.) участвовала в выборах как коалиция, состоявшая из шести разных по своей сути партий: Республиканская партия, «Наша Грузия – Свободные демократы», «Промышленность спасет Грузию» (правая неолиберальная), «Консервативная партия Грузии» (социал-консерваторы), «Национальный форум» (соответственно, националисты), наконец, сама «Грузинская мечта». Задача коалиции состояла в свержении ЕНД. После выборов 2012 г. Грузинская мечта становится правящей партией, причем механизм завоевания власти похож на способ, который применяла в 2004 г. ЕНД, а именно через создание множественного альянса. Отметим, что помимо схожего принципа прихода к власти партии выступали каждая в свой период (2004 и 2012 гг. соответственно) примерно с одинаковой повесткой. Она заключалась в том, что партии выступали за восстановление территориальной целостности, внедрение западных ценностей, вхождение в состав ЕС и НАТО, кроме того, отстаивали необходимость развития малого и среднего бизнеса, выдачу государственных льготных кредитов для виноделия. Они говорили о необходимости снизить прожиточный минимум, увеличить пенсию и снизить возрастной ценз выхода на пенсию. Единственная линия, которая их отличала, – вопрос Абхазии и Южной Осетии. «Грузинская мечта» выступала за то, чтобы решать указанный вопрос за счет развития самой Грузии, создания комфортных условий для жизни

и работы, при этом непосредственное решение проблемы сепаратистских регионов откладывалось. ЕНД придерживалась более жесткой позиции в отношении этих территорий.

Парламентские выборы 2016 г. характеризовались тем, что даже в день выборов невозможно было предугадать их исход, поскольку населению не нравились ни власть, ни оппозиция. Что касается идеологической направленности, то западный вектор остается неотъемлемой составляющей внешней политики Грузии. Все претендовавшие на победу на выборах партии заявляли о необходимости вступления Грузии в НАТО и Евросоюз. Так, «Грузинская мечта» позиционировала себя как центристскую партию, выступающую за интеграцию Грузии с Западом и при этом за нормализацию отношений с Россией, за сдержанный подход в отношении продвижения западных ценностей в стране [6]. По итогам выборов партия «Грузинская мечта» получила конституционное большинство, в оппозиционный блок вошли ЕНД, «Альянс патриотов», промышленники и независимые депутаты. Успех «Грузинской мечты» объяснялся относительной стабильностью, установившейся в Грузии после прихода к власти Б. Иванишвили, а также снижением агрессивной враждебности в отношении России. ЕНД, в свою очередь, в этот период столкнулась с кризисом лидерства, что в государстве, в котором превалируют клановость и патернализм в политике, привело к провалу на выборах [7].

После выборов 2020 г. представители власти столкнулись с обвинениями со стороны оппозиции в фальсификации результатов выборов. Отметим, что в течение 2020 г. «Грузинская мечта» теряла политический рейтинг [8]. В оппозиции были «Альянс патриотов Грузии» и «Граждане». Бойкотирующими являются все остальные грузинские партии, которые подписали совместное заявление об отказе от своих мест в парламенте в связи с тем, что, по их мнению, власти фальсифицировали итоги парламентских выборов, и потребовали повторного голосования [9]. После выборов 2020 г. тысячи граждан вышли на улицы в Тбилиси с требованием провести перевыборы [10].

Из краткого экскурса в основные положения программ ведущих партий ясно, что одними из ключевых вопросов, которые отличают позиции партий, являются сохранение территориальной целостности Грузии, а также отношения с Россией и с коллективным Западом. Исходя из этого, автор ставит вопрос о том, насколько менялась поддержка основных партий за три последних электоральных цикла по муниципалитетам Грузии, а также можно ли говорить об определенных паттернах голосования, связанных с существующими в Грузии расколами и трудностями в сфере экономики.

Вопросами электоральной географии Грузии занимается Д. Сичинава из Тбилисского государственного университета. В своих работах он указывает на влияние социальных размежеваний на электоральное поведение граждан. Отметим, что грузинское общество

расколото по многим основаниям (этнические, социально-экономические, региональные, территориальные) [11]. Так, Д. Сичинава отмечал, что партия «Единое национальное движение» вместо того, чтобы национализироваться, опиралась на электоральную поддержку тех муниципалитетов, в которых проживали этнолингвистические и религиозные меньшинства [12]. Он также отмечал, что на электоральное поведение граждан Грузии влияет в целом, во-первых, раскол по линии город – деревня (или центр – периферия), который наблюдался еще в советский период, когда менялась социальная структура грузинских городов. Вторая линия раскола («скрытая») проходит по этнической линии, что, в частности, выражается в недостаточной включенности меньшинств в политический процесс [13]. Кроме того, исследователи отмечают, что на голосование также влияет и экономический фактор; например, на выборах 2008 г. оппозиция набирала больше всего голосов в тех муниципалитетах, на которые было наложено российское эмбарго, а М. Саакашвили поддерживали те муниципалитеты, в которых за время его президентства улучшились экономические показатели [14]. В свою очередь, М. Саакашвили во время своего президентства для дискредитации и маргинализации оппозиции активно конструировал образ врага, в качестве которого выступала Россия [15].

О политическом расколе по линии Россия–Запад, существующем в Грузии, писали О. Карпович, А. Ногмова и Л. Алексанян [16]. Авторы также отмечали, что партии в Грузии отличаются скорее не по идеологическим основаниям, а по степени харизматичности их лидеров. Влиянию М. Саакашвили на ход муниципальных выборов в Грузии 2021 г. посвящена работа И.М. Федоровской [17].

Результатам парламентских выборов в Грузии, а также перспективам отношений России и Грузии посвящена статья И.М. Федоровской [18], а рассмотрению наличия территориальной дифференциации общественного мнения по нему – статья М.Н. Шестаковой [19]. По результатам проведения анкетирования, она пришла к выводу о том, что приграничные регионы Грузии не проявляют особой лояльности, а также было зафиксировано размежевание по линии Север–Юг.

В рамках исследования для ответа на поставленный вопрос И.Ю. Окунев прибегает к применению пространственного анализа [20] для фиксации существующих в Грузии расколов и их влияния на электоральное поведение граждан (непространственные модели)¹.

Отметим, что методика пространственного анализа применялась и в рамках рассмотрения электорального поведения других государств, например, при исследовании тенденций электоральной поддержки латвийских [22], норвежских партий [23], электорального процесса в Казахстане [24], Польше [25], Монголии [26].

Кроме того, обусловленность голосования граждан пространственным фактором и близостью к российской границе рассматривалась в статье И.Ю. Окунева и Л.С. Шматковой [27].

Перейдем к анализу трех последних электоральных циклов в Грузии, т.е. за 2012, 2016 и 2020 гг., чтобы выяснить, имело ли место изменение электоральной поддержки одной из трех партий: «Грузинская мечта» (ГМ), «Единое национальное движение» и «Альянс патриотов Грузии» (АПГ).

Так, существует динамика голосования за партию «Грузинская мечта» за последние три электоральных цикла (рис. 1), при этом в последние два выделяется регион Рача-Лечхуми и Нижняя Сванетия (Амбролаурский, Лентехский, Онский и Цагерский муниципалитеты), который в 2012 г. оказывал невысокую электоральную поддержку партии, тогда как в 2016 и 2020 гг. они изменили свое решение и активно выступали за эту партию. Кроме того, южные муниципалитеты на границе с Турцией и Арменией стали больше поддерживать партию в 2016 и 2020 гг., чего не было в 2012 г. Отметим также, что партию поддерживают приграничные с Россией муниципалитеты на протяжении трёх рассматриваемых электоральных циклов.

Можно говорить о том, что в целом пространственное распределение поддержки партии «Грузинская мечта» неоднородно в ретроспективе, однако почти всегда партию поддерживают муниципалитеты, граничащие с республиками Кабардино-Балкария и Северная Осетия, а самая низкая поддержка – среди муниципалитетов, граничащих с Турцией, а именно, Аджарская Автономная Республика, имеющая на своей территории 54,51% православного и 39,78% мусульманского населения.

Что касается предвыборной кампании партии на парламентских выборах 2020 г., то, по словам Ираклия Кобахидзе, партия нацелена на решение двух проблем – оккупации и бедности, а также среди главных ее целей он видел «восстановление территориальной целостности мирными усилиями, примирение с абхазскими и осетинскими братьями и сестрами». Он также заявлял о том, что Грузия подаст официальную заявку на членство в ЕС в 2024 г. [28].

Согласно результатам построения непространственной модели – многофакторного районирования на основе диаграммы параллельных координат (рис. 2), которая включила в себя такие показатели, как процент голосования за ГМ, уровень безработицы в 2020 г., процент грузинского, армянского и азербайджанского населения, а также процент представителей православной и армянской православной церкви и ислама, можно проследить некоторые паттерны поддержки рассматриваемой партии: так, партию поддерживали те муниципалитеты, в которых наблюдался низкий процент безработицы и проживают преимущественно грузины. Кроме того, муниципалитеты с армянским населением также оказывают более высокую поддержку партии, нежели населенные азербайджанцами.

Что же до оппозирующей «Грузинской мечте» партии «Единое национальное движение» (рис. 3), если в 2012 г. основные муниципалитеты, поддерживавшие партию, относились к регионам Квемо-Картли, Аджария и Самцхе-Джавахетия, граничащим непосредственно с Турцией и Арменией, то с каждым электоральным циклом поддержка партии падала в муници-

палитетах, граничащих с Россией и являющихся соседями Абхазии и Южной Осетии, что отчасти связано с жёсткой позицией партии относительно принадлежности этих непризнанных государств и подчеркиванием ею угрозы с севера [29].

Отметим, что, по результатам кампании 2020 г., все муниципалитеты Аджарии (Кедский, Хулойский, Кобу-

летский, Шуахевский и Хелвачаурский муниципалитеты) и Кахетии (Ахметский, Дедоплисцаройский, Гурджаанский, Кварельский, Лагодехский, Сагареджойский, Сигнахский и Телавский муниципалитеты) оказывали наиболее высокую поддержку ЕНД, что не было характерно, скажем, для электорального цикла 2012 г.

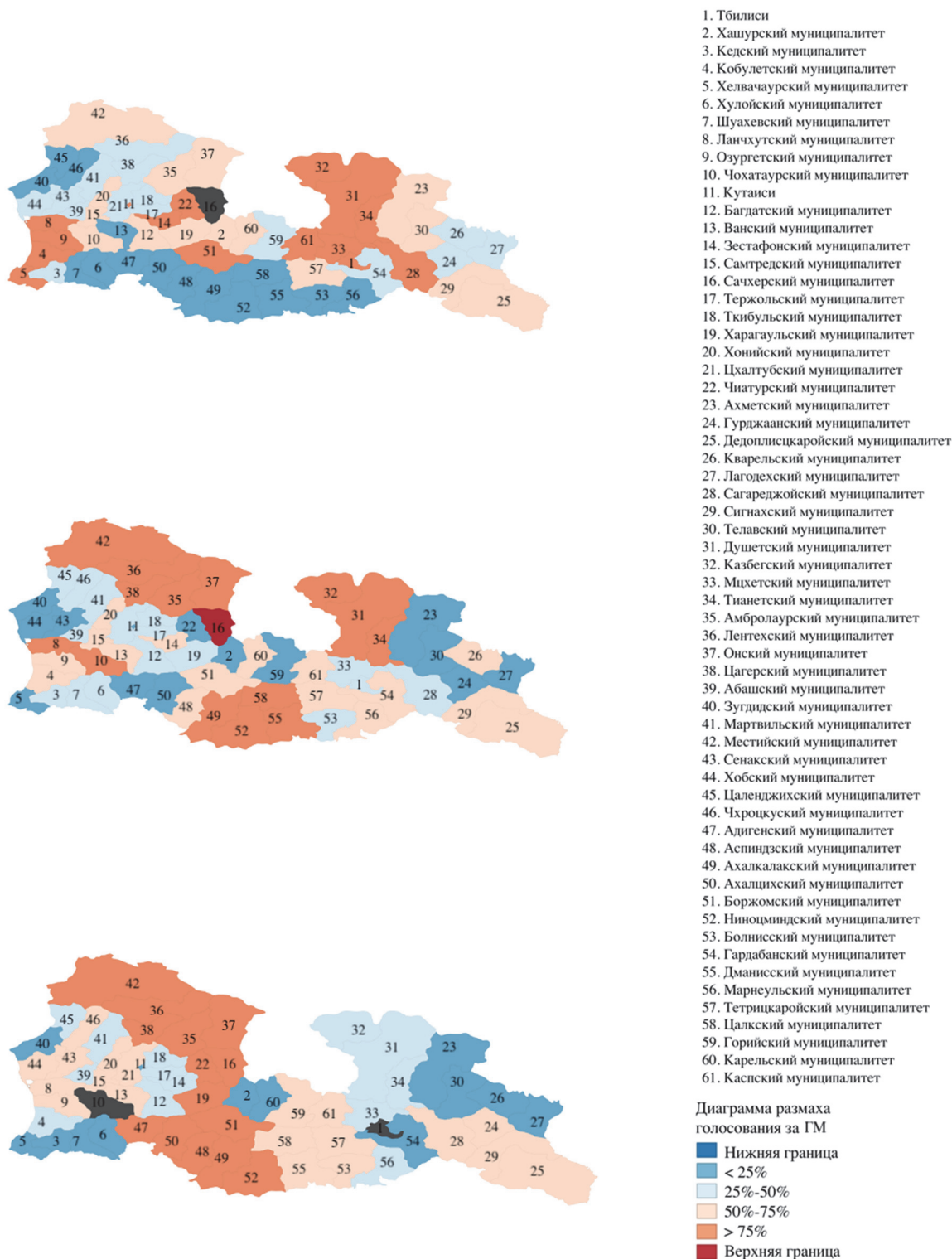

Рис. 1. Динамика голосования за партию «Грузинская мечта» с 2012 по 2020 г.

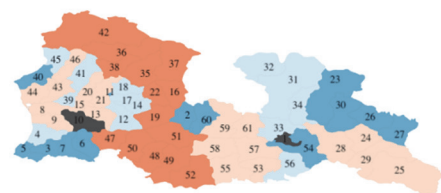
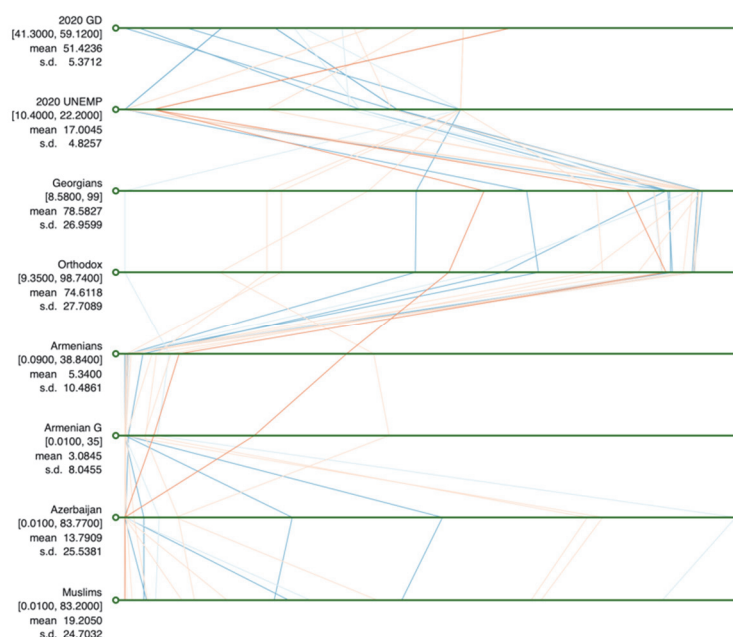
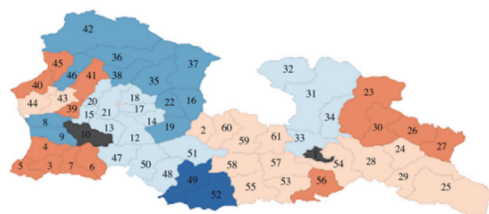
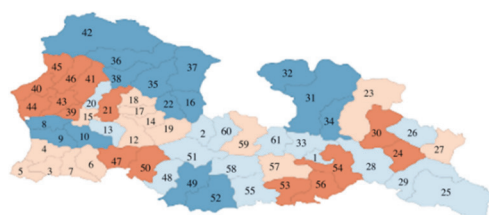
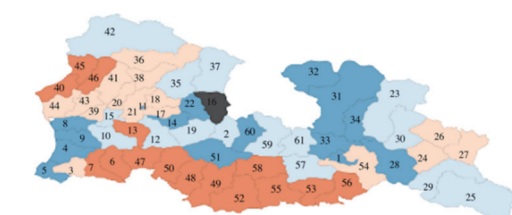

Рис. 2. Многофакторное районирование голосования за партию «Грузинская мечта» в 2020 г., процент безработицы, процент грузинского, армянского и азербайджанского населения, а также процент представителей православной, армянской православной церквей и ислама

1. Тбилиси
2. Хаптурский муниципалитет
3. Кедабский муниципалитет
4. Кобулетский муниципалитет
5. Хелвачаурский муниципалитет
6. Хулоиский муниципалитет
7. Шуахевский муниципалитет
8. Лаичхутский муниципалитет
9. Озургетский муниципалитет
10. Чохатаурский муниципалитет
11. Кутаиси
12. Багдатский муниципалитет
13. Ванский муниципалитет
14. Зестафонский муниципалитет
15. Самтредский муниципалитет
16. Самцхерский муниципалитет
17. Теракский муниципалитет
18. Тбилисский муниципалитет
19. Харагаулский муниципалитет
20. Хонийский муниципалитет
21. Цхалтубский муниципалитет
22. Чхатарский муниципалитет
23. Ахметский муниципалитет
24. Гурджаанский муниципалитет
25. Дедоплицарский муниципалитет
26. Кварельский муниципалитет
27. Лагодехский муниципалитет
28. Сагареджский муниципалитет
29. Сигнахский муниципалитет
30. Телавский муниципалитет
31. Душетский муниципалитет
32. Казбегский муниципалитет
33. Мцхетский муниципалитет
34. Тيانетский муниципалитет
35. Ахалкалакский муниципалитет
36. Лентехский муниципалитет
37. Овский муниципалитет
38. Цахурский муниципалитет
39. Абашский муниципалитет
40. Зугдидский муниципалитет
41. Мартвильский муниципалитет
42. Местийский муниципалитет
43. Сенакский муниципалитет
44. Хобский муниципалитет
45. Цаленджикский муниципалитет
46. Чхорукский муниципалитет
47. Аджарский муниципалитет
48. Аспиндзский муниципалитет
49. Ахалкалакский муниципалитет
50. Ахалцхский муниципалитет
51. Боржомский муниципалитет
52. Новоцонский муниципалитет
53. Болнисский муниципалитет
54. Гардабанский муниципалитет
55. Дманисский муниципалитет
56. Мариульский муниципалитет
57. Тетрицарский муниципалитет
58. Цалский муниципалитет
59. Горийский муниципалитет
60. Карельский муниципалитет
61. Каспский муниципалитет

Диаграмма размаха
голосования за ЕНД

- Нижняя граница
- < 25%
- 25%-50%
- 50%-75%
- > 75%
- Верхняя граница

Рис. 3. Динамика голосования за партию «Единое национальное движение» с 2012 по 2020 г.

В случае с Аджарией это связано с разочарованием политикой ГМ в отношении региона и его муниципалитетов, которая в 2012 г. обещала решить экономические проблемы региона (в том числе вопросы возможности реализации цитрусовых в России [30]), чего не произошло. Что касается выборов 2020 г., то одним из факторов, который способствовал росту поддержки ЕНД как оппозиции правящей ГМ в этих регионах, являлась пандемия, которая показала неспособность правительства справиться с кризисом. ЕНД не преминула этим воспользоваться и заявляла, что если бы премьер-министром был представитель от ЕНД, то высокого уровня смертности удалось бы избежать [31]. Более того, Аджария, в частности, пострадала экономически из-за снижения потока туристов: владельцы небольших отелей этого туристического региона не могли расплатиться по кредитам. Что до причин поддержки ЕНД в Кахетии, одной из них является ее поддержка протестных акций виноградарей Грузии, вызванных низкими ценами на виноград [32].

В электоральном цикле 2020 г. отмечается в целом снижение поддержки данной партии. Отчасти, это можно связать с расколом в самой партии (так, после поражения на парламентских выборах 2016 г. Давид Бакрадзе покинул партию и создал собственную – «Европейская Грузия», а Зураб Джапаридзе создал партию «Гирчи»). Условно можно говорить о том, что юго-восточные муниципалитеты отдали предпочтение ЕНД, на юго-западе сильную поддержку оказывали следующие муниципалитеты: Батуми, Кеда, Хуло, Кобулет и Шуахеви. Муниципалитеты с преимущественно армянским населением практически перестали поддерживать данную партию на выборах (Ахалкалакский и Ниноцминдский муниципалитеты) (см. рис. 3).

В целом, можно говорить о том, что при голосовании наименьшую поддержку партии «Единое национальное движение» чаще всего оказывают северные, граничащие с Россией муниципалитеты, при этом граничащие с Абхазией муниципалитеты чаще всего оказывают высокий уровень поддержки рассматриваемой партии. В то же время эти муниципалитеты по этническому составу на более чем 90% являются грузинскими. Кроме того, с течением времени за четыре электоральных цикла поддержка партии в северных муниципалитетах лишь ослабевала.

Стоит перечислить основные пункты программы партии на парламентских выборах в 2020 г., когда партия выступала в рамках блока «Сила в единстве». По направлению здравоохранения и социальной сферы отмечалась необходимость увеличения минимальной пенсии до 400 лари, снижение цен на медикаменты в два раза, расширение программы социальной помощи, а также выплат 1 тысячи лари на третьего и следующего ребенка. На внешнеполитическом направлении партия выступала за вступление в НАТО, углубление сотрудничества с ЕС, расширение отношений с США и активизацию женевских переговоров. Напомним, что женевские дискуссии по безопасности и стабильности в Закавказье касаются поиска путей укрепления стабильности и безопасности на Южном Кавказе. В ходе

55-го раунда дискуссий не было достигнуто соглашения, поскольку Тбилиси отказывался включать в диалог Абхазию и Южную Осетию [33]. В экономической политике партия предлагала упразднить подоходный налог и налог на прибыль, а также отменить уголовную ответственность за неуплату налогов; в сельском хозяйстве – упростить регистрацию земли. Кроме того, партия выступала за внедрение в суды иностранных судей и за то, чтобы увеличить заработную плату полицейским [34].

Как видно на рис. 4, высокий уровень поддержки партии ЕНД оказывали муниципалитеты с высоким уровнем безработицы (партия в ходе электоральной кампании неустанно винила правящую партию в неудачах в области экономической и социальной политики, обещая улучшение благосостояния граждан в случае прихода к власти), а также муниципалитеты с более высоким процентом азербайджанского населения, чего нельзя сказать об армянском населении: в двух муниципалитетах с преимущественно армянским населением (Ахалкалакский и Ниноцминдский муниципалитет) поддержка партии наиболее низкая (ниже 5%).

Наконец, рассмотрим динамику электоральной поддержки партии «Альянс патриотов Грузии» (рис. 5). Здесь сделаем оговорку, что автор рассматривает два электоральных цикла (2016 и 2020 гг.), поскольку партия была создана в декабре 2012 г. и, соответственно, не принимала участие в электоральной кампании 2012 г., прошедшей в октябре того же года.

На картограмме голосования за партию «Альянс патриотов Грузии» в 2020 г. виден ряд изменений, причем выделяются группы муниципалитетов, которые являются составными частями регионов Грузии и которые складываются в своего рода кластеры поддержки партии. Так, например, активную поддержку партии оказывали муниципалитеты, находящиеся в регионе Самцхе-Джавахети, в котором половину населения составляют армяне, – это Ахалкалакский и Ниноцминдский муниципалитеты. Чуть меньшую поддержку партии оказывали муниципалитеты края Мцхета-Мтианети, граничащие с республиками Чечня и Дагестан. Кроме того, высокий уровень поддержки партии был в части муниципалитетов Аджарии (Кедский, Хулойский и Шуахевский). Наименьшая поддержка партии наблюдалась в части муниципалитетов края Квемо-Картли, в которых более 40% населения составляют азербайджанцы.

В целом можно говорить о том, что партия получает широкую поддержку в приграничных с Россией муниципалитетах региона Мцхета-Мтианети, тогда как остальные приграничные территории, особенно с большим сванским населением, делящие границу и с Абхазией, и с Южной Осетией, партию поддерживают, но значительно меньше. Также партию в 2020 г. стали поддерживать муниципалитеты, граничащие с Турцией (Аджария и частично Самцхе-Джавахети) и Арменией (Самцхе-Джавахети и Квемо-Картли).

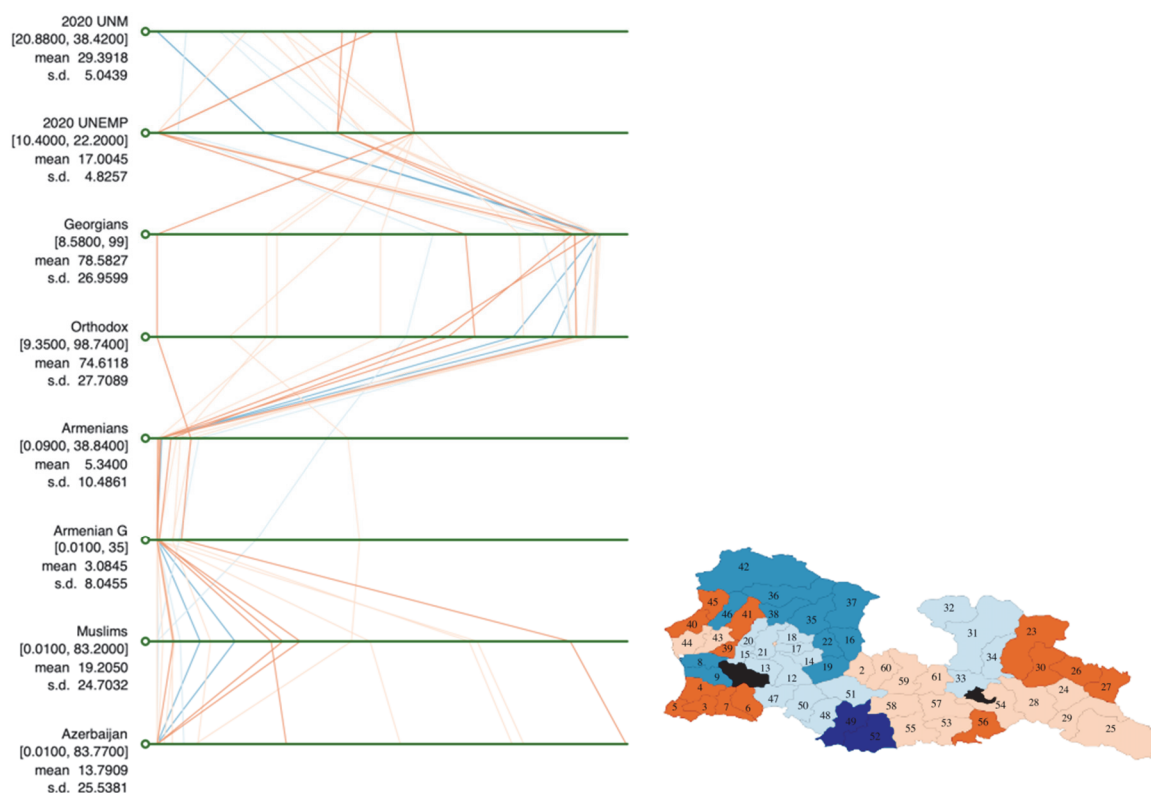

Рис. 4. Многофакторное районирование голосования за партию «Единое национальное движение» в 2020 г., процент безработицы, процент грузинского, армянского и азербайджанского населения, а также процент представителей православной, армянской православной церкви и ислама

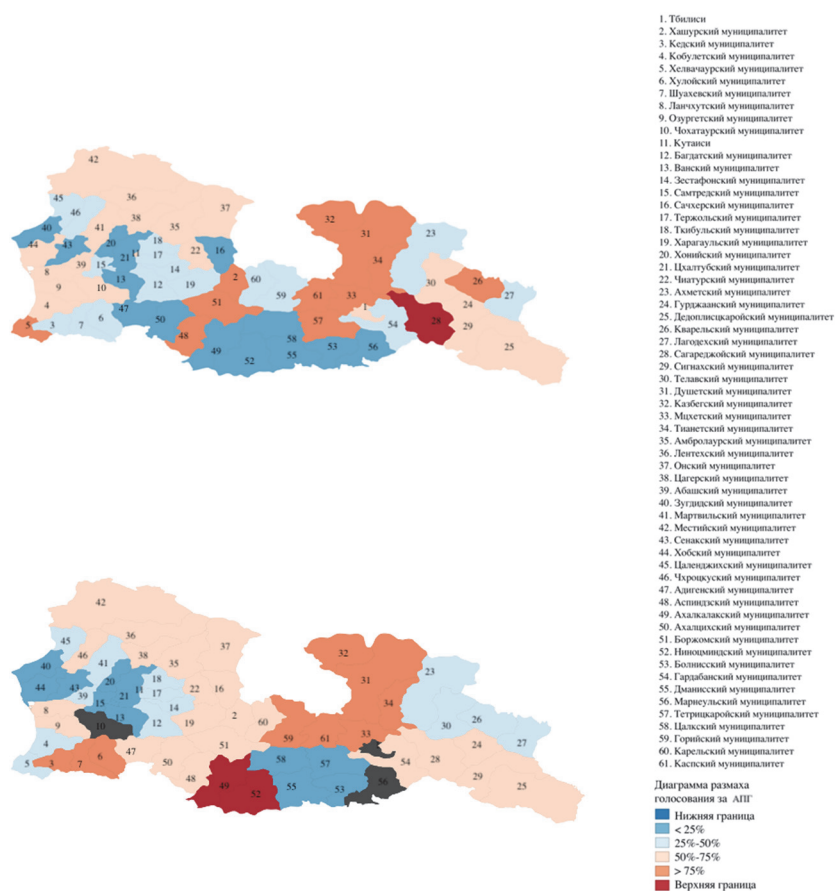

Рис. 5. Динамика голосования за партию «Альянс патриотов Грузии» с 2016 по 2020 г.

Что касается программы партии, то партия активно выступала против заселения Абхазии гражданами Турции, а также за налаживание отношений с Россией. Партия видит себя оппозиционной по отношению к «Единому национальному движению» и пыталась провести в парламенте его запрет. Кроме того, партия добилась запрета на продажу сельскохозяйственных земель иностранцам. С точки зрения внешней политики партия выступает против интеграции в НАТО и за ведение прямого диалога с Сухуми и Цхинвали [35]. Более того, в 2021 г. партия «Альянс патриотов Грузии» обращалась к В.В. Путину с просьбой о содействии в урегулировании отношений с Россией [36].

Отметим и четко прослеживающиеся паттерны голосования за партию «Альянс патриотов Грузии» (рис. 6): наиболее высокая поддержка партии в тех муниципалитетах, в которых наблюдался меньший уровень безработицы, а также, учитывая идеологические особенности рассматриваемой партии, в тех муниципалитетах, на которые и была таргетирована электоральная кампания партии и в которых больше всего проживает армян, русских и осетин (Ахалкалакский и Ниноцминдский, а также Боржомский муниципалитеты). Безусловно, муниципалитеты с большим процентом осетин оказывают высокий уровень поддержки

партии (Сачхерский, Ахметский, Душетский, Казбегский, Мцхетский, Онский, а также все муниципалитеты региона Шида-Картли).

Итак, в целом можно сделать следующие выводы. Можно говорить о том, что выбор той или иной партии в Грузии обусловлен в том числе пространственным фактором и голосование зависит среди прочего и от этнического и религиозного состава муниципалитетов, а также непосредственно от того, с каким государством граничит тот или иной муниципалитет. Если говорить о партии «Единое национальное движение», то она имеет небольшой уровень поддержки вдоль российского приграничья (за исключением Кахетии). Кроме того, наблюдается малая поддержка партии в муниципалитетах с армянским населением, тогда как на приграничье с Турцией партия получает широкую поддержку. Ввиду своего оппозиционного положения ЕНД критикует действия правящей партии и привлекает на свою сторону муниципалитеты с высоким уровнем безработицы. Что до динамики поддержки данной партии, то если во время электорального цикла 2012 г. партию поддерживали южные муниципалитеты, к 2020 г. они все меньше отдавали партии свои голоса, при этом для 2020 г. характерным стала поддержка партии в Кахетии, чего не наблюдалось в предыдущие два электоральных цикла.

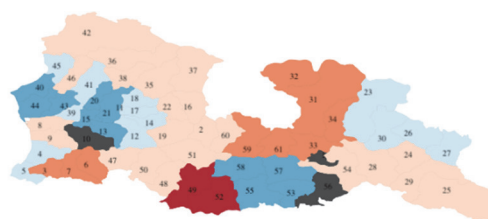
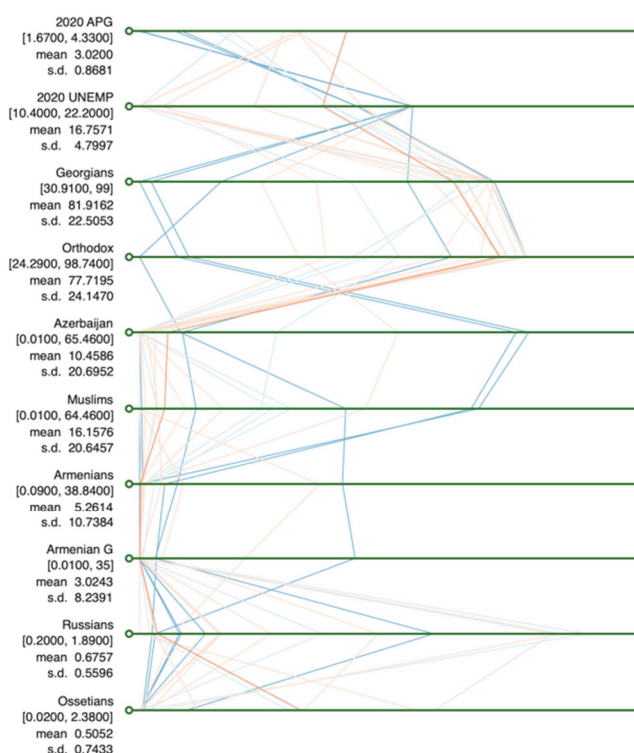

Рис. 6. Многофакторное районирование голосования за партию «Альянс патриотов Грузии» в 2020 г., процент безработицы, процента грузинского, армянского, азербайджанского, русского и осетинского населения, а также процент представителей православной, армянской православной церкви и ислама

Что касается партии «Грузинская мечта», то если говорить о приграничье с Россией, партию поддерживает грузинское население, проживающее в муниципалитетах, граничащих с Абхазией и Южной Осетией, что отчасти можно связать с заявлениями партии о восстановлении территориальной целостности государства.

При этом поддержка в Мцхета-Мтианети и Кахетии у партии невысокая. Кроме того, низкая поддержка партии отмечалась по границе с Турцией, что может быть связано с тем, что партия выступает за расширение экономических и политических связей с Турцией в части привлечения турецких инвестиций, строительства

нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан и стратегической трассы Баку–Тбилиси–Карс, что не находит широкой поддержки населения. С течением времени в 2020 г. регион Мцхета-Мтианетия перестала поддерживать партию, чего не наблюдалось в предыдущие два электоральных цикла, а регион Кахетия, перейдя на сторону ЕНД, перестал поддерживать партию еще в электоральном цикле 2016 г., что повторилось и в 2020 г.

Наконец, тенденции голосования за партию «Альянс патриотов Грузии» показывают, что поддержку

партии оказывают как муниципалитеты на российском приграничье, так и на границе с Турцией и Арменией, что также объясняется конфессиональными, этническими, политическими и экономическими причинами. С точки зрения динамики поддержки партии муниципалитетами, она снизилась в муниципалитетах региона Самегрело-Верхняя Сванетия, при этом в ходе электорального цикла 2020 г. ее стали поддерживать, например, муниципалитеты региона Самцхе-Джавахетия, чего не было в 2016 г.

Примечания

¹ См., например, использование многофакторного районирования на основе диаграммы параллельных координат [21].

Список источников

1. Результаты парламентских выборов 2020 г. // ЦИК Грузии. URL: <https://cesko.ge/geo/static/1587/saparlamento-archevnebi> (дата обращения: 10.02.2021).
2. Preliminary results, October 31, 2020 Parliamentary Elections in Georgia // CEC. URL: https://results.cec.gov.ge/#/en-us/election_43/path=election_43/dashboard (дата обращения: 15.02.2021).
3. Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge : Cambridge University Press, 1976.
4. Чедия Б. Политические партии Грузии в процессе транзисии страны // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19, № 4. С. 30–38.
5. Лесков Р.В. Трансформация политического процесса в Грузии // Научно-аналитический журнал «Обозреватель – Observer». 2009. № 8 (235). С. 75–85.
6. Гегелашвили Н.А. Грузия после парламентских выборов // Россия и новые государства Евразии. 2016. № 4 (33). С. 71–80.
7. Федоровская И.М. Парламентские выборы в Грузии: убедительная победа «Грузинской мечты» // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 1 (34). С. 109–117.
8. Айвазян А.С. Южный Кавказ 2020 г.: экономический кризис и политическая нестабильность // Европейский Союз: факты и комментарии. 2020. № 101. С. 105–108.
9. Opposition parties in Georgia sign joint statement renouncing their seats in parliament // JAM news. 2020. 03 November. URL: <https://jam-news.net/georgia-document-nika-melia-opposition-parliament-boycott-national-movement-lelo/> (дата обращения: 20.02.2021).
10. Thousands rally in Georgia's Tbilisi against election results // Aljazeera. 2020. 14 November. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/11/14/thousands-rally-in-tbilisi-to-protest-election-results> (дата обращения: 20.02.2021).
11. Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник : в 4 т. Т. 1: Европа / МГИМО (У) МИД России, ИНОП ; гл. ред. А.В. Торкунов ; науч.ред. А.Ю. Мельвиль ; отв.ред. М.Г. Миронюк. М. : Аспект-Пресс, 2012. 616 с.
12. Sichinava D. Cleavages, electoral geography, and the territorization of political parties in the Republic of Georgia // Eurasian Geography and Economics. 2018. doi: 10.1080/15387216.2018.1442734
13. Sichinava D. Cleavage Theory and the Electoral geographies of Georgia // Ghia Nodia, Christoph H. Stefes (Eds) Security, Democracy and Development in the Southern Caucasus and the Black Sea Region. Bern : Peter Lang, 2015. P. 27–44.
14. Chkhaidze V., Gogsadze G., Salukvadze J., Sichinava D. General characteristics and regional patterns of electoral behavior: 2008 presidential elections in Georgia // Region and regionalism. 2008. № 9. P. 65–78.
15. Sikharulidze A.T. From “Countering” to “Constructing” Russian Threats in Mikheil Saakashvili’s Georgia // Journal of International Analytics. 2022. Vol. 13. № 2. P. 59–78.
16. Karpovich O., Nogmova A., Aleksanyan L. Contemporary political process in Georgia // Central Asia and the Caucauses. 2019. Vol. 20, № 4. P. 51–61.
17. Федоровская И.М. Политическая ситуация в Грузии: муниципальные выборы на фоне возвращения М. Саакашвили // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 4 (53). С. 87–96.
18. Федоровская И.М. К итогам парламентских выборов в Грузии // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 4 (49). С. 175–184.
19. Шестакова М.Н. Территориальная дифференциация общественных настроений в современной Грузии (опыт социологического опроса) // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7, № 2. С. 146–157.
20. Окунев И.Ю. Основы пространственного анализа. М. : Аспект-Пресс, 2020. 255 с.
21. Захарова Е.А. Влияние административно-территориальной реформы на электоральное поведение во Франции // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 3 (66). С. 123–146. doi: 10.17994/IT.2021.19.3.66.5
22. Жирнова Л.С. Региональные тенденции электоральной поддержки латвийских партий: фактор соседства // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 1. С. 138–158.
23. Захарова Е.А. Электоральные процессы в фюльке Норвегии через призму пространственного анализа // Псковский регионологический журнал. 2021. № 1 (45). С. 110–125.
24. Виноградов В.В. Казахстан как часть постсоветского пространства: особенности электорального процесса // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9, № 3 (33). С. 166–180.
25. Окунев И.Ю., Горелова Ю.С., Груздева Е.Е. Региональные особенности электорального поведения в Польше: опыт сравнительного пространственного анализа // Сравнительная политика. 2021. Т. 12, № 1. С. 149–160.
26. Остапенко Г.И. «Динамика» и «статика» парламентских выборов в Монголии сквозь призму электорального анализа // Известия Восточного института. 2020. № 4 (48). С. 37–52.
27. Окунев И.Ю., Шматкова Л.С. Эффект соседства в Большой Евразии: пространственный автокорреляционный и кластерный анализ // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2021. Т. 37. С. 58–65.
28. Грузинская мечта представила свою предвыборную программу // Новостной портал Civil.ge. 2020. 2 октября. URL: <https://civil.ge/ru/archives/372727> (дата обращения: 01.03.2022).
29. Токарев А.А., Дегтев А.С., Маргоев А.Р. Непотерянное для России государства // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 4 (49). С. 148–164.
30. Аджария: между сепаратизмом и исламом. О том, как сегодня живет автономная «жемчужина Грузии» // Lenta.ru. 2013. 10 июля. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/07/10/adjaria/> (дата обращения: 17.09.2022).

31. Пандемия повлияла на настроения избирателей в Батуми // Кавказский узел*. 2021. 29 сентября. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/368566/> (дата обращения: 15.01.2022).
32. Сбор винограда стал поводом для конфликта между правительством и ЕНД // Sputnik Грузия. 2015. 15 сентября. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20150915/228545412.html> (дата обращения: 17.07.2022).
33. Очередной раунд Женевских дискуссий по Закавказью закончился безрезультатно // ТАСС. 2021. 9 декабря. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13151573> (дата обращения: 28.02.2022).
34. Что обещает партия Саакашвили после выборов? Коротко и ясно // Sputnik Грузия. 2020. 09 октября. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20201009/Chto-obeschaet-partiya-Saakashvili-posle-vyborov-Korotko-i-yasno--249673989.html> (дата обращения: 26.02.2022).
35. «Альянс патриотов Грузии» – справка // Sputnik Грузия. 2020. 26 октября. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20201026/Alyans-patriotov-Gruzii--spravka-249809142.html> (дата обращения: 01.03.2022).
36. Партия «Альянс патриотов Грузии» обратилась с просьбой к Путину // РИА Новости. 2021. 03 августа. URL: <https://ria.ru/20210803/prosba-1744135967.html> (дата обращения: 01.03.2022).

References

1. Central Election Commission of Georgia. (2021) *Rezultaty parlamentnykh vyborov 2020 g.* [Results of the 2020 parliamentary election]. [Online] Available from: <https://cesko.ge/geo/static/1587/saparlamento-archevnebi> (Accessed: 10.02.2021).
2. CEC. (2020) *Preliminary results, October 31, 2020 Parliamentary Elections in Georgia*. [Online] Available from: https://results.cec.gov.ge/#/enus/election_43;path=election_43/dashboard (Accessed: 15.02.2021).
3. Sartori, G. (1976) *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Chediya, B. (2016) Politicheskie partii Gruzii v protsesse tranzitsii strany [Political parties of Georgia in the country's transition]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 19 (4). pp. 30–38.
5. Leskov, R.V. (2009) Transformatsiya politicheskogo protsessa v Gruzii [Transformation of the political process in Georgia]. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal obozrevatel' – Observer*. 8 (235). pp. 75–85.
6. Gegelashvili, N.A. (2016) Gruzia posle parlamentnykh vyborov [Georgia after the parliamentary elections]. *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii*. 4 (33). pp. 71–80.
7. Fedorovskaya, I.M. (2017) Parlamentnye vybory v Gruzii: ubeditel'naya pobeda “Gruzinskoj mechy” [Parliamentary elections in Georgia: a convincing victory of Georgian Dream]. *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii*. 1 (34). pp. 109–117.
8. Ayvazyan, A.S. (2020) Yuzhnyy Kavkaz 2020 g.: ekonomicheskii krizis i politicheskaya nestabil'nost' [South Caucasus 2020: economic crisis and political instability]. *Evropeyskiy Soyuz: fakty i kommentarii*. 101. pp. 105–108.
9. JAM News. (2020) *Opposition parties in Georgia sign joint statement renouncing their seats in parliament*. 03 November. [Online] Available from: <https://jam-news.net/georgia-document-nika-melia-opposition-parliament-boycott-national-movement-lelo/> (Accessed: 20.02.2021).
10. Aljazeera. (2020) *Thousands rally in Georgia's Tbilisi against election results*. 14 November. [Online] Available from: <https://www.aljazeera.com/news/2020/11/14/thousands-rally-in-tbilisi-to-protest-election-results> (Accessed: 20.02.2021).
11. Torkunov, A.V. et al. (eds) (2012) *Politicheskie sistemy sovremennykh gosudarstv: Entsiklopedicheskiy spravochnik: v 4 t.* [Political systems of modern states: Encyclopedic reference book: in 4 volumes]. Vol. 1. Moscow: Aspekt Press.
12. Sichinava, D. (2018) Cleavages, electoral geography, and the territorization of political parties in the Republic of Georgia. *Eurasian Geography and Economics*. doi: 10.1080/15387216.2018.1442734
13. Sichinava, D. (2015) Cleavage Theory and the Electoral geographies of Georgia. In: Nodia, G. & Stefes, C.H. (eds) *Security, Democracy and Development in the Southern Caucasus and the Black Sea Region*. Bern: Peter Lang. pp. 27–44.
14. Chkhaidze, V. et al. (2008) General characteristics and regional patterns of electoral behavior: 2008 presidential elections in Georgia. *Region and Regionalism*. 9. pp. 65–78.
15. Sikharulidze, A.T. (2022) From “Countering” to “Constructing” Russian Threats in Mikheil Saakashvili's Georgia. *Journal of International Analytics*. 13 (2). pp. 59–78.
16. Karpovich, O., Nogmova, A. & Aleksanyan, L. (2019) Contemporary political process in Georgia. *Central Asia and the Caucasus*. 20 (4). pp. 51–61.
17. Fedorovskaya, I.M. (2021) Politicheskaya situatsiya v Gruzii: munitsipal'nye vybory na fone vozvrashcheniya M. Saakashvili [Political situation in Georgia: municipal elections against the backdrop of the return of M. Saakashvili]. *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii*. 4 (53). pp. 87–96.
18. Fedorovskaya, I.M. (2020) K itogam parlamentnykh vyborov v Gruzii [On the results of the parliamentary election in Georgia]. *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii*. 4 (49). pp. 175–184.
19. Shestakova, M.N. (2021) Territorial'naya differentsiatsiya obshchestvennykh nastroyeniy v sovremennoy Gruzii (opyt sotsiologicheskogo oprosa) [Territorial differentiation of public sentiments in modern Georgia (experience of a sociological survey)]. *Sotsial'nye i humanitarnye znaniya*. 7 (2). pp. 146–157.
20. Okunev, I.Yu. (2020) *Osnovy prostranstvennogo analiza* [Fundamentals of spatial analysis]. Moscow: Aspekt-Press.
21. Zakharova, E.A. (2021) Vliyaniye administrativno-territorial'noy reformy na elektoral'noye povedeniye vo Frantsii [The influence of administrative-territorial reform on electoral behavior in France]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 19:3 (66). pp. 123–146. doi: 10.17994/IT.2021.19.3.66.5
22. Zhirnova, L.S. (2022) Regional'nye tendentsii elektoral'noy podderzhki latviyskikh partiy: faktor sosedstva [Regional trends in electoral support for Latvian parties: the neighborhood factor]. *Baltiyskiy region*. 14 (1). pp. 138–158.
23. Zakharova, E.A. (2021) Elektoral'nye protsessy v fyl'ke Norvegii cherez prizmu prostranstvennogo analiza [Electoral processes in a county of Norway through the prism of spatial analysis]. *Pskovskiy regionologicheskii zhurnal*. 1 (45). pp. 110–125.
24. Vinogradov, V.V. (2020) Kazakhstan kak chast' postsovetского prostranstva: osobennosti elektoral'nogo protsessa [Kazakhstan as part of the post-Soviet space: features of the electoral process]. *Evraziyskiy Soyuz: voprosy mezhdunarodnykh otnosheniy*. 9:3 (33). pp. 166–180.
25. Okunev, I.Yu., Gorelova, Yu.S. & Gruzdeva, E.E. (2021) Regional'nye osobennosti elektoral'nogo povedeniya v Pol'she: opyt sravnitel'nogo prostranstvennogo analiza [Regional features of electoral behavior in Poland: experience of comparative spatial analysis]. *Sravnitel'naya politika*. 12 (1). pp. 149–160.
26. Ostapenko, G.I. (2020) “Dinamika” i “statika” parlamentnykh vyborov v Mongolii skvoz' prizmu elektoral'nogo analiza [“Dynamics” and “statics” of parliamentary elections in Mongolia through the prism of electoral analysis]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 4 (48). pp. 37–52.
27. Okunev, I.Yu. & Shmatkova, L.S. (2021) Effekt sosedstva v Bol'shoy Evrazii: prostranstvennyy avtokorrelatsionnyy i klasternyy analiz [Neighborhood effect in Greater Eurasia: spatial autocorrelation and cluster analysis]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 37. pp. 58–65.
28. Civil.ge. (2020) *Gruzinskaya mecha predstavila svoju predvybormuyu programmu* [Georgian Dream presented its election program]. 2 October. [Online] Available from: <https://civil.ge/ru/archives/372727> (Accessed: 01.03.2022).

* Сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой коммуникации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

29. Tokarev, A.A., Degtev, A.S. & Margoev, A.R. (2016) Nepoteryannye dlya Rossii gosudarstva [States not lost for Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 4 (49). pp. 148–164.
30. Lenta.ru. (2013) *Adzhariya: mezhdue separatizmom i islamom. O tom, kak segodnya zhivet avtonomnaya "zhemchuzhina Gruzii"* [Adjara: between separatism and Islam. On how the autonomous "pearl of Georgia" lives today]. 10 July. [Online] Available from: <https://lenta.ru/articles/2013/07/10/adjaria/> (Accessed: 17.09.2022).
31. Kavkazskiy uzel. (2021) *Pandemiya povliyala na nastroyeniya izbirateley v Batumi* [The pandemic affected the mood of voters in Batumi]. 29 September. [Online] Available from: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/368566/> (Accessed: 15.01.2022).
32. Sputnik Gruzija. (2015) *Sbor vinograda stal povodom dlya konflikta mezhdue pravitel'stvom i END* [The grape harvest became the reason for the conflict between the government and the UNM]. 15 September. [Online] Available from: <https://sputnik-georgia.ru/20150915/228545412.html> (Accessed: 17.07.2022).
33. TASS. (2021) *Ocherednoy raund Zhenevskikh diskussiy po Zakavkaz'yu zakonchilsya bezrezul'tatno* [The next round of Geneva discussions on Transcaucasia ended without result]. 9 December. [Online] Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13151573> (Accessed: 28.02.2022).
34. Sputnik Gruzija. (2020) *Chto obeshchaet partiya Saakashvili posle vyborov? Korotko i yasno* [What does Saakashvili's party promise after the election? Briefly and clearly]. 09 October. [Online] Available from: <https://sputnik-georgia.ru/20201009/Chto-obeschaet-partiya-Saakashvili-posle-vyborov-Korotko-i-yasno--249673989.html> (Accessed: 26.02.2022).
35. Sputnik Gruzija. (2020) *"Al'yans patriotov Gruzii" - spravka* [Alliance of Patriots of Georgia – information]. 26 October. [Online] Available from: <https://sputnik-georgia.ru/20201026/Alyans-patriotov-Gruzii---spravka-249809142.html> (Accessed: 01.03.2022).
36. RIA Novosti. (2021) *Partiya "Al'yans patriotov Gruzii" obratilas' s pros'boy k Putinu* [The Alliance of Patriots of Georgia party made a request to Putin]. 03 August. [Online] Available from: <https://ria.ru/20210803/prosba-1744135967.html> (Accessed: 01.03.2022).

Информация об авторе:

Захарова Е.А. – канд. полит. наук, старший научный сотрудник Центра пространственного анализа международных отношений Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (Москва, Россия). E-mail: e.zakharova@inno.mgimo.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Zakharova, Cand. Sci. (Political Science), senior research fellow, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: e.zakharova@inno.mgimo.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.09.2022;
одобрена после рецензирования 02.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.*

*The article was submitted 23.09.2022;
approved after reviewing 02.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.*

Научная статья
УДК 316.422
doi: 10.17223/15617793/499/9

Оценка регулятивных издержек бизнеса в сфере контрольной (надзорной) деятельности: социологический анализ

Владимир Николаевич Южаков¹, Елена Викторовна Масленникова²

^{1, 2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

¹ yuzhakov-vn@ranepa.ru

² m_elena_v@mail.ru

Аннотация. Проводится анализ результатов мониторинговых социологических исследований, связанных с оценкой результатов реформирования контрольно-надзорной деятельности представителями бизнеса. Показаны результаты социологического опроса представителей бизнеса с применением многоступенчатой квотной выборки объемом в 1 000 человек. Исследованы регулятивные издержки бизнеса, которые возникают в результате соблюдения обязательных требований, при взаимодействии с контрольными (надзорными) органами.

Ключевые слова: государственный контроль, надзор, регулятивные издержки, административные барьеры, реформа контрольно-надзорной деятельности, социологический опрос, материальные издержки, временные издержки, бизнес

Для цитирования: Южаков В.Н., Масленникова Е.В. Оценка регулятивных издержек бизнеса в сфере контрольной (надзорной) деятельности: социологический анализ // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 80–93. doi: 10.17223/15617793/499/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/9

Assessment of regulatory costs of business in the field of control (supervisory) activities: A sociological analysis

Vladimir N. Yuzhakov¹, Elena V. Maslennikova²

^{1, 2} Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

¹ yuzhakov-vn@ranepa.ru

² m_elena_v@mail.ru

Abstract. The effectiveness of the control (supervision) reform is assessed by a number of indicators, but among them there are not enough indicators that indicate the attitude of citizens and businesses to the changes taking place. The use of sociological methods makes it possible to measure statistical data in the field of control (supervision) and the opinions of citizens and business representatives on the degree of achievement of the goals of state control and respond to existing problems in a timely manner. The aim of the article is to analyze the regulatory costs of business in interaction with control (supervisory) bodies and identify dynamics, problem areas and possible solutions. In March 2023, a sociological survey of business representatives was conducted, a multi-stage quota sample of 1000 people was used. Surveys using a similar methodology were implemented in 2017 and 2020–2022. Compliance with mandatory requirements by controlled persons requires not only resources, but also the perception of mandatory requirements as necessary and sufficient, leading to a reduction in the risks of harm. In 2023, the highest percentage of positive responses regarding the need for mandatory requirements is recorded. The survey of 2023, in comparison with the previous rounds, demonstrated a reduction in time spent on control (supervisory) activities. The results of the conducted research show that for 74.3% of the respondents, the operating mode of the organization remained unchanged during control (supervisory) activities. Since 2017, the share of respondents who had no material costs during the control (supervision) has increased by 9.8 percentage points. The average material costs per inspection amounted to 126.9 thousand rubles, which is higher than the value received in 2022. The share of business representatives who noted the fact of informal payments during control and supervisory activities decreased by 3.5 times compared to 2017. The tax burden, compared with the results of the previous surveys, has increased business costs over the past year. A more prosperous situation is observed in terms of the administrative burden on the business. The regulatory burden (its various components) over the past year, according to 45.2% of respondents, remained unchanged; 46.9% of respondents indicated an increase. An important tool can be an assessment of the application of mandatory requirements with an analysis of the most and least violated ones, which will allow for more targeted control and supervisory measures and will optimize business costs.

Keywords: state control, supervision, regulatory costs, administrative barriers, reform of control and supervisory activities, sociological survey, material costs, time costs, business

For citation: Yuzhakov, V.N. & Maslennikova, E.V. (2024) Assessment of regulatory costs of business in the field of control (supervisory) activities: A sociological analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 80–93. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/9

Введение

Инициация реформы государственного контроля (надзора) была связана как с проблемами взаимодействия контрольных (надзорных) органов и контролируемых лиц, так и с содержанием предъявляемых обязательных требований.

В первом случае проблема связана в большей степени с существовавшей идеологией государственного контроля. Ряд авторов, анализируя сложившуюся ранее ситуацию, отмечают элементы «палочной системы» контроля – ориентацию на такие количественные показатели, как суммы штрафов, проведенные проверки, выявленные нарушения и игнорирование административной нагрузки на бизнес в связи с проведением контрольно-надзорных мероприятий [1–3]. В стремлении сократить излишнее административное давление на бизнес и были определены цели реформы контрольно-надзорной деятельности, а их реализация базировалась на применении контрольно-надзорными органами (КНО) риск-ориентированного подхода.

Во втором случае источником проблемы виделось несовершенство законодательства, содержащего обязательные требования, а именно их неактуальность в текущих условиях, избыточность, отсутствие реальной ориентации на минимизацию рисков, образуемых деятельностью контролируемых лиц. Исследования этого пласта отношений в основном сконцентрированы в сфере юридических наук [4–6] и посвящены теме регуляторной гильотины. Несмотря на четкую связь с ревизией правовых актов, результатом применения механизма регуляторной гильотины становится экономически значимое сокращение регулятивных издержек для бизнеса как в целом для бизнес-среды, так и для отдельных отраслей или секторов экономики [7]. В этом направлении удачно соединились направления: практика КНО, связанная с инвентаризацией действующих и обязательных для бизнеса требований на предмет соответствия современным реалиям и исследований, анализирующих не только основания и механизмы отмены неактуальных нормативных актов в сфере надзора и контроля, но и обосновывающих принципы построения обновленной системы обязательных требований в соответствии с уровнем технологического развития и риск-ориентированным подходом [8–10].

Как и любое крупное преобразование, реформирование контрольной (надзорной) деятельности должно сопровождаться процедурой мониторинга и оценкой результатов на основе валидных данных. Интегральная оценка достижения целей реформы, с нашей точки зрения, должна учитывать позиции контролируемых лиц, основную массу которых составляет бизнес; граждан (как конечных бенефициаров); КНО; государства.

Анализ публикаций, посвященных оценке результативности и эффективности контрольной (надзорной)

деятельности, свидетельствует, что интересы бизнеса связывают в первую очередь со снижением административной нагрузки [11–13]. Необходимо отметить, что системного применения показателей, которые бы отражали достижение ключевых целей реформы, пока не существует, механизмы объективного контроля достоверности данных о значениях ключевых показателей результативности только еще формируются.

В этой связи актуальность приобретает оценка результативности КНД с позиции бизнеса.

Реформа контрольной и надзорной деятельности относится к числу приоритетных программ и проектов, реализуемых в России, и достаточно активно преобразует отношения, связывающие контролируемых лиц, контрольно-надзорные органы и граждан. Вступивший в силу с 01.07.2021 г. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее Закон № 248-ФЗ) ориентирует контрольно-надзорную деятельность (КНД) «на достижение общественно значимых результатов, связанных с минимизацией риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, вызванного нарушениями обязательных требований» [14]. Изменение сложившегося ранее понимания контроля (надзора) в иерархии приоритетов «от государства к отдельному человеку» [15, 16] происходит в последние несколько лет, что подтверждается не только политическими заявлениями, но и фактологией, в том числе данными социологических исследований. Поиск баланса между интересами граждан, а именно – минимизацией уровня ущерба охраняемым законом ценностям (ОЗЦ) и интересами бизнеса, связанными в том числе со снижением административной нагрузки, представляется сложной, многогранной задачей, требующей анализа сложившейся ситуации и выявления возможностей для оптимальных решений.

Заказчиками социологических исследований, объектом которых становились препятствия и сложности в деятельности бизнес-организаций, нередко являются специальные институты, агрегирующие интересы бизнеса. К результатам таких исследований можно отнести Индекс состояния бизнеса и экономики «Столыпин 2.0», формируемый Институтом экономики роста. Авторы исследования, анализируя оценку и восприятие бизнесом собственных экономических показателей, состояния экономики в целом и административную нагрузку в частности, приходят к выводам, что мораторий на проверки привел к положительным результатам: 9,2% респондентов сообщили о снижении административной нагрузки [17]. Исследования «Индекс административного давления», проводимые в рамках деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в России, в большей степени опираются на статистические, а не социологические данные [18]. Интерес представляют материалы Докладов о состоянии делового климата в России, подготовленные под эгидой

Российского союза промышленников и предпринимателей. Согласно опросам промышленников и предпринимателей, в 2022 г. «административная нагрузка выросла у четверти организаций, а у десятой части предприятий она сократилась... по сравнению с 2021 годом доля варианта “нагрузка выросла” опустилась на 14 п.п.» [19]. Оценка уровня административной нагрузки на бизнес некоторое время велась Аналитическим центром при Правительстве РФ через опросы представителей российского бизнеса. Всероссийский опрос предпринимателей (представителей малого и среднего бизнеса) проведен Аналитическим центром Национального агентства финансовых исследований [20].

Социологический анализ результатов КНД периодически проводится на региональном уровне. Например, в статье Е.П. Трошиной и Г.Х. Устиновой приводятся данные анкетирования представителей малого бизнеса Самарской области [21], в том числе исследуется отношение к результатам деятельности КНО и административным барьерам. На основе результатов социологических опросов предпринимателей в статье К.А. Устиновой проводится анализ региональных особенностей барьеров, отмечаемых представителями малого и среднего предпринимательства [22]. Анализ результатов социологических опросов при оценке влияния реформы КНД на развитие предпринимательства в Тверской области содержится в статье И.В. Вяткиной, Д.В. Розова, Г.Г. Скворцовой [23].

Тем не менее, необходимо отметить, что комплексных социологических исследований, посвященных анализу взаимодействия КНО и бизнеса; отношения бизнеса к существующим регулятивным издержкам в процессе КНД, явно недостаточно.

Применение социологических методов позволит соизмерить данные статистики в сфере КНД, мнения граждан и представителей бизнеса о степени достижения целей государственного контроля и своевременно реагировать на существующие проблемы [24].

Авторами статьи на основе разработанной и апробированной методологии проведены мониторинговые исследования, в том числе направленные на выявление на основе проведенного социологического опроса наиболее значимых, связанных с КНД регулятивных и иных ограничений развития частного бизнеса, издержек бизнеса.

Методология исследования

В марте 2023 г. Был проведен социологический опрос представителей бизнеса, применялась многоступенчатая квотная выборка объемом в 1 000 человек. Опросы по аналогичной методике реализованы в 2017, 2020–2022 гг. (отличия связаны со вступлением в силу Закона № 248-ФЗ и некоторыми изменениями в КНД, в том числе – введением новых терминов и административных процедур). Респондентами являлись представители таких предприятий, в отношении которых в 2021–2022 гг. проводились контрольные (надзорные) мероприятия. Критерии отбора респондентов включали: функционирование предприятия не менее трех

лет; осведомленность о содержании и ходе проведения контрольно-надзорных мероприятий на предприятии. Опрос проводился в 27 субъектах РФ. Погрешность полученных данных не превышает 3,1%.

Регулятивные издержки

Как правило, в широком смысле под понятием «регулятивные издержки» имеют в виду цену, которую платит бизнес за выполнение требований, предъявляемых государством, включая издержки на уплату налогов, отчетность, общение с контрольными и надзорными органами, получение разрешений, лицензий, квот, штрафы. Тем не менее термин не является устойчивым.

В качестве примера апробированного подхода можно привести опыт Аналитического центра при Правительстве РФ, который, в рамках реформы КНД, был разработан и применялся в 2017–2018 гг. к оценке административной нагрузки на организации и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность [25]. В рамках подхода предложено понимание административной нагрузки как нагрузки на бизнес, возникающей в связи с государственным контролем (надзором) при совокупности значимых с экспертной точки зрения практик взаимодействия контрольных (надзорных) органов с бизнесом. В число таких взаимодействий включены: подготовка и сдача обязательной отчетности; подготовка лицензионных требований, сертификатов, получение разрешений; соблюдение обязательных требований (ОТ); прохождение проверок; административные наказания; административные расследования, коррупция.

В нашей статье дается оценка материальных издержек, связанных со статусом контролируемых лиц в отношениях с контрольно-надзорными органами и необходимостью соблюдения обязательных требований, установленных законами, а также временных издержек, которые детерминированы взаимодействием с КНО. Методика исследования предполагает как выявление отношения к расходам в целом для выполнения всех уставленных ОТ, включая налоговые платежи, так и к расходам, дифференцированным по видам: связанные с уплатой налогов, сборов, социальных взносов; непосредственно связанные с реализацией ОТ; административные издержки. Например, расходы, связанные реализацией ОТ, могут включать содержание оборудования, оплату работы персонала, оплату помещений, закупку специальной продукции. Под административными издержками подразумеваются расходы, связанные с взаимодействием с органами государственной власти, органами местного самоуправления, в том числе при предоставлении необходимых данных в информационные системы, при отчетности, а также при взаимодействии в ходе проведения контрольно-надзорных мероприятий (КНМ).

Помимо интенсивности (количество КНМ, проводимых в отношении организации), измерению поддаются и трудозатраты, затраты времени и иные расходы, в том числе и неформальные платежи, связанные с проведением таких мероприятий [26].

В модели Standard cost manual (SCM) [27] административная нагрузка определяется в русле количественной методологии и трактуется как издержки, налагаемые на бизнес при выполнении информационных обязательств, определяемых государственным регулированием. Информационное обязательство – это обязанность (отказ от которой будет рассмотрен как нарушение законов) получать или подготавливать информацию и предоставлять ее (или хранить до запроса) в распоряжение либо государственного органа, либо третьей стороны. При этом речь не идет о соблюдении обязательных требований в терминах действующего российского законодательства. Так называемые обязательства по содержанию – легитимизированные требования органов власти к предприятиям и частным лицам выполнять некие действия

или избегать определенных действий или поведения в целях защиты общественных интересов – не имеют отношения в данной модели к понятию «административная нагрузка», но также подлежат оценке.

Один из основных показателей, влияющих на восприятие регулятивных издержек бизнесом, – количество контрольно-надзорных мероприятий, их продолжительность и трудоемкость с точки зрения контролируемых лиц.

По данным Минэкономразвития России, мораторий на проведение КНМ в 2022 г. затронул 100 видов федерального, 33 регионального, 7 муниципального контроля; но не распространяется на налоговые и таможенные проверки. В 2022 г. количество КНМ достигло минимума (рис. 1). Из общего количества в 2022 г. (339,1 тыс.) на КНМ, проводимые в соответствии с Законом № 248-ФЗ о контроле, приходилось 87,8% [28].

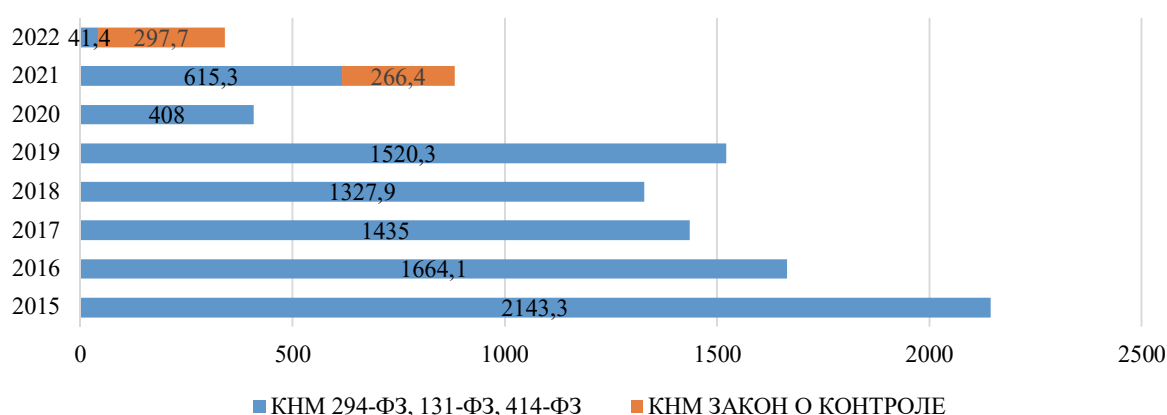

Рис. 1. Динамика количества проверок по годам, тыс. Источники данных: 2015–2018 гг. – 1С-контроль, 2019–2022 гг. – реестры проверок

Респонденты также отмечают снижение количества проверок, но необходимо отметить особенности методологического подхода: респондентами выступали представители бизнеса, в отношении которых за два

предшествующих года проводились КНМ. С учетом этого факта можно говорить о соответствии статистических данных и сложившегося восприятия опрошенными охвата проверками (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос о динамике общего числа КНМ

Ответ	2017 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
	Количество респондентов, чел.				
	1 000	1 000	1 000	1 000	1 000
Сократилось	27,0	17,7	27,6	25,9	36,2
Ничего не изменилось	48,9	53,8	44,7	51,2	43,4
Увеличилось	17,7	21,8	22,2	16,5	15,1
Трудно сказать	6,4	6,7	5,5	6,4	5,3

В качестве мер, снижающих административную нагрузку на субъекты хозяйственной деятельности, вносятся изменения, внесенные в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в отношении замены административного штрафа предупреждением за впервые совершенные административные правонарушения, выявленные в ходе контроля (надзора). Данные опросов свидетельствуют, что применение административных штра-

фов значительно уменьшилось: среди представителей бизнеса, в деятельности которых были выявлены нарушения, только 27,7% указали факт назначения штрафа (2023 г.) (табл. 2). Несмотря на то что последовательно снижается число респондентов, считающих крайне сложным или невозможным выполнение ОТ, оценка выполнения ОТ как несложного и достижимого действия практически не изменяется (табл. 3).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос о принятых КНО мерах

Ответ	2022 г.	2023 г.
	Количество респондентов, чел	
	360	376
Было выдано предостережение о недопустимости нарушений (либо предписание об устранении нарушений), административный штраф не назначался	52,5	69,7
Было выдано предписание об устранении нарушений и назначен административный штраф (на юридическое и(или) должностное лицо)	43,9	27,7
Была приостановлена деятельность предприятия до устранения нарушений (либо на конкретный срок)	1,9	1,1
Были приостановлены или отозваны ранее выданные разрешения, лицензии, дисквалифицированы должностные лица	–	0,3
Иное	0,6	0,5
Не ответили	1,1	0,7

Таблица 3

Распределение ответов респондентов при оценке сложности исполнения всех обязательных требований

Ответ	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
	Количество респондентов, чел. (данные приведены в % от количества респондентов, в деятельности предприятий которых были выявлены нарушения)			
	981	988	982	988
Крайне сложно или невозможно (например, выполнение отдельных ОТ требует кардинального изменения технологических процессов, реконструкции либо технического перевооружения производства, строительства новых производственных мощностей)	7,2	8,3	4,2	4,0
Скорее сложно (например, выполнение отдельных ОТ потребует существенных затрат – наем дополнительных сотрудников, закупка дополнительного оборудования и т.д., – что негативно скажется на конечной цене продукции, рентабельности бизнеса)	35,2	36,2	28,3	32,8
Скорее несложно (например, выполнение отдельных ОТ повлечет некоторые затраты, но в целом они не влияют на рентабельность бизнеса)	35,8	34,8	44,9	43,6
Совсем несложно (выполнение всех ОТ не требует значимых изменений в практике деятельности)	16,8	14,7	16,6	15,4
Затруднились ответить	5,0	6,0	6,0	4,2

Очевидно, что наличие ОТ предполагает необходимость определенных усилий и ресурсов для обеспечения хозяйствующими субъектами минимизации риска причинения вреда ОЗЦ. Понимание сущности таких требований и признание их необходимости и достаточности является залогом и условием доверия КНО, выбором бизнесом стратегии действий, основанной на добросовестном соблюдении ОТ при минимизации потенциальной выгоды от нарушений ОТ.

В табл. 4 проиллюстрирована положительная динамика при восприятии ОТ как необходимых и достаточных, ведущих к снижению рисков причинения вреда ОЗЦ: в 2023 г. фиксируется наибольший процент позитивных ответов. Но немногим больше 1/5 респондентов посчитали ОТ несоблюденными, не влияющими на уровень безопасности ОЗЦ, что говорит о потенциале дальнейшего развития в отношении ревизии ОТ.

Таблица 4

Распределение ответов об оценке необходимости и достаточности ОТ

Ответ	2017 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
	Количество респондентов, чел. (данные приведены в % от количества респондентов, которые в разной степени информированы об обязательных требованиях законодательства)				
	981	981	988	982	988
Требования являются избыточными, их выполнение не приводит к снижению рисков причинения вреда (рисков причинения ущерба жизни, здоровью, имуществу граждан, окружающей среде и т.д.), но приводит к возникновению избыточных расходов	29,0	35,0	32,5	24,7	21,3
Требования являются достаточными и необходимыми, их выполнение приводит к снижению рисков причинения вреда до необходимого уровня	59,6	55,5	56,0	62,8	70,1
Требования являются недостаточными, действующей регламентации не хватает для того, чтобы снизить риски причинения вреда до необходимого уровня	2,5	2,2	1,6	1,6	1,4
Затруднились ответить	8,9	7,3	9,9	10,9	7,2

Временные издержки

Среди временных издержек, влияющих на оценки представителями бизнеса результативности государственного контроля (надзора), можно назвать те, которые связаны с изменением стандартного режима труда; периоды времени, необходимые для подготовки к контрольно-надзорным мероприятиям и для взаимодействия с контрольно-надзорными органами (в том числе при предоставлении данных посредством информационных систем). Опрос 2023 г., в сравнении с предыдущими раундами,

продемонстрировал снижение временных затрат при проведении КНМ (табл. 5). Так у 45,0% респондентов затраты времени персонала составили 1 человеко-день и менее на одно КНМ, у 5,4% респондентов временные издержки отсутствовали, тем не менее 24,2% опрошенных указали, что затраченное время составляло 4 человеко-дня и более. Таким образом, с одной стороны, отмечается большее число контрольно-надзорных мероприятий, которые занимают 1 человеко-день и менее, с другой стороны, за последний год увеличивается количество КНМ, требующих больше времени на их проведение.

Таблица 5

Оценка представителями бизнеса затрат времени персонала во время проведения последнего завершенного КНМ
(в % от общего количества опрошенных)

Затраты времени	2017 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
	Количество респондентов, чел.				
	1 000	1 000	1 000	1 000	1 000
1 человеко-день и менее	36,2	34,9	33,0	38,8	45,0
2 человеко-дня	21,1	17,4	14,3	16,3	17,1
3 человеко-дня	10,1	8,9	10,8	7,4	8,7
4 человеко-дня и более	20,2	25,0	29,2	19,2	24,2
Не ответили	12,4	13,8	12,7	18,3	5,0

Наименьшие временные издержки отмечены респондентами, занятыми в сферах общественного питания, торговли, гостиничного бизнеса, – из них 51,9% отмечали затраты времени персонала в 1 человеко-дня и менее. Наибольшие временные издержки наблюдались на предприятиях промышленности, транспорта и строительства: только 34,4% таких представителей отмечали, что КНМ по времени занимало 1 человеко-день и менее, а интервал

4 и более человеко-дня указали 32,1% респондентов, что, очевидно, определяется различными видами контроля (надзора) и трудоемкостью административных процедур. Как и в предыдущие годы исследования, средние затраты времени персонала при КНМ (в расчете на одну единицу) у крупного и среднего бизнеса превышали в 3–6 раз показатели предприятий малого бизнеса и индивидуальных предпринимателей (табл. 6).

Таблица 6

Средние затраты времени персонала во время КНМ, человеко-дни

Тип бизнеса	2017 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Индивидуальные предприниматели	2,8	3,4	4,1	3,3	3,3
Малый бизнес	3,8	5,8	5,4	3,3	4,5
Крупный/средний бизнес	20,1	12,6	15,6	6,1	18,1
В целом по РФ	4,3	5,4	5,6	3,5	5,3

Применение моратория на проведение КНМ в 2022 г. не изменило соотношения в структуре наиболее массовых видов контроля (надзора). Из всего массива КНМ, проведенных в 2022 г., на пять КНО приходилось 52,4%, что соответствует распределению по предыдущим периодам [8]. На рис. 2 представлена

доля проверок КНО, которые осуществляли наиболее массовые виды контроля (надзора).

Среди наиболее массовых видов государственного контроля (надзора) минимальные временные издержки отмечаются в ходе пожарного и санитарного надзора, контроля в сфере потребительского рынка.

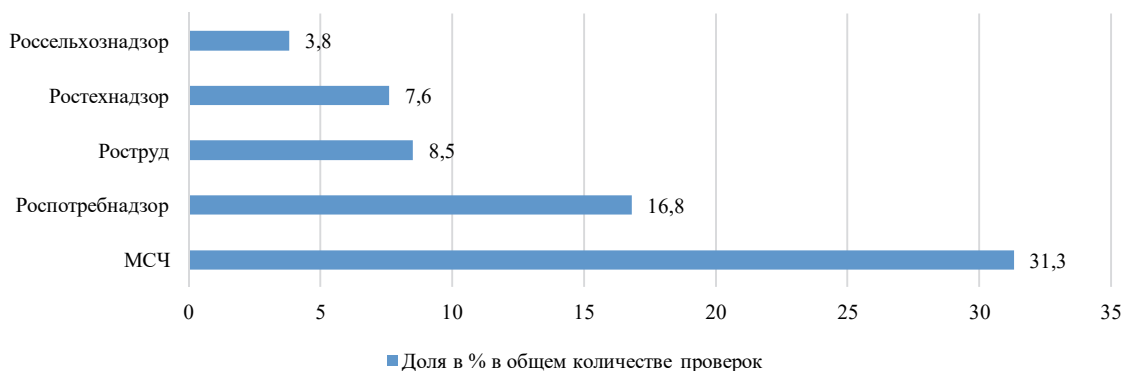

Рис. 2. Доля проведенных в 2022 г. проверок (% от общего количества) контрольными (надзорными) органами, осуществляющими наиболее массовые виды КНМ

Время, затраченное на их проведение, чаще локализуется в диапазоне 1 человеко-день и менее. Такие ответы дали 60,0 и 47,2% представителей бизнеса, в организациях которых были проведены КНМ в рамках

соответствующих видов контроля (табл. 7). Надзор в сфере охраны труда и трудовых отношений несет большие временные издержки, причем эти затраты чаще лежат в интервале от 4 человеко-дней и более.

Таблица 7

Оценка представителями бизнеса затрат времени персонала во время проведения последнего завершенного КНМ в зависимости от вида государственного контроля (надзора), % по каждой выделенной категории опрошенных

Затраты времени	Вид государственного контроля		
	Санитарный надзор, контроль (надзор) в сфере потребительского рынка	Надзор в сфере охраны труда и трудовых отношений	Пожарный надзор
1 человеко-день и менее	47,2	23,9	60,0
2 человеко-дня	13,9	17,4	18,2
3 человеко-дня	9,3	8,0	9,2
4 человеко-дня и более	26,2	39,9	10,8
Не ответили	3,4	10,8	1,8

Вид контрольно-надзорного мероприятия значимо влияет на временные затраты частного бизнеса. Так, если государственный контроль (надзор) проводился в виде инспекционного визита без использования дистанционного взаимодействия (59,9 % респондентов указали затраты времени в диапазоне «1 человеко-день и менее») или рейдового осмотра (66%), то предприятия меньше затрачивают времени на его сопровождение; при проведении документарной проверки с предоставлением документов в орган государственного контроля (надзора) (31%) или выездной проверки без использования средств дистанционного контроля (26,8%) затраты времени существенно увеличиваются.

Результаты проведенного в 2023 г. исследования показывают, что 3/4 респондентов (74,3%), указали, что при проведении КНМ режим работы организации остался без изменений, еще у 6,1% контрольные (надзорные) мероприятия вызвали незначительные неудобства. Другими же респондентами были отмечены негативные последствия: 15,6% контролируемых лиц

посчитали, что была сокращена основная работа, 1,7% опрошенных указывали, что была полностью прекращена работа, срывались сделки. С 2017 г. доля респондентов, которые считали, что при проведении контрольно-надзорных мероприятий режим работы оставался без изменений, увеличилась на 14,5 пункта; за тот же временной период сократилась доля респондентов, которые выделяют отрицательные последствия КНМ (рис. 3).

Чаще всего жалобы на изменения режима труда фиксируются среди индивидуальных предпринимателей. Среди них 20,5% отметили, что во время проведения КНМ была сокращена работа и даже в отдельных случаях была прекращена профессиональная деятельность, сорвались сделки. Полагаем, что ситуация объясняется минимальным количеством ИП наемных работников (ИП может быть работодателем, но следуя данным официальной статистики, случаи не являются типичными), что предопределяет личное участие ИП в КНМ и сокращает время его основной профессиональной деятельности.

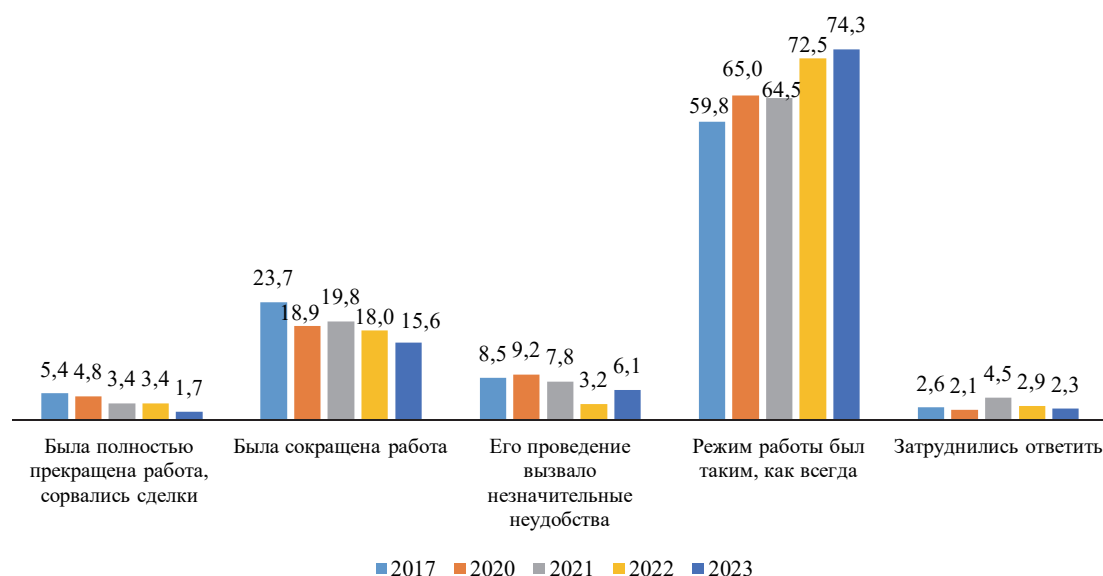

Рис. 3. Оценка изменения режима работы организации при проведении контрольно-надзорного мероприятия, % от общего количества опрошенных

По мнению представителей бизнеса, наибольшие проблемы в части изменения режима работы (сокращения или прекращения деятельности) вызывает санитарный надзор, контроль (надзор) в сфере потребительского рынка: 21% респондентов указали на значимые негативные изменения в режиме работы организации. Наименьшие неудобства в изменении режима работы принес пожарный надзор.

В последние годы отмечается увеличение доли хозяйствующих субъектов, временные затраты которых во время проведения контрольно-надзорных мероприятий сводятся к минимальным значениям. Также наблюдается позитивная динамика в части снижения

негативного влияния контрольно-надзорных мероприятий на режим работы контролируемых лиц.

Материальные издержки

При проведении контрольно-надзорных мероприятий бизнес может нести материальные издержки. Около половины (49,6%) контролируемых лиц заявили, что у них не было затрат (рис. 4). В целом, динамика оценок респондентов по этому вопросу позитивна: с 2017 г. доля тех, кто не имел материальных затрат во время проведения КНМ, несмотря на наблюдаемый всплеск в опросе 2022 г., увеличилась на 9,8 пункта.

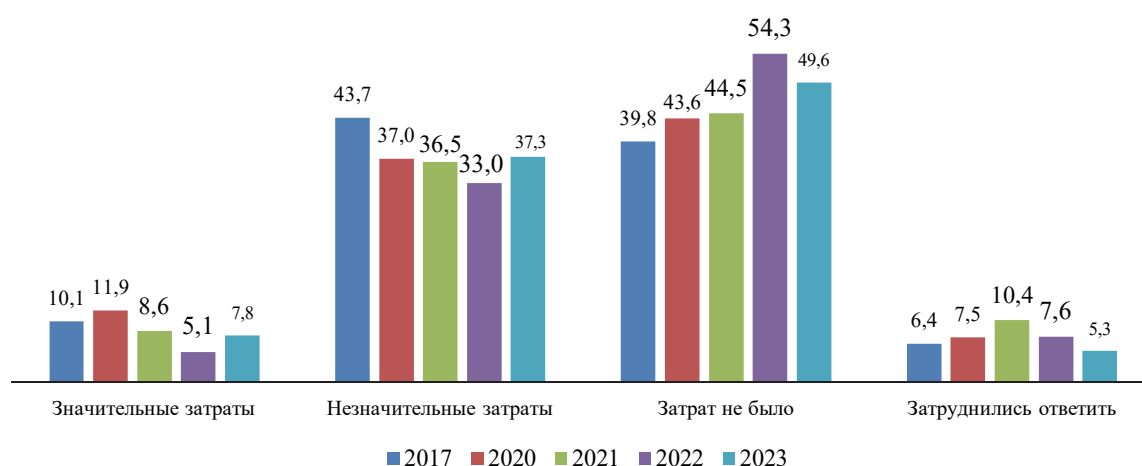

Рис. 4. Оценка представителями бизнеса материальных затрат, связанных с проведением КНМ, % от общего количества опрошенных

Наличие незначительных затрат отметили 37,3% представителей частного бизнеса, 7,8% опрошенных указали на значительные затраты. Средние материальные затраты на одну проверку составили 126,9 тыс. рублей, что выше значения, полученного в прошлом (2022-м) году – 78,2 тыс. рублей (среднее значение материальных издержек рассчитано только по тем предприятиям, которые имели значительные

затраты). Доля респондентов с такими расходами невелика (от 40 до 84 респондентов), поэтому ежегодно фиксируются некоторые отклонения в расчетных значениях. За время проведения опросов (с 2017 г.) средние материальные затраты, связанные с проведением контрольно-надзорных мероприятий, укладываются в диапазон от 78,2 до 177,1 тыс. рублей (табл. 8).

Таблица 8

Сумма материальных затрат, связанных с проведением контрольно-надзорных мероприятий, % от количества респондентов, у которых материальные затраты были значительные

Сумма материальных затрат	2017 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
	Количество респондентов, чел.				
1 000 руб. и менее	101	119	86	51	78
1 001–5 000 руб.	3,0	2,5	1,2	7,8	1,3
5 001–10 000 руб.	17,8	10,9	14,0	17,6	10,3
10 001–50 000 руб.	11,9	7,6	7,0	11,8	9,0
50 001–100 000 руб.	27,7	11,8	31,4	19,6	30,8
Более 100 000 руб.	16,8	38,7	15,1	23,5	23,1
Не ответили	22,8	28,5	31,3	19,7	25,5

В организациях, представляющих средний и крупный бизнес, 17,0% респондентов отметили, что проведение КНМ сопровождалось значительными материальными затратами, на предприятиях малого бизнеса таких ответов было 5,3%, среди индивидуальных предпринимателей – 7,9%. Средние материальные затраты на предприятиях среднего и крупного бизнеса составили 372,9 тыс. рублей, среди малого бизнеса и ИП – 75,4 и 54,5 тыс. рублей соответственно. Вид государ-

ственного контроля влияет на средние размеры материальных издержек, например, при проведении контрольно-надзорных мероприятий в рамках государственного надзора в сфере охраны труда средние материальные затраты составляли 175,6 тыс. рублей, а при пожарном надзоре – 28,5 тыс. рублей.

Деятельность КНО в части осуществления различных контрольно-надзорных мероприятий на предприятиях частного бизнеса сопровождается не только официаль-

ными материальными затратами на приобретение оборудования или иных технических средств, но и другими неформальными расходами бизнеса. Так, по итогам опроса 2023 г. было выявлено, что 4,1% контролируемых лиц

приходилось негласно выплачивать денежное вознаграждение или дарить подарки представителям органов государственного контроля (надзора) при проведении контрольно-надзорного мероприятия (рис. 5).

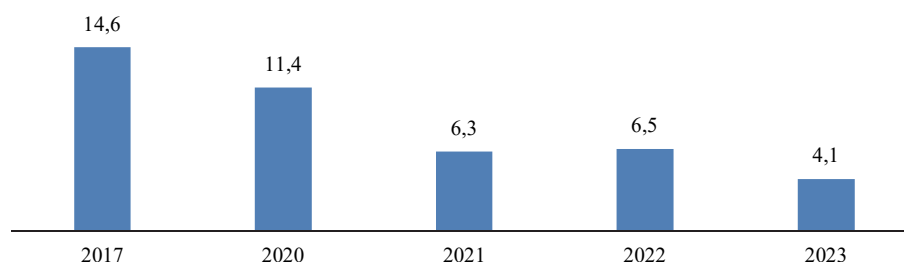

Рис. 5. Доля представителей частного бизнеса, отметивших факт уплаты неформальных платежей при проведении КНМ, % от общего количества опрошенных

Доля представителей бизнеса, отметивших факт уплаты неформальных платежей при проведении контрольно-надзорных мероприятий КНО, сократилась по сравнению с 2017 г. в 3,5 раза. Факты неформальных платежей чаще признают представители крупного и среднего бизнеса (4,0%), реже – представители организаций малого бизнеса (2,6%). При анализе указанной информации важно учитывать ограничения социологических методов при оценке коррупционных проявлений, особенно если речь идет об органах государственного управления и о частном бизнесе: вероятность получения социально приемлемых ответов на вопросы о коррупционных явлениях остается довольно высокой. Надо отметить, что с годами возрастает доля респондентов, которые даже при утвердительном ответе на этот вопрос не желают конкретизировать размеры неформальных вознаграждений. Исследование продемонстрировало особенность: чем ниже информированность представителей частного бизнеса об обязательных требованиях законодательства, тем чаще отмечаются факты неформального взаимодействия с сотрудниками КНО. Среди респондентов с высоким уровнем информированности об ОТ доля использующих неформальные платежи составляет 3,7%, со средним – 5,1%, низким 9,4%. Также если респонденты заявляют о сложностях обеспечения соблюдения обязательных требований, они чаще практикуют неформальные отношения с инспекторами (6,9%), при отсутствии сложностей – 2,4%.

В целом результаты анализа материалов исследования демонстрируют постепенное сокращение материальных издержек частного бизнеса при проведении контрольно-надзорных мероприятий. Исследованием отмечается сокращение доли представителей частного бизнеса, практикующих неформальные платежи при проведении контрольно-надзорных мероприятий.

Выполнение обязательных требований предполагает не разовые издержки, связанные с проведением конкретного контрольно-надзорного мероприятия, а системное следование «содержащимся в нормативных правовых актах требованиям, которые связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности и оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), муниципального контроля, привлечения к

административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений, аккредитации, оценки соответствия продукции, иных форм оценки и экспертизы» [29]. Не все опрошенные представители бизнеса смогли или захотели отвечать на вопросы, направленные на выявление издержек, связанных с соблюдением обязательных требований, при расчете средних значений регулятивной нагрузки на бизнес учитываются ответы 852 респондентов.

По данным опроса 2023 г., средние общие расходы предприятий на соблюдение всех установленных обязательных требований по всем видам контроля (надзора), с учетом налогов и сборов, составили 25,9% от выручки предприятий. Средние расходы предприятий только на уплату налогов и сборов (включая социальные взносы), по данным опроса 2023 г., находятся на уровне 19,5% от выручки предприятия. Разность этих значений позволяет произвести оценку третьего показателя – средние расходы, связанные с исполнением обязательных требований (административная нагрузка), которые составили 6,4% от выручки предприятий.

Если рассматривать полученные результаты в динамике, то, как и в предыдущие годы, по мнению частного бизнеса, в среднем примерно 1/4 часть выручки затрачивается в связи с выполнением всех установленных ОТ и уплатой налогов (табл. 9). Статистически значимых изменений по этому показателю социологические опросы не фиксируют (–0,2) пункта к 2022 г., (–1,1) пункта к 2021 г.

Как правило, расходы большей части респондентов на уплату налогов и сборов (включая социальные взносы) составляют до 30% от выручки, об этом в 2021 г. сообщали 71,6% опрошенных, в 2022 г. – 79,3%, в 2023 г. – 72,2%. При этом расходы каждой десятой организации являются большими: в 2021 г. 9,9% указали, что их организации выплачивают свыше 30% от выручки на налоги и сборы, в 2022 г. доля таких ответов составила 8,2%, в 2023 г. – 13,0%.

В плане налоговой нагрузки, по сравнению с результатами предыдущих опросов, за последний год следует отметить увеличение издержек бизнеса. Более благополучная ситуация наблюдается в части административной нагрузки на бизнес.

Затраты большинства не превышают 10% от выручки: в 2021 г. – 65,5% ответов, 2022 г. – 69,0%, 2023 г. – 73,9% ответов. Затратить средства от выручки в размере более чем 10% пришлось 16,0% организаций в 2021 г., 18,5% – в 2022 г., и 11,3% – в 2023 г. То есть, административная нагрузка на бизнес снижается.

В докладе Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей Б. Титова о проблемах российского бизнеса 2022 г. указано,

что в целом мораторий на проверки и «регуляторная гильотина» положительно влияют на бизнес, однако финансовая нагрузка остается главной проблемой для его развития [18]. По данным опроса собственников и руководителей высшего звена, проведенного ФСО России в марте 2022 г., результаты которого приводятся в данной статье, более половины участников опроса сообщили, что общий объем административной нагрузки на их бизнес составляет менее 10% от выручки. Вместе с тем примерно четверть указывает на расходы 10% и более.

Таблица 9

Средние расходы хозяйствующих субъектов, связанные с государственным регулированием, % от выручки предприятия

Расходы	2021 г.	2022 г.	2023 г.
	Количество респондентов, чел.		
	815	875	852
Средние <i>общие</i> расходы предприятий на соблюдение всех установленных обязательных требований, в том числе по уплате налогов и сборов	27,0	26,1	25,9
Средние расходы предприятия только по уплате налогов и сборов (включая социальные взносы)	19,2	18,2	19,5
Средние расходы, связанные с исполнением обязательных требований (административная нагрузка)	7,8	7,9	6,4

Данные текущего опроса показывают, что средние общие расходы индивидуальных предпринимателей на соблюдение всех обязательных требований по всем видам контроля (в том числе по уплате налогов и сборов) составили 24,3% от выручки предприятия, в малом бизнесе – 26,7%, а по группе средних/крупных предприятий они выше – 30,4%. Административная нагрузка в зависимости от типа бизнеса распределена более равномерно. О затратах не более 10% сообщили 71,3% ИП, 77% представителей малого бизнеса, 76% – среднего/крупного. Более чем 10% составляют выплаты у 10,7% ИП, 11,9% – в малом бизнесе, 12,0% – в среднем/крупном.

На вопрос об изменениях регулятивной нагрузки (различных ее составляющих) за последний год 45,2% опрошенных указали на отсутствие каких-либо изменений, 46,9% – на увеличение расходов. Снижение же общей регулятивной нагрузки заметили только 2,4%

опрошенных. Следовательно, респонденты больше склоняются к негативным изменениям в общем объеме расходов в связи с государственным регулированием, чем отмечают улучшения в этой области. Причем разница в оценках снижения и увеличения затрат (индекс изменения уровня регулятивной нагрузки) довольно значительна. По общим расходам на выполнение всех ОТ, включая налоговые платежи, она составила (–44,5%). По отдельным составляющим регулятивной нагрузки разница в оценках снижения и увеличения расходов составила следующие значения: налоговая нагрузка (–40,7%), расходы на реализацию ОТ (–31,1%), на административные издержки (–20,4%). В отношении полученных значений можно отметить, что чем они меньше, тем, соответственно, лучше оценка ситуации, что в данном случае наблюдается в отношении административных издержек, связанных со взаимодействием предприятий с органами власти и местного самоуправления (рис. 6).

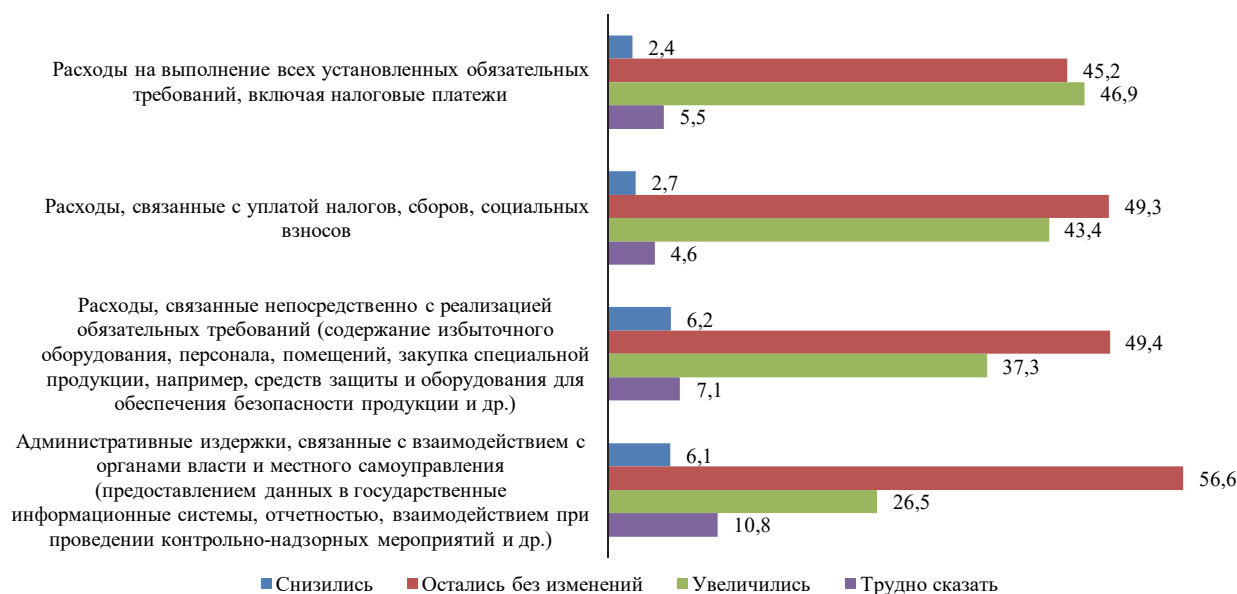

Рис. 6. Оценки представителями бизнеса изменения регулятивной нагрузки за год, предшествующий опросу, % от общего количества опрошенных

Итак, наблюдается тенденция роста уровня общих расходов на выполнение всех установленных обязательных требований, включая налоговые платежи. Разница между оценками снижения и увеличения расходов составила (–41,8%) в 2021 г., (–37,4%) – в 2022 г., (–44,5%) – в 2023 г. Существенно увеличиваются расходы, связанные с уплатой налогов, сборов, социальных взносов: (–31,3%) – в 2021 г., (–33,3%) – в 2022 г., (–40,7%) – в 2023 г., но снижаются расходы, связанные непосредственно с реализацией ОТ: (–44,7%) – в 2021 г., (–40,1%) – в 2022 г., (–31,1%) – в 2023 г. и административные издержки: (–27,5%) – в 2021 г., (–17,6%) – в 2022 г., (–20,4%) – в 2023 г.

В 2022 г. реформа контроля в России сопровождалась активным внедрением новых цифровых решений, направленных на усовершенствование единой модели данных и позволяющих ускорить и упростить, а также сделать прозрачным взаимодействие контролируемого лица и контролера [8]. По данным опроса 2023 г., положительный эффект от внедрения цифровых технологий при проведении КНМ в отношении предприятий, а именно снижение регулятивной нагрузки, заметили треть опрошенных (35,0% по сумме оценок о снижении нагрузки). Однако такое же их количество указали на рост регулятивной нагрузки (34,7% по сумме оценок роста нагрузки). Еще треть затруднились с ответом на данный вопрос. Результаты опроса 2022 г. также демонстрировали подобные неоднозначные позиции респондентов, однако тогда преобладали ответы о снижении регулятивной нагрузки: 42,0% сообщали в целом о ее снижении, 26,6% – о росте. При всех плюсах внедрения цифровых технологий бизнес стал чаще отмечать негативное их влияние при проведении контрольно-надзорных мероприятий, связанное с регулирующим воздействием государства. О росте регулятивной нагрузки в связи с использованием цифровых технологий сообщают респонденты, в организациях которых последнее КНМ проводилось с использованием средств дистанционного взаимодействия (в том числе аудио- или видеосвязи). Например, в случае выездной проверки с использованием средств дистанционного взаимодействия, предусматривающей предоставление не только документов, но и иных данных, формируемых в автоматическом режиме с использованием цифровых технологий, включая Интернет вещей (показаний цифровых приборов учета, датчиков, данных информационных систем, характеризующих исполнение обязательных требований), более чем половина представителей бизнеса указывают на рост регулятивной нагрузки и менее трети – на ее снижение (данные приводятся справочно в связи с невысокой наполняемостью группы).

Оценивая изменения уровня регулятивной нагрузки за последний год, представители бизнеса, как правило, никаких существенных изменений не замечают. При этом если изменения отмечаются, то они находятся в плоскости увеличения регулятивной нагрузки, а не ее снижения. Это касается налоговой

нагрузки, расходов, связанных непосредственно с реализацией ОТ, административных издержек.

Выводы

Административная нагрузка на бизнес снижается в связи с применением норм нового законодательства о контроле (надзоре) и принимаемых контрольно-надзорными органами мерами по переходу на риск-ориентированный контроль, что должно привести к снижению издержек. Отмечаемая тенденция связана с масштабным уменьшением количества КНМ, определением приоритета профилактики.

Как свидетельствуют результаты социологического опроса, представители бизнеса, отмечая позитивные изменения и снижение административной нагрузки, не демонстрируют оптимизма. Фиксируемое статистическое уменьшение количества КНМ не приводит к скачкообразному росту позитивных оценок респондентов в отношении регулятивной нагрузки. Респонденты указывают и на необходимость дальнейшей ревизии ОТ для обоснованности их предъявления. Важным инструментом может быть оценка применения обязательных требований с анализом наиболее и наименее нарушаемых, что позволит более адресно проводить контрольно-надзорные мероприятия и оптимизировать издержки бизнеса. В этом направлении доработка присвоения категории риска и дифференциация индикаторов риска с учетом степени последствий могут способствовать не только снижению нагрузки на бизнес при взаимодействии с КНО, но и сосредоточить усилия контрольных (надзорных) органов на деятельности контролируемых лиц, которая потенциально имеет максимальные риски для охраняемых законом ценностей.

Интенсивность КНМ, их вид связаны с категорией риска контролируемого лица. Двусторонний процесс управления категорией риска (со стороны контролируемого лица – инициация присвоения более низкого; со стороны КНО – возможность обоснования ее повышения) потенциально способен повысить объективность управления рисками. Индикаторы риска, как правило, разрабатывались самостоятельно КНО, без учета мнения бизнес-сообщества и профильных бизнес-ассоциаций. Участие представителей бизнеса в корректировке индикаторов риска также является одним из инструментов снижения регулятивных издержек. Важным этапом в реализации принципа стимулирования добросовестного соблюдения обязательных требований, содержащегося в Законе № 248-ФЗ, может стать снижение категории риска для контролируемых лиц, соответствующих признакам добросовестности, в частности, таких как автоматизация контроля рисков факторов, участие в саморегулируемых организациях, добровольное страхование ответственности.

Существующая система КНД (профилактика, досудебное обжалование) динамично развивается, применяются новые цифровые решения, динамично увеличивается число пользователей системы досудебного

обжалования, растет доля профилактических мероприятий, что предопределяет необходимость актуализации ключевых показателей результативности и эффективности деятельности контрольных (надзорных) органов.

Обобщая полученные данные, можно отметить определенную позитивную динамику при оценке представителями бизнеса регулятивных издержек при осуществлении контрольной (надзорной) деятельности. Предъявляемые обязательные требования стали в большей степени восприниматься как необходимые и достаточные, сложность их выполнения отмечается меньшим количеством респондентов; в целом снижаются издержки, связанные с продолжительностью и трудоемкостью КНМ. В то же время, как свидетельствуют результаты мониторинга, ряд показателей регулятивных издержек либо существенно не изменяется (расходы, связанные с выполнением обязательных требований), либо

увеличивается (средние затраты времени персонала во время КНМ, общий объем расходов в связи с государственным регулированием). Предпринимаемые государством меры по снижению регулятивной нагрузки на бизнес могут дать положительный результат при условии системных и планомерных усилий. При этом, с нашей точки зрения, только статистических данных о ходе реформы недостаточно; выявление мнения контролируемых лиц о происходящих изменениях позволяют интерпретировать действия и события с точки зрения действующего лица. Системная работа по получению обратной связи от контролируемых лиц является базовым условием для принятия управленческих решений, способных повысить эффективность реформы КНД. Применение данных мониторинговых социологических исследований, по нашему мнению, должно быть включено в систему оценки результатов деятельности КНО.

Список источников

1. Ноздрачев А.Ф., Зырянов С.М., Калмыкова А.В. Реформа государственного контроля (надзора) и муниципального контроля // Журнал российского права. 2017. № 9 (249). С. 34–46. doi: 10.12737/article_599d74421f88b5.06552344
2. Масалаб А.Ф. Проблемы развития государственного контроля и надзора в контексте реформы законодательства // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. С. 94–101. doi: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).94-101
3. Коновалова Л.Г. Реформа законодательства о контроле и надзоре как направление обеспечения правовой безопасности бизнеса // Пятый конгресс цивилистов правоохранительных органов : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Нижний Новгород – Барнаул, 30–31 марта 2023 г. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2023. С. 333–339.
4. Летуновский В.В., Агеев А.А. Некоторые проблемы реализации мероприятий «регуляторной гильотины» // Административное право и процесс. 2021. № 1. С. 34–42. doi: 10.18572/2071-1166-2021-1-34-42
5. Артеменко Е.А. «Регуляторная гильотина»: анализ проектов новых структур нормативного регулирования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 1. С. 30–55.
6. Кнутов А.В., Плаксин С.М., Синятуллин Р.Х., Чаплинский А.В. «Регуляторная гильотина» в России и ее количественные результаты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 2. С. 4–27. doi: 10.17323/2072-8166.2022.2.4.27
7. Минич С.А. Международный опыт реализации механизма регуляторной гильотины // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений : сб. науч. ст. / редкол.: О.И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. Вып. 4. Минск : Общество с ограниченной ответственностью «Колорград», 2022. С. 404–419.
8. Баранов М.Ю., Реснянский С.Г. Организация контрольно-надзорных мероприятий с учетом риск-ориентированного подхода и влияние индикаторов риска нарушений обязательных требований // Научный электронный журнал «Меридиан». 2021. № 9 (62). С. 36–38.
9. Отнюкова Г.Д. Обязательные требования к предпринимательской деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 7 (95). С. 147–155. doi: 10.17803/2311-5998.2022.95.7.147-155
10. Агамагомедова С.А. Административные барьеры для бизнеса: минимизация в условиях реформы государственного контроля и надзора // Российская юстиция. 2021. № 2. С. 6–9. doi: 10.18572/0131-6761-2021-2-6-9
11. Вязкина И.В. Создание комфортной и безопасной деловой среды в рамках взаимодействия бизнеса с государственными органами контроля и надзора // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15, № 6. С. 1021–1037.
12. Трунцевский Ю.В. Оценка издержек по соблюдению стандартов и правил регулирования (комплаенса) хозяйствующими субъектами // Журнал российского права. 2017. № 4 (244). С. 45–55. doi: 10.12737/article_58e39ece7f8fd9.35876323
13. Горшенин А.Н. Минимизация издержек как антикризисная стратегия развития бизнеса // Экономические исследования. 2020. № 4. С. 1.
14. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/?ysclid=lopo0nc9t1960775528
15. Анкудинова Я.С. Генезис научных взглядов в сфере определения сущности контрольно-надзорной деятельности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7, № 4. С. 299–307.
16. Спиридонов А.А. О значимых исторических вехах становления и развития государственного контроля (надзора) в его государственно-правовом осмыслении // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 12 (193). С. 96–111.
17. Индекс состояния бизнеса и экономики «Столыпин 2.0» // Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Ярославской области. URL: <https://ombudsmanyar.ru/wp-content/uploads/2023/05/indexs-stolypin-2.0-.pdf?ysclid=ls35r46y9c650976194>
18. Доклад Президенту России // Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2023.html
19. Доклад РСПП о состоянии делового климата // Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: <https://rspp.ru/activity/analytics/>
20. Тренды развития и точки роста российского предпринимательства – 2023. Исследовательский проект по результатам мониторинговых опросов бизнеса и населения, проведенных Аналитическим центром НАФИ. URL: <https://nafi.ru/upload/iblock/0fe/0feb53e031db3b709a33d095757c3113.pdf>
21. Трошина Е.П., Устинова Г.Х. Основные барьеры на пути эффективного функционирования малого предпринимательства (на примере Самарской области) // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2020. № 4 (186). С. 66–72.
22. Устинова К.А. Анализ предпринимательской деятельности с позиций стимулов и барьеров // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26, № 6. С. 165–184. doi: 10.15838/ptd.2022.6.122.10
23. Вязкина И.В., Розов Д.В., Скворцова Г.Г. Оценка влияния реформы контрольно-надзорной деятельности Российской Федерации на развитие предпринимательства // Проблемы управления социально-экономическими системами: теория и практика : материалы VIII Международ. науч.-практ. конф., Тверь, 23 мая 2020 г. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2020. С. 71–77.

24. Масленникова Е.В., Добролюбова Е.И., Южаков В.Н. Статистика и социология результатов контрольно-надзорной деятельности // Экономическая политика. 2020. Т. 15, № 1. С. 90–107.
25. Реформа контрольной (надзорной) деятельности. URL: <https://knd.ac.gov.ru/documents>
26. Южаков В.Н., Добролюбова Е.И., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Оценка результативности государственного контроля с позиции бизнеса: ключевые тенденции // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 2. С. 32–53.
27. The Standard Cost Model. A framework for defining and quantifying administrative burdens for businesses // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/64157/4374310/11-STANDARD-COST-MODEL-DK-SE-NO-BE-UK-NL-2004-EN-1.pdf/e703a6d8-42b8-48c8-bdd9-572ab4484dd3>
28. Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации за 2022 г. // Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/nl8VlVPes5mi2qAmn2Vgwqrw1SGLhvDe.pdf>
29. Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358670/?ysclid=lops4a0ikz369174444

References

1. Nozdrachev, A.F., Zyryanov, S.M. & Kalmykova, A.V. (2017) Reform of State control (supervision) and municipal control. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 9 (249). pp. 34–46. (In Russian). doi: 10.12737/article_599d74421f88b5.06552344
2. Masalab, A.F. (2020) Problems of development of State control and supervision in the context of legislative reform. *Pravoprimenenie*. 4 (4). pp. 94–101. (In Russian). doi: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).94-101
3. Konovalova, L.G. (2023) [The reform of legislation on control and supervision as a direction of ensuring the legal security of business]. *Pyatyy kongress tsivilistov pravookhranitel'nykh organov* [Fifth Congress of Civil Law Enforcement Officers]. Conference Proceedings. Nizhny Novgorod; Barnaul. 30–31 March 2023. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Rusayns". pp. 333–339. (In Russian).
4. Letunovskiy, V.V. & Ageev, A.A. (2021) Some problems of the implementation of the "regulatory guillotine" measures. *Administrativnoe pravo i protsess*. 1. pp. 34–42. (In Russian). doi: 10.18572/2071-1166-2021-1-34-42
5. Artemenko, E.A. (2021) "Regulyatornaya gil'otina": analiz proektov novykh struktur normativnogo regulirovaniya ["Regulatory guillotine": analysis of projects of new regulatory structures]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 1. pp. 30–55.
6. Knutov, A.V. et al. (2022) The "Regulatory guillotine" in Russia and its quantitative results. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2. pp. 4–27. (In Russian). doi: 10.17323/2072-8166.2022.2.4-27
7. Minich, S.A. (2022) Mezhdunarodnyy opyt realizatsii mekhanizma regul'yatornoy gil'otiny [International experience in the implementation of the regulatory guillotine mechanism]. In: Chupris, O.I. et al. (eds) *Dinamika pravoustanovleniya i pravorealizatsii v sfere publichno-pravovykh otnosheniy: sb. nauch. st.* [Dynamics of law establishment and implementation in the sphere of public law relations: collection of scientific articles]. Vol. 4. Minsk: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Kolograd". pp. 404–419.
8. Baranov, M.Yu. & Resnyanskiy, S.G. (2021) Organizatsiya kontrol'no-nadzornykh meropriyatiy s uchetoм risk-orientirovannogo podkhoda i vliyaniye indikatorov riska narusheniy obyazatel'nykh trebovaniy [Organization of control and supervisory measures taking into account the risk-based approach and the impact of indicators of the risk of violations of mandatory requirements]. *Nauchnyy elektronnyy zhurnal "Meridian"*. 9 (62). pp. 36–38.
9. Otnyukova, G.D. (2022) Mandatory requirements for entrepreneurial activity. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 7 (95). pp. 147–155. (In Russian). doi: 10.17803/2311-5998.2022.95.7.147-155
10. Agamagomedova, S.A. (2021) Administrative barriers to business: minimization in the context of the reform of state control and supervision. *Rossiyskaya yustitsiya*. 2. pp. 6–9. (In Russian). doi: 10.18572/0131-6761-2021-2-6-9
11. Vyakina, I.V. (2019) Sozdanie komfortnoy i bezopasnoy delovoy sredy v ramkakh vzaimodeystviya biznesa s gosudarstvennymi organami kontrolya i nadzora [Creating a comfortable and safe business environment within the framework of business interaction with government control and supervision bodies]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 15 (6). pp. 1021–1037.
12. Truntsevskiy, Yu.V. (2017) Assessment of the costs of compliance with standards and rules of regulation (compliance) by business entities. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 4 (244). pp. 45–55. (In Russian). doi: 10.12737/article_58e39ece7ff8fd9.35876323
13. Gorshenin, A.N. (2020) Minimizatsiya izderzhek kak antikrizisnaya strategiya razvitiya biznesa [Cost minimization as an anti-crisis business development strategy]. *Ekonomicheskie issledovaniya*. 4. p. 1.
14. Consultant Plus. (2020) *Federal Law No. 248-FZ of 31.07.2020: On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/?ysclid=lopo0nc9t1960775528 (In Russian).
15. Ankudinova, Ya.S. (2021) Genezis nauchnykh vzglyadov v sfere opredeleniya sushchnosti kontrol'no-nadzornoy deyatel'nosti [The genesis of scientific views in the field of determining the essence of control and supervisory activities]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*. 7 (4). pp. 299–307.
16. Spiridonov, A.A. (2022) O znachimyykh istoricheskikh vekhakh stanovleniya i razvitiya gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v ego gosudarstvenno-pravovom osmyslenii [On significant historical milestones in the formation and development of state control (supervision) in its state-legal understanding]. *Lex Russica*. 75:12 (193). pp. 96–111.
17. Ombudsman for the Protection of Entrepreneurs' Rights in Yaroslavl Oblast. (2023) *Index of business and economic status "Stolypin 2.0"*. [Online] Available from: <https://ombudsmanyar.ru/wp-content/uploads/2023/05/indeks-stolypin-2.0-.pdf?ysclid=ls35r46y9c650976194>
18. Ombudsman for the Protection of Entrepreneurs' Rights under the President of the Russian Federation. (2023) *Report to the President of Russia*. [Online] Available from: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2023.html (In Russian).
19. Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. (2023) *A report on the state of the business climate*. [Online] Available from: <https://rspp.ru/activity/analytics/> (In Russian).
20. NAFI. (2023) *Trendy razvitiya i tochki rosta rossiyskogo predprinimatel'stva – 2023. Issledovatel'skiy proekt po rezul'tatam monitoringovykh oprosov biznesa i naseleniya, provedennykh Analiticheskim tsentrom NAFI* [Trends in development and growth of Russian enterprises – 2023. Research project on the results of business and population monitoring surveys, presented by the NAFI Analytical Center]. [Online] Available from: <https://nafi.ru/upload/iblock/0fe/0feb53e031db3b709a33d095757c3113.pdf>
21. Troshina, E.P. & Ustinova, G.Kh. (2020) Osnovnye bar'ery na puti effektivnogo funktsionirovaniya malogo predprinimatel'stva (na primere Samarskoy oblasti) [The main barriers to the effective functioning of small businesses (on the example of Samara Oblast)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 4 (186). pp. 66–72.
22. Ustinova, K.A. (2022) Business analysis from the perspective of incentives and barriers. *Problemy razvitiya territorii*. 26 (6). pp. 165–184. (In Russian). doi: 10.15838/ptd.2022.6.122.10
23. Vyakina, I.V., Rozov, D.V. & Skvortsova, G.G. (2020) [Assessment of the impact of the reform of the control and supervisory activities of the Russian Federation on the development of entrepreneurship]. *Problemy upravleniya sotsial'no-ekonomicheskimi sistemami: teoriya i praktika* [Problems of management of socio-economic systems: theory and practice]. Proceedings of the VIII International Conference. Tver. 23 May 2020. Tver: Tver State University. pp. 71–77. (In Russian).
24. Maslennikova, E.V., Dobrolyubova, E.I. & Yuzhakov, V.N. (2020) Statistika i sotsiologiya rezul'tatov kontrol'no-nadzornoy deyatel'nosti [Statistics and sociology of the results of control and supervisory activities]. *Ekonomicheskaya politika*. 15 (1). pp. 90–107.

25. Knd.ac.gov.ru. (n.d.) *Reforma kontrol'noy (nadzornoj) deyatel'nosti* [Reform of control (supervision) activities]. [Online] Available from: <https://knd.ac.gov.ru/documents>
26. Yuzhakov, V.N. et al. (2020) Otsenka rezul'tativnosti gosudarstvennogo kontrolya s pozitsii biznesa: klyuchevye tendentsii [Assessment of the effectiveness of state control from a business perspective: key trends]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2. pp. 32–53.
27. Eurostat. (2004) *The Standard Cost Model. A framework for defining and quantifying administrative burdens for businesses*. [Online] Available from: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/64157/4374310/11-STANDARD-COST-MODEL-DK-SE-NO-BE-UK-NL-2004-EN-1.pdf/e703a6d8-42b8-48c8-bdd9-572ab4484dd3>
28. RF Government. (2022) *Consolidated report on state control (supervision), municipal control in the Russian Federation for 2022*. [Online] Available from: <http://static.government.ru/media/files/nI8VIVPes5mi2qAmn2Vgwqrw1SGLhvDe.pdf> (In Russian).
29. Consultant Plus. (2020) *Federal Law No. 247-FZ of 31.07.2020 "On Mandatory Requirements in the Russian Federation"*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358670/?ysclid=lops4a0ikz369174444 (In Russian).

Информация об авторах:

Южаков В.Н. – д-р филос. наук, директор Центра технологий государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: yuzhakov-vn@ranepa.ru

ORCID 0000-0002-5687-1863

Масленникова Е.В. – канд. социол. наук, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: m_elena_v@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6291-0411

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.N. Yuzhakov, Dr. Sci. (Philosophy), director of the Center for Public Administration Technologies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: yuzhakov-vn@ranepa.ru

E.V. Maslennikova, Cand. Sci. (Sociology), leading research fellow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: m_elena_v@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.11.2023;
одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.*

*The article was submitted 08.11.2023;
approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.*

ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 623.8 + 930.23 + 94(571)''17/19''

doi: 10.17223/15617793/499/10

Военное судостроение в азиатской части Российской империи: результаты изучения и оценки отечественных исследователей

Тимофей Владимирович Алексеев¹

¹ Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, Санкт-Петербург, Россия,
timson15121967@mail.ru

Аннотация. На основе анализа отечественной историографии представлена общая картина возникновения и развития промышленной базы военного судостроения в азиатской части России в XVIII – начале XX в. Показано функционирование центров судостроительной и судоремонтной деятельности в регионе, их вклад в поддержание корабельного состава формирований военно-морского флота. Сделаны выводы об особенностях формирования судостроительной отрасли в азиатской части России, о негативных факторах, влиявших на данный процесс и путях их преодоления, а также о перспективных направлениях дальнейших исследований в обозначенной предметной области.

Ключевые слова: судостроение, судостроительная промышленность, судоремонт, Дальний Восток, Охотская флотилия, Сибирская флотилия, Аральская флотилия, Амурская флотилия, верфь, адмиралтейство

Для цитирования: Алексеев Т.В. Военное судостроение в азиатской части Российской империи: результаты изучения и оценки отечественных исследователей // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 94–104. doi: 10.17223/15617793/499/10

Original article

doi: 10.17223/15617793/499/10

Military shipbuilding in the Asian part of the Russian Empire: Results of studies and evaluation by domestic researchers

Timofey V. Alekseev¹

¹ *Mozhaisky Military Space Academy, Saint Petersburg, Russian Federation, timson15121967@mail.ru*

Abstract. The article examines the problem of the formation and development of military shipbuilding in the Asian part of Russia in the 18th – early 20th centuries. The objectives are to identify the main stages of the formation of the shipbuilding and ship repair base of the Okhotsk (Siberian) flotilla in the Far East and Siberia, as well as the Amur Flotilla in the Amur River basin; to analyze the course of the formation and development of industrial facilities of this base, quantitative and qualitative indicators of their work; to show ways and means of solving problems of a logistical and logistical nature in the formation and functioning of the shipbuilding industry; to get an idea of the replenishment of the Aral Flotilla by ship. The work is based on the analysis of the works of Russian researchers of the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods using the necessary set of general philosophical, general scientific and special historical methods, such as ascent from the concrete to the abstract, historical-genetic, problem-chronological and perspective analysis. The article shows that during the period of sailing shipbuilding (18th – the first half of the 19th centuries), about ten shipyards operated in Siberia and the Far East, most of which were temporary. The leading role at that time was played by the shipyard in Okhotsk, where the vast majority of the most diverse vessels for the Okhotsk military flotilla were built. The Irkutsk Admiralty acted as a subsidiary enterprise for the Okhotsk shipbuilding. The most important factor that influenced the appearance of the shipbuilding industry in the region was the absence here, unlike in the European part of Russia, of the need to solve important military and political tasks. Large naval formations were not created here, and the ships under construction were intended mainly for transport and security functions. Despite the enormous difficulties, primarily of a logistical nature, the shipbuilding base formed in Siberia and the Far East made it possible, on the whole, to successfully solve the tasks facing it. During the period of steam and metal shipbuilding (the second half of the 19th – early 20th centuries), in the context of a sharp increase in the geopolitical role of the Far East for Russia, the development of the shipbuilding industry here was reduced only to the creation of a rather limited ship repair base. The reasons for this situation could be both traditional problems for domestic military shipbuilding (chronic technical and technological lag behind the leading maritime powers, constant lack of funding for naval programs, etc.), and the same logistical factor. The following methods were used to solve the urgent tasks of replenishing the naval forces of the fleet in the Far East: the construction of collapsible ships of small

tonnage with their final assembly at local production sites, the arming of civilian vessels, and, most importantly, the creation of branches of large shipbuilding enterprises based in the European part of Russia in the region.

Keywords: shipbuilding, shipbuilding industry, ship repair, Far East, Okhotsk Flotilla, Siberian Flotilla, Aral Flotilla, Amur Flotilla, shipyard, Admiralty

For citation: Alekseev, T.V. (2024) Military shipbuilding in the Asian part of the Russian Empire: Results of studies and evaluation by domestic researchers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 94–104. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/10

Вопросы военного судостроения в азиатской части Российской империи нашли отражение в работах отечественных исследователей, изучавших в целом процессы освоения и интеграции данных территорий. Хорошо известно, что здесь имелся ряд формирований военно-морского флота – Охотская (с 1856 г. – Сибирская), Амурская речная и Аральская озерная флотилии, для пополнения корабельного состава которых и была создана определенная судостроительная база. Однако специальные работы по данному вопросу в отечественной историографии до сих пор отсутствуют, а имеющиеся сведения разбросаны фрагментарно по довольно многочисленным публикациям. Настоящая статья призвана обобщить накопленные по данному вопросу знания и представить имеющуюся на сегодняшний день картину наших знаний по представленной теме.

Исходя из изложенного, в данной публикации предполагается решить следующие задачи: выявить основные этапы развития судостроительной и судоремонтной базы Охотской (Сибирской) флотилии на Дальнем Востоке и в Сибири, а также Амурской флотилии в бассейне р. Амур; проанализировать ход становления и развития объектов этой базы, а также количественные и качественные показатели их работы; показать отражение в историографии путей преодоления трудностей материально-технического и логистического характера в процессе формирования и функционирования судостроительной отрасли на дальневосточной окраине России; продемонстрировать общий ход формирования и пополнения корабельным составом Аральской флотилии.

Первые сведения о судостроении на Дальнем Востоке в работах авторов XVIII – начала XIX в. носили довольно косвенный характер. Так, С.П. Крашенинников, один из первых исследователей, оставивших описание дальневосточных российских владений, подчеркивал тот факт, что Охотск «в знать приходиться... начал с тех пор, как морской ход на Камчатку проведен...» [1. С. 90]. Автор также упомянул о том, что в составе Охотской флотилии в 1737 г. числились четыре судна, одно из которых находилось в стадии постройки [1. С. 92].

В описании, составленном командиром Камчатки Т.И. Шмалевым, отмечалось наличие на полуострове по берегам одноименной реки больших запасов листовничного леса, из которого «строение морских судов происходит» [2. С. 208]. В работе В.Н. Берха, посвященной истории Первой Камчатской экспедиции под руководством капитан-командора В.И. Беринга, упоминалось о постройке в Охотске судов для этой экспедиции, а также о первом плавании из Охотска на Камчатку в 1716 г. на построенном здесь же боте [3. С. 19–20].

Более основательные исследования по истории судостроения в Охотске стали появляться во второй половине XIX в. Автор, скрывавшийся под инициалами А.П., также относил первый опыт охотского судостроения к 1716 г. По данным исследователя, до 1731 г. в Охотске и на Камчатке было построено как минимум шесть судов, предназначавшихся как для экспедиции В.И. Беринга, так и для доставки ясака с Камчатки [4. С. 134]. Именно В.И. Берингу автор ставил в заслугу инициативу по учреждению в устье реки Охоты порта, а в качестве задачи, возложенной на первого его начальника Г. Скорнякова-Писарева, отмечал «устроить пристань с малою верфью и выстроить суда для сообщения с Камчаткой, для перевоза ясаков и купеческой клади» [4. С. 135]. Автор в общих чертах показал весьма непростой процесс налаживания деятельности нового порта, особо отметив формирование кадрового состава судостроителей. В их числе он называл присланных из Казанского адмиралтейства мастера ластовых судов М. Ругачева и плотников, из Екатеринбург – кузнецов, из Якутска – смоловаров [4. С. 137]. Относительно масштабов судостроения в Охотске он отмечал, что в XVIII в. оно сводилось к поддержанию необходимого количества судов [4. С. 140], а его активизация в 1799 г. была связана с необходимостью обеспечения войск, размещенных на Камчатке [4. С. 141].

Более детально вопросы судостроения были исследованы в объемной работе А.С. Сгибнева, посвященной истории Охотского порта. Автор, как и его предшественник, отмечал, что зарождение судостроения в начале XVIII в. было вызвано стремлением властей наладить более удобное сообщение с Камчаткой по морю из Охотска [5. С. 5]. С этой целью в 1714 г. по распоряжению сибирского губернатора князя М.П. Гагарина в Охотск были направлены матросы и корабельные плотники, а также необходимые для судостроения материалы. Под руководством плотника К. Плотницкого и было построено первое на Охотском море судно морского типа, представлявшее из себя тип архангелогородской лодии [5. С. 7]. Всего за период, предшествовавший учреждению Охотского порта в 1731 г., по оценкам А.С. Сгибнева, было построено восемь судов, из них семь – в Охотске и одно – в Нижнекамчатске [6. С. 55–56].

Исследователь обратил внимание на принимавшиеся властями меры по обеспечению созданного в Охотске центра судостроения. Так, в марте 1753 г. для снабжения строившихся судов Сибирский приказ предписал иркутской канцелярии ежегодно отправлять в Охотск из Иркутска якоря, гвозди, канаты, тросы и другие «судовые припасы» [5. С. 37]. Рядом сенатских указов в начале 1760-х гг. был значительно усилен кадровый состав судостроителей. Так, в 1761 г.

в Охотск был направлен мастер ластовых судов Мошницкий с подмастерьями с целью постройки судов для экспедиции морского офицера П.К. Креницына на Алеутские острова [5. С. 44]. О трудностях, возникших при сооружении этих судов – бригантины «Св. Екатерина» и гукара «Св. Павел», писал еще ранее А.П. Соколов [7. С. 79].

В.Г. Чубинский особо подчеркивал то обстоятельство, что Охотский порт не находился в непосредственном ведении Адмиралтейств-коллегии, в следствие чего «морские чины высылались туда лишь изредка, каждый раз по особым представлениям сибирского губернатора...; при недостатке же морских чинов охотская флотилия несла беспрестанные потери» [8. С. 114]. И только в августе 1803 г. для Охотского порта были установлены штаты, а его начальник из морских офицеров стал подчиняться как сибирскому губернатору, так и Морскому министерству [8. С. 166].

Используя богатый фактологический материал из работ дореволюционных авторов, исследователи советского периода уточнили многие детали истории судостроения в Охотске, а также сделали важные обобщающие выводы. По словам А.И. Алексеева, Охотск «дал начало не только военной Охотской флотилии, руководимой со времени организации порта, как правило, грамотными флотскими офицерами, он дал также начало мощному развитию многочисленного торгового, промышленного Тихоокеанского флота». В то же время строительство торгового флота стимулировало развитие военного флота, необходимого для защиты интересов торговли [9. С. 66]. Среди факторов, сдерживавших судостроение, автор называл дальность и неудобство поставок всего необходимого для оснащения судов из Иркутска [9. С. 68]. Тем не менее общий вывод исследователя звучал весьма оптимистично: «Тихоокеанский флот, базирующийся на местном корабле- и судостроении, несмотря на огромные пространства, отделяющие Дальний Восток от центра страны, начал развиваться одновременно с другими флотах России» [9. С. 151].

Дальневосточный исследователь Д.Н. Эндаков так оценивал факт основания казенного судостроительного центра в Охотске: «Создание судостроительной верфи в Охотске, появление здесь знающих строителей кораблей позволило промышленным людям строить суда с хорошими мореходными качествами, позволяющими ходить в далекие морские походы. Число плаваний промысловых судов резко возросло» [10. С. 34]. Затронул Д.Н. Эндаков, вслед за А.С. Сгибневым [5. С. 78], и вопрос о планировавшейся в самом конце XVIII в. постройке для Охотской флотилии фрегатов с артиллерийским вооружением (36–44 пушки), что по условиям Охотска было практически невозможным [10. С. 49]. Исследователю удалось выяснить облик судостроительной инфраструктуры Охотского порта во время его расцвета в начале XIX в. Она включала в себя два эллинга для строительства судов, сарай для гребных шлюпок, штурманское училище, мастерские, казармы, лазарет. В порту корабли могли проходить ремонт, включавший замену мачт, всего рангоута, канатов и парусов [10. С. 60].

В работах исследователей постсоветского периода затрагивались отдельные сюжеты из истории охотского судостроения. И.В. Богатырев писал о ходе постройки судов для Второй Камчатской экспедиции В.И. Беринга [11. С. 190]. Т.С. Федорова исследовала деятельность первого корабельного мастера Охотского порта М. Ругачева [12. С. 103]. М.С. Монаков и Б.И. Родионов утверждали, что на одной из частных верфей недалеко от Охотска – Уракской – до 1791 г. было построено 98 судов, в том числе 28 казенных (военных, экспедиционных и транспортных) [13. С. 222]. Подобные сведения вызывают сомнения, так как, по данным А.С. Сгибнева, общее количество построенных до указанной даты в Охотске казенных судов не превышало 39 единиц [6. С. 55–61]. Не подтверждали факт постройки такого значительного количества судов для Охотской флотилии на частной верфи и другие исследователи. Вместе с тем М.С. Монаков и Б.И. Родионов упоминали о создании с помощью направленных правительством 20 корабельных мастеров частной верфи на о. Кадьяк, на которой в 1794 г. было построено первое в Русской Америке трехмачтовое судно [13. С. 225].

Статья А.М. Глебова была посвящена техническим аспектам строительства в Охотске судов, составлявших основу корабельного состава флотилии. По мнению исследователя, такими судами во второй половине XVIII в. были бригантины, а в первой половине XIX в. – бриги [14. С. 110]. В работе В.Н. Половинкина и А.Б. Фомичева содержался перечень корабельных мастеров, принимавших участие в строительстве судов в Охотске [15. С. 234].

В тесной связи с охотским судостроением исследователями рассматривалась деятельность Иркутского адмиралтейства. О том, что Иркутск с 1753 г. служил базой снабжения охотской верфи, а занималось этим учрежденное здесь адмиралтейство, писал еще А.С. Сгибнев [5. С. 37; 16. С. 62]. На 1753 г. как дату создания этого адмиралтейства указывал и С.Ф. Огородников [17. С. 58].

Вместе с тем другие авторы организацию адмиралтейства связывали с событиями начала XIX в. Как писал В.Г. Чубинский, в 1802 г. отправлявшийся в Охотск на должность главного командира порта вице-адмирал И.К. Фомин поручил лейтенанту Маслову осуществлять в Иркутске на постоянной основе заготовку и отправку необходимых для судостроения материалов и припасов [8. С. 169]. Такой же точки зрения придерживался и Е.И. Аренс [18. С. 57]. А вот А.С. Сгибнев инициатором передачи уже существовавшего адмиралтейства в руки представителей морского ведомства в 1801 г. называл иркутского военного губернатора Б.Б. Лещано [16. С. 62].

Однако и судостроительная деятельность в Иркутске также велась. Одни исследователи относили ее начало к 1725 г., когда здесь были заложены первые корабли ссыльными с архангельских и волжских верфей [15. С. 237–238]. А.С. Сгибнев отмечал начало судостроения на Байкале еще в XVII в., а также то, что регулярный характер оно приобрело в 1726 г. [19. С. 69]. Первым же судном, сооруженным по распоряжению Адмиралтейств-коллегии, стал в 1738 г. бот,

построенный мастером Козловым [16. С. 70]. А.С. Сгибнев также очень подробно изложил ход строительства и эксплуатации всех судов, построенных в Иркутском адмиралтействе вплоть до его упразднения и предназначавшихся преимущественно для перевозки людей и грузов через Байкал [16. С. 53–68; 19. С. 70–86; 20. С. 27–37].

С.Ф. Огородников утверждал, что строительство в Иркутске небольших военных судов (ботов) началось по указанию Адмиралтейств-коллегии с 1734 г. [17. С. 58]. И.В. Богатырев полагал, что первый бот был построен по распоряжению морского ведомства в мае 1742 г. для экспедиции В.И. Беринга [11. С. 202]. По данным В.Н. Половинкина и А.Б. Фомичева, с 1754 по 1784 г. для плавания по Байкалу на верфи в Иркутске было построено четыре крупных парусных бота [15. С. 237].

Заведенная на Байкале небольшая флотилия была подчинена в начале XIX в. начальнику Иркутского адмиралтейства. Как отмечали исследователи, в 1824 г. адмиралтейство было перенесено ближе к городу и размещено на берегу р. Ангары, что позволило продолжить здесь постройку судов [8. С. 169; 17. С. 58; 18. С. 57; 20. С. 31]. Те же В.Н. Половинкин и А.Б. Фомичев утверждали даже, что в адмиралтействе были построены несколько более крупных, по сравнению с ботами, двухмачтовых галиотов [15. С. 237], что, впрочем, не было подтверждено больше ни одним из исследователей. Упразднено Иркутское адмиралтейство было в 1839 г. [21. С. 30]. По мнению А.С. Сгибнева, вызвано такое решение было тем, что к этому времени на Байкале получило значительное развитие частное судоходство, в результате чего на казенных судах осуществлялась только перевозка через озеро ссыльнокаторжных и нижних чинов для войсковых команд в Забайкалье [20. С. 35].

Данные исследователей о количестве и типах построенных на Дальнем Востоке и в Сибири судов отмечаются чрезвычайным разнообразием. Более однозначная оценка просматривается в вопросе локализации мест строительства судов для Охотской флотилии. Помимо Охотска и Иркутска, где судостроительная деятельность носила постоянный характер, в качестве таких мест назывались: Большерецк, Нижнекамчатск, устье р. Камчатки, Якутск, Тобольск, Новоархангельск, о. Беринга и Верхнеколымск. Причем количество построенных в этих последних восьми пунктах судов не превышало 1–3 единицы. Количество же построенных судов в Охотске исследователями оценивалось таким образом: А.С. Сгибневым – 64 [6. С. 55–63], Ф.Ф. Веселагой – 60 [22. С. 704–727], А.И. Алексеевым и его последователями – 62 [9. С. 151; 23. С. 11], А.А. Чернышевым – 56 [24], В.Н. Половинкиным и А.Б. Фомичевым – 54 [15. С. 234–237]. Сведения о количестве построенных судов в Иркутске содержались в работах Ф.Ф. Веселаго (8 единиц) и А.А. Чернышева (9 единиц). Между тем в скрупулезном исследовании А.С. Сгибнева имелись сведения как минимум о 15 судах, построенных в Иркутске на казенный счет с 1738 по 1838 г. [16. С. 53–68; 19. С. 70–86; 20. С. 27–37].

Среди типов строившихся в Охотске и на других верфях судов исследователями назывались: шлюпы,

бриги, катера, тендеры, шхуны, боты, бригантины, дубель-шлюпки, галиоты, гукоры, транспорты, пакетботы, лодьи, суда (по классификации, предложенной А.А. Чернышевым, суда экспедиционные и суда транспортные [24. С. 439–442]). Что касается количества построенных судов данных типов, то сведения по ним у исследователей также существенно расходились. Разнилась даже сама классификация конкретных судов и даты их ввода в строй.

Ликвидация Охотского порта и прекращение здесь судостроения (1849 г.), непродолжительное пребывание главного порта и места базирования Охотской флотилии на Камчатке с последующим переносом его в 1854 г. в Николаевск-на-Амуре [9. С. 135, 142] – все эти события практически совпали с переломным моментом в истории отечественного судостроения – переходом от парусного его периода к паровому и металлическому. А это потребовало создания и соответствующих производственных судостроительных мощностей, чего, в конечном итоге, за весь дореволюционный период на Дальнем Востоке так и не было сделано в полной мере. Тем не менее исследователями была выявлена определенная судостроительная, а в большей степени судоремонтная деятельность в ряде пунктов бассейна Амура и во Владивостоке.

Целым рядом авторов отмечался интерес, проявленный российскими властями к судостроению в бассейне Амура еще в XVIII в. [7. С. 71; 9. С. 70; 19. С. 71–79; 25. С. 131–145; 26. С. 107–130; 27. С. 156–165]. Связано это было с деятельностью так называемой Нерчинской секретной экспедиции (1753–1765 гг.), в ходе которой под руководством Ф.И. Соймонова были основаны верфи в устье р. Нерчи у города Нерчинская и на р. Хилек. Однако из-за позиции правительства Китая планы экспедиции не были реализованы, а в 1765 г. она была ликвидирована, после чего «уничтожены были и адмиралтейства в Нерчинске и на Хилке, и построенные Соймоновым в Нерчинске суда, частью сгнили на берегу и частью были переданы в частные руки» [19. С. 79].

Возвратиться к идее постройки судов в бассейне Амура стало возможным только по результатам Амурской экспедиции под руководством Г.И. Невельского. Как отмечали многие исследователи, уже в 1853 г. на Шилкинском заводе для Охотской (Сибирской) флотилии был построен первый пароход «Аргунь» с железным корпусом [22. С. 704; 28. С. 51; 29. С. 309]. Были предприняты попытки создания центра судостроения в основанном Г.И. Невельским в 1850 г. Николаевске-на-Амуре. Р.М. Мельников утверждал, что после заказа в 1859 г. во Франции двух канонерских лодок «Тюлень» и «Морж» планировалось начать постройку таких кораблей для Сибирской флотилии на Амуре. Для этого американской фирме «Новелти Айрон Уоркс» были заказаны два комплекта машин, котлов и ряд деталей для двух канонерских лодок. Одновременно было получено оборудование для довооружения адмиралтейства в Николаевске-на-Амуре [30. С. 49]. По мнению ряда современных исследователей, производственная база здесь была создана к 1865 г. [13. С. 608; 23. С. 26]. Она включала в себя механический завод,

кузницу с паровым молотом, котельную и другие мастерские, достаточные для ремонта судовых машин мощностью до 360 л.с. включительно. Кроме этого в порту имелись два крытых эллинга для строительства новых судов [29. С. 316].

Однако результаты судостроительной деятельности в Николаевске-на-Амуре исследователями оценивались как весьма скромные. Еще в 1864 г. авторы статьи в «Морском сборнике» утверждали, что здесь велось строительство канонерской лодки «Чнырах» [31. С. 264]. Ни в одном справочном издании сведений о корабле с таким наименованием и такого класса нет, а можно предположить, что в данном случае речь шла о лодке «Нерпа». Как показал Р.М. Мельников, ее строительство началось в октябре 1863 г., но в октябре 1865 г. было приостановлено вначале из-за нехватки материалов, а в 1867 г. из-за сокращения бюджета Морского министерства. Возобновилось строительство «Нерпы» только в 1873 г. и с большим трудом продолжалось до 1878 г., когда были проведены испытания корабля [30. С. 50]. Помимо этого исследователи отмечали постройку в Николаевске двух парусных деревянных шхун (1870 г.), парового баркаса и парохода, а также сборку приобретаемых в США пароходов [23. С. 26; 29. С. 316; 32. С. 111].

В результате Николаевск-на-Амуре так и не стал судостроительным центром для Сибирской флотилии. Как отмечал П.А. Мордовин, ее пополнение осуществлялось преимущественно за счет приобретения винтовых судов и пароходов за границей или строительства их на верфях Санкт-Петербурга и Финляндии [32. С. 111]. Вместе с тем в Николаевске велись довольно интенсивные судоремонтные работы [31. С. 317].

Впрочем уже в 1871 г. главный порт Сибирской флотилии был перебазирован во Владивосток. Причины такого решения, вызванные недостатками Николаевска и как порта, и как места для строительства и ремонта судов, были обстоятельно изложены в обзоре деятельности морского ведомства, вышедшем в свет еще в 1880 г. [29. С. 317], а также подтверждены современными исследователями [13. С. 608; 23. С. 26; 33. С. 77].

Как отмечал уже в постсоветское время А.С. Павлов, формировавшаяся в дальнейшем на Амуре судостроительная отрасль была нацелена преимущественно на сооружение пассажирских и торговых пароходов [34. С. 59]. В ходе Русско-японской войны для защиты устья Амура использовались колесные пароходы и винтовые катера Военного министерства и Корпуса пограничной стражи, наскоро вооруженные артиллерией [35. С. 76]. Морским ведомством было произведено переоборудование грузовых барж Амурского общества пароходства и торговли в плавбатареи, на которые были установлены полученные из Санкт-Петербурга 152-миллиметровые орудия системы Канэ [36]. При этом работы по переоборудованию барж проводились в 1905 г. в районе Хабаровска – в Уссурийской протоке, в Блаженном затоне [35. С. 77].

Еще один сюжет, связанный уже со строительством военных судов, касался сооружения канонерских лодок для Амурской военной флотилии. Историю эту довольно подробно исследовал в целом ряде своих статей

И.И. Черников [37–40]. Реализован этот проект был Сормовским заводом в два этапа: вначале были построены три лодки по первоначальному проекту типа «Бурят» [39. С. 78], а затем с учетом опыта Русско-японской войны еще семь лодок типа «Вогул», которые стали бронированными и были оснащены системой нефтяного отопления котлов [40. С. 81]. Особенностью создания этих лодок стало то, что строились они на самом заводе в Сормово, затем в разобранном виде перевозились по железной дороге, а их сборка, вооружение и оснащение производились на временной верфи, организованной в поселке Кокуй на р. Шилке [37. С. 70; 41. С. 553]. Как отмечал А.С. Павлов, мастерские в Кокуе представляли из себя временки и были ликвидированы после сдачи предприятиям канонерских лодок морскому ведомству в 1908 г. [34. С. 61].

Аналогичный подход к организации судостроения в интересах Амурской флотилии был применен и при сооружении восьми канонерских лодок с дизельными силовыми установками типа «Шквал», первая публикация о которых появилась еще в 1922 г. [42]. Однако более основательно данная тема была исследована уже И.И. Черниковым. Реализация проекта «шквалов» была возложена в 1907 г. на Балтийский завод [43. С. 67], который строил корабли на самом предприятии в Санкт-Петербурге, а их сборку и вооружение производил во временных мастерских в Кокуе и Хабаровске [43. С. 68]. Как показали авторы работы по истории Балтийского завода, создание двух производственных площадок – в верховье и низовье Амура – было вызвано тем, что глубина р. Шилки в районе поселка Кокуй не позволяла провести по ней полностью оборудованные канонерские лодки. Поэтому здесь было решено производить только сборку корпусов и установку некоторых механизмов, а окончательно достраивать канонерки – в Хабаровске. Для руководства работами в Забайкалье и на Дальнем Востоке было специально создано Амурское отделение Балтийского завода [44. С. 155], а оборудование производственной площадки в Кокуе было завершено к осени 1907 г. [44. С. 157].

Что касается отделения Балтийского завода в Хабаровске, то его оборудование началось в 1908 г. На берегу Осиповской протоки р. Амур были построены мастерские, состоявшие из механического, токарного, котельного, деревообрабатывающего цехов и плавучей мастерской [41. С. 553]. А.С. Павлов утверждал, что, как и в Кокуе, данные производственные мощности после сдачи последних канонерок осенью 1910 г. были ликвидированы [34. С. 61]. Однако исследователь К.Я. Киселев выяснил, что все постройки и оборудование Балтийского завода были приобретены Морским министерством. И уже 20 ноября 1910 г. на их базе были открыты судоремонтные мастерские Амурской флотилии, кадровый костяк которых составили петербургские рабочие, оставшиеся работать по договору [41. С. 554].

Как уже отмечалось выше, в 1871 г. главный порт Сибирской флотилии был перебазирован из Николаевска-на-Амуре во Владивосток. Однако формирование судоремонтной базы в заливе Петра Великого началось еще раньше, вскоре после основания здесь морского поста. Как отмечали авторы, уже в 1864 г. «были

высланы из Николаевска в Владивосток: паровая лесопильня, несколько механических станков, кузнечные горны, вагранка для выплавки металлов и разные инструменты» [29. С. 320].

Советский исследователь А.А. Гундобин в этой связи утверждал, что созданные таким образом мастерские позволяли производить крупный ремонт корпусов и механизмов судов, а на оборудованной в бухте Золотой Рог у Адмиральского сада верфи помимо парусных торговых и промысловых судов строились военные парусные боты, плашкоуты и баржи [45. С. 65]. Таким образом, в отечественной историографии сформировалась точка зрения о создании во Владивостоке первоначальной промышленной базы судоремонта и судостроения, которое одни исследователи относили к 1864 г. [23. С. 41], другие – к 1865 г. [46. С. 116].

В ряде работ нашел отражение ход дальнейшего развития данной базы. Так, в 1866 г. отмечалось новое расширение механических мастерских, в 1867 г. – строительство первого эллинга для ремонта малых судов и барж, в 1868 г. – начало строительства сухого дока, в котором уже в следующем году начали ремонтировать суда [45. С. 66; 46. С. 116]. Новым толчком к расширению производственной инфраструктуры авторы называли перевод во Владивосток главного порта в 1871 г. [45. С. 66]. В том же отчете морского ведомства 1880 г. подчеркивалось, что суда Сибирской флотилии «зимовали с 1872 на 1873 год в Владивостоке, где для ремонта судов уже имелись достаточные средства» [29. С. 332]. Эти же авторы писали и о начавшихся в 1873 г. работах по оборудованию так называемого нового порта, в котором предусматривались и новые мастерские, соорудившихся крайне медленно из-за нехватки рабочей силы и финансовых средств [29. С. 334]. Упоминания об этих работах у других исследователей практически не встречались. Тот же А.А. Гундобин писал только о постройке в старом адмиралтействе в 1870-х гг. барж, железного парохода «Амур» и винтовой канонерской лодки [45. С. 66]. Р.В. Кондратенко также подтверждал медленные темпы обновления производственной базы, когда, например, начавшееся в 1877 г. строительство котельной мастерской было затем заморожено до второй половины 1880-х гг. [47. С. 121].

Следующей страницей в истории судостроительной и судоремонтной базы Владивостока стало возникновение здесь Морского (у других авторов – Механического) завода. С.Ф. Огородников связывал начало его сооружения, как, впрочем, и всего «нового адмиралтейства», с посещением города в 1886 г. управляющим Морским министерством адмиралом И.А. Шестаковым [17. С. 239]. Однако А.А. Гундобин полагал, что строительство и оборудование завода начались еще в 1885 г., а в 1887 г. его первые цеха вступили в строй [45. С. 66]. В связи с сооружением данного предприятия исследователями довольно подробно была изучена история создания во Владивостокском порту докового хозяйства [47. С. 127]. О строительстве в 1881–1889 гг. плавучего, а в 1891–1897 гг. сухого доков писали еще С.Ф. Огородников [17. С. 239], затем А.А. Гундобин

[45. С. 66], а С.С. Илюшина посвятила этому вопросу специальную статью [48].

Как важное событие в истории Владивостокского порта исследователями рассматривалась производимая здесь сборка построенных на предприятиях балтийского региона миноносцев. Первыми стали сооруженные Невским заводом «Янчихе» и «Сучена», вступившие в строй Сибирской флотилии в 1889 г. [45. С. 66]. И.И. Яковлев явно ошибочно утверждал, что данные миноносцы доставлялись на Дальний Восток по железной дороге [49. С. 148]. На самом деле, как это было показано Н.Н. Афониним, транспортировка их осуществлялась в разобранном виде на пароходах [50. С. 74]. Еще четыре миноносца типа «Пернов», построенные в Новом Адмиралтействе в Санкт-Петербурге и на Ижорском заводе, были собраны во Владивостоке в 1897–1898 гг. [51. С. 64]. После этого, в связи с переводом Тихоокеанской эскадры в Порт-Артур, судостроение во Владивостоке было временно прекращено [45. С. 67].

Однако с началом осады Порт-Артура снова пришлось использовать Владивосток как место для сборки миноносцев так называемого типа «Твердый». Имевшиеся в порту стапели и спусковые фундаменты оказались неподходящим для подобных операций с более крупными кораблями. В этой связи в бухте Улисс близ Владивостока был оборудован «минный порт» со стапелями и мастерскими для сборки корпусов и механизмов миноносцев водоизмещением 300–350 т. Здесь и были собраны в 1905–1907 гг. три, а в 1907–1908 гг. еще два миноносца, корпуса и машины к которым строила фирма Крейтона в Санкт-Петербурге и Або [52. С. 64–65].

Относительно периода после окончания Русско-японской войны исследователи отмечали дальнейшее развитие судоремонтных мощностей Владивостокского порта, прежде всего Морского завода [41. С. 541; 45. С. 67; 53; 54].

В целом состояние судостроительной и судоремонтной базы во Владивостоке находило серьезную критику в отечественной историографии, причем на всех ее этапах. М.И. Кази в своей статье, специально посвященной вопросам развития военной судостроительной промышленности, даже не упомянул о наличии промышленной базы на Дальнем Востоке [55]. По оценкам Н.И. Дмитриева и В.В. Колпычева, «основанное в 1860 г. Владивостокское Адмиралтейство не только не может строить суда, но даже производить капитального ремонта и должно быть рассматриваемо как база для снабжения и текущего ремонта корпусов и мелких неисправностей механизмов и котлов» [56. С. 842].

И.И. Яковлев, отдавая должное сухому доку, способному в начале XX в. принимать корабли любых размеров, сетовал, что «единственный в крае судоремонтный завод... находился в таком жалком состоянии, что не мог служить ремонтной базой для флота. В результате в 1902 г. из Владивостока в Петербург пришлось отправить своим ходом несколько кораблей для ремонта и перевооружения» [49. С. 194]. Упрек в адрес правительства по поводу непринятия мер по усилению во Владивостоке судостроительной базы высказывал и Р.М. Мельников [30. С. 245]. Столь же нелестные

оценки можно найти и у исследователей постсоветского периода [23. С. 41; 46. С. 116; 47. С. 144; 57. С. 18].

Совсем кратким эпизодом в истории судостроительной отрасли на Дальнем Востоке стало ее развитие в Порт-Артуре в 1898–1904 гг. Как и в случае с Владивостоком, исследователи отмечали проблемы с финансированием и темпами работ по созданию здесь производственных мощностей, адекватных потребностям базировавшегося в порту флота Тихого океана. По данным И.И. Яковлева, на создание судоремонтной базы было выделено 21,8 млн руб. [49. С. 196]. А.Б. Широкоград утверждал, что при общей потребности на оборудование порта в 14 млн руб. в 1899 г. для этих целей было выделено всего 11 млн руб., и при этом работы начались только в 1901 г. [58. С. 169]. В любом случае освоить такие значительные средства до начала Русско-японской войны не удалось. Исследователями отмечалось, что к 1904 г. в Порт-Артуре был только старый сухой док китайской постройки, находившийся в заброшенном состоянии, а строительство нового дока и оборудование мастерских не было завершено [44. С. 135; 47. С. 147; 57. С. 19; 58. С. 169; 59. С. 59]. Р.В. Кондратенко добавлял к этому и нерешенность вопроса с постройкой плавучего дока [47. С. 147]. Не менее острой проблемой для Порт-Артура, по мнению В.Ю. Грибовского, оставалось и кадровое обеспечение судоремонтных работ [59. С. 59]. Это и вызвало отправку в Порт-Артур в феврале 1904 г. группы рабочих Балтийского завода в количестве 189 человек во главе с корабельным инженером Н.Н. Кутейниковым, сюжет о котором нашел отражение в целом ряде работ исследователей, начиная с публикации самого руководителя данной экспедиции [44. С. 135–137; 47. С. 154–155; 49. С. 196; 60; 61. С. 262–271; 62. С. 54].

Параллельно с работами по совершенствованию судоремонтной базы в Порт-Артуре шло и строительство миноносцев по той же схеме, что и во Владивостоке. Сведения о собранных в Порт-Артуре 12 миноносцах, из которых девять были построены на Невском, а три – на Ижорском заводах, содержались в справочнике С.П. Моисеева [63. С. 374–378]. Позднее об этом писал и А.А. Гундобин [45. С. 67], а еще позднее появился целый ряд специальных статей В.Ю. Усова и Н.Н. Афонаина [64. С. 58; 65. С. 60–63; 66. С. 68].

Для полноты картины состояния судостроительной отрасли в азиатской части имперской России следует упомянуть и о той ее части, которая работала в интересах такого локального формирования военно-морского флота, как Аральская флотилия.

О начальном этапе освоения русскими судоходства на Аральском море писал уже в 1862 г. С. Зыков. Он отмечал строительство в 1847 г. в Оренбурге военной шхуны «Николай» и частного судна «Михаил», которые в разобранном виде были перевезены в урочище Раим близ устья р. Сыр-Дарьи и там собраны [67. С. 311]. Вторая военная шхуна «Константин» была также построена в Оренбурге в 1848 г. [67. С. 312]. К началу 1853 г. автор утверждал уже наличие в Аральске верфи, на которой производилась сборка привезенных по частям парохода «Перовский» и парового бар-

каса «Обручев» [67. С. 314]. Данные четыре судна в составе Аральской флотилии фигурировали и в справочнике Ф.Ф. Веселаго [22. С. 730]. Примерно в таком виде процесс формирования флотилии был изложен в соответствующей статье «Энциклопедии военных и морских наук» [68. С. 183]. Автор статьи в «сытинской» «Военной энциклопедии» отмечал наличие в регионе плавучего дока и мастерских для обслуживания судов флотилии [69. С. 1].

Согласно справочному изданию С.П. Моисеева, состав Аральской флотилии включал в себя четыре парохода, из которых три были построены в Англии и Бельгии, а еще один – на Воткинском заводе [63. С. 418]. По сведениям Б.А. Сутырина, на этом предприятии в 1870 г. был сооружен пароход с машиной мощностью в 35 л.с., а также железная баржа и четыре шлюпки. Все эти суда доставлялись в Самару, а оттуда направлялись к конечному пункту назначения сухопутным путем через Оренбург [70. С. 54].

Судовой состав Аральской флотилии в исчерпывающем виде был представлен в работах И.И. Черникова [71. С. 73–74; 72. С. 141–146]. По его сведениям, за период с 1853 по 1883 г. в состав флотилии входили пять пароходов, паровой баркас, плавучий док, десять барж, семь паромов, 22 баркаса, 18 шлюпок, две наборные шлюпки, два флашхоута и понтонная лодка. При этом значительная часть этих плавсредств была построена на Воткинском заводе, а также на верфях Аральского моря – в Аральске и Казалинске [71. С. 74]. Некоторое представление о производственной инфраструктуре, сформированной на Аральском море, дает работа Ю.Ф. Каторина и Л.А. Кузнецова, которые выяснили, что в Казалинске в 1860–1864 гг. были построены кузница, шлюпочный и машинный сарай, склады [73. С. 143].

Возникновение судостроительной промышленности в азиатской части Российской империи, в отличие от европейской части, не было вызвано необходимостью решения важных военно-политических задач. Здесь не создавались крупные военно-морские соединения, а строившиеся корабли предназначались преимущественно для транспортных и охранных функций. Все это не могло не оказать влияния и на облик существовавшей судостроительной отрасли, существенно отличавшейся от аналогичных структур в других регионах России. В эпоху парусного флота верфи в Сибири и на Дальнем Востоке, количество которых, по данным исследователей, составляло не менее 11, имели довольно широкую географию и были разбросаны на огромных расстояниях – от Тобольска до Камчатки и Алеутских островов. Однако вклад этих верфей в судостроение был далеко не одинаковым: большая часть их носила временный характер и их деятельность ограничилась постройкой одного-двух судов либо для решения конкретной задачи, либо в связи с вынужденной необходимостью. Наиболее значимую роль сыграла Охотская верфь, где и было построено подавляющее количество самых разнообразных судов для Охотской флотилии.

В эпоху парового и металлического флота ситуация кардинально изменилась. Роль Дальнего Востока в гео-

политическом плане существенно возросла, соответственно, повысились требования к корабельному составу сил флота в данном регионе, реализовать которые можно было только с опорой на современную судостроительную базу. Между тем за весь имперский период такая база в регионе так и не была создана. Анализ причин такого положения дел, а также исследование развития военно-технической политики царского правительства в дальневосточном регионе вполне могла бы стать предметом отдельного исследования. Мы же здесь ограничимся только следующим соображением.

Очевидно, что помимо традиционных для отечественного военного судостроения проблем (хроническое технико-технологическое отставание от ведущих морских держав в области военного судостроения, не менее хронический недостаток финансирования военно-морских программ и т.п.), в случае с азиатской частью страны важнейшим сдерживающим фактором на пути развития отрасли становился фактор логистический. Нельзя сказать,

что правительство не предпринимало никаких мер по нейтрализации всех этих факторов. В числе таких мер следует рассматривать, например, реализацию проектов строительства разборных кораблей относительно небольшого тоннажа или вооружение в экстренных случаях гражданских судов с использованием имеющейся в регионе весьма скромной судостроительной базы. Более действенным представляется, так сказать, «филиальный» подход к организации военного судостроения, т.е. создание в регионе филиалов крупных судостроительных предприятий, базировавшихся в европейской части России. Эти филиалы вполне могли бы стать своего рода ростками будущих крупных судостроительных центров, хотя на практике этого так и не произошло. Чего здесь было больше – неадекватности имперского правительства, недостатка ресурсов, трудностей преодоления имевшейся общей относительной отсталости промышленности страны – можно выяснить только в рамках отдельного научного исследования.

Список источников

1. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. Т. 1. СПб. : при Имп. Академии наук, 1755. 460 с.
2. Шмалев Т.И. Краткое описание о Камчатке, учиненное в июне месяце 1773 года / Опыт трудов Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете. Ч. 1. М. : Унив. тип., 1774. С. 195–215.
3. Берх В.Н. Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой? и совершенное в 1727, 28 и 29 годах под начальством флота капитана 1-го ранга Витуса Беринга. СПб. : при Имп. Академии наук, 1823. 130 с.
4. А.П. Охотск // Отечественны записки. 1850. № 6. С. 133–148.
5. Сгибнев А. Охотский порт с 1649 по 1852 г. // Морской сборник. 1869. № 11. Неофиц. отд. С. 1–92.
6. Сгибнев А. Охотский порт с 1649 по 1852 г. // Морской сборник. 1869. № 12. Неофиц. отд. С. 1–64.
7. Соколов А. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашева, 1764–1769 г. // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. 1852. Ч. X. С. 70–103.
8. Чубинский В.Г. Историческое обозрение устройства управления Морским ведомством в России. СПб. : тип. Мор. м-ва, 1869. 332 с.
9. Алексеев А.И. Охотск – колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск : Хабаровское кн. изд-во, 1958. 158 с.
10. Эндаков Д.Н. Русский флот на Тихом океане (XVII–XX вв.). Владивосток : Изд-во Дальневост. у-та, 1989. 154 с.
11. История отечественного судостроения IX–XIX вв. В пяти томах. Т. 1. Парусное деревянное судостроение / В.Д. Доценко, И.В. Богатырев, Г.А. Вахарловский, П.А. Кротов, А.Г. Сацкий. СПб. : Судостроение, 1994. 472 с.
12. Федорова Т.С. Первый строитель судов Охотского порта // Гангут. 1998. № 17. С. 100–105.
13. Монаков М.С., Родионов Б.И. История российского флота в свете мировой политики и экономики (X–XIX вв.) / под общ. ред. В.И. Куроедова. М. : Кучково поле, 2006. 832 с.
14. Глебов А.М. Бригантины и бриги Охотской флотилии в первой половине XIX века / История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (22–24 мая 2017 г.). Горно-Алтайск, 2017. С. 103–111.
15. Половинкин В.Н., Фомичев А.Б. Отечественное кораблестроение. 2-е изд., исп. и доп. СПб. : АИР, 2017. 1044 с.
16. Сгибнев А. Байкал и его судоходство // Морской сборник. 1870. № 7. Неофиц. отд. С. 53–68.
17. Огородников С.Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802–1902 гг.). СПб. : тип. Мор. м-ва, 1902. 275 с.
18. Арнс Е.И. История русского флота. Царствование имп. Александра I. СПб. : литогр. К. Биркенфельда, 1899. 94 с.
19. Сгибнев А. Байкал и его судоходство // Морской сборник. 1870. № 5. Неофиц. отд. С. 67–86.
20. Сгибнев А. Байкал и его судоходство // Морской сборник. 1870. № 8. Неофиц. отд. С. 27–50.
21. Коргуев Н. Русский флот в царствование императора Николая I. СПб. : тип. Мор. м-ва, 1896. 91 с.
22. Веселаго Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб. : тип. Мор. м-ва, 1872. 828 с.
23. Страницы истории Тихоокеанского флота России : научно-популярный очерк / авт.-сост. Н.Г. Москалев. 2-е изд., доп. М. : Морской простор, 2008. 183 с.
24. Чернышев А.А. Российский парусный флот. Т. 2. М. : Воениздат, 2002. 480 с.
25. Гольденберг Л.А. Федор Иванович Соймонов (1692–1780). М. : Наука, 1966. 264 с.
26. Гольденберг Л.А. Каторжанин – сибирский губернатор. Жизнь и труды Ф.И. Соймонова. Магадан : Кн. изд-во, 1979. 287 с.
27. Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII–середина XIX в. Хабаровск : Кн. изд-во, 1986. 335 с.
28. Мордовин П. Русское военное судостроение в течение последних 25 лет. 1855–1880 г. // Морской сборник. 1880. № 10. Неофиц. отд. С. 43–78.
29. Обзор деятельности морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1855–1880. Ч. 2. СПб. : тип. Мор. м-ва, 1880. 995 с.
30. Мельников Р.М. История отечественного судостроения : в 5 т. Т. 2: Паровое и металлическое судостроение во второй половине XIX в. / сост. Б.Н. Малахов. СПб. : Судостроение, 1996. 544 с.
31. Военное судостроение в России в 1864 году // Морской сборник. 1865. № 10. Отд. III. С. 263–334.
32. Мордовин П. Русское военное судостроение в течение последних 25 лет. 1855–1880 г. // Морской сборник. 1881. № 8. Неофиц. отд. С. 95–114.
33. Макаров А.Г. Создание Сибирской флотилии // Судостроение. 1996. № 11/12. С. 76–78.
34. Павлов А.С. Начало амурского судостроения // Судостроение. 1992. № 1. С. 59–61.
35. Черников И.И. Плавбатарей Амурской флотилии // Судостроение. 2004. № 3. С. 75–77.

36. Кузнецов Л.А. Из истории Амурской флотилии // Гангут. 2012. № 69. С. 50–70.
37. Черников И.И. Речные канонерские лодки типа «Бурят» // Судостроение. 1987. № 8. С. 68–71.
38. Черников И.И. Речные канонерские лодки типа «Вогул» // Судостроение. 1987. № 9. С. 66–69.
39. Черников И.И. Канонерские лодки типа «Бурят» и «Монгол» // Судостроение. 2008. № 5. С. 75–80.
40. Черников И.И. Канонерские лодки типа «Красная звезда» // Судостроение. 2009. № 1. С. 80–84.
41. История отечественного военного судоремонта. Кн. 3. Заводы. Люди. Корабли / под общ. ред. Г.Н. Муру. СПб. : Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2011. 624 с.
42. Дефабр К. Успехи русской морской техники. Тепловые двигатели и Амурская флотилия // Морской сборник. 1922. № 8-9. С. 159–168.
43. Черников И.И. Бронированные канонерские лодки типа «Шквал» – первые в мире речные дизельные корабли // Судостроение. 1987. № 10. С. 65–68.
44. История Балтийского завода. Т. 1. СПб. : Гидрометеиздат, 2003. 280 с.
45. Гундобин А.А. Промышленная база русского флота на Тихом океане // Судостроение. 1967. № 3. С. 65–67.
46. Зайцев Ю.М. Базирование российского флота на Дальнем Востоке (1731–1925 гг.) // Россия и АТР. 2002. № 1 (35). С. 115–125.
47. История отечественного военного судоремонта. Кн. 1. От доковых адмиралтейств к морским заводам / П.А. Кротов, Г.А. Гребенщикова, Р.В. Кондратенко и др. СПб. : Гангут, 2004. 336 с.
48. Илюшина С.С. Постройка доков // Судостроение. 1987. № 7. С. 50–51.
49. Яковлев И.И. Корабли и верфи. Очерки истории отечественного судостроения. Л. : Судостроение, 1970. 383 с.
50. Афонин Н.Н. Разборные миноносцы «Янчих» и «Сучена» // Судостроение. 1982. № 1. С. 73–74.
51. Усов В.Ю. Миноносцы типа «Пернов» // Судостроение. 1982. № 9. С. 62–66.
52. Усов В.Ю. Разборные миноносцы типа «Твердый» // Судостроение. 1983. № 9. С. 62–65.
53. Климовский С.Д. Минные и сетевые заградители русского флота // Судостроение. 1988. № 1. С. 65–67.
54. Климовский С.Д. Заградители «Монгугай», «Уссури», «Шилка», «Прут» // Судостроение. 1988. № 6. С. 61–64.
55. Кази М.И. Русские заводы для сооружения и вооружения военного флота // Русское судоходство. 1886. № 4. С. 98–107.
56. Дмитриев Н.И., Колпычев В.В. Судостроительные заводы и судостроение в России и за границей. СПб. : тип. Мор. м-ва, 1909. 1072 с.
57. Айрапетов О.Р. Порт-Артур. К вопросу об организации базы флота и крепости // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2013. № 4. С. 3–22.
58. Широкопад А.Б. Падение Порт-Артура. М. : АСТ; Ермак, 2003. 507 с.
59. Грибовский В.Ю. Русский флот Тихого океана, 1898–1905. История создания и гибели. М. : Военная книга, 2004. 140 с.
60. Кутейников Н.Н. Из боевого опыта корабельного инженера под Порт-Артуром. СПб. : тип. Мор. м-ва, 1905. 160 с.
61. Кузнецов К.А., Лившиц Л.З., Плясунов В.И. Балтийский судостроительный. 1856–1917. Очерк истории Балтийского судостроительного завода имени С. Орджоникидзе. Л. : Судостроение, 1970. 560 с.
62. Быховский И.А. Строитель первого русского дредноута // Судостроение. 1972. № 11. С. 53–56.
63. Моисеев С.П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 год). М. : Воениздат, 1948. 576 с.
64. Усов В.Ю. Миноносцы типа «Сокол» // Судостроение. 1982. № 11. С. 55–59.
65. Усов В.Ю. Порт-артурские «соколы» // Гангут. 1991. Вып. 2. С. 57–64.
66. Афонин Н.Н. «Стерегущий» // Судостроение. 2004. № 3. С. 67–70.
67. Зыков С. Очерк утверждения русского владычества на Аральском море и реке Сырдарье с 1847 по 1862 год // Морской сборник. 1862. № 6. С. 296–348.
68. Аральская флотилия // Энциклопедия военных и морских наук : в 8 т. Т. 1 / под ред. Леера. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1883. С. 183.
69. Аральская флотилия // Военная энциклопедия. Т. 3. СПб. : Т-во И.Д. Сытина, 1911. С. 1.
70. Сутырин Б.А. Роль машиностроительных заводов Среднего Урала в создании отечественного речного транспорта (1861–1880 годы) // Вопросы истории Урала : сб. ст. по истории промышленности и аграрных отношений на Урале. 1965. Вып. 6. С. 50–64.
71. Черников И.И. Русские речные флотилии за 1000 лет (907–1917 гг.) / под ред. В.Н. Щербакова. СПб. : Б.С.К., 1999. 122 с.
72. Черников И.И. Флот на реках. СПб. : Полигон, 2003. 704 с.
73. Каторин Ю.Ф., Кузнецов Л.А. Из истории Аральской флотилии // Гангут. 2014. № 82. С. 135–150.

References

1. Krashenninnikov, S.P. (1755) *Opisanie zemli Kamchatki* [Description of the land of Kamchatka]. Vol. 1. St. Petersburg.
2. Shmalev, T.I. (1774) *Kratkoe opisanie o Kamchatke, uchinennoe v iyune mesyace 1773 goda* [Brief description of Kamchatka, committed in June 1773]. In: *Opyt trudov Vol'nago Rossiyskago sobraniya pri Imp. Moskovskom universitete* [Experience of the Works of the Free Russian Assembly at the Imperial Moscow University]. Vol. 1. Moscow: Univ. tip. pp. 195–215.
3. Berh, V.N. (1823) *Pervoe morskoe puteshestvie rossiyan, predprinaytoe dlya resheniya geograficheskoy zadachi: soedinyayetsya li Aziya s Amerikoj? i sovershennoe v 1727, 28 i 29 godah pod nachal'stvom flota kapitana 1-go ranga Vitusa Beringa* [The first sea voyage of the Russians, undertaken to solve a geographical problem: is Asia connected to America? and committed in 1727, 28 and 29 under the command of the fleet of captain 1st rank Vitus Bering]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
4. A.P. (1850) *Ohotsk. Otechestvennye zapiski*. 6. pp. 133–148.
5. Sgibnev, A. (1869) *Okhotskiy port s 1649 po 1852 g.* [Port of Okhotsk from 1649 to 1852]. *Morskoy sbornik*. 11. pp. 1–92.
6. Sgibnev, A. (1869) *Okhotskiy port s 1649 po 1852 g.* [Port of Okhotsk from 1649 to 1852]. *Morskoy sbornik*. 12. pp. 1–64.
7. Sokolov, A. (1852) *E'kspeditsiya k Aleutskim ostrovam kapitanov Krenitsyna i Levasheva, 1764–1769 g.* [Expedition to the Aleutian Islands of captains Krenitsyn and Levashev, 1764–1769]. *Zapiski Gidrograficheskogo departamenta Morskogo ministerstva*. 10. pp. 70–103.
8. Chubinskiy, V.G. (1869) *Istoricheskoe obozrenie ustroystva upravleniya Morskim vedomstvom v Rossii* [Historical review of the management structure of the Maritime Department in Russia]. St. Petersburg: Tip. mor. m-va.
9. Alekseev, A.I. (1958) *Okhotsk – kolybel' russkogo Tikhookeanskogo flota* [Okhotsk – the cradle of the Russian Pacific Fleet]. Khabarovsk: Khabarovskoe kn. izd-vo.
10. Endakov, D.N. (1989) *Russkiy flot na Tikhom okeane (XVII–XX vv.)* [Russian fleet in the Pacific Ocean (17th–20th centuries)]. Vladivostok: Far Eastern State University.
11. Dotsenko, V.D. (ed.) (1994) *Istoriya otechestvennogo sudostroeniya IX–XIX vv.* [History of domestic shipbuilding in the 9th–19th centuries]. Vol. 1. St. Petersburg: Sudostroenie.
12. Fedorova, T.S. (1998) *Pervyy stroitel' sudov Okhotskogo porta* [The first builder of ships in the port of Okhotsk]. *Gangut*. 17. pp. 100–105.
13. Monakov, M.S. & Rodionov, B.I. (2006) *Istoriya rossiyskogo flota v svete mirovoy politiki i ekonomiki (X–XIX vv.)* [History of the Russian fleet in the light of world politics and economics (10th–19th centuries)]. Moscow: Kuchkovo pole.
14. Glebov, A.M. (2017) [Brigantines and brigs of the Okhotsk flotilla in the first half of the 19th century]. *Istoriya i kul'tura narodov Yugo-Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh regionov (Kazakhstan, Mongoliya, Kitay)* [History and culture of the peoples of South-Western Siberia and adjacent regions (Kazakhstan, Mongolia, China)]. Proceedings of the International Conference. Gorno-Altaysk. pp. 103–111. (In Russian).
15. Polovinkin, V.N. & Fomichev, A.B. (2017) *Otechestvennoe korablestroenie* [Domestic shipbuilding]. St. Petersburg: AIR.

16. Sgibnev, A. (1870) Baykal i ego sudokhodstvo [Baikal and its shipping]. *Morskoy sbornik*. 7. pp. 53–68.
17. Ogorodnikov, S.F. (1902) *Istoricheskiy obzor razvitiya i deyatel'nosti Morskogo ministerstva za sto let ego sushhestvovaniya (1802–1902 gg.)* [Historical overview of the development and activities of the Maritime Ministry over a hundred years of its existence (1802–1902)]. St. Petersburg.
18. Arens, E.I. (1899) *Istoriya russkogo flota. Czarstvovanie imp. Aleksandra I* [History of the Russian fleet. Reign of Emperor Alexander I]. St. Petersburg.
19. Sgibnev, A. (1870) Baykal i ego sudokhodstvo [Baikal and its shipping]. *Morskoy sbornik*. 5. pp. 67–86.
20. Sgibnev, A. (1870) Baykal i ego sudokhodstvo [Baikal and its shipping]. *Morskoy sbornik*. 8. pp. 27–50.
21. Korguev, N. (1896) *Russkiy flot v tsarstvovanie imperatora Nikolaya I* [Russian fleet during the reign of Emperor Nicholas I]. St. Petersburg: Tip. mor. m-va.
22. Veselago, F. (1872) *Spisok russkikh voennykh sudov s 1668 po 1860 god* [List of Russian military courts from 1668 to 1860]. St. Petersburg: Tip. mor. m-va.
23. Moskalev, N.G. (2008) *Stranitsy istorii Tikhookeanskogo flota Rossii: nauchno-populyarnyy ocherk* [Pages of the history of the Russian Pacific Fleet: popular science essay]. Moscow: Morskoy prostor.
24. Chernyshev, A.A. (2002) *Rossiyskiy parusnyy flot* [Russian sailing fleet]. Vol. 2. Moscow: Voenizdat.
25. Gol'denberg, L.A. (1966) *Fedor Ivanovich Soymonov (1692–1780)*. Moscow: Nauka. (In Russian).
26. Gol'denberg, L.A. (1979) *Katorzhanin – sibirskiy gubernator. Zhizn' i trudy F.I. Soymonova* [Convict – Siberian governor. Life and works of F.I. Soymonov]. Magadan: Kn. izd-vo.
27. Besprozvannyh, E.L. (1986) *Priamur'e v sisteme russko-kitayskikh otnosheniy. XVII – seredina XIX v.* [The Amur region in the system of Russian-Chinese relations. 17th – mid-19th centuries]. Khabarovsk: Kn. izd-vo.
28. Mordovin, P. (1880) *Russkoe voennoe sudostroenie v techenie poslednih 25 let. 1855–1880 g.* [Russian military shipbuilding over the past 25 years. 1855–1880]. *Morskoy sbornik*. 10. pp. 43–78.
29. Mann, K.A. (ed.) (1880) *Obzor deyatel'nosti morskogo upravleniya v Rossii v pervoe dvadtsatipyatiletie blagopoluchnogo tsarstvovaniya gosudarya imperatora Aleksandra Nikolaevicha. 1855–1880* [Review of the activities of the maritime administration in Russia during the first twenty-fifth anniversary of the prosperous reign of Emperor Alexander Nikolaevich. 1855–1880]. Part 2. St. Petersburg: Tip. mor. m-va.
30. Mel'nikov, R.M. (1996) *Istoriya otechestvennogo sudostroeniya* [History of domestic shipbuilding]. Vol. 2. St. Petersburg: Sudostroenie.
31. Mel'nitskiy, V.P. (ed.) (1865) *Voennoe sudostroenie v Rossii v 1864 godu* [Military shipbuilding in Russia in 1864]. *Morskoy sbornik*. 10. pp. 263–334.
32. Mordovin, P. (1881) *Russkoe voennoe sudostroenie v techenie poslednih 25 let. 1855–1880 g.* [Russian military shipbuilding over the past 25 years. 1855–1880]. *Morskoy sbornik*. 8. pp. 95–114.
33. Makarov, A.G. (1996) *Sozdanie Sibirskoy flotilii* [Creation of the Siberian flotilla]. *Sudostroenie*. 11/12. pp. 76–78.
34. Pavlov, A.S. (1992) *Nachalo amurskogo sudostroeniya* [Beginning of Amur shipbuilding]. *Sudostroenie*. 1. pp. 59–61.
35. Chernikov, I.I. (2004) *Plavbatarei Amurskoy flotilii* [Floating batteries of the Amur flotilla]. *Sudostroenie*. 3. pp. 75–77.
36. Kuznetsov, L.A. (2012) *Iz istorii Amurskoy flotilii* [From the history of the Amur flotilla]. *Gangut*. 69. pp. 50–70.
37. Chernikov, I.I. (1987) *Rechnye kanonerskie lodki tipa "Buryat"* [River gunboats of the "Buryat" type]. *Sudostroenie*. 8. pp. 68–71.
38. Chernikov, I.I. (1987) *Rechnye kanonerskie lodki tipa "Vogul"* [River gunboats of the "Vogul" type]. *Sudostroenie*. 9. pp. 66–69.
39. Chernikov, I.I. (2008) *Kanonerskie lodki tipa "Buryat" i "Mongol"* [Gunboats of the "Buryat" and "Mongol" type]. *Sudostroenie*. 5. pp. 75–80.
40. Chernikov, I.I. (2009) *Kanonerskie lodki tipa "Krasnaya zvezda"* [Gunboats of the "Red Star" type]. *Sudostroenie*. 1. pp. 80–84.
41. Muru, G.N. (ed.) (2011) *Istoriya otechestvennogo voennogo sudoremonta* [History of domestic military ship repair]. Book 3. St. Petersburg: Gangut.
42. Defabr, K. (1922) *Uspekhi russkoy morskoy tekhniki. Teplovye dvigateli i Amurskaya flotiliya* [Advances of Russian marine technology. Thermal engines and the Amur flotilla]. *Morskoy sbornik*. 8-9. pp. 159–168.
43. Chernikov, I.I. (1987) *Bronirovannyye kanonerskie lodki tipa "Shkval"* - pervyye v mire rechnyye dizel'nyye korabli [Armored gunboats of the Shkval type - the world's first diesel river ships]. *Sudostroenie*. 10. pp. 65–68.
44. Shulyakovskiy, O.B. (ed.) (2003) *Istoriya Baltiyskogo zavoda* [History of the Baltic Shipyard]. Vol. 1. St. Petersburg: Gidrometeoizdat.
45. Gundobin, A.A. (1967) *Promyshlennaya baza russkogo flota na Tikhom okeane* [Industrial base of the Russian fleet in the Pacific Ocean]. *Sudostroenie*. 3. pp. 65–67.
46. Zaytsev, Yu.M. (2002) *Bazirovanie rossiyskogo flota na Dal'nem Vostoke (1731–1925 gg.)* [Basing of the Russian fleet in the Far East (1731–1925)]. *Rossiya i ATR*. 1 (35). pp. 115–125.
47. Muru, G.N. (ed.) (2004) *Istoriya otechestvennogo voennogo sudoremonta* [History of domestic military ship repair]. Book 1. St. Petersburg: Gangut.
48. Ilyushina, S.S. (1987) *Postroyka dokov* [Construction of docks]. *Sudostroenie*. 7. pp. 50–51.
49. Yakovlev, I.I. (1970) *Korabli i verfi. Ocherki istorii otechestvennogo sudostroeniya* [Ships and shipyards. Essays on the history of domestic shipbuilding]. Leningrad: Sudostroenie.
50. Afonin, N.N. (1982) *Razbornyye minonostsy "Yanchihe" i "Suchena"* [Collapsible destroyers "Yanchihe" and "Suchena"]. *Sudostroenie*. 1. pp. 73–74.
51. Usov, V.Yu. (1982) *Minonostsy tipa "Pernov"* [Destroyers of the Pernov type]. *Sudostroenie*. 9. pp. 62–66.
52. Usov, V.Yu. (1983) *Razbornyye minonostsy tipa "Tverdyy"* [Collapsible destroyers of the "Solid" type]. *Sudostroenie*. 9. pp. 62–65.
53. Klimovskiy, S.D. (1988) *Minnye i setevyye zagraditeli russkogo flota* [Minelayers and network minelayers of the Russian Fleet]. *Sudostroenie*. 1. pp. 65–67.
54. Klimovskiy, S.D. (1988) *Zagraditeli "Mongugaj", "Ussuri", "Shilka", "Prut"* [Minelayers "Mongugai", "Ussuri", "Shilka", "Prut"]. *Sudostroenie*. 6. pp. 61–64.
55. Kazi, M.I. (1886) *Russkie zavody dlya sooruzheniya i vooruzheniya voennogo flota* [Russian factories for the construction and armament of the navy]. *Russkoe sudokhodstvo*. 4. pp. 98–107.
56. Dmitriev, N.I. & Kolpychev, V.V. (1909) *Sudostroitel'nye zavody i sudostroenie v Rossii i za granitsey* [Shipyards and shipbuilding in Russia and abroad]. St. Petersburg: Tip. mor. m-va.
57. Ajrapetov, O.R. (2013) *Port-Artur. K voprosu ob organizatsii bazy flota i kreposti* [Port Arthur. On the issue of organizing a fleet base and fortress]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 4. pp. 3–22.
58. Shirokorad, A.B. (2003) *Padenie Port-Artura* [Fall of Port Arthur]. Moscow: AST: Ermak.
59. Gribovskiy, V.Yu. (2004) *Russkiy flot Tihogo okeana, 1898–1905. Istoriya sozdaniya i gibeli* [Russian Pacific Fleet, 1898–1905. History of creation and decease]. Moscow: Voennaya kniga.
60. Kuteynikov, N.N. (1905) *Iz boevogo opyta korabel'nogo inzhenera pod Port-Arturom* [From the combat experience of a naval engineer near Port Arthur]. St. Petersburg: Tip. mor. m-va.
61. Kuznecov, K.A., Livshic, L.Z. & Plyasunov, V.I. (1970) *Baltiyskiy sudostroitel'nyy. 1856–1917. Ocherk istorii Baltiyskogo sudostroitel'nogo zavoda imeni S. Ordzhonikidze* [Baltic shipbuilding. 1856–1917. Essay on the history of the Baltic Shipyard named after S. Ordzhonikidze]. Leningrad: Sudostroenie.
62. Byhovskiy, I.A. (1972) *Stroitel' pervogo russkogo dreadnouta* [Builder of the first Russian dreadnought]. *Sudostroenie*. 11. pp. 53–56.

63. Moiseev, S.P. (1948) *Spisok korabley russkogo parovogo i bronenosnogo flota (s 1861 po 1917 god)* [List of ships of the Russian steam and armored fleet (from 1861 to 1917)]. Moscow: Voenizdat.
64. Usov, V.Yu. (1982) Minonostyy tipa "Sokol" [Destroyers of the Sokol type]. *Sudostroenie*. 11. pp. 55–59.
65. Usov, V.Yu. (1991) Port-arturskie "sokoly" [Port Arthur "Falcons"]. *Gangut*. 2. pp. 57–64.
66. Afonin, N.N. (2004) "Sterezhushhiy" ["Guardian"]. *Sudostroenie*. 3. pp. 67–70.
67. Zykov, S. (1862) Ocherk utverzhdeniya russkogo vladychestva na Aral'skom more i reke Syrdar'e s 1847 po 1862 god [Essay on the establishment of Russian rule in the Aral Sea and the Syr Darya River from 1847 to 1862]. *Morskoy sbornik*. 6. pp. 296–348.
68. Leer, G.A. (ed.) (1883) *Aral'skaya flotiliya* [Aral flotilla]. In: *E'nciklopediya voennykh i morskikh nauk* [Encyclopedia of Military and Naval Sciences]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K^o.
69. Novitskiy, V.F. (ed.) (1911) *Aral'skaya flotiliya* [Aral flotilla]. In: *Voennaya e'nciklopediya* [Military encyclopedia]. Vol. 3. St. Petersburg.
70. Sutyurin, B.A. (1965) *Rol' mashinostroitel'nykh zavodov Srednego Urala v sozdanii otechestvennogo rechnogo transporta (1861–1880 gody)* [The role of machine-building plants of the Middle Urals in the creation of domestic river transport (1861–1880)]. *Voprosy istorii Urala*. 6. pp. 50–64.
71. Chernikov, I.I. (1999) *Russkie rechnye flotilii za 1000 let (907–1917 gg.)* [Russian river flotillas for 1000 years (907–1917)]. St. Petersburg: B.S.K.
72. Chernikov, I.I. (2003) *Flot na rekakh* [Fleet on the rivers]. St. Petersburg: Poligon.
73. Katorin, Yu.F. & Kuznetsov, L.A. (2014) Iz istorii Aral'skoy flotilii [From the history of the Aral flotilla]. *Gangut*. 82. pp. 135–150.

Информация об авторе:

Алексеев Т.В. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и философии Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: timson15121967@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.V. Alekseev, Dr. Sci. (History), professor, Mozhaisky Military Aerospace Academy (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: timson15121967@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.12.2023;
одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 29.02.2024.*

*The article was submitted 25.12.2023;
approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 29.02.2024.*

Научная статья
УДК 94+371.5
doi: 10.17223/15617793/499/11

Воспитательный процесс в женских средних школах (по материалам Пермской губернии второй половины XIX – начала XX в.)

Л.В. Архангельская¹

¹ Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
arhangellar@gmail.com

Аннотация. Изучено поведение учащихся в женских средних учебных заведениях Пермской губернии (большинство которых составляли женские гимназии и прогимназии). Проанализированы проблемы воспитательного процесса в открытых всеобщих школах, которые пришли на смену женским институтам и должны были исправить их недостатки. Делается вывод о том, что, несмотря на невозможность решения некоторых проблем и вторгающуюся в школьную жизнь политику, в целом, меры, предпринимаемые женскими школами, приносили положительные результаты.

Ключевые слова: женские школы; гимназистки; поведение; воспитание; Пермская губерния

Для цитирования: Архангельская Л.В. Воспитательный процесс в женских средних школах (по материалам Пермской губернии второй половины XIX – начала XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 105–115. doi: 10.17223/15617793/499/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/11

Educational process in women's secondary schools (based on materials from Perm Province of the second half of the 19th – early 20th centuries)

Larissa V. Arhangelskaya¹

¹ Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation,
arhangellar@gmail.com

Abstract. The article examines the behavior of students in female secondary educational institutions of Perm Province, most of which were female gymnasiums and junior high schools. The aim of the article is to analyze the problems of the educational process in open all-estates schools, which replaced women's institutions and were supposed to correct their shortcomings. The study used the methods of retrospective chronological analysis, generalization and interpretation of archival documents. Historical sources associated with the study include, first of all, the office documents of educational institutions, which make it possible to study the reasons why educational work had a significant place in the activities of these educational institutions conceived primarily as educational institutions. Some previously unexplored aspects of the attitude of school girls and teachers to school discipline are investigated. The measures that gave positive results are shown: the introduction of the position of a supervisor, out-of-school supervision, the opening of school dormitories. The lack of communication between the family and the school, which was supposed to form the basis of these schools, and the negative impact of the environment on the morality and academic performance of students made female gymnasiums take over the educational work upon themselves. The depressing state of discipline in the early years was also caused by a sharp increase in the number of students of different social backgrounds and the prevalence of teachers with a low cultural level. However, by the end of the 19th century, educational authorities noted an improvement in student behavior. New challenges for female schools arose for female gymnasiums at the beginning of the 20th century. The critical attitude of some pedagogical currents towards secondary school, supported by society and the press, and the spread of revolutionary ideas led to a deterioration in discipline. This was clearly manifested in some female gymnasiums in the period 1905–1907. The involvement of some of the female students in the protest movement was facilitated by revolutionary-minded teachers. To remedy the situation, the Ministry of Public Education again demanded to strengthen control over the students' leisure. Until 1917, the situation with behavior in female gymnasiums gradually stabilized (not counting the increased incidence of suicide among female students), and cooperation with parents was outlined. The negative trends that began in 1905 were exacerbated in the last year of the existence of women's schools. However, as before, they were provoked by radical students. It is concluded that, despite the impossibility of solving some problems and intruding politics in school life, in general, the measures taken by women's schools yielded positive results.

Keywords: women's schools, schoolgirls, behavior, education, Perm Province

For citation: Arhangelskaya, L.V. (2024) Educational process in women's secondary schools (based on materials from Perm Province of the second half of the 19th – early 20th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 105–115. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/11

Одним из проявлений модернизации общества середины XIX в. стало создание новых типов женской школы. Институты, призванные в свое время сформировать поколение женщин, способное смягчить нравы общества, подверглись резкой критике со стороны лидеров общественного мнения той эпохи [1. С. 26]. Образованная публика считала, что причина создания этих учебных заведений уже ликвидирована. По словам начальницы одесской гимназии О.В. Пиллер, она заключалась в том, что «русская семья XVIII столетия могла только парализовать наилучшие приемы воспитателей по причине своей невежественности, разгула, домашнего произвола и деспотизма, проявлявшегося над крепостными людьми и всеми домочадцами, не исключая и собственных детей» [2. С. 14]. В связи с этим воспитательная сторона педагогического процесса в закрытых учебных заведениях представлялась более важной: от девушки требовалось, прежде всего, быть воспитанной и в меньшей степени – образованной [3. С. 85]. В канун пореформенного периода, кроме претензий к замкнутости и качеству образования, институтские методы воспитания подверглись осмеянию: требование хороших манер и опрятности стало называться «дрессировкой, формализмом, стеснением; плавные и грациозные реверансы, которые заставляют делать воспитанниц института при встрече со старшими, взамен тех покровительственных и небрежных кивков головы, какими обыкновенно приветствуют своих наставников ученицы гимназий... возбуждали смех и негодование, назывались жеманством и манерничаньем, из-за которого будто бы умственное развитие девочек находилось в пренебрежении» [2. С. 43].

Надежды прогрессивной общественности возлагались на открытые всесословные школы, которые, в отличие от предыдущих, должны были взрастить новый тип женщин, трезвых и практичных, способных улучшить окружающую действительность путем основательных учебных занятий. Исследовательская проблема статьи заключается в анализе воспитательного процесса в новом типе женских учебных заведений. С той ролью, которую он стал в них играть, был непосредственно связан результат работы этих учреждений – компетенции выпускниц. В стремлении отказаться от воспитательных традиций институтов с их строгой дисциплиной и надзором открытые школы должны были искать новые формы и методы воспитания, которые не противоречили бы «духу времени, развившемуся в стремлении признавать молодежь как можно ранее самостоятельной, не нуждающейся в надзоре и руководстве старших» [4. С. 85]. Даже в условиях роста внимания к воспитательной функции в современной школе [5] опыт этих учебных заведений остается невостребованным. Конечно, воспитательный процесс в женских гимназиях затрагивается в диссертациях, посвященных истории всех ступеней женского образования – от начального до высшего [6, 7], однако историко-педагогическая литература по

большей части была посвящена общеобразовательной и мужской средней школе. Историография оценивает их воспитательные возможности в начале XX в. невысоко [8, 9], несмотря на наличие такого специального инструмента воспитания, как классные наставники [10]. Свидетельством низкой эффективности и ограниченных возможностей воспитательной деятельности школы стало не только то, что она порой противостояла семейному воспитанию, но и неумение педагогов воздействовать на учащихся [9. С. 196]. Учителя сталкивались с проявлениями «нравственной незрелости и девиантного поведения» [11. С. 42] и с бунтом против школьных порядков [12. С. 81]. «Часть гимназистов, усвоившая интеллигентские стереотипы поведения», как считает А.В. Бушмаков, была вовлечена в революционное движение», другая – «попала под влияние улицы, воспроизводя стили поведения, характерные для мещанской среды провинциального города» [13. С. 131]. По мнению М.В. Егоровой, для большей части учащихся вообще была характерна апатия и потеря интереса к активной жизни [14. С. 91]. С этой же точки зрения – формирования особых ценностных ориентаций и поведенческих установок, изучала гимназисток Т.Б. Котлова, которая пришла к выводу, что школа своим воспитанием содействовала появлению таковых у девочек [15]. Чтобы продолжить изучение воспитания в женских (про)гимназиях, в данной статье целесообразно воспользоваться методами и подходами, уже предложенными в историографии, а именно: выявленной ею обусловленностью воспитательного процесса в дореволюционной средней школе социокультурным контекстом времени, а также влиянием на него как педагогических представлений, так и практик (последних даже в большей степени). К тому же при изучении подобного процесса в женской средней общеобразовательной школе следует рассматривать применяемые ею методы воспитания в причинно-следственной связи с обучением и с формированием у подрастающего поколения стиля поведения, социальных норм и ценностей.

Во второй половине XIX в. женское образование получает импульс к развитию в городах Пермской губернии, и к концу дореволюционного периода в регионе были открыты 24 женские гимназии с более чем 10 тыс. ученицами [16. Ф. 42. Оп. 1. Д. 615. Л. 1–2]. По сообщению авторов сборника, посвященного юбилею первой казенной екатеринбургской гимназии, это учебное заведение в начале своего существования «находилось в полосе свободного воспитания». Во внеучебное время ее учащиеся руководствовались не гимназическими правилами, «но волей родителей и собственным разумением», принимали активное участие в общественной жизни и, как «образованные и ученые», пользовались почетом в местном обществе [17. С. 56–57]. Благодаря «духу свободы, витающему над Россией в 60-е гг.», ученицы не были стеснены «мелочной регламентацией»: во время уроков читали

вслух посторонние книги, шили, вязали, прогуливались по классу и занимались чаепитием. Председатель педагогического совета, пытаясь «поставить предел этой распушенности», требовал от учителей наказывать воспитанниц низкими оценками, что приводило к конфликтам с ученицами и их родителями. Последние не поддерживали и запрет на посещение девочками в будние дни клуба благородного собрания, поскольку это разрешалось ученикам мужской гимназии. Наказывать «ослушниц», особенно дочерей влиятельных родителей, было трудно, а безнаказанность подрывала авторитет школьного руководства [18. С. 148].

Длительные дискуссии о содержании женского образования отодвинули на второй план воспитательные задачи. Не внесло ясности в постановку воспитательного дела изданное в 1870 г. «Положение о женских гимназиях и прогимназиях», регламентирующее порядок и организацию работы женских гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения [19. С. 3–53]. В отечественной педагогике только складывалось представление о взаимосвязи учебного и воспитательного дела, поэтому руководство женских гимназий долго не могло определиться, какое из этих дел должно в них преобладать. Например, в отчете екатеринбургской гимназии за 1877/78 учебный год утверждалось, что «каждое учебное заведение есть главным образом воспитательное, поэтому деятельность педагогического совета преимущественно обращена на нравственную сторону учащихся и поведение оценивалось со всей строгостью» [20. 1878. С. 10]. В следующем году указывалось, что школа «прежде всего преследует образовательные цели». В 1891 г. вновь констатировалось, что «цели общего среднего образования, особенно женского, по преимуществу цели воспитательные, имеющие в виду всестороннее духовное развитие учащихся, и что знания, которые учащиеся приобретают в учебных заведениях, должны потерять всякую цену и значение, если будут лишены твердых религиозно-нравственных основ» [20. 1891. С. 6]. Через два года снова приоритет был отдан обучению: «...первая цель, которую должна преследовать женская гимназия, как общеобразовательное заведение состоит в сообщении учащимся в ней умственного образования» [20. 1893. С. 8]. В этой неопределенности Е.И. де-Витте, начальница тбилисской гимназии, обвиняла «первых устроителей» женских школ, которые хотели видеть в них «только учебные заведения, но не учебно-воспитательные». По ее словам, «пренебрежением благовоспитанностью в женских гимназиях в первые десятилетия существования их создался тот отвратительный тип гимназистки, который был причиной того, что это слово надолго оставалось бранным» [21. С. 99].

Плачевное состояние воспитательного дела в средних учебных заведениях вынудило Министерство народного просвещения в 1874 г. обратиться внимание на важное «нравственно-воспитательное значение гимназий» и возложить ответственность за поведение школьников на их администрацию и педагогические коллективы. Женским гимназиям и прогимназиям предлагалось, опираясь на инструкции, утвержденные для мужских школ 4 мая этого же года [22. Ч. 173.

С. 560–597], дополнить их правилами распорядка «применительно к местным условиям». В выработанных руководствах описывалось «поведение, которое должно было соответствовать званию воспитанниц гимназий». Оно не отличалось от того, что прививалось девочкам в женских институтах: дисциплина, выдержка, чувство собственного достоинства, пунктуальность, аккуратность в одежде и причёске и т.п. Например, ученицы пермской мариинской гимназии должны были уроки отвечать стоя, отдавать поклоны старшим, быть вежливыми с подругами, педагогами и прислугой. Между собой должны были быть «уступчивыми и деликатными в обращении»; «всякие признаки неуживчивости и сварливости» строго преследовались [23. С. 79]. Однако осмотр женских школ Пермской губернии через несколько лет показал, что инициированные Министерством в середине 1870-х гг. правила оставались только на бумаге. Положение воспитательного дела в некоторых из них, особенно в ирбитской прогимназии, находилось «в запущенном состоянии» [24. Ф. 458. Оп. 1. Д. 2. Л. 34]. Неприятное впечатление на ревизоров производил «недостаток вежливости» в ученицах по отношению к начальствующим лицам: при встрече с ними девочки не делали поклонов, не вставали при входе их в класс. Бросались в глаза «неряшливость в одежде и причёске, опоздание на уроки, пренебрежение к форменному платью, неумение держать себя порядочно и другие признаки невыдержанности» [18. С. 177–178].

В 1880 г. начальница казенной екатеринбургской гимназии С.А. Тиме оправдывалась перед окружным начальством, что «так как к поведению девиц принято вообще относиться более строго, чем к поведению мальчиков», то гимназистки подвергаются взысканиям за малейшую провинность [20. 1880. С. 8]. По мнению же окружных инспекторов, их поведение улучшалось гораздо медленнее успеваемости. Циркулярное предложение от 13 марта 1880 г. попечителя оренбургского учебного округа (куда входила Пермская губерния) отметило ряд «уклонений от правильного, основанного на педагогических началах, воспитания». Учителей в первую очередь обязали обращать внимание на «религиозное направление» учащихся: посещение ими церкви, уроков Закона Божьего. Как оказалось, в некоторых женских школах не проводилась даже общая молитва. Учебная администрация не выясняла «с должной внимательностью» причины пропуска уроков, не был налажен контроль за условиями проживания иногородних учащихся. Педагоги равнодушно относились к «фактам гулянья поздним вечером учениц в публичных садах», позволяли им как посещение балов и танцевальных вечеров в городских клубах, так и заседания окружных судов, где нередко разбирались дела, в которых «выставлялись и подробно излагались случаи весьма безнравственной жизни».

Учащимся разрешалось отвечать уроки сидя и обращаться к наставникам не по имени и отчеству, а просто по фамилии. Однако и учителя «позволяли себе делать резкие, порою даже дерзкие, выговоры и замечания ученицам». Попечитель округа полагал, что подобное поведение «отнюдь не может быть допускаемо и не

может быть извиняемо дурным расположением духа». Напротив, педагогический персонал обязан «подавать воспитываемым пример сдержанности и приличия». «Если воспитывающие не будут себя сдерживать, то у кого же учиться сдержанности воспитываемым?» – осведомлялся циркуляр. К числу проступков педагогов он причислял обращение к девочкам с поручениями «частного характера, например, отнести куда-нибудь записку, зонтик, книгу и т.п.». Начальницы, учителя или классные дамы «не имели никакого права» давать их ученицам, поскольку те посещали учебные заведения «для обучения, а не для получения и исполнения частных поручений». Вне стен школы педагоги нередко позволяли себе рассказывать о проступках и недостатках своих учениц. «Такого рода действия воспитывающих лиц бестактны и непростительны в педагогическом отношении, потому что лица, на обязанности которых лежит забота о пользах и о поднятии репутации заведения и воспитанниц, распространением дурных слухов вредят своему заведению и подрывают его кредит в глазах общества», – наставляли учителей учебные власти. Взаимоотношение педагогов друг с другом должны были «служить примером для воспитанниц». Для них были «желательны и необходимы полное приличие, сдержанность и дружелюбие». Начальница женской гимназии или прогимназии также по этическим соображениям не имела права отзываться об учителях «сторонним лицам неодобрительно». Чтобы сделать им замечание, ей следовало обратиться к председателю педагогического совета, в подчинении которого они и находились [19. С. 191–193].

Обозначенные в циркуляре проблемы были вызваны как дефицитом педагогического персонала женских гимназий, так и общим невысоким культурным уровнем учителей пореформенного периода. По утверждению Пиллер, в большинстве провинциальных школ служили лица, «случайно очутившиеся в звании педагогов, которые не только не умели донести материал, но и не имели понятия о высоком значении своей миссии» [2. С. 38]. Окружным ревизорам приходилось ограждать детей от грубости и раздражительности учителей, требовать, чтобы обучение велось «спокойно, не горячась», не делалось «крупных упреков или угроз в классах», щадились «самолюбие учениц» [18. С. 248]. Для повышения культурного уровня педагогических коллективов, руководство некоторых школ стремилось привлекать на службу бывших «институтков». Начальница камышловской прогимназии даже представила попечителю округа свои соображения по поводу «желательности назначения» в гимназии и прогимназии лиц, окончивших женские институты, особенно столичные [18. С. 153].

Но даже лучшие учителя были не в состоянии надлежащим образом «направить» учащихся из-за самого устройства школ «для приходящих девиц» всех сословий, проводящих основное время вне их стен. В деле воспитания подрастающего поколения семья мало поддерживала школу. Педагоги пермской гимназии отмечали равнодушие, с которым «дома» продолжают относиться к происходящему в учебном заведе-

нии. По сообщению учителя В.К. Семченкова, «аккуратно посылая детей в классы, родители нисколько не заботились о согласовании домашнего воспитания с теми воспитательными началами, которым следует гимназия. Что и как делается в гимназии они узнавали из ежегодных публичных актов, весьма неверно – от своих детей, и весьма случайно – от начальников и учителей заведения» [23. С. 32]. Солидарности в деле воспитания не приходилось ждать ни от образованных кругов населения, ни тем более от прочих слоев общества. «Домашняя обстановка, из которой дети не удаляются, привыкая к жизни, действительности, к трезвому взгляду на вещи» [2. С. 56], не только не благоприятствовала выполнению учащимися уроков, но и сводила на нет моральное воздействие школы, писала Пиллер. Оно совершенно парализовалось «определенным родом занятий» некоторых родителей, который больше всего отражался на нравственности их дочерей. Трезвый взгляд на жизнь таких воспитанниц приводил к тому, что они не только вели себя дурно, но начинали «корчить из себя барышню», а после обучения, не получив места в начальных школах, не гнушались идти даже в проститутки [18. С. 45].

Чтобы предохранить учащихся от дурного влияния сверстников, вращающихся в порочной среде, «по многочисленным ходатайствам родителей» один из попечителей учебного округа возбудил перед Министерством народного просвещения вопрос «о недопущении в средние учебные заведения детей лиц занимающихся мелочной продажей питей, проституцией, содержателей домов терпимости и т.п.» [24. Ф. 458. Оп. 1. Д. 27. Л. 31]. Разосланный в учебные округа доклад «О сокращении числа учеников в гимназиях и прогимназиях и изменении состава оных» (известный под названием «циркуляр о кухаркиных детях») вызвал шквал негодования русской общественности и был расценен как запрет беднякам на получение среднего образования. Поскольку он был секретный и ссылки на него при отказе в приеме детей в учебное учреждение не допускались, то судить, повлияла ли эта одиозная министерская инициатива на поведение уральских гимназисток, трудно. Однако призыв педагогов пермской гимназии, обращенный в 1893 г. к родителям своих воспитанниц «принимать более деятельное участие в их нравственном обращении, нежели в умственном», свидетельствовал о том, что проблемы с воспитанием оставались и в тех школах, где основной контингент составляли дочери состоятельных чиновников и купцов [25. 1893. С. 6]. В начале 1890-х гг. С.А. Тиме также предпринимала осторожные попытки привлечь семью к воспитательному процессу и констатировала, что она «только могла давать родителям указания относительно того, каков должен быть целесообразный надзор за ними (ученицами. – Л.А.), но и то тогда, когда родители сами пожелают этих указаний» [20. 1893. С. 6].

Помочь педагогам справиться с трудностями воспитательного процесса при отстранении от него семьи могла в какой-то мере изоляция учениц «от неблагоприятных влияний окружающей среды» в школьных общежитиях (пансионах), где девочки, прежде всего

иностранцы, находились бы под «бдительным надзором и присмотром со стороны лиц, подготовленных специально к воспитанию юношества» [26. С. 24]. После открытия пансиона пермской гимназии, «довольно скоро выяснилось его благотворное воздействие»: отгороженные от внешней жизни воспитанницы стали принадлежать к числу лучших «в отношении успехов в учебе и благовоспитанности» [25. 1906. С. 18]. Однако при всех достоинствах этих учреждений, им не хватало широты охвата учащихся. В Пермской губернии средства на их учреждение нашли только три гимназии, но и там пансионы не отличались большими размерами. В Ирбите общежитие вмещало около 30 учениц, а более 140 иногородних учащихся размещались в дешевых частных квартирах. «А на сколько удобны частные квартиры и с чем приходится считаться, знаем мы все, интересующиеся делом воспитания!» – указывала начальница гимназии, призывая городское общество помочь ей расширить существующий пансион [16. Ф. 34. Оп. 1. Д. 16. Л. 61 об.]. Если в уездных городах девочки порой снимали углы или затхлые подвальные помещения, в губернском городе ситуация с квартирами была намного лучше. При выборе мест под ученические квартиры начальница открытой в 1909 г. пермской женской учительской семинарии предпочла дом Н.Л. Ворошиловой, получившей образование в Смольном институте и охарактеризованной ею как «особы выдержанной, что очень важно для учениц семинарии, приехавших из глухих деревень и не умевших держать себя». Проживание под таким присмотром положительным образом сказалось «на внешней стороне» воспитанниц уже через несколько месяцев. «Каковы были ученицы в августе и каковы стали в декабре – большая разница!» – отмечалось в семинарском отчете [16. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1. Л. 17].

Улучшить постановку воспитательной части, не отвлекая педагогов от их прямых обязанностей – поскольку порой это приводило к «растрате» их духовных сил, а также к «невозможности заняться умственным трудом и... прогрессировать в области педагогики» [2. С. 52] – можно было, наняв достаточное количество классных надзирательниц. Эту должность гимназии получили в наследство от закрытых учебных заведений, но позволить такие расходы могли далеко не все школы. Даже в губернской гимназии их функции возлагали на учительниц. Как и в институтах, надзирательницы следили за дисциплиной во время уроков и «вообще старались разделять труды преподавателя» [23. С. 10]. Но в открытых школах к их обязанностям добавилось внешкольное наблюдение. Для проверки условий проживания иногородних воспитанниц надзирательницам приходилось отправляться в разные концы города, как правило, в темное время суток, допоздна дежурить на детских вечерах, катках, выискивать девочек в торговых рядах, общественных садах, театрах, на гуляниях и ярмарках, а в воскресные дни присутствовать с ними на богослужениях.

В конце XIX столетия в женских школах удалось добиться «поднятия дисциплины вообще». Поведение школьниц не выходило за рамки приличий, что резко контрастировало с учениками мужских школ, нередко

употребляющих алкоголь и посещающих бордели. Важнейшими проступками девочек, которые карались замечаниями и выговорами, оставались: несоблюдение формы, шалости, которые объяснялись «подвижностью детского темперамента у младших школьниц», леность, строптивость в отношениях с ровесницами, прогулы уроков [27. С. 486]. Товарищ министра народного просвещения Н.М. Аничков, проводя ревизию женских прогимназий оренбургского учебного округа, выразил особое удовольствие увиденным в учебном заведении г. Кунгура. Ученицы были вежливы, приветливы, имели «веселый вид» [18. С. 242]. Благодаря постоянным инспекциям (уже со стороны окружного управления) сократились случаи неуважительного отношения учителей к учащимся. В юбилейном очерке пермской гимназии отмечалось, что «в обращении с воспитанницами педагоги стараются избегать резкости, сухости, предубеждения, пристрастности, излишней снисходительности или равнодушия к слабостям, чем и успевают поселить в ученицах твердое убеждение, что во всех требованиях, замечаниях и взысканиях имеется исключительно польза воспитанниц» [28. С. 17]. Бывшая кунгурская гимназистка Валентина Стародубова вспоминала, что «все учителя в гимназии были очень вежливы с ученицами, на уроках никогда не позволяли себе кричать. Нас с четвертого класса всех обязательно называли на “Вы”» [29. С. 6–7].

Однако воззрения общества на женское образование к началу XX в. претерпели значительные изменения. Если раньше оно громило институты, выпускающие «белоручек и аристократок», то теперь обвиняло учебные заведения как в плохом надзоре за воспитанницами, так и во вторжении в частную жизнь семьи [2. С. 54–55]. Именно в эти годы пресса активно формировала негативное отношение к порядкам как в мужских, так и в женских гимназиях. Случаи, в которых учащиеся подвергались взысканию за проступки, описывались в газетах «яркими красками, с примесью гражданской скорби, причем порицания доставались на долю одних наставников – палачей» [2. С. 57]. Христианское мировоззрение, которое прививала своим воспитанникам школа, противоречило популярным в ученической среде революционным идеям, школьный надзор и дисциплина – педоцентристской парадигме в отечественной педагогике, провозглашавшей свободу личности ребенка. Не остались неизменными и взгляды учащихся на цели обучения. Развитие гармоничной личности приносилось «в жертву дипломным соображениям», погоня за «баллами» способствовала увеличению знаний «в виде склада имен, фактов и цифр, не связанных между собою и не оставляющего никакого следа в духовно-нравственном мире» учениц [30. С. 97]. Напрасно министр народного просвещения П.С. Ванновский, желая обновить учебно-воспитательный строй школы, призывал к «дружному единению и взаимному содействию» педагогов и родителей [20. 1901. С. 6–7].

Грянувшая вскоре Первая русская революция углубила пропасть между министерскими чиновниками и широким общественно-политическим движением за реформы в области образования и по-своему способствовала «обновлению» средней школы.

В результате выступлений учащихся средних учебных заведений против существующего школьного режима министерство народного просвещения в конце 1905 г. пошло на привлечение родителей к участию управления школой, расширило полномочия педагогических советов и временно отменило ношение формы «вне классов» [22. Ч. 1, № 2. С. 87–89; Ч. 5. С. 104]. Для воспитанниц женских гимназий 9 декабря 1905 г. было снято ограничение на прием в педагогический класс, введенное годом ранее «в видах повышения общего уровня» [22. Ч. 1, № 2. С. 90–91]; полными гимназистками с 1906 г. стали также считаться ученицы частных средних школ, «не исключая и еврейских» [22. Ч. 3. С. 17].

В отличие от большинства средних школ центральной России, в женских училищах Пермской губернии «не встречалось серьезных недоразумений», но события, происходящие в стране, «доводили учениц до большого нервного возбуждения» и послужили-таки поводом для досрочного прекращения в них занятий. Кроме того, был прекращен внеклассный надзор, «в виде пробной меры» некоторые школы, как, например, пермская Мариинская гимназия, отказались от балльной системы оценки. В этом же году представители от родителей этой же школы участвовали в «обсуждении вопросов женского образования» в совещании, созванном попечителем учебного округа [28. С. 24–25, 60]. В других же гимназиях поощрение родителями оппозиционной активности учениц привело к предъявлению ими своим наставникам как стандартных обвинений в «сухости» и «формализме», так и к применению угроз выйти из подчинения. Например, ирбитские гимназистки, несмотря на запрет, продолжали «просиживать допоздна» на митингах и сходках, где обсуждались программы политических партий. По возвращении домой они не могли заниматься уроками, находясь «в сильно ажитированном настроении». Педагогический совет безуспешно пытался найти поддержку у родителей: большинство из них высказалось «за допущение учениц на все собрания» [24. Ф. 458. Оп. 1. Д. 14. Л. 13]. Учебное начальство тревожили не только «изъявления каких-либо требований к администрации» со стороны этих лиц, но само «притязание власти» одних учащихся над другими [24. Ф. 458. Оп. 1. Д. 14. Л. 13], что было неприемлемо в женских гимназиях, главным достоинством которых являлось равенство всех воспитанниц.

По мнению Министерства народного просвещения, эти «ненормальные явления» возникли «на почве отстранения семьи от школы» [22. Ч. 1, № 2. С. 89]. Оно также «совершенно» отрицало «с чисто педагогической точки зрения, возможность какой бы то ни было политики в стенах школы» [22. Ч. 8. С. 50], однако революционные настроения проникли и в учительскую среду. Так, радикально настроенные учителя красноуфимской гимназии Е.Н. Чунихина и З.Н. Алафурова призывали своих воспитанниц к «противоправительственным действиям» и неповиновению начальнице [16. Ф. 160. Оп. 1. Д. 235. Л. 9]. Назначенная в 1907 г. в эту гимназию начальницей Н.В. Вейс открыто покровительствовала ученицам с «левыми воззрениями», увеличила пособие даже «малоуспешным» из них и

разрешила им посещать различные увеселительные места [31. 4-Д. 1907. Оп. 116. Д. 543. Л. 3–12]. Начальница частной пермской гимназии Л.В. Барбатенко приняла в свою школу Клавдию Кирсанову, исключенную из кунгурской гимназии за руководство забастовкой. Гимназисток, проживающих в ее квартире, полиция задержала на собрании пермского комитета РСДРП. В Пермской губернии известны случаи, когда девочки из гимназии уходили прямо «в революцию». Та же Клавдия Кирсанова сначала выступила организатором санитарного отряда при боевой дружке рабочих. К подготовке вооруженного восстания в Мотовилихе (пригороде Перми) она привлекла других учениц. После его поражения, по заданию Я.М. Свердлова, девушки снабжали нелегальной литературой местный военный гарнизон, создавали в солдатской среде социал-демократические кружки и, по сообщениям жандармов, «пропагандировали среди нижних чинов свободу половых отношений» [16. Ф. 228. Оп. 3. Д. 239. Л. 13–13 об.; 31. 4-Д. 1907. Оп. 116. Д. 162. Л. 14–15].

Революция надолго остановила школьные занятия. Нарушения дисциплины в виде опоздания на молитву и уроки продолжались до 1909 г. Впрочем, школьное начальство перестало обращать на эти случаи внимание и аттестовало всех воспитанниц неизменно оценкой «5» [20. 1909. С. 5]. В это же время женская школа столкнулась с новыми серьезными вызовами. В прессе появились скандальные публикации о «лигах свободной любви» и обществах «огарков», в которых оказались замешаны регулярно попадающие в полицейские сводки воспитанницы все той же гимназии Барбатенко [16. Ф. 228. Оп. 3. Д. 239. Л. 13]. Аморальное поведение учащихся в столице губернии полиция была склонна объяснять близким соседством с заводскими жителями, из-за чего «развлечения у молодежи грубы и вращаются около пьянства и половых потребностей» [13. С. 119, 129]. Однако «нездоровые интересы» стали замечаться и среди учениц уездных школ. Все чаще наблюдалось вольное общение с противоположным полом, встречались случаи беременности. Причина «падения» гимназисток, по мнению педагогов, заключалась в доступности городских развлечений и литературы безнравственного содержания, а также отсутствия руководства со стороны родителей [24. Ф. 458. Оп. 1. Д. 58. Л. 5]. К тому же девушки, исключенные за революционную деятельность, получили возможность беспрепятственно вернуться в школы. Руководство училищ справедливо опасалось, «какую нравственную атмосферу и какое политическое настроение несет с собою в учебное заведение такой человек», а органы полиции, «руководствуясь формальными данными, и не заинтересованные в нравственном преуспевании учащихся в учебном заведении», смотрели на это сквозь пальцы [32. Оп. 1. Д. 5. Л. 44 об.].

В циркуляре от 7 июля 1907 г. министр народного просвещения П.М. Кауфман, указав на тесную связь «учебной и воспитательной стороны школьного дела», снимал ответственность за нравственный кризис молодежи со школы: «...ученик, не привыкший владеть своими настроениями, распушенный, не приученный к

исполнению своих обязанностей, не имеющий твердого сознания долга и чести не может воспользоваться результатами даже хорошо поставленного преподавания, так как учение требует таких именно качеств, которые у него отсутствуют». Однако министр осознавал, что «избавиться от обвинений в неумении справиться с распушенностью молодежи» школы можно только найдя новые пути «к нравственному оздоровлению учащихся» [22. Ч. 11. С. 54–58; 24. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 7]. Внимание учебного начальства сосредоточилось на главной проблеме – пропусках уроков как педагогов, «в которых учащиеся должны видеть образец исполнения долга», так и учениц. Частые прогулы последних трактовались взрослыми как возможность проводить время в праздности. Подобные «манкировки», с точки зрения педагогов, с одной стороны, затягивали девочек в «среду, которая ведет к физической и нравственной гибели», с другой – становились признаком их политической неблагонадежности [24. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 11].

По предложению окружного начальства в 1909 г. женские гимназии Пермской губернии усилили внеклассную работу (лекции, экскурсии), а «с целью поднятия дисциплины» ужесточили контроль за досугом учащихся [28. С. 25]. Вновь были составлены правила «относительно поведения», согласно которым девочкам не разрешалось появляться вечером на улице, «безусловно запрещалось» посещение цирков, костюмированных и танцевальных вечеров, устраиваемых в общественных собраниях, клубах и народных домах, кинематографа, театра и концертов, за исключением сеансов, одобренных начальством. Запрет на свободное посещение театра, театральных кулис и проводы артистов на вокзалах объяснялся тем, что школьницы «по своей восприимчивости, увлекаясь страстями героев пьес, заражаясь мечтательностью и фантазиями, отвлекались от серьезных занятий». Посещение танцевальных вечеров, даже детских, не рекомендовалось, поскольку туда проникала взрослая публика. Но, при всей строгости налагаемых запретов, стали чаще проводиться школьные танцевальные вечера, на которых ученицы могли оставаться до полуночи; до одиннадцати часов вечера им позволялось находиться в общественном саду и на катках [24. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 96–97].

В 1912 г. для всех гимназисток была введена форма одного покроя, лишённая украшений «и не могущая ни в ком возбудить чувство зависти» с гладкими, без излишеств причёсками [24. Ф. 458. Оп. 2. Д. 55. Л. 66]. Ограничения, коснувшиеся внешнего вида, вызывали особенное неудовольствие у старшеклассниц. Бывшая пермская гимназистка Сарра Чертова вспоминала, что в выпускном классе «особенно тяготили отсутствие права ходить по улице после шести часов, осмотр твоей внешности, проводимой классной дамой, требовавшей, чтобы голова была гладко причёсана, без намека на завитушку, чтобы платье и передник без претензий на моду. Наша начальница, уродливая старуха, но большая модница, любила приговаривать: “вам никаких украшений не надо, вас молодость красит”» [33. С. 10]. Эта «суровая» мера была принята по настоянию

попечителя округа Ф.Н. Владимирова после посещения им в 1911 г. ряда средних школ региона. У него сложилось «в общем более благоприятное впечатление» о состоянии воспитательной работы в них, но указал и на «существенные недочёты» во внешнем виде и манерах учащихся, которые могли быть устранены «лишь неослабным вниманием ко всему этому со стороны всего учебно-воспитательного персонала... когда учащиеся не будут подтягиваться только в особо исключительных случаях», а «порой недопустимые в поведении учениц факты» не будут оправдываться «или их темпераментом, или же их семейным положением» [16. Ф. 693. Оп. 1. Д. 38. Л. 90].

В женских гимназиях шел процесс замены «системы регламентации и формализма» школьного режима «более гуманными тенденциями», осуществлялись попытки развивать «самостоятельность» учениц с привлечением семьи к «воспитанию молодого поколения» [28. С. 27]. Надежду на сближение семьи и школы давало появление родительских комитетов – завоевание Первой русской революции, – которые не только активно взялись вырабатывать меры «к поднятию успеваемости и нравственного уровня гимназисток», но и стали рупором родительского мнения, которое подчас расходилось с мнением педагогов. Например, родители учениц 2-й екатеринбургской гимназии требовали предоставить «больше свободы» старшеклассницам при посещении театра, увеличить время пребывания на ученических вечерах до двух часов ночи вместо двенадцати, разрешенных начальницей [24. Ф. 4. Оп. 1. Д. 223. Л. 114]. Педагоги пермской гимназии жаловались, что родители «не только не заботились внушать своим детям уважение к дисциплине и порядку, но и прямо противодействовали мероприятиям педагогического совета, критикуя порядки гимназии в присутствии своих детей» [28. С. 59]. Учебное же начальство было склонно не оставлять без внимания даже откровенные кляузы на учителей со стороны родителей и тщательно образом расследовать случаи неподобающего поведения педагогов. Несмотря на свои заслуги, провинившиеся отстранялись от работы. Так, начальница екатеринбургской гимназии В.Д. Гаврилова была снята с должности за проявление несдержанности по отношению к классной даме, вызвавшей ее во время урока к упавшей в обморок ученице [34. С. 3].

Пока взрослые были заняты обсуждением и решением проблем подрастающего поколения, до уральской глубинки докатилась эпидемия самоубийств, жертвами которой становились гимназистки 6–7-х классов. Толчком к подготовке самоубийства ученицы ирбитской гимназии Анны Андреевой в 1912 г. стал разговор с начальницей, которая порицала девушку за «нравственное падение» и предлагала ей больше заботиться об учебе и укреплении своего здоровья, «для каковой цели ей и было выхлопотано пособие в размере, никем не получаемом».

Другая воспитанница, Валентина Панова, публично объявила о своем намерении принять уксусную эссенцию, узнав, что опять оставлена на второй год. Педагоги же причины ее неудач в учебе видели в том, что предоставленная в городе самой себе гимназистка

«начинала жить совсем недетскими интересами» [24. Ф. 458. Оп. 2. Д. 52, 66]. Еще в 1911 г. члены уральского медицинского общества, анализируя причины этой общероссийской напасти, были склонны возлагать ответственность за нее на «современное образование женщины» [35. С. 103–104]. Сама же школа призывала учащихся в момент столкновения с суровой жизненной действительностью опираться на вечные ценности. В напутственном слове к выпускницам начальница пермской гимназии говорила: «Вашему возрасту присущи мечты и надежды на будущую счастливую, независимую жизнь, которая представляется вам более легким бременем, чем жизнь учебная. Чтобы ваши радостные надежды не разбились от соприкосновения с действительною жизнью, вам особенно нужно позаботиться о развитии и укреплении в себе чувства истинной веры в бога, чтобы быть твердыми под ударами судьбы» [28. С. 3].

Однако начало Первой мировой войны отодвинуло интересы довоенного мирного времени на второй план. Рост патриотических настроений, занятость благотворительностью и различные внеклассные мероприятия благотворно повлияли на состояние дисциплины в женских школах. Ухудшаться снова она начала с затягиванием войны и вступлением России в предреволюционный кризис. Продолжались случаи ученических суицидов. Осенью 1915 г. свели счеты с жизнью сразу две воспитанницы первой екатеринбургской казенной женской гимназии [36. С. 3]. В 1916 г. Министерство народного просвещения признало, что недостатки в воспитательной системе отразились на понижении грамотности учащихся. Прогрессивный глава учебного ведомства граф П.Н. Игнатьев в связи с этим рекомендовал педагогическим советам заняться профилактикой проступков учащихся [8. С. 159]. После восторженной встречи Февральской революции, сопровождавшейся срывом занятий ради участия в шествиях с пением революционных песен, внимание снова уделялось не учебе, а политике. Школьные коллективы раскололись по политическим предпочтениям. У детей «мерилом уважения» к педагогам, разделения их на «хороших» и «плохих» стало отношение их наставников к революции [37. С. 2, 11]. Падение педагогического авторитета приводило к невозможности поддерживать установленные требования к поведению. Самые серьезные нарушения дисциплины были зафиксированы во 2-й гимназии Екатеринбурга, после того как в нее на льготных условиях поступили дочери призванных в армию большевиков – М. Герасимова и Р. Юровская. Под их руководством с сентября 1917 г. начались волнения гимназисток, вызвавшие широкий общественный резонанс и приведшие к учительской забастовке. После отмены внеклассного контроля ученицы стали проявлять недовольство всеми школьными порядками и претендовать на участие в управлении школой [24. Ф. 4. Оп. 1. Д. За. Л. 13–19]. Брожение, начавшееся в Екатеринбурге, достигло отдаленных уголков губернии. Спустя годы бывшая чердынская гимназистка Галина Рычкова не без гордости вспоминала, как она вместе с другими ученицами пыталась

прогнать начальницу гимназии, ставшую для них «символом реакции» [37. С. 14].

Основную же массу учащихся девочек мало беспокоили происходящие в стране перемены. «Да, еще с весны 1917 г. в стране появилось множество политических партий: кадеты, большевики, бунд, социал-революционеры, даже монархисты и анархисты, – вспоминала В. Стародубова. – В старших классах, правда, появились какие-то политические лидеры, устраивали собрания, за что-то агитировали. По правде сказать, я в свои 14–15 лет ни в каких партиях не разбиралась. Главное увлечение появилось у нас, девочек, – танцы!» [29. С. 6]. «Несмотря на волнения в педагогическом мире, склонность молодежи к вечеринкам и танцам не ослабевала, – вспоминал отец екатеринбургской гимназистки Наташи Аничковой. – Если раньше делался один бал на каждое училище в год, то теперь каждый класс устраивал свой собственный бал... несмотря на ужасы переживаемой революции, несмотря на разность политических воззрений, молодежь танцевала с тем же увлечением, что и я на фешенебельных балах Петербурга в былые времена. Однако нравы сильно изменились, начиная с юбок выше колен и кончая циничным характером танцев “танго” и “кеквок”. Так, в тоске бродя по коридорам гимназии, я видел много сценок чересчур откровенных. Видел, как парочки входили в темные классы или удалялись на время из гимназии и через часик возвращались обратно. Эти отношения носили более циничный и менее поэтический характер, чем четверть века назад, когда сближение полов было менее доступно: не существовало тогда темных залов кинематографов, не существовало телефонов, на которых по целым часам висит молодежь...» [38. С. 72–73]. Сексуальная свобода при ослаблении надзора со стороны взрослых и ожидание введения совместного обучения мальчиков и девочек, предусмотренного еще предыдущими школьными реформами, резко контрастировало с прежней установкой женского воспитания оберегать девочек от любых неблагоприятных влияний общественной среды.

Пытаясь ликвидировать недостатки закрытых женских учебных заведений, открытые и доступные школы столкнулись со старыми проблемами, а в начале XX в. (особенно в революционные годы) – и с новыми вызовами. Воспитательный процесс перестал считаться главным для них, но из-за включения этих учреждений в систему социализации подрастающего поколения и ради решения образовательных задач в них самих наблюдался процесс неуклонного повышения значимости вопросов дисциплины и воспитания. На всестороннем использовании воспитательного потенциала женской школы настаивали власти всех уровней, педагогическая наука, родители, широкая общественность. Социализация же «новых» поколений женщин в ней осуществлялась при отсутствии связи семьи и школы (которая ставилась в основу этих учреждений), без четких воспитательных ориентиров. Все же в конце XIX в. средним женским учебным заведениям губернии удалось наладить дисциплинарные практики во многом благодаря наследию закрытых учреждений (пансионам и классным дамам). Однако в начале XX в.

усложнение социальной реальности в России сказало-
лось и на процессе социализации подрастающих поко-
лений (суициды, революционный радикализм, сексу-
альные свободы), а школа вместо поиска новых путей
воспитания юношества предпочитала ужесточить по-
литику «закручивания гаек» старыми дисциплинар-
ными средствами, пойдя лишь на введение родитель-
ских комитетов. Всеобъемлющий революционный

кризис к концу Первой мировой войны окончательно
парализовал воспитательное воздействие школы.
Проведенный анализ показывает, что именно состоя-
ние дел в сфере школьного воспитания являлось
чутким индикатором связей школы с социальной сре-
дой, и в перспективе он может быть использован при
развитии контекстуального подхода к истории обра-
зования.

Список источников

1. Пономарева В.В. «От “Сопутницы человека” до слушательницы университета: “Толстые” журналы 1860-х гг. О женском образовании» // Вестник Московского университета. Сер. 10. 2015. № 5. С. 21–36.
2. Пиллер О.В. Итоги женского образования в России и его задачи. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1888. 239 с.
3. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века. М. : Ломоносов, 2017. 320 с.
4. Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. Оренбург : Тип. Евфимовского-Мировицкого, 1891. № 1–12.
5. Федеральный закон № 304-ФЗ от 31.07.2020 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” по вопросам воспитания обучающихся» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310075> (дата обращения: 23.07.2020).
6. Журавлева Н.Н. Женское образование в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005, 268 с.
7. Захарова Е.В. История становления и развития женских учебных заведений Забайкалья: середина XIX в. – начало 20-х гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015. 297 с.
8. Козлова Г.Н. Воспитание в системе деятельности отечественной общеобразовательной средней школы: первая половина XX в. : дис. ... д-ра пед. наук. Н. Новгород, 2005. 364 с.
9. Логинова О.А. Учебно-воспитательный процесс дореволюционных гимназий России (на примере гимназий Пензенской губернии). Пенза : Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2009, 297 с.
10. Слепенкова Е.А., Щетинина Н.П. Становление института классного наставника в мужских и женских гимназиях России во второй поло-
вине XIX – начале XX века // Вестник Рязанского государственного университета. 2015. № 4. С. 7–17.
11. Перебийнос А.Е., Пташко Т.Г. Участие учащейся молодежи Урала в общественной, культурной и политической жизни во второй поло-
вине XIX – начале XX вв. // Новый исторический вестник. 2018. №. 3 (57). С. 42–58.
12. Лярский А.Б. «Простите, дорогие папа и мама»: родители, дети и борьба с подростковыми самоубийствами в России конца XIX – начала
XX века. СПб. : Крига, 2017. 599 с.
13. Бушмаков А.В. Повседневность провинциального гимназиста в начале XX века // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3. С. 118–
131.
14. Егорова М.В. Повседневная жизнь учащихся Урала в дореволюционный период // Известия АлтГУ. 2008. № 43. С. 84–91.
15. Котлова Т.Б. «...Много хороших воспоминаний осталось от гимназии» (женское образование в России сто лет назад) // Социальная исто-
рия. Ежегодник. М. : РОССПЭН, 2005. 495 с.
16. Государственный архив Пермского края
17. Пятидесятилетие существования Екатеринбургской 1-й женской гимназии. 1860–1910. Екатеринбург : Тип. Шаравьевой, 1912. 109 с.
18. Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за первое 25-летие его существования. Оренбург, 1901.
19. Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения.
Санкт-Петербург : тип. д-ра М.А. Хана, 1884. 238, [2], 88 с.
20. Отчеты екатеринбургской женской гимназии. Екатеринбург, 1870–1917.
21. Де Витте Е.И. Из воспоминаний начальницы женской гимназии. Тип. Почаево-успенской лавры, 1908. 188 с.
22. Журнал Министерства народного просвещения. СПб. : Тип. В.С. Балашева, 1874 (Новая серия. СПб. : Сенатская тип-я, 1906).
23. Семченков В.К. Исторический очерк Пермской Мариинской женской гимназии за 25 лет ее существования (1861–1886). Пермь : Тип.
Губ. прав., 1886. 216 с.
24. Государственный архив Свердловской области.
25. Отчеты пермской мариинской гимназии за 1892, 1905 гг. Пермь : Тип. Губ. Управы, 1893, 1906.
26. Отчет Совета общества для доставления квартир ученицам Пермской женской гимназии за первые три года существования Общества:
(1884/5, 1885/6, 1886/7). Пермь : Типо-Литография Губ. Прав., 1887. 33 с.
27. Журналы Осинского Уездного Земского Собрания XXIV очередной сессии 1893 г. с докладами Осинской уездной управы и другими
приложениями 1893 года. Оса : Типография И.А. Кузнецова, 1894. 701, IX с.
28. Мариинская женская гимназия в Перми: к 50-летию юбилею. 1861–1910. Пермь, 1913. 151 с.
29. Токарева Н.Н. Записки бывшей гимназистки. URL: <http://www.fnperm.ru/краеведческие-статьи.aspx> (дата обращения: 10.06.2020).
30. Труды 1-го Всероссийского съезда по образованию женщин организованный Российской лигой равноправия женщин в С.-Петербурге:
Т. 1. Санкт-Петербург : Рос. лига равноправия женщин, 1914–1915. 324 с.
31. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102.
32. Городской архив г. Ирбита. Ф. 447.
33. Пермский краеведческий музей. Ф. Р-923. Оп. 1. Д. 363
34. «Наши педагоги» // Уральская жизнь. 1917. № 170. 24 октября
35. Записки уральского медицинского общества. Екатеринбург : Тип-я М.М. Доброхотовой, 1911.
36. Уральская жизнь. 1915. № 192. 28 августа. С. 3; 1915. № 251. 11 ноября. С. 3.
37. Музей истории Екатеринбурга. Ф. 34. Оп. 1. Д. 17.
38. Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток: (1917–1922). М. : Русский путь, 1998. 366 с.

References

1. Ponomareva, V.V. (2015) “Ot “Soputnitsy cheloveka” do slushatel’nitsy universiteta: “Tolstye” zhurnaly 1860-kh gg. O zhenskom obrazovanii” [“From “Human Companion” to University Student: “Thick” Magazines of the 1860s. On women’s education”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. 5. pp. 21–36.*

2. Piller, O.V. (1888) *Itogi zhenskogo obrazovaniya v Rossii i ego zadachi* [Results of women's education in Russia and its tasks]. St. Petersburg: Tip. Trenke i Fyusno.
3. Ponomareva, V.V. & Khoroshilova, L.B. (2017) *Mir russkoy zhenshchiny: vospitanie, obrazovanie, sud'ba. XVIII – nachalo XX veka* [The world of a Russian woman: upbringing, education, fate. 18th – early 20th centuries]. Moscow: Lomonosov.
4. Anon. (1891) *Tsirkulyar po Orenburgskomu uchebnomu okrugu* [Circular on the Orenburg educational district]. Vols 1–12. Orenburg: Tip. Evfimovskogo-Mirovitskogo.
5. Russian Federation. (2020) *Federal Law No. 304-FZ of July 31, 2020: On Amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation" on the Upbringing of Students*. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310075> (Accessed: 23.07.2020). (In Russian).
6. Zhuravleva, N.N. (2005) *Zhenskoe obrazovanie v Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Female education in the Tomsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Barnaul.
7. Zakharova, E.V. (2015) *Istoriya stanovleniya i razvitiya zhenskikh uchebnykh zavedeniy Zabaykal'ya: seredina XIX v. – nachalo 20-kh gg. XX v.* [History of the formation and development of women's educational institutions in Transbaikalia: mid-19th century – early 1920s]. History Cand. Diss. Ulan-Ude.
8. Kozlova, G.N. (2005) *Vospitanie v sisteme deyatel'nosti otechestvennoy obshcheobrazovatel'noy sredney shkoly: pervaya polovina XX v.* [Education in the system of activities of the domestic secondary school: the first half of the 20th century]. Pedagogics Dr. Diss. N. Novgorod.
9. Loginova, O.A. (2009) *Uchebno-vospitatel'nyy protsess dorevolutsionnykh gimnaziy Rossii (na primere gimnaziy Penzenskoy gubernii)* [The educational process of pre-revolutionary gymnasiums in Russia (on the example of gymnasiums in Penza Province)]. Penza: Penza State University.
10. Slepneva, E.A. & Shchetina, N.P. (2015) *Stanovlenie instituta klassnogo nastavnika v muzhskikh i zhenskikh gimnaziakh Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Formation of the institution of a class teacher in male and female gymnasiums in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 7–17.
11. Perebrynos, A.E. & Ptashko, T.G. (2018) *Uchastie uchashchetsya molodezhi Urala v obshchestvennoy, kul'turnoy i politicheskoy zhizni vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Participation of student youth of the Urals in social, cultural and political life in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 3 (57). pp. 42–58.
12. Lyarskiy, A.B. (2017) *"Prostite, dorie papa i mama": roditeli, deti i bor'ba s podrostkovymi samoubiystvami v Rossii kontsa XIX – nachala XX veka* ["Sorry, dear dad and mom": parents, children and the fight against teenage suicides in Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. St. Petersburg: Kriga.
13. Bushmakov, A.V. (2006) *Povsednevnyy provintsial'nogo gimnazista v nachale XX veka* [Everyday life of a provincial high school student at the beginning of the twentieth century]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 3. pp. 118–131.
14. Egorova, M.V. (2008) *Povsednevnyaya zhizn' uchashchikhsya Urala v dorevolutsionnyy period* [Everyday life of students in the Urals in the pre-revolutionary period]. *Izvestiya AltGU*. 43. pp. 84–91.
15. Kotlova, T.B. (2005) *"...Mnogo khoroshikh vospominaniy ostalos' ot gimnazii" (zhenskoe obrazovanie v Rossii sto let nazad)* ["...Many good memories remain from the gymnasium" (female education in Russia a hundred years ago)]. In: *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik* [Social history. Yearbook]. Moscow: ROSSPEN.
16. State Archive of Perm Krai.
17. Anon. (1912) *Pyatidesyatiletie sushchestvovaniya Ekaterinburgskoy 1-y zhenskoy gimnazii. 1860–1910* [Fiftieth anniversary of the existence of the Yekaterinburg 1st Female Gymnasium. 1860–1910]. Yekaterinburg: Tip. Sharav'evoy.
18. Anon. (1901) *Istoricheskiy ocherk narodnogo obrazovaniya v Orenburgskom uchebnom okruge za pervoe 25-letie ego sushchestvovaniya* [Historical essay on public education in the Orenburg educational district for the first 25 years of its existence]. Orenburg.
19. Anon. (1884) *Sbornik deystvuyushchikh postanovleniy i rasporyazheniy po zhenskim gimnaziyam i progimnaziyam Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Collection of current decrees and orders for female gymnasiums and pro-gymnasiums of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg: tip. d-ra M.A. Khana.
20. Anon. (1870–1917) *Otchety ekaterinburgskoy zhenskoy gimnazii* [Reports of the Yekaterinburg female gymnasium]. Yekaterinburg.
21. De Vitte, E.I. (1908) *Iz vospominaniy nachal'nitsy zhenskoy gimnazii* [From the memoirs of the head of a female gymnasium]. Tip. Pochaevopenskoy lavry.
22. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* (1874). St. Petersburg: Tip. V.S. Balasheva (New series (1906). St. Petersburg: Senatskaya tip-ya).
23. Semchenkov, V.K. (1886) *Istoricheskiy ocherk Permskoy Mariinskoy zhenskoy gimnazii za 25 let ee sushchestvovaniya (1861–1886)* [Historical essay on the Perm Mariinsky Female Gymnasium for 25 years of its existence (1861–1886)]. Perm': Tip. Gub. prav.
24. State Archive of Sverdlovsk Oblast.
25. Anon. (1893; 1906) *Otchety permskoy mariinskoy gimnazii za 1892, 1905 gg* [Reports of the Perm Mariinsky gymnasium for 1892, 1905]. Perm: Tip. Gub. Upravly.
26. Anon. (1887) *Otchet Soveta obshchestva dlya dostavleniya kvartir uchenitsam Permskoy zhenskoy gimnazii za pervye tri goda sushchestvovaniya Obshchestva: (1884/5, 1885/6, 1886/7)* [Report of the Council of the Society for the delivery of apartments to students of the Perm Female Gymnasium for the first three years of the Society's existence: (1884/5, 1885/6, 1886/7)]. Perm: Tipo-Litografiya Gub. Prav.
27. Anon. (1894) *Zhurnaly Osinskogo Uezdnoy Zemskogo Sobraniya XXIV ocherednoy sessii 1893 g. s dokladami Osinskoy uездной upravy i drugimi prilozheniyami 1893 goda* [Journals of the Osinsk District Zemstvo Assembly of the XXIV regular session of 1893 with reports of the Osinsk district government and other appendices of 1893]. Osa: Tipografiya I.A. Kuznetsova.
28. Anon. (1913) *Mariinskaya zhenskaya gimnaziya v Permi: k 50-letnemu yubileyu. 1861–1910* [Mariinsky Female Gymnasium in Perm: To the 50th anniversary. 1861–1910]. Perm.
29. Tokareva, N.N. (2020) *Zapiski byvshey gimnazistki* [Notes of a former gymnasium student]. [Online] Available from: <http://www.fnperm.ru/kraevedcheskie-stat'i.aspx> (Accessed: 10.06.2020).
30. League for Women's Equality. (1914–1915) *Trudy 1-go Vserossiyskogo s'ezda po obrazovaniyu zhenshchin organizovannyy Rossiyskoy ligoy ravnopraviya zhenshchin v S.-Peterburge* [Proceedings of the 1st All-Russian Congress on Women's Education organized by the Russian League for Women's Equality in St. Petersburg:]. Vol. 1. St. Petersburg: Ros. liga ravnopraviya zhenshchin.
31. State Archive of the Russian Federation. Fund 102.
32. City Archive of Irbit. Fund 447.
33. Perm Museum of Local Lore. Fund R-923. List 1. File 363.
34. *Ural'skaya zhizn'*. (1917) "Nashi pedagogi" ["Our teachers"]. 170. 24 October
35. Ural Medical Society. (1911) *Zapiski ural'skogo meditsinskogo obshchestva* [Notes of the Ural Medical Society]. Yekaterinburg: Tip-ya M.M. Dobrokhotovoy.
36. *Ural'skaya zhizn'*. (1915) 192. 28 August. p. 3; 251. 11 November. p. 3.
37. Museum of the History of Yekaterinburg. Fund 34. List 1. File 17.
38. Anichkov, V.P. (1998) *Ekaterinburg – Vladivostok: (1917–1922)* [Yekaterinburg – Vladivostok: (1917–1922)]. Moscow: Russkiy put'.

Информация об авторе:

Архангельская Л.В. – научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). E-mail: arhangellar@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.V. Arhangelskaya, research fellow, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: arhangellar@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.10.2020;
одобрена после рецензирования 20.05.2021; принята к публикации 29.02.2024.*

*The article was submitted 17.10.2020;
approved after reviewing 20.05.2021; accepted for publication 29.02.2024.*

Научная статья
УДК 94/99
doi: 10.17223/15617793/499/12

Оккупация и освобождение территории курдов-езидов в Ираке от боевиков «Исламского государства Ирака и Леванта»* в 2014–2015 гг.

Теуб Ахмед оглы Ахмедов¹

¹ Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, Нерюнгри, Россия, RSevoi@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются обстоятельства оккупации боевиками террористической организации «Исламское государство» района проживания курдов-езидов с центром в городе Синджар (Шенгал). Исследуются причины, по которым стала возможна сдача Синджара боевикам без серьезного сопротивления, рассматривается вопрос об ответственности за отведение сил Пешмерга из района, дается оценка мотивам высшего руководства курдского региона и, в частности, клана Барзани.

Ключевые слова: Синджар, Шенгал, Ирак, Курдистан, езиды, курды, «Исламское государство», Пешмерга, Барзани, Рабочая партия Курдистана, Отряды народной самообороны, геноцид

Для цитирования: Ахмедов Т.А. Оккупация и освобождение территории курдов-езидов в Ираке от боевиков «Исламского государства Ирака и Леванта» в 2014–2015 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 116–122. doi: 10.17223/15617793/499/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/12

The occupation and liberation of the territory of the Yazidi Kurds in Iraq from militants of the Islamic State of Iraq and the Levant in 2014–2015

Teub A. Akhmedov¹

¹ Technical Institute (branch) of North-Eastern Federal University, Neryungri, Russian Federation, RSevoi@yandex.ru

Abstract. This article examines the circumstances of the occupation of the town of Sinjar (Shengal) in the north-west of Iraq by the terrorist organization known as the Islamic State (ISIS). Sinjar is the center of a vast territory inhabited by the ethno-confessional group of Yazidi Kurds. In August 2014 this territory was surrendered to ISIS militants by the Peshmerga forces of the Kurdish Autonomous Region without serious resistance. The defense of the area and the refugee escape routes were provided only by weak detachments of the local militia and the arrived People's Defense Units of the Syrian Kurdistan and Kurdistan Workers' Party. ISIS militants considered Yazidis as devil worshipers and demanded Yazidis to renounce their faith. During the occupation of Sinjar, they practiced massacres, destruction of shrines, and abductions of women and children for sale into sexual slavery. The ISIS policy towards Yazidis during the occupation was recognized by many states and international organizations as genocide. The aim of this article is to assess the reasons for the surrender of the territories of the Yazidi Kurds to the Islamic State in the context of the political struggle of various parties and groups for power and influence in the area. The author examines the occupation of Sinjar from two perspectives. First, it was a result of a difficult political situation: the interest of local authorities to subordinate the clergy and secular elite of the Yazidi Kurds to the family clan of President M. Barzani, and the weakness of the central government of Iraq, which in difficult conditions did not have the ability and desire to protect the people of their country from militants of the Islamic State terrorist organization. Second, it was a reason for the organization and unification of various resistance forces in Sinjar and the surrounding territories: Yazidi militias, PKK-affiliated units, the Peshmerga and the international coalition forces providing air support. The general course of military operations against the Islamic State made it possible to begin the liberation of Sinjar only a year and a few months after its occupation. The author of the study concludes that the attempts of the leaders of the Kurdistan Region, M. Barzani and his nephew, Prime Minister N. Barzani, to justify the undue withdrawal of the Peshmerga armed forces from the Sinjar region on the eve of the ISIS militants' invasion with the excuse to protect the capital of the Kurdish Autonomous Region, the city of Erbil, do not call for any trust and leniency. Behind this excuse lies the desire of the ruling elite of Southern (Iraqi) Kurdistan to veil their careless and criminal actions without any serious grounds to justify them.

Keywords: Sinjar, Shengal, Iraq, Kurdistan, Yazidis, Kurds, Islamic state, Peshmerga, Barzani, Kurdistan Workers' Party, People's Defense Units, genocide

For citation: Akhmedov, T.A. (2024) The occupation and liberation of the territory of the Yazidi Kurds in Iraq from militants of the Islamic State of Iraq and the Levant in 2014–2015. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 116–122. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/12

* Признанная террористической организацией, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Трагическая судьба этноконфессиональной группы курдов-езидов на всем протяжении ее многовековой истории была связана с борьбой за сохранение религиозной самобытности. Нежелание езидов принимать иную религию постоянно приводило к их преследованию со стороны колониальных стран или государств, в чьей юрисдикции оказывались их земли без их принципиального согласия. С одной стороны, это осложняло их повседневную жизнь, а с другой – сами курды-езиды никогда не стремились к объединению в среде своей особой религиозной конфессии и живут в кастовом обществе, соблюдая свои религиозные каноны.

Не вдаваясь в подробности религиозной части исследуемого вопроса, можно сказать, что в 1974 г., когда Курдистан в Ираке получил статус автономного района на севере страны [1. С. 58], Синджарский (на курдском – Шенгальский) район мухафаза Найнаван, район расселения курдов-езидов, к сожалению, оказался за пределами автономии, хотя курдские лидеры боролись за его включение.

Отношения между религиозными деятелями курдов-езидов и правящими партиями Южного (Иракского) Курдистана – Демократической партией Курдистана (ДПК) и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК) – не всегда были безоблачными, и причиной тому было то, что езиды не всегда желали следовать советам партийных лидеров, М. Барзани и Дж. Талабани, и поддерживали то одну, то другую сторону, особенно когда борьба между ДПК и ПСК за власть в Курдском автономном районе Ирака обострялась [2].

В 80-е гг. XX в., во время Ирако-иранской войны, борьба между центральной властью и администрацией Курдского района за эту территорию и за влияние на езидское духовенство ослабла. Сами же курды-езиды, как прежде, жили своим хозяйственным укладом и не желали, чтобы кто-либо им диктовал условия жизни.

События начала 90-х гг. XX в. – война в Персидском заливе в 1991 г. и последовавшее за ней курдское восстание, подавленное С. Хусейном, в основном обошли курдов-езидов стороной [3], но последовавшая за ними борьба за власть в Свободном Курдистане в середине 1990-х гг. [2] снова поставила их перед выбором. Сами они были склонны не поддерживать ни ДПК, ни ПСК, а быть частью национально-освободительного движения курдов во главе с Рабочей партией Курдистана (РПК) [4. С. 167–173], так как эта политическая организация признавала этнорелигиозную особенность курдов-езидов. Этот факт, естественно, очень беспокоил не только турецкие власти, но и местную курдскую администрацию во главе с Демократической партией Курдистана. Борьба между ДПК и РПК обострилась после очередного вторжения США в Ирак в 2003 г. [5] и последующими за этим разработкой и принятием Конституции Ирака 2005 г.

Статья 140 Конституции Ирака 2005 г. предусматривала поэтапное разрешение спорного территориального вопроса между центральной властью и администрацией Региона Курдистан [6]. До конца 2007 г.

должна была быть проведена перепись населения, а депортированных курдских граждан надлежало вернуть обратно на их автохтонное место, после чего должен был пройти референдум, определяющий судьбу этих земель [1. С. 58–65]. Эту норму в Конституции Ирака прописали, однако исполнять ее никто не собирался.

В 2011 г. в арабских странах обострилась общественно-политическая ситуация, что затронуло, в частности, Ирак и Сирию [7]. В этих условиях федеральный центр дал согласие на размещение курдских вооруженных сил Пешмерга на спорных территориях, и курдские власти разместили в Синджарском районе мухафаза Найнаван, где компактно проживают курды-езиды, две бригады Пешмерга в количестве 11 тысяч человек: одна бригада в количестве 8 тысяч человек в Шенгале (Синджаре), другая, 3 тысячи бойцов, в Зумаре [8], под общим командованием полковника Исмаила Мохаммеда.

Весной 2013 г. боевики ИГИЛ начали захватывать не только территорию Сирии, где с весны 2011 г. шла гражданская война, но и земли соседнего Ирака, и к середине 2014 г. они уже контролировали обширные территории обоих государств [9], в том числе в июне были захвачены города Мосул, Тикрит, Талль-Афар и прилегающие территории. В итоге боевики вплотную подошли к району проживания курдов-езидов. 29 июня 2014 г. «Исламское государство Ирака и Леванта» после занятия обширных территорий получило новое название «Исламское государство» [10], и тут же было признано мировым сообществом, в том числе и Россией, террористической организацией.

Власти в Багдаде, опасаясь захвата столицы, в спешке обратились к мировому сообществу за помощью в борьбе с боевиками «Исламского государства». Президент США Б. Обама инициировал воздушные атаки на позиции наступающих сил террористов по всей территории Ирака и Сирии [11]. Это позволило спасти Багдад и правительство Ирака во главе с Х. Аль-Абади. Потеряв надежду на взятие столицы Ирака, боевики «Исламского государства» все свои силы перебросили на север, против курдов, считая, что захват их земель приведет к окончательному поражению Ирака и Сирии в целом.

Накануне вторжения боевиков в Шенгал (Синджар) 2 августа 2014 г. командир сил Пешмерга в регионе Исмаил Мохаммед по распоряжению из Эрбиля вывел все вооруженные силы Пешмерга из района [8]. На требования главы района Синджар Сарбаста Бапира оставить хотя бы бойцов из местных курдов-езидов для отражения нападения террористов был получен отрицательный ответ [12].

Среди духовно-светской элиты и простых курдов-езидов по поводу такой недальновидной политики курдских властей бытует мнение, что глава Региона Курдистан Масуд Барзани специально вывел вооруженные силы из района, чтобы тем самым проучить духовную и светскую элиту курдов-езидов за их нежелание признавать власть его семейного клана в Курдском автономном районе Ирака.

Впоследствии руководство Региона Курдистан, в том числе сам М. Барзани, и его племянник, премьер-

министр региона Н. Барзани, оправдывались тем, что боевики «Исламского государства» после захвата Мосула хорошо вооружились за счет брошенного иракской армией современного оружия и могли захватить столицу автономии г. Эрбиль [13], по этой причине власти были вынуждены все силы бросить на оборону столицы автономного региона.

3 августа 2014 г. рано утром террористические силы «Исламского государства» без особого сопротивления захватили Синджар, Зумаре, Вана и нефтяные месторождения в регионе [14].

Силы из двух десятков плохо вооруженных местных жителей ничего не смогли противопоставить наступавшим игиловцам. Боевики «Исламского государства» вывели из города несколько тысяч жителей, в основном женщин и детей, в рабство [15]. А те, кто смогли убежать в горы, умирали от жажды и голода. Между тем партизаны Рабочей партии Курдистана (РПК) хотя с опозданием, но пришли на помощь, и началось контрнаступление против боевиков на захваченных территориях. Вооруженные силы Народных сил самообороны Курдистана (НССК) не смогли своевременно отреагировать по одной простой причине. Эти территории находились, как ранее было оговорено, под защитой Пешмерга Демократической партии Курдистана и были под особым контролем регионального правительства.

4 августа глава представитель Езидского духовенства Эмир Мир Тахсин Саид обратился к мировому сообществу с призывом спасти езидов от геноцида боевиков террористической организации «Исламского государства» [16].

В течение нескольких дней после начала захвата земель курдов-езидов боевики «Исламского государства» по распоряжению главы террористов, Абу Бакра ал-Багдади, казнили не менее 600 езидов в деревнях Духола, Кучо [17], а в самом Шенгале – 67 человек за отказ принять ислам. Не менее 5 тысяч женщин и детей было захвачено и увезено на подконтрольные боевикам территории [17]. Примерно 500 мужчин, женщин, детей, стариков были похоронены заживо за отказ подчиниться воле террористов.

5 августа 2014 г. к Синджару подошли Отряды народной самообороны Западного (Сирийского) Курдистана под командованием полевого командира К. Полата [18], и при их содействии было спасено несколько тысяч курдов-езидов. Вступая с ходу в бой, эти подразделения остановили, хотя и временно, наступление боевиков.

В тот же день, 5 августа 2014 г., глава района Сарбаст Бапир при поддержке военизированных отрядов Народных сил самообороны Курдистана и вооруженных ополченцев Западного Курдистана объявил о создании местных подразделений под названием «Защитники Шенгала» [19], и в первом же бою в городе Рабия эти силы одержали победу над террористами «Исламского государства».

6 августа член Демократической партии Курдистана К. Шешо заявил, что им удалось сформировать силы курдов-езидов в количестве 1 500 человек и они сходу освободили несколько деревень и взяли в плен

боевиков «Исламского государства» [20]. Несмотря на разногласия с правящей элитой в Эрбиле, руководители езидской общины надеялись получить скорейшую помощь от вооруженных сил Региона Курдистана.

7–8 августа 2014 г. шли тяжелые бои вблизи езидских храмов, в это же время силы Пешмерга и Отряды народной самообороны Западного Курдистана совместно вели бои за Синуне [21], а бойцы Рабочей партии Курдистана в эти же дни освободили от боевиков деревни Дугира и Гол Бел [21]. С воздуха сражающиеся курдские силы поддерживали ВВС США, нанеся урон силам боевиков в районе боевых действий.

В период активных боевых действий после захвата Синджара боевики «Исламского государства» попытались таким же путем занять святыню курдов-езидов – храм Лалеш, однако езидский отряд примерно в 3 тысячи бойцов под командованием Пира Авдо при поддержке сил Пешмерга и бойцов НССК [22. С. 6–7] в районе боевых действий сумел отстоять главный храм езидов от неприятеля.

8 августа 2014 г. международная коалиция во главе США начала наносить воздушные удары по позициям боевиков террористической организации «Исламское государство» [23], что помогло спасти беженцев, которых начали выводить из гор Синджара, где они укрывались от боевиков.

Натиск со стороны «Исламского государства» не ослабевал. 9 августа боевики предъявили ультиматум жителям нескольких деревень, в их числе Хатымия, Тель Кучо, Тель Касаб [21]: если они в ближайшее время не согласятся принять ислам, то будут убиты. Не получив согласия, при посредничестве вождей арабских племен боевики продлили время исполнения угрозы до вечера 11 августа 2014 г. [21]. 15 августа 2014 г. боевики в селе Кучо привели свои угрозы в исполнение, и жертвами этого преступления стало большинство жителей, не пожелавших изменить своей вере.

В середине августа 2014 г., после захвата села Бабир, террористы «Исламского государства» взорвали храм святого Шахсе Бате [24], одно из почитаемых святынь в езидской религии.

В двадцатых числах августа интенсивность боев между оккупантами «Исламского государства» и защитниками курдских земель не уменьшилась. В ходе этих боев, несмотря на серьезные потери, боевики не прекращали атаки и продолжали уничтожать культурные ценности: в деревне Башике они разрушили храмы святых Шейха Хасана и Шейха Шамса [20].

К концу августа 2014 г. большинство беженцев-езидов при содействии международного сообщества было переселено в лагерь беженцев, созданные на территории Иракского Курдистана [25].

В течение сентября–октября 2014 г. между бойцами Рабочей партии Курдистана и боевиками террористической организации «Исламское государство» шли в основном позиционные бои. Задачей боевиков было во что бы то ни стало не допустить переселения беженцев, скрывающихся в районе горного хребта Синджар, на север Ирака, а при возможности взять эти горы.

В итоге этого противостояния 21 октября 2014 г. боевикам удалось захватить территории к северу от горы Синджар [25] и тем самым отрезать пути отхода беженцев.

В начале ноября 2014 г. курдские ополченцы при поддержке ВВС США начали атаковать позиции «Исламского государства» в Синджаре. К середине ноября, при содействии бойцов Защиты Шенгала под командованием Касыма Шешо [26], силы самообороны Шенгала (ССШ) и отрядов народной самообороны (ОНС) Западного Курдистана под общим командованием полевого командира РПК Э. Бахоза перешли в контрнаступление и отвоевали у иГИЛОВЦЕВ деревни Бара, Бары и Ханасору, тем самым вновь открыв дорогу к горам Синджара [21], где оставалось еще немало беженцев.

В ноябре–декабре 2014 г. боевики «Исламского государства» непрерывно наступали на позиции защитников курдов-езидов. В ходе этих боев иГИЛОВЦЫ потеряли несколько своих полевых командиров, в частности, Радвана аль Хамдуни, Рафи аль Машадани, а также Абу Хусам аль Ираки [27]. Несмотря на это, ситуация в регионе по-прежнему оставалась очень сложной, особенно для мирных жителей.

Владея обширной и богатой нефтью территорией, боевики «Исламского государства» смогли не только удержать захваченные земли, но и продолжать успешные наступательные операции не только на севере против курдов, но и в других частях Ирака. Руководители «Исламского государства» своими главными противниками видели не иракские или сирийские вооруженные силы, а курдов, которые, во-первых, ни в коем случае не хотели подчиняться воле захватчиков и тем варварским порядкам, которые ввели боевики на захваченных землях, а во-вторых, получали поддержку со стороны международной коалиции, которую возглавляла США. Эти два злейших врага для «Исламского государства» были намного опаснее, чем их собратья арабы, если даже у них было разное конфессиональное восприятие окружающего мира.

17 декабря 2014 г. силы Пешмерга Иракского Курдистана под непосредственным руководством племянника главы региона М. Барзани, Сирвана Барзани, наконец-то присоединились к борьбе с иГИЛОВЦАМИ в районе Мосула и непосредственно у Синджара [28]. В результате этой операции, по сообщениям депутата Иракского парламента Мухсина Саадун, вооруженные силы Южного Курдистана в ходе наступления отчистили от боевиков и взяли под контроль все деревни вокруг района Зумар на границе с Сирией [21]. Затем Пешмерга начала наступление на позиции террористов «Исламского государства» вокруг Шенгала, получая воздушную поддержку от ВВС США. В то же время бойцы Народных сил самообороны Курдистана (НССК) и силы освобождения Шенгала активизировали свои действия в районе горы Синджар. Эти совместные операции привели к тому, что в конце декабря 2014 г. дорога Мосул – Синджар была закрыта для боевиков «Исламского государства» [29], позиции террористов вокруг горы Синджар тоже были потеряны.

За те несколько месяцев, в течение которых север Ирака, в частности район Синджара, находился под контролем иГИЛОВСКИХ СИЛ, террористы систематически проводили этнические чистки – об этом заявила авторитетная международная правозащитная организация Amnesty International [30]. По данным организации, в августе 2014 г. в провинции Синджар были убиты сотни тысяч представителей общины курдов-езидов. Кроме того, по данным Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций (ООН) по правам человека, в конце августа 2014 г. террористы «Исламского государства» в деревне Джидал, в храме Шейха Манна, расстреляли 14 старейшин езидов [31], которые отказались призвать курдов-езидов принять ислам, а также выдать тех, кого они скрывают от боевиков.

В период оккупации «Исламским государством» части территории Ирака внутренне перемещенными лицами стали 1,8 млн человек [30], в том числе 650 тысяч курдов-езидов, которые сбежали из Синджара и прилегающих территорий в течение августа и сентября 2014 г.

Пока шла борьба за освобождение Синджара, активно велась и идеологическая борьба между разными политическими силами региона, в которой стороны спорили о причинах сдачи территорий, населенных курдами-езидами. Езидский депутат парламента Ирака Биан Дихаль предлагала передать суду бывшего министра Пешмерга Мустафу Саида Кадира [32], настаивая, что он, как военный министр, в первую очередь виноват в беде, которая постигла народ. Представители других партий Курдского автономного района, в частности партии Горран, высказывались еще радикальнее – по их убеждениям, под суд должны идти не только военный министр, но и все руководство Региона Курдистан, включая самого М. Барзани.

В начале 2015 г. началось освобождение территории Ирака от боевиков «Исламского государства», в том числе района проживания курдов-езидов – Синджара и прилегающих территорий [28]. Одновременно с этим власти Региона Курдистан посредством различных каналов освобождали из плена женщин и детей. В течение января и февраля 2015 г. совместными усилиями властей Ирака и курдского автономного района при поддержке международного сообщества из плена были вызволены не менее 200 езидов [33]. Этот процесс продолжался в течение всего 2015 г., в частности, в апреле того же года были освобождены из рук боевиков 216 езидов [33], в основном дети и женщины. По мнению курдского генерала Хивы Абдулы, большинство освобожденных удерживались в Тикрите, у них было подорванное здоровье.

Бои между противниками в районе Синджара в первой половине 2015 г. были не такими интенсивными, как в конце прошлого года, и тому были свои военно-политические причины. Во-первых, вооруженные силы Рабочей партии Курдистана и Отряды народной самообороны Сирийского Курдистана были задействованы на другом участке фронта для противодействия попыткам боевиков «Исламского государства» захватить город Кобани (Айн-эль-Араб) [34], осада которого

продолжалась с сентября 2014 по март 2015 г. и завершилась в итоге полным поражением игиловских террористов, а силы Пешмерга при поддержке ВВС США были задействованы в освобождении иных спорных курдских районов Ирака, в частности Киркука, Диялы, курдской части мухафаза Найнавана [35]. А в 2016 г., после освобождения района Синджар, по просьбе США и властей в Багдаде курдская армия Пешмерга приняла участие в освобождении города Мосул от боевиков «Исламского государства» [35].

В то время, как силы антиигиловской коалиции готовились к освобождению района проживания курдов-езидов от террористов, в марте 2015 г. Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека признало геноцидом преследование мирного населения курдов-езидов со стороны боевиков «Исламского государства» [36]. УВК ООН по правам человека утвердило такое решение по итогам собственного расследования и пришло к выводам, что были многочисленные попытки принудительного обращения курдов-езидов в исламскую веру, сексуальное насилие над женщинами и множество других преступлений, и попросило назначить комиссию по расследованию бездействия властей Региона Курдистан.

В течение сентября–октября 2015 г. шла подготовка к наступлению на позиции террористов «Исламского государства». Для этого по просьбе США иракские власти позволили передать курдским вооруженным силам Пешмерга тяжелую технику, артиллерию и многое другое [37], но в ограниченном количестве и на период наступательной операции.

В начале ноября 2015 г. 7 500 бойцов Пешмерга были подготовлены для наступления на позиции «Исламского государства» в районе Синджар [38], с воздуха их должна была поддерживать боевая авиация коалиции в регионе. Номинально, как глава региона, операцией руководил М. Барзани, а реально командовал его племянник, генерал Сирван Барзани.

Наступление на позиции игиловцев под кодовым названием «Ярость Малеке Таус», началось в 05.00 12 ноября 2015 г. На первом этапе наступающие силы перерезали дорогу между Синджаром и Сирией [28], затем заняли стратегические деревни вокруг самого города и после приступили к освобождению самого города. Боевики террористической организации «Исламское государство» в это время сконцентрировали свои силы на западе региона, где, как они считали, у Пешмерга были слабые силы, и искали возможность перейти в контрнаступление. С воздуха наступающим силам Пешмерга активно помогали ВВС США, нанося массированные удары по укрепленным районам боевиков «Исламского государства» [39].

В первый день наступления было отрезано шоссе Синджар – Байджи, затем Шенгал – Тель-Афра [21]. По итогам первого дня Пешмерга освободили цементный завод, зернохранилище, больницу и ряд других объектов в северной части города. Несмотря на отступление игиловцев из города, представители вооруженных сил Региона Курдистан не исключали того, что в городе могли остаться террористы-смертники, и начали зачистку освобожденной территории. К концу первого дня наступательной операции было освобождено 150 тысяч км² территории вокруг Синджара [21].

В последующие дни операция шла так же успешно. К боям за город присоединились вооруженные силы Сирийского Курдистана и «Зеревани» – подразделения Пешмерга, обученные борьбе с террористами в городских условиях, под командованием генерал-майора Азиза Вайси [28], а также независимые силы езидов под командованием Гейдара Шешо. Получив дополнительную поддержку, курдская армия развернула наступление еще более активно. 14 ноября 2015 г. силы Народных сил самообороны Курдистана и Сирийского Курдистана под руководством полевого командира Навруза Хатими заняли ряд важных стратегических деревень вокруг Синджара [34]. В ходе наступления на позиции боевиков потери несли обе стороны, в частности, в боях погиб полевой командир Навруз Хатами. Наконец, 15 ноября 2015 г. боевики «Исламского государства» были полностью отеснены от города [40]. Еще до полного освобождения Синджара от террористов Президент Иракского Курдистана Масуд Барзани объявил о полном освобождении города от боевиков «Исламского государства» [41]. При этом командир ополченцев Защитников Шенгала Хейдар Шешо предупредил, что сейчас между политическими силами начнется война за флаги в регионе.

Освобождение Синджара в ноябре 2015 г. было большим успехом в деле дальнейшего очищения территории Ирака от боевиков «Исламского государства», учитывая, что обширные территории Ирака, включая один из крупнейших городов страны Мосул, все еще оставались под властью террористов.

Таким образом, после ужаса годовой оккупации и террора против мирного населения, район проживания курдов-езидов все-таки был освобожден. Однако борьба за управление данной территорией так и не прекратилась. Кроме того, многие политические силы в регионе справедливо ставили вопрос о причинах сдачи района и предлагали начать расследование данной военно-политической ситуации. Однако время показало, что этот вопрос, как и прежде, остается в дискуссионном поле и никак не переходит в правовую повестку.

Список источников

1. Ахмедов Т.А. Референдум о независимости Южного (Иракского) Курдистана в 2017 г.: истоки, ход, итоги и последствия // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 465. С. 58–65. doi: 10.17223/15617793/465/8
2. Курдская гражданская война в Ираке // Платформа Альфапедия. URL: https://alphapedia.ru/w/Iraqi_Kurdish_Civil_War
3. Восстания в Курдистане 1920–2000 гг. // ХРОНОС. URL: <http://www.hrono.ru/sobyty/1922kurd.html>
4. Оджалан А. Курдская действительность с XIX века по настоящее время и движение РПК. М. : Axina Welat, 1998. 376 с.
5. Хроника военной операции США против Ирака в 2003 году // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20130320/927830711.html>
6. Iraq's Constitution of 2005 // The Constitue Project. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iraq_2005.pdf
7. Кузнецов А.А. «Исламское государство» в контексте политических изменений на Ближнем Востоке // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2 (41). С. 221–229.

8. Шангал // Открытый исследовательский и дискуссионный центр Глобальная Авантюра. URL: <https://glav.su/forum/threads/1400160>
9. «Халифат» в Сирии и Ираке направлен на объединение экстремистов // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20140630/1014163185.html>
10. «Исламское государство» объявило о создании халифата на территории Сирии и Ирака // Автофокус afmedia.ru. URL: <https://afmedia.ru/novosti/halifat-na-territorii-sirii-i-iraka>
11. Операция США против ИГ в Сирии и Ираке // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190322/1552044313.html>
12. Геноцид езидов в Шангале // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1948259.html>
13. Сулейманов А. Ответ на статью Афана Авдали «И врут, и забираются» // ÊzidiNews. URL: <http://ezidi.news/archives/1187>
14. 10 days in Iraq: Aid drops, air-strikes and 200,000 new refugees // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-28761383>
15. Yazidis tormented by fears for women and girls kidnapped by Isis jihadists // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/aug/11/yazidis-tormented-fears-for-women-girls-kidnapped-sinjar-isis-slaves>
16. Leader of Iraq's Yazidis Issues Distress Call, Appeals for Help Against ISIS // AINA News. URL: <http://www.aina.org/news/20140804041237.htm>
17. Трагедия в Шенгале: кто есть кто // ООО «Дзен Платформа». URL: https://dzen.ru/a/XZW0Vh_r1Acti_iz
18. Ciroglu M. How Kurdish Militias Have Successfully Fought Off the Islamic State // Vice Media Group. URL: <https://www.vice.com/en/article/d3jyyw/how-kurdish-militias-have-successfully-fought-off-the-islamic-state>
19. Ezidhan Asayish represents indigenous Shengal people // «ANHA» Hawar news agency. URL: <https://hawarnews.com/en/haber/ezidhan-asayish-represents-indigenous-shengal-people-h23397.html>
20. IS terrorists take over Yezidi villages: Updated chronicle // ÊzidiPress. URL: <https://www.ezidipress.com/en/is-terrorists-take-over-yezidi-village-a-short-chronicle/>
21. Бои за Синджар // Энциклопедия Руниверсалис. URL: https://руни.рф/index.php/Бои_за_Синджар
22. Свободный Курдистан. Москва, 2014. Ноябрь. № 11 (137). 20 с.
23. США нанесли авиаудар по позициям боевиков ИГ на территории Ирака // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20140808/1019315673.html>
24. Езиды в Ираке: как община сохранила традиции и храм под угрозой ИГ // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20170821/1500793278.html>
25. Беженцы среди святых. Как живут езиды, скрывшиеся от «Исламского государства», в горном храме на севере Ирака // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/03/09/ezidi/>
26. Отряд Касыма Шешо пополнился на 200 человек // ÊzidiPress. URL: <https://www.ezidipress.com/ru/2014/09/09/отряд-касыма-шешо-еще-пополнился-на-200-ч/>
27. ISIS Leader Who Tortured and Killed Yazidis is Dead // Yahoo news. URL: <https://finance.yahoo.com/news/isis-leader-tortured-killed-yazidis-173700731.html>
28. Наступление на Синджар в декабре 2014 года // turbopages.org. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.bcda1466-63eb685c-88a74ce0-74722d776562/https://en.wikipedia.org/wiki/Second_Siege_of_Mount_Sinjar
29. Peshmerga forces heave Isis away from Mount Sinjar // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/dec/21/peshmerga-forces-isis-mount-sinjar>
30. «Исламское государство»: от терроризма до геноцида // ÊzidiPress. URL: <https://www.ezidipress.com/ru/2015/02/15/исламское-государство-от-терроризма/>
31. Доклад Верховного комиссара ООН о преступлениях ИГИЛ // Интернет-журнал Asia Russia Daily. URL: <https://asiarussia.ru/news/6554/>
32. Виян Дахил требует казнить министра Пешмарга за сдачу Шангала // ÊzidiNews. URL: <http://ezidi.news/archives/689>
33. Islamic State group releases 200 Yazidis in Iraq who had been held captive for 5 months // Fox News. URL: <https://www.foxnews.com/world/islamic-state-group-releases-200-yazidis-in-iraq-who-had-been-held-captive-for-5-months>
34. В Сирии боевики «Исламского государства» наступают на курдский город Кобани // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1452486>
35. Иракская Хавиджа: курдам нужна «маленькая и победоносная» война // Eurasia Daily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/06/09/irakskaya-havidzha-kurdam-nuzhna-malenkaya-i-pobedonosnaya-voyna>
36. Геноцид езидов со стороны ИГИЛ // Платформа Альфаведия. URL: https://alphapedia.ru/w/Genocide_of_Yazidis_by_ISIL
37. Богданов К. Вооружали всем миром // ООО «МИЦ «Известия». URL: <https://iz.ru/696780/konstantin-bogdanov/vooruzhali-vsem-mirom>
38. Иракские курды пошли в наступление на Синджар // Eurasia Daily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2015/11/12/irakskie-kurdy-poshli-v-nastuplenie-na-sindzhar>
39. BBC США нанесли удары по позициям «Исламского государства» // Total Media Qazaqstan. URL: https://total.kz/ru/news/mir/amerikanskieskie_vvs_nanesli_udar_po
40. Наступление на Синджар в ноябре 2014 года // turbopages.org. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.29fe36eb-63eb7e48-9e494d42-74722d776562/
41. Курды объявили об освобождении стратегического города на севере Ирака // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/56460b489a79475de90914dd>

References

1. Akhmedov, T.A. (2021) 2017 South (Iraqi) Kurdistan Independence Referendum: Causes, Course, Results and Impact. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 465. pp. 58–65. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/465/8
2. Alphapedia. (n.d.) *Kurdskaya grazhdanskaya vojna v Irake* [Kurdish civil war in Iraq]. [Online] Available from: https://alphapedia.ru/w/Iraqi_Kurdish_Civil_War
3. KhRONOS. (n.d.) *Vosstaniya v Kurdistane 1920–2000 gg.* [Uprisings in Kurdistan, 1920–2000]. [Online] Available from: <http://www.hrono.ru/sobytya/1922kurd.html>
4. Odzhalan, A. (1998) *Kurdskaya deystvitel'nost' s XIX veka po nastoyashchee vremya i dvizhenie RPK* [Kurdish reality from the 19th century to the present time and the PKK movement]. Moscow: "Axina Welat".
5. RIA Novosti. (2013) *Khronika voennoy operatsii SShA protiv Iraka v 2003 godu* [Chronicle of the US military operation against Iraq in 2003]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20130320/927830711.html>
6. The Institute Project. (n.d.) *Iraq's Constitution of 2005*. [Online] Available from: https://www.constituteproject.org/constitution/Iraq_2005.pdf
7. Kuznetsov, A.A. (2015) "Islamskoe gosudarstvo" v kontekste politicheskikh izmeneniy na Blizhnem Vostoke ["Islamic State" in the context of political changes in the Middle East]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2 (41). pp. 221–229.
8. Global'naya Avantiyura. (n.d.) *Shangal* [Sinjar]. [Online] Available from: <https://glav.su/forum/threads/1400160>
9. RIA Novosti. (2014) *"Khalifat" v Sirii i Irake napravlenn na ob'edinenie ekstremistov* ["Caliphate" in Syria and Iraq is aimed at uniting extremists]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20140630/1014163185.html>
10. Afmedia.ru. (n.d.) *"Islamskoe gosudarstvo" ob'yavilo o sozdaniy khalifata na territorii Sirii i Iraka* [Islamic State announced the creation of a caliphate in Syria and Iraq]. [Online] Available from: <https://afmedia.ru/novosti/halifat-na-territorii-sirii-i-iraka>
11. RIA Novosti. (2019) *Operatsiya SShA protiv IG v Sirii i Irake* [US operation against ISIS in Syria and Iraq]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20190322/1552044313.html>
12. IA REGNUM. (n.d.) *Genotsid ezidov v Shangale* [Genocide of the Yazidis in Sinjar]. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/polit/1948259.html>

13. Suleymanov, A. (n.d.) *Otvet na stat'yu Afana Avdali "I vrut, i zavirayutsya"* [Response to the article by Afan Avdali "They both lie"]. ÊzidiNews. [Online] Available from: <http://ezidi.news/archives/1187>
14. BBC News. (n.d.) *10 days in Iraq: Aid drops, air-strikes and 200,000 new refugees*. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-28761383>
15. The Guardian. (2014) *Yazidis tormented by fears for women and girls kidnapped by Isis jihadists*. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/world/2014/aug/11/yazidis-tormented-fears-for-women-girls-kidnapped-sinjar-isis-slaves>
16. AINA News. (2014) *Leader of Iraq's Yazidis Issues Distress Call, Appeals for Help Against ISIS*. [Online] Available from: <http://www.aina.org/news/20140804041237.htm>
17. Dzen.ru. (n.d.) *Tragediya v Shengale: kto est' kto* [Tragedy in Sinjar: who is who]. [Online] Available from: https://dzen.ru/a/XZW0Vh_r1ACti_iz
18. Civiroglu, M. (n.d.) *How Kurdish Militias Have Successfully Fought Off the Islamic State*. Vice Media Group. [Online] Available from: <https://www.vice.com/en/article/d3jyyw/how-kurdish-militias-have-successfully-fought-off-the-islamic-state>
19. "ANHA" Hawar news agency. (n.d.) *Ezidixan Asayish represents indigenous Shengal people*. [Online] Available from: <https://hawarnews.com/en/haber/ezidixan-asayish-represents-indigenous-shengal-people-h23397.html>
20. ÊzidiPress. (n.d.) *IS terrorists take over Yazidi villages: Updated chronicle*. [Online] Available from: <https://www.ezidipress.com/en/is-terrorists-take-over-yezidi-village-a-short-chronicle/>
21. Runiversalis. (n.d.) *Boi za Sindzhar* [Battles for Sinjar]. [Online] Available from: https://runi.rf/index.php/Boi_za_Sindzhar
22. *Svobodnyy Kurdistan*. (2014) November. 11 (137).
23. RIA Novosti. (2014) *SShA nanesli aviaudar po pozitsiyam boevikov IG na territorii Iraka* [The United States launched an airstrike on the positions of IS militants in Iraq]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20140808/1019315673.html>
24. RIA Novosti. (2017) *Ezidy v Irake: kak obshchina sokhranila traditsii i khram pod ugrozoy IG* [Yazidis in Iraq: how the community preserved traditions and the temple under the threat of ISIS]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20170821/1500793278.html>
25. Lenta.ru. (2015) *Bezhtentsy sredi svyaty'n'. Kak zhivut ezidy, skryvshiesya ot "Islamskogo gosudarstva", v gornom khrame na severe Iraka* [Refugees among the shrines. How the Yazidis who hid from the Islamic State live in a mountain temple in northern Iraq]. [Online] Available from: <https://lenta.ru/articles/2015/03/09/ezidi/>
26. ÊzidiPress. (2014) *Otryad Kasyma Shesho popolnitsya na 200 chelovek* [Kasim Shesho's detachment was replenished by 200 people]. [Online] Available from: <https://www.ezidipress.com/ru/2014/09/09/otryad-kasyma-shesho-eshe-popolnitsya-na-200-ch/>
27. Yahoo news. (n.d.) *ISIS Leader Who Tortured and Killed Yazidis Is Dead*. [Online] Available from: <https://finance.yahoo.com/news/isis-leader-tortured-killed-yazidis-173700731.html>
28. Turbopages.org. (n.d.) *Nastuplenie na Sindzhar v dekabre 2014 goda* [Attack on Sinjar in December 2014]. [Online] Available from: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.bcda1466-63eb685c-88a74ce0-74722d776562/https://en.wikipedia.org/wiki/Second_Siege_of_Mount_Sinjar
29. The Guardian. (2014) *Peshmerga forces heave Isis away from Mount Sinjar*. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/world/2014/dec/21/peshmerga-forces-isis-mount-sinjar>
30. ÊzidiPress. (2015) *"Islamskoe gosudarstvo": ot terrorizma do genotsida* [Islamic State: from terrorism to genocide]. [Online] Available from: <https://www.ezidipress.com/ru/2015/02/15/islamskoe-gosudarstvo-ot-terrorizma/>
31. Asia Russia Daily. (n.d.) *Doklad Verkhovnogo komissara OON o prestupleniyakh IGIL* [Report of the UN High Commissioner on the crimes of ISIS]. [Online] Available from: <https://asiarussia.ru/news/6554/>
32. ÊzidiNews. (n.d.) *Vian Dakhil trebuets kaznit' ministra Peshmarga za sdachu Shangala* [Vian Dakhil demands the execution of the Peshmarga minister for the surrender of Sinjar]. [Online] Available from: <http://ezidi.news/archives/689>
33. Fox News. (n.d.) *Islamic State group releases 200 Yazidis in Iraq who had been held captive for 5 months*. [Online] Available from: <https://www.foxnews.com/world/islamic-state-group-releases-200-yazidis-in-iraq-who-had-been-held-captive-for-5-months>
34. TASS. (n.d.) *V Sirii boeviki "Islamskogo gosudarstva" nastupayut na kurdskiy gorod Kobani* [In Syria, Islamic State militants advance on a Kurdish town Kobani]. [Online] Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1452486>
35. Eurasia Daily. (2017) *Irakskaya Khavidzha: kurdam nuzhna "malen'kaya i pobedonosnaya" voyna* [Iraqi Hawija: the Kurds need a "small and victorious" war]. [Online] Available from: <https://easaily.com/ru/news/2017/06/09/irakskaya-havidzha-kurdam-nuzhna-malenkaya-i-pobedonosnaya-voyna>
36. Alphapedia. (n.d.) *Genotsid ezidov so storony IGIL* [Genocide of the Yazidis by ISIS]. [Online] Available from: https://alphapedia.ru/w/Genocide_of_Yazidis_by_ISIL
37. Bogdanov, K. (n.d.) *Vooruzhali vsem mirom* [Armed by the whole world]. Izvestiya. [Online] Available from: <https://iz.ru/696780/konstantin-bogdanov/vooruzhali-vsem-mirom>
38. Eurasia Daily. (2015) *Irakskie kurdy poshli v nastuplenie na Sindzhar* [Iraqi Kurds launched an attack on Sinjar]. [Online] Available from: <https://easaily.com/ru/news/2015/11/12/irakskie-kurdy-poshli-v-nastuplenie-na-sindzhar>
39. Total Media Qazaqstan. (n.d.) *VVS SShA nanesli udary po pozitsiyam "Islamskogo gosudarstva"* [The US Air Force launched strikes on the positions of the "Islamic State"]. [Online] Available from: https://total.kz/ru/news/mir/amerikanskije_vvs_nanesli_udar_po
40. Turbopages.org. (n.d.) *Nastuplenie na Sindzhar v noyabre 2014 goda* [Attack on Sinjar in November 2014]. [Online] Available from: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.29fe36eb-63eb7e48-9e494d42-74722d776562/
41. RBC. (n.d.) *Kurdy ob'yavili ob osvobodzhenii strategicheskogo goroda na severe Iraka* [The Kurds announced the liberation of a strategic city in northern Iraq]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/56460b489a79475de90914dd>

Информация об авторе:

Ахмедов Т.А. – канд. ист. наук, доцент кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин Технического института (филиала) Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (г. Нерюнгри). E-mail: RSevoi@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.A. Akhmedov, Cand. Sci. (History), associate professor, Technical Institute (branch) of North-Eastern Federal University (Neryungri, Russian Federation). E-mail: RSevoi@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023;
одобрена после рецензирования 02.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 27.02.2023;
approved after reviewing 02.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

Научная статья
УДК 94(469).071 “1917”
doi: 10.17223/15617793/499/13

Причины, ход и результаты государственного переворота Сидониу Паиша (5–8 декабря 1917 г.) в Первой Португальской республике в документах Военного кабинета Великобритании

Сергей Алексеевич МIRONIUK¹

¹ Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия
privetsergey95@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются события государственного переворота в Первой Португальской республике, совершенного 5–8 декабря 1917 г. майором Сидониу Паишем против правительства Афонсу да Кошты, а также президента Бернардину Машаду. В этой связи анализируются причины, ход и результаты этого переворота. Работа написана с привлечением впервые введенных в научный оборот в отечественной историографии документов Военного Кабинета Великобритании, хранящихся в Национальном архиве Соединенного Королевства.

Ключевые слова: Первая Португальская республика, Первая мировая война, Декабрьский переворот 1917 г., Демократическая партия, Сидониу Паиш, Афонсу да Кошта, Бернардину Машаду, Военный кабинет Великобритании

Для цитирования: МIRONIUK С.А. Причины, ход и результаты государственного переворота Сидониу Паиша (5–8 декабря 1917 г.) в Первой Португальской республике в документах Военного кабинета Великобритании // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 123–131. doi: 10.17223/15617793/499/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/13

The causes, dynamics and results of the Sidónio Pais's coup d'état (5–8 December 1917) in the First Portuguese Republic in the documents of the British War Cabinet

Sergei A. Mironiuk¹

¹ Russian Timiryazev State Agrarian University, Moscow, Russian Federation, privetsergey95@mail.ru

Abstract. This article examines the coup d'état in the First Portuguese Republic, staged on 5–8 December 1917 by Major Sidónio Pais against the Government of Afonso da Costa and President Bernardino Machado. The author aims to uncover the causes, dynamics of events development and results of this coup d'état. The source base is the War Cabinet of Great Britain's documents stored in the National Archive of the United Kingdom, which are being introduced into scientific discourse for the first time in the domestic historiography. The retrospective, systemic and narrative research methods were mainly used in the article. When using the retrospective method, it was established that the Sidónio Pais's coup d'état was a logical result of the development of the First Portuguese Republic's crisis. The systematic method revealed the constituent elements of this crisis: its political and socio-economic aspects, the consequence of which was mainly the coup d'état of Sidónio Pais. Since British documents had not been previously described in the domestic historiography, a narrative method was used in order to reflect fuller its content and character. The December 1917 coup d'état was the result of unsolved actual tasks after the establishment of the Republic in early October 1910 and accumulated problems after the Portugal's entry into the First World War in March 1916. In peacetime, due to the radical anti-church policy, electoral restrictions, inter-party confrontation, changes of prime ministers and government compositions, it was difficult for the Republican leadership to solve consistently the urgent tasks in the country. In wartime, the internal situation had worsened and radicalized by December 1917 alone. The inability of the Republican leadership to solve the problems in the country and the short-sighted measures taken to improve the situation turned the majority of the civilian population and part of the military against it. In these conditions Artillery Major Sidónio Pais organized the coup d'état on 5 December 1917 with the aim of overthrowing the prime minister, leader of the Democratic Party Afonso da Costa and his fellow party member President Bernardino Machado. The coup d'état was accompanied by fierce fighting, especially in Lisbon. It ended on 8 December 1917 with the success of Sidónio Pais's forces. Its results were the arrests of some members of the government, including the prime minister, and the president; the dissolution of the Portuguese Parliament – the Congress; the establishment of the Revolutionary Junta headed by Sidónio Pais, followed by the formation of a new government of the Republic. Thus, the December 1917 coup d'état was a response to the deep internal political crisis in Portugal. The documents of the British War

Cabinet used in the study neither in general nor in detail contradict the facts set out in the historiography. However, they make it possible to expand possibilities for a further study of this coup d'état and related processes and events.

Keywords: First Portuguese Republic, First World War, December 1917 coup d'état, Democratic Party, Sidónio Pais, Afonso da Costa, Bernardino Machado, British War Cabinet

For citation: Mironiuk, S.A. (2024) The causes, dynamics and results of the Sidónio Pais's coup d'état (5–8 December 1917) in the First Portuguese Republic in the documents of the British War Cabinet. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 123–131. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/13

Успешная реализация государственного переворота или ее неудачная попытка в любой стране представляют интерес для общества и актуальную тему для исследователей. Наиболее значимыми вопросами являются причины и цели возникновения этих переворотов. Не менее важным считается и их влияние на дальнейшую внутреннюю и внешнюю политику страны, а также ее международное положение.

В качестве примера, к которому было приковано внимание общества разных стран, можно привести неудачную попытку государственного переворота в Турецкой Республике (15–16 июля 2016 г.) с целью свержения ее президента Р.Т. Эрдогана. Провал этого переворота впоследствии отразился на внутренней и внешней политике Турции. В частности, 16 апреля 2017 г. по итогу конституционного референдума парламентская форма правления сменилась на президентскую, а глава государства продолжил многовекторный, активный внешнеполитический курс усиления позиций страны в мировой политике, что приводило к острым конфликтам с другими странами.

Для исследовательского сообщества такие события становятся стимулом к анализу государственных переворотов с точки зрения их истории, технологий и фактора дальнейшего развития страны. В этой связи исторические их исследования в разных государствах являются востребованными в части накопления опыта, его обобщения и использования в исследованиях по различным аспектам данной тематики. Особую важность приобретает изучение государственных переворотов в тех странах, история которых в ряде других стран оказалась недостаточно изученной, в частности история государственных переворотов в Португалии.

Ввиду этого научный интерес представляет государственный переворот Сидониу Паиша в Первой Португальской республике (5–8 декабря 1917 г.) – одно из центральных событий в истории этой республики. В отечественной историографии анализ данной темы не стал распространенным предметом исследований. Работа А.Г. Нестерова «Сидониу Паиш и “Новая Республика” в Португалии (1917–1918): первый опыт европейской диктатуры “нового типа”» является единственной, где затронуты причины, ход и результаты устроенного этим человеком переворота [1]. В работах, написанных в рамках других тем исследований по истории Португалии, либо есть упоминания об этом событии [2–7], либо они вообще отсутствуют [8]. В мировой историографии, как и в отечественной, малочисленны работы по этой тематике; имеющиеся труды были написаны в основном в рамках более широких исследовательских тем [9–13].

Малоизученность Декабрьского государственного переворота 1917 г. была связана с географией Португалии, ее местом в мировой политике и экономике, а

также с приоритетами в мировой и отечественной историографии. Географическая отдаленность не позволяла Португалии активно участвовать даже в европейской политике. В этой связи исследователи меньше внимания уделяли изучению португальской истории. Не менее важным обстоятельством было то, что сама Португалия была еще и маловлиятельным государством в мировой экономике ввиду малозначительных ресурсов, а также политико-экономической зависимости от Великобритании, чему способствовали Лиссабонский и Метуэнтский договоры. Оба международных документа были заключены соответственно 16 мая и 27 декабря 1703 г. Из-за этих документов «Португалия играла роль младшего союзника, а фактически вассала Англии. Полученные Англией преимущества дали возможность ей в короткий срок овладеть почти всей торговлей Португалии <...> и подавить развитие местной португальской промышленности» [14. С. 16].

Если рассматривать историю российско-португальских отношений, то на постоянном, дипломатическом уровне они были установлены в 1779 г. при императрице Екатерине II и королеве Марии I. Однако «разнонаправленность политических трендов в развитии обеих стран привела к разрыву в 1917 г.» [15. С. 282]. Этому способствовала Октябрьская революция, после которой португальский посол в России Жайме Баталья Рейш покинул страну, и дипломатические отношения были прерваны почти на 57 лет. Только в июне 1974 г., после Революции гвоздик в апреле дипломатические отношения Португалии были налажены с Советским Союзом, а после его распада – с Российской Федерацией. Но, как подчеркивает д-р ист. наук С.И. Чернявский, «отношения с Португалией в России и с Россией в Португалии никогда не считались приоритетом внешней политики и были обойдены вниманием историков. <...> распад Советского Союза и поиск Россией своего места в меняющемся мире вновь незаслуженно отдалили португальские сюжеты на задний план» [14. С. 26].

Основными приоритетами в области изучения истории Португалии в большей степени в отечественной и в меньшей в мировой историографии являлись аспекты деятельности авторитарного лидера Антониу де Оливейры Салазара, находившегося на посту премьер-министра с июля 1932 г. по сентябрь 1968 г. Изучались специфика сложившегося при нем строя, получившего название «Новое государство» (Estado Novo), политические взгляды Антониу де Оливейры Салазара, его роль во внутренней и внешней политике, особенно во времена гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) и Второй мировой войны (1939–1945 гг.), а также последствия его государственной деятельности [16–34].

Вместе с тем исторические исследования о государственном перевороте Сидониу Паиша (5–8 декабря 1917 г.) в Первой Португальской республике представляются важными, поскольку это событие изменило в дальнейшем характер португальской государственности и дало основы для формирования нового политического и социально-экономического строя – «Нового государства» Антониу де Оливейры Салазара. Поэтому данная тема является потенциально перспективной с точки зрения изучения указанного события в качестве отдельно взятого исследовательского направления. Одновременно этот государственный переворот дает понимание проблем и причин падения Первой Португальской республики, а также позволяет рассматривать его в контексте изучения различных государственных переворотов как факторов дальнейшего развития других стран на многие годы.

В этой связи существует потребность во введении в научный оборот новых исторических источников, относящихся к государственному перевороту Сидониу Паиша (5–8 декабря 1917 г.). Таковыми являются материалы Военного кабинета Великобритании, хранящиеся в Национальном архиве Соединенного Королевства: протоколы его заседаний, а также отчеты разных учреждений. В этих документах фиксировалась и анализировалась обстановка с описанием важных событий в различных странах, к которым Великобритания проявила повышенный интерес. К ним относилась и Португалия, которая 9 марта 1916 г. стала участницей Первой мировой войны на стороне Антанты.

Объектом настоящего исследования является государственный переворот Сидониу Паиша (5–8 декабря 1917 г.) в Первой Португальской республике, а предмет – его причины, ход и результаты. Цель исследования – выявить причины возникновения Декабрьского переворота 1917 г., ход развития событий и его результаты с использованием официальных британских документов Военного кабинета, что расширяет имеющиеся сведения по этому вопросу и придает научную новизну данному исследованию, поскольку до этого государственный переворот Сидониу Паиша не изучался достаточно подробно в отечественной историографии.

В настоящей работе в основном были использованы три исследовательских метода: ретроспективный, системный и нарративный. С помощью ретроспективного метода было установлено, что государственный переворот Сидониу Паиша являлся логичным результатом развития кризиса Первой Португальской республики. Системный метод раскрыл составные элементы этого кризиса: его политические и социально-экономические аспекты, следствием которых главным образом и стал государственный переворот Сидониу Паиша. Поскольку используемые в данной статье британские официальные документы ранее не были описаны в отечественной историографии, достаточно подробно представлено их содержание, т.е. применялся нарративный метод с целью наиболее полно отразить содержание и характер источников.

Декабрьскому государственному перевороту 1917 г. предшествовал острый внутривнутриполитический кризис в Португалии. Он возник сначала в результате накопившихся проблем после свержения конституционной монархии династии Браганса и установления республики по итогам Португальской революции (3–5 октября 1910 г.). Потом, с марта 1916 г., в связи с участием Первой Португальской республики в Первой мировой войне появились новые проблемы. В совокупности это привело к политической нестабильности внутри страны и неустойчивому положению республиканских властей.

С 1910 г. перед руководством республики стояли три главные задачи, от решения которых зависело развитие Португалии в постреволюционных условиях. Ими являлись погашение государственного долга, проведение полномасштабной модернизации экономики и укрепление действующей власти внутри страны. В 1910 г. государственный долг составлял 797 тысяч conto, что превышало 140% ВВП (в 1890 г. госдолг составлял 573 тысяч conto) [8. С. 42; 20. С. 4–5].

Экономическое положение страны, доставшееся от конституционной монархии, было неудовлетворительно. В экономике главное место принадлежало аграрному сектору, в котором было задействовано 50% трудоспособного населения и на который приходилось более 90% экспорта [4. С. 34; 8. С. 42]. Промышленность была слабо развита. Вследствие этого Португалия зависела от импорта большинства промышленных товаров и страдала от постоянного дефицита торгового баланса [4. С. 34–35]. Над ключевыми отраслями экономики, прежде всего транспортом, текстильной и горнодобывающей промышленностью, был установлен контроль иностранных компаний – британских, немецких и французских [20. С. 5]. В этой связи требовалось провести полноценную модернизацию экономики, особенно важно было вкладывать финансовые средства в развитие промышленности. Вместе с тем существовали трудности в проведении модернизационных мероприятий, которые были связаны со скудостью ресурсов и зависимостью от экономически более развитых стран, в первую очередь от Великобритании.

Для выработки скоординированных действий в области погашения государственного долга и модернизации экономики требовались единство политических сил Португалии, эволюционное развитие страны и обретение широкой социальной поддержки. В совокупности они являлись составными частями решения третьей задачи – укрепления власти Первой Португальской республики. Однако этого не удалось достичь.

После установления республиканской формы правления новые власти незамедлительно стали проводить политику против католической церкви. Последняя считалась силой, которая будет способствовать реставрации монархии и, что не менее важно, обладала значительным влиянием на подавляющее большинство населения, главным образом проживавшего в сельской местности и особенно на севере Португалии. В этой связи была проведена радикальная правительственная политика секуляризации. Она включала отделение церкви от государства, ограничение деятельности

иезуитов и других религиозных орденов, запрет преподавания основ христианства в образовательных учреждениях. Наряду с этим церковное имущество переходило государству и становилось его собственностью; отменялись религиозные титулы; вводилась гражданская регистрация браков и появилась возможность развода; монастыри стали закрываться повсеместно; начались преследования священнослужителей. Из-за резкой антиклерикальной позиции республиканского руководства и гонений на католическую церковь папский нунций покинул страну в конце октября 1910 г., что привело к обострению отношений между Римско-католической церковью и Первой Португальской республикой.

Такие антицерковные действия власти были враждебно восприняты широкими слоями португальского общества. Ввиду этого социальная база поддержки республики сузилась. Для укрепления положения внутри Португалии в 1911 и 1913 гг. вступили в силу законодательные акты, сокращавшие число имеющих право голоса граждан. Вследствие этого образовалась узкая прослойка португальского общества, поддерживавшая Первую Португальскую республику. В нее входили жители крупных городов страны, в первую очередь Лиссабона и Порту, представители Военно-морского флота и буржуазия.

Проводимая антицерковная политика также стала причиной раскола внутри Республиканской партии Португалии – главной партии в республике. Данный раскол происходил на фоне острых дискуссий по вопросу принятия программы социальных преобразований. В результате в феврале 1912 г. партия распалась, и на базе существовавших внутри нее фракций были образованы новые политические партии: Демократическая партия во главе с Афонсу да Коштой, Республиканская эволюционистская партия, возглавляемая Антониу Жозе де Алмейдой и Республиканская юнионистская партия во главе с Бриту Камашу. Ведущей из трех партий являлась Демократическая благодаря программе радикальных преобразований, хорошо налаженному пропагандистскому аппарату и контролю почти над всей португальской прессой. Остальные две партии отличались умеренностью взглядов и готовностью, в противоположность Демократической, действовать осторожно. Наличие трех партий только подрывало положение установленного после революции 1910 г. строя из-за отличавшихся друг от друга позиций. Демократическая партия, несмотря на ее весомое влияние в политической жизни и то, что ее представители занимали большинство мест в Конгрессе, состоявшем из верхней и нижней палат – Сената и Палаты депутатов, «не могла ни установить однопартийный режим, ни смириться с многопартийной системой» [7].

В конечном итоге с момента появления Первой Португальской республики в октябре 1910 г. до ее вступления в Первую мировую войну в марте 1916 г. в стране сменилось 9 премьер-министров и 11 составов правительства. Лица, занимавшие пост премьер-министра, представляли сначала Республиканскую партию Португалии, потом, после ее распада, Демократиче-

скую партию, за исключением внепартийного Жуакина Пимента де Каштру (январь–май 1915 г.). Эти смены не позволяли проводить упорядоченную, взвешенную внутреннюю политику и решать последовательно актуальные проблемы в стране. Такая ситуация привела к падению авторитета республики, особенно Демократической партии, и еще большему отторжению со стороны своих граждан. Партии Афонсу да Кошты не удалось в конечном счете «опереться на стабильную социальную базу, с помощью которой она могла бы успешно защищать еще слабый демократический строй» [32. С. 269].

Когда в августе 1914 г. началась Первая мировая война, Первая Португальская республика придерживалась политики нейтралитета. Однако в стране шли дискуссии о целесообразности и возможных выгодах участия Португалии на стороне Антанты, поскольку одной из стран – участниц этого блока являлась Великобритания, которая, однако, старалась не допустить португальского участия, поскольку появлялась угроза вступления Испании на стороне Германии ввиду сильных германофильских настроений. В частности, Демократическая партия отстаивала вступление в мировой военный конфликт, поскольку оно позволяло решить несколько проблем: укрепления власти партии в стране, поднятия авторитета Португалии в мировой политике, а также консолидации португальского общества во имя достижения победы, которая предотвратила бы раздел португальских колоний или их оккупацию и которая дала бы возможность территориального расширения в Африке. Твердо возражали против участия Португалии в войне Республиканская эволюционистская партия, поскольку это привело бы к ухудшению социально-экономической и политической обстановки в стране.

Положение дел изменилось 23 февраля 1916 г., когда по просьбе Великобритании Португалией были захвачены укрывавшиеся у ее берегов и в ее колониях 72 судна противника. Две трети из них были переданы британской стороне, остальную треть забрала португальская. В этой связи 9 марта 1916 г. Германия объявила Португалии войну, и 15 марта был образован новый состав правительства, получившего неформальное название «правительство Священного Союза», поскольку Демократическая и Республиканская эволюционистская партии объединились в рамках национального единства против врага. В этом составе лидер эволюционистов Антониу Жозе де Алмейда занял пост премьер-министра, а лидер демократов Афонсу да Кошта – министра финансов.

В течение всего 1916 г. обстановка и общественные настроения внутри Португалии резко ухудшались и радикализировались из-за последствий военного участия. Ими являлись рост цен; обесценивание эшкуду – национальной валюты; рост забастовочного движения; снижение покупательской способности населения; снижение заработной платы; дефицит продуктов. В частности, цены на хлеб поднялись в среднем на 65% [11. Р. 134]. В этих обстоятельствах возникла реальная угроза голода: более критическая ситуация складывалась в Лиссабоне и Порту. Правительство обвиняли в несправедливой цензуре над прессой [11. Р. 133].

Правительству все труднее было справляться с возникающими проблемами. Это привело к острому кризису в начале 1917 г. Именно с этого времени в документах Военного кабинета Соединенного Королевства, главным образом в еженедельных отчетах от внешнеполитического ведомства, стало фиксироваться постоянное ухудшение ситуации в Португалии.

По данным еженедельного отчета для Военного кабинета от 7 февраля 1917 г., в начале февраля 1917 г. в Португалии, по мнению британского чрезвычайного посланника и полномочного министра в Лиссабоне Л. Карнеги, существовала угроза неизбежности голода ввиду дефицита пшеницы. Правительство Антониу Жозе де Алмейды обратилось к Соединенному Королевству с просьбой предоставить определенные льготы, включая открытие кредита в Лондоне, и оказать финансовую помощь для закупки пшеницы [35. Р. 9]. Как отмечалось в еженедельном отчете от 28 февраля 1917 г., имеющихся запасов по состоянию на 22 февраля 1917 г. хватило бы на две недели [36. Р. 29].

Согласно еженедельному отчету от 7 марта 1917 г., в начале марта 1917 г. чрезвычайному посланнику и полномочному министру Великобритании в Португалии Л. Карнеги сообщили, что для транспортировки зерна были предоставлены суда и что три партии уже отправлены в португальскую столицу, не дожидаясь заключения необходимых финансовых договоренностей. Вместе с тем вставал вопрос об оплате пшеницы. Португальский министр иностранных дел Аугушту Суариш довел до сведения британской стороны, что по решению Конгресса деньги не могли быть выданы до завершения войны. Относительно предоставления кредита в размере 2 млн фунтов стерлингов британское правительство решило отказать ввиду больших и возрастающих трудностей осуществления платежей в Америке [37. Р. 35].

В начале апреля 1917 г. были достигнуты договоренности по закупке пшеницы, как отмечалось в еженедельном отчете от 4 апреля 1917 г., на условиях британского правительства [38. Р. 62]. Вместе с тем в том же месяце под влиянием внутренней дестабилизации в стране межпартийное правительство Антониу Жозе де Алмейды продолжало слабеть. 21 апреля 1917 г. Л. Карнеги сообщил, что в результате парламентского голосования оно ушло в отставку [39. Р. 90]. 25 апреля было сформировано новое правительство, в составе которого все посты были заняты членами Демократической партии, а ее лидер Афонсу да Кошта занял два поста – премьер-министра и министра финансов.

С мая 1917 г. масштаб экономического кризиса возрастал. По данным еженедельного отчета от 23 мая 1917 г., в Португалии обострился угольный кризис; железная дорога стала обеспечиваться древесиной; в столице газоснабжение было приостановлено. В Лиссабоне произошли серьезные продовольственные бунты, во время которых, по сообщениям прессы, 22 человека были убиты и около 300 ранены. Одновременно было введено военное положение [40. Р. 130]. Как отмечалось в еженедельном отчете от 30 мая 1917 г., парламент и пресса открыто обвиняли премьер-министра Афонсу да Кошту в нынешнем экономическом кризисе, который

объяснялся тем, что «он продал Великобритании немецкие корабли» [41. Р. 139].

Особой проблемой стали забастовки и методы их подавления. Согласно еженедельному отчету от 18 июля 1917 г., чрезвычайный посланник и полномочный министр Великобритании Л. Карнеги докладывал, что в июле в Лиссабоне шла забастовка строителей. Она привела к беспорядкам и кровопролитию с большим количеством жертв и арестов. «Полиция и солдаты, по-видимому, действовали с чрезмерным насилием», – сообщал посланник. Издание газет было приостановлено на фоне ожидания всеобщей забастовки в городе, о которой в этих условиях было трудно получить информацию [42. Р. 223].

Как отмечалось в еженедельном отчете от 5 сентября 1917 г., 1 сентября 1917 г. в Лиссабоне, несмотря на увеличение заработной платы работникам почты и телеграфа, ими была объявлена забастовка. Правительство объявило ее участников мобилизованными ввиду военного положения. Большинство сотрудников отказались работать и были арестованы. Вследствие этого забастовка распространилась на другие города, Порту и Коимбру, а внутренняя телеграфная служба практически была остановлена [43. Р. 71]. Согласно еженедельному отчету от 12 сентября 1917 г., вскоре работа португальских почтовых и телеграфных служб полностью остановилась 10 сентября 1917 г. почтовая забастовка переросла во всеобщую, что привело к отсутствию газет и общему прекращению предпринимательской деятельности, которая и так была несколько дезорганизована в течение предыдущих 10 дней из-за отсутствия почтовых доставок [44. Р. 83]. По данным еженедельного отчета от 19 сентября 1917 г., только утром 12 сентября 1917 г. всеобщая забастовка в Лиссабоне закончилась, после чего вновь начали выходить газеты, однако почтовая забастовка продолжалась до 15 сентября 1917 г. [45. Р. 94].

К декабрю 1917 г. авторитет руководства Первой Португальской республики был подорван ввиду низкой эффективности работы правительства сначала премьер-министра Антониу Жозе де Алмейды, потом Афонсу да Кошты по преодолению внутриполитического кризиса. Особый урон понесла Демократическая партия, главным образом ее лидер Афонсу да Кошта как основной виновник этого кризиса. Некоторые политические силы, в частности Республиканская юнионистская партия, и часть военных еще сильнее настраивались против правительства и президента Бернардину Машаду, который тоже являлся членом Демократической партии.

Вследствие этого планировалось свержение правительства Афонсу да Кошты и президента Бернардину Машаду с целью принятия мер по стабилизации обстановки в стране. Его организатором и лидером стал майор артиллерии Сидониу Паиш – согласно сведениям, полученным от британского чрезвычайного посланника и полномочного посланника в Лиссабоне Л. Карнеги, в прошлом профессор математики в Университете Коимбры, министр общественных работ в правительстве Жуана Пиньейру Шагаша (сентябрь–ноябрь 1911 г.), министр финансов в правительстве

Аугушту де Васконселуша (ноябрь 1911 – июнь 1912 г.) и полномочный министр Португалии в Германии (август 1912 – март 1916 г.) [46. Р. 218–219]. Также он был видным деятелем Республиканской юнионистской партии. Сидониу Паишу удалось заручиться поддержкой частей сухопутных вооруженных сил в Лиссабоне и его окрестностях [1. С. 94; 11. Р. 135].

Согласно еженедельному отчету для Военного кабинета от 12 декабря 1917 г., государственный переворот начался 5 декабря 1917 г. В Лиссабоне часть армии подняла восстание (*pronunciamiento*) против правительства, а в Порту и других местах на севере Португалии стали действовать силы, сочувствовавшие восставшим. Военно-морской флот поддерживал правительство демократов [46. Р. 218]. На заседании Кабинета 7 декабря 1917 г. отмечалось, что движение португальской армии против правительства представлялось монархическим и прогерманским [47. Р. 235]. В Лиссабоне начались ожесточенные бои между сторонниками Сидониу Паиша и Афонсу да Кошты, а город был обстрелян флотом: по данным отчета британского военно-морского штаба Великобритании от 13 декабря 1917 г., погибли около 100 человек, многие были ранены [48. Р. 362].

В ночь с 7 на 8 декабря правительство, находившееся на корабле «Васко да Гама», подало в отставку, и большинство министров укрылось на борту британского военного корабля. Вскоре премьер-министр Афонсу да Кошта и министр иностранных дел Аугушту Суариш были арестованы в Порту; президент республики Бернардину Машаду был арестован и низложен 9 декабря; затем последовало прекращение работы Конгресса [46. Р. 218]. Государственная власть перешла к Революционной Жунте во главе с майором артиллерии Сидониу Паишем. Согласно еженедельному отчету от 2 января 1918 г., общие потери среди военнослужащих и гражданского населения во время переворота составили, по данным португальской прессы, около 100 убитых и более 500 раненых [49. Р. 248].

Сам Сидониу Паиш заявлял, что декабрьские события не носили монархического или прогерманского характера [46. Р. 219; 49. Р. 248]. Возглавляемое им движение было чисто республиканским и было направлено на свержение неэффективного, деспотичного и ненавистного режима [49. Р. 248]. Он подчеркивал: «Движение 5 декабря было антидемократическим. За что мы боролись? За демократию? Нет. За то, чтобы способствовать разрушению соперничающих групп демократов» [1. С. 95]. По оценке, приведенной в предисловии к отчету от 12 декабря 1917 г., «насколько можно судить, профессор и майор Сидониу Паиш, который сейчас является хозяином политической ситуации, не является германофилом и не предлагает менять форму правления» [46. Р. 214].

В депеше британского чрезвычайного посланника и полномочного министра Л. Карнеги от 17 декабря 1917 г. уверенно подчеркивалось, что случившееся событие, исходя из отношения к нему португальских провинций, было «одобрено всеми, кроме Демократи-

ческой партии и ее сторонников. Монархисты, по-видимому, озадачены относительно того, какого курса им придерживаться, но несомненно обрадованы свержению правительства Кошты. Нет сомнений, что страна очень устала от этого правительства и его лидера. Суровая и нелогичная цензура над прессой и радикальные методы в отношении жалоб духовенства, учебных заведений и почтовых сотрудников наряду с постоянными слухами о вопиющей коррупции – все это увеличивало количество его врагов» [50. Р. 21].

Согласно еженедельному отчету от 19 декабря 1917 г., в сообщении прессы от 12 декабря 1917 г. был представлен новый состав правительства Первой Португальской республики. Сидониу Паиш занял не только пост президента, но и посты министра обороны и министра иностранных дел [51. Р. 227]. Как подчеркивалось в другом отчете от 16 января 1918 г., это правительство состояло почти полностью из представителей Республиканской юнионистской партии и союзного ей Консервативного центра. «Впервые за несколько лет Порту широко представлен в правительстве, что вызовет большое удовлетворение на Севере <...>. Эволюционистская партия опубликовала заявление о том, что она не принимала участия в революционном движении и не возьмет на себя никакой ответственности за него», – подчеркивалось в этом документе [52. Р. 12].

Фактически страной стал единолично управлять Сидониу Паиш. С его приходом к власти начинался новый этап в истории Первой Португальской республики. Впоследствии он «провозглашал некую неопределенную Новую Республику (*República Nova*), главным содержанием которой было противопоставление коррумпированной и бесчестной Старой Республике 1910–1917 гг.» [7]. Сама деятельность Сидониу Паиша была направлена на решение проблем, возникших по вине Первой Португальской республики с октября 1910 г.: в частности, он налаживал отношения с Католической церковью и отменял избирательные ограничения, введенные в 1911 и 1913 гг.

Таким образом, государственный переворот Сидониу Паиша (5–8 декабря 1917 г.) в Первой Португальской республике был не только вызван неудовлетворительной работой правительства Афонсу да Кошты весной–осенью 1917 г., но и являлся результатом всей внутренней политики республики после национальной революции в начале октября 1910 г. Радикальная борьба с католической церковью, избирательные ограничения, межпартийное противоборство, смена премьер-министров и составов правительства мешали решать последовательно актуальные проблемы, в частности проведение полномасштабной экономической модернизации, и таким образом настраивали большинство населения против республиканских властей.

После вступления в марте 1916 г. Португалии в Первую мировую войну появились новые проблемы, которые только усугубили внутривнутриполитическую ситуацию. В 1917 г. возник и нарастал острый кризис, с которым португальским властям было все труднее и труднее справляться, что привело к еще большему недовольству со стороны гражданского населения и части военных.

С целью исправления создавшегося по вышеуказанным причинам положения майор артиллерии Сидониу Паиш решил организовать государственный переворот против состоящего полностью из представителей Демократической партии правительства Афонсу да Кошты и президента Бернардину Машаду. Переворот начался 5 декабря и продолжался до 8 декабря. В эти дни шли ожесточенные бои между противоборствующими сторонами, особенно в Лиссабоне.

В результате правительство Афонсу да Кошты было вынуждено уйти в отставку, а силы Сидониу Паиша одержали победу. Затем последовали аресты некоторых членов правительства и президента страны, прекращение работы Конгресса и образование Революционной Жунты во главе с лидером удавшегося переворота с последовавшим образованием нового правительства Первой Португальской республики.

По сути, Декабрьский государственный переворот 1917 г. являлся ответом на глубокий внутрисполитический кризис в Португалии.

После удачного исхода этого события Сидониу Паишем была предпринята попытка стабилизировать положение дел и решить стоящие перед страной актуальные проблемы в рамках сохранения республиканской формы правления.

Что касается использованных новых источников – документов Военного кабинета Великобритании, – в которых отражены причины, ход и результаты государственного переворота Сидониу Паиша, то ни в целом, ни в деталях они не противоречат фактам, изложенным в историографии, однако, позволяют расширить возможности дальнейшего изучения этого переворота и связанных с ним процессов и событий.

Список источников

1. Нестеров А.Г. Сидониу Паиш и «Новая Республика» в Португалии (1917–1918): первый опыт европейской диктатуры «нового типа» // Институты прямой и представительной демократии: генезис политических режимов в XX веке : сб. материалов Зимней школы, Екатеринбург, 14–15 января 2000. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 90–97.
2. Кутырев Г.И. Политические партии в период существования Первой Португальской республики (1910–1926 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5-2 (31). С. 96–101.
3. Болтаевский А.А., Агуреев С.А. Причины и следствия участия Португалии в Первой мировой войне // Вестник МПГУ. Серия: Исторические науки. 2018. № 2 (30). С. 85–95.
4. Филатов Г.А. Восприятие российской революции 1917 года в португальской прессе Первой республики // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 34–47.
5. Добронравин Н.А. Блеск, тоска и будущее Португалии: империя – провинция – море. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 48 с.
6. Поляков А.К. Португалия. Полная история. М. : АСТ, 2021. 480 с.
7. Черных А.П. Республиканцы и монархисты в Португальской революции (1910–1926 гг.): визуализация противостояния // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, Вып. 8 (118). URL: <https://history.jes.su/s207987840022654-8-1/> (дата обращения: 16.07.2023). doi: 10.18254/S207987840022654-8
8. Яковлева Н.М. Португалия: история политической модернизации. М. : ИЛА РАН, 2016. 260 с.
9. Atkinson W.C. A History of Spain & Portugal. London : Penguin Books Ltd., 1960. 382 p.
10. Livermore H.V. A New History of Portugal. Cambridge : Cambridge University Press, 1976. IX, 408 p.
11. Wheeler D.L. Republican Portugal: A Political History, 1910–1926. Madison : University of Wisconsin Press, 1978. XII, 340 p.
12. Gallaher T. Portugal: A Twentieth Century Interpretation. Manchester : Manchester University Press, 1983. XII, 278 p.
13. Meneses F.R. de. Sidónio Pais, the Portuguese “New Republic” and the Challenge to Liberalism in Southern Europe // European History Quarterly. 1998. Vol. 28 (1). P. 109–130.
14. Чернявский С.И. У истоков российско-португальских отношений // Ибероамериканские тетради. 2016. Вып. 3 (13). С. 15–26. doi: 10.46272/2409-3416-2016-3-15-26
15. Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций / отв. ред. Н.М. Яковлева. М. : ИЛА РАН, 2017. 307 с.
16. Аксанов Е.А. Португалия и ее роль в фашистской интервенции в Испании. М. : Гос. Соц.-эконом. изд-во, 1937. 116 с.
17. Варга Е.С. Португалия и фашистская интервенция в Испании. М. : Партиздат, 1937. 32 с.
18. Капланов Р.М. Португалия после второй мировой войны (1945–1974). М. : Наука, 1992. 186 с.
19. Хазанов А.М. Салазар: 40 лет диктатуры в Португалии // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 129–146.
20. Хазанов А.М. Португалия и ее империя в эпоху Салазара и Казтану. М. : МБА, 2015. 307 с.
21. Замов Э.А. О политических взглядах Антониу Салазара // Вопросы всеобщей истории. 2018. № 20. С. 71–78.
22. Кутырев Г.И. «Новое государство» в Португалии: формирование, эволюция, крах // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 4 (120). С. 200–215.
23. Дементьев А.В. Салазаровская Португалия – незаменимый союзник франкистской Испании в годы Гражданской войны 1936–1939 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10, вып. 2 (76). URL: <https://history.jes.su/s207987840002538-0-1/> (дата обращения: 16.07.2023). doi: 10.18254/S207987840002538-0
24. Щелчков А.А. Салазар и революционеры справа: «Новое государство» и национал-синдикализм в Португалии // Латиноамериканский исторический альманах. 2019. № 24. С. 60–89. doi: 10.32608/2305-8773-2019-24-1-60-89
25. Филатов Г.А. Социальная политика Нового государства в Португалии 1933–1974 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11, вып. 5 (91). URL: <https://history.jes.su/s207987840010127-8-1/> (дата обращения: 16.07.2023). doi: 10.18254/S207987840010127-8
26. Щелчков А.А. Корпоратизм португальского «нового государства» А. Салазара // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11, вып. 5 (91). URL: <https://history.jes.su/s207987840010184-1-1/> (дата обращения: 16.07.2023). doi: 10.18254/S207987840010184-1
27. Кан М.О. Нейтралитет Португалии в ходе Второй мировой войны // Международный аспект. 2021. Т. 2, № 3 (5). С. 108–125.
28. Филатов Г.А. Антониу Салазар и экономика Португалии 1928–1959 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, вып. 5 (115). URL: <https://history.jes.su/s207987840021551-5-1/> (дата обращения: 16.07.2023). doi: 10.18254/S207987840021551-5
29. Филатов Г.А. Военные против Салазара: Абрилада 1961 г. // Латиноамериканский исторический альманах. 2022. № 37. С. 91–111. doi: 10.32608/2305-8773-2023-37-1-91-111
30. Шепелев М.А. Салазаризм как политический стиль // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2022. Т. 8 (74), № 2. С. 64–81.

31. Филатов Г.А. Конфликты католической церкви и «Нового государства» Салазара в 1958–1968 гг. // Латинская Америка. 2023. № 6. С. 90–102. doi: 10.31857/S0044748X0025560-5
32. Ивани М. Кризис либеральной демократии в Португалии и «Новое государство» Салазара // Берегиня. 777. Соч.: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4 (23). С. 268–278.
33. Kay H. Salazar and Modern Portugal. London : Eyre & Spottiswoode, 1970. XXI, 478 p.
34. Gallagher T. Salazar: The Dictator Who Refused to Die. London : C. Hurst & Co Publishers Ltd., 2020. XI, 360 p.
35. Western and General Report No. 2. 7 February 1917 // TNA. CAB 24/146/2. P. 6–11.
36. Western and General Report No. 5. 28 February 1917 // TNA. CAB 24/146/5. P. 25–30.
37. Western and General Report No. 6. 7 March 1917 // TNA. CAB 24/146/6. P. 31–36.
38. Western and General Report No. 10. 4 April 1917 // TNA. CAB 24/146/10. P. 57–63.
39. Western and General Report No. 13. 25 April 1917 // TNA. CAB 24/146/13. P. 84–93.
40. Western and General Report No. 17. 23 May 1917 // TNA. CAB 24/146/17. P. 124–132.
41. Western and General Report No. 18. 30 May 1917 // TNA. CAB 24/146/18. P. 133–144.
42. Western and General Report No. 25. 18 July 1917 // TNA. CAB 24/146/25. P. 216–229.
43. Western and General Report No. 32. 5 September 1917 // TNA. CAB 24/147/7. P. 65–75.
44. Western and General Report No. 33. 12 September 1917 // TNA. CAB 24/147/8. P. 76–87.
45. Western and General Report No. 34. 19 September 1917 // TNA. CAB 24/147/9. P. 88–96.
46. Western and General Report No. 46. 12 December 1917 // TNA. CAB 24/147/21. P. 214–222.
47. War Cabinet, 294. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. December 7, 1917 // TNA. CAB 23/4/68. P. 235–237.
48. G.T. 2996. Naval Weekly Appreciation No. 29. 13 December 1917 // TNA. CAB 24/35/96. P. 360–363.
49. Western and General Report. No. 49. 2 January 1918 // TNA. CAB 24/147/24. P. 243–255.
50. Western and General Report. No. 52. 23 January 1918 // TNA. CAB 24/148/3. P. 19–27.
51. Western and General Report. No. 47. 19 December 1917 // TNA. CAB 24/147/22. P. 223–230.
52. Western and General Report. No. 51. 16 January 1918 // TNA. CAB 24/148/2. P. 10–18.

References

1. Nesterov, A.G. (2000) [Sidónio Pais and the “New Republic” in Portugal (1917–1918): First Experience of “New Type” European Dictatorship]. *Instituty pryamoi i predstavitel'noi demokratii: genezis politicheskikh rezhimov v XX veke* [Institutes of the Direct and Representative Democracy: the Genesis of Political Regimes in the XX century]. Proceedings of the Winter School. Yekaterinburg. 14–15 January 2000. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. pp. 90–97. (In Russian).
2. Kutuyev, G.I. (2013) Politicheskie partii v period sushchestvovaniya Pervoi Portugal'skoi respubliki (1910–1926) [Political Parties during the First Portuguese Republic (1910–1926)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 5-2 (31). pp. 96–101.
3. Boltaevsky, A.A. & Agureev, S.A. (2018) Prichiny i sledstviya uchastiya Portugalii v Pervoi mirovoi voine [The Causes and Consequences of Portugal's Participation in the First World War]. *MCU Journal of Historical Studies*. 2 (30). pp. 85–95.
4. Filatov, G.A. (2018) Vospriyatie rossiyskoi revolyutsii 1917 goda v portugal'skoi presse Pervoi respubliki [Perception of the Russian Revolution of 1917 in the Portuguese Press of the First Republic]. *Dialogue with Time*. 64. pp. 34–47.
5. Dobronravina, N.A. (2019) *Blesk, tocka i budushchee Portugalii: imperiya – provintsiya – more* [Portugal's Splendor, Melancholy and Future: Empire – Province – Sea]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
6. Polyakov, A.K. (2021) *Portugaliya. Polnaya istoriya* [Portugal. The Full History]. Moscow: Izdatel'stvo AST.
7. Chernykh, A.P. (2022) Respublikantsy i Monarkhisty v Portugal'skoi revolyutsii (1910–1926): vizualizatsiya protivostoyaniya [Republicans and Monarchists in the Portuguese Revolution (1910–1926): Visualizing Confrontation]. *Istoriya*. 13:8 (118). [Online] Available from: <https://history.jes.su/s207987840022654-8-1> (Accessed: 16.07.2023). doi: 10.18254/S207987840022654-8
8. Yakovleva, N.M. (2016) *Portugaliya: istoriya politicheskoi modernizatsii* [Portugal: The History of Political Modernization]. Moscow: ILA RAN.
9. Atkinson, W.C. (1960) *A History of Spain & Portugal*. London: Penguin Books Ltd.
10. Livermore, H.V. (1976) *A New History of Portugal*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Wheeler, D.L. (1978) *Republican Portugal: A Political History, 1910–1926*. Madison: University of Wisconsin Press.
12. Gallaher, T. (1983) *Portugal: A Twentieth Century Interpretation*. Manchester: Manchester University Press.
13. de Meneses, F.R. (1998) Sidónio Pais, the Portuguese “New Republic” and the Challenge to Liberalism in Southern Europe. *European History Quarterly*. 28 (1). pp. 109–130.
14. Cherniavskiy, S.I. (2016) U istokov rossiysko-portugal'skikh otnosheniy [The Sources of the Russian-Portuguese Relations]. *Guadernos Iberoamericanos*. 3 (13). pp. 15–26. doi: 10.46272/2409-3416-2016-3-15-26
15. Yakovleva, N.M. (ed.) (2017) *Ispaniya i Portugaliya v epokhu global'nykh transformatsiy* [Spain and Portugal in the Era of Global Transformations]. Moscow: ILA RAN.
16. Aksanov, E.A. (1937) *Portugaliya i ee rol' v fashistskoi interentsii v Ispanii* [Portugal and Its Role in the Fascist Intervention in Spain]. Moscow: Gosudarstvennaya sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.
17. Varga, E.S. (1937) *Portugaliya i fashistskaya interentsiya v Ispanii* [Portugal and Its Role in the Fascist Intervention in Spain]. Moscow: Partizdat.
18. Kaplanov, R.M. (1992) *Portugaliya posle vtoroi mirovoi voyny* [Portugal after the Second World War]. Moscow: Nauka.
19. Khazanov, A.M. (2009) *Salazar: 40 let diktatury v Portugalii* [40 years of Salazar's Dictatorship]. *Modern and Contemporary History*. 3. pp. 129–146.
20. Khazanov, A.M. (2015) *Portugaliya i ee imperiya v epokhu Salazara i Kaetanu* [Portugal and Its Empire in the Era of Salazar and Caetano]. Moscow: MBA.
21. Zamov, E.A. (2018) O politicheskikh vzglyadakh Antoniu Salazara [On the Political Views of António Salazar]. *Problems of General History*. 20. pp. 71–78.
22. Kutuyev, G.I. (2018) “Novoe gosudarstvo” v Portugalii: formirovanie, evolutsiya, krakh [The “New State” in Portugal: Its Formation, Evolution, Collapse]. *NZ*. 4 (120). pp. 200–215.
23. Dementiev, A.V. (2019) Salazarovskaya Portugaliya – nezaminimyy soyuznik frankistskoi Ispanii v gody Grazhdanskoi voyny 1936–1939 gg. [Portugal of Salazar, an Indispensable Ally of Spain of Franco during the Civil War in 1936–1939]. *Istoriya*. 10:2 (76). [Online] Available from: <https://history.jes.su/s207987840002538-0-1/> (Accessed: 16.07.2023). doi: 10.18254/S207987840002538-0
24. Shchelchikov, A.A. (2019) *Salazar i revolyutsionery sprava: “Novoe gosudarstvo” i natsional-sindikalizm v Portugalii* [Salazar and the Revolutionaries on the Right: “Estado Novo” and National Syndicalism in Portugal]. *Latin-American Historical Almanac*. 24. pp. 60–89. doi: 10.32608/2305-8773-2019-24-1-60-89
25. Filatov, G.A. (2020) *Sotsial'naya politika Novogo gosudarstva v Portugalii 1933–1974* [The Social Policy of the New State in Portugal 1933–1974]. *Istoriya*. 11:5 (91). [Online] Available from: <https://history.jes.su/s207987840010127-8-1/> (Accessed: 16.07.2023). doi: 10.18254/S207987840010127-8

26. Shchelchikov, A.A. (2020) Korporativizm portugal'skogo "novogo gosudarstvo" A. Salazara [Corporatism of the Portuguese "Estado Novo" of António de Salazar]. *Istoriya*. 11:5 (91). [Online] Available from: <https://history.jes.su/s207987840010184-1-1/> (Accessed: 16.07.2023). doi: 10.18254/S207987840010184-1
27. Kan, M.O. (2021) Neytralitet Portugalii v hode Vtoroi mirovoi voiny [The Neutrality of Portugal during the Second World War]. *International Aspect*. 2:3 (5). pp. 108–125.
28. Filatov, G.A. (2022) Antoniu Salazar i ekonomika Portugalii 1928–1959 [António Salazar and the Economy of Portugal (1928–1959)]. *Istoriya*. 13:5 (115). [Online] Available from: <https://history.jes.su/s207987840021551-5-1/> (Accessed: 16.07.2023). doi: 10.18254/S207987840021551-5
29. Filatov, G.A. (2022) Voennye protiv Salazara: Abrilada 1961 g. [Military against Salazar: Abrilada of 1961]. *Latin-American Historical Alamanac*. 37. pp. 91–111. doi: 10.32608/2305-8773-2023-37-1-91-111
30. Shepelev, M.A. (2022) Salarizm kak politicheskiy stil' [Salazarism as the Political Style]. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philophobia. Political science. Cultural Studies*. 8 (74):2. pp. 64–81.
31. Filatov, G.A. (2023) Konflikty katolicheskoi tserkvi i Novogo Gosudarstva Salazara in 1958–1968 [Conflicts between the Catholic Church and Salazar "New State" 1958–1968]. *Journal "Latinskaya Amerika"*. 6. pp. 90–102. doi: 10.31857/S0044748X0025560-5
32. Ivani, M. (2014) Krizis liberal'noi demokratii v Portugalii i Novoe Gosudarstvo Salazara [The Crisis of Liberal Democracy in Portugal and Salazar's New State]. *Bereginya. Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika*. 4 (23). pp. 268–278.
33. Kay, H. (1970) *Salazar and Modern Portugal*. London: Eyre & Spottiswoode.
34. Gallagher, T. (2020) *Salazar: The Dictator Who Refused to Die*. London: C. Hurst & Co Publishers Ltd.
35. *Western and General Report No. 2. 7 February 1917*. TNA. CAB 24/146/2. pp. 6–11.
36. *Western and General Report No. 5. 28 February 1917*. TNA. CAB 24/146/5. pp. 25–30.
37. *Western and General Report No. 6. 7 March 1917*. TNA. CAB 24/146/6. pp. 31–36.
38. *Western and General Report No. 10. 4 April 1917*. TNA. CAB 24/146/10. pp. 57–63.
39. *Western and General Report No. 13. 25 April 1917*. TNA. CAB 24/146/13. pp. 84–93.
40. *Western and General Report No. 17. 23 May 1917*. TNA. CAB 24/146/17. pp. 124–132.
41. *Western and General Report No. 18. 30 May 1917*. TNA. CAB 24/146/18. pp. 133–144.
42. *Western and General Report No. 25. 18 July 1917*. TNA. CAB 24/146/25. pp. 216–229.
43. *Western and General Report No. 32. 5 September 1917*. TNA. CAB 24/147/7. pp. 65–75.
44. *Western and General Report No. 33. 12 September 1917*. TNA. CAB 24/147/8. pp. 76–87.
45. *Western and General Report No. 34. 19 September 1917*. TNA. CAB 24/147/9. pp. 88–96.
46. *Western and General Report No. 46. 12 December 1917*. TNA. CAB 24/147/21. pp. 214–222.
47. *War Cabinet, 294. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. December 7, 1917*. TNA. CAB 23/4/68. pp. 235–237.
48. *G.T. 2996. Naval Weekly Appreciation No. 29. 13 December 1917*. TNA. CAB 24/35/96. pp. 360–363.
49. *Western and General Report. No. 49. 2 January 1918*. TNA. CAB 24/147/24. pp. 243–255.
50. *Western and General Report. No. 52. 23 January 1918*. TNA. CAB 24/148/3. pp. 19–27.
51. *Western and General Report. No. 47. 19 December 1917*. TNA. CAB 24/147/22. pp. 223–230.
52. *Western and General Report. No. 51. 16 January 1918*. TNA. CAB 24/148/2. pp. 10–18.

Информация об авторе:

Миронюк С.А. – канд. ист. наук, ассистент кафедры истории Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева (Москва, Россия). E-mail: privetsergey95@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.A. Mironiuk, Cand. Sci. (History), teaching assistant, Russian Timiryazev State Agrarian University (Moscow, Russian Federation). E-mail: privetsergey95@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023;
одобрена после рецензирования 21.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 28.08.2023;
approved after reviewing 21.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

Научная статья
УДК 929.53
doi: 10.17223/15617793/499/14

Документальная реконструкция родословной А.М. Топанова (к 120-летию со дня рождения)

Алексей Сергеевич Нилогов¹

¹ Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, nilogov1981@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос документальной реконструкции родословной русско-хакасского драматурга Александра Михайловича Топанова (1903–1959). На основе изучения таких массовых генеалогических источников, как церковные метрические книги, именные списки и ревизские сказки (переписи населения), сделана попытка восстановить патрилинейную родословную Топановых до начала XVIII в. Также проведена экспертиза нескольких устных родословных преданий о Топановых, информационный потенциал которых нуждается в тщательной верификации с привлечением архивных первоисточников.

Ключевые слова: Топанов, родословная, сеок, генеалогия, метрическая книга, Мунгатов улус, ревизская сказка, гаплогруппа

Для цитирования: Нилогов А.С. Документальная реконструкция родословной А.М. Топанова (к 120-летию со дня рождения) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 132–140 doi: 10.17223/15617793/499/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/14

Documentary reconstruction of Aleksandr Topanov's family tree (to the 120th anniversary of his birth)

Aleksey S. Nilogov¹

¹ Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russian Federation, nilogov1981@yandex.ru

Abstract. The article considers the issue of a documentary reconstruction of the family tree of the Russian-Khakass playwright Aleksandr Mikhailovich Topanov (1903–1959). Based on the study of mass genealogical sources (church registers of births, marriages and deaths; lists of names; population censuses), an attempt was made to restore the Topanovs' patrilineal line before the beginning of the 18th century. The source base of the research was the funds of the State Archive of Krasnoyarsk Krai, the National Archive of the Republic of Khakassia, the Minusinsk Archive. The subject of the study is the biological pedigree of Aleksandr Topanov, and the focus is the archival and documentary reconstruction of its patrilineal part. Unique archival documents on the genealogy of the Topanovs are introduced into scientific discourse: according to the Ust-Fyrkal Nicholas Church, a metric record of the birth/baptism of Topanov as of 1903, a metric record of the marriage/wedding of Topanov's parents as of 1902, a metric record of the death/burial of Topanov's mother as of 1904, a metric record of the birth/baptism record of Topanov's father as of 1875, information from the last two censuses of the Mungatovs family in the Kachin Steppe Duma as of 1850 and 1858, as well as the facts of baptisms of representatives of the genus for 1854. In the course of genealogical research, several oral genealogical legends about the Topanovs were examined. The critical analysis of these materials showed that their information potential needed a thorough scientific verification with the involvement of archival primary sources. The further study of the Topanovs' family tree will be dedicated to a complex genetic and genealogical verification of data by testing contemporary male representatives of the genus by the DNA of the Y chromosome. This will determine the haplogroup (the genetic genus) of the Topanovs and therefore deepen the phylogenetic line of the seok "yzyr" for thousands of years with the allocation of a family branch in the universal family tree.

Keywords: Topanov, pedigree, seok, genealogy, metric book, Mungatov ulus, population census, haplogroup

For citation: Nilogov, A.S. (2024) Documentary reconstruction of Aleksandr Topanov's family tree (to the 120th anniversary of his birth). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 132–140. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/14

В 2023 г. отмечалось 120-летие со дня рождения хакасского драматурга и общественного деятеля Александра Михайловича Топанова (1903–1959). Общепринятой датой считалось 28 сентября 1903 г., однако, как

оказалось, она ошибочна. Мы знаем, что А.М. Топанов родился в селе Усть-Фыркал (ныне Ширинский район Хакасии). Почти до начала 1920-х гг. церковь вела учет населения, фиксируя в метрических книгах каждого

прихода христианские таинства крещения, венчания и погребения. Соответственно, узнать даты рождения, брака и смерти можно на основании таких первоисточников. Мы обратились к этим архивным документам, которые по Усть-Фыркалу сосредоточены в фонде И-28 Национального архива Республики Хакасия.

Так, в метрической книге Усть-Фыркальской Николаевской церкви имеется запись № 42 о его рождении/крещении. Согласно ей, Александр родился 27 сентября 1903 г. по старому юлианскому стилю, а в переводе на новый григорианский стиль, по которому наша страна живет с 1918 г., – это 10 октября 1903 г. (разница между старым и новым стилями для дат XX в. составляет +13 дней). Таинство крещения было совершено 28 сентября (11 октября) 1903 г.¹ В графе «Родители» записано: «Улуса Топанова 2го инородец Михаил Павлов Топанов и законная его жена Агрипина Адрианова, оба православного вероисповедания». Восприемниками (крестными) выступили: «Усть-Фыркальской Николаевской церкви священник Александр Иоаннов Попов и вдова, священническая жена Анастасия Сергиева Данилова» [2. Л. 16 об.–17]².

Скорее всего, именно дата крещения по старому стилю попала в личные документы драматурга [4. С. 3; 5. Л. 1], а из них – в справочники и энциклопедии. В последнее время мы так усердно боремся за исторические факты, против мифов и фальсификации истории, но зачастую не знаем точных дат рождений известных жителей страны и региона. Теперь подлинная дата рождения А.М. Топанова наконец-то установлена и она должна быть включена в перечень памятных дат Хакасии [6–8].

Мы решили реконструировать патрилинейную родословную А.М. Топанова, используя помимо метрических книг Усть-Фыркальской церкви другие массовые генеалогические источники из фондов Национального архива Хакасии, Государственного архива Красноярского края и архива города Минусинска [9].

Топановы (Топаннар) относились к сеоку «ызыр», а в XIX в. входили в Мунгатов род Качинской степной думы и Июсской и Абаканской инородных управ, обитали по реке Белый Июс при аале Тоғыр чул [10. С. 68; 11. С. 203³]. По последней десятой ревизии 1858 г. зафиксирована семья кочевых инородцев Топановых во главе с 65-летним Артамоном Бороскиным Каражаковым Топановым (ок. 1793 – после 1858) [12. Л. 167 об.–169. № 96; 13. Л. 171 об.–173. № 96]. В этом четырехсоставном имени собственном можно выделить личное имя «Артамон», отчество «Бороскин», дедичество «Каражаков» и фамилию/прадедичество «Топанов». Можно предположить, что в одном составном имени перечислены сразу четыре поколения – Артамон, Бороска, Каражак и, вероятно, пращур Топан, который хронологически может быть отнесен к первой половине XVIII в.

В девятой ревизии 10(22).11.1850 г. зафиксирована семья 44-летнего Апончи Купченекова Каражакова Топанова, который может доводиться двоюродным братом Артамону Бороскину Каражакову Топанову. Не исключено, что Каражак Топанов – их общий предок, от сыновей которого Бороски и Купченека пошли две

линии рода Топановых [14. Л. 8 об.–10. № 13. Л. 14 об.–15. № 27].

Наши дальнейшие генеалогические поиски продолжились по метрическим книгам начала XX в. и второй половины XIX в. В первую очередь мы решили найти метрическую запись о бракосочетании/венчании родителей А.М. Топанова – Михаила Павловича и Агрипины Адриановны. В описи фонда И-28 книги по Усть-Фыркальской церкви некорректно атрибутированы по годам, поэтому пришлось полностью просмотреть оригиналы метрик, чтобы уточнить хронологию. Поскольку у родителей А.М. Топанова был официальный (церковный) брак, что было редкостью для коренного населения региона, постольку таинство венчания могло состояться в начале 1900-х гг. Так, искомая запись об их браке была выявлена за 1902 г. в метрической книге, датированной 1900–1901 гг. Научно-справочный аппарат (НСА) архива – это важный методологический инструмент поиска, который должен быть визитной карточкой учреждения. К сожалению, в Национальном архиве Хакасии наиболее востребованные фонды метрических книг (И-28, И-29) нуждаются в качественной переработке [15].

Итак, согласно выявленной записи № 4 по Усть-Фыркальской Николаевской церкви, бракосочетание родителей А.М. Топанова состоялось 06(19) октября 1902 г. [16. Л. 54 об.–55]. В столбце «Жених» читаем: «Абаканской инородной управ улуса Топанова инородец Михаил Павлов Топанов, православного вероисповедания, вторым браком, 28 лет». В столбце «Невеста» написано: «Ачинского мещанина из ссыльных Адриана Алексеева Ладунецкого дочь Агрипина, православного вероисповедания, первым браком, 24 года». Поручителями (свидетелями) выступили: по жениху – улуса Абдина инородец Тимофей Яковлев Абдин и псаломщик Сонской Михаило-Архангельской церкви Минусинского уезда Александр Васильев Альбов, по невесте – священник Чебаковской церкви Константин Иоакиманский и села Сон священник Александр Михайлов Любимцев». Таинство венчания совершил священник Александр Попов и исполняющий должность псаломщика Александр Никольский [17, 18].

Таким образом, благодаря этой архивной находке установлена девичья фамилия матери А.М. Топанова – Агрипины Адриановны Ладунецкой, которая, к сожалению, скоропостижно умерла от чахотки в 1904 г. Из биографической литературы мы знали, что мать Топанова скончалась через некоторое время после рождения сына. По информации хакасского театроведа Л.Т. Инкижекова, русская мать Александра Топанова умерла, когда сыну исполнилось всего три года [19]. По словам дочери А.М. Топанова – Тамары Александровны, автора книги об отце, мать Шурика умерла от туберкулеза легких, когда ему было всего полтора года, однако полного имени своей бабушки она не упоминает [1. С. 6]. На самом деле, согласно метрической записи о смерти № 32, Агрипина Иоаннова (так в документе), жена инородца улуса Топанова Михаила Павлова Топанова, скончалась 16(29) октября 1904 г. в возрасте 24 лет, погребена 19(31) октября в церковной

ограде [20. Л. 112 об.–113]. Разница в возрасте А.А. Топановой по данным записей о браке и смерти – 2 года (ок. 1878 или ок. 1880), однако уточнить дату ее рождения поможет лишь выявление подлинной метрики в архиве города Ачинска [21].

В монографии Н.С. Майнагашевой «Жизнь и творчество А.М. Топанова» приведены следующие сведения о матери драматурга: «Отец Шурика – Михаил (в народе Порис) Павлович Топанов, 1874 г. рождения, второй сын в семье Павла Митрофановича и Евдокии Николаевны Топановых, был отдан на воспитание в семью священника Иоанна Данилова. <...> Михаил, по просьбе супругов Даниловых, был оставлен в их доме, где он женился на их неродной дочери Агриппине, а после смерти священника остался за хозяина дома. <...> Мать Шурика – Агриппина Иоанновна (Андреановна) – была неродной дочерью священника Данилова. Она умерла через восемь месяцев после рождения сына, 16 мая 1904 г.» [3. С. 9]. В действительности, как мы ранее установили, мать драматурга умерла 16(29) октября, когда ее сыну шел уже второй год. Н.С. Майнагашева неверно атрибутировала эту метрическую запись, вместо даты «16 октября» указав «16 мая» (ссылка на нумерацию листа записи указана неверно: вместо л. 112 об. стоит л. 112, тогда как полная нумерация – лл. 112 об.–113) [3. С. 9, 146]. Скорее всего, дочь ачинского мещанина Агриппина Адриановна Ладунецкая была удочерена священником Иваном Дмитриевичем Даниловым, а потому в записи о смерти его приемной дочери указано отчество «Иоаннова», а не «Адрианова».

Также мы обнаружили сведения о рождении детей у Михаила Павловича Топанова от его первой невенчанной жены – Ирины Косминой (Кузьминичны), которые показаны проживающими в Кобежековом улусе⁴. Учитывая тот факт, что для М.П. Топанова брак с А.А. Ладунецкой был вторым по счету, нелишним будет привести сведения о его детях от первого брака. Так, согласно записи № 22, у инородца Кобежекова улуса Михаила Павлова Топанова 16(28) февраля 1896 г. родилась дочь Елена, крещена 09(21) марта [23. Л. 76 об.–77]. Согласно записи № 40, у Топановых 15(27) октября 1898 г. родился сын Лукиан, крещен – 20 декабря 1898 г. (02 января 1899 г.) [24. Л. 17 об.–18]. За 1900 г. обнаружена метрическая запись № 14 о смерти/погребении «Топанова улуса инородческой жены Ирины Семёновой (так в документе. – *Авт.*) Топановой», которая умерла 21 марта (02 апреля) 1900 г. от чахотки в возрасте 26 лет, погребена 23 марта (04 апреля) [25. Л. 41 об.–42]. Не исключено, что речь идет именно об Ирине Кузьминичне Топановой, чье отчество было записано неверно.

Метрическая запись о рождении/крещении отца драматурга – Михаила – выявлена нами в книге по Усть-Фыркальской церкви за 1875 г. Так, согласно записи № 31, годовалый Михаил, родившийся в 1874 г.⁵, был крещен 25 октября (08 ноября) 1875 г. В столбце «Родители» читаем: «Топанова улуса инородец Иоанн (так в документе) Митрофанов Топанов и невенчанная жена его Евдокия Николаева, оба православного вероисповедания; незаконнорожденный» [26. Л. 21 об.–22].

Вероятно, здесь имя отца записано ошибочно, однако имеются записи, где оно указано правильно⁶ – например, в метриках о рождении/крещении сыновей⁷: 1) Николая, который родился 12(24) декабря 1880 г., а крещен 23 апреля (05 мая) 1881 г. («Топанова улуса инородец Павел Митрофанов Топанов и невенчанная жена его Евдокия Николаева») [28. Л. 78 об.–79. № 16]; 2) Фёдора, который родился 13(25) января 1889 г., крещен 05(17) марта 1889 г. («Топанова улуса инородец Павел Митрофанов Топанов и невенчанная жена его Евдокия Николаева») [29. Л. 149 об.–150. № 11].

Удачей стало обнаружение метрической записи о рождении/крещении в 1877 г. брата Михаила – Епифана. Н.С. Майнагашевой не удалось выявить эту метрику, поэтому она сделала ошибочное предположение, что Епифан был старше Михаила: «Вероятно, он был старше Михаила, так как 5 мая 1903 г., за четыре месяца до рождения Шурика, у него умер десятилетний сын Прокопий» [3. С. 9]. Мы перепроверили эту запись и выяснили, что Н.С. Майнагашева вновь неверно интерпретировала данные, допустив сразу несколько ошибок: во-первых, Прокопий умер 05(18) июня, а во-вторых, ему было всего 10 месяцев, причина смерти – от родимца [2. Л. 30 об.–31. № 13]; соответственно, Епифаний не был старше Михаила. Метрическая запись о рождении/крещении Епифания нашлась в деле, в заголовке которого была указана лишь Чебаковская церковь, тогда как книга по Усть-Фыркальской церкви без титульного листа была подшита в конце. Согласно записи № 4, Епифаний родился 06(18) января 1877 г., крещен 25 февраля (09 марта) священником Иоанном Даниловым и исправляющим должность псаломщика Георгием Благодатовым. В столбце «Родители» записано: «Топанова улуса инородец Павел Митрофанов Топанов и невенчанная жена его Евдокия Николаева, оба православного вероисповедания; незаконнорожденный». Восприемниками (крестными) выступили: «Арыштаева улуса инородец Евлампий Данилов Тачеев и Конгарова улуса инородческая жена Марфа Ильина Конгарова» [30. Л. 102 об.–103].

На основании изучения метрических книг по Николаевской церкви с. Усть-Фыркала за 1850–1900-е гг. была реконструирована родословная А.М. Топанова до имени его прадеда – Митрофана Топанова: Александр (1903) – Михаил (1874) – Павел (1850-е гг.) – Митрофан (первая половина XIX в.). Чтобы углубить генеалогический поиск, мы обратились к данным ревизских сказок (переписей населения) за 1858 г. по Июсской инородной управе, в которую в 1855 г. вошел Мунгатов род бывшей Качинской степной думы. Идентифицировать нужную семью Топановых по ревизии удалось на основании метрических записей, а также списка инородцев, принявших крещение и браком сочетавшихся, датированного 1854 г. [31. Л. 147–147 об. № 39–41].

В качестве подсказки использована запись о рождении/крещении Мавры – дочери инородца Топанова улуса Алексея Артамонова Топанова и невенчанной жены его Домники Ивановой [1875. Л. 6 об.–7. № 6], последняя из которых встречается как восприемница (крестная) у детей Павла Митрофановича Топанова.

Алексей (по-хакасски Торича) Артамонов Топанов зафиксирован в десятой ревизии. Приведем полный состав семьи Топановых из Бело-Июсского административного рода по состоянию на 30.04(12.05).1858 г. [12. Л. 167 об.–169. № 96; 13. Л. 171 об.–173. № 96]:

№ 96 Артамон Бороскин Каражаков Топанов 57 65
Артамонов сын Апчей 22 умер в 1852

Апчеев сын Панюк новорожденный 6

Артамона Бороскина другой сын Точька а по крещении Иван 18 26

Его же третий сын Торича а по крещении Алексей 14 22

Артамона Бороскина дочь Тотый а по крещении Татьяна 14

Торичи Артамонова жена Поштай Фёдорова 21

Торичи Артамонова Топанова дочь Тюпчук ¹/₂

В книге дочери драматурга Т.А. Топановой сообщается, что деда Михаила Павловича Топанова звали Алексеем Митрофановичем, который был известен «многим поколениям земляков, кызыльцев и качинцев, горячо проповедовал передовые методы интенсивного пашенного земледелия, ведения хозяйства по примеру последних достижений русского образца» [1. С. 6]. Далее она пишет: «Он провел первый в Хакасии оросительный канал к сельскохозяйственным полям, построил первую в округе мельницу и православную церковь. Основой крестьянского благополучия Алексей Митрофанович считал научный подход к земледелию, а в духовном плане – христианство с его канонами отношения к добру и злу, горячим проповедником которого был сам. Вместе со своим земляком Коковым он совершил пешее паломничество в Киевскую Троице-Сергиеву Лавру и Иерусалим. На это пешее путешествие к святым местам паломники затратили почти семь лет. Все дети в Топановском роду получали образование, заканчивали гимназию, а не ограничивались начальным образованием в церковно-приходской школе» [1. С. 6]. К сожалению, в цитируемой книге отсутствуют ссылки на исторические источники, которые бы могли подтвердить приведенные факты. На наш взгляд, Т.А. Топанова ошиблась с именем своего прапрадеда, ведь из архивных документов мы знаем, что отцом Александра был Михаил Павлович, отцом Михаила – Павел Митрофанович, следовательно, имя деда Михаила Павловича – Митрофан, а потому упомянутый Алексей Митрофанович нуждается в дополнительном уточнении⁸.

Теперь предстояло атрибутировать Митрофана Топанова и его сына Павла, ведь их крестильные имена отсутствуют в переписях. Претендентом оказался Апчей, умерший около 1852 г., и его единственный сын Панюк⁹, родившийся около 1852 г. и, видимо, получивший в крещении имя Павел (просмотрены метрические книги по Петропавловской церкви с. Новосёлово за 1852–1853 гг., однако искомые записи не выявлены: [33, 34]). При документальной реконструкции хакасских родословных существует проблема идентификации людей при наличии у них двух и даже трех

личных имен. Как правило, в устных генеалогиях преобладают собственно хакасские имена, а в метрических книгах и ревизских сказках – имена в крещении, но иногда фиксируются оба варианта, что упрощает родословную верификацию. Точно идентифицировать Митрофана Топанова помогла информация из списка 1854 г. о крещенных инородцах, где приведено второе имя Апчей – Митрофан [31. Л. 147. № 39]. Апчей указал себе 28 лет от роду (род. ок. 1826), сообщил, что окрестил его священник Новосёловской Петропавловской церкви Евграф Афанасьевич Меркурьев, а в каком году – не помнит, его крестный отец Кирило Попяков, крестную мать уже не помнит. Младшие братья Апчей записаны следом: 20-летний Точка (Иван)¹⁰ и 17-летний Торича (Алексей), крещенные в той же Новосёловской церкви [31. Л. 147. № 40–41]. Таким образом, Апчей (Митрофан) и Торича (Алексей) – это родные братья, сыновья Артамона Топанова. Соответственно, патрилинейная цепочка Топановых приобрела следующий вид: Топан (ок. 1720–1730-е гг.) – Каражак (ок. 1740–1750-е гг.) – Бороска (ок. 1760–1770-е гг.) – Артамон (ок. 1793) – Апчей/Митрофан (ок. 1828) – Панюк/Павел (ок. 1852) – Михаил (1874) – Александр (1903).

Установить женские имена предков А.М. Топанова помогла девятая ревизия. Приведем полный состав семьи Топановых по состоянию на 10(22).11.1850 г. [14. Л. 14 об.–15. № 27]:

№ 27 Артамон Бороскин Каражаков Топанов 39 57

Его сын: 1-й Ачей 4 22

2-й Точика 18

3-й Торича 14

Артамона жена Киштей 50

Дочь Татай 23

Тотий 7

Апчеза жена Торты 29

Итак, жену Апчей/Митрофана и мать Панюка/Павла по-хакасски звали Торты (род. ок. 1831), а мать самого Апчей, жену Артамона Топанова, – Киштей (род. ок. 1800). К сожалению, по последней ревизии 1858 г. об их судьбе ничего неизвестно: скорее всего, Киштей умерла до проведения ревизии, а судьба Торты после смерти мужа Апчеза около 1852 г. также неясна.

Привлечение в качестве источников исповедных росписей прихожан Новосёловской Петропавловской церкви за 1823 и 1836 гг., к приходу которой относился Мунгатов улус до образования Усть-Фыркальской церкви, не дало положительного результата [36. Л. 198–198 об.; 37. Л. 287 об.–290].

В метрических книгах Новосёловской церкви (ГАКК. Ф. № 873) также могут содержаться сведения о крещенных Топановых [38].

Настоящим генеалогическим курьезом для нас стала информация из книги Т.А. Топановой о происхождении рода, источниковый потенциал которой нуждается в серьезном анализе. Прочитируем полностью этот важный текст: «Приехав на каникулы домой,

Шурик, рассказывая Ба и отцу о своем самоутверждении в семинарии, с гордостью сказал: «Я не подвел род Топановых!»». А гордиться своим родом, почитать его историю, передаваемую из поколения в поколение, он имел полное право, заслуженное на протяжении веков его предками.

Топановы (соок ызыр) – умный, трудолюбивый и дружный род, ведущий свою историю с шестнадцатого века. Спасаясь от русских казаков, после поражения слабовооруженных тюрков от войска Степана Разина на реке Кача, во времена покорения им Сибири, первым обосновал деревню у Белого Ююса Мунар Топан (1580 г.). Он знал, где осадить своего коня: горы, лес, полноводный Ююс и прилегающие степи для выпаса скота давали все, что было необходимо для существования. Нужен был только собственный неустанный труд, к которому Мунар Топан был с детства приучен и к которому прививал любовь своим детям. Его сын Изыр (1610 г.), имевший тягу к скотоводству, переселился в степь на просторные места выпаса лошадей, рогатого скота и овец, традиционных для хакасского животноводства. Это место называли Ызыр. Сын Ызыра Топан (1640 г.) стал писать свой род под фамилией Топановы. От его сына Арто родился знаменитый по всей Хакасии (Торища) [видимо, «знаменитый по всей Хакасии – Торища». – *Авт./*. От внука Топана Ванюка – Борис (по записи – Михаил).

Сын Бориса – Александр. До седьмого колена Топановы благодаря своему постоянному самоутверждению труду жили дружно и богато» [1. С. 9–10].

Первое впечатление от повествования – перед нами типичная родословная байка, в которой перемешались вымыслы и частично исторические факты. Это не классическое хакасское родословное предание (кип-чоох), а, вероятно, наскоро сочиненный рассказ для книги из остатков воспоминаний, легенд, мифов и фейков, в котором явно нарушена поколенная хронология.

Начнем с того, что Степан Разин, живший в XVII в., спутан с казачьим атаманом Ермаком Тимофеевичем, жившим в XVI в. Родоначальником Топановых назван некий Мунар Топан, который в 1580 г. первым основал деревню у реки Белый Ююс. Далее упомянут сын Мунара – Ызыр – с привязкой к 1610 г., по-видимому, году рождения. С разницей в 30 лет, характерной для генеалогического закона трех поколений, который в большинстве случаев, как правило, не соблюдается, назван сын Ызыра – Топан. Внук Мунара Топана – Топан же, родившийся аккурат в 1640 г., якобы стал писать свой род под фамилией «Топановы».

Однако в 1640 г. никаких фамилий у кочевых инородцев Минусинской котловины еще не было: первые случаи фамильной фиксации можно отнести лишь к первой половине XVIII в. У второго в роду Топана появился сын Арто, который по логике и хронологии рассказчика должен был родиться в 1670 г., а от Арто в 1700 г. – сын Торища, известный во всей Хакасии. Чем именно известен этот самый Торища, записанный в тексте почему-то в скобках, нам неизвестно. В 1730 г. у Торищи должен был родиться сын Ванюк, от которого в 1760 г. – Борис (по записи – Михаил). Борис (он же Михаил) – это и есть отец драматурга Александра

Топанова, который родился в 1903 г., т.е. спустя более 140 лет после рождения Михаила. Несмотря на эту явную несуслаицу, некоторый генеалогический фактаж нам все-таки удалось вычлениить. Если соотнести Арто и документально зафиксированного Артамона Топанова (ок. 1793 – после 1858), то, действительно, у него был третий сын Торища (в крещении – Алексей), метрические записи о котором имеются в церковных книгах по Усть-Фыркальской Николаевской церкви. Жена Алексея Артамоновича Топанова – Домника (Домна) Ивановна¹¹ – была крестной матерью у детей племянника мужа Павла Митрофановича Топанова. Ванюк, якобы внук Топана и сын Торищи, созвучен с именем Панюк – сыном Апчечя/Митрофана по десятой ревизии 1858 г. Ванюк/Панюк/Павел – отец Михаила, по-хакасски Пориса (Бориса – в данном повествовании).

Вторым информантом по родословной Топановых является двоюродный брат А. М. Топанова – Георгий Фёдорович (1917–1998)¹², сын Фёдора Павловича Топанова [43, 44]. В публикациях на русском и хакасском языках Г.Ф. Топанов подробно рассказал о своих предках 2-й половины XIX в. [45–47]. Именно из его сообщений мы узнали, кто такой Торища, а также информацию о якобы цыганских корнях матери драматурга.

Г.Ф. Топанов сообщает: «Так получилось, что Александр Михайлович Топанов родился и вырос не в родном улусе Тогыр Чул – Топаново, а в улусе Усть-Фыркал. Его отец, Михаил Павлович, старший из четырех братьев, был отдан на воспитание (или в работники) священнику Усть-Фыркальской церкви. Так распорядился наш прадед Большой Торища. К тому времени Торища был главой большого рода Топановых. Михаил Павлович вырос, стал мужчиной.

Большой Торища стал внуков наделять хозяйством: покосами, пашнями, скотом и хозяйственными постройками. На просьбу вернуть внука Торища получил отказ, а вскоре священник умер, хозяйкой в большом доме осталась матушка. По ее просьбе и настоянию Михаил Павлович остался за хозяина.

В 1885 г. ранним утром на церковном крыльце был обнаружен ребенок. Выяснилось: девочку подбросили цыгане. Матушка взяла девочку к себе. Выросла красивая, веселая девушка. Какие взаимоотношения были между матушкой и Михаилом Павловичем, никто толком не знал, но всяких кривотолков в улусах хоть отбавляй.

Вскоре матушка женила хозяина-работника на молодой цыганке, своей воспитаннице.

В 1903 г. жена Михаила Павловича родила сына, но при родах мать, к великому сожалению, умерла. Вырастила мальчика сама матушка. По рассказам очевидцев, она к ребенку никого не подпускала. Она звала его Шуриком, Шуриком он и остался в памяти тех, кто знал его в те времена.

<...> Однако малый срок жизни был отпущен Михаилу Павловичу; он умер через год после смерти своего отца, Павла Алексеевича» [46. С. 4].

Итак, по словам Г.Ф. Топанова, Великий Торища – это прадед А.М. Топанова, Алексей, которому дочь драматурга Т.А. Топанова приписала отчество «Митрофанович».

На самом деле, Торища/Торица – это родной брат Апчея/Митрофана Топанова, а их отец – Артамон (Арто). После смерти двух своих братьев (Апчея/Митрофана и Точица/Ивана) Торища действительно стал главой рода, однако он не являлся биологическим прадедом А.М. Топанова. Вследствие того, что потомство Митрофана воспитывалось в семье Торищи (Алексея Артамоновича), и произошло замещение умершего около 1852 г. Апчея/Митрофана на его брата Торищу/Алексея. Так появились: и Алексей Митрофанович (правильно – Алексей Артамонович/Николаевич), и Павел Алексеевич (правильно – Павел Митрофанович), и даже Алексей Никанорович (правильно – Алексей Артамонович/Николаевич)¹³.

Что касается цыганских корней Агриппины Адриановны Ладунецкой, матери А.М. Топанова, то в выявленной метрической записи о бракосочетании/венчании за 1902 г. она записана как дочь ачинского мещанина из ссыльных – Адриана Алексеевича Ладунецкого. Была ли она подброшена цыганами в 1885 г. на крыльцо Усть-Фыркальской церкви, были ли у нее цыганские предки, теперь сказать сложно.

Нам очевидно, что перечисленные следы генеалогических событий семьи Топановых относятся к середине

XIX в., т.е. на глубину примерно 100 лет, когда они были переданы от старших родственников – потомкам А.М. Топанова, в частности, его дочери Т.А. Топановой и двоюродному брату Г.Ф. Топанову. Согласно концепции немецкого культуролога Яна Ассманна, семейная память современных людей охватывает не более трех поколений (промежуток 80–100 лет). Но поскольку человеческая память – это динамический процесс, включающий в себя как механизмы запоминания, так и забывания [48. С. 151–170], постольку доверие к ней на временном интервале более ста лет вызывает определенное методологическое сомнение¹⁴.

Тем не менее в результате проведенной документальной реконструкции родословной хакасского драматурга А.М. Топанова установлены имена его прямых патрилинейных предков до первой половины XVIII в.

Для полноценной научной верификации родословной Топановых целесообразно изучить прямых мужских потомков по ДНК Y-хромосомы посредством определения гаплогруппы (генетического рода), что позволит углубить филогению сеока Ызыр на сотни и тысячи лет и выделить семейную ветвь на родословном древе мужской популяции человечества [50].

Примечания

¹ В книге дочери драматурга Т.А. Топановой приведена именно дата крещения, по старому (юлианскому) и новому (григорианскому) стилям летоисчисления, правда, без ссылки на архивный документ [1. С. 5].

² Впервые ссылка на эту метрическую запись опубликована в монографии Н.С. Майнагашевой, посвященной жизни и творчеству А.М. Топанова [3. С. 8]. Даты рождения и крещения даны по старому стилю, в нумерации листов допущена ошибка: вместо л. 16 об. указан л. 16, тогда как полная нумерация – Л. 16 об.–17.

³ В.Я. Бутанаев ошибочно включил Мунгатов род в состав Сагайской степной думы.

⁴ Родной брат Михаила Павловича – Николай – также показан в Кобежековом улусе согласно метрической записи за 1897 год [22. Л. 139 об.–140. № 41].

⁵ Умер приблизительно в 1920–1921 гг., будучи участником Гражданской войны [3. С. 146].

⁶ Нами выявлена еще одна запись о рождении/крещении дочери Параскевы, где имя отца записано как «Иоанн»; в возрасте 4 лет она была крещена 30 июня (12 июля) 1874 г. [27. Л. 54 об.–55. № 34].

⁷ Ср.: Н.С. Майнагашева: «Кроме Михаила, было еще три сына: Николай (в народе звали Кузьма, 1880 г.р.), Фёдор (1889 г.р.), Епифан» [3. С. 9].

⁸ Информация об этой поездке случайным образом найдена в деле по родословию Кызласовых (фонд К. М. Патачакова): в 1897 г. в Иерусалим отправились: Коков Тора, Трошкин Мукус, Тачеев Мукус, Ботин, Коков Лукьян, Аёшин Алексей, русская женщина. Имя Алексея Митрофановича Топанова не указано [32. Л. 52].

⁹ Ср.: И. Коков: «Я его впервые встретил в улусе Малый Топанов в семействе его деда Панюка» [3. С. 10].

¹⁰ Топанова улуса инородец Иван Артамонов Топанов умер 05(17) августа 1861 г. в возрасте 26 лет от горячки; погребен 08(20) августа на улусном кладбище [35. Л. 33 об.–34. № 9].

¹¹ Нами выявлена метрическая запись № 1 по Усть-Фыркальской церкви о бракосочетании/венчании 20 января (01 февраля) 1885 г. инородца улуса Топанова Алексея Николаевича Топанова, 49 лет, первым браком, и того же улуса Домники Ивановны Кобежековой, 42 лет, первым браком [39. Л. 25 об.–26]. Венчанный брак был заключен в позднем возрасте, когда родились их дети, однако благодаря этой записи можно установить, что отец Алексея – Артамон Топанов – в крещении носил имя «Николай», одно из самых распространенных в то время среди инородцев.

¹² Согласно записи № 112 из метрической книги Чебаковской Покровской церкви за 1917 г., Георгий родился 07(20) апреля, а крещен спустя несколько месяцев – 26 сентября (09 октября). Его родители: инородец улуса Топанова Минусинского уезда Фёдор Павлов Топанов и законная жена его Феодосия Яковлева, оба православного вероисповедания. Восприемниками (крестными) выступили: инородец улуса Топанова Минусинского уезда Егор Алексеев Куртыков и инородческая дочь улуса Топанова Марфа Павлова Топанова [40. Л. 95 об.–96]. См. также: [41, 42].

¹³ Ср.: В.А. Карамашева, Ю.Н. Забелин: «Прадед Александра Топанова – Алексей Никанорович (Торище), известный многим поколениям качинцев и кызыльцев, горячо проповедовал интенсивное пахенное земледелие и передовые методы ведения хозяйства по русскому образцу. Прадед провел оросительный канал, построил первую в округе мельницу и церковь. Алексей Никанорович считал основой крестьянского благополучного труда христианство и был его горячим проповедником. Вместе со своими земляками совершил пешее паломничество в Троице-Сергиеву лавру, Киев и Иерусалим. На это путешествие к святым местам паломники затратили почти семь лет» [4. С. 3].

¹⁴ По словам итальянского семиотика Валентины Пизанти, «гипотеза Ассманна достаточно убедительна независимо от того, к каким географическим, культурным или историческим обстоятельствам она применяется. Если под семейной памятью мы подразумеваем набор историй, анекдотов, “мифов основания” и т.д., передаваемых от одного поколения к другому, то резонно предположить, что все эти нарративы являются лишь в живой памяти тех, кто нам их рассказывает, но не тех, кто их слушает. Мы храним лишь смутные воспоминания о том, что наши деды рассказывали нам о своем детстве и, может, об их родителях, но я сомневаюсь, что наши внуки запомнят наши рассказы о лично незнакомых им далеких предках и смогут передать их своим потомкам. Возможно, мы способны цепляться только за память о тех людях с кем мы взаимодействовали, а все, относящееся к более раннему времени, уходит в забвении или хранится в виде того, что Юрий Лотман назвал “семиосферой”: коллекций фотографий, видео или аудиозаписей, писем, дневников и т.д. Разумеется, это не относится к тем, кто принадлежит к знатым или к знаменитым семьям, оставившим заметный след в истории. Если бы моя фамилия была Борджиа или Гарибальди моя семейная память покрывала бы больший промежуток времени, но в таком случае она бы, используя терминологию того же Яна Ассманна, превратилась бы в культурную память, доступную представителям всего человечества» [49. С. 37–38].

Список источников

1. Топанова Т.А. Александр Михайлович Топанов (страницы биографии). Абакан, 2009. 108 с.
2. Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Фыркальского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1903 год // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 16.
3. Майнагашева Н.С. Жизнь и творчество А.М. Топанова. Абакан, 2013. 204 с.
4. Карамашева В.А., Забелин Ю.Н. Однажды пришедший на древнюю землю // Хакасия. 23 декабря 1993. № 205. С. 3. URL: <https://nbdrx.ru/pdf/Hakasia/1993/g011993205.pdf> (дата обращения: 01.05.2023).
5. Краткая биография А.М. Топанова, хакасского драматурга, составленная Э.М. Коковой // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. П-938. Оп. 1. Д. 21.
6. Нилогов А.С. Найдена метрическая запись о рождении/крещении А.М. Топанова // Министерство культуры Республики Хакасия. 06.12.2022. URL: <https://culture19.ru/news/11128-naydena-metricheskaya-zapis-o-rojdenii-kreshchenii-a-m-topanova.html> (дата обращения: 01.05.2023).
7. Нилогов А.С. Известно, в чем ошибались исследователи жизни А.М. Топанова // ИА Хакасия. 06.12.2022. URL: <https://19rusinfo.ru/kultura/27692-izvestno-v-chem-oshibalis-issledovateli-zhizni-a-m-topanova> (дата обращения: 01.05.2023).
8. Нилогов А.С. Найдена метрическая запись о рождении/крещении А.М. Топанова // Хакасский национальный драматический театр им. А.М. Топанова. 06.12.2022. URL: <http://hndt.ru/news/788-naydena-metricheskaya-zapis-rojdenii-kreshchenii-m.html> (дата обращения: 01.05.2023).
9. Архивы Красноярского края. URL: <http://красноярские-архивы.рф/> (дата обращения: 01.05.2023).
10. Бутанаев В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан, 1994. 96 с. URL: <http://nbdrx.ru/pdf/bx0000127.pdf> (дата обращения: 01.05.2023).
11. Бутанаев В.Я., Торбостаев К.М. Историческая ономастика Южной Сибири : учеб.-метод. комплекс по дисциплине (курс лекций). Абакан, 2016. 220 с.
12. Ревизские сказки на инородцев Минусинского округа Июсской инородной управы, 30.04(12.05).1858 г. // Государственный архив Красноярского края. Ф. 160. Оп. 3. Д. 658.
13. Перепись населения Июсской управы, 30.04(12.05).1858 г. // Архив города Минусинска. Ф. 15. Оп. 1. Д. 234.
14. Ревизские сказки на кочевых инородцев Минусинского округа Качинской степной думы Мунгатова улуса, 10(22).11.1850 г. // Государственный архив Красноярского края. Ф. 160. Оп. 3. Д. 465.
15. Метрические книги // Фондовый каталог Национального архива Республики Хакасия. URL: https://e.arhiv.r-19.ru/catalog/?SECTION_ID=25394 (дата обращения: 01.05.2023).
16. Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Фыркальского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1902 год // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 19.
17. Нилогов А.С. Жителям Хакасии рассказали о жизни родителей хакасского драматурга А.М. Топанова // ИА Хакасия. 02.05.2023. URL: <https://19rusinfo.ru/kultura/40375-zhitelyam-khakasii-rasskazali-o-zhizni-roditeley-khakasskogo-dramaturga-a-m-topanova> (дата обращения: 10.05.2023).
18. Нилогов А.С. Найдена метрическая запись о бракосочетании родителей хакасского драматурга А. М. Топанова // Министерство культуры Республики Хакасия. 03.05.2023. URL: <https://culture19.ru/news/11966-naydena-metricheskaya-zapis-o-brakosochetanii-roditeley-hakasskogo-dramaturga-a-m-topanova.html> (дата обращения: 10.05.2023).
19. Инкижеков Л.Т. Пьеса навсегда // Хакасия. 24.11.2011. URL: <http://oldgazeta19.ru/news/11426> (дата обращения: 01.05.2023).
20. Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Фыркальского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1904 год // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 16.
21. Метрические книги церковного архива // МКУ «Архив города Ачинска». URL: <https://krasmun.krasarh.ru/archives/achin/stocks/299395816> (дата обращения: 01.05.2023).
22. Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Фыркальского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1897 год // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 17.
23. Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Фыркальского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1896 год // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 17.
24. Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Фыркальского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1898 год // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 18.
25. Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Фыркальского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1900 год // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 19.
26. Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Фыркальского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1875 год // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 11.
27. Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Фыркальского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1874 год // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 11.
28. Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Фыркальского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1881 год // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 11.
29. Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Фыркальского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1889 год // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 14.
30. Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Фыркальского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1877 год // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 26.
31. Списки кочевого национального населения, принявших крещение и бракосочетавшихся, 1854 г. // Архив г. Минусинска. Ф. 17. Оп. 1. Д. 73.
32. Документы по родословию Кызласовых // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. Р-966. Оп. 1. Д. 674.
33. Метрическая книга Петропавловской церкви с. Новосёловского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1852 год // Государственный архив Красноярского края. Ф. 873. Оп. 1. Д. 20.
34. Метрическая книга Петропавловской церкви с. Новосёловского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1853 год // Государственный архив Красноярского края. Ф. 873. Оп. 1. Д. 21.
35. Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Фыркальского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1861 год // Государственный архив Красноярского края. Ф. 824. Оп. 1. Д. 58.
36. Исповедные росписи прихожан Новосёловской Петропавловской церкви за 1823 г. // Государственный архив Красноярского края. Ф. 592. Оп. 1. Д. 496Б.
37. Исповедные росписи прихожан Новосёловской Петропавловской церкви за 1836 г. // Государственный архив Красноярского края. Ф. 592. Оп. 1. Д. 701Б.
38. Электронный каталог Государственного архива Красноярского края. URL: <https://catalog.krasarh.ru/> (дата обращения: 01.05.2023).
39. Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Фыркальского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1885 год // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 14.
40. Метрическая книга Покровской церкви с. Чебаковского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1917 год // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 51.

41. Нилогов А.С. Найдена метрическая запись о рождении/крещении хакасского кинорежиссера Г.Ф. Топанова // Министерство культуры Республики Хакасия. 05.05.2023. URL: <https://culture19.ru/news/11987-naydena-metricheskaya-zapis-o-rojdenii-kreshchenii-hakasskogo-kinorezhissera-g-f-topanova.html> (дата обращения: 10.05.2023).
42. Нилогов А.С. Известно, когда родился хакасский режиссер Георгий Топанов // ИА Хакасия. 10.05.2023. URL: <https://19rusinfo.ru/kultura/40916-izvestno-kogda-rodilsya-khakasskiy-rezhisser-georgij-topanov> (дата обращения: 10.05.2023).
43. Топанов Георгий Фёдорович // Литературная карта Хакасии. URL: <https://nbdrx.ru/chit/lm/vov/vov8.asp> (дата обращения: 01.05.2023).
44. Победители. Георгий Топанов, начальник киностудии Абаканского телецентра // ГТРК «Хакасия». Эфир от 13 июля 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=z_qAocELJM (дата обращения: 01.05.2023).
45. Топанов Г.Ф. Улуг Торича (=Большой Торича) // Хакас чирі. 1992. 3 сентября. № 2. С. 3.
46. Топанов Г.Ф. Брат, наставник и друг // Хакасия. 1993. 23 декабря. № 205. С. 4. URL: <https://nbdrx.ru/pdf/Hakasia/1993/g011993205.pdf> (дата обращения: 01.05.2023).
47. Топанов Г. Ф. Улуг Торича (=Большой Торича) // Хан тигир. 1995. № 2. С. 54–59. URL: https://nbdrx.ru/pdf/lit_mag/bx00000113.pdf (дата обращения: 01.05.2023).
48. Савельев С.В. Морфология сознания. Т. 1. М., 2018. 208 с.
49. Рост культуры памяти и ее институтов приводит к усилению влияния отрицателей Холокоста. Интервью с В. Пизанти // Историческая экспертиза. 2023. № 1. С. 37–50. URL: https://www.istorex.org/_files/ugd/ac1e3a_e52090713968455ab3092d96fe4f4dc.pdf (дата обращения: 01.05.2023).
50. Нилогов А.С. Научная верификация хакасских родословных преданий: от мифо- и этногенеалогии к ДНК-генеалогии // Genesis: исторические исследования. 2020. № 1. С. 57–65. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29539 (дата обращения: 01.05.2023).

References

1. Topanova, T.A. (2009) *Aleksandr Mikhaylovich Topanov (stranitsy biografii)* [Alexander Mikhailovich Topanov (biography pages)]. Abakan.
2. National Archive of the Republic of Khakassia. Fund I-28. List 1. File 16. *Metricheskaya kniga Nikolaevskoy tserkvi s. Ust'-Fyrkal'skogo dlya zapisi rodivshikhnya, brakom sochetavshikhnya i umershikh za 1903 god* [Register of births, marriages and deaths for 1903 the Nicholas Church of v. Ust-Fyrkalsky].
3. Maynagasheva, N.S. (2013) *Zhizn' i tvorchestvo A.M. Topanova* [Life and work of A.M. Topanov]. Abakan.
4. Karamasheva, V.A. & Zabelin, Yu.N. (1993) Odnazhdy prishedshiy na drevnyuyu zemlyu [Once upon a time he came to the ancient land]. *Khakasiya*. 23 December. 205. p. 3. [Online] Available from: <https://nbdrx.ru/pdf/Hakasia/1993/g011993205.pdf> (Accessed: 01.05.2023).
5. National Archive of the Republic of Khakassia. Fund P-938. List 1. File 21. *Kratkaya biografiya A.M. Topanova, khakasskogo dramaturga, sostavlennaya E.M. Kokovoy* [Brief biography of A.M. Topanov, Khakass playwright, compiled by E.M. Kokova].
6. Nilogov, A.S. (2022) *Naydena metricheskaya zapis' o rozhdenii/kreshchenii A.M. Topanova* [A record of the birth/baptism of A.M. Topanov was found]. [Online] Available from: <https://culture19.ru/news/11128-naydena-metricheskaya-zapis-o-rojdenii-kreshchenii-a-m-topanova.html> (Accessed: 01.05.2023).
7. Nilogov, A.S. (2022) *Izvestno, v chem oshibalis' issledovateli zhizni A.M. Topanova* [It is known where the researchers of A.M. Topanov's life were mistaken]. [Online] Available from: <https://19rusinfo.ru/kultura/27692-izvestno-v-chem-oshibalis-issledovateli-zhizni-a-m-topanova> (Accessed: 01.05.2023).
8. Nilogov, A.S. (2022) *Naydena metricheskaya zapis' o rozhdenii/kreshchenii A.M. Topanova* [A record of the birth/baptism of A.M. Topanov was found]. [Online] Available from: <http://hndt.ru/news/788-naydena-metricheskaya-zapis-rojdenii-kreshchenii-m-.html> (Accessed: 01.05.2023).
9. *Archives of Krasnoyarsk Krai*. [Online] Available from: <http://krasnoyarskie-arkhivy.rf/> (Accessed: 01.05.2023).
10. Butanaev, V.Ya. (1994) *Proiskhozhdenie khakasskikh rodov i familiy* [Origin of Khakass families and surnames]. [Online] Available from: <http://nbdrx.ru/pdf/bx0000127.pdf> (Accessed: 01.05.2023).
11. Butanaev, V.Ya. & Torbostaev, K.M. (2016) *Istoricheskaya onomastika Yuzhnoy Sibiri* [Historical onomastics of Southern Siberia]. Abakan.
12. State Archive of Krasnoyarsk Krai. Fund 160. List 3. File 658. *Revizskie skazki na inorodtsev Minusinskogo okruga Iyusskoy inorodnoy upravly, 30.04(12.05).1858 g.* [Census lists on foreigners of the Minusinsk district of the Iyussk foreign council, 30.04(05.12).1858].
13. State Archive of Minusinsk. Fund 15. List 1. File 234. *Perepis' naseleniya Iyusskoy upravly, 30.04(12.05).1858 g.* [Census of the population of the Iyus government, 30.04(05.12).1858].
14. State Archive of Krasnoyarsk Krai. Fund 160. List 3. File 465. *Revizskie skazki na kochevykh inorodtsev Minusinskogo okruga Kachinskoy stepnoy dumy Mungatova ulusa, 10(22).11.1850 g.* [Census lists on nomadic foreigners of the Minusinsk district of the Kachin steppe duma of Mungatov ulus, 10(22).11.1850].
15. Stock catalog of the National Archive of the Republic of Khakassia. (2023) *Metricheskie knigi* [Registers of births, marriages and deaths]. [Online] Available from: https://e.arhiv.r-19.ru/catalog/?SECTION_ID=25394 (Accessed: 01.05.2023).
16. National Archive of the Republic of Khakassia. Fund I-28. List 1. File 19. *Metricheskaya kniga Nikolaevskoy tserkvi s. Ust'-Fyrkal'skogo dlya zapisi rodivshikhnya, brakom sochetavshikhnya i umershikh za 1902 god* [Register of births, marriages and deaths for 1902 of the Nicholas Church of v. Ust-Fyrkalsky].
17. Nilogov, A.S. (2023) *Zhitelyam Khakasii rasskazali o zhizni roditeley khakasskogo dramaturga A.M. Topanova* [Residents of Khakassia were told about the life of the parents of the Khakass playwright A.M. Topanov]. [Online] Available from: <https://19rusinfo.ru/kultura/40375-zhitelyam-khakassii-rasskazali-o-zhizni-roditeley-khakasskogo-dramaturga-a-m-topanova> (Accessed: 10.05.2023).
18. Nilogov, A.S. (2023) *Naydena metricheskaya zapis' o brakosochetanii roditeley khakasskogo dramaturga A.M. Topanova* [A record of the marriage of the parents of the Khakass playwright A. M. Topanov was found]. [Online] Available from: <https://culture19.ru/news/11966-naydena-metricheskaya-zapis-o-brakosochetanii-roditeley-hakasskogo-dramaturga-a-m-topanova.html> (Accessed: 10.05.2023).
19. Inkizhekov, L.T. (2011) *P'esa navsegda* [The play forever]. [Online] Available from: <http://oldgazeta19.ru/news/11426> (Accessed: 01.05.2023).
20. National Archive of the Republic of Khakassia. Fund I-28. List 1. File 16. *Metricheskaya kniga Nikolaevskoy tserkvi s. Ust'-Fyrkal'skogo dlya zapisi rodivshikhnya, brakom sochetavshikhnya i umershikh za 1904 god* [Register of those born, married and dead in 1904 of the Nicholas Church of v. Ust-Fyrkalsky].
21. Archive of Achinsk. (2023) *Metricheskie knigi tserkovnogo arkhiva* [Register of those born, married and dead from the church archive]. [Online] Available from: <https://krasnmun.krasarh.ru/archives/achin/stocks/299395816> (Accessed: 01.05.2023).
22. National Archive of the Republic of Khakassia. Fund I-28. List 1. File 17. *Metricheskaya kniga Nikolaevskoy tserkvi s. Ust'-Fyrkal'skogo dlya zapisi rodivshikhnya, brakom sochetavshikhnya i umershikh za 1897 god* [Register of those born, married and dead in 1897 of the Nicholas Church of v. Ust-Fyrkalsky].
23. National Archive of the Republic of Khakassia. Fund I-28. List 1. File 17. *Metricheskaya kniga Nikolaevskoy tserkvi s. Ust'-Fyrkal'skogo dlya zapisi rodivshikhnya, brakom sochetavshikhnya i umershikh za 1896 god* [Register of those born, married and dead in 1896 of the Nicholas Church of v. Ust-Fyrkalsky].
24. National Archive of the Republic of Khakassia. Fund I-28. List 1. File 18. *Metricheskaya kniga Nikolaevskoy tserkvi s. Ust'-Fyrkal'skogo dlya zapisi rodivshikhnya, brakom sochetavshikhnya i umershikh za 1898 god* [Register of those born, married and dead in 1898 of the Nicholas Church of v. Ust-Fyrkalsky].
25. *Metricheskaya kniga Nikolaevskoy tserkvi s. Ust'-Fyrkal'skogo dlya zapisi rodivshikhnya, brakom sochetavshikhnya i umershikh za 1900 god* [Register of those born, married and dead in 1900 of the Nicholas Church of v. Ust-Fyrkalsky]. National Archive of the Republic of Khakassia. Fund I-28. List 1. File 19.
26. National Archive of the Republic of Khakassia. Fund I-28. List 1. File 11. *Metricheskaya kniga Nikolaevskoy tserkvi s. Ust'-Fyrkal'skogo dlya zapisi rodivshikhnya, brakom sochetavshikhnya i umershikh za 1875 god* [Register of those born, married and dead in 1875 of the Nicholas Church of v. Ust-Fyrkalsky].

27. National Archive of the Republic of Khakassia. Fund I-28. List 1. File 11. *Metricheskaya kniga Nikolaevskoy tserkvi s. Ust'-Fyrkal'skogo dlya zapisi rodivshikh, brakom sochetavshikh i umershikh za 1874 god* [Register of those born, married and dead in 1874 of the Nicholas Church of v. Ust-Fyrkalsky].
28. National Archive of the Republic of Khakassia. Fund I-28. List 1. File 11. *Metricheskaya kniga Nikolaevskoy tserkvi s. Ust'-Fyrkal'skogo dlya zapisi rodivshikh, brakom sochetavshikh i umershikh za 1881 god* [Register of those born, married and dead in 1881 of the Nicholas Church of v. Ust-Fyrkalsky].
29. National Archive of the Republic of Khakassia. Fund I-28. List 1. File 14. *Metricheskaya kniga Nikolaevskoy tserkvi s. Ust'-Fyrkal'skogo dlya zapisi rodivshikh, brakom sochetavshikh i umershikh za 1889 god* [Register of those born, married and dead in 1889 of the Nicholas Church of v. Ust-Fyrkalsky].
30. National Archive of the Republic of Khakassia. Fund I-28. List 1. File 26. *Metricheskaya kniga Nikolaevskoy tserkvi s. Ust'-Fyrkal'skogo dlya zapisi rodivshikh, brakom sochetavshikh i umershikh za 1877 god* [Register of those born, married and dead in 1877 of the Nicholas Church of v. Ust-Fyrkalsky].
31. Archive of Minusinsk. Fund 17. List 1. File 73. *Spiski kochevogo natsional'nogo naseleniya, prinyavshikh kreshchenie i brakosochetavshikh, 1854 g.* [Lists of nomadic national population who were baptized and got married, 1854].
32. National Archive of the Republic of Khakassia. Fund R-966. List 1. File 674. *Dokumenty po rodosloviyu Kyzlasovykh* [Documents on the genealogy of the Kyzlasovs].
33. State Archive of Krasnoyarsk Krai. Fund 873. List 1. File 20. *Metricheskaya kniga Petropavlovskoy tserkvi s. Novoselovskogo dlya zapisi rodivshikh, brakom sochetavshikh i umershikh za 1852 god* [Register of those born, married and dead in 1852 of the Peter and Paul Church of v. Novoselovsky].
34. State Archive of Krasnoyarsk Krai. Fund 873. List 1. File 21. *Metricheskaya kniga Petropavlovskoy tserkvi s. Novoselovskogo dlya zapisi rodivshikh, brakom sochetavshikh i umershikh za 1853 god* [Register of those born, married and dead in 1853 of the Peter and Paul Church of v. Novoselovsky].
35. State Archive of Krasnoyarsk Krai. Fund 824. List 1. File 58. *Metricheskaya kniga Nikolaevskoy tserkvi s. Ust'-Fyrkal'skogo dlya zapisi rodivshikh, brakom sochetavshikh i umershikh za 1861 god* [Register of those born, married and dead in 1861 of the Nicholas Church of v. Ust-Fyrkalsky].
36. State Archive of Krasnoyarsk Krai. Fund 592. List 1. File 496B. *Ispovednye rospisi prikhozhan Novoselovskoy Petropavlovskoy tserkvi za 1823 g.* [Confessional register of parishioners of the Novoselovskaya Peter and Paul Church for 1823].
37. State Archive of Krasnoyarsk Krai. Fund 592. List 1. File 701B. *Ispovednye rospisi prikhozhan Novoselovskoy Petropavlovskoy tserkvi za 1836 g.* [Confessional register of parishioners of the Novoselovskaya Peter and Paul Church for 1836].
38. *Elektronnyy katalog Gosudarstvennogo arkhiva Krasnoyarskogo kraia* [Electronic catalog of the State Archive of Krasnoyarsk Krai]. [Online] Available from: <https://catalog.krasarh.ru/> (Accessed: 01.05.2023).
39. National Archive of the Republic of Khakassia. Fund I-28. List 1. File 14. *Metricheskaya kniga Nikolaevskoy tserkvi s. Ust'-Fyrkal'skogo dlya zapisi rodivshikh, brakom sochetavshikh i umershikh za 1885 god* [Register of births, marriages and deaths for 1885 of the Nicholas Church of v. Ust-Fyrkalsky].
40. National Archive of the Republic of Khakassia. Fund I-28. List 1. File 51. *Metricheskaya kniga Pokrovskoy tserkvi s. Chebakovskogo dlya zapisi rodivshikh, brakom sochetavshikh i umershikh za 1917 god* [Register of those born, married and deceased in 1917 of the Intercession Church of v. Chebakovsky].
41. Nilogov, A.S. (2023) *Naydena metricheskaya zapis' o rozhdenii/kreshchenii khakasskogo kinorezhissera G.F. Topanova* [A birth/baptism record of the Khakass film director G.F. Topanov has been found]. [Online] Available from: <https://culture19.ru/news/11987-naydena-metricheskaya-zapis-o-rozhdenii-kreshchenii-hakasskogo-kinorezhissera-g-f-topanova.html> (Accessed: 10.05.2023).
42. Nilogov, A.S. (2023) *Izvestno, kogda rodilsya khakasskiy rezhisser Georgiy Topanov* [It is known when the Khakass director Georgiy Topanov was born]. [Online] Available from: <https://19rusinfo.ru/kultura/40916-izvestno-kogda-rodilsya-khakasskiy-rezhisser-georgiy-topanov> (Accessed: 10.05.2023).
43. Literaturnaya karta Khakasii [Literary map of Khakassia]. (2023) *Topanov, Georgiy Fedorovich*. [Online] Available from: <https://nbdrx.ru/chit/lm/vov/vov8.asp> (Accessed: 01.05.2023). (In Russian).
44. GTRK "Khakasiya". (2019) *Pobediteli. Georgiy Topanov, nachal'nik kinogruppy Abakanskogo teletsentra* [Winners. Georgiy Topanov, head of the film group of the Abakan Television Center]. 13 July 2019. [Online] Available from: https://www.youtube.com/watch?v=z_-qAocELJM (Accessed: 01.05.2023).
45. Topanov, G.F. Ulur Toricha (=Bol'shoi Toricha) [Big Toricha]. *Khakas chiri*. 3 September. 2. p. 3.
46. Topanov, G.F. (1993) Brat, nastavnik i drug [Brother, mentor and friend]. *Khakasiya*. 23 December. 205. pp. 4. [Online] Available from: <https://nbdrx.ru/pdf/Hakasia/1993/g011993205.pdf> (Accessed: 01.05.2023).
47. Topanov, G.F. (1995) Ulur Toricha (=Bol'shoi Toricha) [Big Toricha]. *Khan tigr*. 2. pp. 54–59. [Online] Available from: https://nbdrx.ru/pdf/lit_mag/bx00000113.pdf (Accessed: 01.05.2023).
48. Savel'ev, S.V. (2018) *Morfologiya soznaniya* [Morphology of consciousness]. Vol. 1. Moscow.
49. *Istoricheskaya ekspertiza*. (2023) Rost kul'tury pamyati i ee institutov privodit k usileniyu vliyaniya otritsateley Kholokosta. Interv'y u V. Pizanti [The growth of the culture of memory and its institutions leads to an increase in the influence of Holocaust deniers. Interview with V. Pisanti]. 1. pp. 37–50. [Online] Available from: https://www.istorex.org/_files/ugd/ac1e3a_e52090713968455ab3092d96fef4f4dc.pdf (Accessed: 01.05.2023).
50. Nilogov, A.S. (2020) Nauchnaya verifikatsiya khakasskikh rodoslovykh predaniy: ot mifo- i etnogenealogii k DNK-genealogii [Scientific verification of Khakass genealogical legends: from mythology and ethnogenealogy to DNA genealogy]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 1. pp. 57–65. [Online] Available from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29539 (Accessed: 01.05.2023).

Информация об авторе:

Нилогов А.С. – канд. филос. наук, зав. лабораторией генеалогических исследований, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия). E-mail: nilogov1981@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Nilogov, Cand. Sci. (Philosophy), head of the Laboratory of Genealogical Research, senior research fellow, Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russian Federation). E-mail: nilogov1981@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 23.05.2023;
approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

Научная статья
УДК 94(47)+94(474.3)
doi: 10.17223/15617793/499/15

Роль республиканских КГБ в создании народных фронтов и движений Прибалтики (на примере Латвийской ССР) в годы перестройки

Александр Константинович Потапов¹

¹ Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск, Россия,
poalexk2187@yandex.ru

Аннотация. Предпринята попытка показать обсуждение вопросов сотрудничества некоторых сторонников Народного фронта Латвии с республиканским КГБ и их роль в политической дестабилизации в Латвийской ССР и выход республики из состава СССР. Определяется роль участия КГБ Латвийской ССР в формировании и деятельности массовых общественно-политических организаций, к числу которых относился Народный фронт. Автор статьи одним из первых использует личные карточки лиц, сотрудничавших с КГБ Латвийской ССР. Данные карточки были опубликованы на сайте Национального архива Латвии в конце 2018 – начале 2019 г.

Ключевые слова: Латвия, советские спецслужбы, учетные карточки, сотрудничество, Народный фронт

Для цитирования: Потапов А.К. Роль республиканских КГБ в создании народных фронтов и движений Прибалтики (на примере Латвийской ССР) в годы перестройки // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 141–146. doi: 10.17223/15617793/499/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/15

The role of the Republican KGB in the creation of the people's fronts and movements of the Baltic (on the example of the Latvian KGB) during the years of perestroika

Alexander K. Potapov¹

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, poalexk2187@yandex.ru

Abstract. This article examines the problems of the development of socio-political processes in the Latvian SSR and the possible cooperation of political actors with the republican KGB, both before and during perestroika. The author of the article refers to archival materials that have recently begun to be published on the official website of the National Archives of Latvia. The aim of the article is to determine the role of the KGB in the formation of the People's Fronts and movements of the Baltic during the years of perestroika (using the example of the Latvian SSR). The author turns to the analysis of personal registration cards, which were started in the KGB of Latvia for both full-time and freelance employees. These cards were filled in completely in Russian. Among the employees were representatives of social and political organizations and groups (*Latvian People's Front, Latvian National Independence Movement, and others*), which made a significant contribution to the sovietization processes in Latvia. The main sources are the registration cards of the Latvian KGB agents, which began to be published on the website of the National Archives of Latvia in late 2018 – early 2019. Also, for a detailed disclosure of the topic, sources of personal origin are used: the memoirs of A. Klauzen, V. Shved; an interview with J. Trubins, the former Deputy Chairman of the KGB of the Latvian SSR; B. Petersone's testimonies in the collection *The Baltic Way to Freedom*. The study of the sources made it possible to identify the main participants in the political development of Latvia, who provided certain services to the republican KGB during the years of perestroika. Representatives of the intellectuals took an active part in the formation of new social and political forces in the Baltic republics, including Latvia. Some of them, as it turns out now, went to cooperate with the Latvian KGB. However, in their speeches at the turn of the 1990s, they criticized the activities of the CPSU and the KGB. In his research, the author came to the following conclusions: many representatives of the *Latvian People's Front*, despite their anti-Soviet activities at the late stage of perestroika, agreed to cooperate with the Soviet special services and were agents of the republican KGB. In this regard, the political situation in the Baltic republics from the very beginning of perestroika was under the full control of the republican KGB, which through its agents influenced the formation and further activities of mass social and political organizations in the region. The activities of such agents were strictly regulated by the instructions and orders of the relevant department, which received direct instructions from the structures of the Union Center.

Keywords: Latvia, Soviet special services, registration cards, cooperation, People's Front

For citation: Potapov, A.K. (2024) The role of the Republican KGB in the creation of the people's fronts and movements of the Baltic (on the example of the Latvian KGB) during the years of perestroika. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 141–146. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/15

Проблема влияния спецслужб на общественно-политические процессы в республиках Прибалтики в годы перестройки приобретает на сегодняшний день актуальность. Связано это с началом публикации некоторых документов бывшего Латвийского КГБ в интернете. Так, в октябре 2018 г. сейм Латвийской Республики утвердил закон об обнародовании части документов структурного подразделения КГБ в Латвии [1, 2]. В соответствии с данным нормативно-правовым актом в декабре 2018 г. Национальный архив Латвии на своем сайте стал публиковать учетные карточки граждан Латвийской ССР, сотрудничавших с КГБ республики [3]. С этой целью был создан отдельный электронный ресурс [4], на котором и размещены документы и материалы КГБ Латвийской ССР. Для того чтобы ознакомиться с данными документами, необходимо пройти процедуру регистрации и авторизации.

В связи с публикацией указанных документов в Латвии разразился скандал, так как некоторые представители современной политической элиты страны работали на спецслужбы советской Латвии. Свою политическую карьеру многие представители латышского истеблишмента начинали именно в Народном фронте Латвии. За короткий промежуток времени Народный фронт и многие его сторонники перешли на антисоветские позиции с требованиями независимости республики. Многие представители Народного фронта Латвии в тот период символизировали «борцов за свободу и независимость» республики с высокими моральными устоями. Однако, как выясняется, некоторые из них, выступая с антисоветских и иногда националистических позиций, имели прямые контакты с республиканским КГБ.

В исследовательской литературе проблеме взаимодействия некоторых сторонников Народного фронта Латвии и спецслужб республики в годы перестройки практически не уделяется внимание. Работы современных исследователей в основном направлены на изучение следующих проблем и вопросов: роль КГБ в афганской войне [5–7], обеспечение экономической [8] и идеологической безопасности страны [9]. Однако работ, посвященных сотрудничеству некоторых представителей современной политической элиты Латвии с КГБ Латвийской ССР, на сегодняшний день практически нет. Конечно, к отдельным аспектам данного вопроса обращались современные исследователи. Так, А.А. Кунгуров в своей работе, исследуя проблемы обнародования секретных протоколов к Пакту о ненападении, изучает роль политических деятелей постсоветской Латвии. При этом он лишь намекает на возможное их сотрудничество с КГБ Латвийской ССР [10. С. 416]. А.В. Островский, ссылаясь на источники личного происхождения, говорит о существенной роли КГБ в создании «Саюдиса» и Народных фронтов Латвии и Эстонии [11. С. 264–265].

Формирование и общественно-политическая деятельность новых движений в Латвии получили импульс к развитию значительно позже по сравнению с

соседними республиками советской Прибалтики – Эстонией и Литвой.

Одним из таких этапов общественно-политической жизни республики, который предшествовал образованию Народного фронта Латвии и других движений, стало проведение 1–2 июня 1988 г. расширенного пленума правления Союза писателей Латвии. В нем приняли участие также и представители других творческих союзов республики. Проводилось мероприятие в Доме политического просвещения ЦК компартии Латвии. В ходе работы пленума планировалось обсуждение проблем литературы и искусства, возросшей роли и ответственности интеллигенции в условиях перестройки, а также выступление с докладами экспертов [12].

Однако на пленуме обсуждались иные проблемы, не входившие в план мероприятия: демографическая ситуация в республике, межреспубликанская миграция, положение латышского языка, последствия заключения договора о ненападении между СССР и Германией в 1939 г. для Латвии. В работе этого представительного собрания латвийской интеллигенции приняло участие практически все партийное руководство республики, в том числе и первый секретарь ЦК компартии Латвии Б.К. Пуго.

На второй день пленума известный в Латвии профессор Академии художеств Латвийской ССР М.Г. Вульфсон вышел на трибуну и произнес по-настоящему судьбоносную речь, в которой не только выразил сомнения по поводу социалистической революции в Латвии в 1940 г., но и заявил об оккупации Советским Союзом республики на основании секретных протоколов к договору о ненападении между СССР и Германией (от 23 августа 1939 г.) [13. С. 168]. Анализ выступления М. Вульфсона на пленуме был дан в работе А.А. Кунгурова, который подробно рассматривал роль отдельных представителей общественно-политической элиты Советского Союза и других стран в обнародовании информации о секретных протоколах к договору о ненападении от 23 августа 1939 г. А.А. Кунгуровым на уровне предположений были рассмотрены источники появления у М.Г. Вульфсона копий секретных протоколов и вопросы о поддержке со стороны неизвестных высокопоставленных лиц [10. С. 410–428]. Судя по опубликованным Национальным архивом учетным карточкам КГБ Латвии, М.Г. Вульфсон был завербован советскими спецслужбами еще в октябре 1983 г., и до августа 1988 г. являлся агентом под псевдонимом «Грант» [14]. С 1983 г. М.Г. Вульфсон был приписан к 1-му отделу республиканского КГБ, в задачи которого входили разведка, внешняя контрразведка, научно-техническая и внешнеполитическая разведка, а также контакты с центрами латышской эмиграции и с выезжающими на постоянное место жительства в Израиль [15]. Скорее всего, М.Г. Вульфсон привлекался к работе по линии взаимодействия с центрами латышской эмиграции и лицами, выезжающими в Израиль. Возможность выезжать за границу и контактировать с представителями латышской эмиграции у него была. Однако, как предполагает А.А. Кунгуров, М.Г. Вульфсон мог выступить и связу-

ющим звеном в обнарождении информации о секретных протоколах. Также следует отметить, что в период непосредственного формирования Народного фронта Латвии М.Г. Вульфсон был действующим агентом КГБ Латвийской ССР и именно ему были переданы копии секретных протоколов, которые он и озвучил на пленуме творческих союзов.

Помимо М.Г. Вульфсона с критикой советской власти также выступил представитель интеллигенции академик А.А. Дризул, который посвятил свою речь разоблачению сталинских репрессий, ошибкам в период коллективизации [16]. В свою очередь, А.А. Дризул сотрудничал в качестве агента с республиканским КГБ с сентября 1980 г., имел псевдоним «Двинский». При этом никаких записей по поводу исключения (как у М.Г. Вульфсона) А.А. Дризула из числа агентов в учетной карточке нет [17]. Получается, что А.А. Дризул являлся агентом органов государственной безопасности советской Латвии вплоть до их окончательного разгрома. В результате агенты КГБ Латвийской ССР имели своих агентов на многих представительных собраниях в тот период и могли в полной мере контролировать весь процесс. Важным моментом становится вопрос мотивации указанных деятелей по сотрудничеству с советскими спецслужбами: либо это был их личный осознанный выбор в соответствии с идеологическими установками, либо имелись какие-то карьерные соображения, либо страх перед возможными репрессиями по отношению к себе или родственникам.

Следует также отметить, что на Пленуме творческих союзов поступило предложение о создании Народного фронта Латвии (НФЛ).

Г. Афанасьев в статье об основных этапах становления Народного фронта Латвии отмечал складывание к лету 1988 г. двух групп [18]. В июне-июле 1988 г. появилась инициативная группа, взявшая на себя организацию НФЛ (журналист В. Авонтиньш, рабочий В. Богданов, писательница М. Костенецкая). Основную поддержку эта группа имела в среде неформалов. Во главе второй группы стояли весьма известные в Латвии деятели культуры: поэт Я. Петерс и художница Д. Скульме. К осени 1988 г. произошло слияние двух групп и началась подготовка к учредительному съезду Народного фронта. Учредительный съезд Народного фронта Латвии состоялся 8–9 октября 1988 г. в Доме политического просвещения ЦК компартии Латвии.

Во второй день работы съезд принял Устав [19] и Программу [20], охватившие широкий круг экономических, социальных, экологических, правовых, международных, демографических и других проблем.

Затем на съезде состоялось избрание руководящего органа между съездами – Думы Народного фронта Латвии в составе 100 человек. Для продвижения своих идей в массы был организован печатный орган Народного фронта под названием «Атмода», причем данная газета выходила на двух языках: латышском и русском. Это было сделано, чтобы привлечь большинство населения республики, которое на тот момент не отличалось однородностью, так как значительная его часть

была русскоязычной. Редакцией русского издания газет «Атмода», «Балтийское время» занимался А.В. Григорьев, который был завербован КГБ Латвии с 1977 г. под псевдонимом «Евгений» [21]. С 1977 по 1978 г. он был приписан сначала к Вентспилскому отделу КГБ республики, затем ко 2-му отделу (внутренняя контрразведка и безопасность), далее к 6-му (экономическая контрразведка и промышленная безопасность) и снова ко 2-му отделу. Следует отметить, что 2-й отдел в структуре КГБ Латвии занимался вопросами охраны секретов на всех видах транспорта и режимных объектах, а также работал с иностранными гражданами; функционал 6-го отдела включал охрану научной документации и экономической информации [15]. Возможно, работа А.В. Григорьева в 6-м отделе была по другому профилю и его снова переместили во 2-й отдел, так как проработал он всего два года – с 1988 по 1990 г. В своем интервью А.В. Григорьев, комментируя ситуацию с учетной карточкой, давал четко понять, что сотрудничать с КГБ он стал с 1976 г. из карьерных соображений: «Мне только что исполнилось 22 года, я окончил Латвийский государственный университет по специальности “английский язык и литература” и пытался устроиться на работу переводчиком в Припортовый завод в Вентспилсе. Ко мне домой пришел товарищ Копышко, его узнала мама. Это был сотрудник КГБ, но его в Вентспилсе хорошо знали. Он объяснил, что я буду работать с иностранцами, тем более с американцами – основным врагом СССР. Весь переводческий отдел сотрудничает с органами и проявляет бдительность, и я должен делать то же самое. Создавалось ощущение, что кроме того, что я вступил в комсомол и профсоюз, теперь я должен еще вступить сюда, и что это, с одной стороны – чистая формальность, как заполнить «бегунок», а с другой – я же советский человек и должен все понимать правильно: хочешь тут работать, значит должен работать с нами. Возражать было бессмысленно» [22]. Далее он настаивал, что с мая 1978 г. его не привлекали к сотрудничеству с КГБ. Однако в учетной карточке А.В. Григорьева как агента отчетливо прослеживается его движение в структуре республиканского КГБ [21] вплоть до декабря 1990 г.

Следует подчеркнуть, что в формировании Народного фронта Латвии главную роль сыграли партийное руководство страны и органы государственной безопасности. Это в ходе своего выступления в Государственной Думе от 22 октября 2004 г. утверждал В.И. Алкснис [23]. Б. Петерсоне свидетельствовала также, что участие в работе съезда Народного фронта Латвии принимали многие агенты КГБ [24. С. 128].

В связи с этим необходимо отметить, что без вмешательства представителей власти и силовых структур не только на республиканском, но и на общесоюзном уровнях за короткий промежуток времени Народный фронт Латвии не смог бы заручиться поддержкой большей части населения Латвии. Поэтому серьезной предпосылкой к возникновению Народного фронта в Латвии была серьезная роль руководства в создании для этого всех необходимых условий. По нашему мнению, важным фактором в

этом сотрудничестве были указания вышестоящих органов из союзного Центра, так как сама система функционирования советских спецслужб и в Москве, и на местах была централизованной. В соответствии со статьей 3 «Положения о Комитете государственной безопасности при Совете министров СССР и его органах на местах» подчеркивается, что республиканские органы КГБ подотчетны ЦК компартий союзных республик и Комитету государственной безопасности при Совете министров СССР [25]. Возможно, что центральное руководство КГБ в Москве не только знало о формировании массовых общественно-политических организаций, но и направляло их деятельность через своих агентов.

Поэтому возникает вполне резонный вопрос: какова была цель поддержки новых общественно-политических движений в Латвии, которые в скором времени начали активно реализовывать идеи о независимости республики? Отвечая на этот вопрос, следует обратиться к мнению одного из руководителей КГБ Латвийской ССР Я. Трубиньша, который в беседе с А. Родинсом и Я. Шкапарсом заявил о создании подконтрольных организаций, объясняя это следующими обстоятельствами: «В любом обществе происходит эволюционный процесс, и независимо от нашего желания мы подчинены какой-либо общей системе. В начале 80-х гг. мы собрали группу людей, считавших, что нужно изучать развитие общества, и мы проводили социологические исследования. Мы хотели знать, как Латвия и латвийское общество будут развиваться в ближайшее десятилетие. Опросили примерно 500 влиятельных агентов. Использовали особые анонимные анкеты, в которых вопросы были замаскированы, так что возможность блефа исключалась. Опрос проводили среди таких людей, которых мы считали способными мыслить, прогнозировать и предвидеть, как общество будет развиваться дальше... и выработали прогнозы, которые во второй половине 80 годов почти целиком сбылись...» [26. С. 307–308.]. На основании таких прогнозов, составленных в начале 1980-х гг., Я. Трубиньш отмечал, что углубление кризиса во всех сферах могло привести к неконтролируемой ситуации в республике и появлению новых политических движений, создающих условия для хаоса и насилия. В связи с этим во второй половине 1980-х гг. появилась необходимость в создании «сверхорганизаций».

Как известно, в конце 1980-х гг. в Латвии оформились такие «сверхорганизации», которые, по свидетельству Я. Трубиньша, изначально создавались как противовесы друг другу, прежде всего это Народный фронт и Интерфронт Латвии. По его словам, костяком таких организаций были агенты КГБ, для которых придумывалась определенная легенда. Главной целью

было проникнуть в ряды разных движений и добиться влияния в них, чтобы контролировать ситуацию, например, в среде националистов и экстремистов. Но вскоре они начали выходить из-под контроля КГБ и постепенно срастались с легендой, включаясь в борьбу за восстановление независимости и занимая должности в высшем руководстве новой Латвии [26. С. 309]. В связи с этим следует отметить, что могла быть и совершенно другая ситуация, когда агенты получили указания от республиканского КГБ напрямую участвовать в процессах отделения республики от СССР. Так, например, агентом КГБ оказался председатель Совета министров Латвийской ССР / Латвийской республики с 1990 по 1993 г. И. Годманис, сделавший свою политическую карьеру в качестве заместителя председателя Народного фронта Латвии. Завербован он был в марте 1988 г., прошел процедуру оформления в 1-м отделе (разведка) в апреле 1988 г. и получил агентурную кличку «Пугулис». Следует отметить, что вербовка И. Годманиса произошла незадолго до начала формирования и деятельности Народного фронта Латвии, в котором он занял одну из ведущих позиций. На него в архиве заведены две учетные карточки, в одной из которых зафиксировано 24 января 1990 г. исключение из рядов агентов по причине невозможности дальнейшего использования, однако эта запись перечеркнута и сделана запись «отказ». Возможно, что агент решил продолжать сотрудничество с КГБ республики [27, 28] и после января 1990 г., пытаясь работать на несколько фронтов. По поводу своего сотрудничества с республиканским КГБ И. Годманис никаких комментариев после публикации Национальным архивом Латвии указанных документов не давал. К сожалению, учетные карточки дают лишь общие представления о той работе, которую выполняли агенты. Информация об их конкретной работе на советские спецслужбы пока еще не выложено в общий доступ.

Таким образом, формирование и деятельность массовых общественно-политических организаций в республиках Прибалтики, представители которых, как сейчас выясняется, на примере развития политических процессов в Латвийской ССР имели связи с КГБ республики, проходили под контролем соответствующих органов. Некоторые представители современной латвийской элиты пошли на сотрудничество с КГБ Латвии и, судя по всему, не только передавали информацию о положении дел в Народном фронте, но выступали проводниками политики КГБ. Однако, как выразился Я. Трубиньш, они в скором времени вышли из-под контроля КГБ и сыграли заметную роль в суверенизации республики.

Список источников

1. Президент Латвии утвердил закон о публикации в интернете части архивов КГБ Латвийской ССР // Сайт RuBaltic.ru. 2018. 14 октября. URL: <https://www.rubaltic.ru/news/14102018-prezident-latvii-utverdil-zakon-o-publikatsii-v-internete-chasti-arkhivov-kgb-latviyskoy-ssr/> (дата обращения: 25.05.2020).
2. Латвия открыла архивы КГБ. Там оказались глава церкви, бывший премьер и крупный бизнесмен // ВВ News – Русская служба. 2018. 21 декабря. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-46653022> (дата обращения: 25.05.2020).
3. Национальный архив Латвии начал публикацию документов из архивов КГБ // Сайт Радио Свобода*. 2018. 20 декабря. URL: <https://www.svoboda.org/a/29667004.html> (дата обращения: 28.05.2020).

* Организация включена Министерством юстиции России в реестр иностранных агентов.

4. LPSR VDK dokumentu arhīvs (Архив документов КГБ Латвийской ССР). URL: <https://kgb.arhivi.lv/> (дата обращения: 15.06.2020), для доступа к информ. ресурсам требуется авторизация.
5. Гусельников Д.Ю. Оперативно-боевые действия пограничных войск КГБ СССР в Афганистане (1980–1989 гг.) // Гуманитарный вестник. 2014. № 2 (29). С. 280–283.
6. Сушкова О.А. Боевые операции ПВ КГБ СССР в основной (активный) период советско-афганской войны // Глобальный научный потенциал. 2013. № 10 (31). С. 69–70.
7. Христофоров В.С. КГБ СССР в Афганистане 1978–1989 гг. (к 20-летию вывода советских войск из Афганистана). М. : Московские учебники и картолитогрфия, 2009. 64 с.
8. Трофимов А.В. Роль КГБ СССР в обеспечении экономической безопасности страны // Органы государственной безопасности на защите Отечества: материалы 11 уральских военно-исторических чтений, посвященных 100-летию Управления ФСБ России по Свердловской области. Екатеринбург : Издательский дом «СОКРАТ», 2018. С. 71–76.
9. Смыкалин А.С. Идеологический контроль и Пятое управление КГБ СССР в 1967–1989 гг. // Вопросы истории. 2011. № 8. С. 30–40.
10. Кунгуров А.А. Секретные протоколы, или Кто подделал пакт Молотова-Риббентропа. М. : Эксмо, 2009. 624 с.
11. Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М. : Крымский мост-9Д, 2011. 863 с.
12. Пленум Союза писателей Латвийской ССР // Ригас Балс. 1988. 1 июня. № 126. С. 1.
13. Вульфсон М.Г. Карты на стол. Рига : Jumava, □ор., 1999. 194 с.
14. Учетная карточка М.Г. Вульфсона // Национальный архив Латвии. URL: https://s.kgb.arhivi.lv/restricted/LV_LVA_F1_US30_GV1-2/p/LV_LVA_F1_US30_GV1-2_0483.pdf (дата обращения: 15.06.2020).
15. Завещание Штирлица // Сайт DELFI – ведущий новостной портал в Латвии. 2004. 30 ноября. URL: <https://rus.delfi.lv/archive/zaveschanie-shtirlica.d?id=9686616> (дата обращения: 15.06.2020).
16. Клауцен А.П. Песенная революция. Как латышские националисты победили красных латышских стрелков: воспоминания, свидетельства, размышления. М. : СПб., 2018. URL: http://klaucen.ru/upload/klaucen_book.pdf (дата обращения: 07.06.2020).
17. Учетная карточка А.А. Дризула // Национальный архив Латвии. URL: https://s.kgb.arhivi.lv/restricted/LV_LVA_F1_US30_GV1-3/p/LV_LVA_F1_US30_GV1-3_0132.pdf (дата обращения: 15.06.2020).
18. Афанасьев Г. Народный фронт Латвии начинает не только под аплодисменты // Советская Латвия. 1988. 1 ноября. № 251. С. 3.
19. Устав Народного фронта Латвии (ноябрь 1988 г.) // Гражданские движения Латвии. 1989. М. : ЦИМО, 1990. С. 112–121.
20. Программа Народного фронта Латвии (ноябрь 1988 г.) // Гражданские движения Латвии. 1989. М. : ЦИМО, 1990. С. 59–82.
21. Учетная карточка А.В. Григорьева // Национальный архив Латвии. URL: https://s.kgb.arhivi.lv/restricted/LV_LVA_F1_US30_GV1-2/p/LV_LVA_F1_US30_GV1-2_0974.pdf (дата обращения: 15.06.2020).
22. Мария Кугель. «Это было унижительно...», «я был дураком...», «нельзя играть с дьяволом». Кто нашелся в архивах латвийского КГБ, и как они это объяснили // Интернет-журнал «Спектр. Пресс». 2018. 25 декабря. URL: <https://spektr.press/eto-bylo-unizitelno-ya-byil-durakom-nelzya-igrat-s-dyavolom-kto-nashelsya-v-arhivah-kgb-i-kak-oni-eto-obyasnili/> (дата обращения: 15.06.2020).
23. Хроника заседания Государственной Думы 22 октября 2004 г. Выступление Алксниса В.И. в Государственной Думе РФ // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/2004-10-22> (дата обращения: 05.06.2020).
24. Петерсоне Б. Генезис недоверия. Движения за независимость Латвии, их сотрудничество и расхождение // Балтийский путь к свободе: опыт ненасильственной борьбы стран Балтии в мировом контексте. Рига : Zelta grauds, 2006. С. 125–135.
25. Положения о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах // История отечественных спецслужб и правоохранительных органов : сайт. URL: <http://shieldandsword.mozohin.ru/documents/statement9159.htm> (дата обращения: 05.06.2020).
26. Об НФЛ и независимости в видении бывшего лидера КГБ. Беседа А. Родинса и Я. Шкпарса с бывшим заместителем председателя КГБ Латвийской ССР Я. Трубиньшем // Балтийский путь к свободе: опыт ненасильственной борьбы стран Балтии в мировом контексте. Рига : Zelta grauds, 2006. С. 307–312.
27. Учетная карточка И. Годманиса // Национальный архив Латвии. URL: https://s.kgb.arhivi.lv/restricted/LV_LVA_F1_US30_GV1-2/p/LV_LVA_F1_US30_GV1-2_0678.pdf (дата обращения: 15.06.2020).
28. Учетная карточка И. Годманиса // Национальный архив Латвии. URL: https://s.kgb.arhivi.lv/restricted/LV_LVA_F1_US30_GV1-2/p/LV_LVA_F1_US30_GV1-2_0679.pdf (дата обращения: 15.06.2020).

References

1. RuBaltic.ru. (2018) *Prezident Latvii utverdil zakon o publikatsii v internete chasti arkhivov KGB Latviskoj SSR* [The President of Latvia approves the law on the publication on the Internet of part of the archives of the KGB of the Latvian SSR]. [Online] Available from: <https://www.rubaltic.ru/news/14102018-prezident-latvii-utverdil-zakon-o-publikatsii-v-internete-chasti-arkhivov-kgb-latviyskoy-ssr/> (Accessed: 25th May 2020).
2. BBC News. (2020) *Latviya otkryla arkhivy KGB. Tam okazilis' glava tserkvi, byvshij prem'er i krupnyj biznesmen* [Latvia opened the KGB archives. There were the head of the church, a former prime minister and a prominent businessman]. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/russian/features-46653022>. (Accessed: 25th May 2020).
3. Svoboda. (2020) *Natsional'nyy arkhiv Latvii nachal publikatsiyu dokumentov iz arkhivov KGB* [National Archives of Latvia began publishing documents from the KGB archives]. [Online] Available from: <https://www.svoboda.org/a/29667004.html>. (Accessed: 28th May 2020).
4. LPSR VDK dokumentu arhīvs. *Arhiv dokumentov KGB Latviskoj SSR* [Archive of documents of the KGB of the Latvian SSR]. [Online] Available from: <https://kgb.arhivi.lv/> (Accessed: 15.06.2020).
5. Gusel'nikov, D.Yu. (2014) *Operativno-boevye deystviya pograniichnykh voysk KGB SSSR v Afganistane (1980–1989 gg.)* [Operational combat operations of the border troops of the KGB of the USSR in Afghanistan (1980–1989)]. *Gumanitarnyj vestnik – Humanitarian Bulletin*. 2. pp. 280–283.
6. Sushkova, O.A. (2013) *Boevye operatsii PV KGB SSSR v osnovnoy (aktivnyy) period sovetsko-afganskoy vojny* [Combat operations of the PV of the KGB of the USSR in the main (active) period of the Soviet-Afghan war]. *Global'nyy nauchnyy potentsial*. 10. pp. 69–70.
7. Hristoforov, V.S. (2009) *KGB SSSR v Afganistane 1978–1989 gg. (k 20-letiyu vyvoda sovetskikh voysk iz Afganistana)* [KGB of the USSR in Afghanistan 1978–1989 (to the 20th anniversary of the withdrawal of Soviet troops from Afghanistan)]. Moscow: Moscow textbooks and cartoolithography.
8. Trofimov, A.V. (2018) *Rol' KGB SSSR v obespechenii ekonomicheskoy bezopasnosti strany* [The role of the KGB of the USSR in ensuring the country's economic security]. In: Trofimov, A.V. (ed.) *Organy gosudarstvennoy bezopasnosti na zashchite Otechestva* [State security agencies defending the Fatherland]. Yekaterinburg: SO□RAT. pp. 71–76.
9. Smykalin, A.S. (2011) *Ideologicheskiy kontrol' i Pyatoye upravlenie KGB SSSR v 1967–1989 gg.* [Ideological control and the Fifth Directorate of the KGB of the USSR in 1967–1989]. *Voprosy istorii*. 8. pp.30–40.
10. Kungurov, A.A. (2009) *Sekretnye protokoly, ili Kto poddelal pakt Molotova-Ribbentropa* [Secret Protocols, or Who Forged the Molotov-Ribbentrop Pact]. Moscow: Eksmo.

11. Ostrovskiy, A.V. (2011) *Glupost' ili izmena? Rassledovanie gibeli SSSR* [Stupidity or treason? Investigation of the death of the USSR]. Moscow: Krymskiy most-9D.
12. Rigas Balss. (1988) Plenum Soyuza Pisateley Latvyskoy SSR [Plenum of the Writers' Union of the Latvian SSR]. 126. p. 1.
13. Vul'fson, M.G. (1999) *Karty na stol* [Cards on the table]. Riga: Jumava, □op.
14. National Archives of Latvia. *Uchetnaya kartochka M.G. Vul'fsona* [Registration card of M.G. Wolfson]. [Online] Available from: https://s.kgb.arhivi.lv/restricted/LV_LVA_F1_US30_GV1-2/p/LV_LVA_F1_US30_GV1-2_0483.pdf (Accessed: 15.06.2020).
15. DELFI. (2020) *Zaveschchanie Shtirlitsa* [Stirlitz's testament] [Online] Available from: <https://rus.delfi.lv/archive/zaveschchanie-shtirlitsa.d?id=9686616> (Accessed: 15.06.2020).
16. Klaucen, A.P. (2018) *Pesennaya revolyutsiya. Kak latyshskie natsionalisty pobedili krasnykh latyshskikh strelkov: vospominaniya, svidetel'stva, razmyshleniya* [Song revolution. How Latvian Nationalists Defeated Red Latvian Riflemen: Memories, Testimonies, Reflections]. [Online] Available from: http://klaucen.ru/upload/klaucen_book.pdf (Accessed: 7th June 2020).
17. National Archives of Latvia. *Uchetnaya kartochka A.A. Drizula* [Registration card of A.A. Drizul]. [Online] Available from: https://s.kgb.arhivi.lv/restricted/LV_LVA_F1_US30_GV1-3/p/LV_LVA_F1_US30_GV1-3_0132.pdf (Accessed: 15.06.2020).
18. Afanas'ev, G. (1988) Narodnyy front Latvii nachinaet ne tol'ko pod aplodismenty [The Popular Front of Latvia begins not only with applause]. *Sovetskaya Latvija*. 1st November.
19. TsIMO. (1989) Ustav Narodnogo fronta Latvii (noyabr' 1988 g.) [□harter of the Popular Front of Latvia (November 1988)]. In: *Grazhdanskie dvizheniya Latvii* [□ivic movements in Latvia]. Moscow: TsIMO. pp. 112–121.
20. TsIMO. (1989) Programma Narodnogo fronta Latvii (noyabr' 1988 g.) [Latvian Popular Front Program (November 1988)]. In: *Grazhdanskie dvizheniya Latvii* [□ivic movements in Latvia]. Moscow: TsIMO. pp. 59–82.
21. National Archives of Latvia. *Uchetnaya kartochka A.V. Grigor'eva* [Registration card of A.V. Grigoriev]. [Online] Available from: https://s.kgb.arhivi.lv/restricted/LV_LVA_F1_US30_GV1-2/p/LV_LVA_F1_US30_GV1-2_0974.pdf (Accessed: 15.06.2020).
22. Mariya Kugel'. (2018) "Eto bylo unizitel'no...", "ya byl durakom...", "nel'zya igrat' s d'yavolom". Kto nashelsya v arkhivakh latviyskogo KGB, i kak oni eto ob'yasnili ["It was humiliating...", "I was a fool...", "You can't play with the devil". Who was found in the archives of the Latvian KGB, and how they explained it]. *Internet-zhurnal "Spektr. Press"*. 25th December.
23. State Duma of the Russian Federation. (2004) *Speech by V.I. Alksnis in the State Duma of the Russian Federation*. [Online] Available from: <http://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/2004-10-22>. (Accessed: 5.06.2020). (In Russian).
24. Petersone, B. (2006) Genealogiya nedoveriya. Dvizheniya za nezavisimost' Latvii, ikh sotrudnichestvo i raskhozhdeniya [Genealogy of Mistrust. Latvian independence movements, their co-operation and divergences]. In: Petersone, B. (ed.) *Baltiyskiy put' k svobode: opyt nenasil'stvennoy bor'by stran Baltii v mirovom kontekste* [The Baltic Way to Freedom: The Experience of Nonviolent Struggle of the Baltic States in a Global □ontext]. Riga: Zelta grauds. pp. 125–135.
25. Shieldandword.mozohin.ru. (2020) *Regulations on the State Security Committee under the USSR Council of Ministers and its local bodies*. [Online] Available from: <http://shieldandword.mozohin.ru/documents/statement9159.htm> (Accessed: 5.06.2020). (In Russian).
26. Zelta grauds. (2006) Ob NFL i nezavisimosti v videnii byvshego lidera KGB. Beseda A. Rodinsa i Ya. Shkparisa s byvshim zamestitelem predsedatelya KGB Latvyskoy SSR Ya. Trubin'shem [On the NFL and independence as seen by the former KGB leader. □onversation between A. Rodins and J. Shkparis with the former Deputy □hairman of the KGB of the Latvian SSR J. Trubins]. In: *Baltiyskiy put' k svobode: opyt nenasil'stvennoy bor'by stran Baltii v mirovom kontekste* [The Baltic Way to Freedom: The Experience of Nonviolent Struggle of the Baltic States in a Global □ontext]. Riga: Zelta grauds. pp. 307–312.
27. National Archives of Latvia. (2020) *Uchetnaya kartochka I. Godmanisa* [Registration card of I. Godmanis]. [Online] Available from: https://s.kgb.arhivi.lv/restricted/LV_LVA_F1_US30_GV1-2/p/LV_LVA_F1_US30_GV1-2_0678.pdf (Accessed: 15.06.2020).
28. National Archives of Latvia. (2020) *Uchetnaya kartochka I. Godmanisa* [Registration card of I. Godmanis]. [Online] Available from: https://s.kgb.arhivi.lv/restricted/LV_LVA_F1_US30_GV1-2/p/LV_LVA_F1_US30_GV1-2_0679.pdf (Accessed: 15.06.2020).

Информация об авторе:

Потапов А.К. – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: poalexk2187@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.K. Potapov, □and. Sci. (History), associate professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: poalexk2187@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.09.2020;
одобрена после рецензирования 28.01.2021; принята к публикации 29.02.2024.*

*The article was submitted 23.09.2020;
approved after reviewing 28.01.2021; accepted for publication 29.02.2024.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 372.879.6
doi: 10.17223/15617793/499/16

Разработка персонифицированных программ здоровья студентов на основе биоимпедансного анализа состава тела

Наталья Сергеевна Бутыч¹, Инна Александровна Маюрова²

^{1,2} Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

¹ nata_butykh@list.ru

² IAMayurova@sevsu.ru

Аннотация. Рассмотрены теоретические предпосылки создания педагогических и методических условий для формирования персонифицированных программ здоровья. Представлены содержание и особенности разработки шаблонов персонифицированных тренировочных программ студентов с использованием современного диагностического инструментария (портативного анализатора состава тела человека InBody 270). Разработанные персонифицированные программы здоровья обеспечили высокий прирост антропометрических показателей организма испытуемых.

Ключевые слова: здоровье, масса скелетной мускулатуры, жировая масса, индивидуализированная программа здоровья

Для цитирования: Бутыч Н.С., Маюрова И.А. Разработка персонифицированных программ здоровья студентов на основе биоимпедансного анализа состава тела // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 147–156. doi: 10.17223/15617793/499/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/16

Development of personalized health programs for students based on bioimpedance analysis of body composition

Natalya S. Butykh¹, Inna A. Mayurova²

^{1,2} Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

¹ nata_butykh@list.ru

² IAMayurova@sevsu.ru

Abstract. The article discusses the problem of implementing one of the priority tasks in the learning process at a higher educational institution – the formation of health-preserving competence in students using individualized methods for assessing health status. Particular attention is paid to one of the advanced methods for diagnosing the health status of the subjects – bioimpedance analysis of body composition. The aim of this study is to develop personalized health programs for students, based on the results of bioimpedance analysis of body composition, and experimental substantiation of the effectiveness of the health program. In order to test the effectiveness of a personalized health program, we conducted a bioimpedance analysis of the body composition of 40 first-year physical education students using the InBody 270 hardware complex. The study was conducted at Sevastopol State University in the 2022–2023 academic year. As a result of performing the analysis at the beginning of the experiment, results were obtained that required adjustment of the students' anthropometric indicators through the development of personalized health programs. A personalized health program, which lasts one month, includes aerobic, strength and wellness blocks, and consists of the following structural elements: (1) setting the main training goal in accordance with the indicators of bioimpedance analysis of the body; (2) determination of an additional individual request to eliminate deformations of the musculo-skeletal system and inclusion in the program of additional sets of exercises that affect the health of students; (3) calculation of daily calorie intake, as well as proteins, fats and carbohydrates in accordance with bioimpedance analysis indicators, training goals and individual additional request; (4) variable blocks of focus of training sessions – aerobic block (aerobics and step aerobics, cardio training, interval training and high-intensity training complexes using the Tabata method), strength block (sets of exercises aimed at strengthening the muscles of the trunk using additional weights or with one's own weight), and a wellness block aimed at increasing the elasticity of muscles and fascia, joint mobility, as well as relieving psycho-emotional stress. The content of training programs is based on the priority goal and additional individual request. In the study, the authors conclude that personalized health programs have a positive

effect on increasing the skeletal muscle mass, reducing and maintaining fat mass, and also effectively influence the proportional development of the body through individual training sessions.

Keywords: health, personalized health programs, bioimpedance analysis of body composition, students

For citation: Butych, N.S. & Mayurova, I.A. (2024) Development of personalized health programs for students based on bioimpedance analysis of body composition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 147–156. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/16

Введение

Актуальность исследования. На сегодняшний день модернизация профессионального образования, в том числе посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ, является одной из задач национального проекта «Образование» [1]. Изменившиеся социально-экономические условия развития общества предъявляют новые требования к системе образования, к целям и направлениям её реформирования: повышение гибкости и мобильности образования, создание реальной вариативности образовательных систем, наиболее полный учет индивидуальных запросов и личных возможностей обучаемых. Перспективы развития современной системы образования все чаще усматриваются в большей альтернативности и индивидуализации обучения, в расширении форм образовательной деятельности. Все больше подчеркивается необходимость выбора обучающимися содержательных процессуальных аспектов образования и максимальное приближение этого выбора к реальным интересам и возможностям студента [2]. И.В. Пестова, М.С. Сергеева в своей работе отражают конструктор индивидуального образовательного маршрута как шаблон документа, являющийся проектом системы комплексного психолого-педагогического сопровождения конкретного обучающегося в образовательной организации, включающий описание цели, задач, регламента, содержания и форм организации обучения, а также мер психолого-педагогической помощи и социальной поддержки [3]. Таким образом, наряду с обеспечением возможности выбора студентами индивидуальных траекторий обучения для успешного освоения образовательных программ в вузе, необходимо учитывать и индивидуальные показатели здоровья обучающихся для составления персонализированных программ здоровья. Тем не менее в вузовской среде все еще активно прослеживается тенденция к снижению уровня здоровья и физических кондиций обучающихся, проявляющаяся в недостаточной двигательной активности и отсутствии современных методов экспресс-оценки состояния здоровья студенческой молодежи [4].

В сегодняшних реалиях состояние психического и физического здоровья молодого населения России вызывает озабоченность и беспокойство со стороны государства. Данные Минздрава РФ свидетельствуют о том, что до 70% обучающихся к моменту окончания школы имеют нарушения органов зрения, хронические заболевания, отклонения в показателях функций нервной системы, органов кровообращения и опорно-двигательного аппарата (ОДА) [5].

Актуальность системы оценки состояния здоровья и уровня физической подготовленности в образователь-

ных учреждениях указана в Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», под которой понимается комплекс мероприятий по наблюдению, сбору информации, оценке и прогнозированию состояния физического здоровья различных возрастных групп населения с целью формирования теоретических и практических лечебно-профилактических мероприятий [6]. В Постановлении Правительства РФ «Об общероссийской системе мониторинга состояния физического здоровья населения, физического развития детей, подростков и молодежи» [7] отмечено, что показатели состояния здоровья молодых людей, обучающихся в средней и высшей школе, снижаются и являются отрицательными. В своих трудах А.Е. Никитина, В.Н. Смирнов пишут, что в настоящее время количество людей, имеющих ответственное отношение к качеству своего здоровья и образу жизни, повышается. Данная тенденция к здоровьесбережению способствует осознанному отношению взрослого населения к увеличению двигательной активности, необходимости регулярной физической нагрузки, регулярной диагностики в области превентивной медицины [8]. Однако они отмечают, что среди молодых людей отношение к здоровому образу жизни находится на недостаточном уровне и может привести к негативным последствиям, которые проявятся в виде снижения двигательной активности и увеличения сопутствующих деформаций ОДА, нарушения режима сна и отдыха, снижения количества мышечной массы и увеличения жировой массы, а также в виде несбалансированного и нерегулярного питания и чрезмерного голодания [8]. В связи с этим одной из приоритетных задач в процессе обучения в высшем учебном заведении является формирование у студентов здоровьесберегающей компетенции с применением индивидуализированных методов оценки состояния здоровья.

На сегодняшний день одним из высокоточных методов диагностики состояния здоровья является биоимпедансный анализ состава тела, так как данный метод диагностики оперативен, безопасен, неинвазивен, высокоинформативен [9]. Вместе с детализированной диагностикой физических кондиций данный анализ позволит получить более точные и информативные показатели состояния здоровья обучающихся и поможет студентам спроектировать индивидуальные траектории здоровья.

Основываясь на результатах биоимпедансного анализа состава тела испытуемых, С.А. Бортникова в своей работе предложила структуризацию физкультурно-оздоровительных программ на принципах персонализированного подхода по следующим основаниям: уровень здоровья, уровень физического развития, уровень физической подготовленности, уровень

функционального состояния, уровень психоэмоционального состояния [10].

В каждой из дифференцированных программ необходима возможность индивидуального выбора занимающихся конкретными физкультурно-оздоровительными средствами из предлагаемого перечня, который включает рекомендуемое содержание двигательной активности, ориентированное на решение конкретных проблем физического или социально-психологического здоровья занимающихся [10].

Цель исследования – разработать и экспериментально обосновать эффективность персонифицированных программ здоровья студентов, опираясь на результаты биоимпедансного анализа состава тела.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось на базе Севастопольского государственного университета в 2022/23 учебном году. В исследовании приняли участие 40 студентов первого курса физкультурных профилей подготовки 17–18 лет. К контрольной группе (КГ) в количестве 20 человек (10 девушек и 10 юношей) были отнесены студенты, посещающие занятия по различным видам спорта. К экспериментальной группе (ЭГ) в количестве 20 человек (10 девушек и 10 юношей) были отнесены студенты, которым предложено принять участие в педагогическом эксперименте и составить с помощью преподавателей персонифицированные программы здоровья физкультурно-оздоровительной направленности, внедрив их в свои тренировочные программы. Для достижения поставленной цели нами были использованы следующие методы: анализ литературных источников, педагогическое тестирование, педагогический эксперимент, методы математической статистики. Анализ научной и методической литературы проводился с целью изучения проблемы индивидуализированного образовательного процесса в рамках обучения в высшей школе. С целью проверки эффективности персонифицированной программы здоровья нами был проведен биоимпедансный анализ состава тела студентов с

использованием аппаратного комплекса InBody 270. Педагогический эксперимент проводился с целью проверки эффективности и дальнейшей апробации разработанных нами вариантов персонифицированных тренировочных программ. Сущность нашего эксперимента заключалась в том, что студентам ЭГ в рамках занятий по элективным курсам по физической культуре и спорту были предложены персонифицированные тренировочные программы, включающие в себя тренировочные занятия различной направленности, рекомендации по составлению рациона питания, видеотренировки с учетом индивидуальных целей обучающихся. На протяжении всего эксперимента студентам ЭГ была оказана консультационная помощь в составлении персонифицированных программ. Студенты КГ посещали занятия по элективным курсам по физической культуре и спорту и выполняли общие требования по рабочей программе дисциплины. В целом все испытуемые имели объем двигательной активности 4–6 часов в неделю. При математико-статистической обработке результатов исследования использовался метод описательной статистики.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате анализа индивидуальных антропометрических показателей студентов-первокурсников физкультурного направления подготовки в начале эксперимента (сентябрь 2022 г.), нами были получены следующие результаты: у большинства испытуемых масса скелетной мускулатуры находилась в пределах нормы: у девушек ЭГ – 50%, КГ – 80% и у юношей ЭГ – 100%, КГ – 80%, что свидетельствует о преобладании скелетных мышц над количеством жировой массы. Однако у половины девушек ЭГ (50%), а также у 20% девушек КГ и юношей КГ наблюдалось недостаточное количество массы скелетной мускулатуры, что может неблагоприятно сказаться на результатах тренировочного процесса (рис. 1).

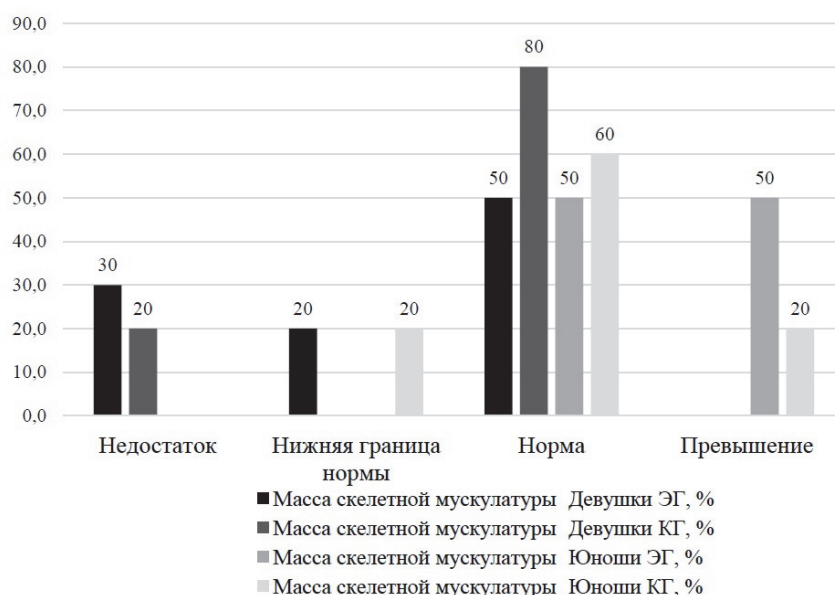

Рис. 1. Показатели массы скелетной мускулатуры у студентов-первокурсников до эксперимента, %

По результатам анализа содержания жировой массы в теле нами было выявлено, что у большей половины девушек ЭГ (50%) и КГ (60%) показатель жирового компонента тела находился в норме, однако у половины юношей ЭГ и КГ (50%) отмечался недостаток данного показателя. Меньшее количество девушек ЭГ (10%) и КГ (20%) также имели недостаточное количество жировой

ткани. В то же время у меньшей части юношей ЭГ (40%) и КГ (20%) содержание жировой массы находилось в границах нормы. Также почти у 40% девушек ЭГ, у 20% девушек КГ и у 10% юношей ЭГ и КГ показатель количества жировой ткани находился в превышении, что свидетельствует об излишней нагрузке на внутренние органы и системы организма испытуемых (рис. 2).

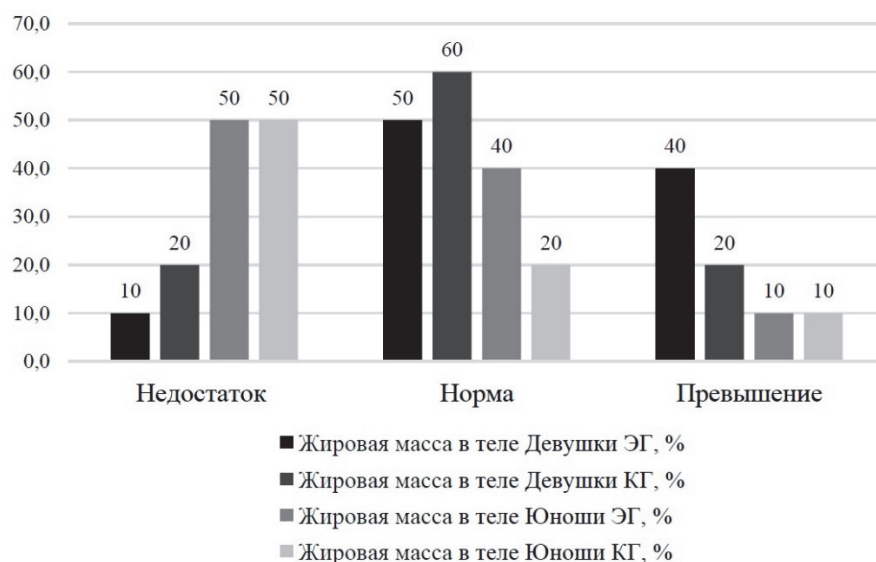

Рис. 2. Показатели жировой массы студентов-первокурсников до эксперимента, %

По результатам анализа сбалансированности верхней и нижней половины тела нами было выявлено, что у всех девушек ЭГ, юношей ЭГ и КГ, а также у 90%

девушек КГ показатели верхней и нижней половины тела сбалансированы. Однако 10% девушек КГ имеют немного несбалансированный показатель (рис. 3 и 4).

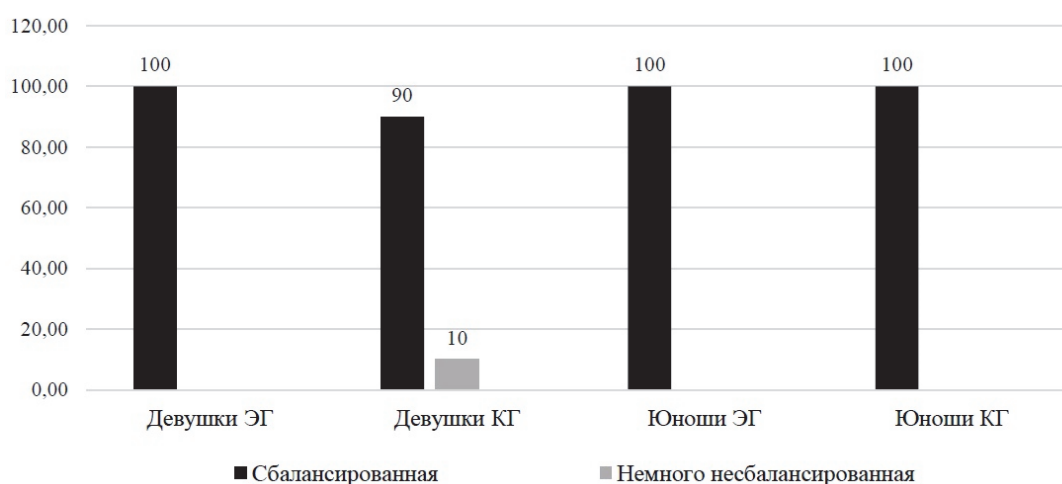

Рис. 3. Показатель верхней половины тела студентов-первокурсников до эксперимента, %

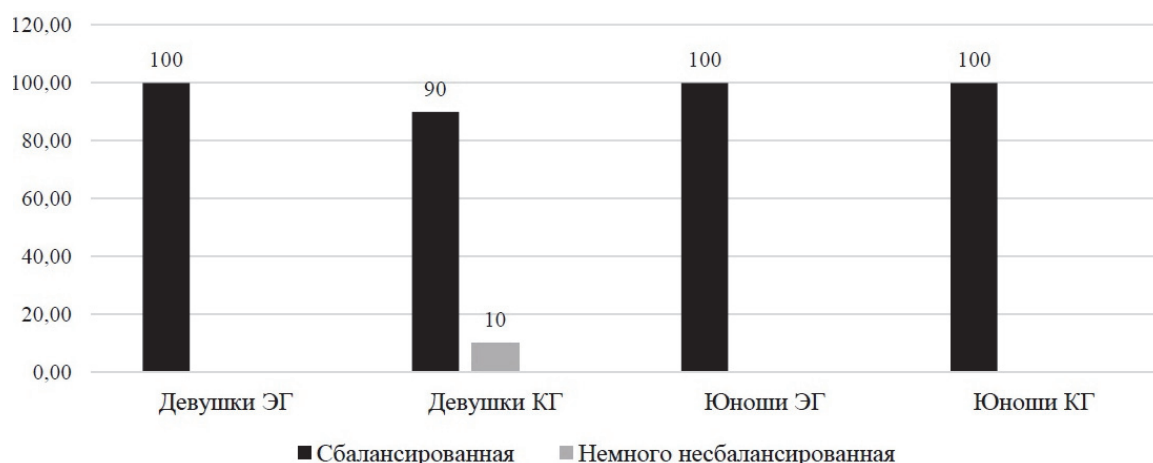

Рис. 4. Показатель нижней половины тела студентов-первокурсников до эксперимента, %

По результатам анализа сбалансированности верхней – нижней половины тела нами было выявлено, что у большей половины девушек КГ (80%) и юношей ЭГ (70%), а также у 50% девушек ЭГ показатели сбалансированы. Однако 50% девушек ЭГ и большая часть юношей КГ (60%) имеют несбалансированные показатели верхней и нижней половины тела. Данные результаты свидетельствуют о том, что тренировочные программы испытуемых не соответствуют пропорциональному и сбалансированному развитию силы мышц (рис. 5).

Далее нами был произведён анализ питания студентов-первокурсников ЭГ в виде трёхдневного подробного отчета суточного рациона питания с использованием мобильного приложения «Счетчик калорий

YAZIO» и разработаны рекомендации для коррекции несбалансированного рациона питания.

В.А. Питкин, О.В. Синько, И.А. Хрипко в своей работе подчеркивают, что у большинства обучающихся, находящихся в вузовской среде, прослеживается несбалансированное питание вследствие нехватки времени для приготовления пищи, отсутствия наглядной и доступной информации о правильном питании и малой доступностью готовых блюд с грамотным соотношением нутриентов [11].

Во время анализа сбалансированности рациона питания и разработке рекомендаций мы основывались на трудах Д.Г. Калашникова, где раскрыта тема о принципах составления рационов питания, методах коррекции избыточного и недостаточного веса в соответствии с запросом клиента [12].

Рис. 5. Показатель верхней – нижней части тела студентов-первокурсников до эксперимента, %

Также мы предлагаем студентам-первокурсникам руководствоваться медико-биологическими принципами для составления индивидуального и сбалансированного рациона питания. Энергетическая сбалансированность продуктов питания заключается в том, что питание должно не только возмещать потраченную энергию, но способствовать увеличению работоспособности.

Системность приемов пищи необходима для наилучшего усвоения витаминов и минеральных веществ, большая часть которых возможна только в комплексе, например, взаимодействие микронутриента магний с витамином В6 или микронутриентом кальций.

Адекватность питания выражается в качестве усвояемости продуктов (например, при недостатке одного из необходимых микронутриентов в организме, другие

минеральные вещества могут частично или полностью не усваиваться).

Учет динамики образа жизни включает подбор подходящего рациона питания в зависимости от дневной активности, количества и направленности тренировочных занятий [13].

С целью корректировки показателей биоимпедансного анализа состава тела испытуемых нами был разработан конструктор для составления персонифицированных программ здоровья обучающихся. В ноябре 2022 г.,

после интерпретации полученных данных, мы распределили студентов-первокурсников физкультурных профилей подготовки по основным тренировочным целям (табл. 1) и совместно с обучающимися разработали персонифицированные программы здоровья (табл. 2).

Персонифицированная программа здоровья, продолжительность которой составляет 1 месяц, включает в себя аэробный, силовой и велнес-блоки [14]. Всего для каждого студента было составлено 6 программ на 6 месяцев.

Таблица 1

Конструктор для составления персонифицированных программ здоровья

Тренировочная цель	Цель 1 – снижение жировой массы + поддержание мышечной массы	Цель 2 – увеличение мышечной массы + поддержание жировой массы	Цель 3 – снижение жировой массы + увеличение мышечной массы	Цель 4 – поддержание мышечной массы + поддержание жировой массы
Количество тренировок в месяц	Аэробный блок – 8 раз/мес. Силовой блок – 4 раз/мес. Велнес блок – дополнительные комплексы упражнений к основным тренировкам	Аэробный блок – 4 раз/мес. Силовой блок – 8 раз/мес. Велнес блок – дополнительные комплексы упражнений к основным тренировкам	Аэробный блок – 8 раз/мес. Силовой блок – 8 раз/мес. Велнес блок – дополнительные комплексы упражнений к основным тренировкам	Аэробный блок – 4 раз/мес. Силовой блок – 4 раз/мес. Велнес блок – дополнительные комплексы упражнений к основным тренировкам
Рекомендации к питанию	Сохранить количество потребления сложных углеводов, белков и снизить количество потребления быстрых углеводов и трансжиров в рационе, сохранить количество потребления жиров. Расчет по граммам: Белки 1,2–1,5 г Жиры 1,0 г Углеводы 3,8–4,2 г	Увеличить количество потребления сложных углеводов, белков и снизить количество потребления быстрых углеводов и трансжиров в рационе, сохранить количество потребления жиров. Можно использовать один белковый перекус за 1 ч до физической нагрузки. Расчет по граммам: Белки 1,6–2,0 г Жиры 1,0–1,2 г Углеводы 4,2–4,8 г	Увеличить количество потребления сложных углеводов, белков и снизить количество потребления быстрых углеводов и трансжиров в рационе, сохранить количество потребления жиров. Можно использовать один белковый перекус за 1 ч до физической нагрузки. Расчет по граммам: Белки 1,6–2,0 г Жиры 1,0 г Углеводы 4,2–4,6 г	Поддерживать количество потребления сложных углеводов, белков и полезных (насыщенных и ненасыщенных) жиров, снизить количество потребления быстрых углеводов и трансжиров в рационе. Расчет по граммам: Белки 1,0–1,5 г Жиры 1,0–1,2 г Углеводы 4,0–4,5 г

Таблица 2

Пример персонифицированной программы, направленной на снижение жировой массы и поддержание мышечной массы

Индивидуальный запрос		Улучшить процесс пробуждения и отхода ко сну, подобрать упражнения при варусной деформации стопы	
Блок	Периодичность, объем	Номер тренировки	Содержание программы
Аэробный блок, велнес блок	2 раза в нед. = 8 раз в мес. 40–60 мин	1; 4	Аэробный блок – Табата (вариант № 1). Велнес-блок – Комплекс упражнений для увеличения подвижности ТБС
		3; 8	Аэробный блок – Аэробика (вариант № 2). Велнес-блок – Комплекс упражнений, направленный на снятие мышечного перенапряжения с нижних конечностей тела
		5; 10	Аэробный блок – Интервальная тренировка (вариант № 2). Велнес-блок – МФР для снятия мышечного напряжения с грудного отдела позвоночника
		7; 11	Аэробный блок – Степ-аэробика (вариант № 1). Велнес-блок – Комплекс статических упражнений для снятия мышечного напряжения с верхней и нижней частей туловища
Силовой блок, велнес-блок	1 раз в нед. = 4 раза в мес. 40–60 мин	2	Силовой блок – Развитие силы мышц груди с использованием гантелей. Велнес-блок – Комплекс упражнений, направленный на увеличение подвижности плечевых суставов
		6	Силовой блок – Развитие силы мышц спины без отягощения. Велнес-блок – МФР для снятия мышечного напряжения с грудного и поясничного отделов позвоночника
		9	Силовой блок – Развитие мышц пресса из положения упор лежа. Велнес-блок – Комплекс упражнений, направленный на увеличение подвижности грудного отдела позвоночника
		12	Силовой блок – Развитие мышц ног и ягодиц с использованием гантелей. Велнес-блок – МФР для снятия мышечного напряжения с мышц ног
Велнес блок	10–20 мин	Ежедневно	Комплекс упражнений для легкого пробуждения. Нейрокомплекс упражнений, направленный на активизацию внимания. Комплекс упражнений при варусной деформации стопы с использованием массажного мяча. Дыхательная практика «По квадрату»

Примечание. ТБС – тазобедренный сустав; МФР – миофасциальный релиз.

Персонафицированная программа здоровья состоит из структурных элементов, взаимно дополняющих друг друга: цель, индивидуальный запрос, суточная норма потребления калорий, вариативные блоки направленности тренировочных занятий, периодичность и объем тренировок, последовательность тренировочных занятий.

Основная тренировочная цель формулируется в соответствии с показателями биоимпедансного анализа тела. Определение дополнительного индивидуального запроса для устранения деформаций ОДА требует включения в программу дополнительных комплексов упражнений, влияющих на здоровьесбережение студентов. Расчет суточной нормы потребления калорий, а также белков, жиров и углеводов производится в соответствии с показателями биоимпедансного анализа, цели тренировок и индивидуального дополнительного запроса. Вариативные блоки направленности тренировочных занятий включают в себя аэробный блок (аэробика и степ-аэробика, кардиотренировки, интервальные тренировки и высокоинтенсивные комплексы тренировочных занятий по методу Табата), силовой блок (комплексы упражнений, направленные на укрепление мышц туловища с использованием дополнительного отягощения или с собственным весом) и велнес-блок, направленный на увеличение эластичности мышц и фасций, подвижности суставов, а также на снятие психоэмоционального напряжения. При планировании периодичности и объема тренировок мы опираемся на тренировочную цель и результаты биоимпедансного анализа состава тела. В основном мы рекомендуем придерживаться стандартного количества тренировочных занятий – 3 раза в неделю, однако при разработке шаблонов персонафицированных программ здоровья нами была выявлена цель, где одновременно происхо-

дят два процесса – сжигание жировой массы и увеличение мышечной массы. Данная цель требовала большего времени на реализацию, следовательно, количество тренировок было увеличено до 4 раз в неделю. В индивидуальных тренировочных программах здоровья допускается самостоятельный выбор последовательности тренировочных занятий в одном блоке – минимальное количество вариантов тренировок в месяц – 2 занятия, максимальное – 8 (с учетом основополагающей цели занятий).

С целью самостоятельного использования персонафицированных программ здоровья нами был разработан вспомогательный контент в формате видеороликов каждого тренировочного блока. Таким образом, при составлении программ здоровья студенты-первокурсники смогут получать дополнительную информацию по направленности упражнений, технике выполнения упражнений.

После заполнения и апробации персонафицированных программ здоровья в мае 2023 г. нами была проведена итоговая диагностика состава тела студентов-первокурсников.

В результате анализа изменений массы скелетной мускулатуры нами было выявлено, что у большинства испытуемых масса скелетной мускулатуры увеличилась и находилась в пределах нормы и превышения, что благоприятно сказывается на показателях силовой выносливости студентов. Так, у девушек ЭГ данный показатель увеличился на 30% в границе нормы и на 20% – в превышении, а у юношей ЭГ увеличение количества массы скелетной мускулатуры в превышении составило 20%. В то время как изменений показателей массы скелетной мускулатуры у девушек КГ не наблюдалось, у юношей КГ увеличение силового показателя составило 10% в границах нормы (рис. 6).

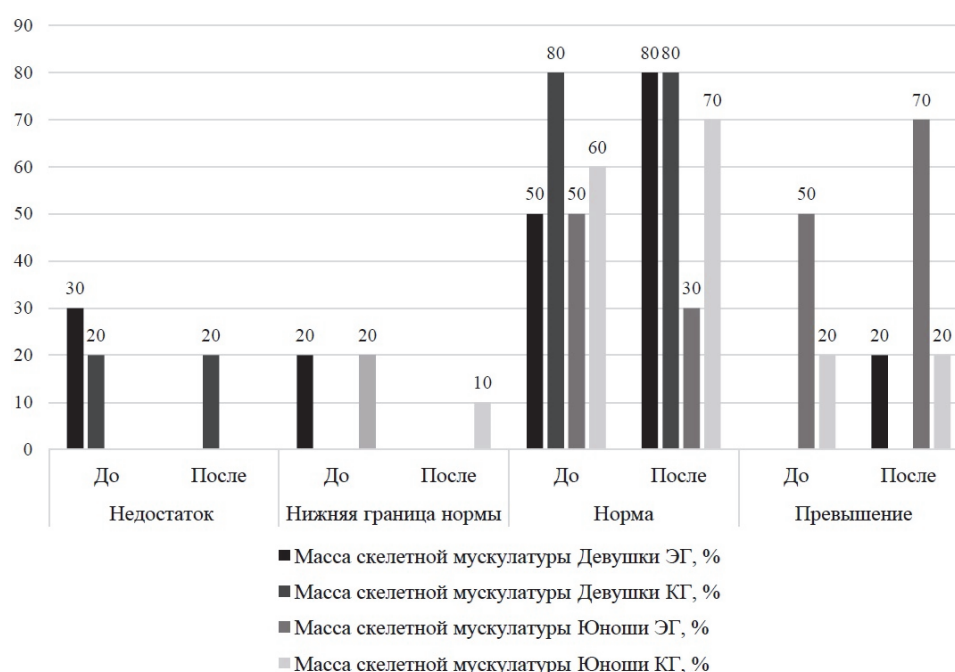

Рис. 6. Изменение показателей массы скелетной мускулатуры у студентов-первокурсников на протяжении эксперимента, %

По результатам анализа изменения содержания жировой массы в теле нами было выявлено, что у большей части испытуемых показатели находились в пределах нормы. Так, у девушек ЭГ количество жировой массы в пределах нормы увеличилось на 30%, КГ на 10% и на 40% у юношей ЭГ и КГ. Но стоит отметить, что в ЭГ на протяжении эксперимента снизилось количество испытуемых, имеющих недостаточное количество жировой массы (у девушек ЭГ – на 5%, у юношей ЭГ – на 30%) и изменились показатели превышения жировой массы у девушек ЭГ с 40 до 15%, у юношей ЭГ – с 10 до 0% (рис. 7).

По результатам анализа изменения сбалансированности верхней–нижней половины тела нами было выявлено, что у большинства испытуемых ЭГ показатели стали сбалансированными. Так, у девушек ЭГ на 30% увеличился показатель сбалансированности и снизился показатель немного несбалансированного развития тела. У юношей ЭГ на 20% увеличился показатель сбалансированности и на 10% снизился показатель немного несбалансированности. Однако у студентов КГ показатели имели меньшие изменения – у девушек и юношей КГ на 10% уменьшился показатель очень несбалансированного развития тела (рис. 8).

Рис. 7. Изменение показателей жировой массы студентов-первокурсников на протяжении эксперимента, %

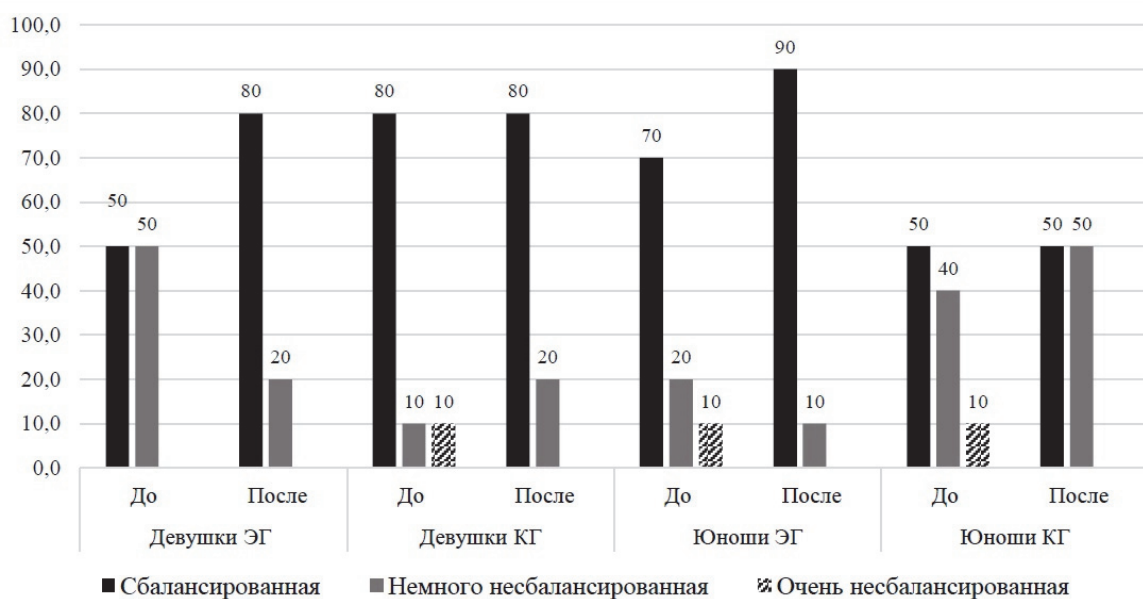

Рис. 8. Изменение показателей верхней-нижней части тела студентов-первокурсников на протяжении эксперимента, %

Заключение

Таким образом, мы можем сделать вывод, что персонифицированные программы здоровья имеют положительное воздействие на увеличение массы скелетной мускулатуры, снижение и поддержание жировой массы, а также эффективно влияют на пропорциональное развитие тела посредством индивидуальных тренировочных занятий. Однако у студентов-первокурсников, которые были отнесены к контрольной группе и посещали различные виды трени-

ровочных занятий в рамках обучения в вузе, антропометрические показатели ниже, чем у студентов, занимающихся по своей персонифицированной программе здоровья. Также у студентов КГ показатели биоимпедансного анализа тела, а именно развитие массы скелетной мускулатуры, сбалансированности верхней и нижней половины тела, отстают от тех же показателей студентов ЭГ, что также свидетельствует об эффективности внедрения в образовательный процесс персонифицированных программ здоровья.

Список источников

1. Национальный проект «Образование» // Минпросвещения России. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/about/>
2. Трачук Е.Ф., Курцева Е.Г. Индивидуальный образовательный маршрут как инструмент достижения планируемых образовательных результатов обучающихся в условиях реализации предметных концепций // Непрерывное образование в Санкт-Петербурге. 2017. № 2 (6). С. 13–17.
3. Пестова И.В., Сергеева М.С. Использование конструктора индивидуального образовательного маршрута при проектировании системы психолого-педагогического сопровождения обучающихся с особыми образовательными потребностями // АПК: инновационные технологии. 2022. № 3. С. 71–80.
4. Бутыч Н.С., Маюрова И.А. Разработка индивидуальных траекторий здоровья студентов на основе оценки физического состояния обучающихся // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2023. № 2 (216). С. 47–50.
5. Государственный доклад о реализации государственной политики в сфере охраны здоровья за 2018 год // Министерство здравоохранения Российской Федерации. URL: <https://minzdrav.gov.ru/ministry/programms/sfere-ohrany-zdorovya-za-2018>
6. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/
7. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2001 г. № 916 «Об общероссийской системе мониторинга состояния физического здоровья населения, физического развития детей, подростков и молодежи» // «Гарант.ру» – информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/12125274/>
8. Никитина Е.А., Смирнов В.Н. Разработка стратегии развития предприятия на примере ООО «Клиника семейной медицины» // Бюллетень науки и практики. 2020. № 1. С. 264–269.
9. InBody. URL: <https://inbody-ru.ru>
10. Бортникова С.А. Формирование компетенций будущих учителей физической культуры по проектированию индивидуального образовательного маршрута для обучающегося // Евразийский союз ученых. 2020. № 4–8 (73). С. 15–17.
11. Питкин В.А., Синько О.В., Хрипко И.А. Роль правильного питания в жизни студента // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2022. № 2. С. 110–114.
12. Основы фитнес-диетологии и нутрициологии : учеб. пособие / под. общ. ред. Д.Г. Калашникова. М. : Практическая медицина, 2019. 192 с.
13. Харенко Е.Н., Юдина С.Б., Яричевская Н.Н. Технология продуктов спортивного питания : учеб. пособие. М. : Лань, 2023. 104 с.
14. Бутыч Н.С., Маюрова И.А., Строщкова Н.Т. Траектории здоровья студента: инструкции по организации занятий физической культурой : учеб.-метод. пособие. Севастополь : СевГУ, 2022. 87 с.

References

1. Ministry of Education of Russia. (n.d.) *Natsional'nyy projekt "Obrazovanie"* [National project "Education"]. [Online] Available from: <https://edu.gov.ru/national-project/about/>
2. Trachuk, E.F. & Kurtseva, E.G. (2017) Individual'nyy obrazovatel'nyy marshrut kak instrument dostizheniya planiruemykh obrazovatel'nykh rezul'tatov obuchayushchikhsya v usloviyakh realizatsii predmetnykh kontseptsiiy [Individual educational route as a tool for achieving the planned educational results of students in the context of implementing discipline concepts]. *Nepreryvnoe obrazovanie v Sankt-Peterburge*. 2 (6). pp. 13–17.
3. Pestova, I.V. & Sergeeva, M.S. (2022) Ispol'zovanie konstruktora individual'nogo obrazovatel'nogo marshruta pri proektirovanii sistemy psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya obuchayushchikhsya s osobymi obrazovatel'nymi potrebnyami [Using the designer of an individual educational route when designing a system of psychological and pedagogical support for students with special educational needs]. *APK: innovatsionnye tekhnologii*. 3. pp. 71–80.
4. Butych, N.S. & Mayurova, I.A. (2023) Razrabotka individual'nykh traektoriy zdorov'ya studentov na osnove otsenki fizicheskogo sostoyaniya obuchayushchikhsya [Development of individual health trajectories for students based on assessment of the physical condition of students]. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*. 2 (216). pp. 47–50.
5. Ministry of Health of the Russian Federation. (2018) *Gosudarstvennyy doklad o realizatsii gosudarstvennoy politiki v sfere okhrany zdorov'ya za 2018 god* [State report on the implementation of state policy in the field of health care for 2018]. [Online] Available from: <https://minzdrav.gov.ru/ministry/programms/sfere-ohrany-zdorovya-za-2018>
6. Consultant Plus. (2007) *Federal Law "On Physical Culture and Sports in the Russian Federation" dated December 4, 2007, No. 329-FZ*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (In Russian).
7. Garant.ru. (2001) *Decree of the Government of the Russian Federation of December 29, 2001, No. 916 "On the all-Russian system for monitoring the state of physical health of the population, physical development of children, adolescents and youth"*. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/12125274/> (In Russian).
8. Nikitina, E.A. & Smirnov, V.N. (2020) Razrabotka strategii razvitiya predpriyatiya na primere ООО "Klinika semeynoy meditsiny" [Elaboration of an enterprise development strategy using the example of ООО Klinika semeynoy meditsiny]. *Byulleten' nauki i praktiki*. 1. pp. 264–269.
9. InBody. [Online] Available from: <https://inbody-ru.ru>
10. Bortnikova, S.A. (2020) Formirovanie kompetentsiy budushchikh uchiteley fizicheskoy kul'tury po proektirovaniyu individual'nogo obrazovatel'nogo marshruta dlya obuchayushchegosya [Formation of competencies of future physical education teachers in designing an individual educational route for students]. *Evraziyskiy soyuz uchenykh*. 4-8 (73). pp. 15–17.
11. Pitkin, V.A., Sin'ko, O.V. & Khripko, I.A. (2022) Rol' pravil'nogo pitaniya v zhizni studenta [The role of proper nutrition in the life of a student]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologiy*. 2. pp. 110–114.

12. Kalashnikov, D.G. (ed.) (2019) *Osnovy fitnes-dietologii i nutritsiologii* [Fundamentals of fitness dietology and nutritionology]. Moscow: Prakticheskaya meditsina.
13. Kharenko, E.N., Yudina, S.B. & Yarichevskaya, N.N. (2023) *Tekhnologiya produktov sportivnogo pitaniya* [Technology of sports nutrition products]. Moscow: Lan'.
14. Butych, N.S., Mayurova, I.A. & Stroshkova, N.T. (2022) *Traektorii zdorov'ya studenta: instruktsii po organizatsii zanyatiy fizicheskoy kul'turoy* [Student health trajectories: instructions for organizing physical education classes]. Sevastopol: Sevastopol State University.

Информация об авторах:

Бутыч Н.С. – канд. пед. наук, доцент кафедры «Физвоспитание и спорт» Севастопольского государственного университета (Севастополь, Россия). E-mail: nata_butych@list.ru

Маюрова И.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры «Физвоспитание и спорт» Севастопольского государственного университета (Севастополь, Россия). E-mail: IAMayurova@sevsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.S. Butych, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation). E-mail: nata_butych@list.ru

I.A. Mayurova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation). E-mail: IAMayurova@sevsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.10.2023;
одобрена после рецензирования 02.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.*

*The article was submitted 12.10.2023;
approved after reviewing 02.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.*

Научная статья
УДК 796.92
doi: 10.17223/15617793/499/17

Технология управления системой физической подготовки лыжников-гонщиков

Анжелика Владимировна Кучерова¹

¹ Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, Могилев, Беларусь, kucherova@msu.by

Аннотация. Обосновывается технология управления системой физической подготовки лыжников-гонщиков. Представлены цели и содержание процессуальных компонентов системы физической подготовки лыжника-гонщика. Описаны процедуры управления, построения и взаимодействия компонентов системы физической подготовки и сущности этого процесса в спортивной тренировке лыжников-гонщиков.

Ключевые слова: технология, управление, система, физическая подготовка, процессуальные компоненты, лыжники-гонщики

Для цитирования: Кучерова А.В. Технология управления системой физической подготовки лыжников-гонщиков // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 157–165. doi: 10.17223/15617793/499/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/17

Technology for controlling the physical training system of ski racers

Anzhelika V. Kucherova¹

¹ Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus, kucherova@msu.by

Abstract. The article substantiates the need to develop a technology for managing the physical training system of cross-country skiers. The goals and content of the procedural components of the ski racer's physical training system are presented. The procedures for managing, constructing and interacting the components of the physical training system and the essence of this process in the sports training of cross-country skiers are described. Based on a logical and methodological analysis of the periodization of ski racers' sports training and training process planning, the author's vision of the technology for managing the physical training system of ski racers is presented. The technology is presented as a certain order of procedures for the interaction of methods and techniques for managing the regulations of training influences on ski racers, during which the athlete's optimal readiness to realize their physical and psychological potential in training and competitive activities is formed. The technology includes a set of management procedures: diagnostics, forecasting, implementation, correction, organization, which allow regulating the procedural components of the physical training system. The article characterizes all control procedures stated in the technology. The diagnostic procedure includes the implementation of the cognitive-control component of the system. The essence of this component is to identify the athlete's physical readiness to master the content of physical training. Physical readiness is determined by the dependence of factors that inform about the ability of body systems to perform specific motor activities. The forecasting procedure includes the implementation of the model and forecast component of the system. Forecasting is related to management because it provides reasonable assumptions that the coach uses to make management decisions. The implementation procedure includes the development and implementation of the software and management component of the system. The purpose of the procedure is to develop the content of physical training and its implementation in the form of modular-block programming in the microcycle, mesocycle, and macrocycle. The author presents the modular-block programming of physical training as a comprehensive algorithm for the work of a coach, athlete and doctor to manage, develop and improve the athlete's educational and training activities. The main variables of the algorithm are the parameters of the loads performed by the athlete in modules and blocks. The correction procedure includes the development and implementation of the synergetic component of the system. The purpose of the procedure is to analyze and synthesize training and competitive results. The organization procedure includes the development and implementation of the organizational and management component of the system. The purpose of the procedure is to organize forms of the training process taking into account external factors.

Keywords: technology, management, system, physical training, procedural components, ski racers

For citation: Kucherova, A.V. (2024) Technology for controlling the physical training system of ski racers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 157–165. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/17

Введение

Проанализировав периодизацию спортивной подготовки и все этапы планирования тренировочного процесса лыжников-гонщиков, мы пришли к выводу, что физическая подготовка растворилась в общем тренировочном процессе как добавочный компонент к некоей спортивной форме, работоспособности, отдельным средствам тренировки. Мы не увидели, согласно принципам планирования Л.П. Матвеева, целостной, выстроенной системы, которая во многом подчиняется общим принципам управления и определяет спортивный результат в виде спорта «лыжные гонки». Обобщение данных позволяет вполне определенно говорить о недооценке процесса физической подготовки и отсутствии каких-либо вариантов ее системного планирования в общей структуре подготовки лыжников-гонщиков и отсутствии технологии управления системой физической подготовки. Уточнение информации позволит значительно оптимизировать процесс и обеспечить целевую направленность физической подготовки лыжников-гонщиков. В связи с этим данное исследование представляет актуальное направление в теории лыжного спорта.

Структуризация тренировочного процесса позволяет анализировать все виды подготовки и управлять ими в особой структуре, устанавливать между видами иерархичность в зависимости от этапа спортивной подготовки, выявлять между видами взаимосвязи, в целом исследовать процесс функционирования всей структуры и ее изменение во времени.

В ряде работ Ю.В. Верхошанского (1995, 1991, 1993), Л.П. Матвеева (2000), В.Н. Платонова (2013), А.П. Бондарчука (2005) структура тренировочного процесса представлена следующими компонентами:

- содержанием физической, технической, тактической, психологической, теоретической подготовки;
- соотношениями параметров нагрузки (интенсивности и объема) в тренировочном и соревновательном процессах;
- последовательностью планирования циклов, периодов, этапов отдельных занятий, частей, которые выражают его закономерные изменения во времени [1–6].

Следует отметить, что при наличии достаточного количества научных разработок относительно состава и содержания компонентов структуры тренировочного процесса в теории спорта недостаточно сведений о взаимодействии этих компонентов в тренировочном процессе лыжников-гонщиков как микроцикле, так и в мезоциклах и макроциклах. Недостаточно сведений и об определенных закономерностях, по которым формируется структура тренировочного процесса лыжников-гонщиков и одного из его видов, а именно – физической подготовки.

Чтобы обозначить структуру физической подготовки, необходимо проанализировать структурные элементы тренировочного процесса лыжников-гонщиков и выделить позиции, которые по своим целям и содержанию будут определять компоненты физической подготовки. Вместе с тем необходимо подчеркнуть

необходимость создания технологии управления, подчеркивающей специфику системы физической подготовки и повышающей качество тренировочного процесса.

Цель исследования: разработать технологию управления системой физической подготовки лыжников-гонщиков.

Задачи исследования:

- определить процедуры управления процессуальными компонентами системы физической подготовки лыжников-гонщиков;
- охарактеризовать комплекс *процедур управления*: диагностику, прогнозирование, реализацию, коррекцию, организацию;
- разработать комплексный алгоритм работы тренера, спортсмена и врача по управлению, развитию и совершенствованию учебно-тренировочной деятельности спортсмена.

Методы исследования

Информационной базой исследования послужил логико-методологический анализ периодизации спортивной подготовки и все этапы планирования тренировочного процесса лыжников-гонщиков. Результат анализа представлен авторским видением *процессуальных компонентов системы физической подготовки*: познавательно-контрольным, модельно-прогностическим, программно-управленческим, синергетическим, организационно-управленческим.

Результаты и их обсуждение

Для того чтобы разработать технологию управления системой физической подготовки лыжников-гонщиков, необходимо познать смысл самих определений «технология управления» и «технология в спорте».

В словаре спортивных терминов технология в спорте определяется как «совокупность процессов, правил, навыков, последовательно направленных на разработку различных методик тренировки и обучения. Особая форма функционального и прикладного научного знания, переходящая от естественнонаучных исследований к методическим разработкам в цепи наука – технология – методика» [7].

В определении «технология управления» заложено смысловое назначение процедур управления: методы, приемы, способы, порядок, регламент выполнения процесса управления, отражающие последовательность и взаимосвязь процедур, операций и этапов, составляющих этот процесс. В спортивной практике технология должна иметь фиксированный результат. Вместе с тем результат не всегда является конечным звеном в цепи педагогической системы. Иногда это стартовая позиция для более успешного финала в решении спортивных задач. И в этом процессе немаловажную роль играют такие процессы, как контроль и регулирование.

По мнению В.С. Сосунковского, А.И. Загравской, «управленческий смысл системы заключается в контроле и регулировании образовательной деятельности, направленной на ее совершенствование» [8. С. 206].

Технологию управления системой физической подготовки лыжников-гонщиков мы представили как определенный *порядок процедур* взаимодействия методов, приемов и способов управления регламентом тренирующих воздействий на лыжников-гонщиков, в ходе которых формируется оптимальная готовность спортсмена реализовывать свой физический и психологический потенциал в тренировочной и соревновательной деятельности.

Технология управления системой физической подготовки включает комплекс *процедур управления*: диагностику, прогнозирование, реализацию, коррекцию, организацию, которые позволяют регулировать *процессуальные компоненты системы физической подготовки*.

Авторское видение технологии управления системой физической подготовки представлено в таблице.

Авторское видение технологии управления системой физической подготовки лыжников-гонщиков

Процедуры управления	Процессуальные компоненты системы физической подготовки лыжников-гонщиков	Цель процессуального компонента	Содержание процессуального компонента
	Диагностика		
	Познавательно-контрольный	Выявить и оценить состояние субъекта и его <i>готовность к освоению</i> содержания физической подготовки	Определение исходных показателей: – определение уровня физической и функциональной подготовленности; – выявление мотивов спортивной деятельности; – установление уровня когнитивного физкультурно-знания компонента
	Прогнозирование		
	Модельно-прогностический	<i>Прогнозирование</i> результатов текущей деятельности, от которых зависит саморазвитие лыжника-гонщика	Построение модели физической подготовленности лыжника-гонщика. Перспективное <i>планирование</i> и композиционно-деятельное построение содержания физической подготовки, постановка задач, заданий и способов их решения микроциклов в виде модулей и блоков
	Реализация		
	Программно-управленческий	Разработка <i>содержания физической подготовки лыжников-гонщиков</i>	<i>Модульно-блочное программирование физической подготовки в макроцикле, мезоцикле, микроцикле</i>
	Коррекция		
	Синергетический	<i>Анализ и синтез</i> тренировочных и соревновательных <i>результатов</i>	<i>Мониторинг</i> физической подготовленности: функциональной и психологической диагностики, контроль физической подготовленности лыжников-гонщиков
	Организация		
	Организационно-управленческий	<i>Организация форм</i> тренировочного процесса лыжников-гонщиков с учетом внешних факторов	Организация тренировочных занятий с учетом задач физической подготовки на данном этапе

Процедура *диагностики* включает реализацию познавательно-контрольного компонента системы. Сущность данного компонента заключается в выявлении физической готовности спортсмена к освоению содержания физической подготовки. Физическая готовность обусловлена зависимостью факторов, которые информируют о возможности систем организма выполнять специфическую двигательную деятельность. К этим факторам относятся: физиологические, личностно-психические.

Физиологические факторы:

- функциональная готовность опорно-двигательной системы, собственно-мышечные показатели которой определяют уровень проявления силовых показателей;
- функциональная готовность сердечно-сосудистой и дыхательной систем, показатели которой определяют уровень проявления аэробной выносливости;
- функциональная готовность центральной и вегетативной нервной системы, показатели которой определяют уровень проявления скоростных и координационных способностей лыжника-гонщика;
- функциональная готовность эндокринной системы, показатели которой определяют и регулируют стрессовые и адаптационные состояния.

Личностно-психические факторы:

- мотивационная готовность к проявлению двигательной активности;
- эмоционально-волевая готовность к проявлению максимально интенсивных или длительных мышечных усилий;
- теоретическая (когнитивная) готовность к осознанному выполнению двигательных действий и самоконтролю функционального состояния.

Взаимодействие перечисленных факторов имеет корреляционную зависимость от процессов технической, тактической, теоретической подготовки. Данный аспект еще раз подчеркивает, что физическая подготовка является матрицей для построения алгоритма тренировочного процесса.

Определение исходных показателей физиологического фактора осуществляется *методом тестирования физической готовности* лыжника-гонщика к процессу освоения им содержания физической подготовки.

В системе управления физической подготовкой *тестирование физической готовности* является методом обеспечения тренера информацией о состоянии организма спортсмена до начала тренировочного этапа физической подготовки. Следует отличать этот метод от

общепринятого контроля физической подготовленности, который используется многими специалистами как средство оценки эффективности тренировочного процесса после завершения определенного этапа подготовки.

Тестирование физической *готовности* в зависимости от этапа его проведения имеет следующие разновидности: тестирование этапной готовности состояния спортсмена; тестирование текущей готовности – определение повседневных (текущих) колебаний в состоянии спортсмена; тестирование оперативной готовности – экспресс-оценка состояния спортсмена в настоящий момент.

Определение показателей личностно-психического фактора подразумевает *выявление мотивов спортивной деятельности*. Мотив деятельности спортсмена является побуждающей силой к выполнению тренировочной нагрузки и занимает ключевую позицию в установлении контакта между тренером и спортсменом.

По мнению ученых, мотив в спортивной деятельности является одной из главных побудительных, направляющих сил в поведении спортсмена. Мотивы довольно разнообразны на различных этапах многолетнего тренировочного процесса. В связи с этим одной из задач тренера является своевременное выявление мотивов и целевое стимулирование активности спортсмена.

Теоретическая (когнитивная) готовность определяется прежде всего мотивом получения знаний по самоконтролю. Как показало исследование, спортсмены практически не имеют мотивации к получению знания нового компонента, т.е. теоретического арсенала знаний, для самостоятельной организации тренировочных занятий. Отсюда следует, что на практике спортсменам трудно самостоятельно подобрать необходимые упражнения, определить нагрузку для своего организма и осуществить самоконтроль.

Включение спортсменов в процесс планирования физической подготовки – это прежде всего умение и знание, как планомерно распределить нагрузку не только по внешним показателям объема и интенсивности, а также своевременно уметь анализировать внутренние параметры, в частности, контроль ответной реакции организма на данное воздействие. Эти процессы взаимосвязаны и требуют тщательного теоретического изучения с использованием современных информационно-технических средств оценки и контроля тренировочного процесса, что в целом носит название «технологизация».

Технологизация физической подготовки лыжника-гонщика обеспечивает переход на более высокий уровень учета уникальных личностных качеств спортсмена – индивидуальное программирование тренировочного процесса с использованием спортивных гаджетов. Более того, информативность и оперативная интеграция всех составляющих реакции организма на нагрузку должны быть оперативны и доступны как для спортсмена, так и для тренера в «полевых» условиях. *Оперативный анализ реакции организма на нагрузку* позволяет регулировать и контролировать тренировочное воздействие, тем самым повышая качество тренировочного процесса.

Процедура **прогнозирования** включает реализацию **модельно-прогностического** компонента системы. Прогнозирование результатов текущей деятельности спортсменов является процессом и видом познавательной деятельности. Прогнозирование связано с управлением в силу того, что оно обеспечивает обоснованные предпосылки, которые тренер использует для принятия управленческого решения.

В спортивной литературе многие авторы [9–11] спортивное прогнозирование представляют как научное предвидение перспектив развития спорта на основе анализа тенденций его развития.

Как отмечают О.А. Ерохина, Т.Е. Фатьянова, Т.В. Сеницына, «процесс прогнозирования направлен на определение тенденций динамики конкретного объекта или события на основе анализа его состояния в прошлом и настоящем» [9. С. 1]. И.В. Бестужев-Лада понятие «прогноз» в узком смысле этого слова описывает как «специальное научное исследование конкретных перспектив развития какого-либо явления» [10. С. 15].

К основным методам прогнозирования относятся методы экспертных оценок, экстраполяции, моделирования [11].

Метод экспертных оценок – это процесс получения оценки чего-либо на основе мнения специалистов, их личного опыта, интуиции с целью последующего принятия решения или прогноза.

Метод экстраполяции основан на распространении прошлых и настоящих тенденций, закономерностей, связей, оказывающих непосредственное влияние на будущее развитие объекта прогнозирования [11]. Суть метода экстраполяции заключается в том, что тренер на основе показателей физической, функциональной и психической подготовленности спортсмена, которые были установлены в ходе этапного или текущего контроля по окончании мезоцикла или макроцикла строит график динамики указанных показателей. Далее он продолжает кривую, которая выходит за пределы рассматриваемого промежутка. Показатели в пределах этой кривой информируют о предполагаемых результатах в интересующий период времени. Важно отслеживание линии подъёмов. Если линии подъёма прорисовываются не поступательно, это означает, что степень освоения техники и развития физических качеств происходит скачкообразно, что в динамике развития имеется фаза застоя или это может быть связано с периодом адаптации, приспособлением к каким-то новым задачам, переменным условиям тренировочного процесса. В этом случае тренер не должен терять предел возможностей своего ученика, а продолжить процесс изучения причин, влияющих на динамику становления его физической формы и физической подготовленности.

Моделирование предполагает создание модели как аналога изучаемого объекта на основе определения и установления взаимосвязи между спортивными результатами с определенной периодичностью при помощи компьютерной программы Excel.

Анализ специальной литературы [9–12] показал, что в практике спорта используются четыре модели:

модель соответствия, модель подготовленности, модель соревновательной деятельности, модель соревновательных условий. Для нашего исследования интерес представляет *модель подготовленности*, где объектом изучения являются лыжник-гонщик и особенности его спортивной деятельности. В качестве параметров модели выступают модельные характеристики, которые определяют его высокий уровень физической подготовленности и результат. В основе соразмерности и функциональных компонентов выступают антропометрические и качественные признаки: вес, рост, показатели физической, психической и функциональной подготовленности спортсмена. Модельные показатели позволяют адекватно оценить или определить направленность процесса физической подготовки и оценить уровень развития спортсмена на определенном этапе.

Значимость и прикладная ценность модельных характеристик может быть повышена, если предусматривать динамичность и вариативность их структуры. Личностные же качества имеют непосредственное значение, так как именно от них зависит деятельность спортсмена в данном виде спорта. В ряде научных исследований отмечается значение аналоговых моделей, но вместе с тем рост спортивных результатов требует постоянной коррекции этих моделей.

Процедура **реализации** включает разработку и реализацию **программно-управленческого** компонента системы. Цель процедуры состоит в разработке содержания физической подготовки и ее реализации в виде модульно-блочного программирования в микроцикле, мезоцикле, макроцикле.

Разработка содержания физической подготовки включает подбор средств, методов, определение нагрузочных компонентов и установление сроков контроля за изменением функционального состояния спортсмена и уровнем его физической подготовленности. В сущности это процесс планирования, который мы предлагаем реализовывать в виде модульно-блочного программирования.

Полагаясь на классические принципы планирования эмпирической теории Л.П. Матвеева и В.П. Плато-

нова, синтезировав ключевые положения модели блоковой периодизации Ю.В. Верхошанского и В.Б. Иссурина, биологическую основу теории спортивной адаптации В.Н. Селуянова, Е.Б. Мякинченко и А.Ю. Вертышева, мы предлагаем относительно новый вариант, учитывающий современные достижения спортивной науки и биологии. Предлагаемый нами вариант планирования также синтезирует накопленный методический опыт российских тренеров в современный подход к процессу проектирования содержания физической подготовки – технологизации процесса управления системой физической подготовки [3, 5, 6, 13, 14].

Модульно-блочное программирование системы физической подготовки мы представляем как комплексный алгоритм работы тренера, спортсмена и врача по управлению, развитию и совершенствованию учебно-тренировочной деятельности спортсмена. Основными переменными работы алгоритма являются параметры нагрузок, выполняемых спортсменом в модулях и блоках.

Исходя из анализа научных работ [3, 5, 6, 13, 14], мы полагаем, что модульно-блочное программирование должно иметь определенную структуру построения, содержание модуля и нагрузок в блоках. Мы предлагаем следующую структуру (рис. 1).

Модули – это структурно-содержательные единицы относительно завершенного тренировочного периода по целенаправленному развитию какого-либо физического качества. Каждый из модулей имеет цель и специфические задачи, решением которых является определение параметров нагрузки и средств тренировки.

Основанием для распределения целевых установок и задач по очередности в модулях являются биохимические и физиологические процессы мышечной активности при выполнении специфической физической работы. Поэтому продолжительность модуля обусловлена выполнением определенных целевых установок, решением задач по подготовке функциональных систем организма, органов и органовелл в мышечном волокне к ответной реакции на физиологическую нагрузку с более значительной активацией биосинтеза [14].

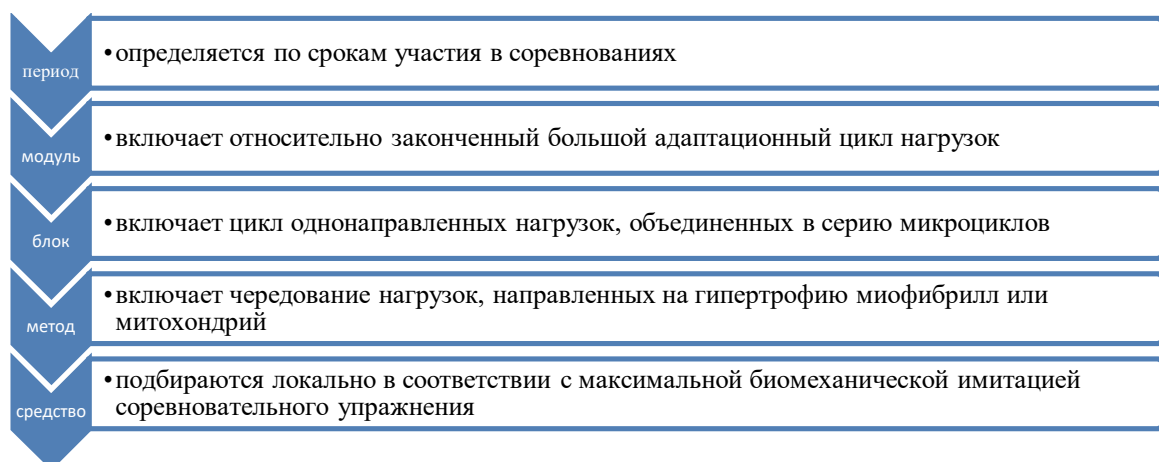

Рис. 1. Структура модульно-блочного программирования

Модуль включает параметры перспективного планирования, которые основываются на структуре тренировочных нагрузок в мезоциклах. Мезоциклы могут объединяться в зависимости от поставленных задач и отличаться от общепринятых правил построения макроцикла в лыжных гонках. Начинать и заканчивать модуль предлагается комплексным или текущим контролем.

Следует отметить, что данная структура, на первый взгляд, кажется общепринятой в спортивной тренировке: макроцикл, включающий в себя мезоциклы и микроциклы. Однако представленный вариант модульно-блочного программирования тренировочного процесса лыжников-гонщиков отличается от традиционного целями, задачами, содержанием представленных структур модуля и специфичностью методов воздействия. Особенность в том, что цель и основные задачи направлены на устранение лимитирующих факторов физической и функциональной подготовленности, ограничивающие спортивный результат спортсмена.

Отличие основано на целенаправленном воздействии не на физические качества (превалирующие или отстающие в своем развитии), а на гетерохронность адаптационных процессов, которая основана на гиперплазии миофибрилл при рекрутировании МВ при аэробном гликолизе или митохондрий при аэробном гликолизе. Именно изменения в формировании конкретных органелл в ММВ (ОМВ), ПМВ и БМВ (ГМВ) вместе с ними и системы энергообеспечения являются биологическим основанием определения уровня развития физического качества. Поэтому предлагаемая структура модуля рассчитана прежде всего на доминирующее и вместе тем комплексное развитие посредством дозированных мышечных нагрузок различной длительности на формирование органелл, рассчитанных на основании данных комплексного контроля. Это направление планирования представляется нам наиболее эффективным в отличие от традиционного.

Организация *блоков* осуществляется по принципу текущего планирования и оптимальному с точки зрения адаптации подбору внешних параметров нагрузки по объему и интенсивности, а также по оценке внутренних параметров, по которым тренер, спортсмен и врач могут отслеживать эффективность дозирования нагрузки, ее длительность, интенсивность, количество подходов, повторений в подходах, продолжительность интервалов отдыха, характер отдыха.

Важным аспектом программирования является определение средств тренировки и методов. В состав средств физической подготовки должны войти *специальные упражнения лыжника, моделирующие упражнения и соревновательные*.

Анализ исследований, проведенных российскими коллегами [15, 16], показывает, что современные технические параметры движений лыжника-гонщика диктуют саму методику подбора упражнений физической подготовки. Главное условие – это направленность на экономичность движений, которая во многом обеспечивает увеличение скоростных параметров. Особое значение следует уделить моделирующим упражнениям, позволяющим воспроизводить движения мышц

и их режим в соответствии с соревновательными требованиями. Эти упражнения избирательно воздействуют на основные структурные компоненты техники и на динамические характеристики взаимодействия структурных компонентов соревновательного способа передвижения.

Соревновательные упражнения следует включать по причине формирования динамического стереотипа движений, адаптации функционального состояния к соревновательным нагрузкам и психологической готовности.

Использование методов осуществляется на основе принципов *специфики и адаптации локальных биологических структур*. При чередовании, в зависимости от поставленной задачи, методов гиперплазии миофибрилл, митохондрий, суперкомпенсации гликогена и дилатации миокардиоцитов дозируемая нагрузка вызывает адаптационные перестройки в организме спортсмена, которые связаны с повышением или снижением синтеза белка в клетках. Синтез белка зависит от концентрации гормонов, которые образуются при предельном напряжении мышц (стрессовый фактор). Следовательно, чередование методов, вызывающих максимальный метаболизм на уровне АНП с интервалами на восстановление эндокринной системы для гиперплазии клеток желез внутренней секреции, должно происходить в течение 4-5 дней.

Методы гиперплазии миофибрилл в ММВ (ОМВ) и БМВ (ГМВ) направлены на увеличение силы основных мышечных групп, которыми лыжник-гонщик выполняет соревновательное упражнение. Методы гиперплазии митохондрий в ПМВ и ГМВ (БМВ) направлены на повышение скоростной выносливости. Методы дилатации миокардиоцитов направлены на увеличение максимального объема сердечной мышцы. Метод суперкомпенсации гликогена направлен на обеспечение высокого содержания гликогена в работающих мышцах и печени. Использование метода отмечается преимущественно в соревновательном мезоцикле.

Создание доминирующего тренирующего воздействия на конкретные функциональные системы организма при использовании средств и методов физической подготовки является крайне важной составляющей в процедуре модульно-блочного программирования.

Процедура **коррекции** включает разработку и реализацию *синергетического* компонента системы. Цель процедуры состоит в **анализе и синтезе** тренировочных и соревновательных результатов. В процессе реализации содержания физической подготовки очень важно отслеживать показатели лимитирующих факторов. К таким показателям следует отнести работоспособность ССС. У детей и подростков, тренирующихся в группах начальной подготовки, начальной и углубленной специализации, до 17–18 лет работоспособность ССС является лимитирующим фактором и требует включения определенных микроциклов на устранение дистрофических явлений в миокарде.

В исследованиях Д.О. Малеева установлено, что «ведущим механизмом достижения устойчивой адаптоспособности лыжников-гонщиков к высоким нагрузкам является индивидуальная спортивная подготовка

лыжников-гонщиков на основе систематического анализа уровня физической и функциональной подготовленности и определения порогов аэробного и анаэробного обмена исходя из показателей сердечной деятельности» [17. С. 160].

Вместе с тем выявлен общий фактор, являющийся лимитирующим во всех возрастных группах, – это мышечная система. Данное суждение подтверждено А.В. Шишкиной на основании результатов тестирования физической работоспособности квалифицированных лыжников ($n=598$) в возрасте от 15 до 36 лет. При тесте со ступенчато возрастающей скоростью передвижения на лыжероллерах, лыжах и бегом, было установлено, что у 454 спортсменов (75,92%) фактором, лимитирующим физическую работоспособность, является развитие мышечной системы. Следовательно, одним из лимитирующих факторов необходимо считать недостаточную мышечную массу спортсмена, которая нужна ему для утилизации поставляемого достаточно развитой сердечно-сосудистой системой кислорода [18].

В связи с этим возникает необходимость установить основные параметры функционирования сердечно-сосудистой и дыхательной систем, состояние мышечной системы у каждого спортсмена индивидуально. Поэтому одной из задач модуля является проведение *мониторинга физической подготовленности: функциональной и психологической диагностики, контроль физической подготовленности.*

Следовательно, с помощью функциональной диагностики необходимо определить, совершенствованию какой из систем организма спортсмена следует уделить основное внимание в определенном микроцикле или мезоцикле. Поэтому тренировочный процесс на уровне мезоцикла, микроцикла, тренировочного дня (при двухразовых тренировках в день), по нашему мнению, должен сочетать такие методы тренировки, которые путем использования сопряжено-последовательной формы организации этих методов могли эффективно воздействовать на процессы адаптации к аэробным и анаэробным нагрузкам.

В качестве средств мониторинга функциональной и физической подготовленности можно использовать: электронные устройства (фитнесс-трекеры, смарт-часы, пульсометры и др.), программное обеспечение.

Процедура **организации** включает разработку и реализацию организационно-управленческого компонента системы. Цель процедуры состоит в **организации форм** тренировочного процесса с учетом внешних факторов.

Процедура реализуется для каждой категории спортсменов в зависимости от уровня их физической подготовленности. В ходе реализации учитываются различные целевые установки физической подготовки в тренировочном процессе. Для начинающих лыжников приоритетом являются те формы занятий, в которых процессы системы физической подготовки направлены на гармоничное физическое развитие и развитие качеств, необходимых для формирования технических навыков. Для юниоров в приоритете процессы совершенствования функциональных систем

техники и специфическое развитие качеств в зависимости от специализации. Реализация технологии управления предусматривает планомерную и систематизированную организацию ряда процедур проектирования по упорядоченным этапам. На каждом этапе необходимо поставить цель, задачи, разработать содержание, определить сроки выполнения, выбрать режимы выполнения нагрузочных компонентов, установить контроль и самоконтроль. Такая организация позволяет качественно управлять адаптацией организма спортсмена к нагрузкам и своевременно вносить коррективы в тренировочный процесс.

Специфика разработанной технологии заключается в следующем:

- основана на планировании годичной подготовки лыжников-гонщиков, состоящей из двух макроциклов;
- осуществляется на основе суперпозиционного развития физических качеств, доминирующего тренирующего воздействия на конкретные функциональные системы организма при использовании средств физической подготовки и формировании мотивационно-психологической готовности к тренировочной и соревновательной деятельности;
- направлена на взаимодействие суперпозиции тренировочных нагрузок, которое предусматривает последовательное наложение более интенсивных и специфически направленных тренирующих воздействий на адаптивные следы предшествующих нагрузок;
- стимулирует согласование методов развития физических качеств с программированием индивидуального дозирования физической нагрузки;
- создает условия для самостоятельного программирования нагрузки исходя из функциональных возможностей спортсмена, путем смены нагрузок на основании биологических закономерностей развития процессов адаптации организма к напряженной мышечной деятельности;
- вовлекает спортсмена в процесс познавательно-интеллектуальной деятельности по самоконтролю за своим функциональным состоянием и формирует мотивационно-ценностное отношение к постановке и решению задач тренировочного и соревновательного процессов.

Этапность реализации технологии управления системой физической подготовки в многолетнем плане обусловлена динамикой роста физической подготовленности спортсмена.

Заключение

Технология управления системой физической подготовки представляет определенный *порядок процедур* взаимодействия: диагностику, планирование, реализацию, коррекцию, организацию, которые позволяют управлять *процессуальными компонентами системы физической подготовки*: познавательно-контрольным; модельно-прогностическим; программно-управленческим; синергетическим; организационно-управленческим.

Содержание системы физической подготовки, представленное в технологии специальными методами, реализуется в виде модульно-блочного программирования, предусматривающего рациональную последовательность реализации методов развития физических физических качеств лыжников-гонщиков в общей структуре годичной подготовки.

В качестве комплексного алгоритма работы тренера, спортсмена и врача по управлению, развитию и совершенствованию учебно-тренировочной деятельности спортсмена мы предлагаем модульно-блочное программирование системы физической подготовки. Основными переменными работы алгоритма являются параметры нагрузок выполняемых спортсменом в модулях и блоках.

Список источников

1. Верхошанский Ю.В. Программирование и организация тренировочного процесса. М. : Физкультура и спорт, 1985. 176 с.
2. Верхошанский Ю.В. Принципы организации тренировки спортсменов высокого класса в годичном цикле // Теория и практика физической культуры. 1991. № 2. С. 24–31.
3. Верхошанский Ю.В. Актуальные проблемы современной теории и методики спортивной тренировки // Теория и практика физической культуры. 1993. № 8. С. 21–27.
4. Матвеев Л.П. Модельно-целевой подход к построению спортивной подготовки // Теория и практика физической культуры. 2000. № 3. С. 28–37.
5. Платонов В.Н. Общая теория подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Киев : Олимп. лит., 1997. 584 с.
6. Бондарчук А.П. Периодизация спортивной тренировки. Киев : Олимп. лит., 2005. 304 с.
7. Технология в спорте // Словарь спортивных терминов. URL: https://gufo.me/dict/sport_terms/технология_в_спорте (дата обращения: 18.09.2019).
8. Сосуновский В.С., Загrevская А.И. Теоретико-методологические основы системного подхода в педагогической науке // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 201–207. doi: 10.17223/15617793/476/22
9. Ерохина О.А., Фатьянова Т.Е., Синицына Т.В. Прогнозирование в легкой атлетике // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2016. № 49-2. С. 141–147.
10. Бестужев-Лада И.В. Поисковое социальное прогнозирование: перспективные проблемы общества. М. : Наука, 1984. 278 с.
11. Баландин В.И., Блудов Ю.М., Плахтиенко В.А. Прогнозирование в спорте. М. : Физкультура и спорт, 1986. 192 с.
12. Иссурин В.Б. Блоковая периодизация спортивной тренировки. М. : Сов. спорт, 2010. 288 с.
13. Мякинченко Е.Б., Гаврилов В.Г. и др. Спортивная адаптология. Физическая подготовка в циклических видах спорта / под ред. В.Н. Селуянова. М. : ТВТ Дивизион, 2021. 520 с.
14. Вертышев А.Ю. Тема 2. Схемы применявшихся микроциклов. Ч. 2 // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kRY4eDMc-3E&t=420s> (дата обращения: 23.08.2022).
15. Гурский А.В., Ермаков В.В., Кобзева Л.Ф. и др. Лыжные гонки : учеб. Пособие. Смоленск : СГИФК, 1990. 78 с.
16. Ермаков В.В., Гурский А.В., Яковлев И.Т., Солодунин О.Ю. Специальная подготовка лыжника-гонщика : учеб. пособие. Смоленск : СГИФК, 1985. 41 с.
17. Малеев Д.О. Формирование адаптоспособности лыжников-гонщиков в условиях интегративного тренировочного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 156–161. doi: 10.17223/15617793/463/20
18. Шишкина А.В., Тарбеева Н.М. Специальная силовая подготовка квалифицированных лыжников-гонщиков. Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 2008. 91 с.

References

1. Verkhoshanskiy, Yu.V. (1985) *Programmirovaniye i organizatsiya trenirovochnogo protsessa* [Programming and organization of the training process]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
2. Verkhoshanskiy, Yu.V. (1991) Printsipy organizatsii trenirovki sportsmenov vysokogo klassa v godichnom tsikle [Principles of organizing training for high-class athletes in the annual cycle]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 2. pp. 24–31.
3. Verkhoshanskiy, Yu.V. (1993) Aktual'nye problemy sovremennoy teorii i metodiki sportivnoy trenirovki [Current problems of modern theory and methods of sports training]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 8. pp. 21–27.
4. Matveev, L.P. (2000) Model'no-tselevoy podkhod k postroeniyu sportivnoy podgotovki [Model-target approach to the design of sports training]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 3. pp. 28–37.
5. Platonov, V.N. (1997) *Obshchaya teoriya podgotovki sportsmenov v olimpiyskom sporte* [General theory of training athletes in Olympic sports]. Kyiv: Olimp. lit.
6. Bondarchuk, A.P. (2005) *Periodizatsiya sportivnoy trenirovki* [Periodization of sports training]. Kyiv: Olimp. lit.
7. Gufo.me. (2019) Tekhnologiya v sporte [Technology in sports]. In: *Slovar' sportivnykh terminov* [Dictionary of sports terms]. [Online] Available from: https://gufo.me/dict/sport_terms/tekhnologiya_v_sporte (Accessed: 18.09.2019).
8. Sosunovskiy, V.S. & Zagrevskaya, A.I. (2022) Theoretical and Methodological Foundations of a Systems Approach in Pedagogical Science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 201–207. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/22
9. Erokhina, O.A., Fat'yanova, T.E. & Sinitsyna, T.V. (2016) Prognozirovaniye v legkoy atletike [Forecasting in athletics]. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*. 49-2. pp. 141–147.
10. Bestuzhev-Lada, I.V. (1984) *Poiskovoe sotsial'noe prognozirovaniye: perspektivnye problemy obshchestva* [Search social forecasting: promising problems of society]. Moscow: Nauka.
11. Balandin, V.I., Bludov, Yu.M. & Plakhtienko, V.A. (1986) *Prognozirovaniye v sporte* [Forecasting in sports]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
12. Issurin, V.B. (2010) *Blokovaya periodizatsiya sportivnoy trenirovki* [Block periodization of sports training]. Moscow: Sov. sport.
13. Seluyanov, V.N. (ed.) (2021) *Sportivnaya adaptologiya. Fizicheskaya podgotovka v tsiklicheskiykh vidakh sporta* [Sports adaptology. Physical training in cyclic sports]. Moscow: TVT Divizion.
14. Vertyshev, A.Yu. (2022) Tema 2. Skhemy primenyavshikhsya mikrotsiklov. Ch. 2 [Topic 2. Schemes of the microcycles used. Part 2]. YouTube. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=kRY4eDMc-3E&t=420s> (Accessed: 23.08.2022).
15. Gurskiy, A.V. et al. (1990) *Lyzhnye gonki* [Ski racing]. Smolensk: SGIFK.
16. Ermakov, V.V. et al. (1985) *Spetsial'naya podgotovka lyzhnika-gonshchika* [Special training of a ski racer]. Smolensk: SGIFK.
17. Maleev, D.O. (2021) Formation of ski racers' adaptability in the conditions of an integrative training process. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 463. pp. 156–161. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/463/20
18. Shishkina, A.V. & Tarbeeva, N.M. (2008) *Spetsial'naya silovaya podgotovka kvalifitsirovannykh lyzhnikov-gonshchikov* [Special strength training of qualified cross-country skiers]. Yekaterinburg: UGTU–UPI.

Информация об авторе:

Кучерова А.В. – канд. пед. наук, зав. кафедрой теории и методики физического воспитания Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова (Могилев, Беларусь). E-mail: kucherova@msu.by

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Kucherova, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Theory and Methods of Physical Education, Mogilev State A. Kuleshov University (Mogilev, Republic of Belarus). E-mail: kucherova@msu.by

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.12.2023;
одобрена после рецензирования 05.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.*

*The article was submitted 22.12.2023;
approved after reviewing 05.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.*

Научная статья
УДК 372.881.1
doi: 10.17223/15617793/499/18

Условия формирования основ координативного трилингвизма при обучении двум иностранным языкам

Елена Рафаэлевна Поршнева¹, Елена Олеговна Лешканова²

^{1, 2} Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

¹ eporshneva@gmail.com

² elenal310795@gmail.com

Аннотация. Рассматривается проблема формирования основ координативного трилингвизма – такого типа владения тремя языками (родным и двумя иностранными), когда их системы сосуществуют в сознании индивида параллельно, а межъязыковое смешение сведено к минимуму. Отмечается, что при этом особую роль играет активизация и развитие у обучающихся таких механизмов речевой деятельности, как механизм установок, механизм межъязыкового сопоставления, механизм ассоциирования и механизм межъязыкового переноса.

Ключевые слова: билингвизм, трилингвизм, обучение иностранным языкам, родной язык, многоязычное образование, механизмы речевой деятельности, межъязыковая интерференция, межъязыковое сопоставление

Для цитирования: Поршнева Е.Р., Лешканова Е.О. Условия формирования основ координативного трилингвизма при обучении двум иностранным языкам // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 166–175. doi: 10.17223/15617793/499/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/18

The conditions of forming coordinative trilingualism basics when teaching two foreign languages

Elena R. Porshneva¹, Elena O. Leshkanova²

^{1, 2} Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹ eporshneva@gmail.com

² elenal310795@gmail.com

Abstract. The article discusses the problem of the formation of coordinate trilingualism basics – the type of proficiency in three languages (native and two foreign ones), when their systems coexist in the individual's mind in parallel, and interlanguage mixing is minimized, and, as a result, the speech in three languages is correct. Based on the research of Russian and foreign scientists on the peculiarities of trilingualism thinking, the authors confirm that the formation of artificial (educational) trilingualism when teaching two foreign languages in educational institutions, in particular at universities, requires a special approach. Considering that the native language has a significant impact on the process of learning foreign languages, and the study of a second foreign language proceeds under the influence of the previously studied first foreign language, the authors focus on a consciously comparative method of co-learning languages, which minimizes negative interlanguage interference that causes errors in speech and strengthens positive interlanguage interference that simplifies language acquisition based on the constant comparison of the phenomena of the native and studied foreign languages on the lexical, morphological, and syntactic levels. According to the authors, a special role in the formation of the foundations of coordinate trilingualism is played by the development of such mechanisms of students' speech activity as the mechanism of installation, the mechanism of interlanguage comparison, the mechanism of association, and the mechanism of interlanguage transfer. The installation mechanism allows one to rely on information already existing in the individual's mind about the subject and transfer this experience to the development of new material. Constant comparison of the phenomena of native and studied foreign languages at the lexical, morphological, syntactic levels allows one to see the similarities and differences between the phenomena of the native and studied foreign languages. Association, in turn, helps to create connections between phenomena and see analogies with what is already known when learning something new. Interlingual transfer promotes the use of skills developed in the native language when mastering other languages. The theoretical understanding of the problem and the analysis of the results of the experimental training made it possible to determine the necessary conditions for the formation of coordinate trilingualism basics in the process of mastering foreign languages. This is, first of all, a constant comparison of phenomena of native and studied foreign cultures at various levels, comparison of concepts (meanings) of native and

foreign languages, systematic work on interlingual interference through special exercises aimed at developing the above-mentioned speech mechanisms, in practical classes in foreign languages.

Keywords: bilingualism, trilingualism, teaching foreign languages, native language, multilingual education, mechanisms of speech activity, interlingual interference, interlingual comparison

For citation: Porshneva, E.R. & Leshkanova, E.O. (2024) The conditions of forming coordinative trilingualism basics when teaching two foreign languages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 166–175. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/18

Введение

Проблема трилингвизма на сегодняшний день представляет широкий простор для исследования и является одной из наиболее обсуждаемых в лингводидактике, методике обучения иностранным языкам, когнитивной психологии и психолингвистике в свете мультилингвального направления иноязычного образования.

В публикациях триязычие традиционно рассматривается как естественное продолжение билингвизма [1. С. 121]. При описании трилингвизма используются терминология и классификация, разработанные исследователями билингвизма [2]. Большинство исследователей связывают билингвизм и трилингвизм с разными проявлениями одного и того же феномена. Ш. Хоффманн отмечает, что в силу отсутствия какого-либо теоретического обоснования трилингвизма как особого феномена многие лингвисты проводят свои исследования в рамках концепции билингвизма [3. С. 1]. Как правило, обращаясь к проблеме билингвизма, исследователи изучают взаимодействие двух языков – родного и иностранного (наиболее часто – английского) или первого иностранного и второго иностранного языков. Естественный билингвизм и искусственный (учебный) билингвизм при этом рассматриваются отдельно друг от друга.

Как считает А.В. Хэккет-Джонс, в последнее время интерес к мультилингвальным исследованиям и вопросам формирования естественного билингвизма несколько отодвинул на второй план вопросы изучения искусственного (учебного) билингвизма [4]. Однако не стоит забывать о том, что в программу многих школ и вузов введены два иностранных языка, в связи с чем проблема формирования искусственного (учебного) трилингвизма, вызванная потребностью развития коммуникативной компетенции при освоении нескольких языков, включая родной, остается актуальной.

Работы, посвященные овладению вторым иностранным языком, затрагивают, как правило, отдельные аспекты развития трилингвизма [5]: особенности освоения фонетики, лексики, грамматики, синтаксиса изучаемых языков, среди которых выделяется исследование представительницы Волгоградской переводческой школы Л.Г. Фомиченко, проанализировавшей лингвистические проявления трилингвизма [6] на примере просодического акцента в англоязычной речи трилингвов.

Вторым важным моментом изучения билингвизма и трилингвизма является выявление их видовых особенностей. Е.М. Верещагин, Р.К. Миньяр-Белоручев, Б.С. Котик выделяют субординативный и координативный билингвизм.

Е.М. Верещагин в своей лингвистической типологии билингвизма, которая строится на основе критерия правильности речи, отмечает, что при субординативном билингвизме языковая система нарушается, что становится причиной ошибок в речи, тогда как при координативном билингвизме она сохраняется, т.е. речь является правильной [7. С. 49]. Б.С. Котик, в свою очередь, приходит к выводу, что при координативном билингвизме сохраняются две языковые системы и две семантические базы, каждая из которых связана с конкретными системами входа-выхода [8]. Того же мнения придерживается Т.С. Серова, утверждая, что при координативном билингвизме, в отличие от субординативного, при котором система одного языка подчинена другому, сформированы две сбалансированные параллельные системы, что позволяет говорить о сбалансированном билингвизме [9. С. 44–45]. Развивая мысль Т.С. Серовой, можно говорить также о сбалансированном трилингвизме при условии параллельного практико-направленного обучения двум иностранным языкам и родному языку. К сожалению, в высших учебных заведениях в процессе языковой подготовки лингвистов (в том числе преподавателей иностранных языков, переводчиков) все внимание сосредоточено на практике иностранных языков, а курс родного языка имеет сугубо теоретическую направленность, поэтому достижение сбалансированного уровня владения тремя языками (востребованного от специалистов в области лингвистики) становится практически невозможным. Требуется пересмотр цели и задач профессионального иноязычного образования.

Вслед за И.С. Алексеевой мы придерживаемся точки зрения, что дидактический и методический потенциал трилингвизма еще далеко не исчерпан [10]. В каких условиях формирование координативного трилингвизма возможно? В нашем исследовании мы пытаемся решить эту проблему и найти возможные пути достижения скоординированности систем родного и двух иностранных языков в сознании трилингва в процессе языковой подготовки будущих лингвистов.

Методология исследования

Методологической основой исследования являются положения теории билингвизма, концепция многоязычия (мультилингвизма), теория речевой деятельности, а также когнитивно-психологические исследования, посвященные особому типу мышления, которым обладают билингвы и трилингвы. М.М. Фомин, Ф. Грожан, Н.В. Барышников считают

трилингвизм вариантом мультилингвизма (многоязычия) и подчеркивают, что трилингв способен пользоваться каждым из трех языков, которыми он владеет, в различных коммуникативных ситуациях [11–13]. Анализируя определения феномена мультилингвизма, Т.С. Остапенко приходит к выводу, что большинство исследователей признают мультилингвизм в качестве базового понятия, а билингвизм и трилингвизм рассматривают как его варианты [3. С. 236].

Мнения исследователей расходятся при толковании субординативности как характеристики трилингвизма. А.Н. Лихачева утверждает, что при искусственном субординативном трилингвизме доминантным языком мышления является родной язык. Субординативность проявляется в процессе координирования как первого, так и второго иностранных языков с родным языком на системном уровне, что может являться основой для переноса предыдущего опыта изучения языков на новый языковой опыт. Чистый билингвизм определяется как «владение человеком схожей компетентностью в двух различных языках», что означает их использование с равной степенью легкости при решении определенной коммуникативной задачи. Искусственный билингв, изучающий иностранный язык в рамках учебной программы, не может считаться индивидом с координированным двуязычием, так как его владение языками неодинаково. В этом случае проявляется ложный билингвизм, при котором преимущественно срабатывает система действий родного языка [5]. По мнению М. Сигуана и У.Ф. Макки, «двуязычные с координативным двуязычием владеют двойной системой означаемого, тогда как двуязычные с ложным двуязычием владеют лишь одной системой значений и между типами двуязычия не существует четкой границы, а, скорее, имеется непрерывная градация» [14. С. 18].

Как правило, в ситуации формирования искусственного трилингвизма будущий трилингв сначала овладевает родным языком, далее он осваивает первый иностранный язык, а чуть позже, вслед за первым иностранным, начинает изучать второй иностранный язык. А.В. Хэкетт-Джонс обращает внимание на тот факт, что на первых порах изучения второго иностранного языка над ним доминирует не только родной, но и первый иностранный язык [15]. Тем не менее представляется вполне возможным, что билингвизм/трилингвизм в процессе изучения языков может стать не субординативным, а координативным. Н.В. Барышников считает, что субординативность в ситуации учебного многоязычия проявляется не в том, что многоязычная личность владеет языками, изучение которых началось позднее, на более низком уровне, а в порядке овладения этими языками. Следовательно, в процессе одновременного постепенного овладения несколькими иностранными языками многоязычие может стать координативным [16. С. 55–56].

При этом заметим, что изначально не все, приступая к изучению иностранных языков, владеют необходимыми речевыми и речемыслительными механиз-

мами на родном языке. А при недостаточном практическом владении родным языком построение сбалансированного трилингвизма вызывает дополнительные трудности. В таком случае в сознании индивида иностранный язык начинает превалировать над родным языком и становится причиной ошибок в речи на родном языке.

Что же мешает обучающемуся овладеть двумя иностранными языками на одинаково высоком уровне? Возвращаясь к вопросу освоения иностранного языка с опорой на родной язык, приведем точку зрения А.А. Леонтьева на эту проблему. По его мнению, при изучении второго языка обучающиеся овладевают им, пользуясь для этой цели теми умениями и навыками, которые отработаны у них на базе родного языка. Этот перенос умений и навыков с родного языка на иностранный происходит независимо от попыток ограничить его при помощи того или иного метода. При овладении новым языком происходит общий перенос умений, или перенос коррекций, поскольку индивиду проще осознать и автоматизировать коррекции, чем выработать умение заново [17]. Л.С. Выготский также подчеркивал, что «сознательное и намеренное усвоение иностранного языка совершенно очевидно опирается на известный уровень развития родного языка» [18. С. 292]. Большинство исследований в области обучения иностранным языкам подтверждают, что овладение первым и вторым иностранным языком проходит успешно только после усвоения на должном уровне родного языка и культуры.

Трилингвизм представляет собой более сложный языковой феномен по сравнению с двуязычием [19]. Усложняется процесс взаимодействия языковых средств и навыков, и к обучению второму иностранному языку предъявляются иные требования, чем к обучению первому иностранному языку. При изучении нескольких языков формируется языковая личность особого типа, владеющая несколькими языковыми и культурными системами и ориентирующаяся в нескольких картинах мира. При формировании билингвизма происходит становление билингвальной и бикультурной личности [4. С. 179]. В ситуации трилингвизма у индивида формируется, соответственно, полилингвальная и поликультурная личность, так как освоение двух иностранных языков и культур происходит при условии совершенствования родного языка и сохранения собственной культурной идентичности.

Отдельное место в исследованиях, посвященных билингвизму и трилингвизму, занимает проблема наличия у индивида, владеющего несколькими языками, особого типа или типов мышления. Нельзя не согласиться с М.М. Фоминым, который, определяя многоязычие как комплексную междисциплинарную проблему, считает, что владение несколькими языками не означает существование нескольких типов мышлений. По его мнению, освоение каждого последующего языка создает за счет асимметрии семантических полей качественно новое, но при этом *единое лингвистическое мышление* [11], заключающееся во владении определенными речемыслительными действиями/механизмами.

В то же время, анализируя характер взаимодействия языков, многие исследователи отмечают, что у трилингва формируется особенный тип сознания. Так, по мнению А.В. Щепиловой, трилингв обладает *металингвистическим сознанием*, отличающимся от монолингвального сознания. Уникальность этого типа языкового сознания заключается в том, что у индивида развивается способность к абстрактно-логическим операциям на основе нескольких изучаемых языков [20]. А.В. Щепилова поясняет, что «двуязычный индивид готов к изучению другого языка через свой лингвистический опыт, через осознание того, что существуют разные способы оформления мысли, к наличию в изучаемом языке специфических грамматических явлений он относится как к чему-то само собой разумеющемуся» [21. С. 113], т.е. «металингвистическое сознание» определяется как *осмысление* речемыслительных действий.

Для различения терминов «мышление» и «сознание» обратимся к пояснению И.А. Стернина, согласно которому «термин *сознание* в принципе акцентирует статический аспект явления, а мышление – динамический. Если “сознание – это свойство мозга”, то “мышление – это деятельность мозга, наделенного сознанием (то есть мыслительная деятельность)”, следовательно, мышление представляет собой деятельность мозга, наделенного сознанием» [22. С. 44]. Именно в этом аспекте ученый полагает возможным разграничить мышление и сознание. Если придерживаться определения И.А. Стернина, то «единое лингвистическое мышление трилингва» можно толковать как владение хорошо развитыми и скоординированными речемыслительными механизмами. Уточним, что это, прежде всего, когнитивная гибкость, легкость переноса лингвистического и коммуникативного опыта, быстрота установления языковых ассоциаций, владение сопоставительным внутриязыковым и межъязыковым анализом, установка на речевую активность.

Как считает З.Б. Девицкая, металингвистическое сознание как уникальное состояние языкового сознания трилингва является результатом постоянных операций сравнения между языковыми кодами различных языковых систем, происходящих в процессе освоения нескольких языков [23]. Действительно, осуществление сравнения между языками неизбежно, поскольку, изучая иностранный язык, обучающийся неизменно обращается к родному языку, сравнивая слова, фразы, структуры иностранного языка с аналогичными явлениями в родном языке. Тот же процесс сопоставления протекает при изучении второго иностранного языка. Происходит сравнение с явлениями как первого иностранного, так и родного языков.

О важности переноса опыта в организации познавательного взаимодействия субъекта с миром писала М.А. Холодная. При этом опыт может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на интеллектуальную деятельность. Примером положительного переноса является повышение продуктивности решения задач под влиянием ранее усвоенного релевантного опыта и способность мыслить по аналогии [24]. Это утверждение о переносе положительного

опыта можно применить по отношению к изучению иностранных языков. Поиск аналогий между явлениями родного и изучаемых иностранных языков и между явлениями первого и второго изучаемых иностранных языков может способствовать более осмысленному и успешному усвоению этих языков.

Т.К. Цветкова отмечает, что при обучении иностранному языку в центре внимания должны быть те понятия и явления иностранного языка, которые либо отсутствуют в русскоязычной картине мира, либо имеют частичное сходство с некоторыми явлениями родного языка и могут осмысливаться обучающимися как полностью совпадающие с родным языком [25. С. 68]. При этом овладение новой языковой системой должно идти не по методу коррекций, а по методу «удвоения» с учетом различий двух языковых систем и стоящих за ними смыслов и картин мира [25. С. 55].

Овладение вторым иностранным языком при формировании трилингвизма происходит постепенно, с развитием всех видов речевой деятельности на этом языке. Как подчеркивает Н.В. Барышников, второй иностранный язык становится частью компетенции трилингвизма (триглоссии) не с момента начала его изучения, а к концу начального этапа или даже к середине основного этапа его изучения. К этому времени обучающиеся овладевают речевыми умениями на уровне, достаточном для чтения и понимания определенных текстов на втором иностранном языке [13]. При этом отметим, что при обучении родному и иностранному языкам с целью достижения уровня профессионального владения этими тремя языками важно использовать единую стратегию освоения иностранных языков параллельно с совершенствованием владения родным языком.

Как утверждает Е.К. Черничкина, искусственный билингв, овладевая иностранным языком, соотносит образы коллективного сознания иноязычной культуры, которые стоят за каждым словом, с уже имеющимся в его сознании образом, типичным для когнитивной базы его родного языка. Развитие коммуникативного сознания искусственного билингва сопровождается расширением его когнитивного пространства, где происходит столкновение с новым когнитивно-эмоциональным образом, стоящим за иноязычным словом и влекущим за собой когнитивное переструктурирование. Языковая картина мира родного языка дополняется новыми ксеноконцептами и интегрированными когнитивными структурами. Такое видение билингвизма позволило Е.К. Черничкиной сделать предположение о гибкости и подвижности билингвального сознания, что обеспечивает его когнитивное преимущество по сравнению с монолингвальным [26].

По мнению И.И. Николаевой, для достижения наилучшего результата при обучении нескольким иностранным языкам целесообразно учитывать особенности металингвистического сознания трилингва и развивать его когнитивную гибкость. Когнитивная гибкость проявляется в готовности к восприятию явлений, не знакомых индивиду из предшествующего опыта, в отказе от попытки втиснуть новый опыт в жесткие рамки собственных представлений, в признании права

представителей другой культуры на восприятие мира с иных позиций и в развитой способности преодолевать сложившиеся стереотипы [27]. Когнитивной гибкости свойственна готовность к восприятию явлений, не знакомых индивиду из предшествующего опыта, отказ от попытки втиснуть новый опыт в жесткие рамки собственных представлений, признание права представителей другой культуры на восприятие мира с иных позиций и способность к преодолению стереотипов [27].

В публикациях, посвященных изучению билингвизма/трилингвизма, чаще всего описываются характеристики данного феномена, выдвигаются гипотезы по повышению эффективности обучения многоязычию, но не исследуются условия его формирования. Цель нашего исследования – проверить высказанные гипотезы и выявить возможность формирования основ координативного трилингвизма в процессе обучения иностранным языкам путем активизации речемыслительных механизмов: механизма установки, механизма межъязыкового сопоставления, механизма ассоциирования, механизма межъязыкового переноса.

Исследование и результаты

В рамках данного исследования осуществляется экспериментальное обучение на 2-м курсе Высшей школы перевода НГЛУ им. Н.А. Добролюбова в группах студентов, изучающих два иностранных языка (английский и французский). Разрабатывая методику, способствующую скоординированности систем родного, первого иностранного и второго иностранного языков в сознании будущих лингвистов-переводчиков, мы концентрируем внимание на осмыслении и активизации речемыслительных механизмов, способствующих освоению иностранных языков с опорой на родной.

Поскольку родной язык доминирует в сознании индивида и установки, закрепившиеся в его сознании при освоении родного языка, влияют на овладение иностранным языком, особую роль играет *механизм установки*.

Т.Д. Кузнецова утверждает, что в процессе овладения вторым и третьим языком у одного и того же индивида могут быть четкие дифференцированные установки на одни языковые факты и нечеткие недифференцированные установки на другие. Так, одним материалом он может владеть на уровне субординативного билингвизма, а другим – на уровне координативного. Классифицируя ошибки, связанные с динамическим развитием установки в процессе речевой деятельности, Т.Д. Кузнецова выявила, в частности, ошибки ложной идентификации значений слов в двух языках под влиянием генерализирующего действия установки в речевом механизме и ошибки, показывающие, что грамматическое структурирование идет по модели родного языка [28].

Для формирования механизма установки у обучающихся нами была разработана анкета, направленная на осмысление сути трилингвизма, стратегий его формирования и необходимости координирования родного и изучаемых иностранных языков при становлении трилингвальной личности. В анкете студентам предлагалось ответить на вопросы, связанные с многоязычием,

овладением несколькими иностранными языками и роли родного языка в изучении иностранных языков.

Проанализируем некоторые ответы студентов. Большинство обучающихся успешно справились с вопросами анкеты: они выбрали верное определение многоязычия, указали, какой бывает межъязыковая интерференция (позитивной и негативной), выделили важные для освоения языков механизмы речевой деятельности. Тем не менее некоторые вопросы вызвали трудности у студентов. Согласно результатам анкетирования, только 40% опрошенных отметили важность сопоставительного метода при изучении иностранных языков и овладении ими. В то же время 25% принявших участие в анкетировании считают, что уровень владения родным языком никак не влияет на процесс изучения иностранного языка. Из этого следует, что достаточно большое количество обучающихся не задумывается о роли родного языка в освоении иностранных языков, о том, что постоянное сравнение с родным языком и активизация умений, сформированных на родном языке, могут открыть перед ними совершенно новые перспективы овладения иностранными языками.

Еще одним вопросом анкеты, вызвавшим затруднения, являлся вопрос о типе интерференции, мешающей построению высказывания на иностранном языке. Больше половины обучающихся (58%) убеждены, что синтаксическая интерференция в меньшей степени нарушает смысл высказывания, чем лексическая. Вероятно, ранее на занятиях иностранным языком студенты больше внимания уделяли работе с лексикой и не задумывались о том, что именно синтаксис, адекватный речевой ситуации, делает высказывание на иностранном языке естественным, аутентичным.

Все вопросы, возникшие в ходе проведения анкетирования, были детально обсуждены на специально организованном занятии, что во многом способствовало формированию у обучающихся более четких установок на изучение иностранных языков. Студенты стали более осмысленно относиться к своей дальнейшей деятельности, необходимой для успешного освоения иностранных языков, осознали важность родного языка в процессе изучения иностранных языков, признали необходимость активизации определенных речемыслительных механизмов на изучаемых языках. Осознанная установка на скоординированное изучение родного и иностранных языков способствует их эффективному развитию.

По мнению Т.К. Цветковой, если субъект интегрирует образ иностранного языка в образ родного языка, не обращая внимания на их различия, вся новая информация об изучаемом языке будет осмысливаться им в контексте русскоязычной картины мира, что характерно для субординативного билингвизма [29. С. 149]. Возникает проблема негативной межъязыковой интерференции, т.е. отклонения от норм любого из языков вследствие языкового контакта [30]. В связи с этим для минимизации деструктивной межъязыковой интерференции необходимо активизировать у обучающихся *механизм межъязыкового сопоставления*, поскольку сопоставление языковых единиц языка в процессе речевого выбора крайне важно для успешного формирования трилингвальной личности [31].

Понятие «механизм межъязыкового сопоставления» было предложено лингвистом Дж. Липски, который высказал идею о существовании у билингвов подобного механизма [32]. А.В. Рагозина и О.А. Обдалова подтверждают, что постоянное сопоставление языков не только способствует лучшему пониманию их явлений, но и служит инструментом корректировки последствий негативной межъязыковой интерференции [33]. С целью формирования механизма межъязыкового сопоставления при обучении иностранным языкам нами был разработан комплекс упражнений, которые строятся на сопоставлении аутентичных фраз на русском, английском и французском языках. Упражнения направлены на определение значений межъязыковых паронимов, анализ интернациональной лексики, выявление случаев межъязыковой негативной или позитивной лексической и синтаксической интерференции, установление сходств и различий при построении высказывания на родном и изучаемых иностранных языках.

Как отмечает Л.А. Черняховская, смысловую эквивалентность чаще всего можно установить на уровне предложения, поскольку игнорирование расхождений в способах построения фразы на родном и иностранном языках часто становится причиной неестественного звучания речи на иностранном языке. Предложение должно рассматриваться в конкретной речевой ситуации, чтобы было возможно установить соответствия между языковыми явлениями в определенной коммуникативной ситуации [34. С. 3–5].

Мы также считаем неэффективным предлагать для сопоставления списки отдельных слов, как это делается во многих методических разработках, и строим упражнения на сопоставление лексических единиц и синтаксических структур только в контексте. В качестве примера заданий на выявление лексической интерференции в контексте можно привести следующее упражнение. Оно направлено на выявление смысловых различий между схожими лексическими единицами (межъязыковыми транспарентами) в родном и иностранных (английском и французском) языках, например,

Определите значения выделенных слов и подберите для них эквиваленты на двух других языках.

1. На вокзале в зале ожидания есть также *буфет* с кофе, булочками и бутербродами.

2. A fine *buffet* breakfast with a rich variety of produce will boost energy for a whole day. Aromatic coffee and tea will wake you up even on a cloudy morning.

3. Le thème de l'éco-efficacité a profondément intéressé les participants et a permis de lancer un débat qui s'est poursuivi dans le magnifique jardin de l'Institut de Culture Italienne où un *buffet* attendait les invités.

4. У нас на кухне стоял старинный *буфет*.

Студенты анализируют значения межъязыковых транспарентов в приведенных выше примерах и приходят к выводу, что и в английском, и во французском языке слова *buffet* являются многозначными и могут использоваться в качестве эквивалентов в примерах 1, 2 и 3. Однако русское слово *буфет* не является эквивалентом английского *buffet* в примере 2: в этом контексте в русском

языке употребляется выражение «шведский стол». В примере 3 эквивалентом для французского *buffet* в русском языке является также не слово «буфет», а «фуршет». В примере 4 совпадают значения межъязыковых паронимов *буфет* и *buffet* в русском и французском языках: слово *буфет* обозначает вид мебели, как и французское слово *buffet*. Однако для перевода этой фразы на английский язык потребуются слово *cupboard*. Таким образом, только в примере 1 значения межъязыковых паронимов в трех языках совпадают, а в других случаях в одном из языков требуется иной эквивалент.

В свою очередь, для работы над межъязыковой синтаксической интерференцией обучающимся предлагается выполнить упражнения на сопоставление синтаксических структур в родном и изучаемых иностранных языках. Ниже приведен пример простейшего упражнения на сравнение использования временных форм в русском, английском и французском языках:

Выразите одну и ту же идею на английском и на французском языке, используя различные грамматические средства для передачи смысла предложения.

1. Я не был в кино с мая.
2. Я был в кино в последний раз в мае.
3. Он всю ночь делал домашнее задание.

Подбирая эквиваленты на иностранных языках к данным предложениям, студенты отмечают, что в английском и французском языках используются различные временные формы глагола (Present Perfect и Past Simple в английском, Passé Composé и l'Imparfait во французском языке), в то время как в русском языке во всех трех фразах употребляется прошедшее время. Так, в эквиваленте предложения 1 на английском языке употребляется Present Perfect, во французском – Passé Composé. При передаче смысла предложения 2 на английском языке используется Past Simple, на французском – l'Imparfait, предложение 3 передается на английском языке также с помощью Past Simple, а на французском – с помощью Passé Composé.

Предлагаемая система упражнений имеет комплексный характер: они постепенно усложняются и расширяются. Приведем пример упражнения, направленного на сопоставление не только временных форм глагола, но и других синтаксических структур.

Сопоставьте синтаксические структуры, используемые для выражения одной и той же мысли на русском, английском и французском языках. Проанализируйте употребленные грамматические структуры и их узуальность.

При выполнении этого задания студенты анализируют способы передачи данных высказываний на родном и иностранных языках и приходят к следующим выводам. Так, при передаче смысла предложения «Я прекрасно провел лето» на английском и французском языках вместо сочетания наречия и глагола употребляется сочетание прилагательного и существительного, поскольку в данном случае эти конструкции являются более узуальными и звучат естественно на иностранном языке.

Русский язык	Английский язык	Французский язык
Я <i>прекрасно</i> провел лето.	I spent a <i>nice</i> summer.	J'ai passé un <i>bon</i> été.
В кабинете <i>стояли</i> большой письменный стол, стул и компьютер.	In the office <i>there was</i> a large desk, a chair and a computer.	Dans le bureau, <i>il y avait</i> un grand bureau, une chaise et un ordinateur.
Она <i>постриглась</i> в новой парикмахерской.	She <i>had</i> her hair <i>cut</i> at a new hairdresser's.	Elle <i>s'est fait couper</i> les cheveux dans un nouveau salon de coiffure.

При передаче предложения «В кабинете стояли большой письменный стол, стул и компьютер» используется конструкция *there is/there are* в английском языке и конструкция *il y a* во французском языке. Данные конструкции в английском и французском языке совпадают по значению, но обладают различными грамматическими свойствами: *there is/there are* требует согласования формы глагола со следующим за ним существительным в отличие от конструкции *il y a* во французском языке.

Что касается предложения «Она постриглась в новой парикмахерской» и его эквивалентов на иностранных языках, в отличие от русского языка, где в данном предложении употребляется возвратная форма глагола, в английском и французском языках применяются особые конструкции, показывающие, что действие выполняется другим субъектом. В английском языке такой конструкцией является *to have something done*, во французском – *se faire + infinitif*.

Достижению скоординированности нескольких языков в сознании трилингва активно способствует механизм ассоциирования. А.А. Залевская отмечает, что этот механизм помогает связать в сознании объекты на различных уровнях единой перцептивно-когнитивно-аффективной системы (памяти). При этом необходимо опираться на признаки объектов и включать разнообразные системы связей на разных уровнях осознанности [35]. Следовательно, при создании системы упражнений на межязыковые сопоставления целесообразно интегрировать метод ассоциаций, поскольку стремление сократить число мыслительных действий приводит к тому, что идентификация каждого нового познаваемого объекта или явления осуществляется через поиск аналогов среди уже известных предметов или явлений, зафиксированных в памяти субъекта [27]. Е.К. Черникина утверждает, что перестраивание лексикона искусственного билингва осуществляется в направлении осознания семантической подвижности лексем, изменения объема значений, реструктуризации и расширения ассоциативных связей, что влечет за собой расширение объема памяти [26].

Учитывая эту особенность мышления индивида, при разработке упражнений необходимо группировать сходные по форме (написанию) и (или) значению лексические или синтаксические единицы изучаемых языков, чтобы обучающиеся могли выявлять сходства или различия в значении и употреблении данных языковых единиц.

Приведем пример упражнения, направленного на определение и сопоставление значений межязыковых паронимов (преодоление ложных ассоциаций):

Определите значения слов-паронимов «лимон» (рус.), «lemon» (англ.), «limon» (фр.) с помощью словарей и выявите, в каком из предложений одно из этих слов отличается от других по значению.

1. Запах *лимона* настраивает на рабочий лад и заряжает энергией.
2. Wash the fruit and cut them into thin slices, squeeze *lemon* over them and put them to one side.
3. Il y a un niveau élevé de *limon* dans le fleuve.

Из-за сходных форм выделенных в предложениях слов у обучающихся возникает ложная ассоциация, что во всех трех языках паронимы совпадают по значению. Анализируя данные лексические единицы в контексте, студенты определяют, что значения слов *lemon* в английском языке и *лимон* в русском языке совпадают, но во французском языке *limon*, *m* – это грязь (жидкая) с бытовыми отходами, а русскому слову *лимон* соответствует французское слово *citron*, *m*.

При изучении нескольких иностранных языков, помимо негативной интерференции, вызывающей ошибки в речи, возникает позитивная интерференция – положительное воздействие языков друг на друга вследствие межязыкового переноса [36]. И.И. Китросская рассматривает перенос как сложное явление человеческой психики и утверждает, что скрытый механизм межязыкового переноса позволяет учитывать предыдущий опыт владения родным языком и первым иностранным языком для успешной организации речевой деятельности на втором изучаемом иностранном языке [37. С. 131–132]. Стоит отметить, что при выполнении упражнений и на межязыковое сопоставление, и на ассоциирование у обучающихся также активизируется механизм межязыкового переноса, поскольку они учатся видеть аналогии между явлениями родного и иностранных языков на разных уровнях (лексическом, морфологическом, синтаксическом) и переносят свой опыт освоения родного языка и первого иностранного языка на освоение второго иностранного языка.

Регулярное применение таких упражнений в рамках практических занятий по иностранным языкам способствует более осмысленному и осознанному овладению иностранными языками. Студенты отмечают пользу и эффективность применения подобной системы упражнений, направленных на активизацию речемыслительных механизмов на родном и изучаемых иностранных

языках, и подчеркивают, что эта система облегчает освоение языков.

Заключение

Рассмотрев различные взгляды на проблему формирования трилингвизма, можно сделать вывод, что основы искусственного (учебного) трилингвизма следует считать успешно сформированными, в том случае, если обучающиеся владеют родным и двумя иностранными языками и способны осуществлять коммуникацию и переходить с одного на другой язык в различных ситуациях бытового общения. Формирование основ координативного трилингвизма представляется возможным при условии сформированности на родном языке таких речемыслительных механизмов, как механизм установки, механизм межъязыкового сопоставления, механизм ассоциирования, механизм межъязыкового переноса.

Таким образом, были выделены следующие условия, необходимые для формирования координативного

трилингвизма у обучающихся, изучающих два иностранных языка:

1) постоянное межъязыковое сопоставление явлений родного, первого иностранного и второго иностранного языков при обучении первому и второму иностранным языкам;

2) обращение к концептам (смыслам) родного и иностранных языков и их сравнение в контексте с целью развития когнитивной гибкости трилингва;

3) осмысление и овладение едиными речемыслительными механизмами (на родном и иностранных языках): механизм установки, механизм межъязыкового сопоставления, механизм ассоциирования, механизм межъязыкового переноса;

4) развитие единого лингвистического мышления и металингвистического сознания у студентов путем введения в процессе обучения иностранному языку особой системы упражнений, направленных на активизацию вышеуказанных речемыслительных механизмов.

Список источников

- Schönpflug U. Word-fragment Completions in the Second and Third Language: a Contribution to the Organisation of the Trilingual Speaker's Lexicon // English in Europe: the Acquisition of a Third Language. Multilingual Matters, 2000. P. 121.
- Остапенко Т.С. Мультилингвизм: проблема определения и основные направления исследований в современной лингвистике // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 3. С. 232–240.
- Hoffmann C. Towards a description of trilingual competence // International Journal of Bilingualism. 2001. Vol. 5, № 1. P. 1–17. URL: http://usir.salford.ac.uk/1348/1/PDF_Towards_a_description_of_trilingual_competence_2001.pdf.
- Хэкетт-Джонс А.В. От билингвизма к полилингвизму: концепции многоязычия в условиях новой образовательной реальности // Междонародный научный-исследовательский журнал. 2016. № 3 (45). URL: <https://research-journal.org/archive/3-45-2016-march/ot-bilingvizma-k-polilingvizmu-konceptii-mnogoyazychiya-v-usloviyah-novoj-obrazovatelnoj-realnosti>
- Лихачева А.Н. Педагогические условия обучения второму иностранному языку школьников юга России на среднем этапе общего образования : дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2020. 202 с.
- Фомиченко Л.Г. Билингвизм и трилингвизм сходства и различия // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2005. С. 96–100.
- Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. 160 с.
- Котик Б.С. Межполушарное взаимодействие при осуществлении речи у билингвов // Вопросы психологии в девятнадцатилетнем ресурсе. 1980–1998. URL: <http://voppsy.ru/issues/1983/836/836114.htm>
- Серова Т.С. Сбалансированный билингвизм и механизм языкового переключения в устной переводческой деятельности в условиях диалога языков и культур // Язык и культура. 2010. № 4. С. 44–56.
- Алексеева И.С., Бояркина А.В., Тахтарова С.С., Просюкова К.О. Дидактические аспекты транслатологического трилингвизма // Казанский лингвистический журнал. 2021. Т. 4, № 2. С. 302–318.
- Фомин М.М. Обучение иностранному языку в условиях многоязычия (двуязычия). М. : Мир книги, 1998. 213 с.
- Grosjean F. A psycholinguistic approach to code-switching: the recognition of guest words by bilinguals // One Speaker, Two Languages: Cross-disciplinary Perspectives on Code-Switching. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 259–275.
- Барышников Н.В. Методика обучения второму иностранному языку в школе. М. : Просвещение, 2003. 159 с.
- Сигуан М., Макки У.Ф. Образование и двуязычие : пер. с фр. М. : Педагогика, 1990. 184 с.
- Хэкетт-Джонс А.В. Why 'second' does not mean 'second best': почему «Второй» язык не значит «Второстепенный» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2019. № 192. С. 177–185.
- Барышников Н.В. Основы профессиональной межкультурной коммуникации. М. : ИНФРА-М, 2013. 368 с.
- Леонтьев А.А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. М. : Изд-во МГУ, 1970. 88 с.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. Избранные психологические исследования. 5-е изд., испр. М. : Лабиринт, 1999. 352 с.
- Махмудова А.Ж. Трилингвизм в условиях многонациональной школы // Молодой ученый. 2016. № 9 (113). С. 1145–1149. URL: <https://moluch.ru/archive/113/29442/>
- Щепилова А.В. Коммуникативно-когнитивный подход к обучению французскому языку как второму иностранному. Теоретические основы : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2003. 56 с.
- Щепилова А.В. Коммуникативно-когнитивный подход к обучению французскому языку как второму иностранному. М. : Школьная книга, 2003. 488 с.
- Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку. М. : Ин-т языкознания РАН, 2002. С. 44–51.
- Девизова З.Б. Возможности применения психолингвистических исследований в практике обучения второму иностранному языку // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 51. С. 196–201.
- Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования : учебное пособие для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 334 с.
- Цветкова Т.К. Обучение иностранному языку на основе закономерностей формирования билингвизма. М. : Спутник +, 2021. 143 с.
- Чернишкина Е.К. Искусственный билингвизм: лингвистический статус и характеристики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 32 с.
- Николаева И.И. Теория и практика по культуре и межкультурному взаимодействию в современном мире : учеб.-метод. пособие. Нерюнгри : Изд-во Технического института (ф) СВФУ, 2015. 97 с.
- Кузнецова Т.Д. Роль установки в формировании правильного и ошибочного речевого действия в условиях билингвизма и трилингвизма : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тбилиси, 1982. 16 с.

29. Цветкова Т.К. Теория билингвизма – основа современной лингводидактики. М. : Спутник +, 2020. 177 с.
30. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев : Вища шк., 1979. 264 с.
31. Лешканова Е.О., Поршнева Е.Р. Приемы использования и преодоления лексической интерференции в процессе обучения иностранным языкам // Формирование иноязычных компетенций: взаимосвязь теории и практики: коллективная монография по материалам международного научно-методического симпозиума «Лемпертовские чтения – XXIV» (19–20 мая 2022). Пятигорск : Изд-во ПГУ, 2022. С. 215–225.
32. Lipski J. Bilingual code-switching and internal competence : the evidence from Spanish and English // Proceedings of the 5th International Congress of Applied Linguistics. University of Montreal, 1978. pp. 30–40.
33. Ragozina A.V., Obdalova O. A. Comparative analysis of the main characteristics of 'the language triad' in ethno-oriented teaching // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72-2. С. 230–234.
34. Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. М. : Междунар. отношения, 1976. 264 с.
35. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь : Твер. гос. ун-т, 1992. 134 с.
36. Щербакова М.В. Особенности обучения второму иностранному языку студентов языковых факультетов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. С. 85–88.
37. Китросская И.И. Некоторые вопросы методики обучения второму иностранному языку (в свете психолингвистического анализа явлений переноса) : дис. ... канд. пед. наук. М., 1970. 227 с.

References

1. Schönpflug, U. (2000) Word-fragment Completions in the Second and Third Language: a Contribution to the Organisation of the Trilingual Speaker's Lexicon. In: *English in Europe: the Acquisition of a Third Language*. Multilingual Matters.
2. Ostapenko, T.S. (2018) Multilingualism: problema opredeleniya i osnovnye napravleniya issledovaniy v sovremennoy lingvistike [Multilingualism: the problem of definition and the main directions of research in modern linguistics]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. T. 7, № 3. pp. 232–240.
3. Hoffmann, C. (2001) Towards a description of trilingual competence. *International Journal of Bilingualism*. 5 (1). pp. 1–17. [Online] Available from: http://usir.salford.ac.uk/1348/1/PDF_Towards_a_description_of_trilingual_competence_2001.pdf
4. Hackett-Jones, A.V. (2016) From bilingualism to multilingualism: concepts of multilingualism in the new educational reality. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 3 (45). [Online] Available from: <https://research-journal.org/archive/3-45-2016-march/ot-bilingvizma-k-polilingvizmu-koncepcii-mnogoyazychiya-v-usloviyakh-novoy-obrazovatelnoy-realnosti> (In Russian).
5. Likhacheva, A.N. (2020) *Pedagogicheskie usloviya obucheniya vtoromu inostrannomu yazyku shkol'nikov yuga Rossii na srednem etape obshchego obrazovaniya* [Pedagogical conditions for teaching a second foreign language to schoolchildren in the south of Russia at the secondary stage of general education]. Pedagogics Cand. Diss. Stavropol.
6. Fomichenko, L.G. (2005) Bilingvizm i trilingvizm skhodstva i razlichiya [Bilingualism and trilingualism similarities and differences]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Yazykoznanie*. pp. 96–100.
7. Vereshchagin, E.M. (1969) *Psikhologicheskaya i metodicheskaya kharakteristika dvuyazychiya (bilingvizma)* [Psychological and methodological characteristics of bilingualism (bilingualism)]. Moscow: MSU.
8. Kotik, B.S. (1983) Mezhpolutsharnoe vzaimodeystvie pri osushchestvlenii rechi u bilingvov [Interhemispheric interaction in speech production in bilinguals]. *Voprosy psikhologii v devyattysatiletнем resurse. 1980–1998*. [Online] Available from: <http://voppsy.ru/issues/1983/836/836114.htm>
9. Serova, T.S. (2010) Sbalansirovanny bilingvizm i mekhanizm yazykovogo pereklyucheniya v ustnoy perevodcheskoy deyatel'nosti v usloviyakh dialoga yazykov i kul'tur [Balanced bilingualism and the mechanism of language switching in interpreting activities in the context of dialogue between languages and cultures]. *Yazyk i kul'tura*. 4. pp. 44–56.
10. Alekseeva I.S., Boyarkina A.V., Takhtarova S.S., Prosyuova, K.O. (2021) Didakticheskie aspekty translatologicheskogo trilingvizma [Didactic aspects of translational trilingualism]. *Kazanskiy lingvisticheskiy zhurnal*. 4 (2). pp. 302–318.
11. Fomin, M.M. (1998) *Obuchenie inostrannomu yazyku v usloviyakh mnogoyazychiya (dvuyazychiya)* [Teaching a foreign language in a multilingual (bilingual) environment]. Moscow: Mir knigi.
12. Grosjean, F. (1995) A psycholinguistic approach to code-switching: the recognition of guest words by bilinguals. In: *One Speaker, Two Languages: Cross-disciplinary Perspectives on Code-Switching*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 259–275.
13. Baryshnikov, N.V. (2003) *Metodika obucheniya vtoromu inostrannomu yazyku v shkole* [Methods of teaching a second foreign language at school]. Moscow: Prosveshchenie.
14. Siguan, M. & McKee, W.F. (1990) *Education and bilingualism*. Moscow: Pedagogika. (In Russian).
15. Hackett-Jones, A.V. (2019) Why 'second' does not mean 'second best': pochemu "Vtoroy" yazyk ne znachit "Vtorostepenny" [Why 'second' does not mean 'second best': why "Second" language does not mean "Secondary"]]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. 192. pp. 177–185.
16. Baryshnikov, N.V. (2013) *Osnovy professional'noy mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Fundamentals of professional intercultural communication]. Moscow: INFRA-M.
17. Leont'ev, A.A. (1970) *Nekotorye problemy obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Some problems of teaching Russian as a foreign language]. Moscow: MSU.
18. Vygotskiy, L.S. (1999) *Myslenie i rech'.* *Izbrannyye psikhologicheskie issledovaniya* [Thinking and speech. Selected psychological studies]. 5th ed. Moscow: Labirint.
19. Makhmudova, A.Zh. (2016) Trilingvizm v usloviyakh mnogonatsional'noy shkoly [Trilingualism in a multinational school]. *Moloday uchenyy*. 9 (113). pp. 1145–1149. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/113/29442/>
20. Shchepilova, A.V. (2003) *Kommunikativno-kognitivnyy podkhod k obucheniyu frantsuzskomu yazyku kak vtoromu inostrannomu. Teoreticheskie osnovy* [A communicative-cognitive approach to teaching French as a second foreign language. Theoretical foundations]. Abstract of Pedagogics Dr. Diss. Moscow.
21. Shchepilova, A.V. (2003) *Kommunikativno-kognitivnyy podkhod k obucheniyu frantsuzskomu yazyku kak vtoromu inostrannomu* [A communicative-cognitive approach to teaching French as a second foreign language]. Moscow: Shkol'naya kniga.
22. Sternin, I.A. (2002) Kommunikativnoe i kognitivnoe soznanie [Communicative and cognitive consciousness]. In: *S lyubov'yu k yazyku* [With love for language]. Moscow: Institute of Linguistics, RAS. pp. 44–51.
23. Devitskaya, Z.B. (2008) *Vozmozhnosti primeneniya psikholingvisticheskikh issledovaniy v praktike obucheniya vtoromu inostrannomu yazyku* [Possibilities of using psycholinguistic research in the practice of teaching a second foreign language]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. 51. pp. 196–201.
24. Kholodnaya, M.A. (2023) *Psikhologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya* [Psychology of intelligence. Paradoxes of research]. 3rd ed. Moscow: Yurayt.
25. Tsvetkova, T.K. (2021) *Obuchenie inostrannomu yazyku na osnove zakonomernostey formirovaniya bilingvizma* [Teaching a foreign language based on the patterns of formation of bilingualism]. Moscow: Sputnik +.
26. Chernichkina, E.K. (2007) *Iskusstvennyy bilingvizm: lingvisticheskiy status i kharakteristiki* [Artificial bilingualism: linguistic status and characteristics]. Abstract of Philology Dr. Diss. Volgograd.

27. Nikolaeva, I.I. (2015) *Teoriya i praktika po kul'ture i mezhekul'turnomu vzaimodeystviyu v sovremennom mire* [Theory and practice of culture and intercultural interaction in the modern world]. Neryungri: Technical Institute, branch of NEFU.
28. Kuznetsova, T.D. (1982) *Rol' ustanovki v formirovaniy pravil'nogo i oshibochного rechevogo deystviya v usloviyakh bilingvizma i trilingvizma* [The role of attitude in the formation of correct and erroneous speech acts in conditions of bilingualism and trilingualism]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Tbilisi.
29. Tsvetkova, T.K. (2020) *Teoriya bilingvizma – osnova sovremennoy lingvodidaktiki* [The theory of bilingualism is the basis of modern linguodidactics]. Moscow: Sputnik +.
30. Weinreich, U. (1979) *Languages in Contact: Findings and Problems*. Kyiv: Vishcha shk. (In Russian).
31. Leshkanova, E.O. & Porshneva, E.R. (2022) Priemy ispol'zovaniya i preodoleniya leksicheskoy interferentsii v protsesse obucheniya inostrannym yazykam [Techniques for using and overcoming lexical interference in the process of teaching foreign languages]. In: *Formirovaniye inoyazychnyykh kompetentsiy: vzaimosvyaz' teorii i praktiki: kollektivnaya monografiya po materialam mezhdunarodnogo nauchno-metodicheskogo simpoziuma "Lempertovskie chteniya–XXIV" (19–20 maya 2022)* [Formation of foreign language competencies: the relationship between theory and practice: a collective monograph based on the proceedings of the Lempert Readings–XXIV International Symposium (May 19–20, 2022)]. Pyatigorsk: PSU. pp. 215–225.
32. Lipski, J. (1978) Bilingual code-switching and internal competence: the evidence from Spanish and English. *Proceedings of the 5th International Congress of Applied Linguistics*. University of Montreal. pp. 30–40.
33. Ragozina, A.V. & Obdalova, O.A. (2021) Comparative analysis of the main characteristics of 'the language triad' in ethno-oriented teaching. *Problemy sovremennoy pedagogicheskoy obrazovaniya*. 72-2. pp. 230–234.
34. Chernyakhovskaya, L.A. (1976) *Perevod i smyslovaya struktura* [Translation and semantic structure]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
35. Zalevskaya, A.A. (1992) *Individual'noye znanie: spetsifika i printsipy funktsionirovaniya* [Individual knowledge: specificity and principles of functioning]. Tver: Tver State University.
36. Shcherbakova, M.V. (2003) Osobennosti obucheniya vtoromu inostrannomu yazyku studentov yazykovykh fakul'tetov [Features of teaching a second foreign language to students of language faculties]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhekul'turnaya kommunikatsiya*. 2. pp. 85–88.
37. Kitrosskaya, I.I. (1970) *Nekotorye voprosy metodiki obucheniya vtoromu inostrannomu yazyku (v svete psikholingvisticheskogo analiza yavleniy perenosy)* [Some issues of methods of teaching a second foreign language (in the light of psycholinguistic analysis of transference phenomena)]. Pedagogics Cand. Diss. Moscow.

Информация об авторах:

Поршнева Е.Р. – д-р пед. наук, профессор кафедры романо-германских языков, перевода, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия). E-mail: eporshneva@gmail.com

Лешканова Е.О. – ассистент кафедры английского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия). E-mail: elenal310795@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.R. Porshneva, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: eporshneva@gmail.com

E.O. Leshkanova, teaching assistant, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: elenal310795@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.02.2024;
одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.*

*The article was submitted 01.02.2024;
approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.*

Научная статья
УДК 372.879.6
doi: 10.17223/15617793/499/19

Повышение мотивации к занятиям физической культурой в школе средствами интегрированного обучения

Александр Витальевич Поспелов¹

¹ Средняя образовательная школа № 47, Пермь, Россия, peregrev@bk.ru

Аннотация. Рассматривается актуальность применения интегрированного подхода в преподавании предмета «Физическая культура» в пятом классе для повышения мотивации обучающихся к занятиям физической культурой. Выявлена проблема снижения уровня здоровья детей младшего и старшего школьного возраста, где одной из причин, влияющих на этот показатель, является снижение уровня мотивации к занятиям физической культурой. Для решения проблемы автор предлагает на учебных предметах использовать интегрированные с физической культурой задания.

Ключевые слова: интеграция, педагогический процесс, межпредметные связи, метапредметность, универсальные учебные действия, физическая культура, мотивация, методический прием, здоровьесберегающие технологии, рабочие программы

Для цитирования: Поспелов А.В. Повышение мотивации к занятиям физической культурой в школе средствами интегрированного обучения // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 176–182. doi: 10.17223/15617793/499/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/19

Increasing motivation for physical education at school through integrated learning

Aleksandr V. Pospelov¹

¹ Secondary School No. 47, Perm, Russian Federation, peregrev@bk.ru

Abstract. The article examines the relevance of using an integrated approach in teaching physical education in the fifth grade to increase students' motivation to engage in physical culture. The problem of reducing the level of health of children of primary and senior school age has been identified, where one of the reasons influencing this indicator is a decrease in the level of motivation to engage in physical culture. The lack of this motivation stems from a misunderstanding of how physical activity affects the body. Undoubtedly, the current work programs on physical culture contain educational material on the disclosure of the topic of the effect of exercise on the body, but this is not always enough to stimulate physical education in the present and in the future. To solve the problem, the author suggests using tasks integrated with physical education in academic subjects. The results obtained after the introduction of complex tasks showed that the level of motivation for physical education increased. To assess the level of motivation, the author used the questionnaire of N.G. Luskanova adapted to the physical education subject. Together with an increase in the level of motivation, integrated tasks, according to the author's hypothesis, were aimed at the formation of universal educational actions; to measure their formation, the author developed assessment tools (a test). The test results showed positive dynamics in the formation of universal learning activities due to the introduction of integrated tasks. Students began to better evaluate the technique of motor actions, as well as to produce a better self-assessment of the performance of their motor actions in sports mastered in physical education classes. At the same time, the author noted a number of positive aspects in changing the students' attitude to physical education classes: the absence of difficulties for students in mastering physical culture, improving relationships with the teacher, the disappearance of negative attitudes towards the performance of written and practical tasks, which as a result led to the absence of skipping classes for no good reason.

Keywords: integration, pedagogical process, interdisciplinary connections, meta-subject, universal educational activities, physical education, motivation, methodological technique, health-saving technologies, work programs

For citation: Pospelov, A.V. (2024) Increasing motivation for physical education at school through integrated learning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 176–182. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/19

Введение

Формирование физической культуры личности – гуманистическое предназначение образования в России [1. С. 63; 2. С. 142]. В области образования предмет «Физическая культура» выполняет уникальные относительно других дисциплин функции, так как способствует гармоничному развитию личности и социализации обучающегося в обществе. Отсутствие сформированности этих качеств в личности обучающегося формирует систему негативных последствий, пагубно влияющих на качество жизни субъекта образовательного процесса. Г.Д. Горбунов, А.А. Бишаева, Е.Н. Гогун, В.С. Сосунковский приводят факты, подтверждающие снижение уровня здоровья детей среднего и старшего возраста вследствие недостаточной мотивации к занятиям физической культурой и отсутствия четкого понимания значимости двигательной активности для гармоничного формирования телосложения и укрепления здоровья [3–6].

Не всегда используемые учителем методы и приемы обучения являются актуальными и интересными для самого обучающегося. Так происходит расхождение с ожидаемыми результатами, что способствует снижению мотивации обучающихся к учебным занятиям, в том числе и к предмету физическая культура. Возникает проблема отсутствия интереса на уроках физкультуры, ребенок выбирает времяпровождение за смартфоном, пропускает занятия, приходит без спортивной формы.

Одним из способов повышения эффективности усвоения программного материала и повышения мотивации к посещению и активной работе на занятиях физической культурой является применение интегрированного подхода к преподаванию этой дисциплины. Еще в XVI в. Ян Амос Каменский подчеркивал: «Всё, что находится во взаимной связи, должно преподаваться в такой же связи» [6].

В основе содержания Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) – методические принципы системно-деятельностного подхода, предполагающие изучение объектов как систем с позиции их целостности [7. С. 106]. И.П. Подласый рассматривает педагогический процесс как систему, в которой раскрывается множество подсистем, а целостность образуется в единстве и самостоятельности образующих его процессов, а также в целостности и соподчиненности входящих в него обособленных систем [7, 8]. Е.В. Геддис рассматривает интеграции в содержании образования как «инструмент восстановления у школьников целостного представления об окружающем мире» [9. С. 192]. В.Н. Андреев и И.В. Андреева говорят об интеграции предметов с точки зрения инструмента для активизации познавательной деятельности ребенка и индивидуализации его обучения [10. С. 41]. Е.А. Галкина, Т.О. Скиргайло раскрывают свойства интеграции предметов при использовании проектной деятельности [11–13]. О.А. Каткова, О.Ю. Ари-

стархова описывали практическую реализацию интегрированного подхода в школе и дошкольных образовательных организациях [14, 15].

На основе анализа научно-методической литературы можно сделать вывод о повышенном интересе ученых к применению интегрированного обучения в школьном образовании, однако в сфере физической культуры практически отсутствуют методические разработки по предметной интеграции.

Цель исследования: повышение уровня мотивации к занятиям физической культурой у обучающихся средней школы средствами интегрированного обучения.

Методологическую основу исследования составили работы И.П. Подласого по совершенствованию процесса обучения в школе на межпредметной основе; исследования, рассматривающие современные тенденции интегрированного обучения в школьном образовании (В.Н. Андреев, А.Ю. Аристархова, А.А. Бишаева, Е.А. Галкина, Е.Ю. Огановская).

Материалы и методы

Для реализации учебного процесса на основе интеграции с физической культурой требовалось взаимодействие с учителями, преподающими другие предметы. Нами была организована рабочая группа из учителей-предметников для разработки интегрированных заданий и создания условий для межпредметного взаимодействия по дисциплинам, изучаемым в пятом классе. Разработка интегрированных заданий происходила на основе анализа рабочих программ по предметам: «Физическая культура», «Русский язык», «Математика», «Изобразительное искусство».

Анализ рабочих программ по физической культуре показал, что данный предмет нельзя отнести к конкретно одной области науки. Физическая культура затрагивает в своем изучаемом поле как естественные, так и гуманитарные науки, тем самым является дисциплиной, вмещающей в себя множество областей знания, а это значит, что преподавание ее в отрыве от других предметов способствует потере практико-ориентированности дисциплины. Например, для того чтобы рассчитать скорость после преодоления короткой дистанции в беге, необходимо воспользоваться математическими вычислениями; чтобы измерить более эффективный угол вылета снаряда при метании малого мяча или гранаты, мы применяем формулы из физики; знания по биологии, анатомии нам необходимы для получения ответов о реакции нашего организма на получаемую нагрузку при выполнении физических упражнений, что в конечном итоге помогает интерпретировать значения пульса и давления. При разучивании двигательного действия в физической культуре обучающийся знакомится с инструкцией по выполнению элемента: инструкция может быть устной и письменной, а для того чтобы ее освоить и понять, обучающийся должен иметь навыки смыслового чтения, которые ученик приобретает на уроках русского языка и литературы. Таким образом, предмет «Физическая

культура» является универсальным полем для межпредметного взаимодействия учебных дисциплин, в частности дисциплин пятого класса.

Разработанные нами интегрированные задания представляют собой практико-ориентированные кейсы. Каждый кейс включает в себя задачи по математике с пропущенными данными, которые дополняются переменными значениями, полученными во время выполнения практических заданий на уроках физкультуры. Например, для изучения понятия «скорость» на уроке математики учащиеся выполняют задания, в которых числовые значения соответствуют личным достижениям пятиклассника при выполнении упражнений на уроке по физической культуре. Результаты, показанные на практических занятиях, учащиеся фиксируют в индивидуальных карточках, а на уроках по математике производят с ними математические расчёты. Это позволяет придать целостность полученным знаниям и продемонстрированным умениям, выполненная работа на теоретических предметах становится индивидуально ориентированной и имеет высокую степень осознанности, формируется интерес к выполненным заданиям, так как отражает личные достижения каждого учащегося.

Предмет «Русский язык» является универсальной дисциплиной для межпредметной интеграции. Межпредметное взаимодействие с физической культурой может осуществляться на основе большого количества разных методов, которые используются на уроках по русскому языку для решения предметных задач. Новые ФГОС требуют от учителя русского языка формирования у обучающихся читательской грамотности, т.е. обучающийся должен уметь понимать и осмысливать прочтенную информацию, а также формировать навыки смыслового чтения. Помимо этого, в процессе обучения по русскому языку происходит изучение новых слов, правил составления словосочетаний, лексический, морфологический разборы слов и др. Все вышперечисленные действия возможно производить с материалом, который входит в содержание предмета «Физическая культура». Например, в ходе выполнения задания учащиеся отрабатывают правила русского языка посредством смыслового чтения, а именно зна-

комятся с инструкцией по выполнению техники лыжного хода. Используя такой прием, они получают возможность сократить время на изучение теории на уроке физической культуры, а также навыки более вдумчивого «вчитывания» в текст, более осознанного понимания содержания текста и самой инструкции. В дальнейшем учащиеся приходят на урок физической культуры со знанием техники выполнения упражнения «в теории», а на практических занятиях перекладывают свои теоретические знания на практику, отрабатывая двигательный элемент по инструкции.

Следующий предмет, который использован в интегрированном обучении, это изобразительное искусство. Межпредметное взаимодействие с физической культурой осуществляется посредством использования наглядного метода обучения. Для формирования представления о выполняемом двигательном действии на уроке физической культуры мы используем такие методы, как рассказ и показ. Модуль, входящий в содержание предмета «Изобразительное искусство» в пятом классе, включает задания по изображению человека. Таким образом связь между заданиями из двух предметных областей находится в изображении человека при выполнении двигательного действия. Благодаря этому обучающиеся создают наглядные материалы для использования их на уроках физической культуры в качестве образца для правильного выполнения двигательного действия, а также для оценивания техники выполнения упражнений одноклассниками. Например, на уроке физической культуры по теме «Техника классических лыжных ходов» учащиеся должны знать фазы двигательного действия, а на уроках изобразительного искусства по теме «Человек в движении» они должны научиться изображать человека в движении. Интегративное обучение по этим темам возможно, например, при выполнении задания «Рисование схемы движений человека, выполняющего физическое упражнение». Это позволяет достигнуть понимания обучающимися особенностей изображения человека и дополнительно закрепить знания о правильной технике изучаемых упражнений.

В результате проведенной работы нами была создана модель интегрированного обучения для учащихся пятых классов на базе учебной дисциплины «Физическая культура» (рис. 1).

Рис. 1. Модель интегрированного обучения в пятом классе на базе предмета «Физическая культура»

Предмет «Физическая культура» является связующим звеном интеграции предметных дисциплин. Цель данного взаимодействия – формирование универсальных учебных действий по предмету «Физическая культура» на основе повышения мотивации обучающихся к занятиям физической культурой через привитие интереса и личной заинтересованности.

В результате проделанной работы было систематизировано содержание уроков по физической культуре в соответствии с тематикой учебных предметов, изучаемых в пятом классе. Для этого были разработаны интегрированные задания на основе содержания предмета «Физическая культура», включены новые формы и методы в проведение уроков.

При организации занятий по физической культуре мы опирались на следующие разработанные нами методические приемы:

- «от теории к практике» – устанавливающий связь между физической культурой и математикой;
- «осмыслить теорию» – интеграция физической культуры и русского языка;
- «от визуализации к движению» – обеспечивающий межпредметные связи между физической культурой и изобразительным искусством.

Результаты исследования

Организация учебного процесса на основе вышепредставленных методических приемов была опробована на базе МАОУ «СОШ № 47» г. Перми в период с января по май 2022 г. В эксперименте приняли участие учащиеся пятых классов, экспериментальная группа – 25 человек (ЭГ), контрольная – 25 человек (КГ). Экспериментальная группа училась с применением интегрированных заданий, реализующих образовательные подходы в интегрированном обучении, данные подходы были введены в три предметные дисциплины: «Русский язык», «Математика», «Изобразительное искусство». Контрольная группа училась по рабочей программе В.И. Ляха, А.А. Зданевича. Интегрированные задания были направлены на формирование универсальных учебных действий по физической культуре и повышение мотивации к занятиям физической культурой. Для проверки изменения уровня мотивации использовалась анкета Н.Г. Лускановой, адаптированная под специфику физической культуры Д.Д. Кечкиным [16]. Анкета состоит из десяти вопросов, вопросы направлены на выявление мотивации к занятиям физической культурой.

Рассмотрим уровни мотивации, диагностируемые при проведении эксперимента.

Первый уровень (25–30 баллов): высокий уровень мотивации к занятиям физической культурой. У таких детей есть мотив к физкультурной деятельности,

стремление наиболее успешно выполнять все предъявляемые учителем требования. Ученики четко следуют всем указаниям учителя, добросовестны и ответственные, сильно переживают, если получают неудовлетворительные оценки.

Второй уровень (20–24 баллов): хорошая мотивация к занятиям физической культурой. На вопросы, касающиеся ассоциаций с физической культурой, учащиеся описывают учебные ситуации. При ответах на учебные вопросы проявляют меньшую зависимость от жестких требований и норм.

Третий уровень (15–19 баллов): положительное отношение к уроку физической культуры, но урок привлекает таких детей не учебной деятельностью. Такие дети благополучно чувствуют себя на уроке физкультуры, однако больше общаются с друзьями и с учителем. Познавательные мотивы у таких детей сформированы в меньшей степени.

Четвертый уровень (10–14 баллов): низкая мотивация к занятиям физической культурой. Эти дети посещают уроки физической культуры неохотно, предпочитают пропускать занятия. На уроках чаще занимаются посторонними делами, приходят на занятия завыб спортивную форму.

Пятый уровень (ниже 10 баллов): негативное отношение к уроку физической культуры. Такие дети испытывают трудности на занятиях физической культурой и при общении с одноклассниками. Урок физической культуры воспринимается ими как враждебная среда. Отказываются выполнять задания.

Перед внедрением интегрированных заданий был определен уровень мотивации обучающихся КГ и ЭГ к занятиям физической культурой. Выявленный уровень мотивации у учащихся соответствовал низкому и составил в КГ $11,44 \pm 3$ балла, а в ЭГ – $12,4 \pm 3,4$ баллов ($p > 0,05$) (рис. 2).

Анализ результатов исследования показал, что положительное отношение к уроку физической культуры в контрольной группе сформировано на 16%, а в экспериментальной – на 33%. Большинству респондентов в КГ и ЭГ (60%) не очень нравятся уроки физической культуры. Было отмечено также, что подавляющему большинству обучающихся нравится, когда отменяют уроки физической культуры (96%??). Необходимо подчеркнуть, что всем респондентам хотелось бы, чтобы не задавали домашние задания.

Заключительный экспериментальный этап включал повторную диагностику мотивации к занятиям физической культурой.

После проведенного эксперимента в КГ выявлена положительная динамика в уровне мотивации ($17,2 \pm 3,2$ баллов), а в ЭГ определен высокий уровень мотивации ($26,6 \pm 2,1$ баллов). Полученные результаты изменились на статистически значимом уровне ($p < 0,05$) (рис. 3).

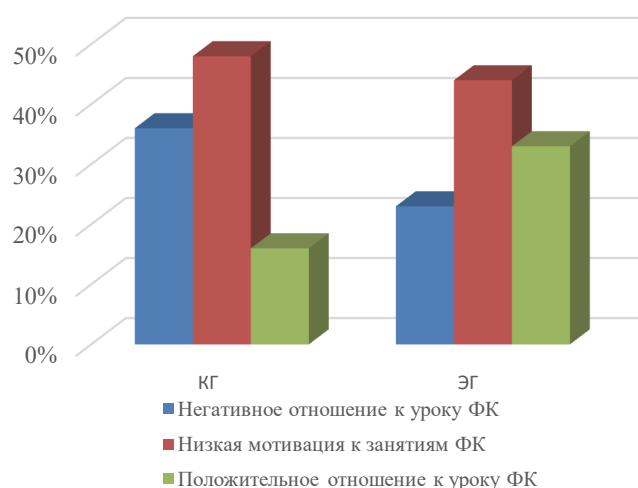

Рис 2. Распределение учащихся в ЭГ и КГ по уровням мотивации к занятиям физической культурой до эксперимента

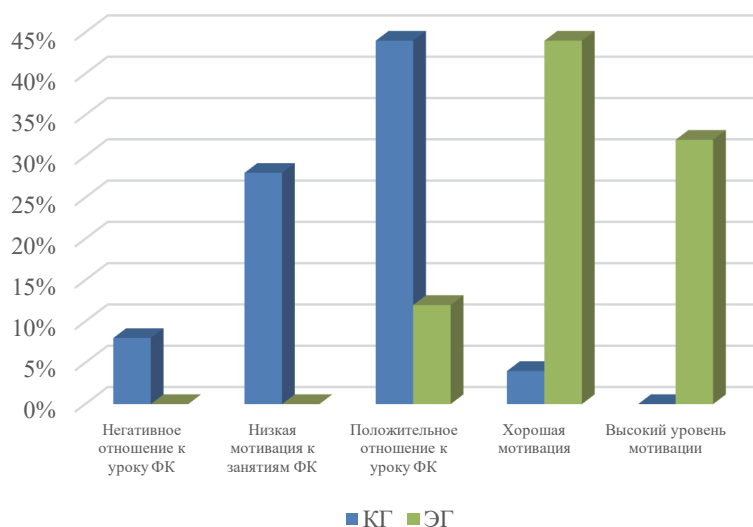

Рис 3. Распределение обучающихся по уровням мотивации к занятиям физической культурой в ЭГ и КГ после эксперимента

Таким образом, в конце эксперимента в ЭГ не выявлено учащихся с негативным отношением и низким уровнем мотивации к занятиям физической культурой. Уменьшилось количество учеников с положительным отношением к уроку физкультуры с 16 до 12%, однако выросла доля обучающихся с хорошим и высоким уровнем мотивации. 80% обучающихся ЭГ после эксперимента отметили, что им нравится на уроке физической культуры, против 24% ответов, которые были даны в начале. Исходя из этих результатов, можно сделать вывод, что организация учебного процесса в пятом классе на основе интеграции с физической культурой способствует повышению мотивации к занятиям физическими упражнениями.

После проведенного эксперимента выявлена положительная динамика результатов сформированности метапредметных универсальных учебных действий в ЭГ и КГ, однако только в ЭГ эти изменения являются статистически достоверными (КГ – до и после, ЭГ – до

и после, $p < 0,05$). Кроме того, подтверждением эффективности проведенной работы является положительная динамика общей успеваемости учащихся по изучаемым предметам в ЭГ.

Заключение

Таким образом, организация учебного процесса в средней школе на основе межпредметной интеграции на базе физической культуры позволяет более целесообразно планировать изучение материала, экономить время, при этом знания по другим предметам конкретизируются, углубляются, обобщаются за счет специфики отдельных предметов. У обучающихся формируется целостная научная система знаний, имеющих высокую степень осознанности, мобильности и прочности, целостное мировоззрение и картина мира.

Осуществление межпредметных связей положительно влияет на прочность знаний и повышает интерес и мотивацию к занятиям физической культурой.

Итогом внедрения межпредметной интеграции является отсутствие у обучающихся трудностей в

освоении физической культуры, улучшение взаимоотношений с учителем, исчезновение негативного отношения к выполнению письменных и практических заданий, что в результате привело к отсутствию пропусков занятий без уважительной причины.

Список источников

1. Артамонова Е.И., Виленский М.Я., Бегидова С.Н., Скобликова Т.В., Лотоненко А.А. и др. Физическая культура и спорт в образовательном пространстве России. М. : ООО НИЦ «Еврошкола»; Воронеж : ООО «Издательство РИТМ», 2017. 500 с
2. Скобликова Т.В., Скриплева Е.В. Формирование физической культуры личности – гуманистическое предназначение образования в России // Вестник философии и социологии Курского государственного университета. 2012. № 1. С. 115–118.
3. Бишаева А.А. Физическая культура : учебник. 6-е изд., стер. М. : Академия, 2013. 307 с.
4. Гогунев Е.Н. Психология физического воспитания и спорта : учеб. пособие. М. : Академия, 2014. 228 с.
5. Сосунковский В.С., Дурас Е.Е., Загrevская А.И. Олимпийское образование как средство формирования нравственной культуры школьников // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 163–167.
6. Коменский Я.А. «Великая дидактика» (избранные главы / по хрестоматии). М. : Просвещение, 1988.
7. Рослякова С.В., Пташко Т.Г., Соколова Н.А. Педагогика : учебник и практикум для прикладного бакалавриата. М. : Юрайт, 2019. 219 с.
8. Подласый И.П. Педагогика : учебник для среднего профессионального образования. М. : Юрайт, 2019. 576 с.
9. Геддис Е.В. Интеграция содержания образования в учебнике по естественнонаучным предметам «Синергия» для основной школы в Великобритании // Человек и образование. 2022. № 2 (71). С. 191–201.
10. Андреев В.Н., Андреева И.В. Интеграция учебных предметов «русский язык» и «английский язык» как способ активизации индивидуальной исследовательской деятельности учащихся // Начальная школа. 2021. № 7. С. 41–44.
11. Галкина Е.А., Серга О.Н. Проектная деятельность как способ интеграции биологии с другими предметами // Биология в школе. 2019. № 5. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/54005576> (дата обращения: 15.12.2022).
12. Огановская Е.Ю., Князева И.В. Интеграция предметов естественнонаучного цикла и учебного предмета «Технология в проектной деятельности» // Физика в школе. 2016. № S3. С. 217–221.
13. Скиргайло Т.О., Ахбарова Г.Х. Интеграция предметов «русский язык» и «биология» при обучении проектной деятельности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 2-2. С. 60–63.
14. Аристархова А.Ю., Дворянкина Ю.В., Осипова Е.А., Лебединцев В.Б. Коллективные занятия в разновозрастной группе на основе интеграции содержания разных учебных предметов // Начальное образование. 2021. № 5. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/71603070> (дата обращения: 15.01.2023).
15. Каткова О.А. Из опыта интеграции предметов естественнонаучного цикла // Химия в школе. 2022. № 7. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/79638071> (дата обращения: 17.11.2022).
16. Лусканова Н.Г. Пути психологической коррекции аномалий развития личности // Здоровье, развитие, личность. М. : Медицина, 1990.

References

1. Artamonova, E.I. et al. (2017) *Fizicheskaya kul'tura i sport v obrazovatel'nom prostranstve Rossii* [Physical culture and sports in the educational space of Russia]. Moscow: ООО NITs "Evroshkola"; Voronezh: ООО "Izdatel'stvo RITM".
2. Skoblikova, T.V. & Skripleva, E.V. (2012) Formirovanie fizicheskoy kul'tury lichnosti – humanisticheskoe prednaznachenie obrazovaniya v Rossii [Formation of physical culture of the individual – the humanistic purpose of education in Russia]. *Vestnik filosofii i sotsiologii Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 115–118.
3. Bishaeva, A.A. (2013) *Fizicheskaya kul'tura* [Physical culture]. 6th ed. Moscow: Akademiya.
4. Gogunov, E.N. (2014) *Psikhologiya fizicheskogo vospitaniya i sporta* [Psychology of physical education and sports]. Moscow: Akademiya.
5. Sosunovskiy, V.S., Duras, E.E. & Zagrevskaya, A.I. (2014) Olympic education as a means of forming the moral culture of schoolchildren. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 385. pp. 163–167. (In Russian).
6. Komenskiy, Ya.A. (1988) *Velikaya didaktika* [The Great Didactics]. Moscow: Prosveshchenie.
7. Roslyakova, S.V., Ptashko, T.G. & Sokolova, N.A. (2019) *Pedagogika* [Pedagogics]. Moscow: Yurayt.
8. Podlasyy, I.P. (2019) *Pedagogika* [Pedagogics]. Moscow: Yurayt.
9. Geddis, E.V. (2022) Integratsiya soderzhaniya obrazovaniya v uchebnike po estestvennonauchnym predmetam "Sinergiya" dlya osnovnoy shkoly v Velikobritanii [Integration of educational content in the textbook on natural science subjects "Synergy" for primary schools in the UK]. *Chelovek i obrazovanie*. 2 (71). pp. 191–201.
10. Andreev, V.N. & Andreeva, I.V. (2021) Integratsiya uchebnykh predmetov "russkiy yazyk" i "angliyskiy yazyk" kak sposob aktivizatsii individual'noy issledovatel'skoy deyatel'nosti uchashchikhsya [Integration of educational subjects "Russian Language" and "English Language" as a way to enhance individual research activities of students]. *Nachal'naya shkola*. 7. pp. 41–44.
11. Galkina, E.A. & Serga, O.N. (2019) Proektnaya deyatel'nost' kak sposob integratsii biologii s drugimi predmetami [Project activities as a way to integrate biology with other subjects]. *Biologiya v shkole*. 5. [Online] Available from: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/54005576> (Accessed: 15.12.2022).
12. Oganovskaya, E.Yu. & Knyazeva, I.V. (2016) Integratsiya predmetov estestvennonauchnogo tsikla i uchebnogo predmeta "Tekhnologiya v proektnoy deyatel'nosti" [Integration of natural science subjects and the educational subject "Technology in Project Activities"]. *Fizika v shkole*. S3. pp. 217–221.
13. Skirgaylo, T.O. & Akhbarova, G.Kh. (2020) Integratsiya predmetov "russkiy yazyk" i "biologiya" pri obuchenii proektnoy deyatel'nosti [Integration of the subjects "Russian Language" and "Biology" in teaching project activities]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2-2. pp. 60–63.
14. Aristarkhova, A.Yu. et al. (2021) Kollektivnye zanyatiya v raznovozrastnoy grappe na osnove integratsii soderzhaniya raznykh uchebnykh predmetov [Collective classes in a group of different ages based on the integration of the content of different educational subjects]. *Nachal'noe obrazovanie*. 5. [Online] Available from: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/71603070> (Accessed: 15.01.2023).
15. Katkova, O.A. (2022) Iz opyta integratsii predmetov estestvennonauchnogo tsikla [From the experience of integrating natural science subjects]. *Khimiya v shkole*. 7. [Online] Available from: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/79638071> (Accessed: 17.11.2022).
16. Luskanova, N.G. (1990) Puti psikhologicheskoy korrektsii anomalii razvitiya lichnosti [Ways of psychological correction of anomalies of personality development]. In: *Zdorov'e, razvitie, lichnost'* [Health, development, personality]. Moscow: Meditsina.

Информация об авторе:

Поспелов А.В. – учитель физической культуры средней образовательной школы № 47 (Пермь, Россия). E-mail: peregrev@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Pospelov, teacher, Secondary School No. 47 (Perm, Russian Federation). E-mail: peregrev@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.09.2023;
одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.*

*The article was submitted 13.09.2023;
approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.*

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/499/20

Цифровые инструменты преподавателя: организация смешанного обучения в вузе

Ульяна Анатольевна Савченко¹, Никита Игоревич Прокопенко²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ matushenko_ua@ido.tsu.ru

² prokopenko_ni@ido.tsu.ru

Аннотация. Представлен обзор научных работ, в которых освещается опыт использования цифровых инструментов в образовании. Проведен анализ российских и зарубежных исследований, выделены критерии классификации цифровых образовательных инструментов: развитие предметных навыков, организация коммуникации в условиях удаленного обучения, организация интерактивного взаимодействия преподавателя со студентами, разработка образовательного контента, развитие мягких навыков, организация проектной работы, аутентичное оценивание. Сделан вывод об актуальности и доступности цифровых инструментов, категоризированных в соответствии с барьерами, стоящими перед преподавателем в смешанном обучении.

Ключевые слова: смешанное обучение, цифровые инструменты, цифровизация, преподавание, высшее образование

Для цитирования: Савченко У.А., Прокопенко Н.И. Цифровые инструменты преподавателя: организация смешанного обучения в вузе // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 183–193. doi: 10.17223/15617793/499/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/20

Teacher's digital tools: Organizing blended learning in higher education

Ulyana A. Savchenko¹, Nikita I. Prokopenko²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ matushenko_ua@ido.tsu.ru

² prokopenko_ni@ido.tsu.ru

Abstract. Blended learning has become a widespread practice in universities, so there is a need to review approaches, methods and techniques for developing new effective educational strategies to maintain the quality of education. In this regard, new problems appear, for example, decrease of an emotional, personal interaction between teachers and students, absence of motivation, violation of self-discipline and, as a consequence, a drop in academic performance. These challenges can be overcome through the integration of digital tools. This research is dedicated to the problem of choosing and effective using of digital instruments by higher school teachers. The absence of a systematic analysis and comparison of different tools leads to difficulties in choosing the most appropriate instruments for a particular subject, teacher or students. Also, there are problems with the estimation of the efficiency of using these instruments. In this regard, the necessity to systematize the experience of using digital tools, based on teaching practices presented in the study, arises. We conducted a review of more than two hundred scientific literature studies; the final sample includes 46 articles, which directly affected particular digital tools for learning. During the literature analysis, we divided digital instruments into several groups depending on which teacher's tasks it solves: (1) subject-specific professional skills development; (2) organization of communication in terms of distance learning; (3) organization of interaction between teacher and students; (4) educational content development; (5) soft skills development; (6) organization of project work; (7) assessment. As a result, we conducted available and actual digital tools, which are used in teaching practice by distributing them according to the tasks above. We conclude with the following findings: digital instruments can significantly enrich educational process, increase students' motivation and self-discipline; they can help to promote the development of subject-based skills, solve problems in various organizational forms of classes; using digital instruments is accompanied by a special organization of the educational process with a transformation of forms, methods and techniques. The teacher should know which digital instrument solves a teaching problem in blended learning and how to use it, and also should have the ability to integrate it in the educational process.

Keywords: blended learning, digital tools, digitalization, teaching, higher education

For citation: Savchenko, U.A. & Prokopenko, N.I. (2024) Teacher's digital tools: Organizing blended learning in higher education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 183–193. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/20

Введение

В настоящее время смешанное обучение, предполагающее интеграцию дистанционных форм обучения в традиционную систему, стало повсеместной практикой в вузах, однако в условиях быстрого темпа развития электронных технологий подходы к его реализации также должны актуализироваться [1]. Элементы онлайн-обучения, внедряемые в традиционные формы образования, требуют пересмотра подходов, методов и приемов, разработки новых эффективных образовательных стратегий, чтобы обучение оставалось качественным [2–4]. Перед преподавателем появляются новые вызовы: сокращение количества личного общения преподавателей со студентами, падение мотивации, нарушение самодисциплины и, как следствие, падение успеваемости [5]; эти барьеры, в том числе, могут преодолеваться с помощью интеграции цифровых инструментов.

Под цифровыми инструментами (ЦИ) в исследованиях определяются электронные ресурсы, сайты, образовательные платформы, цифровые приложения и виртуальные материалы, созданные с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, используемые в образовательных целях. Актуализируется проблема технологии применения ЦИ в различных педагогических ситуациях и дисциплинах. Возрастающий объем ЦИ не позволяет преподавателю адекватно и быстро осуществить выбор ЦИ для применения в той или иной дисциплине. Отсутствие системного анализа и сравнения различных ЦИ создает сложности при выборе наиболее подходящих для конкретного предмета, преподавателя и его студентов. Также существуют проблемы с оценкой эффективности использования этих ЦИ. В связи с этим возникает потребность в систематизации опыта применения ЦИ на основе педагогических практик, которые представлены в исследованиях.

Попытки систематизации образовательных ЦИ осуществлялись многими исследователями. А.А. Шакирова [6] делит ЦИ на категории: доски, хранение данных, создание квизов и игр, тесты, платформы для обучения, опросники, приложения и другие электронные ресурсы. Автор считает, что данные ЦИ повышают вовлеченность в образовательный процесс. О.Н. Алтухова и Н.С. Дякова [7] приводят другие категории: облачные технологии, большие данные, искусственный интеллект, блокчейн, роботизация и автоматизация, промышленный интернет вещей, виртуальная и дополненная реальность, квантовые технологии, технологии распределенных ресурсов, интернет вещей и т.д. Абид Халим и соавт. [8] в результате обзора литературы предлагают 34 категории, обосновывающие применение ЦИ в педагогической деятельности. Методологии оценки применения ЦИ разнятся в зависимости от типа инструмента, технологических компонентов, стратегий развертывания, а также от области применения и целевых групп [9].

Цель исследования заключается в разработке систематизации цифровых инструментов, используемых преподавателями в смешанном обучении, в соответствии с теми барьерами, которые стоят перед преподавателем.

Произведен поиск и дальнейший метаанализ литературы, затрагивающей вопросы применения ЦИ в образовательном процессе. На основе анализа методом индукции выделена классификация ЦИ в соответствии с преодолеваемыми педагогом барьерами.

Материалы и методы исследования

Был проведен метаанализ научной литературы, в которой рассматривались ЦИ, применяемые в педагогической практике; затем проведен педагогический эксперимент, заключающийся в систематизации приведенных в исследованиях конкретных ЦИ в зависимости от возникающих барьеров в условиях смешанного обучения.

Материалы исследования включают 55 статей, из которых 46 отобраны для анализа по критерию демонстрации реальных педагогических практик с использованием ЦИ.

Обсуждение результатов исследования

В группе исследований, сфокусированных на развитии предметных навыков с использованием ЦИ, выделяются такие ЦИ, которые не имеют единой модели применения, но реализуются в обучении конкретным дисциплинам. То есть такие цифровые средства имеют узкий функционал, направленный на развитие предметных навыков.

Л.Г. Паршина и Л.П. Карпушина [10] рассматривают ряд инструментов для подготовки педагогов-музыкантов. Они делят их на обучающие приложения, приложения, позволяющие записывать и редактировать композиции, приложения – библиотеки композиций и приложения для записи нот. Цифровая дидактика предоставляет новые возможности реализации образовательного процесса, включая в себя творческий, информационный, эвристический, контролирующий, разъясняющий, систематизирующий, мотивирующий, сохраняющий и развивающий потенциал.

Л.А. Метелькова и соавт. [11] считают, что эффективность применения ЦИ в обучении зависит от многих факторов, таких как тип инструмента, способ его использования и индивидуальные особенности учащихся.

В целом авторы считают, что ЦИ могут быть полезны для обучения иностранным языкам, но их использование должно быть обоснованным и интегрированным в общий учебный процесс. Авторы исследуют ЦИ, используемые для изучения языка: Quizlet, Kahoot, LearningApps, Padlet, Youtube, Deutschland Labor, Plickers, Deutsch.info, Google, QR-code Generator.

В обучении иностранному языку инженеров применяются ЦИ планирования (Google Документы и др.), поиска информации и коммуникации (Padlet, TED, «ВКонтакте» и др.), получения обратной связи (Google Формы и др.) и коммуникации. Таким образом, весь процесс проектной работы сопровождается взаимодействием через ЦИ [12].

На основе результатов опроса А. Угудам и соавт. [13] в своем исследовании приходят к выводу, что цифровизация химико-технологического образования требует использования более простых ЦИ, среди которых могут быть Excel, средства для написания кода, симуляторы для отработки навыков, а также VR-платформы. По мнению авторов, для широкого внедрения более сложных инструментов цифровизации потребуется постепенное устранение нетехнических барьеров, чтобы сделать их более популярными среди студентов.

Для развития инженерных навыков в исследовании Бенджина Маркса и Жаклин Томас [14] проведен эксперимент с использованием технологии виртуальной реальности (VR). Итоговый опрос контрольной группы показал, что VR улучшило результаты обучения по модулю. Однако данное исследование не дает объективной оценки эффективности развития предметных навыков, поскольку его целью было выявление отношения к VR у студентов инженерных специальностей.

Технология дополненной реальности (AR) имеет сходство с виртуальной реальностью, но виртуальные объекты встраиваются в реальный мир. Использование технологии дополненной реальности в образовании может улучшить понимание математических и физических концепций. При помощи дополненной реальности учащиеся могут визуально взаимодействовать с геометрическими фигурами, телами или участвовать в реальных физических экспериментах в виртуальной среде. Это может стимулировать заинтересованность и мотивацию студентов. Однако важно помнить, что эти технологии должны быть использованы с осознанием и пониманием их целей, а также осуществляться совместно преподавателем и обучающимися в процессе усвоения сложных математических и физических абстракций. Координация усилий преподавателя и обучающихся в проведении таких экспериментов с дополненной реальностью имеет ключевое значение для успешной академической деятельности [15].

Помимо приведенных выше инструментов, для обучения предметным знаниям и навыкам широко используется LMS платформа Moodle. Множество исследований подтверждают ее эффективность для постановки и достижения образовательных задач по различным предметам (О.О. Кандрашкина и Е.В. Ревина [16], О.В. Пелих и соавт. [17], О.Е. Зонова и Н.А. Филипова [18], С.В. Калашникова и Е.В. Пестова [19], Н.В. Худoley [20], Т.Е. Чикина и О.Г. Коларькова [21]). Как можно увидеть, цифровые технологии могут позитивно влиять на развитие предметных навыков, однако все исследователи отмечают, что к их внедрению нужен особый подход, в котором преподаватель не только самостоятельно и в совершенстве осваивает инструмент, но и разрабатывает методику его применения.

ЦИ коммуникации – это широкий блок разнообразных инструментов, которые играют ключевую роль в современной системе образования, обеспечивая эффективную связь между преподавателями и обучающимися. Мы выделили данную категорию, поскольку исследования, посвященные инструментам коммуни-

кации, рассматривают именно влияние общения студентов друг с другом и студентов с преподавателями на образовательный процесс в целом, а не эффективность преподавания конкретного предмета с помощью инструментов.

Инструменты коммуникации можно поделить на две основные группы: коммуникационные инструменты, которые в большей степени ориентированы на общение между обучающимися, например, обмен идеями или дискуссии (Kahoot, Google Classroom), и инструменты, основанные на обмене файлами, которые лучше всего подходят для работы с методами case-study, поскольку позволяют студентам обмениваться своими работами с группами (Moodle, Task Board и др.) [22].

С. Грегори и М. Баннистер-Тирелл рассматривают такие ЦИ, как блоги, 3D-реальность, доски обсуждения (Moodle), систему Wiki. Многие ЦИ использовались в процессе обучения студентов либо в качестве дополнения к системе управления обучением, либо в качестве дополнения к обучению студентов. Те обучающиеся, которые добровольно участвовали в занятиях в виртуальном 3D-мире, обнаружили, что этот ЦИ помогает им в обучении, и они были вовлечены и погружены в материал при его использовании. Обучающиеся, которые обладают сильными навыками саморегуляции и когнитивными способностями, способны контролировать свой учебный опыт. Они развивают критическое сознание, которое позволяет им выявлять проблемные ситуации и разрабатывать решения, направленные на решение этих проблем, посредством ЦИ [23].

Эффективность различных ЦИ для смешанного обучения (таких как платформы для видеоконференций, системы управления обучением, электронные учебники и т.д.) анализируется в работе М.В. Кручинина и Г.А. Кручининой. Видео-конференц-связь является важным инструментом для смешанного обучения, позволяющим улучшить качество образовательного процесса и обеспечить более эффективную коммуникацию между преподавателями и студентами. Эффективность видео-конференц-связи как формы смешанного обучения зависит от качества ЦИ, которые используются для организации и проведения занятий. Например, платформа для видеоконференций должна обеспечивать высокое качество видео и звука, иметь удобные инструменты для взаимодействия участников и возможность совместной работы с документами. Также важно, чтобы преподаватели и студенты имели достаточный уровень технической подготовки. Они должны уметь пользоваться необходимыми ЦИ, знать, как настроить оборудование и как эффективно применять возможности видео-конференц-связи для обучения и общения [24].

Такие ЦИ, как Zoom, Skype, Google Classroom, Moodle и электронные учебники, могут способствовать улучшению качества образования и расширению доступа к образованию для студентов по всему миру.

Однако использование только онлайн-обучения может иметь свои недостатки, включая снижение качества обучения и отсутствие личного контакта между студентами и преподавателями.

Подчеркивается, что для успешного внедрения онлайн-образования и ЦИ обучения необходимо учитывать различные факторы, такие как техническое обеспечение, доступность Интернета, а также готовность студентов и преподавателей к использованию новых технологий [25].

Как показал анализ, исследователи чаще обращаются к синхронным инструментам коммуникации, представленным, как правило, в форме видео-конференц-связи. Однако внимание стоит уделять и асинхронным ЦИ, ориентируясь как на особенности работы самого инструмента, так и на потребности обучающихся.

Многие исследователи, говоря об интерактивности и повышении вовлеченности в смешанный образовательный процесс, приводят в качестве примера онлайн-доски. Онлайн-доски рассматриваются отдельной категорией, поскольку представляют собой группу ЦИ, предназначенных для совместной визуализации материалов [26].

Применение Miro привнесло игровой подход к проведению семинаров, а также помогло создать виртуальное окружение, вовлекающее всех студентов. Ученики стали более активными, мотивированными и увлеченными результатами [27].

Использование виртуальной доски Miro на практике демонстрирует возможность создания эффективных форм групповой работы в смешанном формате в реальном времени. Большинство студентов, участвовавших в эксперименте с виртуальной доской Miro, подтверждают гипотезу о том, что возможность вербальной и графической визуализации способствует разнообразным и эффективным формам групповой работы. Самыми целесообразными формами организации групповой работы, способствующими развитию навыков работы в команде, являются создание ментальных карт (mind map), мозговой штурм и другие, применение которых возможно при обучении в смешанном формате. Виртуальная доска Miro представляет собой ценный инструмент для преподавателей, помогая им эффективно обучать студентов лексике, грамматике и навыкам выбора контентного материала в соответствии с их коммуникативными потребностями [28, 29].

Также авторы анализируют технологию применения доски Wordwall: задания, выполненные с использованием данного ресурса, позволили обучающимся и преподавателям принимать участие в индивидуальной или групповой учебной деятельности как онлайн, так и офлайн. Студенты имели возможность увидеть свои результаты, что мотивировало их улучшить эти результаты или перейти к выполнению более сложных задач; содержимое упражнения, созданного с помощью одного шаблона, может быть легко преобразовано в другой тип упражнения, используя иной шаблон. Разнообразные функции этого ЦИ открывают перед преподавателями обширные возможности для организации и проведения информативных уроков в смешанном формате [28].

Рассматривая подготовку педагогов смешанного обучения в системе ДПО в условиях технологии цифрового образования, И.Г. Боронилова и Г.Ф. Шабаева

приводят следующие шаги по разработке занятия с помощью ЦИ [26]:

1. Подбор платформ для разработки игр и пособий, совместимых с доской SMART Board.
2. Разработка алгоритма создания интерактивных игр для доски SMART Board.
3. Создание дидактической игры с использованием платформы для доски SMART Board.
4. Создание интерактивной игры «Четвертый лишний» в программе подготовки презентаций PowerPoint.
5. Создание дидактической игры-соревнования с использованием любой платформы для SMART Board.
6. Разработка памятки для педагогов на тему «Применение интерактивных игр в образовательном процессе».

Использование онлайн-досок способствует организации групповой работы студентов (Linoit, Miro, Padlet, LiveBoard, RealTimeBoard, Stormboard, Whiteboard Fox). Это позволяет студентам работать совместно, обсуждать задания и делиться идеями, а также дает преподавателю возможность контролировать процесс выполнения заданий и при необходимости вносить коррективы. Использование онлайн-досок может повысить мотивацию студентов, так как позволяет им участвовать в активной и интересной форме работы. Однако отмечается, что использование онлайн-досок требует от преподавателя определенной подготовки и навыков работы с ними, а также умения адаптировать традиционные учебные материалы под формат онлайн-доски. В целом они считают, что использование онлайн-досок является перспективным направлением в обучении иностранным языкам и может значительно улучшить качество учебного процесса [30].

О.В. Фрик анализирует технологию работы с онлайн-доской Padlet. Доска используется для разных форм работы и образовательных целей: кейс-стади, актуализация материала, мозговой штурм, совместный конспект, сбор аргументов, консультации, внеаудиторные занятия и т.д. [31].

В преподавании в системе смешанного обучения, наряду с инструментами Google, используется доска Jamboard. Она повышает удобство построения групповой работы в смешанных группах и, исходя из студенческого опроса, делает занятие более интерактивными [32].

В целом, говоря об инструментах интерактивности (в частности, об онлайн-досках), можно отметить, что ключевыми факторами вовлеченности становятся инструменты визуализации и возможности командной работы.

ЦИ разработки образовательного контента позволяют сделать занятия более интерактивными, вовлекающими, индивидуализированными. Они могут повысить мотивацию к обучению, а также сделать процесс передачи знаний более эффективным. В основном под такими ЦИ понимаются сервисы создания презентаций и других наглядных форм.

О.Ю. Муллер использует ЦИ для разработки образовательного контента в инклюзивном образовании в вузе (Google Презентации, Canva, LearningApps,

Wordwall, Mindomo). Цифровые инструменты могут расширить возможности инклюзивного образования, предоставляя студентам с ограниченными возможностями здоровья доступ к образовательным ресурсам и поддержку в процессе обучения. Однако для успешного использования ЦИ в инклюзивном образовании необходимо учитывать специфические потребности студентов, разрабатывать специальные методики и создавать адаптивную среду обучения. Кроме того отмечается, что применение ЦИ требует от преподавателей и вузов определенной технической и методической подготовки, а также готовности к непрерывному совершенствованию и адаптации образовательных программ [33].

Мультимедийные презентации (МП) – одна из форм предоставления образовательной информации. Они отличаются от стандартной презентации тем, что включают в себя комбинации различных элементов, таких как видео, аудио, 3D-модели, рисунки, фотографии, текст, анимация и навигация. Мультимедийные презентации могут быть полезны для тренировки студентов на экзамене, особенно в рамках обучения иностранному языку в неязыковом вузе, а также для отработки заданий с использованием наглядных материалов. Они позволяют создавать и прорабатывать учебные задания даже без доступа к Интернету, а при использовании интерактивной доски – с легкостью работать с большим количеством студентов [34].

Наряду с инструментами презентаций в области создания контента применяются еще и быстрые опросы, такие как Mentimeter и Kahoot, которые показывают мгновенную статистику ответов в аудитории, что тоже можно отнести к формированию контента. Это позволяет повысить вовлеченность студентов в образовательный процесс. Наиболее часто используемые учителями ресурсы являются наиболее популярными и удобными в использовании и интуитивно понятными (PowerPoint, Google Forms или Google Classroom) [35].

Использование различных видов инфографики в учебном процессе способствует улучшению запоминания информации студентами, повышает их интерес к предмету и активное участие в образовательном процессе. Исследования подтверждают, что это развивает критическое и аналитическое мышление у студентов, а также способствует генерации собственных идей и проектов [36].

Как показывает анализ литературы, ЦИ создания контента могут влиять на такие факторы, как мотивация и вовлеченность студентов, оптимизация работы преподавателя, визуализация предметных материалов, развитие аналитического мышления.

Формирование мягких навыков происходит в ходе освоения курса или дисциплины в определенных организационно-педагогических условиях. К этим навыкам относятся, например, умение сотрудничать и решать проблемы в коллективе, мыслить критически, управлять своим временем – все это позволяет нынешним студентам адаптироваться к профессиональной деятельности в будущем [37].

Использование ЦИ Online Test Pad и Mindmeister является эффективным способом решения проблемы

развития критического мышления у будущих учителей и юристов. Эти ЦИ доступны и просты в использовании. Они предоставляют возможность создавать образовательные ресурсы без специальных знаний языков программирования. Использование Online Test Pad для создания тестовых заданий и логических задач позволило студентам закрепить полученные знания, проверить свои практические навыки, развить критическое мышление. Mindmeister – ЦИ, помогающий отображать информацию в графическом формате, оказался хорошим выбором для мозгового штурма в реальном времени [38].

В статье Н.В. Пыхиной обсуждаются ЦИ, которые могут помочь студентам улучшить свои коммуникативные навыки, критическое мышление, решение проблем и другие важные навыки для успешной карьеры в IT-индустрии. Использовался ЦИ Quizlet для сохранения словарного запаса при выполнении различных интерактивных упражнений, включая игровые, а также MindMeister для самостоятельного изучения английского языка.

Создание интеллект-карт на его основе помогает студентам развить логическое мышление и научиться принимать индивидуальные решения. Автор статьи пришел к выводу, что использование онлайн-ресурсов и английского языка является эффективным способом развития мягких навыков студентов IT-направлений. Однако для достижения максимальных результатов необходимо комбинировать различные методы обучения и оценивать результаты студентов в процессе обучения [39].

Эксперты полагают, что коммуникация является важнейшей частью в развитии мягких навыков, поэтому наряду с LMS и видео-конференц-связью [40] используются мессенджеры [41].

Для развития креативности студентов инженерных специальностей используется Moodle в качестве платформы для разработки системы заданий, таких как закончить предложение, спрогнозировать концовку истории, понять, о чем будет текст, и т.д. Было выявлено, что система заданий в LMS Moodle действительно способствует развитию креативности [42].

С помощью Moodle реализуется смешанное обучение, способствующее адаптации студентов. Из проведенных в АГМУ исследований следует, что смешанное обучение, включая цифровое онлайн-общение, положительно влияет не только на взаимодействие между студентами и преподавателями, но и на их взаимодействие друг с другом. Полученные данные указывают на то, что смешанное обучение способствует появлению внутренней мотивации у студентов, особенно когда оно адаптируется к их индивидуальным особенностям, уровню знаний и темпу обучения. В этом случае студенты получают удовольствие от учебного процесса, уверенность в себе и проявляют активность в обучении [43].

Как показали исследования, внедрение и грамотное использование ЦИ может оказывать позитивное влияние на умение выстраивать коммуникацию, развитие критического мышления, способности к самооценке и креативность.

Проектная работа – многоуровневый и сложный в организации процесс в условиях смешанного обучения. Для построения подобной работы требуется комплекс ЦИ для различных этапов, таких как целеполагание, коммуникация, сбор информации, презентация и т.д.

В исследовании А.А. Белолобовой описан опыт проектной работы обучающихся в цифровой среде с помощью ЦИ (Tilda, WordPress, Wix.com). Раздаточный материал располагается в Google Документах или социальных сетях (где, в том числе, организована работа участников проекта), средой групповой работы служат инструменты совместного доступа (Jamboard, Google Документы, Miro). Все участники успешно завершили задания, достигнув хороших результатов. Рефлексивное исследование, проведенное после завершения проекта, выявило, что каждый участник чувствовал себя комфортно, работая в цифровом пространстве. Кроме того, участники отметили, что они приобрели навыки в работе с цифровыми технологиями [44].

Используя смешанные образовательные технологии, В.В. Малиатаки и соавт. смогли создать комплексный процесс проектной работы студентов, поощряющий развитие их самостоятельности в планировании, организации и контроле учебной деятельности. Использование смешанных образовательных технологий в учебном процессе позволяет значительно расширить методы и формы организации самостоятельной индивидуальной и групповой деятельности студентов, эффективно дополняя традиционные методы обучения. Интерактивные методы, внедренные в среде смешанного обучения, способствуют формированию у студентов не только знаний в изучаемых областях, но и эмоционально-ценностного отношения к ним, а также развитию навыков применения полученных знаний и умений в нестандартных ситуациях, что соответствует требованиям компетентностного подхода в образовании [45].

Выстраивание проектной работы в смешанном обучении возможно, однако требует развитой ИКТ-компетентности как от преподавателя, так и от студентов.

Обратная связь и оценивание являются одними из наиболее мощных характеристик влияния на обучение и достижения, но это влияние может быть как положительным, так и отрицательным. Эффективная обратная связь, как показывают исследования, должна отвечать на три основных вопроса, которые задает учитель и (или) ученик: куда я иду? (Какие цели?), как я иду? (Какой прогресс достигается на пути к цели?) и куда двигаться дальше? (Какие действия необходимо предпринять, чтобы добиться большего прогресса?). Оцениванием можно считать деятельность, которая предоставляет учителям и (или) обучающимся информацию, касающуюся одного или нескольких из трех вопросов обратной связи [46].

Moodle позволяет не только создавать онлайн-курсы и проектировать различные формы активности, но и оценивать результаты работы студентов [47]. Л.Н. Полунина рассматривает инструменты Moodle для оценивания, в частности тестирование для асинхронного оценивания, семинары и форумы для самооценивания, синхронные цифровые инструменты для

итогового оценивания. Для эффективного использования ЦИ оценивания в онлайн-обучении рекомендуется диагностические инструменты Moodle [48].

Инструменты коммуникации, которые мы обсуждали выше, способствуют не только выстраиванию дискуссий, но и оцениванию. Для этой возможности требуется дать больший вес онлайн-обсуждениям при выставлении итоговой оценки за курс и включить несколько экзаменационных вопросов, отражающих обсуждаемые темы. Это может увеличить участие студентов в онлайн-дискуссиях, включая их ответы на дополнительные вопросы от преподавателей [49].

В исследовании Л. Милтениене и соавт. рассматриваются вопросы самооценивания студентов с помощью инструментария Moodle (Innovative teacher education through personalised learning). Помимо Moodle, авторы рассматривают листы самооценки и таблицы, способствующие рефлексии студентов в условиях цифрового образования. По мнению исследователей, подобные технологии способствуют развитию персонализированного образования [50].

Цифровая система оценивания и обратной связи (DAFS) – это система оценивания, в которой обучающийся занимает активную роль. Оценивание происходит с помощью макета DAFS и сценария – они позволяют преподавателю сотрудничать со студентами в ходе оценивания. В результате анализа данных было выявлено, преподаватели готовы использовать DAFS, что может способствовать поиску педагогических стратегий по повышению активности студентов [51].

Добавление тестов и заданий на виртуальную доску помогает систематизировать проверку знаний студентов, что ускоряет процесс контроля и оценки успеваемости [52. С. 52].

М.С. Досковская и Е.Л. Шнейдман рассматривают лингводидактический текст в качестве метода оценивания студентов. Такие тесты являются относительно объективными и компактными, что снижает время, затрачиваемое на проверку, и позволяет проводить массовый контроль более эффективно. Также стандартизация процедуры и анализ результатов способствуют более системному подходу к контролю [53].

Электронное портфолио – аутентичная технология, позволяющая проводить оценивание. Для создания портфолио студенты должны уметь работать с информацией, а также должны обладать специфичными умениями из ИКТ-области, как, например, создание сайтов в конструкторах. Электронное портфолио позволяет изменить методы и процессы оценивания в образовательном процессе. Оно открывает возможность для преподавателей создавать новые учебные задания, а также изменять систему оценивания студентов. Оценочные листы могут быть использованы как для внешнего оценивания, проводимого преподавателем или другими студентами, так и для самооценки студентами. Электронное портфолио предоставляет новые инструменты для более гибкого и индивидуального подхода к оцениванию знаний и навыков студентов [54].

В других исследованиях электронное портфолио может выступать частью проектной работы, однако оказывается одним из ключевых способов оценивания.

Оно получило положительные отзывы со стороны обучающихся и было чрезвычайно полезным инструментом для мониторинга и коррекции учебной деятельности при создании проектных продуктов [55].

Исследования, посвящённые оцениванию в рамках смешанного обучения, показывают важность этой процедуры для преподавателей и студентов. Зафиксирована вариативность построения системы оценивания в виртуальной среде в зависимости от форм деятельности студентов и от требований и потребностей преподавателя.

В результате метаанализа литературы рассматриваемые ЦИ систематизированы, исходя из тех барьеров, сложностей, которые они решают в условиях смешанного обучения.

Данные барьеры были выявлены исходя из анализа литературы.

Результаты систематизации отображены в таблице, где продемонстрированы доступные на данный момент цифровые инструменты преподавателей, представленные в рассмотренных статьях.

Цифровые инструменты преподавателя

Барьер в смешанном обучении	Инструменты
Развитие предметных навыков	Quizlet, LearningApps, Youtube, Plickers, Google (поиск, документы, формы), QR-code Generator, V Kontakte, Excel, VR, AR, Moodle-задания
Организация интерактивности	Miro, Wordwall, SMART Board, Linoit, LiveBoard, RealTimeBoard, Stormboard, Whiteboard Fox, Jamboard, Google (документы)
Разработка образовательного контента	Google Презентации, LearningApps, Wordwall, Mindomo, Google Forms, Google Classroom, Мультимедийные презентации на основе PowerPoint
Развитие мягких навыков	MindMeister, Moodle-задания, Moodle-форумы, видеоконференцсвязь, мессенджеры
Организация проектной работы	Tilda, WordPress, Wix.com, Jamboard, Google Документы, Miro
Оценивание	Moodle-тесты и форумы, электронное портфолио, виртуальная доска

Данные барьеры встречались в метаанализе и преодолевались с применением ЦИ с учетом особенностей смешанного обучения. Список не является исчерпывающим.

Можно сделать вывод, что преподаватель, оценивая потенциал конкретного ЦИ для своего предмета и для отдельной группы обучающихся, должен обеспечить максимальную эффективность применения этого инструмента, трансформируя для смешанного обучения. Использование ЦИ в представляемом педагогическом опыте сопровождается особой организацией образовательного процесса, с трансформацией форм, методов и приемов различных образовательных этапов. Таким образом, недостаточно знать, какой ЦИ обеспечивает реализацию смешанного обучения, недостаточно владеть этим инструментом, но нужно обладать

педагогическим навыком интегрировать его в образовательный процесс.

Полученные результаты исследования послужат основой для разработки методических рекомендаций по выбору и использованию ЦИ в образовательном процессе, что может способствовать повышению эффективности смешанного обучения и развитию инновационных подходов в преподавательской практике.

В перспективе систематизация, полученная в этом исследовании, может быть расширена с учетом анализа и рассмотрения отечественных ЦИ, в том числе искусственного интеллекта, VR/AR и т.д. Данные могут использоваться для разработки методических рекомендаций для преподавателей по выбору ЦИ с учетом возникающих препятствий в смешанном обучении.

Список источников

1. Косаговская И.И., Волчкова Е.В., Мадьянова В.В., Белая О.Ф. Вызовы и возможности модели смешанного обучения в системе медицинского образования // Инфекционные болезни: новости, мнения, обучение. 2021. Т. 10, № 2. С. 87–98.
2. Алипханова Ф.Н., Квитковская А.А. Смешанное обучение в современном вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-1. С. 12–15.
3. Исаева М.А., Мамалова Х.Э., Коркмазов А.В. Внедрение смешанного обучения в работу современного вуза // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99). С. 55–57.
4. Афзалова А.Н. Смешанное обучение в вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 73-1. С. 32–34.
5. Гвоздева А.В. Теоретико-дидактические основы смешанного обучения в вузе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 4 (56). С. 207–213.
6. Шакирова А.А. Цифровые инструменты в преподавании курсов иностранного языка в вузе // Казанский лингвистический журнал. 2022. № 5 (2). С. 257–269.
7. Алтухова О.Н., Дьякова Н.С. Формирование у студентов экономического профиля компетенций в области применения цифровых технологий (на примере изучения дисциплины «Культура речи и деловое общение») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 9 (172). С. 61–65.
8. Abid H., Mohd J., Mohd A.Q., Rajiv S. Understanding the role of digital technologies in education: A review // Sustainable Operations and Computers. 2022. Vol. 3. P. 275–285.
9. Abdulrahman M.D., Faruk N., Oloyede A.A., Surajudeen-Bakinde N.T., Olawoyin L.A., Mejabi O.V., Imam-Fulani Y.O., Fahm A.O., Azeez A.L. Multimedia tools in the teaching and learning processes: A systematic review // Heliyon. 2020. Vol. 6, Is. 11. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7644889/> (дата обращения: 01.12.2023).
10. Паршина Л.Г., Карпушина Л.П. Возможности цифровых технологий в подготовке будущих педагогов-музыкантов // Гуманитарные науки и образование. 2023. Т. 14, № 2 (54). С. 70–74.
11. Метелькова Л.А., Хрисанова Е.Г., Фролова Е.В. Использование цифровых инструментов в иноязычной подготовке обучающихся // Казанский педагогический журнал. 2021. № 3 (146). С. 142–149.

12. Захарова О.О. Применение цифровых инструментов в организации проектно-ориентированного обучения английскому языку будущих инженеров // Информационные технологии в науке, управлении и образовании: междисциплинарный подход и тенденции развития : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Дмитровград, 12 ноября 2021 года. Дмитровград, 2021. С. 153–160.
13. Udugama I.A., Atkins M., Bayer C., Carson J., Dikicioglu D., Gernaey K.V., Glassey J., Taylor M., Young B.R. Digital tools in chemical engineering education: The needs and the desires // *Education for Chemical Engineers*. 2023. № 44. P. 63–70.
14. Marks B., Thomas J. Adoption of virtual reality technology in higher education: An evaluation of five teaching semesters in a purpose-designed laboratory // *Education and Information Technologies*. 2022. № 27. P. 1287–1305.
15. Дюличева Ю.Ю. О применении технологии дополненной реальности в процессе обучения математике и физике // *Открытое образование*. 2020. № 24 (3). С. 44–55.
16. Кандрашкина О.О., Ревина Е.В. Инструменты системы MOODLE для обучения иностранному языку на очно-заочном отделении // *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки*. 2023. № 20 (1). С. 47–58.
17. Пелих О.В., Малиатаки В.В., Пелих В.В. Инструменты современного преподавателя: использование игр в электронных учебных курсах MOODLE // *Гуманитарные науки*. 2023. № 2 (62). С. 49–54.
18. Зонова О.Е., Филипова Н.А. Возможности онлайн-среды для обучения студентов написанию аннотаций // *Проблемы современного педагогического образования*. 2023. № 78-1. С. 144–147.
19. Калашникова С.В., Пестова Е.В. Использование электронного курса «Иностранный язык» в системе MOODLE при дистанционном обучении сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2023. № 8. С. 848–854.
20. Khudolei N.V. LMS MOODLE tools to form and develop grammar skills when teaching a foreign language at non-linguistic higher education institution // *Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования*. 2023. № 1. P. 104–119.
21. Чикина Т.Е., Коларькова О.Г. Цифровые технологии в процессе обучения математике // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2023. № 1. С. 42–57.
22. Qais A.M., Vikas R.N., Raza H., Muhammad M., Karan A.J. Digital education using free and open source tools to enhance collaborative learning // *International E-Journal of Advances in Education*. 2019. № 3. P. 50–57.
23. Gregory S., Bannister-Tyrell M. Digital learner presence and online teaching tools: higher cognitive requirements of online learners for effective learning. // *RPTEL*. 2017. № 18. doi: 10.1186/s41039-017-0059-3 (дата обращения: 01.12.2023).
24. Кручинин М.В., Кручинина Г.А. Исследование потенциала применения видеоконференцсвязи в дистанционной форме обучения в высшей школе // *Казанский педагогический журнал*. 2022. № 2. С. 76–83.
25. Махмудходжаева Л.С. Онлайн образование и цифровые средства обучения в вузах Узбекистана // *Открытое образование*. 2021. № 3. С. 46–61.
26. Боронилова И.Г., Шабаетова Г.Ф. Подготовка педагога электронного обучения в дошкольной образовательной организации в условиях технологии цифрового образования вуза // *Проблемы современного педагогического образования*. 2021. № 21. С. 44–47.
27. Толмачева Н.С., Быданцева А.Н. Использование интерактивных онлайн-досок при обучении иностранному языку: из опыта работы // *Современная высшая школа: инновационный аспект*. 2022. № 2 (56). С. 49–56.
28. Астапенко Е.В., Бедарева А.В. Дидактические возможности виртуальной доски Miro и образовательного ресурса Wordwall для организации работы студентов в процессе изучения иностранного языка в вузе // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2021. № 1. С. 7–24.
29. Логинова М.С. Использование доски Miro при обучении русскому языку как иностранному (на примере изучения темы «Продукты») // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2021. № 200. С. 77–86.
30. Глотова А.В. Онлайн-доска как средство организации групповой работы студентов на занятиях по иностранному языку в вузе в условиях электронного обучения // *Открытое образование*. 2020. № 4. С. 56–66.
31. Фрик О.В. О дидактических возможностях использования виртуальной доски Padlet в образовательном процессе вуза // *Вестник СИБИТа*. 2020. № 1 (33). С. 15–19.
32. Bunakova T. Гибридное обучение в преподавании иностранного языка в МГИМО МИД России (Hybrid Learning Classes of English at MGIMO University) // *SSRN*. 2020. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3737771 (дата обращения: 22.01.2024).
33. Муллер О.Ю. Применение цифровых технологий в инклюзивном образовании в условиях вуза // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4: Педагогика. Психология*. 2022. № 65. С. 100–110.
34. Оскольская И.А. Современные методики преподавания иностранного языка в неязыковом вузе: презентации в обучении // *Современное педагогическое образование*. 2021. № 4. С. 155–161.
35. Antón-Sancho Á., Vergara D., Lamas-Álvarez V.E., Fernández-Arias P. Digital Content Creation Tools: American University Teachers' Perception. // *Applied Sciences*. 2021 № 11 (24). Art. № 11649. doi: 10.3390/app112411649
36. Широколобова А.Г., Ларионова Ю.С., Чистякова Г.В. Инфографика как цифровая образовательная технология для реализации электронного обучения в вузе (на примере авторского электронного курса «Латинский язык для стоматологов») в LMS Moodle // *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2023. № 9. С. 910–917.
37. Заславская О.В., Малафий А.С. Формирование «мягких навыков» в образовательном процессе вуза как фактор развития конкурентоспособности молодого специалиста // *Перспективы науки и образования*. 2021. № 3 (51). С. 115–126.
38. Meirbekov A., Maslova I. Digital education tools for critical thinking development // *Thinking Skills and Creativity*. 2022. № 44. doi: 10.1016/j.tsc.2022.101023
39. Пыхина Н.В. Развитие soft skills студентов ИТ-направлений средствами английского языка на основе онлайн-ресурсов // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2023. № 4 (130). URL: <https://research-journal.org/archive/4-130-2023-april/10.23670/IRJ.2023.130.106> (дата обращения: 23.01.2024).
40. Volkov A., Rishko Y., Kostyukhin Y., Sidorova E., Boboshko D., Savinova D., Ershova V. Using Digital Tools to Teach Soft Skill-Oriented Subjects to University Students during the COVID-19 Pandemic // *Education Sciences*. 2022. № 12. Art. № 335. doi: 10.3390/educsci12050335
41. Romanenko, Y., Solodovnikova E., Maksimenko N. Microlearning as a new method of teaching soft skills to university students // *Frontiers in Education*. 2023. № 8. doi: 10.3389/educ.2023.1177516
42. Овинова Л.Н., Шрайбер Е.Г., Маркус А.М. Технология развития креативности будущих инженеров с использованием Moodle // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки*. 2023. № 1. С. 67–81.
43. Трухачева Н.В., Гусева А.В., Пупырев Н.П., Кудрикова Л.Е., Лескова С.С., Грибова Г.В. Влияние смешанного обучения на процессы адаптации иностранных студентов // *Педагогика и просвещение*. 2023. № 2. С. 156–170.
44. Белолобова А.А. Сетевая проектная деятельность и цифровые инструменты для её реализации // *Открытое образование*. 2020. № 24 (4). С. 22–31.
45. Малиатаки В.В., Киричек К.А., Вендина А.А. Дистанционные образовательные технологии как современное средство реализации активных и интерактивных методов обучения при организации самостоятельной работы студентов // *Открытое образование*. 2020. № 24 (3). С. 56–66.
46. Hattie J., Timperley H. The Power of Feedback // *Review of Educational Research*. 2007. № 77 (1). P. 81–112.
47. Калимуллина О.В., Троценко И.В. Современные цифровые образовательные инструменты и цифровая компетенность: анализ существующих проблем и тенденций // *Открытое образование*. 2018. № 22 (3). С. 61–73.

48. Полунина Л.Н. Цифровые инструменты оценивания в онлайн обучении на уровне высшего образования // Письма в Эмиссия.Оффлайн (The Emissia.Offline Letters) : электронный научный журнал. 2021. № 12. URL: <http://www.emissia.org/offline/2021/3010.htm> (дата обращения: 23.01.2024).
49. Tin-Chun L. Can online discussions benefit students' learning in online courses? Evidence From teaching introduction to microeconomics // E-Learning and Digital Media. 2023. doi: 10.1177/20427530231170765
50. Ališauskienė S., Kaminskienė L., Miltenienė L., Melienė R., Kazlauskienė A., Rutkienė A., Venslovaite V., Kontrimienė S., Siriakoviene A. Innovative teacher education through personalized learning // Conference: 13th annual International Conference of Education, Research and Innovation. 2020. P. 2944–2952.
51. Casanova D., Graham A., Isabel H. Giving away some of their powers! Towards learner agency in digital assessment and feedback // Research and Practice in Technology Enhanced Learning volume. 2021. № 16. Art. № 16. doi: 10.1186/s41039-021-00168-6
52. Горовенко Л.А. Александрия Г.А. Анализ дидактических возможностей использования в образовательном процессе инструментария стабильности доски RealTimeBoard // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. 2019. № 2 (241). С. 47–52.
53. Досковская М.С., Шнейдман Е.Л. Эффективность лингводидактического теста как инструмента контроля и оценивания грамматических навыков // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 73-1. С. 131–133.
54. Алексеева О.В. Е-портфолио как инструмент оценивания учебных достижений бакалавров педагогики // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 1. С. 84–86.
55. Титова С.В. Оценивание проектных заданий в предметно-языковом интегрированном курсе: этапы, формы, онлайн-инструменты // Высшее образование в России. 2022. № 2. С. 94–106.

References

1. Kosagovskaya, I.I. et al. (2021) Vyzovy i vozmozhnosti modeli smeshannogo obucheniya v sisteme meditsinskogo obrazovaniya [Challenges and opportunities of the blended learning model in the medical education system]. *Infektsionnye bolezni: novosti, mneniya, obuchenie*. 10 (2). pp. 87–98.
2. Alipkhanova, F.N. & Kvitkovskaya, A.A. (2023) Smeshannoe obuchenie v sovremennom vuze [Blended learning in a modern university]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 79-1. pp. 12–15.
3. Isaeva, M.A., Mamalova, Kh.E. & Korkmazov, A.V. (2023) Vnedrenie smeshannogo obucheniya v rabotu sovremennogo vuza [Introduction of blended learning into the work of a modern university]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2 (99). pp. 55–57.
4. Afzalova, A.N. (2021) Smeshannoe obuchenie v vuze [Blended learning at a university]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 73-1. pp. 32–34.
5. Gvozdeva, A.V. (2020) Teoretiko-didakticheskie osnovy smeshannogo obucheniya v vuze [Theoretical and didactic foundations of blended learning at a university]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (56). pp. 207–213.
6. Shakirova, A.A. (2022) Tsifrovye instrumenty v prepodavanii kursov inostrannogo yazyka v vuze [Digital tools in teaching foreign language courses at a university]. *Kazanskiy lingvisticheskiy zhurnal*. 5 (2). pp. 257–269.
7. Altukhova, O.N. & D'yakova, N.S. (2022) Formirovanie u studentov ekonomicheskogo profilya kompetentsiy v oblasti primeneniya tsifrovyykh tekhnologiy (na primere izucheniya distsipliny "Kul'tura rechi i delovoe obshchenie") [Formation of competencies among economic students in the field of application of digital technologies (using the example of studying the discipline "Culture of Speech and Business Communication")]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. pp. 61–65.
8. Abid, H. et al. (2022) Understanding the role of digital technologies in education: A review. *Sustainable Operations and Computers*. 3. pp. 275–285.
9. Abdulrahman, M.D. et al. (2020) Multimedia tools in the teaching and learning processes: A systematic review. *Heliyon*. 6 (11). [Online] Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7644889/> (Accessed: 01.12.2023).
10. Parshina, L.E. & Karpushina, L.P. (2023) Vozmozhnosti tsifrovyykh tekhnologiy v podgotovke budushchikh pedagogov-muzykantov [Possibilities of digital technologies in the preparation of future music teachers]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 14:2 (54). pp. 70–74.
11. Metel'kova, L.A., Khrisanova, E.G. & Frolova, E.V. (2021) Ispol'zovanie tsifrovyykh instrumentov v inoyazychnoy podgotovke obuchayushchikhsya [The use of digital tools in foreign language training for students]. *Kazanskiy pedagogicheskii zhurnal*. 3 (146). pp. 142–149.
12. Zakharova, O.O. (2021) [The use of digital tools in organizing project-oriented English language training for future engineers]. *Informatsionnye tekhnologii v nauke, upravlenii i obrazovanii: mezhdistsiplinar'nyy podkhod i tendentsii razvitiya* [Information technologies in science, management and education]. Conference Proceedings. Dimitrovgrad. 12 November 2021. pp. 153–160. (In Russian).
13. Udugama, I.A. et al. (2023) Digital tools in chemical engineering education: The needs and the desires. *Education for Chemical Engineers*. 44. pp. 63–70.
14. Marks, B. & Thomas, J. (2022) Adoption of virtual reality technology in higher education: An evaluation of five teaching semesters in a purpose-designed laboratory. *Education and Information Technologies*. 27. pp. 1287–1305.
15. Dyulicheva, Yu.Yu. (2020) O primenении tekhnologii dopolnennoy real'nosti v protsesse obucheniya matematike i fizike [On the use of augmented reality technology in teaching mathematics and physics]. *Otkrytoe obrazovanie*. 24 (3). pp. 44–55.
16. Kandrashkina, O.O. & Revina, E.V. (2023) Instrumenty sistemy MOODLE dlya obucheniya inostrannomu yazyku na ochno-zaochnom otdelenii [Tools of the MOODLE system for teaching a foreign language at part-time courses]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 20 (1). pp. 47–58.
17. Pelikh, O.V., Maliataki, V.V. & Pelikh, V.V. (2023) Instrumenty sovremennogo prepodavatelya: ispol'zovanie igr v elektronnykh uchebnykh kursakh MOODLE [Tools of a modern teacher: the use of games in MOODLE electronic training courses]. *Gumanitarnye nauki*. 2 (62). pp. 49–54.
18. Zonova, O.E. & Filipova, N.A. (2023) Vozmozhnosti onlayn-sredy dlya obucheniya studentov napisaniyu annotatsiy [Possibilities of an online environment for teaching students how to write abstracts]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 78-1. pp. 144–147.
19. Kalashnikova, S.V. & Pestova, E.V. (2023) Ispol'zovanie elektronnoho kursa "Inostranny yazyk" v sisteme MOODLE pri distantsionnom obuchenii sotrudnikov organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii [Using the electronic course "Foreign Language" in the MOODLE system for distance learning for employees of internal affairs bodies of the Russian Federation]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*. 8. pp. 848–854.
20. Khudolei, N.V. (2023) LMS MOODLE tools to form and develop grammar skills when teaching a foreign language at non-linguistic higher education institution. *Vestnik RUDN. Seriya: Informatizatsiya obrazovaniya*. 1. pp. 104–119.
21. Chikina, T.E. & Kolar'kova, O.G. (2023) Tsifrovye tekhnologii v protsesse obucheniya matematike [Digital technologies in teaching mathematics]. *Russian Journal of Education and Psychology*. 1. pp. 42–57.
22. Qais, A.M. et al. (2019) Digital education using free and open source tools to enhance collaborative learning. *International E-Journal of Advances in Education*. 3. pp. 50–57.
23. Gregory, S. & Bannister-Tyrell, M. (2017) Digital learner presence and online teaching tools: higher cognitive requirements of online learners for effective learning. *RPTL*. 18. doi: 10.1186/s41039-017-0059-3 (Accessed: 01.12.2023).
24. Kruchinin, M.V. & Kruchinina, G.A. (2022) Issledovanie potentsiala primeneniya videokonferentsyazi v distantsionnoy forme obucheniya v vysshey shkole [Study of the potential of using videoconferencing in distance learning in higher education]. *Kazanskiy pedagogicheskii zhurnal*. 2. pp. 76–83.

25. Makhmutkhodzhaeva, L.S. (2021) Onlayn obrazovanie i tsifrovye sredstva obucheniya v vuzakh Uzbekistana [Online education and digital learning tools in universities of Uzbekistan]. *Otkrytoe obrazovanie*. 3. pp. 46–61.
26. Boronilova, I.G. & Shabaeva, G.F. (2021) Podgotovka pedagoga elektronnoy obucheniya v doskol'noy obrazovatel'noy organizatsii v usloviyakh tekhnologii tsifrovogo obrazovaniya vuzov [Training of an e-learning teacher in a preschool educational organization in the conditions of digital education technology at a university]. *Problemy sovremennoy pedagogicheskoy obrazovaniya*. 21. pp. 44–47.
27. Tolmacheva, N.S. & Bydantseva, A.N. (2022) Ispol'zovanie interaktivnykh onlayn-dosok pri obuchenii inostrannomu yazyku: iz opyta raboty [The use of interactive online whiteboards in teaching a foreign language: from work experience]. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyy aspekt*. 2 (56). pp. 49–56.
28. Astapenko, E.V. & Bedareva, A.V. (2021) Didakticheskie vozmozhnosti virtual'noy doski Miro i obrazovatel'nogo resursa Wordwall dlya organizatsii raboty studentov v protsesse izucheniya inostrannogo yazyka v vuzе [Didactic capabilities of the Miro virtual board and the educational resource Wordwall for organizing students' work on learning a foreign language at a university]. *Russian Journal of Education and Psychology*. 1. pp. 7–24.
29. Loginova, M.S. (2021) Ispol'zovanie doski Miro pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu (na primere izucheniya temy "Produkty") [Using the Miro board in teaching Russian as a foreign language (using the example of studying the topic "Products")]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. 200. pp. 77–86.
30. Glotova, A.V. (2020) Onlayn-doska kak sredstvo organizatsii gruppovoy raboty studentov na zanyatiyakh po inostrannomu yazyku v vuzе v usloviyakh elektronnoy obucheniya [Online board as a means of organizing group work of students in foreign language classes at a university in the conditions of e-learning]. *Otkrytoe obrazovanie*. 4. pp. 56–66.
31. Frik, O.V. (2020) O didakticheskikh vozmozhnostyakh ispol'zovaniya virtual'noy doski Padlet v obrazovatel'nom protsesse vuzov [On the didactic possibilities of using the Padlet virtual board in the educational process of a university]. *Vestnik SIBITa*. 1 (33). pp. 15–19.
32. Bunakova, T. (2020) *Gibridnoe obuchenie v prepodavanii inostrannogo yazyka v MGIMO MID Rossii* [Hybrid Learning Classes of English at MGIMO University]. SSRN. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3737771 (Accessed: 22.01.2024).
33. Muller, O.Yu. (2022) Primenenie tsifrovyykh tekhnologiy v inkluzivnom obrazovanii v usloviyakh vuzov [The use of digital technologies in inclusive education in a university setting]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya*. 65. pp. 100–110.
34. Oskol'skaya, I.A. (2021) Sovremennyye metodiki prepodavaniya inostrannogo yazyka v neyazykovom vuzе: prezentatsii v obuchenii [Modern methods of teaching a foreign language in a non-linguistic university: presentations in teaching]. *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovanie*. 4. pp. 155–161.
35. Antón-Sancho, Á. et al. (2021) Digital Content Creation Tools: American University Teachers' Perception. *Applied Sciences*. 11 (24). Art. 11649. doi: 10.3390/app112411649
36. Shirokolobova, A.G., Larionova, Yu.S. & Chistyakova, G.V. (2023) Infografika kak tsifrovaya obrazovatel'naya tekhnologiya dlya realizatsii elektronnoy obucheniya v vuzе (na primere avtorskogo elektronnoy kursa "Latinskyy yazyk dlya stomatologov") v LMS Moodle [Infographics as a digital educational technology for the implementation of e-learning at a university (using the example of the authorial electronic course "Latin for Dentists") in LMS Moodle]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*. 9. pp. 910–917.
37. Zaslavskaya, O.V. & Malafiy, A.S. (2021) Formirovaniye "myagkikh navykov" v obrazovatel'nom protsesse vuzov kak faktor razvitiya konkurentosposobnosti molodogo spetsialista [Formation of "soft skills" in the educational process of a university as a factor in the development of the competitiveness of a young specialist]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 3 (51). pp. 115–126.
38. Meirbekov, A. & Maslova, I. (2022) Digital education tools for critical thinking development. *Thinking Skills and Creativity*. 44. doi: 10.1016/j.tsc.2022.101023
39. Pykhina, N.V. (2023) Razvitiye soft skills studentov IT-napravleniy sredstvami angliyskogo yazyka na osnove onlayn-resursov [Development of soft skills of IT students using the English language based on online resources]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 4 (130). [Online] Available from: <https://research-journal.org/archive/4-130-2023-april/10.23670/IRJ.2023.130.106> (Accessed: 23.01.2024).
40. Volkov, A. et al. (2022) Using Digital Tools to Teach Soft Skill-Oriented Subjects to University Students during the COVID-19 Pandemic. *Education Sciences*. 12. Art. 335. doi: 10.3390/educsci12050335
41. Romanenko, Y., Solodovnikova, E. & Maksimenko, N. (2023) Microlearning as a new method of teaching soft skills to university students. *Frontiers in Education*. 8. doi: 10.3389/educ.2023.1177516
42. Ovinova, L.N., Shrayber, E.G. & Markus, A.M. (2023) Tekhnologiya razvitiya kreativnosti budushchikh inzhenerov s ispol'zovaniem Moodle [Technology for developing the creativity of future engineers using Moodle]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki*. 1. pp. 67–81.
43. Trukhacheva, N.V. et al. (2023) Vliyaniye smeshannogo obucheniya na protsessy adaptatsii inostrannykh studentov [The influence of blended learning on foreign students' adaptation]. *Pedagogika i prosveshchenie*. 2. pp. 156–170.
44. Belolobova, A.A. (2020) Setevaya proektnaya deyatel'nost' i tsifrovyye instrumenty dlya ee realizatsii [Network project activities and digital tools for its implementation]. *Otkrytoe obrazovanie*. 24 (4). pp. 22–31.
45. Maliataki, V.V., Kirichek, K.A. & Vendina, A.A. (2020) Distsantsionnyye obrazovatel'nyye tekhnologii kak sovremennoye sredstvo realizatsii aktivnykh i interaktivnykh metodov obucheniya pri organizatsii samostoyatel'noy raboty studentov [Distance educational technologies as a modern means of implementing active and interactive teaching methods when organizing students' independent work]. *Otkrytoe obrazovanie*. 24 (3). pp. 56–66.
46. Hattie, J. & Timperley, H. (2007) The Power of Feedback. *Review of Educational Research*. 77 (1). pp. 81–112.
47. Kalimullina, O.V. & Trotsenko, I.V. (2018) Sovremennyye tsifrovyye obrazovatel'nyye instrumenty i tsifrovaya kompetentnost': analiz sushchestvuyushchikh problem i tendentsiy [Modern figures New educational tools and digital competence: analysis of existing problems and trends]. *Otkrytoe obrazovanie*. 22 (3). pp. 61–73.
48. Polunina, L.N. (2021) Tsifrovyye instrumenty otsenivaniya v onlayn obuchenii na urovne vysshego obrazovaniya [Digital assessment tools in online learning at the higher education level]. *Pis'ma v Emissiya. Offlayn (The Emissia. Offline Letters): elektronnyy nauchnyy zhurnal*. 12. [Online] Available from: <http://www.emissia.org/offline/2021/3010.htm> (Accessed: 23.01.2024).
49. Tin-Chun, L. (2023) Can online discussions benefit students' learning in online courses? Evidence From teaching introduction to microeconomics. *E-Learning and Digital Media*. doi: 10.1177/20427530231170765
50. Ališauskienė, S. et al. (2020) Innovative teacher education through personalized learning. *Conference: 13th annual International Conference of Education, Research and Innovation*. pp. 2944–2952.
51. Casanova, D., Graham, A. & Isabel, H. (2021) Giving away some of their powers! Towards learner agency in digital assessment and feedback. *Research and Practice in Technology Enhanced Learning*. 16. Art. 16. doi: 10.1186/s41039-021-00168-6
52. Gorovenko, L.A. & Aleksanyan, G.A. ((2019)) Analiz didakticheskikh vozmozhnostey ispol'zovaniya v obrazovatel'nom protsesse instrumentariya stabil'nosti doski RealTimeBoard [Analysis of the didactic possibilities of using the RealTimeBoard stability tool in the educational process]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Estestvenno-matematicheskie i tekhnicheskie nauki*. 2 (241). pp. 47–52.
53. Doskovskaya, M.S. & Shneydman, E.L. (2021) Effektivnost' lingvodidakticheskogo testa kak instrumenta kontrolya i otsenivaniya grammaticheskikh navykov [The effectiveness of the linguodidactic test as a tool for monitoring and assessing grammatical skills]. *Problemy sovremennoy pedagogicheskoy obrazovaniya*. 73-1. pp. 131–133.

54. Alekseeva, O.V. (2016) E-portfolio kak instrument otsenivaniya uchebnykh dostizheniy bakalavrov pedagogiki [E-portfolio as a tool for assessing the educational achievements of bachelors of pedagogics]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 1. pp. 84–86.
55. Titova, S.V. (2022) Otsenivanie proektnykh zadaniy v predmetno-yazykovom integrirovannom kurse: etapy, formy, onlayn-instrumenty [Assessing project assignments in a subject-language integrated course: stages, forms, online tools]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2. pp. 94–106.

Информация об авторах:

Савченко У.А. – специалист Межрегионального центра дополнительного профессионального образования и содействия занятости Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: matushenko_ua@ido.tsu.ru

Прокопенко Н.И. – специалист по учебно-методической работе Института дистанционного образования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: prokopenko_ni@ido.tsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

U.A. Savchenko, specialist, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: matushenko_ua@ido.tsu.ru

N.I. Prokopenko, specialist, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: prokopenko_ni@ido.tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.12.2023;
одобрена после рецензирования 13.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.*

*The article was submitted 29.12.2023;
approved after reviewing 13.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.*

Научная статья
УДК 378.937:151
doi: 10.17223/15617793/499/21

Формирование у будущих педагогов конструктивных стратегий поведения в конфликте

Надежда Анатольевна Соколова¹, Елена Геннадьевна Черникова²,
Надежда Валерьевна Сиврикова³, Татьяна Геннадьевна Пташко⁴

^{1, 2, 3, 4} Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

¹ sokolovana@cspu.ru

² chernikovaeg@cspu.ru

³ sivrikovanv@cspu.ru

⁴ ptashkotg@cspu.ru

Аннотация. Представлена оценка стратегий, применяемых студентами в конфликтах, а также результаты апробирования алгоритма формирования конструктивных стратегий поведения в конфликте у студентов педагогического вуза. В качестве испытуемых выступили 337 студентов 3-го курса разных факультетов ЮУрГПУ. На основе результатов исследования разработан алгоритм обучения будущих педагогов выбору конструктивных стратегий поведения в конфликте, который может быть использован в процессе преподавания дисциплины «Педагогическая конфликтология».

Ключевые слова: конфликт, конструктивное разрешение конфликта, стратегия поведения в конфликте (соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание, приспособление) посредничество, медиация, игровые технологии, тренинг, будущий педагог

Для цитирования: Соколова Н.А., Черникова Е.Г., Сиврикова Н.В., Пташко Т.Г. Формирование у будущих педагогов конструктивных стратегий поведения в конфликте // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 194–203. doi: 10.17223/15617793/499/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/21

Formation of constructive strategies of behavior in conflict in future teachers

Nadezhda A. Sokolova¹, Elena G. Chernikova², Nadezhda V. Sivrikova³, Tatyana G. Ptashko⁴

^{1, 2, 3, 4} South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

¹ sokolovana@cspu.ru

² chernikovaeg@cspu.ru

³ sivrikovanv@cspu.ru

⁴ ptashkotg@cspu.ru

Abstract. The growth of conflicts in the educational environment poses the problem of preparing future teachers to work with conflicts. Mastering constructive strategies of behavior in conflicts is an integral part of professional training. The aim of the article is to evaluate the results of testing the algorithm for the formation of a conscious choice of a strategy of behavior in conflict among students of a pedagogical university when doing the pedagogical conflictology course. The study was carried out on the basis of systemic, process, and competence-based approaches. Before-After/Experimental-Control designs (BA/EC) became a form of study organization. Theoretical and empirical research methods were used. We used the C. W. Thomas Test Questionnaire “Diagnosis of Personality Predisposition to Conflict Behavior” (adapted by N. V. Grishina) to diagnose strategies for a person’s behavior in conflict. The subjects were 337 third-year students from different faculties of South Ural State Humanitarian Pedagogical University. IBM SPSS Statistics 23 program was used for statistical data processing. The article presents the results of the study of the future educators’ behavior strategies. Empirical evidence has shown that future educators who do not know the basics of pedagogical conflictology act spontaneously, unknowingly, and often use non-constructive strategies in a conflict situation. The authors propose an algorithm for the formation of conscious behavior in the conflict of future teachers, as well as the results of its application in the course of pedagogical conflictology. The authors state that there are differences in the choice of constructive strategies between the students of the experimental group and the control group. Students from the experimental group more often than students from the control group began to use strategies such as compromise (28.6% versus 18.2% before the experiment) and cooperation (27.3% versus 23%) after the intervention. In the control group, on the contrary, the proportion of students using the rivalry strategy was higher (28.5%) than in the experimental group after the experiment. Most students in a conflict situation began to analyze their own interests and the consequences of the conflict for further interaction with the other side. Based on the results of the study, the authors

developed an algorithm for teaching future educators an informed approach to choosing strategies for behavior in conflict. This algorithm can be used in the process of teaching the pedagogical conflictology discipline in pedagogical universities.

Keywords: conflict, constructive conflict resolution, conflict behavior strategy (rivalry, cooperation, compromise, avoidance, adaptation), mediation, game technologies, training, future teacher

For citation: Sokolova, N.A., Chernikova, E.G., Sivrikova, N.V. & Ptashko, T.G. (2024) Formation of constructive strategies of behavior in conflict in future teachers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 194–203. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/21

Введение

В последние годы в социальных науках значительное внимание уделяется исследованию поведения личности в конфликтных ситуациях, в частности, стратегиям поведения в конфликте. Особое значение этот вопрос приобретает в процессе подготовки будущих педагогов, учитывая, что знания о конфликтах, приобретенные в вузе, они транслируют детям и родителям и, как правило, от педагога зависит динамика развития, а также разрешение конфликтов в системе образования.

Проблема заключается в том, что будущие педагоги, попадая на производственную практику, в начале своей профессиональной деятельности сталкиваются с большим количеством педагогических конфликтов (конфликты педагог–ребенок; ребенок–ребенок, ребенок–дети; педагог–родитель; педагог–педагог и т.п.) и не представляют, как с ними работать. Возникает противоречие между потребностью системы образования в подготовленных к работе с конфликтами педагогах и их неготовностью решать конфликтные ситуации в силу отсутствия в образовательных программах вузов теоретической и практической подготовки будущих педагогов к работе с конфликтами. Более того компетенции по диагностике, профилактике, разрешению конфликтов зафиксированы в Профессиональном стандарте педагога, но в реальной практике педагогических вузов формированию конфликтологических компетенций либо не уделяется внимания, либо на это отводится минимум учебного времени. Также следует отметить недостаточную теоретическую и методико-технологическую разработанность проблемы формирования конфликтологической компетентности будущих педагогов, о чем свидетельствует анализ научной литературы по проблеме.

В последнее десятилетие А.О. Кужугет, Л.П. Сагалакова (2016), Н.Г. Быструшкина, А.С. Мерцалов (2019) и Н.А. Соколова, Е.Г. Черникова (2022) организовывали исследования по выявлению доминирующих стратегий поведения студентов в конфликтах, а также по подготовке студентов к работе с конфликтами. Следует отметить, что исследования, посвященные изучению стратегий поведения в конфликтной ситуации педагогов, проводились и за рубежом. В частности, в результатах исследований отмечается, что стратегии поведения педагогов в конфликте влияют на выбор стратегии поведения детей (A. Norcia, A.S. Bombi, G. Pinto, C. Mascaro, E. Cannoni). Это подтверждает актуальность и необходимость продолжения исследования проблемы.

В отечественных исследованиях внимание уделяется вопросам содержания конфликтологической под-

готовки, моделей и форм ее реализации (П.А. Теплоухов (2016); А.К. Бисембаева (2017); Н.А. Соколова, Н.В. Сиврикова, Т.Г. Пташко, С.В. Рослякова (2020) и др.). Изучается взаимосвязь различных составляющих конфликтологической подготовки с особенностями личности и профессиональной мотивацией студентов – будущих педагогов (Т.Г. Пташко, Н.В. Сиврикова, Е.Г. Черникова (2020)).

Следует отметить появление работ, направленных на психологическую коррекцию неконструктивных стратегий и формирование конструктивных стратегий конфликтного взаимодействия (В.И. Долгова (2018) и С.К. Ангеловская (2021)). На позитивную роль тренинговых занятий в коррекции неконструктивных стратегий поведения в конфликте указывают также N.P. Gomez, C.M.V. Rodriguez, C.S.A. Gonzalez (2016). Использование информационно-коммуникационных технологий в преодолении конфликтов рассматривали Т.М.Е. Sanchez, S. Olmos, R.J.M. Conde, F.M. Abad (2016).

Зарубежные исследователи отмечают необходимость формирования навыков разрешения конфликтов у студентов педагогического факультета, в том числе овладение стратегией компромисса (B. Leon-del-Barco, S. Mendo-Lazaro, E. Felipe-Castano, F. FajardoBullon, D. Iglesias-Gallego).

Методическому сопровождению конфликтологической подготовки посвящены исследования С.В. Росляковой, Н.А. Соколовой, Е.М. Харлановой (2020). Исследователи считают, что подготовка будущих педагогов к работе с конфликтами должна строиться на принципе проактивности, предполагающем способность будущего педагога осознанно выбирать варианты, способы, механизмы реагирования на вновь возникающие обстоятельства, опираясь на базовые знания о работе с конфликтами. Такая подготовка должна быть гибкой, вариативной, носить «упреждающий», ориентированный на будущее характер.

Однако исследования носят фрагментарный характер и возникает необходимость разработки системы формирования у будущих педагогов конструктивных стратегий поведения в конфликте, что предполагает:

- проведение эмпирических исследований по выявлению доминирующих стратегий поведения студентов педагогических вузов в конфликтных ситуациях;
- разработку модели формирования конструктивных стратегий поведения будущих педагогов в конфликтных ситуациях;
- разработку технологии формирования конструктивных стратегий поведения будущих педагогов в конфликтных ситуациях.

Вышеперечисленное определяет цели и научную новизну исследования, которые заключаются в обосновании (на теоретическом и эмпирическом уровнях) необходимости формирования у будущего педагога конструктивных стратегий работы с конфликтами в системе образования; в разработке на основе ранее опубликованной модели (Н.А. Соколова, А.К. Бисембаева (2017)) алгоритма формирования у будущих педагогов конструктивных стратегий поведения в конфликтных ситуациях.

Дальнейшее изложение материала требует уточнения понятий. Под конструктивной стратегией мы понимаем стратегию, позволяющую эффективно разрешать конфликтную ситуацию. Неконструктивная стратегия усугубляет конфликтную ситуацию, приводит к эскалации конфликта.

Разные конфликты в зависимости от причин, предмета, интересов сторон, необходимости сохранения взаимодействия в будущем, требуют осознанного выбора стратегий поведения в конфликте для его урегулирования. Осознанный подход к выбору стратегии поведения предполагает возможность использования как конструктивных, так и неконструктивных стратегий в зависимости от целей, которые ставят перед собой конфликтующие стороны. В этом смысле нет «хороших» и «плохих» стратегий. Применение стратегии определяется собственными интересами, интересами второй стороны, значимостью объекта, предмета конфликта, необходимостью и значимостью сохранения взаимодействия конфликтующих сторон. Однако, когда речь идет о системе образования и педагогических конфликтах, осознавая миссию и цели образования, необходимо использовать конструктивные стратегии и готовить будущих учителей к их применению в ситуациях конфликта. Следовательно, возникает необходимость подготовки будущих педагогов к осознанному выбору конструктивных стратегий поведения в конфликтной операции. Под осознанным отношением к конфликту мы понимаем сформированное в процессе обучения качество будущего педагога, предполагающее понимание сущности, причин, динамики развития конфликта, выбор стратегий поведения в нем на основе анализа конфликтной ситуации.

Методология исследования

Исследуя проблему, мы основывались на системном подходе, позволяющем анализировать сущность, содержание, технологии, диагностический инструментарий, результаты формирования конструктивных стратегий поведения в педагогических конфликтах.

Вопросы выбора стратегии поведения в конфликте рассматриваются как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях. Так, А. Тамм говорит о том, что педагогам необходимо владеть стратегией компромисса, основанной на понимании культурных ценностей детей, поскольку, с его точки зрения, причиной конфликта между детьми являются различия в ценностях, которые формирует у подростков их культурное окружение [1].

Особенно значима проблема моделирования процесса подготовки будущих педагогов к работе с конфликтами, в том числе формирования стратегий поведения в конфликте. О.Г. Смольянинова, В.В. Коршунова, О.О. Андронникова разработали и апробировали покомпонентную модель конфликтологической компетентности, включающую формирование коммуникативного, информационно-аналитического, организационно-управленческого, эмоционального компонентов в процессе подготовки будущего педагога [2].

Ученые исследуют вопросы технологий, используемых в процессе формирования конфликтологических компетенций будущих педагогов. Так, для подготовки к работе с конфликтами разработана модель «Разрешение – Навык – Развитие», построенная на основе ролевой игры с использованием образовательных технологий. Модель включает два основных аспекта: психолого-педагогический (теоретические основы) и технологический (создание искусственных миров на основе компьютерных моделей). Игра представляет собой виртуальную ролевую ситуацию для одного игрока, предлагающую серию сценариев, отражающих реальные жизненные проблемы, что рассматривается как самостоятельный ресурс для приобретения соответствующих навыков [3].

D. Tiwari считает, что основной технологией профилактики конфликта является игра, которой педагог должен владеть в совершенстве [4].

B. Leon-del-Barco, S. Mendo-Lazaro, E. Felipe-Castano, F. FajardoBullon, D. Iglesias-Gallego отмечают необходимость использования интерактивных технологий при формировании навыков взаимодействия и совместной работы, способствующих разрешению конфликтов у студентов педагогического факультета Эстремадурского университета (Испания) [5, 6].

Использование информационно-коммуникационных технологий в преодолении конфликтов рассматривается в работах S. Sanchez, S. Olmos, R.J.M. Conde, F.M. Abad [7].

Обучать студентов преодолению конфликтов посредством использования психодраматических техник (создание психодраматических образов, монолога, ролевых игр) предлагают в своих исследованиях J. Maya, J. Maraver [8]. Для повышения уровня конфликтологической компетентности учителя эффективны медиационные практики, направленные на создание конфликт-свободной образовательной среды. Предлагается использовать в обучении коммуникативные технологии, направленные на понимание невербалики, эмоций детей, что важно для успешного разрешения конфликта [9].

Существует пласт исследований, посвященных вопросам диагностики сформированности конфликтологических компетенций будущих педагогов. Особое внимание уделяется оценке конфликтологических умений студентов социально ориентированных профессий. Исследование, проведенное в 2019 г., показало, что у более чем 50% будущих социальных работников уровень сформированности конфликтологической компетентности можно характеризовать как низкий. О недостаточном уровне подготовки педагогов к разрешению конфликтов говорят результаты исследований из

Португалии [10], Швеции [11], России [2]. Исследование, проведенное в 2020 г. среди малазийских студентов, получающих педагогическое образование, также выявило низкие социальные навыки, которые могут препятствовать эффективному общению и разрешению конфликтов [12]. Работы L.R. Kayumova, V.G. Zakirova обнаружили недостаточный уровень сформированности конфликтологических компетенций и подчеркнули значимость обучения невербальным коммуникативным сигналам и жестам, которые относятся к важнейшим профессиональным педагогическим умениям, необходимым для разрешения конфликтных ситуаций [13].

Если акцентировать внимание на работах, посвященных непосредственно проблеме формирования конструктивных стратегий поведения будущих педагогов в конфликтных ситуациях, то они представлены фрагментарно. Есть незначительное количество публикаций, посвященных исследованиям стратегий поведения будущих педагогов в конфликтах, встречаются публикации, обучающие будущих педагогов стратегиям поведения в конфликте (в частности об используемых при этом методах и технологиях).

В России исследования стратегий поведения студентов педагогических профессиональных образовательных учреждений есть, но их совсем немного. Так, исследования студентов педагогических колледжей в ситуации конфликта показывают, что у них доминируют стратегии «приспособление» и «избегание», при этом стратегия выбирается спонтанно [14]. Результаты изучения стратегий поведения студентов вузов не так однозначны. Исследователи указывают на большую частоту конструктивного, осознанного применения стратегий поведения в конфликте студентами, имеющими некоторую конфликтологическую подготовку в сравнении со студентами, не имеющими таковой [15]. Данные исследования подтверждают наше предположение о значимости проблемы формирования конструктивных стратегий поведения будущих педагогов в конфликтах.

С.К. Ангеловская предлагает программу формирования конструктивных стратегий поведения в конфликте педагогов и студентов колледжа, включающую: психолого-педагогическую диагностику, позволяющую выявить стратегии поведения в конфликте; психологическую профилактику, ориентированную на информирование о причинах, сущности, последствиях конфликтов; психологическое консультирование, способствующее осознанию личностных причин возникающих в жизни человека конфликтных ситуаций; собственную стратегию поведения в конфликте, формирование индивидуального стиля разрешения конфликтов; психологическую коррекцию, позволяющую устранить отклонения поведения в конфликтных ситуациях; социально-психологическое обучение, способствующее освоению эффективных моделей поведения в ситуации конфликта [16].

Отдельные элементы данной программы, такие как использование в процессе формирования осознанного подхода к выбору стратегии поведения в конфликте диагностики, консультирования, коррекции, обучения

конструктивным стратегиям, считаем значимыми в процессе подготовки студентов.

Мы разделяем позицию Л.В. Коноваловой, считающей, что в процессе формирования стратегий поведения в конфликтах нужно использовать интерактивные методы, применять деловые и ролевые игры, тренинги и т.п.

Деловая и ролевая игра позволяют через квазипрофессиональную деятельность сформировать опыт работы с конфликтами, поскольку: включают студентов в активную деятельность по диагностике, предупреждению, разрешению конфликтов; позволяют проверять теоретические знания на практике; мотивируют на саморазвитие; формируют профессиональные компетенции; способствуют саморефлексии, коррекции стратегий поведения в конфликте. Автор обосновывает необходимость использования интерактивных методов, но не приводит результаты их использования в образовательном процессе [17].

М.В. Науменко считает необходимым использование социально-психологического тренинга для коррекции стратегий поведения педагогов в конфликте, поскольку тренинговая работа в группе помогает осмыслению, проявлению и рефлексии конфликта [18]. На позитивную роль тренинговых занятий в коррекции неконструктивных стратегий поведения в конфликте указывают также N.P. Gomez, C.M.V. Rodriguez, C.S.A. Gonzalez [19].

Таким образом, обзор исследований по проблеме формирования конструктивных стратегий поведения в конфликте будущими педагогами показал наличие фрагментарных исследований по отдельным вопросам, однако целостного представления о формировании конструктивных стратегий поведения в конфликте будущими педагогами мы не нашли.

В процессе проведения собственного исследования были использованы следующие методы: психологическое тестирование, социологический опрос, моделирование, эксперимент.

Исследование и результаты

Нами было проведено исследование, направленное на изучение доминирующих стратегий поведения в конфликте у студентов – будущих педагогов и динамики их изменения в процессе освоения введенного в 2021/22 учебном году курса педагогической конфликтологии. В исследовании приняли участие 337 студентов 3-го курса различных факультетов Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск), из них 172 студента филологического, исторического факультетов и факультета иностранных языков составили экспериментальную группу (ЭГ), где внедрялся алгоритм формирования конструктивных стратегий поведения в конфликтах и 165 студентов контрольной группы (КГ), где обучение велось без применения алгоритма (факультет математики и информатики и естественно-технологический факультет).

Для исследования стратегий поведения личности в конфликте применялся тест-опросник К.У. Томаса

«Диагностика предрасположенности личности к конфликтному поведению» в адаптации Н.В. Гришиной (2015). В основании типологии конфликтного поведения К.У. Томаса лежат два поведенческих стиля: кооперация, связанная с вниманием человека к интересам других людей, вовлеченных в конфликт, и напористость, для которой характерен акцент на защите собственных интересов. В зависимости от сочетания этих двух основных измерений К. Томас выделяет типы урегулирования конфликтов. Тест выявляет следующие конфликтные стратегии личности: соперничество (конкуренция, противоборство), сотрудничество, компромисс, избегание (уход от конфликта), приспособление (пассивная адаптация) [20].

Для определения способа (тактики) выбора стратегии студентами – будущими педагогами был проведен опрос. Для статистической обработки данных использовалась программа SPSS.

По результатам теста У. Томаса были вычислены средние арифметические значения по каждой стратегии (выбранной студентами как предпочтительной), сравнивая которые, можно видеть наиболее высокое значение по стратегии «компромисс», что свидетельствует о более частом выборе ее студентами как доминирующей стратегии, на втором месте – стратегия «сотрудничество», остальные стратегии имеют примерно одинаковые средние значения, соответственно: доминирование – 5,1, избегание – 5,3, приспособление – 4,7 (табл. 1).

Таблица 1

Средние показатели стратегий поведения в конфликте по методике К.У. Томаса

№ п/п	Стратегия	Среднее арифметическое	Стандартное отклонение
1	Доминирование (соперничество)	5,1	2,6
2	Сотрудничество	6,8	1,7
3	Компромисс	7,8	1,8
4	Избегание	5,3	2,7
5	Приспособление	4,7	2,5

Поскольку методика К.У. Томаса не имеет нормативных значений по отдельным шкалам (стратегиям) и обработка результатов предполагает выявление доминирующей стратегии у каждого исследуемого, был

проведен анализ распределения студентов с той или иной доминирующей стратегией поведения в конфликтных ситуациях. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Распределение студентов с разными стратегиями разрешения конфликтных ситуаций ЭГ на констатирующем этапе эксперимента

№ п/п	Стратегия	Кол-во, чел.	%
1	Доминирование (соперничество)	54	31,7
2	Сотрудничество	32	18,5
3	Компромисс	23	13,3
4	Избегание	32	18,5
5	Приспособление	31	18,0
	Всего	172	100

Из табл. 2 следует, что в данной выборке студентов практически каждый третий исследуемый (31,5%) в ситуации конфликта применяет стратегию доминирования (соперничества), используя свой арсенал средств

убеждения для разрешения ситуации без учета интересов другой стороны конфликта.

Распределение выбранных стратегий студентами контрольной группы представлено в табл. 3.

Таблица 3

Распределение студентов КГ с разными стратегиями разрешения конфликтных ситуаций на констатирующем этапе эксперимента

№ п/п	Стратегия	Кол-во, чел.	%
1	Доминирование (соперничество)	52	31,5
2	Сотрудничество	28	16,9
3	Компромисс	36	21,8
4	Избегание	27	16,5
5	Приспособление	22	13,3
	Всего	165	100

Сравнивая результаты ЭГ и КГ, мы получили сопоставимые результаты по выбору стратегий поведения в конфликте (табл. 4). По результатам исследования видно, что в обеих группах студенты на первое место ставят стратегию доминирования, значительное место занимает приспособление. Различий в распределении студентов с разными типами реагирования в конфликте

на начальном этапе эксперимента обнаружено не было. Опрос по выявлению способа выбора стратегии поведения в конфликте на констатирующем этапе эксперимента показал, что стратегия выбирается спонтанно, неосознанно, будущие педагоги не задумываются над тем, какую стратегию следует использовать в том или ином случае.

Таблица 4

Результаты исследования стратегий в ЭГ и КГ на начало эксперимента

№ п/п	Стратегия	ЭГ		КГ	
		чел.	%	чел.	%
1	Соперничество (доминирование)	54	31,7	52	31,5
2	Компромисс	32	18,5	28	16,9
3	Сотрудничество	23	13,3	36	21,8
4	Приспособление	32	18,5	27	16,5
5	Избегание	31	18,0	22	13,3
Всего		172	100	165	100
Значение χ^2 критерия Пирсона		4,98			
Р (асимптотическая значимость)		0,29			

Данные исследования подтверждают необходимость формирования у будущих педагогов конструктивных стратегий поведения в конфликте.

В 2020 г. авторы статьи разработали проактивную модель научно-методического обеспечения конфликтологической подготовки будущего педагога как систему обоснования и обновления рабочих программ дисциплин, включающих конфликтологическую составляющую. Необходимость разработки такой модели была вызвана насущной потребностью повышения эффективности конфликтологической подготовки студентов, что обусловлено повышением конфликтности в системе образования.

Модель была построена на основе системного, междисциплинарного, процессного, компетентностного, онтологического, партисипативного подходов в инвариантной и вариативной составляющих на принципах целостности, преемственности, гибкости, индивидуального подхода, обратной связи, что позволяет использовать ее в постоянно меняющейся образовательной среде с учетом настоящих и будущих задач системы профессионального образования. Модель представляет собой модель-конструктор, что позволяет оперативно менять содержание и технологии в зависимости от социального заказа, запросов профессионального образования, изменения основных образовательных программ, реальных конфликтных ситуаций [21].

Содержательно модель научно-методического обеспечения конфликтологической подготовки будущих педагогов включает нормативно-методическое, информационно-методическое, интерактивно-методическое, инструментально-методическое сопровождение и сопровождение личностного развития, а также методикотехнологический (формы, методы, технологии), критериально-результативный блоки.

В развитии этой идеи нами был разработан алгоритм формирования конструктивных стратегий поведения в конфликтных ситуациях, апробированный в рамках курса педагогической конфликтологии, включающий следующие этапы:

– Диагностика. Выявление типичной стратегии поведения личности в конфликте (методика Томаса).

– Анализ эффективности стратегии. Студенту предлагается вспомнить несколько реальных ситуаций конфликта, разобрать их с точки зрения собственных интересов, интересов второй стороны, результатов, развития отношений со второй стороной. Определить для себя, почему он воспользовался именно этой стратегией. Далее студенту необходимо проанализировать конфликт с точки зрения использования других стратегий, выявить, какая стратегия была бы наиболее эффективной в данной ситуации.

– Решение задач. Студенту предлагается несколько конфликтных ситуаций между детьми разного возраста, конфликты педагог–ребенок, педагог–родитель, родитель–ребенок, педагог–администрация. Задачи рассматриваются с позиции разных стратегий поведения, выбирается наиболее эффективная.

– Выбор технологий. Подбираются технологии разрешения конфликтов для различных стратегий поведения с учетом разных возрастных периодов детей, определяются технологии разрешения конфликтов для педагогов, родителей.

– Применение технологий. Рассматривается несколько ситуаций конфликта, определяется, какие технологии эффективнее использовать в данной ситуации (переговоры, медиация, коммуникативные, административно-управленческие и др.). Строится переговорная таблица (включающая интересы, повестку переговоров, предложения для обсуждения), проводятся реальные переговоры, медиация. Применяются ролевые, деловые игры, тренинги.

– Банк данных. Создается банк типовых конфликтов в системе образования, определяются наиболее эффективные стратегии и технологии их разрешения.

Результаты эксперимента

Разработанный нами и описанный выше алгоритм формирования конструктивных стратегий поведения в конфликте был апробирован на учебных занятиях в курсе педагогической конфликтологии.

Опрос студентов после реализации курса показал, что большинство обучающихся (73,2%) в конфликтной ситуации стали анализировать собственные интересы и последствия конфликта для дальнейшего взаимодействия с другой стороной. Значимые изменения в выборе стратегий поведения в конфликте были обнаружены только в экспериментальной группе (табл. 5).

После проведения эксперимента распределение студентов с разными стратегиями поведения в конфликте в экспериментальной и контрольной группах стало различаться (табл. 5).

У студентов из экспериментальной группы чаще, чем у студентов контрольной группы, встречались такие стратегии, как компромисс (28,6 против 18,2%) и сотрудничество (27,3 против 23%). В контрольной группе, наоборот, доля студентов, использующих стратегию соперничества оказалась выше (28,5%), чем в экспериментальной группе. Динамика отражена в табл. 6.

Таблица 5

Распределение студентов с разными стратегиями разрешения конфликтных ситуаций после реализации курса педагогической конфликтологии в ЭГ и повторное в КГ

№ п/п	Стратегия	ЭГ		КГ	
		чел.	%	чел.	%
1	Соперничество (доминирование)	31	18,0	47	28,5
2	Компромисс	49	28,6	30	18,2
3	Сотрудничество	47	27,3	38	23,0
4	Приспособление	23	13,3	29	17,6
5	Избегание	22	12,8	21	12,7
Всего		172	100	165	100
Значение χ^2 критерия Пирсона		9,37			
Р (асимптотическая значимость)		0,05			

Таблица 6

Динамика распределения студентов с разными стратегиями разрешения конфликтных ситуаций в ЭГ и КГ

№ п/п	Стратегия	ЭГ				КГ			
		чел.		%		чел.		%	
		до	после	до	после	до	после	до	после
1	Соперничество (доминирование)	54	31	31,7	18,0	52	47	31,5	28,5
2	Компромисс	32	49	18,5	28,6	28	30	16,9	18,2
3	Сотрудничество	23	47	13,3	27,3	36	38	21,8	23,0
4	Приспособление	32	23	18,5	13,3	27	29	16,5	17,6
5	Избегание	31	22	18,0	12,8	22	21	13,3	12,7
Всего		172	172	100	100	165	165	100	100
Значение χ^2 критерия Пирсона		21,02				0,47			
Р (асимптотическая значимость)		0,0001				0,98			

Из таблицы следует, что после реализации программы в ЭГ снизилось количество студентов, реализующих такие стратегии поведения, как соперничество, избегание, приспособление, и, наоборот, возросло число студентов, освоивших стратегии компромисса и сотрудничества. В КГ значимых изменений не обнаружено.

Обсуждение

Студентам педагогического вуза как будущим учителям важно быть подготовленными к профессиональному разрешению конфликтов, возникающих в образовательной среде, и уметь использовать конструктивные стратегии поведения, к которым относятся компромисс и сотрудничество. Однако диагностика стратегий поведения в конфликте показала, что значительная часть обучающихся используют неконструктивные стратегии поведения, такие как доминирование (практически треть исследуемых): 31,7% в ЭГ и 31,5% в КГ), избегание: 18,0% в ЭГ и 13,3% в КГ, приспособление: 18,5% в ЭГ и 16,5% в КГ. Сотрудничество применяли 13,3% в ЭГ и 20,8% в КГ, а компромисс использовали 18,5% в ЭГ и 16,9% в КГ. Эти результаты согласуются как с данными других исследователей, так и с нашими более ранними работами. Так, в исследовании А.К. Бисембаевой в начале эксперимента у трети испытуемых преобладала стратегия доминирования (в КГ – у 33,3%, в ЭГ – у 31,7%). В качестве ведущей стратегия компромисса была отмечена у 18,3% представителей ЭГ и у 20% КГ [22].

В конфликтной ситуации студенты действуют спонтанно, неосознанно, не задумываются над тем, какую стратегию следует использовать в том или ином случае. Это свидетельствует как о недостаточ-

ной конфликтологической подготовке будущих педагогов на данном этапе, так и о неразвитых рефлексивных умениях.

Решение данной проблемы, с нашей точки зрения, возможно при реализации в образовательном процессе разработанной модели и алгоритма формирования конструктивных стратегий поведения в конфликтной ситуации. В ходе эксперимента после реализации курса «Педагогическая конфликтология» с использованием в ЭГ алгоритма формирования конструктивных стратегий поведения в конфликте большинство обучающихся (73,2%) в конфликтной ситуации стали анализировать собственные интересы и последствия конфликта для дальнейшего взаимодействия с другой стороной (против 37,8% в КГ). Студенты из экспериментальной группы стали чаще, чем студенты из контрольной, выбирать конструктивные стратегии, такие как компромисс (28,6 против 18,2%) и сотрудничество (27,3 против 23%). В контрольной группе, наоборот, доля студентов, использующих стратегию соперничества оказалась выше (28,5%), чем в экспериментальной группе. Эти результаты согласуются с данными В.И. Долговой, когда при реализации программы коррекции стратегий поведения студентов удалось развить умения конструктивного выхода из конфликта, совершенствовать навыки эмпатии и рефлексии, пользоваться методами саморегуляции эмоционального состояния и поведения [23]. На необходимость внедрения специальных курсов в процессе педагогической подготовки указывает также А.П. Теплоухов [24]. Проведенное исследование показало, что внедрение обсуждаемого алгоритма формирования конструктивных стратегий конфликтного поведения усиливает практическую составляющую конфликтологической подготовки будущих педагогов.

Заключение

Подводя итоги, остановимся на нескольких положениях, вытекающих из анализа публикаций по теме и результатов собственных исследований:

– у каждого человека в зависимости от его индивидуальных особенностей есть предпочитаемые, неосознанно выбираемые стратегии поведения в конфликте, которые могут быть конструктивными и неконструктивными;

– педагог должен знать собственную предпочитаемую стратегию, ее плюсы и минусы. Он должен осознанно подходить к выбору стратегии поведения в конфликтной ситуации в зависимости от специфики конфликта и уметь их использовать. Специфика педагогической деятельности предполагает преобладающее использование конструктивных стратегий поведения в конфликте, таких как компромисс и сотрудничество;

– исследование, проведенное нами (совпадающее с результатами других исследователей), показало, что будущие педагоги, не владеющие основами педагогической конфликтологии, в конфликтной ситуации действуют спонтанно, неосознанно и зачастую используют неконструктивные стратегии;

– включение в программу обучения в рамках дисциплины «Педагогическая конфликтология» алгоритма формирования конструктивных стратегий поведения в конфликте позволяет будущим педагогам осознанно подходить к выбору стратегии поведения и способствуют использованию в работе с конфликтами таких стратегий как компромисс и сотрудничество.

Список источников

1. Tamm A. Peer interactions: Culture and peer conflict during preschool years // *Children's Social Worlds in Cultural Context*. 2019. P. 103–115. doi: 10.1007/978-3-030-27033-9_8
2. Смолянинова О.Г., Коршунова В.В., Андронникова О.О. Формирование медиативной компетентности участников образовательного пространства (на примере Сибирского федерального университета) // *Перспективы науки и образования*. 2020. № 5 (47). С. 413–428. doi: 10.32744/pse.2020.5.29
3. Dell'Aquila E., Vallone F., Zurlo M.C., Marocco D. SG-ACCORD: Designing Virtual Agents for Soft Skills Training in the School Context // *Education Sciences*. 2022. Vol. 12(3). Art. No 174. doi: 10.3390/educsci12030174
4. Tiwari D. Fostering collaboration and empathy through games // *Annual Symposium on Computer-Human Interaction in Play*. 2020. P. 91–93. doi: 10.1145/3383668.3419929
5. Матушак А.Ф., Павлова О.Ю., Зырянова А.В., Калугина Е.В., Ульянова В.Г., Ахкамова Ю.А. Подготовка будущих учителей к работе в поликультурной среде // *Перспективы науки и образования*. 2021. № 4 (52). С. 132–146. doi: 10.32744/pse.2021.4.9
6. Leon-del-Barco B., Mendo-Lazaro S., Felipe-Castano E., FajardoBullon F., Iglesias-Gallego D. Measuring Responsibility and Cooperation in Learning Teams in the University Setting: Validation of a Questionnaire // *Frontiers in psychology*. 2020. Vol. (326). Art. No 282.
7. Sanchez T.M.E., Olmos S., Conde R.J.M., Abad F.M. Efficacy of a Secondary Education teacher training program on conflict management, with technological support // *Digital Education Review*. 2016. № 29. P. 203–226. doi: 10.1002/crq.21059
8. Maya J., Maraver J. Teaching-learning processes: Application of educational psychodrama in the university setting // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17(11). Art. No 3922. doi: 10.3390/ijerph17113922
9. Yoo C., Kang S., Hwang I., Kim W., Song J. Mom, i see you angry at me! Designing a mobile service for parent-child conflicts by in-situ emotional empathy // *MCSS 2019 - Proceedings of the 5th ACM Workshop on Mobile Systems for Computational Social Science, co-located with MobiSys*. 2019. P. 21–26. doi: 10.1145/3325426.3329947
10. Da Costa E.P., Sá S. Teacher Narratives on the Practice of Conflict Mediation // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2019. Vol. 861. P. 156–169. doi: 10.1007/978-3-030-01406-3_14
11. Lindqvist H., Weurlander M., Wernerson A., Thornberg R. Conflicts viewed through the micro-political lens: beginning teachers' coping strategies for emotionally challenging situations // *Research Papers in Education*. 2019. P. 1–20. doi: 10.1080/02671522.2019.1633559
12. Othman A., Ruslan N. Intercultural communication experiences among students and teachers: implication to in-service teacher professional development // *Journal for multicultural education*. 2020. Vol. 14 (3-4). P. 223–238.
13. Kayumova L.R., Zakirova V.G. The human behavioral and practical model of 'at-risk teacher training' at Kazan Federal University: Sports and educational environment // *Journal of Human Sport and Exercise*. 2021. Vol. 16(Proc3.31). P. S1151–S1161. doi: 10.14198/jhse.2021.16.Proc3.31
14. Сагалакова Л.П. Особенности проявления стилей конфликтного поведения студентов педагогического колледжа // *Психологическая безопасность окружающей среды*. 2016. № 1. С. 131–134.
15. Володина С.А. Приоритетные стратегии поведения в конфликте студентов педагогического вуза // *Преподаватель XXI века*. 2018. № 1. С. 186–190.
16. Ангеловская С.К. Особенности формирования конструктивных стратегий конфликтного поведения субъектов образовательной среды колледжа // *Инновационное развитие профессионального образования*. 2021. № 4 (32). С. 101–105.
17. Коновалова Л.В. Формирование конфликтологической компетентности студентов вуза средствами игровых технологий // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2016. № 2. С. 250–257.
18. Науменко М.В. Тренинг как форма работы по коррекции стратегий поведения в конфликте сотрудников организаций дополнительного образования // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. 2017. № 9 (151). С. 278–281.
19. Gomez N.P., Rodriguez C.M.V., Gonzalez C.S.A. Training social sciences teachers for developing education for peace in pedagogical schools // *Revista Conrado*. 2016. Vol. 12 (56). P. 112–121.
20. Гришина Н.В. Психология конфликта : учебник. СПб. : Питер, 2015. 576 с.
21. Соколова Н.А., Сиврикова Н.В., Черникова Е.Г., Пташко Т.Г., Харланова Е.М., Рослякова С.В. Конфликтологическая подготовка будущих педагогов // *Образование и наука*. 2020. № 22 (7). С. 101–124.
22. Бисембаева А.К. Структурно-функциональная модель формирования конфликтологической готовности будущих педагогов-психологов // *Педагогическое образование в России*. 2017. № 3. С. 84–89.
23. Долгова В.И., Кондратьева О.А., Сенчева Л.А. Модель педагогической коррекции конфликтного поведения студентов в образовательной среде колледжа // *Концепт*. 2018. № 9. С. 39–46.
24. Теплоухов А.П. Педагогические условия формирования конфликтологической компетенции будущих учителей физической культуры в педвузе // *European Social Science Journal*. 2016. № 11. С. 288–293.

References

1. Tamm, A. (2019) Peer interactions: Culture and peer conflict during preschool years. In: *Children's Social Worlds in Cultural Context*. pp. 103–115. doi: 10.1007/978-3-030-27033-9_8
2. Smolyaninova, O.G., Korshunova, V.V. & Andronnikova, O.O. (2020) Formation of mediation competence of participants in the educational space of the Krasnoyarsk Territory in the Siberian Federal University. *Perspektivy Nauki i Obrazovania*. 47 (5). pp. 413–428. (In Russian). doi: 10.32744/pse.2020.5.29
3. Dell'Aquila, E. et al. (2022) SG-ACCORD: Designing Virtual Agents for Soft Skills Training in the School Context. *Education Sciences*. 12 (3). pp. 174. doi: 10.3390/educsci12030174
4. Tiwari, D. (2020) Fostering collaboration and empathy through games. *Annual Symposium on Computer-Human Interaction in Play*. pp. 91–93. doi: 10.1145/3383668.3419929
5. Matuszak, A.F. et al. (2021) Training future teachers to work in a multicultural environment. *Perspektivy Nauki i Obrazovania*. 52 (4). pp. 132–146. (In Russian). doi: 10.32744/pse.2021.4.9
6. Leon-del-Barco, B. et al. (2020) Measuring Responsibility and Cooperation in Learning Teams in the University Setting: Validation of a Questionnaire. *Frontiers in Psychology*. 326. p. 282.
7. Sanchez, T.M.E. et al. (2016) Efficacy of a Secondary Education teacher training program on conflict management, with technological support. *Digital Education Review*. 29. pp. 203–226. doi: 10.1002/crq.21059
8. Maya, J. & Maraver, J. (2020) Teaching-learning processes: Application of educational psychodrama in the university setting. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 17 (11). p. 3922. doi: 10.3390/ijerph17113922
9. Yoo, C. et al. (2019) Mom, I see you angry at me! Designing a mobile service for parent-child conflicts by in-situ emotional empathy. *MCSS 2019 – Proceedings of the 5th ACM Workshop on Mobile Systems for Computational Social Science, co-located with MobiSys*. pp. 21–26. doi: 10.1145/3325426.3329947.
10. Da Costa, E.P., Sá, S. (2019) Teacher Narratives on the Practice of Conflict Mediation. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 861. pp. 156–169. doi: 10.1007/978-3-030-01406-3_14
11. Lindqvist, H. et al. (2019) Conflicts viewed through the micro-political lens: beginning teachers' coping strategies for emotionally challenging situations. *Research Papers in Education*. pp. 1–20. doi: 10.1080/02671522.2019.1633559
12. Othman, A. & Ruslan, N. (2020) Intercultural communication experiences among students and teachers: implication to in-service teacher professional development. *Journal for Multicultural Education*. 14 (3-4). pp. 223–238.
13. Kayumova, L.R. & Zakirova, V.G. (2021) The human behavioral and practical model of 'at-risk teacher training' at Kazan Federal University: Sports and educational environment. *Journal of Human Sport and Exercise*. 16(Proc3). pp. S1151–S1161. doi: 10.14198/jhse.2021.16.Proc3.31
14. Sagalakova, L.P. (2016) Osobennosti proyavleniya stiley konfliktного povedeniya studentov pedagogicheskogo kolledzha [Features of manifestation of styles of conflict behavior of students of pedagogical college]. *Psichologicheskaya bezopasnost' okruzhayushchej sredy*. 1. pp. 131–134.
15. Volodina, S.A. (2018) Prioritetnye strategii povedeniya v konflikte studentov pedagogicheskogo vuza [Pedagogical university students' priority strategies of behavior in conflict]. *Prepodavatel' XXI veka*. 1. pp. 186–190.
16. Angelovskaya, S.K. (2021) Osobennosti formirovaniya konstruktivnykh strategiy konfliktного povedeniya sub'ektov obrazovatel'noy sredy kolledzha [Features of the formation of constructive strategies of conflict behavior of subjects of the educational environment of the college]. *Innovative development of professional education*. 4 (32). pp. 101–105.
17. Konovalova, L.V. (2016) Formirovanie konfliktologicheskoy kompetentnosti studentov vuza sredstvami igrovyykh tekhnologiy [Formation of conflictological competence of university students by means of game technologies]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2. pp. 250–257.
18. Naumenko, M.V. (2017) Trening kak forma raboty po korektsii strategiy povedeniya v konflikte sotrudnikov organizatsiy dopolnitel'nogo obrazovaniya [Training as a form of work on correcting strategies of behavior in conflict of employees of organizations of additional education] *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 9 (151). pp. 278–281.
19. Gomez, N.P., Rodriguez, C.M.V. & Gonzalez, C.S.A. (2016) Training social sciences teachers for developing education for peace in pedagogical schools. *Revista Conrado*. 12 (56). pp. 112–121.
20. Grishina, N.V. (2015) *Psikhologiya konflikta: uchebnyk* [Psychology of conflict: textbook]. St. Petersburg: Piter.
21. Sokolova, N.A. et al. (2020) Konfliktologicheskaya podgotovka budushchikh pedagogov [Conflictological training of future teachers] *Obrazovanie i nauka*. 22 (7). pp. 101–124.
22. Bisenbayeva, A.K. (2017) Strukturno-funktsional'naya model' formirovaniya konfliktologicheskoy gotovnosti budushchikh pedagogov-psikhologov [Structural and functional model of formation of conflictological readiness of future teachers-psychologists] *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 3. pp. 84–89.
23. Dolgova, V.I., Kondrat'eva, O.A. & Sencheva, L.A. (2018) Model' pedagogicheskoy korektsii konfliktного povedeniya studentov v obrazovatel'noy srede kolledzha [Model of pedagogical correction of students' conflict behavior in the college educational environment] *Kontsept*. 89. pp. 39–46.
24. Teploukhov, A.P. (2016) Pedagogicheskie usloviya formirovaniya konfliktologicheskoy kompetentsii budushchikh uchiteley fizicheskoy kul'tury v pedvuze [Pedagogical conditions for the formation of conflictological competence of future teachers of physical education in a pedagogical university]. *European Social Science Journal*. 11. pp. 288–293.

Информация об авторах:

Соколова Н.А. – д-р пед. наук, зав. кафедрой социальной работы, педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: sokolovana@csru.ru

ORCID: 0000-0003-2110-8320

Черникова Е.Г. – канд. социол. наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: chernikovaeg@csru.ru

ORCID: 0000-0002-8858-9790

Сиврикова Н.В. – канд. психол. наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: sivrikovanv@csru.ru

ORCID: 0000-0001-9757-8113

Пташко Т.Г. – канд. пед. наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: ptashkotg@csru.ru

ORCID: 0000-0002-0235-4190

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.A. Sokolova, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Social Work, Pedagogics and Psychology, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: sokolovana@cspu.ru
ORCID: 0000-0003-2110-8320

E.G. Chernikova, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: chernikovaeg@cspu.ru
ORCID: 0000-0002-8858-9790

N.V. Sivrikova, Cand. Sci. (Psychology), associate professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: sivrikovanv@cspu.ru
ORCID: 0000-0001-9757-8113

T.G. Ptashko, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: ptashkotg@cspu.ru
ORCID: 0000-0002-0235-4190

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.06.2023;
одобрена после рецензирования 14.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.*

*The article was submitted 20.06.2023;
approved after reviewing 14.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.2./7
doi: 10.17223/15617793/499/22

Новая концепция уголовной политики в сфере защиты национальной безопасности России

Магомед Муратбекович Долгиев^{1, 2}

¹ Ассоциация юристов России, Москва, Россия

² СПК «Долаковский», Москва, Россия

^{1, 2} *Magomedurist@yandex.ru*

Аннотация. Проанализирована существующая уголовная политика государства в сфере защиты национальной безопасности в условиях специальной военной операции. Дана оценка последствиям освобождения от уголовной ответственности осужденных, направленных в зоны ведения боевых действий и вернувшихся оттуда. Сделан вывод о негативном отношении общества к помилованию лиц, осужденных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также о том, что такие решения подрывают идеологию государства, принципы морали и верховенства закона.

Ключевые слова: концепция уголовной политики, национальная безопасность, специальная военная операция, СВО, помилование осужденных, освобождение от уголовной ответственности участников СВО, погашение судимости участников СВО, преступления участников СВО

Для цитирования: Долгиев М.М. Новая концепция уголовной политики в сфере защиты национальной безопасности России // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 204–209. doi: 10.17223/15617793/499/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/22

A new concept of criminal policy in the field of protection of Russia's national security

Magomed M. Dolgiev^{1, 2}

¹ Association of Lawyers of Russia, Moscow, Russian Federation

² APC Dolakovsky, Moscow, Russian Federation

^{1, 2} *Magomedurist@yandex.ru*

Abstract. In this article, the author examines the criminal policy of the Russian Federation in the field of national security protection in the context of the special military operation. The latest changes to criminal legislation, as well as Federal Law No. 270-FZ dated June 24, 2023, On the Specifics of Criminal Liability of Persons Involved in the Special Military Operation, are analyzed. Over the past two years, due to the current socio-political situation in the world, the criminal legislation of the Russian Federation has been rapidly updated with a list of norms related to ensuring the security of the state and its sovereignty, as well as protecting the national interests of the country. The “military” amendments to the criminal law were caused by the need to adapt criminal legislation to the modern realities of de facto wartime. In this regard, it also became necessary to form a new concept of criminal policy in the specified conditions. The methodological basis of the research is the application of general scientific and specific scientific methods of cognition, including historical and formal legal ones. The author concludes that the contemporary concept of criminal policy in the field of protection of national interests should be based on an ideological component, and countering attacks on national security should be based on a uniform terminological basis. The concept of contemporary criminal policy in the field of national security protection in military conditions must be based on the placement of the correct accents of its functioning in the future. This means that superficially researched yet, despite this, adopted changes in criminal and criminal procedure legislation in the future may be a problem for other more global areas of public policy. In this regard, the author points out that the legislator must immediately respond to phenomena that form acutely negative sentiments in society, increase the crime rate and infringe on the fundamental norms of morality and the rule of law. Such a concept should take into account the positive results of many years of experience in criminal law impact on crime and optimize criminal justice, since it is justice that is a factor in the realization of a citizen's right to protection from criminal encroachments. The author states that the public danger of persons convicted and pardoned in connection with the special military operation is not reduced, the prerequisites for this are not presented in the future, and the goals of punishment provided for by criminal law are not achieved. Recognition of problems and, as a result, their relief will

allow the state to declare and consolidate the fundamental theses about the need to ensure the security not only of state sovereignty, but also the security of man and citizen as a result of decisions taken by the state. The strategic goal of the new concept of national security protection should consist of several main elements: first of all, it is the unconditional protection of statehood, economic relations and the optimal protection of society as a whole and each citizen individually from criminal encroachments. Only taking into account all the main components, the principles of criminal policy will correspond to the concept of the legal state, legality and the rule of law.

Keywords: concept of criminal policy, national security, special military operation, pardon and rehabilitation of convicts, exemption from criminal liability of participants in special military operation, repayment of criminal records of participants in special military operation, crimes of participants in special military operation

For citation: Dolgiev, M.M. (2024) A new concept of criminal policy in the field of protection of Russia's national security. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 204–209. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/22

За последние два года в связи со сложившейся общественно-политической ситуацией в мире уголовное законодательство Российской Федерации стремительно обновилось перечнем норм, связанных с обеспечением безопасности государства и его суверенитета, а также с защитой национальных интересов страны.

Сопутствующая модернизация уголовно-правовой политики была обусловлена также и тем, что в сети Интернет и иных информационно-коммуникационных сервисах стала активно распространяться различного рода информация, ставящая под сомнение законность и обоснованность принимаемых государством решений и его политики в целом. В этой связи законодатель был вынужден воспользоваться единственным рациональным подходом, поставив общественность в определенные рамки поведения, которые до сих пор вызывают бурные дискуссии не только в юридическом сообществе, но и в обществе в целом. Так, уголовно-наказуемыми стали публичное распространение заведомо ложной информации о Вооружённых силах РФ или иных добровольческих организациях (ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ); публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан (ст. 280.3 УК РФ); публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства (ст. 280.4 УК РФ), а также ряд других деяний, криминализованных в связи с проводимой специальной военной операцией.

Кроме того, в российском правовом поле стал активно применяться Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», который в первую очередь был направлен на борьбу с лицами, использующими свою популярность и авторитет для оказания давления на органы государственной власти и принимаемые ими решения [1].

В 2022–2023 гг. нормотворческая активность не прекращалась, обсуждались различные законопроекты об усилении уголовной ответственности против основ конституционного строя, публичного оправдания экстремизма и пропаганды экстремизма¹, уточнения ответственности военнослужащего за неисполнение приказа² и другие виды ответственности военнослужащих. Параллельно в уголовный закон были внесены дополнения в части расширения перечня обстоятельств,

отягчающих наказание, таких как совершение преступления в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий (пункт «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Кроме того, ужесточилось наказание за оставление части или неявку в срок на службу в период мобилизации и военного положения (ст. 337 УК РФ), а также введены новые статьи «Добровольная сдача в плен» (ст. 352.1 УК РФ) и «Мародерство» (ст. 356.1 УК РФ). Дополнительно был криминализован ряд деяний, связанных с нарушениями условий госконтракта и неисполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.2, 201.3, 285.6 УК РФ).

Указанные «военные» поправки в уголовный закон, безусловно, были вызваны необходимостью адаптации уголовного законодательства к современным реалиям де-факто военного времени. В этой связи также возникла и необходимость формирования новой концепции уголовной политики в обозначенных условиях.

Декларируемая ранее в науке уголовного права необходимость либерализации уголовной политики и уменьшение ее репрессивного потенциала [2] стала резко неактуальной для государства. Можно, конечно, согласиться с мнением о том, что современная уголовная политика не всегда отличается четкой продуманностью задач и целей [3], однако в настоящее время следует констатировать строгое следование законодателя принципам сохранения государственности именно в военное время.

Более того, несмотря на критику правозащитного сообщества, отмечающего «новые поводы для преследования за слова»³, можно проследить взаимосвязь формирования совершенно новой концепции уголовно-правовой политики на основании фундаментальных социалистических учений о государстве. В частности, «государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса» [4. С. 24] и, следуя этому принципу, государство защищает себя не только от внешних врагов, но и от внутренних. Вопросы сохранения государственности как таковой остаются неизменными многие столетия, в этой связи наука права отведена задачи по анализу соблюдения принципов соразмерности в вопросах криминализации и дифференциации ответственности, а также исследования взаимосвязи конституционных основ всей системы уголовной юстиции.

По мнению М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина, концепция уголовно-правовой политики позволит

обеспечить прогнозируемое развитие уголовного права, корректировать законодательные и правоприменительные решения, позволяя этим корректировкам оставаться в границах допустимых значений [5], однако для обоснования теории современной криминализации нет необходимости, чтобы все без исключения законы об уголовной ответственности отражали новые принципы и правила [6].

Проблема обсуждения концепции уголовно-правовой политики в целом, по мнению А.В. Наумова, является необходимой, поскольку Уголовный кодекс утратил системность как необходимый его атрибут вследствие переизбытка специальных уголовно-правовых норм, а также еще и потому, что некоторые уголовно-правовые нормы, например, за экономические преступления защищают интересы одних социально-классовых групп, а другие – иных [7].

Уголовный закон, являясь основным инструментом государственной политики, применяется органами власти для достижения определенных целей в зависимости от того, как меняется ландшафт угроз безопасности, которые обусловлены потребностями текущего момента. Несомненно, уголовная политика может быть последовательной и непоследовательной, гибкой и избирательной, эффективной и неэффективной, однако объекты воздействия будут формироваться первоочередной задачей противодействия такому преступному поведению, которое в настоящий момент угрожает государственности либо порождает вредоносные последствия при отсутствии адекватной реакции со стороны власти.

Таким образом, ключевыми элементами формирования уголовной политики сейчас (так же, как и всегда) являются категории «преступление» и «наказание».

М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин, заявляя о необходимости разработки концепции уголовно-правовой политики государства, абсолютно справедливо указывают, что отсутствие «чертежа» или «генерального плана» современной российской уголовной политики уже привело к негативным последствиям в виде популистского использования уголовного закона в качестве первоочередного средства реагирования на отдельные социальные эксцессы, конструирования и применения уголовно-правовых норм в провокативных целях и для демонстрации политических амбиций, а также к попыткам решать сложные социальные проблемы с помощью инструментария уголовного права [5].

В наибольшей мере эволюционные процессы, происходящие в обществе, побуждают к корректировке именно уголовно-правовой политики. Развитие общественных отношений, модификация их позитивного регулирования, а также возникновение новых видов угроз в первую очередь актуализируют проблему поиска адекватных средств уголовно-правовой охраны «обновленных» объектов [8]. В этой связи современная концепция уголовной политики в сфере защиты национальных интересов должна строиться на идеологической составляющей, а противодействие посягательствам на национальную безопасность основываться на единообразном терминологическом базисе.

Что касается идеи, как неотъемлемой части любой государственной политики, в том числе и уголовно-правовой, то такая платформа формируется в общественном сознании десятилетиями. Невозможно ежедневно без предпосылок и общественных обсуждений признать какое-либо поведение уголовно-наказуемым, чтобы такое решение государственных органов не повлекло протесты и возражения в обществе. Соответственно, определив идеологические критерии, по которым деяние можно признать преступным, законодатель начинает использовать уголовно-правовые механизмы для формирования перечня объектов охраны.

Государственную политику в области создания единообразной и общепризнанной идеологии в настоящее время в Российской Федерации можно назвать фрагментарной. Определения добра и зла, преступления и наказания в силу различных системных погрешностей безошибочно строить за последние годы не удавалось. Это и вопросы криминализации/декриминализации, амнистии и очень горячо обсуждаемые в обществе примеры помилования осужденных, направленных для прохождения службы в ходе специальной военной операции (СВО) России.

Последнее не может не вызывать противоречивых эмоций еще и потому, что лица, осужденные за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе и против несовершеннолетних, заключив контракт с Министерством обороны Российской Федерации, вместо отбывания длительного срока наказания получали помилование спустя шесть месяцев пребывания в зоне военных действий.

Является ли это справедливым с точки зрения общественного сознания? Не уверены. Между тем в сравнении с обычными мобилизованными гражданами, проходящими военную службу сроком не менее года, условия и срок службы бывших осужденных и мобилизованных граждан нельзя признать равнозначными. При этом срок службы осужденных, составлявший всего три месяца при совершении лицом преступления небольшой и средней тяжести и шесть месяцев при совершении лицом тяжкого и особо тяжкого преступления, это, на наш взгляд, крайне недостаточный период для того, чтобы такое лицо могло претендовать на полноценное помилование.

Действия государственных органов в лице Министерства обороны Российской Федерации, установивших условия для помилования осужденных, вызывают совершенно справедливую критическую реакцию в обществе. Так, согласно социологическим опросам, более половины респондентов-россиян не поддерживают помилование заключенных, совершивших тяжкие преступления, за участие в специальной военной операции, при этом среди женщин число противников данной практики больше (60%), чем среди мужчин (48%)⁴.

Кроме того, положения Федерального закона от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»⁵, также вызывают массу вопросов, в первую очередь потому, что регулирование порядка уголовного судопроизводства иными феде-

ральными законами кроме уголовного и уголовно-процессуального недопустимо [9]. Да и в целом, если мы говорим о формировании единообразной идеологии, направленной на защиту национальных интересов страны, возрождение патриотизма и возвращение к утраченным ценностям в виде традиционализма и внутренней гармонии в обществе, то законодательно следовало бы избрать более справедливые меры.

Стоит отметить, что к числу таких, на наш взгляд, справедливых и логичных мер, относится инициатива, направленная на амнистию для женщин, осужденных за ненасильственные преступления, сформулированная общественностью в целях увеличения рождаемости. В этой связи совершенно обоснованной выглядит критика освобождения от уголовной ответственности мужчин, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, а женщин только за преступления небольшой тяжести.

В большей степени такое негативное отношение россиян связано с тем, что осужденные на длительные сроки лишения свободы мужчины, не признавшие вину и не раскаявшиеся в содеянном, вернувшись из зоны боевых действий, зачастую проживают рядом с потерпевшими, которые вынуждены опасаться за свою жизнь и здоровье, за своих родственников и детей. При этом никаких мер защиты им предоставлено быть не может, так как виновные лица официально являются помилованными.

На наш взгляд, государство не должно думать только об обеспечении Вооруженных Сил количественным составом, в том числе состоящим из бывших осужденных, однако срок их службы должен быть как минимум ограничен выполнением задач специальной военной операции, и только после ее окончания по результатам поведения бывшего заключенного может быть принято решение об окончательном освобождении от уголовной ответственности. Только такая мера может быть признана отвечающей требованиям общественной справедливости.

Более того, условия освобождения от уголовной ответственности, в зависимости от срока назначенного наказания, должны предполагать возможность пересмотра решения о помиловании и о возвращении в места лишения свободы лица, которое в ходе Специальной военной операции совершило преступление, либо совершило преступление будучи помилованным. В этой связи полагаем, что должны применяться правила сложения наказаний.

Вопросы помилования осужденных, направленных в зону СВО, очень остро обсуждаются в обществе. И каждый такой случай представляется крайне несправедливым и вопиющим. Так, средствам массовой информации стало известно о помиловании Николая Оголюба, участника секты сатанистов из Ярославля, убивших четверых подростков ради ритуала; осужденного за убийство журналистки «Новой газеты» Анны Политковской экс-сотрудника УБОПа Сергея Хаджикурбанова; убившего свою 23-летнюю бывшую девушку Владислава Канюса; обезглавившего свою сожительницу жителя Архангельска; двоих мужчин,

убивших 34-летнюю жительницу Бердска в Новосибирской области; братьев Евгения и Владимира Татаринцевых, изнасиловавших и убивших девушек 18 и 19 лет в Калужской области, и т.д.⁶

Кроме того, средствам массовой информации стали известны случаи, когда вернувшиеся из зоны боевых действий бывшие осужденные вновь совершали преступления, и счет таких преступлений идет на сотни, в том числе и против половой неприкосновенности детей⁷.

Отечественное уголовное законодательство, формировавшее принципы справедливости десятилетиями, в этой связи, по нашему мнению, игнорирует общественные интересы, и данные действия фактически утрачивают логическую связь справедливости, патриотизма и защиты главной ценности любого государства – его народа.

Безусловно, механизмы государственного принуждения двигаются всегда медленно, а фрагментарные и разнородные направления уголовной политики не всегда отвечают требованиям справедливости. Однако в условиях существующей действительности идеологический аспект как основополагающая связь государства с обществом должен отражать главный посыл – государство при любых условиях должно защищать не только себя, но и каждого гражданина.

Системное сознание, формирующее негативное отношение к лицу, совершившему особо тяжкое преступление и нарушившему принципы правового государства, не может мгновенно развернуться на 180 градусов, да и это в корне было бы неправильно, противоречило бы исторически сложившейся уголовной политике на основе принципов морали и просто нивелировало бы саму ее суть.

Однако именно отсутствие морали и справедливости видит общество в таких вопиющих примерах, когда «осужденный россиянин вернулся с СВО и убил пенсионера во время ограбления»⁸ или «помилованный герой СВО вернулся домой и изнасиловал маленькую девочку»⁹.

Несомненно, каждый такой случай анализируется специальными комиссиями по исследованию общественного мнения, однако запрос на справедливость в настоящее время очень высок и решение этого вопроса не может откладываться на неопределенный срок.

Кроме того, нельзя не отметить, сколько административных и экономических затрат производится, в частности, для того, чтобы осудить виновное лицо, например, судом с участием коллегии присяжных заседателей. Такие уголовные дела слушаются месяцами и годами, затем на основании обвинительного вердикта коллегии присяжных заседателей выносятся обвинительный приговор. После чего осужденный, направившийся в зону боевых действий, возвращается свободным человеком без обязательств. Особо стоит отметить, что присяжные заседатели зачастую проживают в одном территориальном образовании с осужденным. И еще более несуразным выглядит помилование такого человека в тех случаях, когда присяжные (судьи из народа) признали его незаслуживающим снисхождения за совершенное преступление.

Эти парадоксальные явления в нашей правовой действительности не могут не вызывать критической реакции со стороны любого гражданина. Базовые принципы формирования уголовной политики должны быть основаны на обеспечении снижения преступности в стране с неперменным учетом социальных составляющих потребностей общества, развитии справедливой идеологии на основе верховенства закона, вне зависимости от политических, экономических, культурных факторов [10].

Концепцию современной уголовной политики в сфере защиты национальной безопасности в военных условиях необходимо всё-таки основывать на расстановке правильных акцентов ее функционирования в перспективе. Это означает, что поверхностно исследованные, но несмотря на это принятые изменения уголовного и уголовно-процессуального законодательства в дальнейшем могут являться проблемой для других более глобальных направлений государственной политики. В этой связи представляется, что законодатель должен моментально реагировать на явления, формирующие остро негативные настроения в обществе, повышающие уровень преступности и посягающие на фундаментальные нормы морали и верховенства права. Такая концепция должна учитывать положительные результаты многолетнего опыта уголовно-правового воздействия на преступность и оптимизировать уголовное правосудие, поскольку именно правосудие является фактором реализации права гражданина на защиту от преступных посягательств.

На сегодняшний день мы можем констатировать, что общественная опасность лиц, осужденных и помилованных в связи со специальной военной операцией, не снижается, предпосылок к этому в будущем не

представлено, а цели наказания, предусмотренные уголовным законом, – не достигаются.

Поскольку именно с общественной опасностью в уголовно-правовом смысле связывается значение законодательного понятия преступления, то деятельность государства должна быть нацелена на предотвращение тех возможных последствий, которые описаны в уголовном законе [11]. Не прибегать к указанным действиям по той причине, что в настоящее время отсутствуют социально-экономические ресурсы или уголовная юстиция неспособна справиться с данной проблемой, некорректно [12].

Таким образом, несогласованность действующего уголовно-правового регулирования с существующей действительностью и общественным мнением обуславливает острую необходимость формулирования четкой концепции уголовной политики в сфере защиты национальной безопасности.

Признание проблем и, как следствие, их купирование позволят государству продекларировать и закрепить основополагающие тезисы о необходимости обеспечения безопасности не только государственного суверенитета, но и безопасности человека и гражданина вследствие принимаемых государством решений.

Стратегическая цель новой концепции защиты национальной безопасности должна состоять из нескольких основных элементов: в первую очередь это безусловная охрана государственности, экономических отношений и оптимальная защита общества в целом и каждого гражданина в отдельности от преступных посягательств. Только с учетом всех основных компонентов принципы уголовной политики будут отвечать понятию правового государства, законности и верховенства права.

Примечания

¹ Законопроект № 403956-8 О внесении изменений в статью 280 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части установления ответственности за публичное оправдание экстремизма или пропаганды экстремизма) // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/403956-8>

² Законопроект № 358725-8 О внесении изменения в статью 332 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части уточнения ответственности военнослужащего за неисполнение приказа) // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/358725-8>

³ Открыл интернет и сделал показатели // Адвокатская улица*. 15.06.2023. URL: <https://advstreet.ru/article/otkryl-internet-i-sdelal-pokazateli/>

⁴ Отношение россиян к помилованию за участие в СВО // Коммерсант. 15.12.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6409317>

⁵ Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306240008>

⁶ В Кремле опровергли пересмотр условий помилования за участие в СВО // Коммерсант. 22.11.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6351658>

⁷ Громкие преступления бывших заключенных после возвращения с Украины. И что об этом говорят эксперты // RTVI. 22.05.2023. URL: <https://rtvi.com/news/gromkie-prestupleniya-byvshih-zaklyuchennykh-posle-vozvrashteniya-iz-ukrainy-i-chto-ob-etom-govoryat-eksperty/>

⁸ Осужденный россиянин вернулся с СВО и убил пенсионера во время ограбления // Рамблер Новости. 16.08.2023. URL: https://news.rambler.ru/crime/51254657/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

⁹ Они возвращаются // Сообщество ВКонтакте «Дискуссионный клуб “Диоген”». URL: https://vk.com/wall-11253687_1796516

Список источников

1. Долгиев М.М. Физическое лицо – иностранный агент: правовое регулирование // Lex Russica. 2023. Т. 76, № 8 (201). С. 67–76.
2. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. 2017. № 2. С. 21–29.
3. Кадников Н.Г. К вопросу о конституционных основах современной уголовной политики // Журнал российского права. 2023. № 6. С. 89–96.
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1958–1965. Т. 33: Государство и революция. 1962. XXII, 433 с.
5. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. О необходимости разработки и принятия концепции развития уголовно-правовой политики // Уголовное право. 2022. № 3. С. 3–16.

* Сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой коммуникации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

6. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // *Lex Russica*. 2023. № 1. С. 110–125.
7. Наумов А.В. Концепция уголовно-правовой политики: законодательный или доктринальный вариант // *Уголовное право*. 2022. № 3. С. 25–29.
8. Борков В.Н. Уголовная политика и функции государства // *Журнал российского права*. 2023. № 1. С. 23–30.
9. Долгиев М.М. Особенности уголовной ответственности участников специальной военной операции в контексте национальных интересов России // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 494.
10. Яковенко П.А. Концептуальные ориентиры уголовной политики современной России // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2022. № 3. С. 40–47.
11. Лопашенко Н.А., Голикова А.В., Кобзева Е.В., Ковлагина Д.А. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // *Правоприменение*. 2020. № 4. С. 124–140.
12. Маслов В.А. Общественная опасность деяния как основание криминализации (декриминализации) // *Российское право: образование, практика, наука*. 2022. № 3. С. 71–85.

References

1. Dolgiev, M.M. (2023) Fizicheskoe litso – inostranny agent: pravovoe regulirovanie [A natural person as a foreign agent: legal regulation]. *Lex Russica (Russkiy zakon)*. 76:8 (201). pp. 67–76.
2. Zakon. (2017) Administrativnaya preysuditsiya v уголовном prave: kazus Il'dara Dadina [Administrative prejudice in criminal law: the case of Ildar Dadin]. 2. pp. 21–29.
3. Kadnikov, N.G. (2023) K voprosu o konstitutsionnykh osnovakh sovremennoy уголовnoy politiki [On the constitutional foundations of modern criminal policy]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 6. pp. 89–96.
4. Lenin, V.I. (1962) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 33. Moscow: Gospolitizdat.
5. Babaev, M.M. & Pudovochkin, Yu.E. (2022) O neobkhodimosti razrabotki i prinyatiya kontseptsii razvitiya уголовno-pravovoy politiki [On the need to develop and adopt a concept for the development of criminal law policy]. *Ugolovnoe pravo*. 3. pp. 3–16.
6. Babaev, M.M. & Pudovochkin, Yu.E. (2023) Sovremennoe normotvorchestvo kak osnova formirovaniya novoy teorii kriminalizatsii [Modern rule-making as the basis for the formation of a new theory of criminalization]. *Lex Russica*. 1. pp. 110–125.
7. Naumov, A.V. (2022) Kontseptsiya уголовno-pravovoy politiki: zakonodatel'nyy ili doktrinal'nyy variant [The concept of criminal legal policy: legislative or doctrinal version]. *Ugolovnoe pravo*. 3. pp. 25–29.
8. Borkov, V.N. (2023) Ugolovnaya politika i funktsii gosudarstva [Criminal policy and functions of the state]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 1. pp. 23–30.
9. Dolgiev, M.M. (2023) Features of criminal liability of participants in the special military operation in the context of Russia's national interests. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 205–210. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/22
10. Yakovenko, P.A. (2022) Kontseptual'nye orientiry уголовnoy politiki sovremennoy Rossii [Conceptual guidelines for the criminal policy of modern Russia]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. 3. pp. 40–47.
11. Lopashenko, N.A. et al. (2020) Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya: ponyatie i kriterii verifikatsii [Social danger of crime: concept and verification criteria]. *Pravoprimenenie*. 4. pp. 124–140.
12. Maslov, V.A. (2022) Obshchestvennaya opasnost' deyaniya kak osnovanie kriminalizatsii (dekriminalizatsii) [Social danger of an act as a basis for criminalization (decriminalization)]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*. 3. pp. 71–85.

Информация об авторе:

Долгиев М.М. – канд. экон. наук, член Ассоциации юристов России (Москва, Россия); зам. председателя СПК «Долаковский» (Москва, Россия). E-mail: Magomedurist@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.M. Dolgiev, Cand. Sci. (Economics), member of the Association of Lawyers of Russia (Moscow, Russian Federation); deputy chairman, APC Dolakovsky (Moscow, Russian Federation). E-mail: Magomedurist@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.12.2023;
одобрена после рецензирования 10.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 23.12.2023;
approved after reviewing 10.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

Научная статья
УДК 343.3/.7
doi: 10.17223/15617793/499/23

Ответственность за призывы к совершению преступления в уголовном праве Российской Федерации

Татьяна Фёдоровна Минязева¹, Денис Андреевич Добряков²

¹ *Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия, minyazeva2020@mail.ru*

² *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, den-dobryakov@yandex.ru*

Аннотация. Анализируются подходы законодателя к установлению уголовной ответственности за призывы к совершению определенных преступлений. Выделены их общие и частные признаки, показано значение для квалификации содеянного. Проводится сравнение вопросов ответственности за призывы как за самостоятельные преступления и как за подстрекательство при соучастии в неоконченном преступлении. Сформулированы рекомендации в части совершенствования соответствующих положений уголовного законодательства.

Ключевые слова: призывы к совершению преступлений, неоконченное преступление, соучастие в преступлении, подстрекательство, уголовная ответственность

Для цитирования: Минязева Т.Ф., Добряков Д.А. Ответственность за призывы к совершению преступления в уголовном праве Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 210–218. doi: 10.17223/15617793/499/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/23

Liability for calls to commit a crime in the criminal law of the Russian Federation

Tatiana F. Minyazeva¹, Denis A. Dobryakov²

¹ *Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, minyazeva2020@mail.ru*

² *RUDN University, Moscow, Russian Federation, den-dobryakov@yandex.ru*

Abstract. The legislator's approaches to establishing criminal liability for calls to commit crimes in the Russian Federation are examined in this article using the formal-legal and historical-legal methods of research. In total, the current Criminal Code of the Russian Federation contains nine articles, with the introduction of which the legislator criminalized calls: Art. 110² (organization of activities aimed at inducing suicide), Art. 205² (public calls for terrorist activities, public justification of terrorism or propaganda of terrorism), Part 3 of Art. 212 (calls for mass riots or participation in them, as well as calls for violence against citizens), Art. 280 (public calls for extremist activities), Art. 280¹ (public calls for actions aimed at violating the territorial integrity of the Russian Federation), Art. 280³ (public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation in order to protect the interests of the Russian Federation and its citizens, maintain international peace and security, exercise the powers of state bodies of the Russian Federation, provide assistance to volunteer formations, organizations or individuals in fulfilling the tasks assigned to the Armed Forces of the Russian Federation or troops of the National Guard of the Russian Federation), Art. 280⁴ (public calls for activities directed against the security of the state), Art. 284² (calls for the introduction of restrictive measures against the Russian Federation, citizens of the Russian Federation or Russian legal entities), and Art. 354 (public calls for a war of aggression) of the Criminal Code of the Russian Federation. These norms are characterized by both general and certain features, and some of them turn out to be quite contradictory and require the attention of the legislator in the subsequent improvement of criminal legislation. So, for example, the qualification of acts prohibited by Part 1 of Art. 280¹, Part 1 of Art. 280³ and Art. 284² of the Criminal Code of the Russian Federation is made dependent on administrative prejudice, which seems unacceptable in the context of the importance of objects of criminal legal protection – all these crimes are classified as acts that encroach on the foundations of the constitutional order and the security of the state (Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation). In addition, in certain norms (Part 1 of Art. 110¹ and Part 1 of Art. 110² of the Criminal Code of the Russian Federation) there is an inconsistency in the degree of severity of liability for inducement to commit a crime and calls to commit crimes, although inducement, it seems, in all cases should be seen as a more serious act. But the most significant issue that attracts attention when addressing the topic of calls to commit a crime is the entry of certain articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation on “criminal calls” into competition with the norms of the General Part on complicity in a crime (in particular, incitement) and an unfinished crime. It seems advisable to consider the norms of the General Part

as priority and, in order to ensure uniformity of law enforcement practice, to refuse to establish liability for certain types of calls, describing their general features within the framework of the norms on complicity and imposition of punishment.

Keywords: calls to commit crimes, unfinished crime, complicity in crime, incitement, criminal liability

For citation: Minyazeva, T.F. & Dobryakov, D.A. (2024) Liability for calls to commit a crime in the criminal law of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 210–218. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/23

Уголовная политика Российской Федерации в современный период уделяет особое внимание криминализации в качестве самостоятельных и притом оконченных преступных деяний, выражающихся в призывах и склонении к совершению определенных преступлений, а также пособничестве в их совершении вне зависимости от того, удалось ли лицу реализовать соответствующую цель (призвать кого-либо к совершению преступления и т.п.) или нет.

В целом сейчас наблюдается тенденция к постепенной трансформации институтов соучастия и неоконченного преступления в самостоятельные деяния, что приводит к конкуренции соответствующих составов с «классическими» нормами о соучастии и неоконченном преступлении (ведь правила Общей части УК РФ никто пока не отменил), что создает сложности в их применении. Усугубляет ситуацию то, что юридические последствия призывов, склонения и пособничества как самостоятельных преступлений значительно отличаются от таковых у смежных преступлений – неоконченных или совершенных в соучастии.

В рамках данной статьи представляется целесообразным остановиться на вопросах ответственности за призывы к совершению преступлений определенного вида, так называемом интеллектуальном подстрекательстве, или, как часто говорят, в выражении лицом на публику разными способами своих мыслей с определенной содержательной направленностью.

Сначала обратимся к анализу истории установления уголовной ответственности за призывы к совершению преступлений начиная с советского периода развития России. Здесь необходимо отметить, что соответствующие нормы отнюдь не новы для отечественного уголовного законодательства, а их место традиционно определялось в системе посягательств, направленных на свержение, подрыв или ослабление государственной власти (государственных преступлений, подразделяющихся на контрреволюционные и против порядка управления).

Уже в первом Уголовном кодексе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (УК РСФСР) 1922 г., основанном на предположении о том, «что после свержения эксплуататорского класса буржуазии и построения государства трудящихся будут ликвидированы условия совершения преступлений теми же трудящимися» [1. С. 68], содержались нормы об ответственности за призывы, к каковым относились: пропаганда и агитация, выражающиеся в призыве к свержению власти Советов путем насильственных или изменнических действий (ч. 1 ст. 69); призыв к невыполнению или противодействию распоряжениям центральной или местной власти, при неустановленности контрреволюционных целей (ч. 3 ст. 69);

пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению (ст. 70); агитация и пропаганда всякого рода, заключающая призыв к совершению преступлений, предусмотренных ст. 75–81 (это участие в массовых беспорядках всякого рода, как-то: погромах, разрушении путей и средств сообщения, освобождении арестованных, поджогах и т.п., если при этом участники беспорядка были вооружены; организация и участие в бандах (вооруженных шайках); участие в беспорядках, сопряженных с явным неповиновением законным требованиям властей; массовый отказ от внесения налогов денежных или натуральных или от выполнения повинностей; неплатеж отдельными гражданами в срок или отказ от платежа налогов; уклонение от явки к мобилизации, безотносительно к условиям и обстановке совершения этого деяния, числа состоящих на учете военнообязанных и некоторые другие составы преступлений), а равно в возбуждении национальной вражды и розни. Все эти деяния карались лишением свободы на срок не ниже трех лет (максимальный срок лишения свободы в УК РСФСР 1922 г. составлял 10 лет), а при совершении их в военной обстановке или при народных волнениях – вплоть до высшей меры (расстрел).

УК РСФСР 1926 г. в его первой редакции (от 05.03.1926) устанавливал ответственность за участие в организации, действующей в целях свержения, подрыва или ослабления власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР рабоче-крестьянского правительства, путем возбуждения населения к массовым волнениям, неплатежу налогов и невыполнению повинностей (ст. 58.6); пропаганду и агитацию, выражающихся в призыве к свержению власти Советов путем насильственных или изменнических действий, или путем активного или пассивного противодействия рабоче-крестьянскому Правительству, или массового невыполнения возлагаемых на граждан воинской или налоговой повинностей (ст. 58.13); пропаганду и агитацию в направлении помощи международной буржуазии (ст. 58.15); агитацию и пропаганду всякого рода, заключающую призыв к совершению преступлений, предусмотренных ст. 59.2–59.5 (участие в массовых беспорядках всякого рода, организация и участие в бандах и т.п.), а равно в возбуждении национальной вражды и розни (ст. 59.6).

Первоначально УК РСФСР 1926 г. в значительной степени воспринял подходы УК РСФСР 1922 г. к установлению ответственности за призывы, однако в последующем в него вносились изменения и дополнения,

вследствие чего в его последней редакции от 01.03.1957 в разделах о контрреволюционных преступлениях и преступлениях против порядка управления в измененной нумерации статей регламентировалась ответственность за пропаганду или агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58.10); за пропаганду или агитацию, направленные к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни (ст. 59.7). Последнее в случае совершения в военной обстановке или при массовых волнениях при особо отягчающих обстоятельствах каралось вплоть до высшей меры тогда еще социальной защиты – расстрела с конфискацией имущества (ч. 2 ст. 59.7).

В УК РСФСР 1960 г. законодатель также разместил призывы в системе преступлений против государства. Они выражались: в агитации или пропаганде, проводимых в целях подрыва или ослабления советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений; пропаганде войны, в какой бы форме она ни велась (ст. 70, 71).

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11.09.1989 в УК РСФСР 1960 г. были внесены изменения и дополнения, в соответствии с которыми, помимо прочего, название ст. 70 «Антисоветская агитация и пропаганда» было изменено на «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя», а также внесены изменения в содержание указанной нормы. Этим же Указом в УК РСФСР была введена ст. 70¹, устанавливавшая ответственность за «Призывы к совершению преступлений против государства», а именно публичные призывы к измене Родине, совершению террористического акта или диверсии. Наказания за эти преступления были предусмотрены в виде лишения свободы на срок до трех–семи лет с альтернативой в виде штрафа (ч. 1, 2 ст. 70, ст. 70¹), а при особо отягчающем обстоятельстве (совершении преступления по заданию иностранной организации, или их представителей) предусматривалось только лишение свободы в довольно широких пределах – от трех месяцев до 10 лет (ч. 3 ст. 70). За пропаганду войны предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок от трех до восьми лет (ст. 71).

Здесь уместно отметить разнообразие терминологии, использовавшейся советским законодателем – призыв, агитация, пропаганда, возбуждение. Причем все эти варианты, в сущности, выражают различные формы одной и той же деятельности, состоящей в призыве (побуждении) других лиц к той или иной противозаконной деятельности. Современный законодатель также не демонстрирует стремления к полной унификации терминологии, хотя предпочтению отдает именно призывам как более общему понятию.

Первая редакция Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее – УК) определила место норм об ответственности за призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, а равно призывы к насилию над гражданами (ч. 3 ст. 212), публичные призывы к

насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации (ст. 280) и публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354) в гл. 24, 29 и 34 разделов IX, X и XII (соответственно, «Преступления против общественной безопасности», «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» и «Преступления против мира и безопасности человечества»).

В процессе последующего развития уголовного законодательства статьи, устанавливающие ответственность за призывы, неоднократно привлекали внимание законодателя. Прежде всего, это внимание было сосредоточено на системе государственных преступлений (гл. 29), однако постепенно отдельные подобные статьи стали вводиться и в других разделах УК. Федеральный закон от 25.07.2002 № 112-ФЗ изменил название ст. 280 УК на «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». К настоящему времени гл. 29 УК РФ дополнена статьями об ответственности: за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280¹; введена Федеральным законом от 28.12.2013 № 433-ФЗ); за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации (ст. 280³; введена Федеральным законом от 04.03.2022 г. № 32-ФЗ и изменена Федеральным законом от 25.12.2023 № 641-ФЗ); за публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства (ст. 280⁴; введена Федеральным законом от 14.07.2022 № 260-ФЗ) и призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц (ст. 284²; введена Федеральным законом от 04.03.2022 № 32-ФЗ). Кроме того, Федеральным законом от 29.12.2022 № 586-ФЗ введена уголовная ответственность за организацию диверсионного сообщества и участие в нем (ст. 281³). В части 1 этой статьи говорится о создании диверсионного сообщества не только в целях осуществления диверсионной деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 281 УК, но и для совершения иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии. При этом в п. 4 примечаний к ст. 281³ УК раскрывается понятие пропаганды диверсии, как деятельности по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица убежденности в необходимости осуществления диверсионной деятельности. Такой подход законодателя дает основание с определенной оговоркой рассматривать такие действия, как связанные с призывами.

В системе преступлений против общественной безопасности новая норма о призывах была введена в УК Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ – законодатель установил уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205²). Кроме того, Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ была переработана диспозиция ч. 3 ст. 212 УК, из которой было исключено упоминание призывов к «активному неподчинению законным требованиям представителей власти», но добавлено указание на ч. 1 и 2 этой же статьи.

Как уже отмечалось ранее, в действующем УК нормы о призывах появились и в системе других преступлений. Так, Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ в УК введена ст. 110², установившая ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (гл. 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья»; этим же законом была введена ответственность за склонение к совершению самоубийства; ст. 110¹). Одним из способов осуществления такой деятельности (т.е. способов, порождающих у лица желание покончить с собой) как раз и являются призывы к совершению самоубийства, но, в отличие от склонения, адресатами такого деструктивного воздействия здесь обычно выступает индивидуально неопределенный круг лиц [2].

Как видим, тенденция криминализации интеллектуального подстрекательства с течением времени явно прогрессирует. Только за период с марта по декабрь 2022 г. в действующем УК РФ появились четыре статьи, составным признаком которых являются призывы к тем или иным действиям. На сегодняшний день в УК РФ преступлениям, в которых призывы к совершению определенных преступлений образуют объективную сторону их состава, посвящено девять статей (ст. 110², 205², ч. 3 ст. 212, 280, 280¹, 280³, 280⁴, 284² и 354), но едва ли можно ожидать, что на этом законодатель остановится.

По мнению законодателя, решению поставленных в ч. 1 ст. 2 УК задач охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечения мира и безопасности человечества, а также предупреждения преступлений, более эффективно будет способствовать превентивная цель наказания, установленная в ч. 2 ст. 43 УК РФ, и самого факта установления уголовной ответственности как таковой. Например, в пояснительной записке к Законопроекту № 130406-8 (ставшему впоследствии Федеральным законом от 14.07.2022 № 260-ФЗ) в обоснование необходимости введения в УК ст. 280⁴ отмечается стремление при помощи этой нормы «пресечь массовое распространение обращений к другим лицам в целях побуждения их к совершению противоправных действий в ущерб безопасности государства» [3].

Таким образом, уголовно-правовой запрет, как, впрочем, и любой, направлен на предупреждение совершения преступлений, а применительно к призывам – на совершения действий, направленных на воз-

можность сформировать преступное намерение у других лиц (адресатов призывов). В этой связи представляется, что именно с «предупреждения преступлений» целесообразно было бы начинать перечень задач УК РФ и целей наказания.

Однако наличие запрета на совершение тех или иных призывов не только не останавливает лицо от их совершения, но и само привлечение его к ответственности за аналогичные действия и изменение категории преступления на более тяжкое не удерживает его от их повторения. Об этом свидетельствуют данные судебной практики. Так, в 2022 г. за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации по ст. 280³ УК к ответственности были привлечены три человека, а наказанием им стал штраф. Напомним, что ст. 280³ введена в УК Федеральным законом от 04.03.2022 № 32-ФЗ и затем в нее неоднократно вносились изменения, в том числе ужесточившие санкции и тем самым повысившие категорию предусмотренных статьей преступлений с небольшой и средней тяжести на средней тяжести и тяжкую (ч. 1 и 2 ст. 280³ соответственно). В 2023 г. по данной статье было осуждено уже 15 человек, двоих приговорили к лишению свободы [4, 5].

Следует отметить, что указанные лица были осуждены по ст. 280³ УК уже после привлечения их к административной ответственности за аналогичное деяние по ст. 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП), которое, по замыслу законодателя, при повторном совершении и превратилось в преступление. При этом только в апреле 2022 г., т.е. за первый месяц, прошедший со дня введения в действие ст. 20.3.3 КоАП, в суды поступило 610 соответствующих дел, а за весь 2022 г. по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ было рассмотрено 5 442 протокола по указанной статье КоАП и 4 440 лиц (включая организации) были подвергнуты административному наказанию [6]. В то же время в 2022 г. за публичные призывы, например, к экстремизму по ст. 280 УК были осуждены 276 человек и еще 274 были признаны виновными в публичном оправдании терроризма (ст. 205² УК) [7].

Из приведенных данных можно сделать вывод о том, что установления и применения указанных мер ответственности для достижения преследуемых законодателем целей пока недостаточно. И хотя едва ли можно спрогнозировать число соответствующих преступлений и вред общественной безопасности от их совершения, если бы рассматриваемых норм в УК не было, возможно, государству следовало бы уделять больше внимания и другим, например, воспитательно-просветительским инструментам воздействия на общество.

Повышению эффективности достижения превентивной цели противодействия преступлениям, по мнению законодателя, будет содействовать криминализация не только преступных деяний, непосредственно посягающих на нормальный порядок общественных отношений, но и действий, признаваемых общественно опасными в силу содержания составляющих

их высказываний (имеющих любую форму), направленных на возбуждение у других лиц (адресатов) намерения, решимости совершить внушаемые им преступления, независимо от того, приступит ли адресат к исполнению этого намерения или нет, т.е. в том числе и действий «нерезультативных». При этом интересно, почему, например, в той же ст. 110¹ УК законодатель предусмотрел дифференциацию ответственности в зависимости от результативности действий преступника (была ли вследствие склонения предпринята попытка самоубийства), а в ст. 110² и других упоминавшихся ранее «призывных» составах преступлений – нет. Можно было бы предположить, что законодатель осознал некоторую избыточность такой дифференциации («нерезультативное» склонение к самоубийству могло бы рассматриваться как покушение на «результативное» [8. С. 147–148]), однако более вероятно, что он просто не обратил на этот факт внимания, ведь диспозиции соответствующих статей сконструированы как формальные.

Высказывания (действия) призывающего лица, как исполнителя соответствующего преступления, внешне могут быть похожи на высказывания подстрекателя, как соучастника конкретного преступления, склоняющего другое лицо к совершению преступления иным, чем уговоры, подкуп или угрозы способом, которым являются призывы. Для признания лица подстрекателем-соучастником преступления необходимы: а) сознание им уже вызванной его высказыванием (призывом) у подстрекаемого решимости совершить конкретное (а не какое-то из им предлагаемых) преступление, предвидение последствий именно этого преступления и начало выполнения определенных действий, охватываемых умыслом подстрекателя-соучастника; б) установление причинной связи между начавшимися действиями подстрекаемого и действиями исполнителя [9. С. 99–100]. Стадия совершения преступления подстрекателя-соучастника зависит от действий исполнителя. Содержание призывов, в котором призывающий-подстрекатель является исполнителем прописанного в законе преступления из числа призывов, выражается в высказываниях общего характера важности и значения совершения предлагаемых преступлений, непосредственно не направленных на выполнение конкретных действий адресатом.

Действия подстрекателя-соучастника преступления, которому удалось склонить одно или несколько лиц к совершению, например, кражи в особо крупном размере либо убийства, которое еще только организовывается и выразилось, например, в сговоре на совершение преступления, квалифицируются как приготовление к преступлению, а приготовление к преступлению влечет ответственность только в случаях приготовления к тяжкому или особо тяжкому преступлению. Подчеркнем, приготовление к преступлению – это действия лица, которого подстрекатель склонил к преступлению, а ответственность подстрекателя-соучастника зависит от категории преступления, к совершению которого он склонил адресата.

В свою очередь за призывы вне зависимости от того, к совершению преступлений каких категорий

призывался их адресат и удалось ли вызвать у него намерение совершить преступление, призывающее лицо отвечает как за оконченное преступление. Но только за призывы, которые сами по себе признаны законодателем преступными – призывы к совершению преступлений, не входящих в перечень конкретной нормы о призывах, например, призывы к совершению краж или других хищений (здесь уместно вспомнить пресловутые робингудовские лозунги вроде «Грабьте богатых!») либо убийств из ревности в связи с унижением достоинства партнера, даже если они распространены в средствах массовой информации или в публичном выступлении, не признаются преступлениями, а ведь они вполне могут и найти определенный отклик в обществе.

Важно отметить, что все призывы имеют определенные общие признаки, к которым представляется целесообразным обратиться далее. Прежде всего это действия – собственно призывы. В словаре русского языка С.И. Ожегова термин «призыв» толкуется как «политический лозунг, обращение, в лаконичной форме выражающее руководящую политическую идею, требование» [10. С. 590]. В научных источниках и комментариях к закону при определении призывов к тем или иным преступлениям подчеркивают их обращение к неопределенному кругу лиц, внушающее признание той или иной идеологии или практики правильными, нуждающимися в подражании, одобрении [11. С. 599].

В контексте рассматриваемых уголовно-правовых норм под призывами можно понимать «обращение, не имеющее персонального адресата, выраженное в любой лаконичной форме, внушающее признание той или иной идеологии или практики правильными, нуждающимися в подражании, одобрении и направленное на побуждение других лиц совершить определенные преступления». Составы всех видов призывов окончены с момента доведения текста призыва до адресата. В большинстве призывов (за исключением ст. 280³ и 284² УК)отягчающим обстоятельством выступает совершение с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Только состав публичных призывов к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности сформулирован как материальный, обязательным признаком его объективной стороны являются последствия в виде смерти по неосторожности и (или) причинения вреда здоровью граждан, имуществу, массовые нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо создания помех функционированию или прекращению функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи (ч. 2 ст. 280³ УК) и причинная связь между призывами и наступлением указанных последствий. При этом очевидно, что перечисленные последствия скорее будут находиться в причинной связи не с призывами, а с другими действиями, но в

диспозиции указанной статьи это не оговорено – неувязочка, нуждающаяся в уточнении...

Признаком объективной стороны почти всех призывов (исключение ч. 1 ст. 110²) является обстоятельство места их осуществления – публичное обращение к другим лицам одними и теми же действиями, выраженными в любой форме: устной, письменной, с использованием технических средств, средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Публичность характеризуется не только обстоятельством места совершения преступления, но сущностью самого деяния – его направленностью к адресату (или адресатам), а не просто высказываниями в свободное от людей пространство.

На это ориентируют суды постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и от 09.02.2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», рекомендуя, соответственно, в п. 4 и 19 устанавливать публичность «с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (например, обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т.п.)».

В шести из девяти ранее перечисленных статей о призывах признак их публичности выделен уже в самом названии (исключением являются ст. 110², ч. 3 ст. 212 УК и 284² УК, где упоминание такого признака отсутствует). В диспозиции ч. 1 ст. 110² УК говорится об организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, помимо прочего, и путем призывов и только применительно к этому преступлению призывы могут быть обращены к одному человеку и выражены непублично. В этой связи вполне оправдано высказывание о том, что «обращение к конкретному лицу не может рассматриваться как публичный призыв, даже если такое обращение доступно для неограниченного круга лиц» [12. С. 126]. Публичность таких призывов образует отягчающее обстоятельство данного состава преступления (ч. 2 ст. 110²).

В диспозиции ч. 3 ст. 212 УК публичность призывов также не упоминается и, следовательно, они могут быть адресованы как одному, так и нескольким лицам, причем дифференциации ответственности в зависимости от степени публичности здесь не предусмотрено. При этом применительно к рассматриваемому составу преступления наблюдается следующее достойное внимания обстоятельство – диспозиция ч. 3 ст. 212 УК вроде бы связывает насилие над гражданами с массовыми беспорядками, т.е. ответственность должна наступать только за призывы к соответствующему насилию во время соответствующих беспорядков. Однако ввиду отсутствия прямого указания на это в законе (которое могло бы быть выражено в диспозиции ч. 3 ст. 212 УК, например, так: «Публичные призывы к массовым беспорядкам или к участию в них, а равно

публичные призывы к насилию над гражданами в связи с массовыми беспорядками» [13. С. 6–7]), данная норма может быть применена фактически к любому насилию над гражданами (причем обязательно ли над несколькими?), в том числе и никак не связанному с массовыми беспорядками (в этой связи вспоминаются те самые призывы грабить богатых или мстить неверным партнерам).

Наконец, ст. 284² называется «Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц», что само по себе подразумевает публичность их осуществления в любой форме – вряд ли направленный приватно призыв к иностранному государству, объединению, союзу или организации станет предметом уголовно-правовой оценки, хотя такой вариант тоже, как представляется, исключать нельзя.

Сам термин «призывы» во всех статьях фигурирует во множественном числе. Это позволяет предположить, что это должно быть не просто однократное высказывание о чем-то «вовне», а намеренная деятельность, ориентированная на доведение до осознания адресатом необходимости (или хотя бы целесообразности) совершения определенных преступлений. Заметим, что и в диспозиции ч. 1 ст. 110² говорится об организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем призывов (а не просто призыва), даже если эта деятельность направлена на одно конкретное лицо. Из этого можно сделать выводы о том, что, во-первых, сущностная направленность призывов – стремление возбудить у лица или многих лиц желание совершать преступления определенной направленности путем тщательного внушения, а не разового высказывания, или просто предложения. Во-вторых, число лиц, к которым обращены призывы, образует в большинстве анализируемых составов квалифицирующий признак, отягчающее обстоятельство – использование публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), предполагающее, опять-таки, массовость воздействия.

Все призывы совершаются с прямым умыслом, и только в составе призывов, как одной из форм действий преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280³ УК, установлен умысел, допускающий две формы вины (неосторожность по отношению к общественно опасным последствиям – смерти человека и т.п.). Субъектом всех видов призывов является лицо, достигшее возраста шестнадцати лет.

В санкциях статей о склонении к совершению преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205¹, ч. 1, 1.1 ст. 205², ч. 1.1 и 3 ст. 212 и ч. 1.1 ст. 282² УК, просматривается обоснованный подход законодателя к установлению более строгих наказаний, чем за призывы к совершению таких преступлений, так как склонение окончено с момента выполнения склоняемым приготовительных действий к совершению тех преступлений, к которым его склоняют, и потому такое деяние с очевидностью будет более опасным. Почему же за призывы к совершению самоубийства (ч. 1 ст. 110² УК)

установлена более суровая санкция (лишение свободы от пяти до десяти лет), чем за непосредственное склонение к самоубийству (ч. 1 ст. 110¹ УК – лишение свободы на срок до двух лет), ведь это явно более опасное преступление? Подход здесь, как представляется, должен быть един. Призывы окончены с момента обращения лица к адресатам любым способом – в отличие от склонения. Да и категории этих двух преступлений уж слишком полярные: склонение к самоубийству – преступление небольшой тяжести (ч. 1 ст. 110¹ УК), а призывы к нему – сразу тяжкое (ч. 1 ст. 110² УК).

Итак, разграничиваются установленные в УК виды призывов по их содержательной направленности, т.е. по тому, на совершение какого или каких преступлений они побуждают: самоубийство; осуществление террористической деятельности или оправдание терроризма; проведение массовых беспорядков, участие в них или насилие над гражданами; осуществление экстремистской деятельности; осуществление действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации; дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации; осуществление деятельности, направленной против безопасности государства; введение мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц; развязывание агрессивной войны.

От содержания призывов, по нашему убеждению, должна зависеть и категория преступления. Но в ряде норм подход законодателя к определению категории преступления, выраженного в призывах, не объясним сущностью и масштабностью его опасности. Так, основной состав изначально содержащихся в УК публичных призывов к развязыванию агрессивной войны (ч. 1 ст. 354 УК) отнесен к категории небольшой тяжести, а из всех позднее появившихся составов призывов к категории небольшой тяжести (если не считать первоначальную редакцию призывов, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации ч. 1 ст. 280³ УК в ред. Федерального закона от 04.03.2022 № 32-ФЗ; позднее категория этого преступления была повышена) отнесены только призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц (ст. 284² УК). Составы других призывов относятся к категориям средней тяжести или тяжким. Только призывы к совершению самоубийства при таком отягчающем обстоятельстве, как их публичность, – особо тяжкое преступление.

За совершение призывов к совершению самоубийства предусмотрено обязательное и безусловное освобождение лица от уголовной ответственности в случае добровольного прекращения им преступной деятельности и активного способствования раскрытию и (или)

пресечению преступлений, предусмотренных ст. 110, 110¹, 110² УК, если в его действиях не содержится иного состава преступления (примечание к ст. 110² УК). Представляется, что в случае призывов к совершению самоубийства с использованием публично-демонстрирующегося произведения и тем более средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) вряд ли можно пресечь совершение самоубийства, поскольку невозможно как-то вычислить лиц, доверчиво воспринимающих такую информацию и уже поддавшихся (или поддающихся) содержащемуся в ней внушению. Большинство составов о призывах связаны с использованием таких средств и потому фактически пресечь их дальнейшее распространение после первоначального опубликования и предупредить наступление общественно опасных последствий можно лишь гипотетически и с весьма призрачной вероятностью.

За совершение впервые преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205², ч. 3 ст. 212, ст. 280, 280¹, ч. 1 ст. 280³, ч. 1 ст. 280⁴, ст. 284², ст. 354 УК, относящихся к категориям небольшой и средней тяжести, возможно необязательное безусловное освобождение призывающего от уголовной ответственности по основанию и критериям, установленным в ст. 75 УК. За такие тяжкие преступления, как публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (ч. 2 ст. 205² УК), публичные призывы к воспрепятствованию использованию Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан (ч. 2 ст. 280³ УК) и публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства, совершенные группой лиц по предварительному сговору, лицом с использованием своего служебного положения или с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, а также организованной группой (ч. 2, 3 ст. 280⁴ УК), виновный не подлежит освобождению от уголовной ответственности вообще. И только за призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма (ст. 205² УК) не назначается условное осуждение (п. «а» ч. 1 ст. 73 УК). То есть юридические последствия призывов различны.

Криминогенность публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280¹ УК), публичных призывов к воспрепятствованию использованию Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности (ч. 1 ст. 280³ УК) и призывов к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц (ст. 284²

УК) и вовсе определяется не степенью общественной опасности направленности их содержания и влиянием на побуждение людей, к которым они обращены, совершать такие действия, а степенью опасности лица, призывающего к ним. Указанные призывы являются преступными только в случаях, если они совершены лицом после привлечения его к административной ответственности за аналогичное деяние и, заметим, лишь в течение одного года – весьма своеобразное, хотя и не новое для УК (достаточно вспомнить, например, ст. 282 УК) «прыгающее» установление преступности деяния с резким скачком его категории по отношению к конкретному лицу и на определенное время. А ведь территория – основной признак государства, пространственная основа его повседневного существования, «вместилище всех важнейших природных ресурсов» [14. С. 8], поэтому вряд ли стоило таким образом подходить к криминализации рассматриваемых призывов. Несolidно законодателю посягательство, по большому счету, на основной признак государства, криминализировать, ориентируясь на опасность лица, определяемую через его отношение к административному наказанию.

Резюмируя изложенное, отметим, что анализ норм об уголовно наказуемых призывах в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации позволяет сделать ряд выводов и предложений – далеко не столь радикальных (а притом лаконичных и потому привлекательных), как перестать «плодить новые нормы, а просто исключить из текста... статьи 280.4 УК РФ оговорку в скобках, вместе с исключением всех самостоятельных составов, связанных с публичными призывами» [15. С. 124], но все же.

Во-первых, в УК до настоящего времени не наблюдается признаков единства подхода законодателя к установлению категории преступления. Призывы к развязыванию агрессивной войны – преступление небольшой тяжести (ч. 1 ст. 354 УК), а призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ч. 1 ст. 280¹ УК), и призывы, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации (ч. 1 ст. 280³ УК), отнесены к категории средней тяжести и их криминогенность связана с административной преюдицией (как, собственно, и призывы к введению мер ограничительного характера (ст. 284² УК), хотя они и

относятся к категории преступлений небольшой тяжести). Полагаем, что административная преюдиция в преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства недопустима, а санкции за призывы к совершению близких по степени общественной опасности деяний следует привести к «общему знаменателю» и установить в рамках диапазона, предусмотренного законом для преступлений небольшой и средней категорий тяжести.

Во-вторых, ответственность за склонение к совершению преступления должна быть более строгой, чем за призывы к ним ввиду большей опасности склонения к непосредственному совершению преступления (или хотя бы началу осуществления порицаемых обществом и правом действий) в сравнении с призывами к чему-либо. Устранение этого противоречия требует пересмотра санкций в ч. 1 ст. 110¹ и ч. 1 ст. 110² УК для обеспечения их лучшей согласованности.

Наконец – и это не часть единого комплекса предложений, а скорее альтернатива, представляющаяся нам более оптимальной – целесообразно поставить вопрос о включении норм о призывах к совершению преступлений в Общую часть УК и, соответственно, исключении их из Особенной части. Так, в гл. 7 (соучастие в преступлении), например, в ст. 36¹ УК законодатель мог бы дать определение понятию «призывы» и перечислить в ней преступления, призывы к которым подлежат наказанию. В свою очередь, в гл. 10 (назначение наказания), например в ст. 67¹ УК, установить пределы наказаний с учетом содержания призывов пропорционально санкциям, предусмотренным за преступления, к совершению которых эти призывы побуждают. Это позволило бы снизить «нагрузку» на Особенную часть УК (и уберечь его от дальнейшего превращения в КоАП с его десятками и сотнями статей, обозначаемых пунктами после точки и номера основной статьи). Аналогичный подход мог бы использоваться и при отражении норм о склонении к совершению преступления и пособничестве его совершению в действующем УК или при создании в будущем нового уголовного закона.

В конце концов, будущее любого закона зависит от того насколько тщательно будет проанализировано его настоящее, ведь будущее закона невозможно предвидеть, его можно лишь изобрести.

Список источников

1. Упоров И.В., Шеуджен Н.А. УК РСФСР 1922 г.: к 100-летию первого советского уголовного закона // Общество и право. 2022. № 3 (81). С. 68–73.
2. Грачева Ю.В. (ст. 110.1–110.2) // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный; издание одиннадцатое, перераб. и доп.) (коллектив авторов; под ред. докт. юрид. наук Г.А. Есакова). М.: Проспект, 2023. 896 с.
3. Законопроект № 130406-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/130406-8> (дата обращения: 10.01.2024).
4. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 1 полугодие 2023 года // Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_1_polugodie_2023/K3-svod_vse_sudy-1-2023.xls (дата обращения: 10.01.2024).
5. Корня А. Вся полнота ответственности // Коммерсант. № 197/П от 23.10.2023. С. 3. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6295801> (дата обращения: 02.01.2024).
6. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 2022 год // Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Sudebnaya_statistika_2022/F2-svod-vse-sudy-2022.xls (дата обращения: 02.01.2024).

7. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 2022 год // Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_2022_godovaya/k3-svod_vse_sudy-2022.xls (дата обращения: 02.01.2024).
8. Мелешко Д.А. Склонение к самоубийству или содействие его совершению: вопросы дифференциации ответственности и квалификации // *Lex Russica*. 2020. Т. 73, № 12 (169). С. 145–155.
9. Пудовочкин Ю.Е. Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика : науч.-практ. пособие. М. : Российский государственный университет правосудия, 2017. 178 с.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 22-е изд. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1990. 921 с.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Верховный Суд РФ; [Ахметшин Х.М. и др.] ; под общ. ред. В.М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2010. 991 с.
12. Чернявский Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 214 с.
13. Балашов А.А. Актуальные вопросы разграничения призывов к участию в массовых беспорядках и подстрекательства к совершению преступления // *Криминологический журнал*. 2020. № 4. С. 4–7.
14. Иванов Р.Л. Территория и территориальный принцип организации, как признак государства // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2016. № 1 (46). С. 6–11.
15. Лопашенко Н.А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор // *Lex Russica*. 2023. Т. 76, № 4 (197). С. 115–135.

References

1. Uporov, I.V. & Sheudzen, N.A. (2022) RSFSR Criminal Code of 1922: on the 100th anniversary of the first Soviet criminal law. *Obshchestvo i pravo*. 3 (81). pp. 68–73. (In Russian).
2. Gracheva, Yu.V. (2023) (st. 110.1–110.2) [(Art. 110.1–110.2)]. In: Esakov, G.A. (ed.) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Prospekt.
3. Zakonotvorchestvo. (2024) *Zakonoproekt № 130406-8 “O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual’nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii”* [Bill No. 130406-8 “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”]. [Online] Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/130406-8> (Accessed: 10.01.2024).
4. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (2023) *Otchet o chisle osuzhdennykh po vsem sostavam prestupleniy Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii za 1 polugodie 2023 goda* [Report on the number of people convicted of all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation for the 1st half of 2023]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_1_polugodie_2023/K3-svod_vse_sudy-1-2023.xls (Accessed: 10.01.2024).
5. Kornya, A. (2023) *Vsya polnota otvetstvennosti* [Full responsibility]. *Kommersant*. 197/P of 23.10.2023. p. 3. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/6295801> (Accessed: 02.01.2024).
6. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (2022) *Otchet o rabote sudov obshchey yurisdiktsii po rassmotreniyu del ob administrativnykh pravonarusheniyakh za 2022 god* [Report on the work of courts of general jurisdiction in considering cases of administrative offenses for 2022]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/userimages/Sudebnaya_statistika_2022/F2-svod-vse-sudy-2022.xls (Accessed: 02.01.2024).
7. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (2022) *Otchet o chisle osuzhdennykh po vsem sostavam prestupleniy Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii za 2022 god* [Report on the number of people convicted of all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation for 2022]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_2022_godovaya/k3-svod_vse_sudy-2022.xls (Accessed: 02.01.2024).
8. Meleshko, D.A. (2020) Inducing or Facilitating Suicide: Issues of Differentiation of Responsibility and Classification. *Lex Russica*. 73:12 (169). pp. 145–155. (In Russian).
9. Pudovochkin, Yu.E. (2017) *Kvalifikatsiya souchastiya v prestuplenii. Sudebnaya praktika* [Qualification of complicity in a crime. Judicial practice]. Moscow: Russian State University of Justice.
10. Ozhegov, S.I. (1990) *Slovar’ russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 22nd ed. Moscow: Rus. yaz.
11. Lebedev, V.M. (ed.) (2010) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Norma.
12. Chernyavskiy, D.O. (2017) *Ugolovno-pravovaya kharakteristika publicnykh prizyvov k narusheniyu territorial’noy tselostnosti Rossiyskoy Federatsii* [Criminal-legal characteristics of public calls for violation of the territorial integrity of the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Moscow.
13. Balashov, A.A. (2020) Current issues of differentiation to participate in mass riots and incitement to commit a crime. *Kriminologicheskij zhurnal*. 4. pp. 4–7. (In Russian).
14. Ivanov, R.L. (2016) Territory and territorial principle of organization as signs of the state. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Pravo”*. 1 (46). pp. 6–11. (In Russian).
15. Lopashenko, N.A. (2023) The main results of criminal law reform in 2022: an analytical review. *Lex Russica*. 76:4 (197). pp. 115–135. (In Russian).

Информация об авторах:

Миняева Т.Ф. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева (Москва, Россия). E-mail: minyazeva2020@mail.ru

Добряков Д.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Россия). E-mail: den-dobryakov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.F. Minyazeva, Dr. Sci. (Law), professor, Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: minyazeva2020@mail.ru

D.A. Dobryakov, Cand. Sci. (Law), associate professor, RUDN University (Moscow, Russian Federation). E-mail: den-dobryakov@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.01.2024;
одобрена после рецензирования 10.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 17.01.2024;
approved after reviewing 10.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

Научная статья
УДК 349
doi: 10.17223/15617793/499/24

Царские грамоты об освоении Сибири как правовые акты колониальной политики Российского государства в XVI–XVII вв.

Евгений Борисович Хохлов¹, Николай Вольтович Демидов²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e.hohlov@spbu.ru

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, fra_nickolas@list.ru

Аннотация. Исследован массив правовых актов правителей Российского государства, регламентировавших освоение Сибири в XVI–XVII вв. Проведено сравнение колониационной политики государств Европы Нового времени с русским заселением Сибири. Выделены сходные и специфические черты. Определена общность целей и средств колонизации Сибири в рамках общеевропейской модели. В качестве наиболее значимых особенностей выделен государственно ориентированный, строго подконтрольный центральной власти процесс политического, географического, хозяйственного освоения сибирских земель.

Ключевые слова: царские грамоты, колонизация, освоение Сибири, Новое время

Для цитирования: Хохлов Е.Б., Демидов Н.В. Царские грамоты об освоении Сибири как правовые акты колониальной политики Российского государства в XVI–XVII вв. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 219–227. doi: 10.17223/15617793/499/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/499/24

Royal carters about the development of Siberia as legal acts of the colonial policy of the Russian state in the 16th–17th centuries

Evgeniy B. Khokhlov¹, Nikolay V. Demidov²

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e.hohlov@spbu.ru

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, fra_nickolas@list.ru

Abstract. The authors examined an array of legal acts of the rulers of the Russian state that regulated the development of Siberia in the 16th–17th centuries. The subject of the study was letters, decrees, and memories. Using specific historical and legal material, the authors aimed to compare the colonization policy of the states of Europe in the modern era with the organization of the Russian settlement of Siberia. As a result of the study, similar features were identified in the significant coincidence of the goals of colonization – developing natural resources, expanding the tax base of the metropolis, obtaining new markets, ensuring security at the borders of the state, getting rid of marginal social elements, spreading state ideology. The unique qualities of the Russian colonization of Siberia include, first of all, the state-oriented process of political and economic development of Siberian lands, the prevalence of service people instead of the civilian population among the pioneers, and the early formation of complex economic and administrative infrastructure in the annexed lands. The study of royal acts of the 16th and 17th centuries shows that the central government in Moscow was interested in not only receiving taxes from the population of Siberia. Specific legal acts show that the measures of the supreme power also included an active resettlement policy, the development of the territory for arable land, the search for minerals and the opening of industrial enterprises for their processing, the construction of cities, the equipment of communications (trade routes, customs, mail), the establishment of law and order. The Russian development of Siberia was characterized by the hegemony of the central government both in organizing colonization activities and in extracting benefits from them. The vertically oriented Russian state developed the Siberian lands precisely as a treasury resource, strictly controlled by the government politically and economically. The tsar personally took an active part in the governance of Siberia; all important matters were decided only with his knowledge. Over time, under his direct leadership, a public administration system for implementing integration policy measures was formed. The authors identified both direct state regulation and indirect regulation, carried out formally by private entities (commercial corporations, merchant families), as a means of colonial expansion in Siberia. It is concluded that the consistent systematic development of Siberian territories ensured the victory of the Russian state in the competition with other states. The above theses are supported by more than 70 specific legal acts of the rulers of the Russian state of the 16th–17th centuries, some of them are cited in the work.

Keywords: royal charters, colonization, development of Siberia, modern times

For citation: Khokhlov, E.B. & Demidov, N.V. (2024) Royal carters about the development of Siberia as legal acts of the colonial policy of the Russian state in the 16th–17th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 219–227. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/24

Освоение Сибири в системе колониальной политики государств Нового времени

Середина второго тысячелетия знаменовалась Великими географическими открытиями и возникновением колониальных империй. Завоевание колоний являлось важнейшим элементом политики европейских государств Раннего Нового времени [1. С. 385–410].

Наиболее очевидной целью колониальной политики европейских государств являлось освоение ресурсов. В качестве таковых выступало прежде всего природное сырье. Другим мотивом экспансии являлось расширение налогооблагаемой базы метрополии за счет жителей колоний. Важной целью колонизации выступало получение новых рынков сбыта. Характерной чертой раннекапиталистического развития Европы являлось то, что внешний рынок имел непропорционально большое значение в сравнении с внутренним ввиду низкого платежеспособного спроса внутри страны-метрополии [2. С. 235]. Однако ввоз в колонию товаров и их реализация здесь по более низким ценам в сравнении с ценами на местные товары позволял обеспечить угнетение, а то и полное уничтожение местной промышленности и, как следствие, экономическую и политическую зависимость колонии от центра. Характерны в связи с этим переговоры русского правительства с голландцами в 1670-е гг., когда констатировалось, что они (голландцы) «в восточной Индее промыслом своим завладели золотом и серебряною рудами и иными всякими промыслами, от чего и донныне великое богатство себе приобретают, а тамошних жителей привели до скудости» [3. Ч. IV. № 105. С. 341].

Немаловажную роль играли также цели колонизации, которые не имели непосредственно политической или экономической направленности. С течением времени колонии становились средством избавления метрополии от маргинальных социальных элементов. Наконец, значимым являлось распространение государственной идеологии, в то время имевшей преимущественно религиозную форму.

Средства достижения указанных целей, используемые государствами Европы Нового времени при проведении колониальной политики, можно разделить на две группы. С некоторой долей условности они классифицируются как прямые и косвенные (опосредованные). Первые заключаются в распространении на колонию юрисдикции метрополии: введение собственной государственной администрации (системы управления) и законов, суда и судопроизводства, налоговой системы и пр. Вместе с тем они обычно сочетались с косвенными либо эти последние даже предшествовали им. Косвенные средства представляли разные формы «государственно-частного партнерства», когда частные лица, реализуя собственные интересы, одновременно обеспечивали и достижение интересов публичной власти.

Изложенное выше актуально как модель для сравнения и для раннего освоения Сибири Российским государством в XVI–XVII вв.

Процесс освоения русскими Сибири, продолжавшийся несколько столетий и не заверченный до сих пор, весьма подробно описан в исторических источниках, а его движущие причины, характер истолкованы в обширной научной и публицистической литературе. Однако остается по-прежнему актуальным вопрос о том, как в парадигме общеевропейской колониальной политики указанные выше процессы регламентировались центральной властью Русского государства при освоении Сибири. Немаловажен и вопрос – существовали ли какие-то отличия в сибирской колониальной политике российского правительства, если таковая и в самом деле существовала.

Регламентация процесса освоения Сибири

Местности в Северном Зауралье были знакомы новгородцам с давнего времени, поскольку они были вблизи или соприкасались с восточными волостями Великого Новгорода. Как отмечал В.И. Ключевский, основываясь на летописных источниках, уже в XI в. новгородцы ходили собирать дань за Двину на Печору, а в XII в. на Терский берег [4. С. 57–58].

Северо-восточные регионы европейского континента являлись давним предметом хозяйственных интересов не только новгородцев, но и московских правителей [5. С. 665]. Можно полагать, что проникновение сюда московских людей имело место как минимум с начала XV в., однако первый организованный публичной властью поход в Югорскую землю отмечен 1499 г. [6. С. 203–204]. Царь Василий III в 1514 г. впервые внес в свой титул земли Обдорскую и Кондинскую, из чего можно заключить, что они уже тогда в известной мере были подчинены Российскому государству.

Характеризуя процесс, который В.О. Ключевский определял как «военно-промышленную колонизацию», можно отметить, что это были относительно редкие и беспорядочные набеги вооруженных людей с целью получения налога, которые при таких условиях носили характер грабежа. К середине XVI в. сформировались новые реалии. После завоевания Казани князья ногайские сами предложили московскому царю овладеть Астраханью, а затем мелкие владетели прикавказские стали обращаться в Москву с просьбой о помощи друг против друга и просились в подданство. «Точно так же поступил и владетель Сибири, татарского юрта, лежавшего в середине нынешней Тобольской губернии» [5. С. 663].

В освоении Зауралья важную роль сыграла фамилия Строгановых. К середине XVI в. хозяйственные интересы Строгановых были обращены на северо-восток; представители этого рода владели землями на Каме, в Перми Великой. Из жалованной грамоты Ивана IV от 2 января 1564 г. [7. Т. 1. № 117] узнаем, что 4 апреля 1558 г. Григорий Строганов обратился к царю с челобитной, по которой получал право ставить варницы и варить соль, а также ловить безоброчно. С людей, поселившихся в тех местах, нельзя было взыскивать дань, как и ямские деньги, требовать пошшной службы и податей, а также оброков с соли и

рыбных ловель. Жалованной грамотой от 25 марта 1568 г. Яков Строганов получал дополнительно двадцать верст пустой земли по реке Чусовой, с обязательством построить на них городок и слободы и с правом разработки соляных варниц [7. Т. 1. № 119].

Свершенное русскими людьми на протяжении XVII столетия способно поразить воображение: в течение нескольких десятилетий была разведана огромная территория, границы Российского государства отодвинулись далеко на восток – чуть ли не до берегов Тихого океана. Этот процесс во многом регламентировался актами, издававшимися лично царем. Приведем перечень примеров, обращая внимание на правовой статус первопроходцев.

В конце тридцатых годов XVII в. енисейский служилый человек Прокопий Козлов был послан для ясачного сбора и открытия новых земель [7. Т. 2. № 86]. Козлов дошел до устья р. Лены, осуществил плавание по Ледовитому океану, добрался до Ижиганского зимовья в 700 км от Якутска.

В это же время казачий десятник Елисей Буза был отправлен на р. Индигирку и побывал в дельте реки Лены [7. Т. 2. № 98]. Енисейские служилые люди Постник Иванов и Прокопий Лазарев также направлялись на р. Индигирку и р. Янгу для сбора ясака и открытия новых земель [7. Т. 2. № 88].

Интенсивно разведывались земли вокруг оз. Байкал. В начале сороковых годов XVII в. служилый человек Василий Власьев с товарищами совершил поход вверх по Лене в Братскую землю [7. Т. 2. № 91]. Сын боярский Воин Шахов был на Вилное, где собирал сведения о кочующих там якутах [7. Т. 2. № 93].

Из документов сороковых годов XVII в. узнаем об экспедициях письменных голов Еналея Бахтеярова и Василия Пояркова, которые исследовали Илим, Амур, открыли Даурию, совершили плавание в Охотском море [7. Т. 2. № 87; Т. 3. № 12, 26].

Целый ряд служебных документов разного рода (отписки, наказная память, расспросные речи) сообщает нам об амурских походах приказных людей Ерофея Хабарова, Онуфрия Степанова и других служилых людей, в частности Федора Максимова, в 1650-х гг. [7. Т. 3. № 72, 94–95, 99–102, 122; Т. 4. № 8, 12, 31, 40].

Со второй половины XVII в. начались контакты с Китаем. Так, летом 1675 г. енисейский воевода Михайло Приклонский сообщал царю, что из Даурского острога «пошли в поход на китайских людей албазинские служилые люди, всего триста человек, войною» [7. Т. 4. № 64].

В конце сороковых и пятидесятые годы XVII в. проводилась разведка местностей на крайней северо-восточной оконечности евразийского материка. Служилый человек Михаил Стадухин в расспросных речах (22 апреля 1647 г.) сообщил о реках Колыме и Чюхче, о живущих по ним «инородцах» и о неизвестном остроге на Ледовитом океане близ устья реки Колымы [7. Т. 3. № 24; Т. 4. № 47].

Как видим, служилые люди выполняли важнейшие функции: они открывали новые земли, описывали их, приводили к шерти (присяге) местные народы, облагали их налогом. Актами царской власти направлялись

крупные экспедиции по основным линиям колонизации. Более мелкие походы регламентировались местной властью по поручению Москвы.

Организация правопорядка в Сибири

Проблема регламентации освоения Сибири включает в себя иную, более частную проблему – обеспечение правопорядка. Автор статьи в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, Г.А. Лучинский, обращал внимание на тот факт, что история воеводского управления в Сибири была летописью грабежей и насилий над русским и туземным населением [7. Т. 3. № 68; 8. Т. 2. № 83]. Признавая справедливость оценки Г.А. Лучинского и других специалистов, как представляется, нельзя ее абсолютизировать. Во-первых, тогдашние государственные чиновники разного уровня часто странным образом сочетали в себе два качества, ныне, кажется, несочетаемые: не забывая о своих корыстных интересах, они приносили пользу общественным интересам, часто весьма существенную. Во-вторых, неверно мнение, будто московское правительство, рассматривая Сибирь как колонию, заботилось исключительно об увеличении поступающего налога (ясака).

Картина, в которой агрессивные царские воеводы и служилые люди противостояли мирным аборигенам и часто русским промышленным и торговым людям и крестьянам, – такая картина является достаточно искаженной. В полном соответствии с тогдашними реалиями многие местные народы, имея свое представление о воинской доблести, были готовы предаться грабежу. Среди русских переселенцев тоже было достаточно «гулящих людей», промышлявших насилием и грабежом. Однако изучение актов московских государей и, по их поручению, местных властей позволяет фиксировать последовательную политику по установлению правопорядка.

В некоторых случаях государственная власть приходила на помощь «частным корпорациям» в отражении набегов местных племен на их территории. Например, в грамоте пермскому наместнику кн. Ивану Елецкому от 6 ноября 1581 г. царь предписывал оказать помощь Семену и Максиму Строгановым по случаю набегов вогуличей на их слободы и деревни.

В отписке ленских воевод Петра Головина с товарищами (ноябрь 1639 г.) помимо прочего сообщается об ограблении тунгусами на зимовьях русских промышленных людей; десятилетием позднее якутский воевода Дмитрий Францбеков [7. Т. 2. № 81; Т. 3. № 61] сообщает о походе за реку Ангара для приведения в покорность и наказания за набеги тамошних «инородцев».

Красноярский воевода Михаил Скрыбин в своей отписке томскому воеводе Никифору Нащокину (после 31 декабря 1652 г.) [7. Т. 3. № 108] сообщал о нашествии монгольского Алтына царя на Тубинскую волость.

Итак, употребляя выражение Ф. Броделя, констатируем: «порядка отчаянно не хватало» в Сибири, установление такого порядка было в интересах всех, и именно Московское государство могло бы в сложившихся условиях наилучшим образом решить эту задачу. Московская власть принимала широкий спектр

мер, направленных на установление правопорядка. О содержании этих мер можно судить по одной грамоте государя Михаила Федоровича. Царская грамота от 29 августа 1622 г. верхотурским воеводам Пушкину и Зубову «о прекращении различных злоупотреблений и смотрении за порядком» предписывала: «...и вы б вперед ... в духовные ни в какие дела не вступались, и служилых и всяких чинов людей ото всякого дурна унимали... А которых служилых людей учнете посылати к татарам, и к вогуличам, и к остяком, сбирати на нас ясаку, и вы б тем служилым людям заказали (т.е. запретили. – *Авт.*) накрепко, чтоб они с ясачных людей сбирали на нас ясак в правду, и ясачным людям насиловства никоторого не чинили, и лишнего ясаку на себя не сбирали» [9. Т. 3. № 113].

Регламентация миграционного процесса

Регулируемый публичной властью миграционный процесс носил долговременный и системный характер, определяясь двумя главными целями: во-первых, формированием структуры государственного управления, обеспечивающей выполнение главных государственных функций (установление правопорядка, сбор налогов, защиту от внешней агрессии); во-вторых, продовольственным снабжением сибирского населения, прежде всего хлебом. Поэтому миграционная политика государства в Сибири касалась, главным образом, служилых людей и пашенных крестьян.

Уже с конца XVI в. перемещение служилых людей за Уральский хребет осуществлялось на планомерной и системной основе. В качестве примера процитируем наказ кн. Петру Горчакову (1594), посланному «в сибирские города с разными запасами и для устройства тамошних дел» [8. Т. 2. № 56]: выделяются военные и продовольственные запасы, строятся суда разного рода, которые следует «делать и конопатить на спех, неотступно, день и ночь... под государев запас и под воевод и ратных людей и под жилецких и под их запасы». Насколько можно судить, вместе с ратными и жилецкими людьми шли также люди пашенные, «с их животом и животиною». Придя в Тоборы, нужно было «присмотреть под город место», «заняти город, и на чертеж начертити». Как видим, имела место тщательно спланированная переселенческая экспедиция.

Если воеводы разного уровня назначались на должности в Сибирь на определенный срок, а затем отзывались назад в Москву, то служилые люди нижних чинов чаще всего оставались на месте службы, обживались здесь. Семейные просили правительство разрешить переезд к новому месту жительства жен и других членов семьи [8. Т. 8. № 11. LXIX]. Сложнее было не семейным: женщин в Сибири на первых порах не хватало, и это обстоятельство составляло предмет жалоб со стороны служилых людей. Иногда правительство шло навстречу; известно, например, что по царскому наказу в 1630 г. было набрано в Тотьме, Устюге и Сольвычегодске 150 девок и направлено в Сибирь; также в 1637 г. новая партия из 150 девок направлена в Сибирь «для женитьбы казаков» [10. С. 802].

Комплектование кадров служилых людей осуществлялось и непосредственно на месте. Во-первых, это производилось за счет поступления на службу представителей местного населения, как правило, новокрещеных [9. Т. 2. № 43]. Во-вторых, с течением времени появляется возможность верстания в службу родственников служилых людей. Например, царская грамота тюменскому воеводе от 17 ноября 1623 г. [8. Т. 2. № 140] предписывала приверстать в службу на выбылые казачьи и стрелецкие места и на место беглых черкас, ушедших к калмыкам, казачьих и стрелецких детей, внучат и племянников.

Еще одним источником пополнения кадров служилых людей являлись ссыльные, в том числе иноземцы. Например, царь в своей грамоте якутскому воеводе Димитрию Францбекову от 20 октября 1649 г. [7. Т. 3. № 63] предписывал верстать на «выбылые места» ссыльных, о которых будет особый указ, а не гулящих людей.

С течением времени, по мере освоения Западной Сибири, обжитые города и остроги сами начинали поставлять людей на службы в другие города и в восточносибирские места. Так, например, грамотой от 3 марта 1604 г. верхотурскому воеводе [9. Т. 2. № 46] царь Борис Федорович предписывал прибрать для службы на выбылые места на Верхотурье добровольцев в сургутские стрельцы и казаки; другой грамотой от 30 марта 1604 г. давалось указание тюменскому стрелецкому голове Алексею Безобразову о посылке из Тюмени стрельцов, казаков, пищалей и проч. для новостроящегося города на р. Томе [8. Т. 2. № 50].

Важнейшей задачей, которую приняло на себя правительство, являлось снабжение сибирских жителей, как русских, так и коренных, продовольствием, прежде всего хлебом. Решалась эта задача двояким образом. Во-первых, это ввоз хлеба в сибирские города и регулирование торговли хлебом. В частности, давались указания о постройке житниц для государевых хлебных запасов, о покупке хлеба для выдачи жалованья сибирским служилым людям (в частности, в Чердыни и Соли Камской), ружникам и оброчникам, об отсылке сибирских хлебных запасов, о постройке дошаников для перевоза хлебных запасов [11. Т. 2. № 101, 141, 146; Т. 3. № 107, 115, 117, 145, 197, 207, 215, 219; Т. 4. № 4; Т. 5. № 232]. Во-вторых, это перемещение в Сибирь производителей хлеба – пашенных крестьян. Похоже, что правительство с самого начала понимало бесперспективность первого пути, поскольку меры по переселению в Сибирь крестьян начали предприниматься с ранних времен. Одновременно воеводам давалось указание по приисканию на подведомственным им территориям мест, удобных для запашки, и это делалось постоянно по мере продвижения русской колонизации на восток [7. Т. 8. № 109; Т. 11. № 21].

Из царской грамоты от 3 мая 1590 г. в Соль Вычегодскую [11. Т. 1. № 349] узнаем, что в этом году царь Федор Иоаннович прислал сюда грамоту, согласно которой следовало «у Соли на посадe и по всем Усольском уезде vybrати в Сибирь, на житье, тридцать человек пашенных людей, с женами и с детьми и со

всеми их животы... а на подмогу им велено дати по двадцати по пяти рублей человеку».

Насколько можно судить, этот механизм отправки крестьян на пашню сохранился и на будущее. Из царской грамоты от 6 августа 1609 г. в Пермь Великую [9. Т. 2. № 251; 11. Т. 2. № 133] узнаем об указании выбрать и отправить в Пелымский уезд на пашню охочих людей числом от 50 до 100 человек, не тяглых, желательного родственников и соседей [8. Т. 2. № 125].

Любопытна царская грамота от 17 августа 1623 г. верхотурским воеводам кн. Борятинскому и Языкову [9. Т. 3. № 121]. Интерес представляет даже не то, что из нее мы узнаем о прибытии в Верхотурье в 1622 г. пашенных крестьян из Казани. По своему смыслу грамота представляет собой выговор воеводам за нерадение, они укоряются в том, что обращаются в Москву за разъяснениями относительно того, можно ли посадить на пашню тяглых крестьян и какие льготы им положены.

Значительное развитие аграрного производства в Сибири подтверждается грамотой государя Бориса Федоровича от 24 февраля 1605 г. верхотурскому воеводе [9. Т. 2. № 52], в которой царь предписывает прибрать на Верхотурье «в новой Томский городок» в служивые люди и на пашню пятьдесят человек.

Особо следует сказать о такой категории лиц, отправляемых в Сибирь в организованном порядке, как ссыльные. Нам трудно сказать, когда было положено начало практики ссылки в Сибирь, но можно совершенно определенно утверждать, что к тридцатым годам эта практика может считаться вполне устоявшейся. Например, царские грамоты от 24 января 1633 г. верхотурскому воеводе Федору Бояшеву [8. Т. 2. № 153] предписывали последнему дать подводы и провожатых от Верхотурья до Туринского острога под колодников, русских и литовских людей, взятых в боях и сосланных в сибирские остроги. Из грамоты узнаем о направлении в Сибирь двух партий колодников в 73 и 83 человека, сосланных в Томский, Енисейский и Красноярский остроги.

Царская грамота от 25 июля 1635 г. [8. Т. 2. № 182], адресованная некоему Тимофею Шушерину, предписывала доставить в Тобольск 140 иноземцев из Нижнего Новгорода. Насколько можно судить, речь шла о иноземцах на русской службе, поскольку они были вооружены, но сильно дебоширили в Нижнем Новгороде, так что стали представлять опасность.

В грамоте от 18 марта 1667 г. туринскому воеводе [12. Т. I. № 403] царь Алексей Михайлович извещал воеводу о мире с Польшей, заключенном в деревне Андрусово, и о содержании достигнутых договоренностей относительно обмена пленными. Ввиду этого царь поручал воеводе отправить в Москву всех «от зачатия войны пойманных, так духовные, яко и мирские, шляхта и войсковые люди старшие и молодшие, и челядь лезная (вспомогательный персонал, обозники. — *Авт.*), всякого чина и пола и богомолия люди, также козаки украинские, татаровя, под королевским величеством живущие, земяне и иные все служилые, хотя и в молодых летах будучие, так в Короне Польской, как и в Великом княжестве Литовском в маетностях (в поместьях. — *Авт.*), или в домех, или в бою, в замках и в

местах и где ни есть пойманные», вне зависимости от их текущего положения. Как видим, контингент иностранцев, ссылаемых в Сибирь, был довольно широк.

Строительство городов, острогов и слобод

При всей важности политического решения задачи присоединения земель Сибири, одного этого было с очевидностью недостаточно, и власть московского государя оставалась непрочной. Требовалось наличие еще одного фактора — хозяйственного освоения приобретенных территорий.

Процесс колонизации сибирского края проявлял себя прежде всего в возникновении сети городов. Их значение было изначально административное (они становились центрами государственного управления округи) и одновременно оборонительное. Как правило, вначале строился острог, как чисто оборонительное сооружение, крепость, часто на месте уже существовавшего зимовья, который с течением времени вырастал (или не вырастал) в город. Практически все старые города Сибири — это бывшие остроги. Строительство осуществляли служилые люди, однако иногда города, с разрешения русского правительства, закладывались местными князьями, как, например, г. Томск [8. Т. 2. № 73].

Как замечал Петрей, «княжество Сибирь (Siberien) прежде находилось под властью казанских царей и не имело ни крепостей, ни городов. Когда же великий князь завоевал его и привел в свое подданство, он велел построить там семь городов и местечек и населил их русскими» [13. Кн. 4. IV. С. 44]. П.А. Слобцов, однако, приоритет в строительстве сибирских городов отдавал Борису Федоровичу Годунову, в котором, по его словам, нужно «читать искусного хозяина, разумно и деятельного принявшегося за дело нашей родины... Устроитель Сибири... дабы безвозвратно связать Сибирь с Россиею, развил в течение 20 лет, от подошвы Урала к Енисею, непрерывную прогрессию сил, ряд замков и городов, взаимно себе помогавших, как ряд редутов, надвое разрезавших племена подозрительной верности» [14. С. 64]. Именно по царским грамотам разных лет были заложены: Пелым (1592), Сургут (1593), Нарым (1595), Верхотурье (1598), Туринск (1601), Тюмень (1586), Тобольск (1587), остроги по Иртышу Каурдацкий, Тебендинский, Ишимский, Тара (1594), Томск (1604), Енисейск (1619), Ачинск (1642), Красноярск (1628).

В Росписи печатям сибирских городов с описанием их гербов [9. Т. 4. № 104], относящейся, видимо, ко второй половине пятидесятих годов XVII в., описываются гербы около двадцати городов.

Одновременно происходило основание слобод, в которых поселялись крестьяне. Основание слобод, прежде всего в части землеотвода, находилось под строгим контролем верховной публичной власти. Насколько можно судить, одной из главных причин тому являлось стремление избежать ущемления имущественных прав других лиц. Например, в 1680 г. царю Федору бил челом оброчный крестьянин Якушка Соколов с просьбой построить слободу. Царь указал: «Якушку Соколову на тех порозжих

землях по Бисерте реке, по обе стороны, вновь слобода заводить и во крестьяне селить в Верхотурском чертежу... призывать и селить на денежный оброк от отцов детей и от братьев братью, волных не тяглых и не беглых людей, и дворами им строитца, и пашни пахать; а льготы им тем прибору своего крестьяном давать, смотря по людем, года по два и по три...». Правда, как потом выяснилось, отведенные земли отнюдь не были «порозжими», ими пользовались ясачные татары, и по их челобитной Соколову сотоварищи в предоставлении земли было отказано [7. Т. 8. № 71. I, II].

Церкви и монастыри

Важнейшим фактором, обеспечивающим освоение новых пространств, являлась, несомненно, идеология. В те времена идеология выражалась главным образом в религиозной форме. Поэтому правомерно говорить еще об одном миграционном потоке, направлявшимся в сибирские просторы, потоке, имевшем как духовное, так и материальное выражение – об укоренении здесь православия.

На протяжении второй половины XVI и в особенности XVII столетий можно наблюдать строительство в Сибири храмов и монастырей, сопровождаемое отводом им пашенных земель и угодий, рудных месторождений для разработки; осуществлялась также и посылка сюда церковной утвари и священных книг [7. Т. 9. № 122; 8. Т. 2. № 47, 48, 56, 58, 124, 129, 164; 9. Т. 2. № 48, 81; Т. 3. № 103].

Достаточно распространенным явлением было и направление в Сибирь духовных отцов. Так, например, царская грамота от 16 ноября 1632 г. верхотурскому воеводе Федору Бояшеву информировала последнего о двух старцах, посланных из Соловецкого монастыря в сибирские монастыри. В других царских грамотах, адресованных вологодскому архиепископу Варлааму (1635 г.), предписывалось послать из Вологодской епархии в сибирские города архимандрита, иеромонахов и священников на службу [8. Т. 2. № 153, 164].

Важнейшим элементом жизни церкви являлась миссионерская деятельность. И в этой области, памятуя о колониальной практике европейских стран, мы должны были бы обнаружить практику «огня и меча» в обращении инородцев в православную веру. Однако ничего подобного не наблюдалось. Возможно, это будет слишком смелое предположение, но возникает впечатление, что стратегия имперской веротерпимости, которую демонстрировали в свое время монгольские ханы, была воспринята Русским государством и Русской православной церковью.

Довольно часты были случаи, когда иноверцы сами крестились в православие. Например, в 1627 г. с челобитной к государю о крещении в православие обратились служилые люди-иноземцы, причем основанием для обращения к царю явился конфликт с местным священником, отказавшимся их крестить [7. Т. 8. № 11. XXI].

Регулирование развития внутренней торговли

Важную роль играла центральная государственная власть в стимулировании и регулировании торговли в Сибири. Определенные области Европейской России вели в

Зауралье торговую деятельность с древнейших времен. Окрепшая публичная власть прежде всего взяла такую торговлю под свой контроль, регламентируя и, по необходимости, разрешая, ограничивая либо вовсе запрещая ее.

Так, например, в январе 1600 г. была дана царская жалованная грамота пенежским и мезенским промышленным людям [9. Т. 2. № 30], позволяющая им промышлять и торговать с самоедами мягкой рухлядью (т.е. мехами) и незаповедными товарами, с внесением в казну десятой пошлины. Двадцать лет спустя царь снова напоминал о недопустимости провоза в Сибирь торговыми людьми заповедных товаров и продажи их туземцам [9. Т. 3. № 88]. Заповедными, т.е. исключенными из оборота, товарами традиционно являлись огнестрельное оружие и припасы к нему, табак.

Царская грамота от 25 июля 1626 г. верхотурскому воеводе кн. Пожарскому указывала ему дать предписание торговцам ездить в Лозвинскую, Сосвинскую и Вагровские волости для продажи хлеба и сукна вогуличам [9. Т. 3. № 143].

Значительное внимание публичная власть уделяла регулированию торгового оборота хлеба. С одной стороны, предусматривалась возможность беспрепятственного его ввоза из Европейской России, с другой стороны, запрещался вывоз хлеба из Сибири в Россию [9. Т. 3. № 107; 11. Т. 2. № 141].

Публичная власть заботилась также о защите торговых интересов местного населения. Например, грамотой Лжедмитрия от 5 января 1606 г. верхотурскому воеводе давалось право осяткам торговать в Верхотурье и предписывалось охранять их от притеснений стрельцов. Годом спустя царь Василий Шуйский в грамоте от 27 февраля 1607 г. предоставлял право торговли вишерским вогуличам в Перми [9. Т. 2. № 62, 76]. Судя по содержанию царской грамоты от 21 октября 1607 г. [7. Т. 8. № 11. XVI], адресованной березовскому воеводе кн. Петру Черкасскому, в Березовском уезде пустозерские торговые люди не только чинили насилие к русским казакам, но и занимались тем, что ныне принято определять как рэкёт, в отношении местных самоедов. Воеводе предписывалось предпринять ряд мер против этого.

Оборудование коммуникаций

Большое значение публичная власть придавала формированию коммуникаций, прежде всего торговых путей, как водных, так и сухопутных.

Так, например, грамотой от 15 ноября 1602 г. верхотурским властям предписывалось принять судовые снасти, железо и якоря, отправленные для Мангазейского хода; грамотой от 23 июня 1607 г. их же извещают об отправлении в Верхотурье, наряду с церковной утварью и земледельческими орудиями, судовых снастей. Неоднократно царь давал предписание в разные города Европейской России о посылке в Сибирь плотников для судового дела, в том числе строительства судов, предназначенных для перевозки хлеба [8. Т. 2. № 77].

Не упускалось из внимания также оборудование сухопутных путей. Например, грамотой от 18 октября 1607 г. в Пермь Великую царь Василий Шуйский давал указание о постройке мостов по Сибирской дороге посадскими и волостными людьми.

Как выясняется, мосты эти строились и поддерживались в исправном состоянии и раньше, не требуя царского указа, однако после того, как здесь по царскому же указу была сформирована ямская гоньба, посадские и волостные люди «в том во всем указывают на ямщиков». Царь разъяснил: мосты строить в прежнем порядке, ямщиков к этому делу не привлекать [9. Т. 2. № 80].

В двадцатых годах XVII в. предпринимались меры, направленные на составление планов сибирских дорог с указанием расстояний между населенными пунктами [7. Т. 8. № 11. XVI].

Значение дорог как торговых коммуникаций применительно к тому времени определялось наличием на них таможен. Поэтому правительство предпринимало меры двоякого рода: с одной стороны, оно учреждало таможни, обязывая лиц, обязанных таможенными платежами, проезжать только через эти точки, с другой стороны, пыталось исключить возможность нелегального проезда мимо этих точек и по другим дорогам. Пример первого рода – грамота тобольским воеводам от 17 марта 1627 г. о запрещении торговым людям проезжать из Сибири с товарами мимо Ижемской и Усть-целемской слободок с целью не платить пошлин [7. Т. 8. № 11. XXVI].

Наконец, оборудование дорог требовалось для обеспечения эффективной системы ямской гоньбы.

Правовое регулирование промышленности

Этот вопрос заслуживает отдельного освещения, поэтому здесь рассмотрим лишь некоторые частные аспекты.

Первым предметом, составляющим предмет изысканий и являющимся непосредственным условием существования населения, была соль. Поэтому внимание центральных властей обращалось прежде всего на решение этой проблемы [8. Т. 2. № 69; 9. Т. 2. № 39]. Летом 1626 г. был произведен осмотр тобольским казаком Головою Грозою Ивановым и Дмитрием Черкасовым местности для строения острога, а также на предмет добычи соли. Кроме того, у торговых людей, которые ходили по соль своими судами, «взято десятки пошлины 1 035 пуда; итого 27 503 пуда» [8. Т. 8. № 11. III, X, XVIII].

Помимо соли в Сибири разворачивалась разведка и добыча других полезных ископаемых: слюды, золотой, серебряной, медной и железной руд, драгоценных камней [7. Т. 4. № 83; Т. 8. № 85; Т. 10. № 77; 8. Т. 8. № 11. XX, XXXII; 9. Т. 3. № 7]. Этим делом занимались не только служилые люди, но и монастыри, а также частные лица [7. Т. 4. № 57, Т. 7. № 69], причем к концу XVII столетия поиски полезных ископаемых продвинулись далеко на восток.

Заключение

Анализ правовых актов верховной власти Российского государства XVI–XVII вв. позволяет сделать ряд выводов.

На всем протяжении XVI и XVII столетий наблюдалась системная, многоаспектная политика центральной власти в освоении Сибири. Правовыми актами русских монархов регламентировались разведывательные и завоевательные экспедиции, закладка городов и таможен, учреждение органов исполнительной власти, обеспечение правопорядка, прокладка дорог, организация торговых путей, сбор налогов, разрешение конфликтов местных народностей, религиозно-идеологическое инкорпорирование Сибири, развертывание промышленности.

Колонизационная политика России в Сибири была чрезвычайно последовательна. На протяжении всех царствований, начиная от Ивана IV и заканчивая Петром Алексеевичем, она оставалась неизменной в своих основных моментах. Перечисленные выше феномены хозяйственной и политической жизни регулировались царскими грамотами в рамках единых задач – укрепления вертикали власти, интеграции сибирских земель в состав Российского государства, освоения ресурсов, ликвидации кочевой угрозы, организации конструктивной общественной жизни. Правовые акты русских царей играли в изучаемом процессе ключевую роль.

Проводимые меры охватывали всю территорию Сибири – от Ледовитого океана до Монголии и Китая, от Уральских гор до Тихого океана. Воплощалась модель унитарного государства с административным представительством на местах.

Изучение системы царских грамот XVI–XVII вв. позволяет провести сравнение русского освоения Сибири с колониационными практиками европейских государств Нового Времени. Сравнение выявляет как общие, типичные черты, так и существенную отечественную специфику.

С внешней стороны процесс покорения Сибири мало чем отличался от завоевания и хозяйственного использования колоний странами Западной Европы. Так, ключевой причиной проникновения русских в Зауралье являлось, как и у западноевропейских стран, стремление к освоению ресурсов. Именно этому предмету регулирования посвящен главенствующий массив царских актов XVI–XVII вв. Прежде всего интерес представляли меха как особенно востребованный и дорогостоящий ресурс. Вырученные от экспорта пушнины средства обеспечивали как осуществление государственного управления, так и мероприятия внешней политики. При этом документы показывают, что с течением времени все большее внимание русского правительства привлекали сибирские месторождения полезных ископаемых, и оно снаряжало экспедиции для их изыскания, а также стимулировало строительство предприятий по их переработке.

В соответствии с мировыми подходами, власть предпринимала меры по расширению налогооблагаемой базы русского государства. Сибирские народы обязывались платежами налога в казну, преимущественно в натуральной форме (ясака).

Как и колонии для держав Европы, Сибирь выступала местом, куда направлялись «лишние люди» России – за-

рубежные военнопленные и ссыльные русские подданные. Достаточно часто регламентация пересылок регламентировалась лично монархами.

Как и в странах Западной Европы, в ходе колонизации Сибири государство, не будучи в состоянии собственными силами обеспечить освоение новоприобретенных территорий, возлагало эту функцию на частных лиц. Оставаясь формально носителями частного интереса, на деле они приобретали положение субъектов публичной власти. На Западе примерами служили Ост-Индские компании, в России – фамилия Строгановых. Эти агенты практически приобретали качества резидентов центральной власти – они содержали свои вооруженные формирования, обеспечивали сбор налогов, вели управление территориями и осуществляли судебные функции.

Помимо типичных черт европейской колонизационной модели, сибирский вопрос в России XVI и XVII вв. имел существенную специфику. Так, уже в сфере активности частных корпораций на землях Сибири обнаруживаются местные особенности по сравнению с колониями Европы. В одном случае агентом являлась компания, в другой – семейное предприятие. На примере семейства Строгановых заметно, что последняя форма являлась традиционной для Руси, чем объясняются трудности позднейших кумпанств Петра I. Другим существенным моментом являлась гораздо большая зависимость предприятия Строгановых и других семейных предприятий от публичной власти. Строгановы не только получали от государства земельные активы, право на разработку полезных ископаемых, но и санкцию на осуществление тех или иных военных действий; нередко им прямо предписывалось под страхом «великой опалы» сотрудничать с органами государства на местах, оказывать им военную, материальную и организационную поддержку, выполнять их указания.

Таким образом, русское освоение Сибири характеризовалось прежде всего решающей ролью центральной власти как в организации колонизационных мероприятий, так и в извлечении бенефиций от них. Вертикально ориентированное Российское государство осваивало сибирские территории именно как ресурс казны, строго подконтрольный правительству политически и хозяйственно. Колонизация носила изначально централизованный, государственно-организованный характер и велась под контролем и в интересах укрепляющегося Российского государства.

Более чем значительный массив царских грамот показывает, что царь принимал личное и весьма активное участие в управлении Сибирью. Номенклатура документов включала в себя как нормативные правовые акты, так и индивидуальные. Наименования документов носили ситуативный характер и могли именоваться грамотами, указами, письмами, памятями или вовсе не иметь

названия. Все они, тем не менее, имеют общую особенность: важные дела решались не иначе, как по прямому предписанию престола или с его ведома. За два столетия под прямым царским руководством сформировалась система государственного управления сибирскими землями. По своей функциональной природе все процитированные и приводимые в настоящей работе акты представляют собой бюрократическую переписку между разными звеньями единой управленческой системы.

Специфичной чертой русского освоения Сибири по сравнению с западноевропейской моделью являлось практически полное отсутствие участия частных лиц в принятии управленческих решений. Так, все без исключения упомянутые в работе люди, как и многие неуказанные, являлись служилыми государственными людьми – казачьими атаманами, воеводами, приказными, письменными и др. Все они выполняли конкретные возложенные на них служебные задания, прямо и детально предписанные в актах верховной власти. Торговые или промышленные люди встречаются в системе правовых источников крайне редко. Документы фиксируют встречи с ними служилых людей в походах, при воеводском опросе, наконец, в составе экспедиций. Однако они никогда не фигурируют в качестве руководителей таких экспедиций или в качестве субъектов власти, отправляющих кого-либо в экспедиции. Напротив, модель частной власти была крайне распространена в колониях Европы Нового времени.

Изучение царских актов XVI и XVII вв. показывает, что центральное правительство не было заинтересовано лишь в поступлении налогов от населения Сибири, как это во многом сопровождало европейскую колонизацию аналогичной эпохи. Данный вывод подтверждается проведением широких мер по стимулированию хозяйственного развития сибирского края. Как было показано, эти меры включали в себя, помимо расширения базы для сбора ясака, активную переселенческую политику, освоение угодий под пашни, отыскание полезных ископаемых и открытие промышленных предприятий для их переработки, строительство городов, оборудование коммуникаций (торговых путей, таможен, почты), борьбу с преступностью.

Что касается средств российской колониальной экспансии, охарактеризованных во вступительной части работы, то по текстам правовых актов обнаруживается как прямое государственное регулирование, так и косвенное, осуществляемое формально частными субъектами. Во втором случае имело место делегированное администрирование: оно допускалось лишь при условии прямого правительственного дозволения из Москвы. Таким образом, русские цари посредством правовых актов последовательно отстаивали суверенитет центральной власти на вновь присоединенных территориях Сибири.

Список источников

1. История Европы. Т. 3. От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). М. : Наука, 1993. 656 с.
2. Булгаков С.Н. История экономических и социальных учений. М. : Астрель, 2007. 992 с.
3. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. Ч. 1. М. : Тип. И.С. Всеволожского, 1813. 533 с. ; Ч. 2, служащая дополнением к первой. М. : Тип. Селивановского, 1819. 399 с. ; Ч. 3. М. : Тип. Селивановского, 1822. 556 с. ; Ч. 4. М. : Тип. С. Селивановского, 1826. 678 с.

4. Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения в 8 т. Т. 2. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1957. 470 с.
5. Соловьев С.М. Сочинения в 18 т. Кн. II. М.: Мысль, 1988. 765 с.; Кн. III. М.: Мысль, 1989. 783 с.
6. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1–2. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. 607 с.
7. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846. 446 с.; Т. 2. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846. 308 с.; Т. 3. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. 572 с.; Т. 4. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851. 452 с.; Т. 5. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1853. 540 с.; Т. 6. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857. 518 с.; Т. 7. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859. 600 с.; Т. 8. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. 372 с.; Т. 9. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1875. 380 с.; Т. 10. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1867. 516 с.; Т. 11. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1869. 332 с.
8. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1875. 656 с.; Т. 8. СПб.: Тип. Ф.Г. Елконского и Ко, 1884. 700 с.
9. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб. Т. 1. 1334–1598. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841. 614 с.; Т. 2. 1598–1613. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. 482 с.; Т. 3. 1613–1645. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. 538 с.; Т. 4. 1645–1676. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842. 604 с.; Т. 5. 1676–1700. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842. 580 с.
10. Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XXIX. СПб.: Тип. Акц. Общ. «Издательское Дело», Брокгауз–Ефрон, 1900. 468 с.
11. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской Академии Наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Комиссиею. Т. 1. 1294–1398. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. 548 с.; Т. 2. 1398–1615. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. 413 с.; Т. 3. 1615–1645. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. 518 с.; Т. 4. 1645–1700. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. 654 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. С 1649 по декабря 1825 года. Т. I. С 1649 по 1675. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1029 с.
13. Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Повременное издание под ред. О.М. Бодянского. 1865. Октябрь–декабрь. Кн. 4. М.: Университетская типография, 1865. 802 с.
14. Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. 512 с.

References

1. Nauka. (1993) *Istoriya Evropy* [History of Europe]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
2. Bulgakov, S.N. (2007) *Istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh ucheniy* [History of economic and social doctrines]. Moscow: Astrel'.
3. State Collegium of Foreign Affairs. (1813–1826) *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v gosudarstvennoy Kollegii inostrannykh del* [Collection of state charters and agreements stored in the State Collegium of Foreign Affairs]. Parts 1–4. Moscow: Tip. I.S. Vsevolozhskogo; Tip. Selivanovskogo.
4. Klyuchevskiy, V.O. (1957) *Kurs russkoy istorii. Sochineniya v 8 t.* [Russian history course. Works in 8 volumes]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury.
5. Solov'ev, S.M. (1988; 1989) *Sochineniya v 18 t.* [Works in 18 volumes]. Books 2–3. Moscow: Mysl'.
6. Miller, G.F. (1937) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vols 1–2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
7. Archaeographic Commission. (1846–1869) *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Supplements to historical acts, collected and published by the Archaeographic Commission]. Vols 1–11. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii; Tip. Eduarda Pratsa.
8. Archaeographic Commission. (1875; 1884) *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoyu komissieyu* [Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. br. Panteleevykh; Vol. 8. St. Petersburg: Tip. F.G. Elkonского i Ko.
9. Archaeographic Commission. (1841–1842) *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Historical acts collected and published by the Archaeographic Commission]. Vols 1–5. St. Petersburg: Tip. Ekspeditsii zagotovleniya Gosudarstvennykh bumag; Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
10. Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (1900) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 29. St. Petersburg: Tip. Akts. Obshch. "Izdatel'skoe Delo", Brokgaуз–Efron.
11. Highest Commission of the Imperial Academy of Sciences. (1836) *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy Imperii Arkheograficheskoyu ekspeditsieyu Imperatorskoy Akademii Nauk. Dopolneny i izdany Vysochayshe uchrezhdennoy Komissieyu* [Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences. Supplemented and published by the Highest Commission]. Vols 1–4. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
12. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1: 1649 to December 1825. Vol. I. 1649 to 1675. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
13. Bodyanskiy, O.M. (ed.) (1865) *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom universite* [Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. October–December. Book 4. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
14. Slovtsov, P.A. (2006) *Istoriya Sibiri. Ot Ermaka do Ekateriny II* [History of Siberia. From Ermak to Catherine II]. Moscow: Vechе.

Информация об авторах:

Хохлов Е.Б. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой трудового и социального права Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: e.hohlov@spbu.ru

Демидов Н.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: fra_nickolas@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.B. Khokhlov, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Labour Law and Social Law, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: e.hohlov@spbu.ru

N.V. Demidov, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: fra_nickolas@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.01.2024;
одобрена после рецензирования 10.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 25.01.2024;
approved after reviewing 10.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2024. № 499. Февраль

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 29.02.2024 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 28,5. Усл. печ. л. 26,5. Тираж 50 экз.
Заказ № 5909. Цена свободная.

Дата выхода в свет 05.07.2024 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru